

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН»
Фонд поддержки гуманитарных наук «Моя история»

АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Сборник статей в честь
Станислава Григорьевича Рыжова

ARCHAEOLOGY OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL CITY

Essays presented in honor of Stanislav Ryzhov

Севастополь – Калининград

2018

Археология античного и средневекового города. Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова /
Archaeology of the ancient and medieval city. Essays presented in honor of Stanislav Ryzhov

УДК 902.6
ББК 63.48(2)
А 87

Рекомендовано к изданию Ученым советом Государственного историко-археологического
музея-заповедника «Херсонес Таврический» от 27.08.2018 г.

Редакционная коллегия: А. Г. Герцен, к.и.н.; Л. А. Голофаст, к.и.н.; Н. В. Жилина, д.и.н.; А. С. Капусткин, В. А. Кутайсов, д.и.н.;
В. В. Майко, д.и.н.; В. Е. Науменко, к.и.н.; А. И. Романчук, д.и.н., проф.; В. П. Степаненко, д.и.н., проф.; Е. Я. Туровский, к.и.н.;
Л. Г. Хрушкова, д.и.н., проф.; Т. Ю. Яшаева

Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова = Archaeology of the ancient and medieval city: essays presented in honor of Stanislav Ryzhov / Гос. историко-археолог. музей-заповедник «Херсонес Таврический», Ин-т археологии Крыма РАН, Фонд поддержки гуманитар. наук «Моя история»; отв. ред. В. В. Майко; ред. Т. Ю. Яшаева. – Севастополь; Калининград: РОСТ-ДОАФК, 2018. – 372 с.: портр., ил. – Библиогр.: с. 6-7. – Б. ц.

ISBN 978-5-6040479-9-6

Юбилейный сборник «Археология античного и средневекового города» издан к 80-летию со дня рождения и 50-летию работы в Херсонесском музее заведующего отделом городища и некрополя, заслуженного работника культуры Станислава Григорьевича Рыжова.

В сборник вошли статьи российских и зарубежных исследователей, посвященные различным аспектам изучения античных и средневековых памятников, что отражает широту научных интересов юбиляра. Статьи предваряют библиография научных публикаций С. Г. Рыжова и перечень его отчетов о раскопках, хранящихся в Научном архиве Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический».

Предназначается археологам, историкам, искусствоведам, всем интересующимся античной и средневековой историей.

УДК 902.6
ББК 63.48(2)

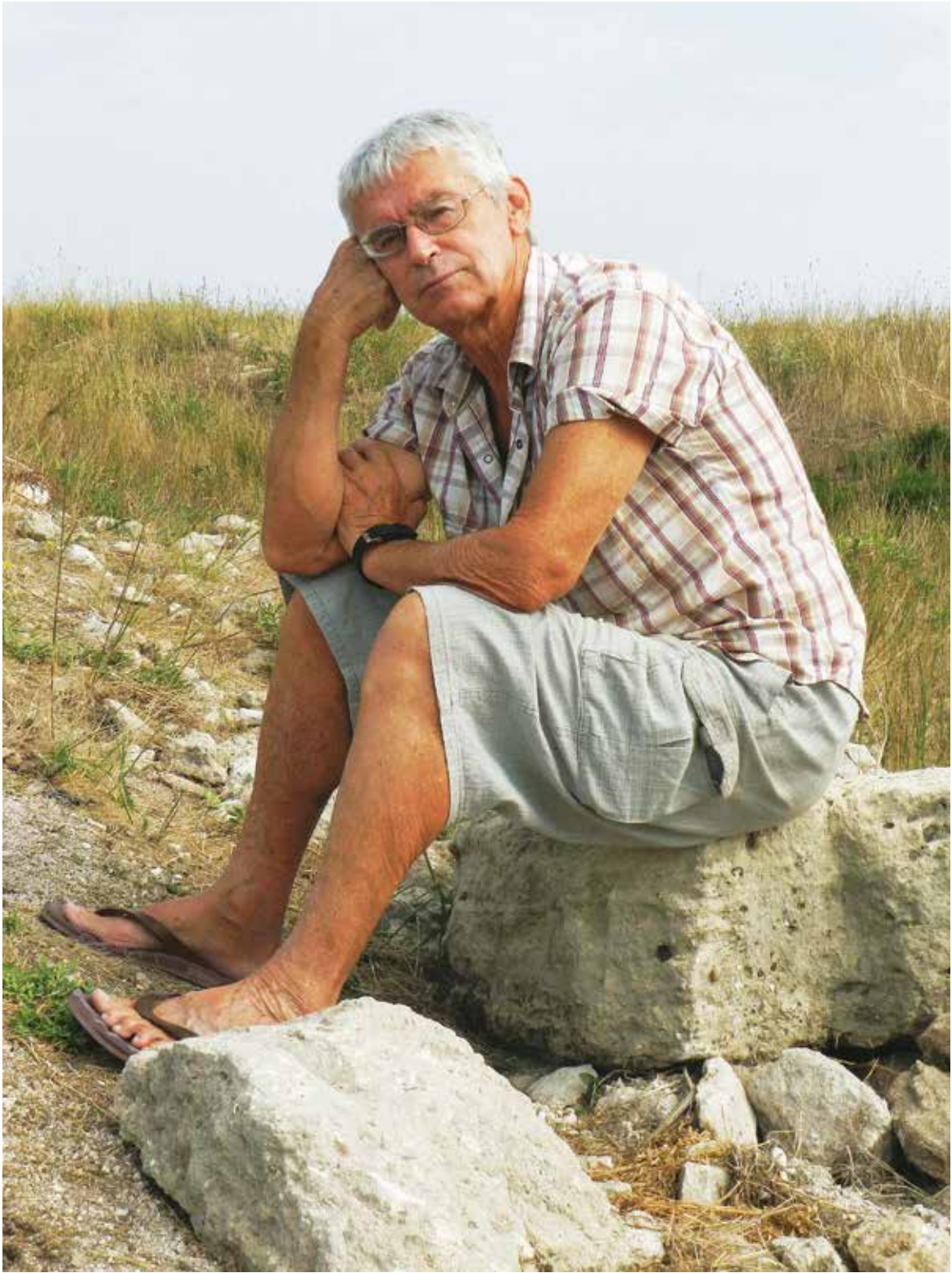
Макет и оформление обложки: П. В. Хлебовский
На обложке: Северный район Херсонеса

ISBN 978-5-6040479-9-6

9 785604 047996

© Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2018
© Тексты, иллюстрации – авторы, 2018
© Составление, оформление ООО «Издательский Дом «РОСТ-ДОАФК», 2018

R. Moore

Помните пронзительные и великие в своей простоте строки Булата Окуджавы «... я Москвы не представляю без такого, как он...». Вот и я Херсонеса не представляю без Станислава Григорьевича Рыжова. Он этот город раскапывает всю жизнь и, конечно, любит, потому что без любви здесь делать нечего. Самое главное для меня то, что его любовь к Херсонесу не эгоистична. Станислав Григорьевич дарит этот город людям и не боится совершать очень смелые поступки – отсюда и скамьи древнего театра, и взмывшие ввысь колонны и арки, и многое другое... – все то, что помогает нам увидеть и понять Херсонес-Херсон-Корсунь.

Станислав Григорьевич – вечный труженик и не случайно его многие и в шутку, и всерьез называют «Грифоном». Мифический грифон сторожит место, где сокрыты сокровища; наш Станислав Григорьевич – страж древнего Херсонеса, и дай Бог ему сил и времени для этого как можно дольше.

Всецело отдаваясь раскопкам и реставрации херсонесских древностей, он никогда не стремился украсить себя учеными степенями и званиями, но разве это имеет какое-то значение, если мы Херсонеса без него не представляем...

*Директор Государственного музея-заповедника
"Херсонес Таврический"*

С. Мельникова

«...РВЕНЬЮ ВЕСЬ МОЕМУ ПОНТИЙСКИЙ БЕРЕГ СВИДЕТЕЛЬ»

К юбилею Станислава Григорьевича Рыжова

В древнем Херсонесе почитание граждан, потрудившихся для города, принесших ему славу и благополучие, было красивым ритуалом. Их увенчивали золотыми венками, им воздвигали бронзовые статуи, которые высились на мраморных пьедесталах. Резчики высекали на камне строки, перечисляющие их заслуги, а поэты в театре декламировали посвященные им торжественные оды.

В Херсонесе наших дней есть человек, ради которого хорошо бы возродить эти почести, присоединив к ним искренние и добрые пожелания херсонеситов XXI века, – это Станислав Григорьевич Рыжов, археолог, музейный работник, неутомимый открыватель прошлого, для многих и многих – руководитель, учитель и друг. К 80-летию Станислава Григорьевича и к 50-летию его работы в Херсонесском музее издан этот сборник статей – дань уважения и признательности от коллег.

Солидная цифра возраста слабо отразилась на самом юбиляре – он все так же бодр, строен и трудолюбив, а вот полвека его служения музею отразились на состоянии исследованности Херсонесского городища и наполненности его фондов и экспозиций – значительно и зримо. Наверное, неправильно было бы измерять сделанное за эти годы Станиславом Григорьевичем и его экспедицией в гектарах открытых раскопками площадей, в тоннах вынутого из раскопов грунта, в десятках тысяч найденных при раскопках древних предметов, в томах написанных отчетов и статей, но если все же сделать так, то тогда ни одна из самых пафосных и хвalebных речей не будет казаться преувеличением.

Часто сравнивают С. Г. Рыжова с отцом-основателем Херсонесского музея Карлом Казимировичем Косцюшко-Валюжиничем (отсюда и шутка про орден «Святого Карла», которым Станислава Григорьевича, мол, давно пора бы наградить), и дело не только в том, что Косцюшко тоже производил круглогодичные раскопки в огромных масштабах и тоже стремился создать из мертвых руин живую экспозицию, но и в той душевной и физической «сродненности» с Херсонесом, в том, как открывался древний город навстречу страстной любви, истовой преданности и титанической работоспособности, как дарил скрываемые от всех иных сокровища, как щедро вознаграждал искренний интерес к его истории знаковыми эпиграфическими находками.

Скромная жизнь в маленьком домике на берегу моря – тоже из ряда схожести двух подвижников Херсонеса.

Жанр торжественного предисловия не позволит даже просто перечислить все открытые С. Г. Рыжовым памятники древности в Херсонесе и его окрестностях (и даже в акватории), все сделанное им для блага музея, городища и посетителей, все великолепные произведения древних мастеров, извлеченные его заботливыми руками из тысячелетнего земного плена, но обязательно нужно отметить его вклад в дело реставрации прекрасных византийских мозаик, которые украшали некогда базилики Херсонеса, а теперь являются украшением музея. В этой работе, как и в других подобных проектах, проявился особый талант Станислава Григорьевича в области популяризации науки, стремление сделать археологию понятной обществу. Хотя не всегда его концепции реставрации архитектурных остатков единогласно приветствовались коллегами, но городище с мозаиками *in situ*, восстановленными арками и дверными проемами, а также деликатные элементы благоустройства – надолго сделали херсонесскую экспозицию под открытым небом любимой и запоминающейся.

Экспедиция под руководством С. Г. Рыжова, без сомнения, яркая и незабываемая страница херсонесских раскопок 1970-х – 2000-х годов – многолетнее археологическое братство со своими непревзойденными достижениями, легендарной историей и крепкими традициями. Открытие этой экспедицией городских кварталов Северного района сделало достоянием науки огромный исторический срез жизни Херсонеса нескольких эпох, обогатило музейные экспозиции сотнями превосходных по сохранности предметов, а кроме того – превратило эту часть городища в привлекательный экскурсионный объект.

Сейчас экспедиция Станислава Григорьевича продолжает исследовать памятник, уже ставший археологической сенсацией и обещающий еще много открытий – античный храмовый комплекс на северном берегу городища: Херсонес продолжает поверять свои тайны тому, кто в него навсегда влюблен и всегда ему верен.

Друзья и коллеги

БИБЛИОГРАФИЯ НАУЧНЫХ РАБОТ С. Г. РЫЖОВА

- 1972**
1. Оборонительный ров и могильник рядом с первой куртиной стен // Археологические исследования в Украине в 1969 года. Киев, 1972. Вып. 4. С. 261–264 (в соавторстве с И. А. Антоновой).
- 1973**
2. Нова рибозасолювальна цистерна в Херсонесі // Археологія. 1973. № 12. С. 80 (в соавторстве с В. И. Кадевым).
- 1976**
3. Раскопки некрополя Херсонеса // АО 1975 года. М., 1976. С. 327 (в соавторстве с В. М. Зубарем).
- 1977**
4. О раскопках Хб квартала северного района Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1977. С. 236–237.
- 1979**
5. Геолого-геофизические исследования на Некрополе Херсонеса // Новое в применении физико-математических методов в археологии. Москва, 1979. С. 10–19 (в соавторстве с И. А. Антоновой, В. В. Глазуновым и др.).
6. Херсонес Таврический: путеводитель по музею и раскопкам. Симферополь: Таврия, 1979. 126 с. (в соавторстве с В. С. Щербаковой, Л. Г. Колесниковой, С. И. Кургановой).
- 1980**
7. Дом IV–III вв. до н.э. в северо-восточном районе Херсонеса // АО 1979 года. М., 1980. С. 333–334.
- 1982**
8. Раскопки западного некрополя Херсонеса // Археологія. 1982. Т. 39. С. 77–87 (в соавторстве с В. М. Зубарем).
- 1983**
9. Дослідження Северної базилики в Херсонесі // АО 1981 года. М., 1983. С. 314.
- 1984**
10. Исследование IX квартала в северном районе Херсонеса // АО 1982 года. М., 1984. С. 326–327.
11. Новый склеп западного некрополя Херсонеса // Археологія. 1984. № 48. С. 68–78 (в соавторстве с М. И. Золотаревым).
- 1985**
12. Дом IV–III вв. до н.э. в Херсонесе // СА. 1985. № 4. С. 155–163.
13. Раскопки девятого квартала Херсонеса // АО 1983 года. М., 1985. С. 349–350.
14. Херсонес Таврический: путеводитель. Симферополь, 1985. 110 с. (в соавторстве с А. А. Зедгенидзе, И. А. Антоновой, Л. Г. Колесниковой и др.).
- 1986**
15. Керамический комплекс III–IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 130–139.
16. Раскопки IX квартала Херсонеса // АО 1983 года. М., 1986. С. 340–350.
17. Раскопки в северном районе Херсонеса // АО 1984 года. М., 1986. С. 299–300.
- 1987**
18. Охоронні розкопки Херсонесського некрополя в 1981 г. // Археологія. 1987. № 59. С. 92–97.
19. Раскопки в Северном районе Херсонеса // АО 1985 года. М., 1987. С. 403–404.
- 1988**
20. Квартал XIII в. в Северном районе Херсонеса // АО 1986 года. М., 1988. С. 331–332.
21. Раскопки жилых кварталов в Северном районе Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса 1888–1988: тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 92–93.
- 1991**
22. Византийский Херсон. Каталог выставки. М.: Наука, 1991. 256 с. (в соавторстве с Л. А. Голофаст, А. И. Романчук и др.).
- 1992**
23. Бронзовая статуэтка Иисуса из Херсонеса // РА. 1992. № 3. С. 206–213.
- 1994**
24. X квартал в Северном районе Херсонеса // Крымский музей. 1994. № 1. С. 145.
25. Исследование жилых усадеб в Северном районе Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1994. С. 230–234.
- 1995**
26. Терракотовая мастерская в северном районе Херсонеса // Древности 1995. Харьков, 1995. С. 64–72.
27. Терракотовая мастерская в северном районе Херсонеса // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: тезисы докладов. Харьков, 1995. С. 76–77.
28. О двух находках произведений византийской пластики в Херсонесе // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Сборник научных трудов / Ред.-сост. Ю. М. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 161–167 (в соавторстве с В. Г. Пуцко).
- 1997**
29. Новые данные о «базилике в базилике» // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Сборник научных трудов. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 290–299.
- 1999**
30. Средневековая усадьба XIII в. в Северном районе Херсонеса (постоялый двор) // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 168–180.
31. Комплексы ранневизантийского времени из раскопок квартала Хб в Северном районе Херсонеса // VI чтения памяти проф. В. Д. Блаватского: тезисы докладов. Москва, 1999. С. 42–43 (в соавторстве с Л. А. Голофаст).
32. Комплексы X в. из раскопок квартала «Б» Северного района Херсонеса // ХСб. 1999. Вып. X. С. 312–329 (в соавторстве с Л. В. Седиковой).

2000

33. Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х-Б в Северном районе Херсонеса // ПИФК. 2000. Вып. IX. С. 78–117 (в соавторстве с Л. А. Голофаст).
34. Поливная керамика из раскопок квартала Ха Северного района Херсонеса // АДСВ. 2000. Вып. 31. С. 251–265 (в соавторстве с Л. А. Голофаст).

2001

35. Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 290–311.

2003

36. Раскопки квартала Х в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260 (в соавторстве с Л. А. Голофаст).
37. Каталогные статьи // Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы. Кресты-реликвии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 73–74, №№ 110, 111; С. 90, №№ 23, 24; С. 142, № 7; С. 144–145, №№ 15, 16; С. 162, № 11; С. 176, № 38; С. 203, №№ 118, 119 (в соавторстве с Т. Ю. Яшаевой).
38. Chersonesos “Nekropolis der Heiligen” und sein Martyrium // Summaries. International conference “The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3–7 c. AD)”. Varna, 2003 (в соавторстве с Т. Ю. Яшаевой).
39. Mack G. R., Carter J. C. (Eds.). Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs. Austin, Texas USA, 2003. 232 p. (в соавторстве с Л. В. Седиковой, Т. Ю. Яшаевой и др.).

2004

40. Базилика в базилике. Северная базилика // Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического. Т. I / под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеминой, С. Г. Рыжова. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. С. 55–56, 67–69.
41. Малые храмы-часовни Херсонеса // Древности 2004. Харьков, 2004. С. 160–166.
42. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического // Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического. Т. I. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. 250 с. (в соавторстве с А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеминой).
43. Топография Херсонеса Таврического // Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического. Т. I / под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клеминой, С. Г. Рыжова. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2004. С. 21–32 (в соавторстве с Е. Ю. Клеминой).
44. Excavation of insula XXXVI of Chersonesos // The Study of Ancient Territories Chersonesos and Metaponto: Annual report 2003. Institute of Classic Archaeology. Austin, Texas USA, 2004. P. 43–49.

2005

45. Городище // Херсонес. Путеводитель по музейным залам и раскопкам / Отв. ред. Т. Ю. Яшаева. Севастополь, 2005. С. 63–84.

46. Художественная керамика XII–XIII вв. из Херсонеса // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Сборник научных трудов. Том I / под ред. С. Г. Бочарова, В. Л. Мыца. Киев: Стилюс, 2005. С. 62–69.

2007

47. Оборонительная стена V в. до н.э. в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 20–30.
48. Раскопки жилых кварталов в северном районе Херсонеса // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 2007. С. 126–127.
49. По поводу исследования и консервации водосборной цистерны в Херсонесе // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 690–694 (в соавторстве с Л. В. Седиковой).

2011

50. Каталогные статьи // Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь: Телескоп; Остин: ИКА Техас. ун-та, 2011. С. 500, № 150; С. 506, № 163; С. 508, №№ 168, 169; С. 529, № 204; С. 550, 551, №№ 250–252; С. 552, № 256; С. 556, № 263; С. 604, № 367; С. 614, № 383; С. 622, № 400; С. 659, № 466.
51. Рыбозасолочный комплекс в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 86–94.
52. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411 (в соавторстве с Л. А. Голофаст).

2013

53. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161 (в соавторстве с Л. А. Голофаст).
54. Процессинный крест с изображением святых воинов-мучеников из раскопок Херсонеса // ТГЭ. 2013. Т. LXIX. С. 203–211 (в соавторстве с Т. Ю. Яшаевой).

2015

55. Храмовый комплекс в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. Симферополь, 2015. С. 5–30.
56. Две печатки с христианскими сюжетами из византийского Херсона // ТГЭ. 2015. Т. LXXIV. С. 114–118 (в соавторстве с Т. Ю. Яшаевой).

2018

57. К вопросу о происхождении посуды группы «Позднеримской понтийской лошеной» // ПИФК. 2018. № 3 (61). С. 47–59 (в соавторстве с Л. А. Голофаст).
58. О некоторых находках из раскопок 6-й поперечной улицы в Херсонесе // Боспорские чтения. 2018. Вып. XIX. С. 409–414 (в соавторстве с Е. С. Лесной).
59. Комплекс находок XI в. из колодца-цистерны в IX квартале Херсонеса // Уваровские Таврические чтения III «Древности Юга России»: тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. С. 98–99 (в соавторстве с Л. В. Седиковой).

Составители

Н. В. Рубаненко, Т. А. Прохорова, Е. А. Денисова

ОТЧЕТЫ С. Г. РЫЖОВА О РАСКОПКАХ, РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКОВ ГОРОДИЩА И БЕРЕГО-УКРЕПИТЕЛЬНЫХ РАБОТАХ

1. Отчет о раскопках склепа на ул. Н. Островской в 1968 г. С приложением альбома иллюстраций и полевой описи. Альбом фотографий к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1461; 1462. 16+24 л.
2. Полевые описи находок из склепа на ул. Н. Островской. 1968 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1272.
3. Отчет о раскопках склепа у совхоза «Севастопольский» и опись вещей из с. Суворовка (случайная находка, инв. № 36759). 1969 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1476. 10 л.
4. Отчет о раскопках у с. Хмельницкое с приложением чертежей. 1969 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1477. 4 л.
5. Отчет о реставрации и дневник консервационных работ на куртинах 18 и 22, и башнях XIX, XX и XXI. Базилика в базилике. 1970-71 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2013/1, 2. 7 л.
6. Отчет о раскопках в бухте Казачьей. 1972 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1659.
7. Отчет о раскопках могилы в б. Карантинной, у строительного техникума. 1972 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1658.
8. Отчет о раскопках склепа у с. Хмельницкое. 1972 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1660.
9. Отчеты о раскопках склепов у башни Зенона (на территории гаража). Текст, иллюстрации, чертежи. 1972–1973 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1657 (в соавторстве с В. Н. Даниленко).
10. Дневник разведок округи Херсонеса (клеры у бухты Омега) и раскопок базилики 1889 г. во время реставрации мозаичных полов. 1972–1974 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1646.
11. Отчет о раскопках базилики 1889 г. («Базилика в базилике»). Рукопись. Альбом к Отчету. 1972–1974 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1640/1, 2; 1641. 27+24 л.
12. Отчет № 1 о реставрации мозаичного пола в Северном нефе «Базилики в базилике» (май-сентябрь 1972 г.) и альбом иллюстраций. 1972–1974 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1642.
13. Отчет № 2 о реставрации мозаичного пола «Базилики в базилике» (нартекс, по бокам солен, и... в среднем нефе и южном нефе, Юго-Западный угол среднего нефа) – сентябрь 1972 г. – август 1974 г. и альбом иллюстраций // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1643.
14. Отчет о раскопках склепа в Песочной бухте. 1973 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1692.
15. Отчет № 3 о реставрации мозаик «Базилики в базилике» (Юго-Западный угол среднего нефа) и альбом иллюстраций. 1973-1974 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1644.
16. Полевые описи материала из раскопок «Базилики в базилике» в 1973-74 гг. Т. 1–3 // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1733/1–3.
17. Отчет о реставрации «Восточной базилики» в 1974 г. (с приложением чертежей и альбома иллюстраций) // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1732/1, 2.
18. Отчет № 4 о реставрации мозаик «Базилики в базилике» («Павлин») и альбом иллюстраций. 1974-1975 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1645.
19. Отчет о исследовании «Базилики 1889 г.» (Галерея) и приложения к нему: альбом иллюстраций, дневник, полевые описи и зарисовки профилей керамики. 1975 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1762/1, 2.
20. Отчет о консервации «Храма с аркосолиями» с приложением альбома иллюстраций. 1975 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1770/1, 2.
21. Отчет о раскопках могилы в Песочной бухте. 1975 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1780.
22. Отчет о раскопках некрополя Херсонеса – у Песочной бухты, у Загородного храма и к северо-западу от башни Зенона. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках некрополя Херсонеса. 1975 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1778; 1779.
23. Отчет о раскопках склепа западного некрополя Херсонеса (ул. Н. Островской). 1975 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1781 (в соавторстве с М. И. Золотаревым).
24. Отчет о раскопках некрополя Херсонеса – у Песочной бухты, у Загородного храма и к северо-западу от башни Зенона. 1975 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1778 (в соавторстве с В. М. Зубарем).
25. Дневник к Отчету о исследовании Дома IV-III вв. до н.э., расположенного во II квартале в Северо-Восточном районе Херсонеса. Начат 6/Х-75 г., окончен 8/IX-1978 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2140. 81 л.
26. Отчет о раскопках Дома IV-III веков до н.э. в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1976 г. Альбом иллюстраций // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2128; 2129. 43+69 л.
27. Полевая опись материалов из раскопок II квартала Северо-Восточного района Херсонеса. Том I, II (коллекция 36950). 1976 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1834/а, б; 1835.
28. Дневник реставрации мозаик Нартекса и Южного нефа «Базилики на холме». 1976–1978 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1906. л. 74 л.
29. Дневник реставрации фрагментов мозаичного пола «Шестистолпного храма» в Херсонесе. 1976–1982 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2264. 21 л.
30. Научно-технический отчет о реставрации мозаик нартекса и южного нефа «Базилики на холме». 1977 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1911 л. 107 л.
31. Отчет о раскопках в Херсонесе в Северо-Восточном районе, VI поперечная улица. Альбом иллюстраций к Отчету. 1977 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2130; 2131; 2132. 42+52+52 л.
32. Отчет о раскопках гончарной печи в Песочной бухте (с приложением плана, иллюстраций и полевой описи). 1977 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1916. 37 л.
33. Полевая опись археологического материала из раскопок в Северо-Восточном районе Херсонеса (дом III в. до н.э.). 1977 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1917/1, 2. 136 л.
34. Полевые описи находок из раскопок Северо-Восточного района Херсонеса. VI поперечная улица. 1977 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2219. 95 л.

35. Отчет о раскопках в Северо-Восточном районе Херсонеса, Дома IV-III вв. до н.э. и VI поперечной улицы. Альбом иллюстраций к Отчету. 1978 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2133; 2134; 2135. 85+69+84 л.
36. Полевая опись находок из раскопок в Северо-Восточной части Херсонеса (II квартал). Т. I, II. 1978 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2023; 2024. 186+131 л.
37. Полевые описи из раскопок Северо-Восточного района Херсонеса, VI поперечная улица (засыпь траншеи). 1978 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2220. 127 л.
38. Полевые описи из раскопок Северо-Восточного района Херсонеса, VI поперечная улица, канал водостока, I-III слой. 1978 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2221-2223. 101+73+138 л.
39. Отчет о раскопках Дома IV-III вв. до н.э. во II квартале Северо-Восточного района Херсонеса. Иллюстрации к Отчету. 1979 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2136; 2137. 24+71 л.
40. Полевые описи находок и рисунки вещей из раскопок Дома IV-III вв. до н.э. в Северо-Восточном районе Херсонеса. 1979 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2065. 157 л.
41. Отчет о доследовании Дома IV-III вв. до н.э. во II квартале Северо-Восточного района Херсонеса. Иллюстрации к Отчету. 1980 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2138; 2139. 25+132 л.
42. Полевая опись находок из раскопок Дома IV-III вв. до н.э. во II квартале. Цистерна в «алтаре». 1980 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2167. 77 л.
43. Отчет о раскопках Северной базилики. Альбом иллюстраций к Отчету. 1981 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2226; 2227. 20+72 л.
44. Полевые описи находок из раскопок Северной базилики. 1981 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2228. 69 л.
45. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1981 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2248; 2249. 53+54 л. (в соавторстве с В. М. Зубарем).
46. Научно-технический отчет о реставрации фрагментов мозаичного пола Шестистолпного храма в Херсонесе. 1982 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2263. 41 л.
47. Отчет о раскопках IX квартала в Северном районе Херсонеса в 1982 г. Иллюстрации к Отчету (альбом) // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2346; 2347. 47+97 л.
48. Полевая опись находок из раскопок Северного района Херсонеса в 1982 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2383. 93 л.
49. Приложение к Отчету о раскопках в 1982 г. в Северном районе Херсонеса. Дом XIII-XIV вв. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2382/1, 2. 76+59 л.
50. Дневник раскопок бани к югу от Северной базилики. 1982-83 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2611. 70 л.
51. Отчет о раскопках в IX квартале в Северном районе Херсонеса в 1983 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2402; 2403. 62+96 л.
52. Полевая опись находок из раскопок Северного района Херсонеса. 1983 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2405. 108 л.
53. Приложение к Отчету о раскопках в Северном районе Херсонеса (зарисовки керамики). 1983 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2404. 108 л.
54. Дневник раскопок VIII квартала в Северном районе Херсонеса. 1984 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2612. 64 л.
55. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса. Альбом иллюстраций к Отчету. 1984 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2477; 2478. 88 л.
56. Полевые описи находок из раскопок Северо-Восточного района, VIII квартал Херсонеса. 1984 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2479. 111 л.
57. Отчет о раскопках VIII квартала в Северном районе Херсонеса. Альбом иллюстраций к Отчету. 1985 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2613; 2614; 2615. 103+52+54 л.
58. Полевые описи находок из раскопок VIII квартала в Северном районе Херсонеса. 1985 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2616; 2617. 207+155 л.
59. Отчет о раскопках X квартала «А» в Северном районе Херсонеса. Альбом иллюстраций к Отчету. 1986 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2701; 2702. 47 л.
60. Полевые описи и рисунки находок из раскопок X квартала «А» в Северном районе Херсонеса. 1986 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2703. 112 л.
61. Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса в X «А» квартале в 1987 году. Иллюстрации к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2771; 2772. 55+84 л.
62. Полевые описи находок из раскопок квартала X «А». 1987 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2773. 99 л.
63. Отчет о раскопках X-A квартала в Северном районе Херсонеса в 1988 г. Иллюстрации к Отчету. Том I, II // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2849/1, 2; 2850; 2851. 45+52+50 л.
64. Полевая опись к Отчету о раскопках X-A квартала Северного района Херсонеса. 1988 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2852. 75 л.
65. Отчет о раскопках X «А» квартала в Северном районе Херсонеса. Альбом иллюстраций к Отчету. 1989 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2883; 2884. 68+72 л.
66. Полевые описи находок к Отчету о раскопках усадьбы 1 в X «А» квартале Северного района Херсонеса. 1989 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2885. 103 л.
67. Отчет о раскопках X квартала «А» в Северном районе Херсонеса в 1990 г. Альбом к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2967; 2968. 29+54 л.
68. Полевые описи находок к Отчету о раскопках X квартала «А». 1990 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2969. 97 л.
69. Рисунки керамики к Отчету о раскопках X квартала «А». Том I, II. 1990 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2970; 2971. 52+55 л.
70. Отчет о раскопках в Северном районе Херсонеса усадьбы № 3 в квартале X «А». Альбом иллюстраций к Отчету. 1991 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3056; 3057. 22+60 л.
71. Полевые описи находок к Отчету о раскопках квартала X «А». Том I, II. 1991 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3058/I, II. 116+142 л.
72. Отчет о раскопках кварталов X и X «А» в Северном районе Херсонеса в 1992 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3114; 3115. 49+38 л.
73. Полевые описи находок к Отчету о раскопках X и X «А» кварталов в Северном районе Херсонеса. 1992 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3116. 210 л.
74. Отчет о раскопках усадьбы в X квартале. Реставрационные работы на крещальне Уваровской ба-

- зилики. Иллюстрации к Отчету. 1993 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3161; 3162. 32+37 л.
75. Полевые описи находок из раскопок в X квартале Северного района. 1993 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3163. 87 л.
 76. Отчет (текст) о раскопках квартала X «Б» в Северном районе Херсонеса в 1994 г. Описание монет. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3220; 3221. 33+36 л.
 77. Полевые описи находок к Отчету о раскопках квартала X «Б» в Северном районе Херсонеса. 1994 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3222. 91 л.
 78. Отчет о раскопках X квартала «Б» в Северном районе Херсонеса в 1995 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3270; 3271. 102+75 л.
 79. Полевые описи находок к Отчету о раскопках X квартала «Б» в Северном районе Херсонеса в 1995 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3272/І–ІІІ. 131+96+101 л.
 80. Отчет о раскопках квартала X «Б» в Северном районе Херсонеса в 1996 г. Текст отчета и описи находок. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3299; 3300. 69+53 л.
 81. Отчет о раскопках квартала X «Б» в Северном районе Херсонеса в 1997 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3344; 3345. 40+60 л.
 82. Полевая опись находок к Отчету о раскопках квартала X «Б» в Северном районе Херсонеса в 1997 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3346. 131 л.
 83. Отчет о раскопках квартала X «Б» в 1998 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3381; 3382. 43+48 л.
 84. Полевые описи находок из раскопок квартала X «Б» в 1998 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3383. 51 л.
 85. Отчет о раскопках X «Б» квартала в Северном районе Херсонеса. Альбом иллюстраций к Отчету. 1999 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3429; 3430. 31+55 л.
 86. Полевые описи находок из раскопок X «Б» квартала. 1999 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3431. 138 л.
 87. Отчет о раскопках IX квартала в Северном районе Херсонеса. Альбом иллюстраций и чертежи к Отчету. 2000 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3484; 3485/І–ІІІ. 73+59+36+19 л.
 88. Полевые описи находок к Отчету о раскопках IX квартала в Северном районе Херсонеса. 2000 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3486. 90 л.
 89. Отчет о раскопках в IX квартале Херсонеса в 2001 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3526; 3527. 28+76 л.
 90. Полевая опись находок к Отчету о раскопках IX квартала и опись находок на Центральной площади Херсонеса. Северный фасад. Траншея под отмостку (квадрат III). 2001 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3528. 38 л.
 91. Отчет об исследовании цистерны в VII квартале Херсонеса в 2002 г. и альбом иллюстраций. Рисунки со стен цистерны в VII квартале // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3825/1, 2. 185 л.
 92. Отчет о раскопках в 2002 г. Западного некрополя // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3591. 55 л.
 93. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2002 г. Альбом иллюстраций к Отчету. Часть I–III // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3682–3685.
 94. Полевая опись находок к Отчету о раскопках в Северном районе Херсонеса. IX квартал. 2002 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3687.
 95. Чертежи к Отчету о раскопках в Северном районе Херсонеса в IX квартале. 2002 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3686.
 96. Краткая информация об охранных исследованиях в квартале XXXVI в 2003 г. Фонд № 4 // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3648. 2 л.
 97. Отчет о раскопках XXXVI квартала на территории Херсонеса в 2003 г. Фонд № 4. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3677; 3678. 93 л.
 98. Полевая опись находок к Отчету о раскопках XXXVI квартала. 2003 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3679.
 99. Таблицы рисунков находок из раскопок XXXVI квартала. 2003 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3680; 3681.
 100. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2004 г. Иллюстрации к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3662; 3663. 40 л.
 101. Полевые описи к Отчету о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2004 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3664.
 102. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2005 г. Иллюстрации к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3792/1, 2. 54+83 л.
 103. Таблицы с рисунками. Полевые описи. Полевые чертежи к Отчету о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2005 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3792/3–5. 231+134+12 л.
 104. Дневник раскопок в IX квартале Херсонеса в 2005–2007 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3921. 41 л.
 105. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2006 г. Чертежи №№ 4777–4780, п. 13 «Б». Иллюстрации к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3851; 3852. 21+48 л.
 106. Полевые описи находок и таблицы керамики из раскопок IX квартала в Северном районе Херсонеса. Дневник раскопок. 2006 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3853. 33 л.
 107. Отчет о раскопках в IX квартале. Иллюстрации к Отчету. 2007 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3916; 3917. 39+58 л.
 108. Полевые описи к Отчету о раскопках IX квартала. 2007 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3918. 58 л.
 109. Таблицы с рисунками к Отчету о раскопках IX квартала. Том I, II. 2007 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3919; 3920. 58+55 л.
 110. Берегоукрепление территории Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Альбом фотографий береговой зоны). 2008 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3967. 69 л.
 111. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2008 г. Полевые описи и таблицы с полевыми рисунками к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3958; 3959. 71+73 л.
 112. Отчет о реставрации участка на Северном берегу в 2008 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3957. 22 л.
 113. Отчет о раскопках помещения № 9 и двора в IX квартале Северного района Херсонеса. Текст, иллюстрации. Т. I. 2008–2009 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4066. 83 л.

114. Таблицы с рисунками находок и полевая опись находок к Отчету о раскопках помещения № 9 и двора в IX квартале Северного района Херсонеса в 2008-2009 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4068. 119 л.
115. Иллюстрации к Отчету о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2009 г. Т. II (цистерна № 5) // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4067. 86 л.
116. Отчет о раскопках цистерны № 5 в IX квартале Северного района Херсонеса в 2009. Полевая опись находок // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4069. 137 л.
117. Комплексная программа археологических исследований на территории комплексного памятника археологии национального значения «Древний город Херсонес Таврический». Проект. 2010 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4013. 25 л. (в соавторстве с Т. А. Бобровским, Е. М. Сердюк).
118. Отчет о раскопках цистерны № 5, участка двора с восточной стороны цистерны в IX квартале Северного района Херсонеса в 2010 г. Иллюстрации к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4090; 4091. 188+89 л. (в соавторстве с Л. А. Голофаст, О. А. Андреевой).
119. Таблицы с рисунками к Отчету о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2010 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4092; 4093. 73+71 л. (в соавторстве с Л. А. Голофаст, О. А. Андреевой).
120. Отчет о раскопках в кварталах XXXIX, LXXI городища Херсонеса в 2011 г. Текст и иллюстрации, планы полевые, полевая опись, коллекционная опись // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4162/1, 2. 6+112 л.
121. Отчет о раскопках квартала IX «А» в Северном районе Херсонеса в 2011 г. Иллюстрации к Отчету, чертежи // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4163/1, 2. 146+102 л.
122. Таблицы с рисунками к Отчету о раскопках квартала IX «А» в Северном районе Херсонеса в 2011 г. Полевые чертежи на миллиметровке // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4163/3, 4. 77+13 л.
123. Отчет о раскопках в IX «А» квартале Северного района Херсонеса в 2012 г. Иллюстрации к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4222/1-3. 177+84+82 л.
124. Отчет о раскопках в IX «А» квартале Северного района Херсонеса в 2012 г. Полевая опись находок к Отчету. Таблицы с рисунками керамики к Отчету. Дневник и полевые чертежи к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4222/4-8. 108+62+65+68+16 л.
125. Реставрация и благоустройство на городище Херсонеса в 2012 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4221. 40 л.
126. Отчет о раскопках в IX «А» квартале Северного района Херсонеса в 2013 г. Альбом иллюстраций // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4304; 4305. 227+117 л. (в соавторстве с О. А. Андреевой, Д. А. Костромичевым).
127. Отчет о раскопках в IX «А» квартале Северного района Херсонеса в 2013 г. Полевая опись находок к Отчету. Таблицы с рисунками находок к Отчету. Ч. I, II. Опись чертежей к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4306-4309. 118+70+67+23 л. (в соавторстве с О. А. Андреевой, Д. А. Костромичевым).
128. Отчет о раскопках в IX «А» квартале Северного района Херсонеса в 2014 г. Альбом иллюстраций к Отчету // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4315/1, 2. 98+67 л.
129. Отчет о благоустройстве «Театрального участка» в 2014 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4314. (в соавторстве с О. А. Андреевой). 24 л.
130. Отчет о раскопках в IX «А» квартале Северного района Херсонеса в 2015 г. Т. 1. Альбом иллюстраций к Отчету. Т. 2 // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4447, 4448. 145+124 л.

Составители

Т. А. Прохорова, Е. А. Денисова

А. Г. ГЕРЦЕН, В. Е. НАУМЕНКО

ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ МАНГУПСКОГО ГОРОДИЩА. ОБЩИЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2015–2016 ГГ.¹

Мангупское городище является крупнейшей средневековой крепостью из группы так называемых пещерных городов Юго-Западного Крыма. Его археологические исследования были начаты еще в середине XIX в. графом А. С. Уваровым [27, с. 14–15]. В дальнейшем они периодически возобновлялись работами Ф. А. Брауна в 1890 г. [2, л. 1–34; 21, с. 15–21], Р. Х. Лепера в 1912–1914 гг. [14, с. 73–79, 146–154; 15; 16; 17], совместной экспедиции ИИМК АН СССР и Севастопольского музейного объединения в 1938 г. [3; 26; 29]. С 1967 г. систематические раскопки городища ведутся Мангупской археологической экспедицией Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского [в целом, об истории изучения Мангупа см.: 4, с. 89–102; 5; 6; 11]. Одной из отличительных особенностей Мангупского городища является обилие христианских культовых объектов, раскопки которых всегда составляли особое направление археологического изучения памятника. В пределах Мангупского плато, на его склонах и на территории близлежащих горных долин, сейчас известно 9 скальных и 18 наземных храмово-монастырских, храмово-погребальных комплексов либо отдельных христианских некрополей, большая часть из которых, пусть и с определенными оговорками, относится к периоду княжества Феодоро в истории Мангупа (XIV в. – 1475 г.) (Рис. 1–2) [их перечень см.: 11, с. 39–50].

Одним из таких памятников является церковь Святого Георгия, раскопки которой проводились в течение 2015–2016 гг. в рамках

проекта РГНФ «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н.э.)» [12, с. 9–10; 13, с. 132–134]. На сегодняшний день результаты этих полевых исследований полностью изданы [20]. Чтобы избежать повторов, в настоящей работе мы остановимся лишь на наиболее важных итогах археологического изучения этого неординарного для христианской истории Мангупа культового объекта, который, наряду с еще одним однотипным ему храмом Св. Константина в центральной части Мангупского плато, является потенциально одним из лучших сохранившихся храмово-погребальных комплексов для изучения погребального обряда и социальной организации христианских общин Юго-Западного Крыма в поздневизантийское и раннеосманское время.

1. История изучения церкви Св. Георгия.

Церковь Св. Георгия расположена в верховьях мыса Елли-бурун, приблизительно в 10 м к югу от крутого поворота грунтовой дороги, ведущей из ущелья Капу-дере на территорию Мангупского плато (Рис. 1,20). Под своим именем храмовый комплекс впервые упоминается Мартином Броневским в 1578 г. Во время своего пребывания на Мангупе польский дипломат отметил здесь две «совершенно ничтожные» христианские церкви Св. Константина и Св. Георгия, на стенах которых были еще «видны изображения, представляющие родословную государей и государынь, от которых, кажется, они происходили» [18, с. 167–168]. Из этого краткого замечания остается неясным, продолжала ли еще использоваться церковь в качестве действующего храма немногочисленной православной

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-31-10159 «Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв. н.э.)».

общинной крепости в конце XVI в. С другой стороны, Мартин Броневский определенно указывает на наличие настенной фресковой росписи внутри нее. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший городище в 1666–1667 гг., застал церковь Св. Георгия уже в совершенно заброшенном состоянии. По его словам, над входом в «храм неверных», видимый на одной из сторон вырубленной в скале подъездной дороги, находилась мраморная (здесь явная ошибка Челеби) плита с вырезанным изображением всадника с копьем, попирающим убитого дракона, то есть Св. Георгия Победоносца [28, с. 79]. Таким образом, в описаниях Мартина Броневского и Эвлии Челеби речь, очевидно, идет об одной и той же христианской церкви Мангупского городища.

Церковь Св. Георгия продолжает упоминаться в источниках вплоть до конца XVIII в. Она отмечена на обоих планах Мангупа, выполненных русскими топографами в 1780-е гг., в числе трех греческих или христианских церквей, как они обозначены в экспликациях к чертежам (Рис. 3, F; 4, B). О двух греческих храмах, очевидно, церкви Св. Константина и Св. Георгия, в алтарных частях которых еще были видны «сохранившиеся иконы святых, писанные красками на стенах, и в одной – прекрасный образ Марии» (здесь, безусловно, речь идет о фресковой композиции церкви Св. Константина), сообщает П. С. Паллас в 1793–1794 гг. [22, с. 64].

Однако с начала XIX в. руины церкви Св. Георгия, в отличие от других известных архитектурно-топографических доминант Мангупа – той же церкви Св. Константина, синагоги, мечети, памятников в районе Мангупской цитадели, почему-то перестали привлекать внимание профессиональных историков и любителей древностей. О ней ничего не известно П. И. Кеппену и Дюбуа де Монпере, оставивших довольно подробный обзор основных архитектурных комплексов городища. О храме не сообщают никоим образом А. С. Уваров и Ф. А. Браун, с именами которых связано начало археологических исследований Мангупской крепости, в том числе целого ряда ныне хорошо известных ее храмовых комплексов и некрополей [11, с. 20–25]. Показательной выглядит ситуация с раскопками Ф. А. Брауна на территории христианского некрополя между

балками Капу-дере и Гамам-дере, который находился, скорее всего, вблизи церкви Св. Георгия [11, с. 24]. Раскопав на нем 12 могил, описав подробно зафиксированный погребальный обряд, он, тем не менее, ничего не сообщил о самом храме [21, с. 17–18]. Вероятно, эту «забывчивость» исследователей Мангупа можно объяснить только одной причиной – с начала XIX в. руины церкви уже никак не выделялись на местности, будучи или сильно разрушенными в результате длительного запустения, или их стены были разобраны на строительный материал местными жителями, как это произошло позднее со многими архитектурными объектами городища.

Как бы то ни было, возможно, именно Ф. А. Браун становится первым исследователем храмового комплекса на мысе Елли-бурун, освященном в честь Св. Георгия. В своем кратком отчете о раскопках на территории его некрополя 12 могил, очевидно, вырубленных в скале гробниц-костниц, он приводит ряд ценных деталей, характеризующих погребальную практику оставившего их населения. Могилы были перекрыты однорогими надгробиями либо обычной плитой, иногда со ступенчатым профилем. Все они предназначались для многократных захоронений, при этом верхний скелет всегда имел полную сохранность и был уложен головой на восток, со скрещенными на груди руками. Положение погребенных в нижних ярусах гробниц было уже нарушенным: в одних могилах могли находиться только череп, в других – остальные кости. По мнению Ф. А. Брауна, такая «сортировка» костей является элементом погребальной обрядности. Вещей в погребениях обнаружено мало – мозаичные бусины, несколько медных тонких серег и фрагмент железного креста [21, с. 17–18].

В 1912 г. церковь Св. Георгия была «обнаружена» Р. Х. Лепером, после более чем 100-летнего периода забвения. Новые раскопки памятника проводились, вероятно, в течение двух полевых сезонов, в 1912 и 1913 гг. О ходе работ, в основном 1912 г., сохранились лишь краткие отчеты и несколько фотографий, сейчас хранящиеся в архиве Херсонесского музея-заповедника (Рис. 5–8) [14, с. 74–75; 17, с. 81–82]. Судя по ним, в первый сезон был расчищен наос церкви до уровня ее плитовой вымостки, что хорошо вид-

но на фотографии самого Р. Х. Лепера и его компаньона М. Я. Гидалевича на фоне руин памятника (Рис. 5). Автор раскопок отмечает важный факт множества фрагментов фресковой настенной росписи из «слоя разрушения» храма, наличие *in situ* нижних камней алтарной преграды (это также хорошо видно на фотографии) и основания раннего «престола на одной ножке»; более поздний престол был найден перевернутым в алтарной части памятника. В церкви было открыто несколько могил, но детальное описание их расположения, конструкции и погребального обряда в отчете отсутствуют. Среди находок упоминаются несколько «черных бус...два маленьких золотых колечка...и одна серебряная монета (татарская?)» [14, с. 74–75]. Еще ряд ярких находок, вероятно из этих же раскопок в наосе храма, приводится в отчете за 1913 г.: медная восточная монета, бронзовый крест-складень (энколпион?) с изображением святого, свинцовый сосуд-ампула с изображением святых, железный крест и наконечник копья [17, с. 81–82]. Однако самой важной находкой сезона 1912 г. стал все-таки фрагмент известнякового барельефа с изображением нижней части всадника, попирающего дракона, который был интерпретирован как изображение Св. Георгия, что позволило окончательно отождествить храм с одноименной церковью Мартина Броневского и Эвлии Челеби (Рис. 6–7) [14, с. 74–75]. За пределами наоса церкви особых работ в 1912 г. Р. Х. Лепер не проводил. Он упоминает скальный склеп под апсидой храма, раскопки которого приостановлены на уровне верхнего яруса погребений, а также общее впечатление от могильника вокруг церкви, где «рассеяны могилы, некоторые с «двурогими» надгробными памятниками, как на еврейском кладбище» [14, с. 74–75].

Трудно реконструировать события раскопок церкви Св. Георгия в 1913 г. На их проведение намекает отчет о работах на Мангупе в 1913–1914 гг., составленный и опубликованный в 1918 г. Л. А. Моисеевым, преемником Р. Х. Лепера на посту директора Херсонесского музея. Но, как уже говорилось, в нем описываются только вещи из прежних раскопок [17, с. 81–82]. Поэтому мы можем лишь предположить, с учетом результатов наших работ, что в этом сезоне Р. Х. Лепер продолжил исследования

внутри наоса церкви, разобрав вымостку ее солеи и значительно выбрав культурный слой в восточной (алтарной) части памятника, что хорошо зафиксировано стратиграфией раскопок 2015–2016 гг. (об этом ниже). За пределами наоса храма он открыл узкой траншеей внешний контур здания, что, в целом, типично для методики исследований 1912–1914 гг. и на других объектах Мангупского городища.

К сожалению, материалы исследований Р. Х. Лепера, как и раскопок Ф. А. Брауна в 1890 г., практически не введены в научный оборот и сейчас, вероятно, уже не сохранились. С этими довольно скудными данными мы обратились к исследованию памятника в рамках указанного научного проекта.

Перед началом работ местность в пределах будущего раскопа представляла собой холм общей площадью около 225 кв. м и высотой до 1,50 м, густо поросший кустарником и деревьями и образованный, очевидно, земляными отвалами 1912–1913 гг. Полное отсутствие каких-либо графических материалов из раскопок церкви Св. Георгия Р. Х. Лепером потребовало от нас создания новой системы участков исследований на памятнике (Рис. 9). Общая площадь раскопа 2015–2016 гг. составила 296 кв. м. Он имел почти квадратную форму (18,50×16,00 м) и был ориентирован по оси юго-запад – северо-восток, совпадающей с общей ориентацией храма. Рельеф местности в пределах раскопа резко понижался в направлении с юга на север, что связано, очевидно, с наличием здесь нескольких скальных структурных ступеней. Общий перепад высот на участке исследований составил почти 3,00 м.

Раскопки 2015–2016 гг. велись, по сути, на двух участках исследований – внутри церкви и на территории ее прихрамового некрополя. В наосе храма они были завершены полностью, на площади некрополя оказались ограниченными выборкой верхнего культурного слоя в пределах двух квадратов (№№ 1 и 4) и раскопками 1 из 10 открытых здесь погребальных сооружений: скальной гробницы № 5, частично перекрытой апсидой церкви [о результатах исследований некрополя церкви Св. Георгия, в том числе гробницы № 5, см.: 20]. В нашей статье речь пойдет об итогах работ внутри церкви Св. Георгия.

2. Раскопки в наосе церкви Св. Георгия. Стратиграфия и археологические комплексы находок.

Археологические исследования в наосе храма проводились в течение двух полевых сезонов. В 2015 г. был выбран верхний культурный слой в пределах церкви – так называемый слой отвалов из раскопок 1912–1913 гг. (слой № 1), в 2016 г. полностью доследованы все остальные культурные напластования до уровня скальной (материковой) поверхности. Общая мощность слоя в наосе церкви возрастает в направлении с востока на запад, то есть от апсиды ко входу в храм, с 0,80 до 1,20 м. В процессе раскопок выявлены три основных культурных горизонта и один локальный стратиграфический контекст – так называемый каменный завал на 2-м слое, имеющий важнейшее значение для реконструкции строительной периодизации памятника (Рис. 9–11, 18).

1-м (верхним) слоем на всей площади участка исследований является задернованный «слой отвалов из раскопок 1912–1913 гг.» общей мощностью до 0,80 м. Необходимо отметить, что раскопками Р. Х. Лепера были потревожены, в той или иной степени, все культурные горизонты, отложившиеся в храме. Поэтому находки из 1-го слоя отражают, очевидно, всю хронологическую колонку истории нашего памятника.

Археологический комплекс находок из 1-го слоя включает различные группы керамического материала, среди которых, в целом, более 70% находок составляют артефакты феодоритского периода в истории Мангупа, т. е. в пределах XIV–XV вв. [полные статистические таблицы находок из слоя см.: 20, с. 61–65, табл. 2.1–2.4]. К числу датирующих находок в слое относятся, прежде всего, фрагменты строительной керамики: красноглиняных керамид и калиптеров так называемой 1-й группы (по классификации, разработанной на материалах раскопок Мангупской цитадели на мысе Тешкли-бурун в 1990–2005 гг.), покрытых светлым ангобом и сформованных из плотного теста с примесью известняка, шамота и железистых частиц. На Мангупском городище это доминирующий вид кровельной черепицы для периода XIV – третьей четверти XV в. [7, с. 380; 9, с. 394; 10, с. 401]. Тарная керамика представлена обломками амфор класса 45 (или типа Гюнзенин IV)

[о них на Мангупе см.: 9, с. 394] и плоскодонных класса 52 по ХК-95 (Рис. 15,2–4)², а также тарных кувшинов с широкими плоскими ручками, украшенных зачастую росписью линиями светлого ангоба. В одной из своих работ мы уже отмечали большую вероятность производства амфор класса 52 по ХК-95 и подобных тарных кувшинов в одном из пока еще нелокализованных гончарных центров Юго-Западного Крыма [9, с. 395]. Независимо от нас недавно к таким же выводам пришла И. Б. Тесленко, предложившая назвать местную гончарную продукцию Таврики XIV–XV вв. группой «Юго-Западный Крым» (группа ЮЗК), с чем мы полностью согласны [24, с. 497–498, рис. 5–10].

Кухонная керамика из 1-го слоя в наосе церкви Св. Георгия характеризуется горшками группы ЮЗК с отогнутым округлым (или заостренным) венчиком, украшенным врезными концентрическими линиями по горлу (Рис. 12,1; 15,6) [об их хронологии см.: 10, с. 402, особенно рис. 6; 24, с. 498, рис. 12–13; 14,1–13 (тип 1.1А)] и с рельсовидным венчиком (Рис. 12,2; 14,6). И. Б. Тесленко недавно предложила выделить бытовую посуду (горшки и кувшины) с рельсовидным профилем в отдельную группу изделий с условным названием «группа горшков с рельсовидным венчиком» (группа ГРВ). По ее мнению, эти сосуды могут рассматриваться как важный хронологический индикатор для всего османского периода в истории Крыма. Местом производства такой посуды является Малая Азия, возможно, округа Изника. Со своей стороны заметим, что найденные в 1-м слое сосуды группы ГРВ соответствуют раннему типу таких горшков (тип 1.1 по И. Б. Тесленко), которые датируются начальным периодом поступления керамики группы ГРВ на полуостров, то есть серединой – концом XV в. [25, с. 428–436, рис. 1–2].

Среди глазурованной посуды из 1-го слоя преобладает хорошо известная полихромная (монохромная) посуда с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (Рис. 12,3–6; 13,1; 14,1,3,7,11; 16,2–4; 17,4). Она изготавливалась на протяжении 60-х гг. XIV в. – 1475 г. в многочисленных гончарных центрах Юж-

² ХК-95 – сокращенное обозначение классификации средневековых амфор Херсонесского городища 1995 г. [23].

нобережного и Горного Крыма, в том числе, очевидно, и на Мангупском городище или в его ближайшей округе [9, с. 396–397; 10, с. 405]. Импортная поливная керамика включает две группы изделий – византийскую белоглиняную посуду X–XIII вв. типа GWW-II и GWW-IV (Рис. 16,5,9) [о них на Мангупе см.: 7, с. 404–406; 8, с. 259–260] и красноглиняную XIV в. типа «Slip-Painted Ware» (Рис. 14,12,14) и «Zeuxippus Ware Subtypes» (Рис. 16,6), а также раннеосманскую полихромную с орнаментом в технике «сграффито» конца XV–XVI вв. (Рис. 16,1,7) [возможные аналогии см.: 30, р. 250–253, 256–257; 31, р. 144–145; 1, с. 175 («толстостенные чаши с бихромной расцветкой»)]. Наиболее поздними в слое являются, очевидно, глазурованные сосуды XVI–XVII вв. группы «Monochrome (Green) Ware» с рельефным наружным валиком-обручем в средней части корпуса, украшенным рядом насечек (Рис. 15,10; 17,3).

Комплекс индивидуальных находок из слоя небольшой, но достаточно разнообразный. Изделия из глины представлены крышкой широкогорлого сосуда конической формы, украшенной врезным линейно-волнистым орнаментом и косыми насечками по краю (Рис. 13,6); из камня – плоским округлым пряслицем (Рис. 14,8); из кости – плоской округлой пуговицей с врезными концентрическими линиями (Рис. 14,5). Группа железных предметов включает сапожный молоток с раздвоенным краем (типа «рыбьего хвоста») (Рис. 13,8), прямоугольную рамку от бесщитковой пряжки (Рис. 13,5) и черешковый наконечник стрелы с ромбовидным в сечении острием XVI–XVIII вв. (Рис. 13,4). Отмечаем серию находок, безусловно, связанных с функционированием храма: фрагмент створки бронзового энколпиона с рельефным изображением Богоматери и святых в медальонах (Рис. 17,6), бронзовые защелки от книг в виде бесщитковой пряжки либо мечеобразные (Рис. 13,3; 14,15; 16,8), серебряные крестовидную накладку (Рис. 14,4) и шаровидные пуговицы от одежды (Рис. 14,9,13). Стекланные изделия в слое представлены только фрагментами доньев сосудов из прозрачного зеленоватого стекла на кольцевом поддоне (Рис. 13,2; 14,10). Последние, скорее всего, датируются IX–X вв. и пополняют малочисленную группу материалов «примеси сни-

зу», не имеющей отношения к истории церкви Св. Георгия.

Из 1-го слоя происходят 29 монет, четыре из которых стертые и не поддаются атрибуции³. Остальные распределяются на четыре хронологические группы. Первую составляют монеты периода расцвета княжества Феодоро: генуэзско-татарские аспры монетного двора Кафы эмиссии 1453–1475 гг. (2 экз.) и три монеты основателя Крымского ханства Хаджи Гирея (1441–1466), в том числе выпуска 1462–1463 гг. Во вторую, самую многочисленную, входят монеты следующего правителя Крымского ханства Менгли Гирея I (1478–1515), в том числе акче выпусков периода 1486–1502 гг. (12 экз.). Третью группу номиналов составляют акче других правителей Крымского ханства середины XVI – начала XVII в.: Гази Гирея II (1588–1596, 1597–1608) (1 экз.), Девлет Гирея I (1550–1577) (2 экз.), Мехмед Гирея II (1577–1584) (2 экз.) и Ислам Гирея II (1584–1588) (1 экз.). В отдельную группу монет выделены мангир Османской империи XVI–XVII вв. и медная копейка московского царя Михаила I Романова (1613–1645).

После выборки 1-го слоя вдоль южной стены церкви Св. Георгия (кладки № 2) зачищен нетронутый раскопками 1912–1913 гг. останец каменного завала прямоугольной формы (общими размерами 3,70×1,00–1,30 м) мощностью до 0,60 м. В документации он получил обозначение «каменного завала на 2-м слое» (Рис. 9, 18). Интерпретация данного археологического контекста вызывает определенные сложности. С учетом близких высотных отметок (с разницей в пределах 0,10 м) поверхности каменного завала, обкладки гробницы № 2 в северо-западном углу храма и ступени у его западной стены (кладки № 1) мы предполагаем, что он является, по сути, искусственной нивелировочной субструкцией под верхний «пол» церкви, появившийся в процессе ее перестройки в конце XV – начале XVI в.

Эта гипотеза основана, в том числе, и на анализе полученного **археологического комплекса находок из «каменного завала на 2-м слое»**. Несмотря на доминирование в нем керамики XIV–XV вв. (более 83 %) [полную статистическую таблицу находок из слоя см.: 20,

³ Атрибуция монет выполнена А. В. Якушечкиным.

с. 67, табл. 2.5], наиболее важным представляется присутствие фрагмента уже описанной раннеосманской поливной полихромной посуды с орнаментом в технике «сграффито» (Рис. 19,1). Среди немногочисленных индивидуальных находок в слое, помимо шаровидных серебряных пуговиц с петелькой (Рис. 19,2–3) и серебряного данга золотоордынского хана Узбека 1220–1221 гг. выпуска, особо отметим акче Менгли Гирея I 1478–1515 гг. выпуска, которое, вместе с указанным фрагментом османской глазурованной миски, и определяет дату начала второго строительного периода в истории храма: в пределах конца XV – начала XVI в. (после осады и взятия Мангупа османской армией в 1475 г.).

2-м слоем в наосе церкви является плотный грунт серого цвета практически без камня, с пятнами известкового раствора и скоплениями речной гальки на поверхности. Он сохранился лишь в западной части храма мощностью до 0,40–0,50 м и вдоль его южной стены, под уже описанным останцем «каменного завала на 2-м слое», мощностью до 0,10–0,15 м. В центральной части церкви и в пределах апсиды слой имел незначительную толщину (до 0,05 м) и был выбран в основном, как мы теперь полагаем, Р. Х. Лепером в 1913 г. (Рис. 10–11). Для функциональной атрибуции культурного горизонта наиболее важным являются следующие стратиграфические наблюдения. Во-первых, 2-й слой является основанием для возведения части внутреннего панциря западной стены (кладки № 1) и обкладки гробницы № 2 в северо-западном углу храма (Рис. 20). Во-вторых, его уровень, лучше всего сохранившийся вдоль кладки № 1, совпадает, в целом, с высотными отметками поверхности «каменного завала на 2-м слое» (Рис. 11). Это дает основание связывать происхождение горизонта с возведением общей каменно-земляной субструкции под «верхний пол» церкви Св. Георгия в конце XV – начале XVI в.

Археологический комплекс находок из 2-го слоя состоит, в основном, из фрагментов керамики [полную статистическую таблицу находок из слоя см.: 20, с. 69, табл. 2.6]. Преобладают фрагменты строительной керамики, среди которой доминирует черепица уже описанной 1-й группы XIV–XV вв. На многих фрагментах керамид этого времени, на их тыльной и боко-

вой сторонах, сохранились следы известкового связующего раствора (Рис. 19,5–8; 21,1–3), что свидетельствует об их прежнем использовании в кладках стен храма в качестве строительного материала, к примеру в их забутовке. Важным хронологическим репером для установления времени окончательного формирования комплекса является присутствие в слое нескольких фрагментов красноглиняной желобчатой черепицы типа «татарка» XVI–XVIII вв., которая начинает использоваться в застройке Мангупа после его завоевания турками-османами в 1475 г. Среди немногочисленных фрагментов бытовой керамики преобладают сосуды периода княжества Феодоро (около 60 %), в том числе поливной керамики группы ЮЗК. Из индивидуальных находок отметим шаровидную бусину из хрусталя (Рис. 21,6), серебряные шаровидные с петелькой пуговицы (Рис. 21,7,11), а также единственную монету – серебряный ярмак золотоордынского хана Токты (1291–1311), выпущенный на монетном дворе г. Крым в 1298–1299 гг.

Наконец, **3-м слоем** в наосе храма является плотный светло-серый грунт мощностью до 0,05 м, покрытый местами сохранившейся сплошной коркой известковой обмазки. Иногда на его поверхности фиксируются плоско лежащие фрагменты керамики. 3-й слой был открыт практически на всей площади наоса церкви, за исключением ее апсиды, где он был выбран, очевидно, в 1912–1913 гг., и поверхности скальных ступеней высотой 0,15–0,20 м вдоль западной и южной стен церкви (соответственно кладок №№ 1 и 2) (Рис. 10, 22). Очевидно, что этот горизонт является первоначальным «полом» храмового комплекса.

Около 95 % **археологического комплекса находок из 2-го слоя** составляют артефакты периода княжества Феодоро; совсем нет материалов османского времени [полную статистическую таблицу находок из слоя см.: 20, с. 71, табл. 2.7]. Их характеризуют красноглиняная черепица 1-й группы, тарные и кухонные сосуды группы ЮЗК и особенно фрагменты поливных красноглиняных изделий: мисок под монохромной желто-коричневой глазурью с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК (Рис. 21,8–9) и тарелки, покрытой монохромной зеленой глазурью, с орнаментом в технике «сграффито» золотоордынского производства (Рис. 21,10).

Отметим также важный для хронологии комплекса момент – отсутствие в нем реперных для периода 1450–1475 гг. в истории Мангупа находок глазурованной керамики с орнаментом в технике «сграффито» группы ЮЗК с монограммами «ТХ» и именем князя Исаака, раннеосманской посуды группы «Miletus Ware», испанских изделий группы «Lustre Ware», сосудов из селадона и «псевдо-селадона» [19, с. 205–217]. Вместе с найденным в слое серебряным генуэзско-татарским аспром, выпущенным на монетном дворе г. Каффа в 1421–1435 гг., это позволяет уверенно датировать 3-й слой в пределах первой половины XV в. (после 1435 г.).

В процессе раскопок в наосе церкви Св. Георгия были исследованы два погребения. **Погребение № 1** открыто в юго-западном углу церкви, на месте предполагаемой гробницы № 1, обкладка которой не сохранилась. Погребение (женщина 20–25 лет) представляет собой одиночное вытянутое труположение на спине, со скрещенными на груди руками (Рис. 23). Инвентарь – крупный фрагмент ткани, серебряная полая каплевидная подвеска (Рис. 17,5) и акче времени Девлет Гирея I (1550–1577). **Погребение № 2** зачищено на уровне 2-го слоя вдоль южной стены храма (кладки № 2), сразу после снятия здесь «каменного завала на 2-м слое» (Рис. 11, 24). Оно представляет собой безынвентарное, вытянутое на спине захоронение мужчины 45–49 лет, сориентированное по оси восток – запад; кости рук согнуты в районе пояса. Не сохранились череп, кости кистей рук и правой стопы погребенной. Отсутствуют также контуры могильной ямы. О датировке погребения возможно говорить лишь предположительно, опираясь исключительно на сделанные в ходе работ стратиграфические наблюдения. Скорее всего, оно было совершено в период серьезного ремонта и перепланировки храма после событий 1475 г. и до начала второго строительного периода в его истории.

3. Архитектурный анализ и объемная реконструкция церкви Св. Георгия.

Основной объем информации для проведения архитектурного анализа строительных остатков церкви Св. Георгия и последующей реконструкции общего объемного решения и деталей интерьера храма происходит из раскопок памят-

ника в 2015–2016 гг. При этом следует отметить, что коллекция лапидарных находок из наоса храма и с территории прилегающего некрополя крайне немногочисленна [20, с. 79–82, рис. 2.12–13]. Вероятно, церковь лишилась основной части своего архитектурного убранства еще в начале XIX в., когда ее стены были разобраны на строительный материал. Местонахождение же архитектурных деталей, найденных во время раскопок Р. Х. Лепера в 1912–1913 гг., в том числе и фрагмента барельефа с изображением Св. Георгия, остается сейчас неизвестным. Единственная фотография 1912 г. с общим видом наоса храма показывает, что еще в это время от церкви *in situ* сохранялись нижние ряды стен, облицованные блоками с хорошо обработанной (подтесанной) лицевой поверхностью; дверной проем с пороговой двучастной плитой и оформленный такими же крупными обработанными блоками в технике двуслойной кладки; плитовая вымостка солеи и нижний ряд алтарной преграды; на фотографии также видно, что тесаным камнем была отделана апсида храма (Рис. 5). Из кратких отчетов о раскопках Р. Х. Лепера дополнительно известно, что во время исследований были обнаружены два престола в алтарной части памятника: один (поздний, неясной конструкции) найден перевернутым, от второго (более раннего, в виде «престола на одной ножке») сохранилось на месте только его основание; в тексте также указывается большое количество фрагментов фрески из верхнего слоя заполнения церкви [14, с. 74–75]. К сожалению, к моменту наших раскопок даже такой сохранности церковь Св. Георгия уже не имела, что объясняется, как нам сейчас представляется, продолжением работ Р. Х. Лепером в 1913 г., в ходе которых были сняты солея и алтарная преграда, и выбран в значительной степени культурный слой в храме до уровня его скального материка, особенно в восточной (алтарной) части комплекса. В 2015–2016 гг. нам пришлось вести раскопки археологического объекта, от которого сохранились только фундаменты его стен, лишённого даже отдельных элементов своего внутреннего убранства. Это, безусловно, усложняет проведение архитектурного описания памятника, особенно в части объемной и композиционной реконструкции храмового комплекса.

Композиционно-планировочное решение церкви Св. Георгия. Памятник представляет

собой однонефный храм с прямоугольным наосом и одной полукруглой апсидой. Размеры наоса – 6,20×4,40 м; внешний радиус апсиды – 2,00 м, внутренний – до 1,20 м. Общие размеры церкви: по ее внешнему обводу – 9,60×6,00 м, внутренние размеры – 7,80×4,40 м. Ориентация храма по оси юго-запад – северо-восток. Вход располагался с западной стороны (Рис. 9, 11, 25). Западной, южной, северной стенами храма являются соответственно кладки №№ 1, 2, 3, восточная (алтарная) стена обозначена на плане как кладка № 4. Ее, соответственно, северным и южным плечами, каждый длиной 1,00 м изнутри церкви, являются кладки №№ 5 и 6. Все стены храма сложены вперевязь, в технике трехслойной двупанцирной с забутовкой кладки, на известковом растворе с добавлением песка и крупной речной гальки (Рис. 26–27). Ширина западной, северной и южной стен до 0,80 м, ширина стены апсиды и ее плечей достигает местами 1,00 м. Сохранность в высоту всех стен церкви до 6-ти рядов кладки (до 1,17 м). Основанием их является выровненная поверхность скалы с незначительными грунтовыми подсыпками в местах неровностей материка. Строительный материал – бутовый, крупного и среднего размеров камень с грубой лицевой подтеской. Отдельные, хорошо обработанные прямоугольные блоки использованы в нижних рядах стен, в углах постройки и при сооружении внешнего лицевого панциря апсиды. Ряды кладки выровнены, для чего использовался мелкий бут и крупные фрагменты керамики. При этом следует помнить, что мы имеем дело только с фундаментом здания; более верхние ряды стен, как уже говорилось, были, в действительности, облицованы прямоугольными блоками с тщательно подтесанной поверхностью. Церковь была оштукатурена изнутри и снаружи. Отдельные пласты штукатурки сохранились до сих пор на внутренней поверхности северной стены храма (кладка № 3).

Храм имел богатую **полихромную фресковую роспись** изнутри, о чем свидетельствовали многочисленные фрагменты фресок (всего 2928) из 1-го слоя в наосе памятника (Рис. 28–29) [их подробный анализ см.: 20, с. 83–87]. Несмотря на общую плохую сохранность фрагментов фресковой росписи из раскопок церкви Св. Георгия, их наличие и проведенный анализ,

безусловно, свидетельствуют о неординарности данного памятника среди известных храмовых комплексов Мангупского городища периода княжества Феодоро. Фресковой росписью были покрыты стены и своды церкви, включая ее алтарную часть. При нанесении полихромной росписи использованы природные красители шести цветов: желтого, зеленого, красного, коричневого, черного и синего. Сохранились фрагменты с изображениями одеяний и нимбов святых. Важнейшим наблюдением для реконструкции строительной периодизации храма является также заключение о двух уровнях фресковой росписи, что, вероятно, связано с двумя периодами (ремонтами) в истории церкви.

В ходе раскопок 2015–2016 гг. следов алтарной преграды и престола внутри церкви не было обнаружено. От пороговой плиты сохранилась *in situ* только ее субструкция. Единственным сохранившимся элементом внутренней архитектурной композиции храма оказалась гробница № 2 в его северо-западном углу. Еще одна гробница (№ 1) предположительно находилась в юго-западном углу церкви, однако следы ее обкладки были полностью уничтожены в процессе раскопок 1912–1913 гг. О находившемся здесь погребении № 1 мы уже говорили (Рис. 11, 20).

Гробница № 2 открыта в северо-западном углу церкви (Рис. 11, 20, 22, 25). Ее контур определяется каменной однорядной обкладкой, сложенной из мелкого бутового камня на известковом растворе и примыкающей к стенам храма. Внутренние размеры гробницы – 2,20×0,70 м, глубина – 0,28–0,30 м. Гробница была полностью выбрана в 1912 г. Из ее современного заполнения, фактически задренованного «слоя отвалов из раскопок 1912–1913 гг.», нам удалось извлечь две монеты времени хана Менгли Гирея I (1478–1515).

В процессе раскопок стало понятным, что гробница № 2 в своей истории имела два строительных периода. Первоначальное погребальное сооружение представляло собой полностью вырубленную в скале могилу прямоугольной формы с сильно скругленными углами. После обрушения восточного и частично южного бортов она подверглась серьезному ремонту. Поздняя гробница, сохранив внутреннее пространство, была уже обложена бутовой кладкой на известковом растворе. Основанием обкладки

могилы стала поверхность 2-го слоя, хронология археологического комплекса из которого дает основания относить ремонт гробницы ко второму строительному периоду в истории церкви.

Объемная реконструкция церкви Св. Георгия. Восстановление внешнего облика храмового комплекса, исходя из соотношения длины и ширины прямоугольного в плане здания в пропорции 5:3 и известной ширины его стен, не является сложной задачей. При этом можно с уверенностью сказать, что перекрытие церкви было стропильным, с предполагаемым уклоном ската кровли до 20°, с учетом использования черепицы в качестве основного материала для перекрытия крыши (Рис. 30).

Труднее реконструировать хотя бы отдельные детали интерьера храма с учетом малочисленности и невыразительности лапидарной коллекции из его раскопок в 2015–2016 гг. Из 15 найденных архитектурных деталей только три могут быть использованы для реконструкции алтарной преграды церкви Св. Георгия. Г-образная колонна в таком варианте рассматривается в качестве базы боковой колонны алтарного ограждения, восьмигранная колонка – ствола алтарного престола, а один из наличников со сложным архитектурным обломом – как абака алтарной преграды (Рис. 31–32).

4. Строительная периодизация и хронология церкви Св. Георгия.

На основании археологических исследований 2015–2016 гг. установлено наличие нескольких строительных периодов в истории церкви Св. Георгия. Наиболее ранней постройкой на ее месте, не имеющей точной хронологии, является скальное сооружение, от которого сохранились лишь отдельные скальные ступени высотой от 0,07 до 0,31 м (Рис. 22, 25). Пока можно лишь предполагать прямоугольную форму постройки с внутренней шириной около 3,00 м, вытянутую по оси северо-восток – юго-запад. Также неясным остается функциональное назначение этого сооружения, так как не сохранился культурный слой, связанный с его использованием. Безусловно, было бы логичным интерпретировать данную скальную постройку как полностью срубленный при строительстве церкви Св. Георгия более ранний храмовый комплекс в вер-

ховьях мыса Елли-бурун, но следует признать отсутствие для таких заключений каких-либо оснований.

В первой половине XV в., скорее всего, во второй четверти этого столетия, на месте скального сооружения возводится собственно церковь Св. Георгия – однефный одноапсидный храм с расположенным вокруг него на двух скальных террасах кладбищем. Очевидно, что уже в **первый строительный период** церковь имела современные размеры (9,60×6,00 м) и ориентацию, несколько скальных гробниц в наосе, алтарный одностолпный престол и богатую полихромную фресковую роспись (Рис. 25). Скальные ступени прежнего сооружения, частично срубленные, выполняли функцию фундаментов стен церкви. Ее «полом» являлась скальная поверхность, неровности которой были сnivelированы грунтовыми подсыпками с известковой обмазкой (3-м слоем). Основными типами погребальных сооружений на территории прихрамового некрополя являлись вырубленные скальные гробницы двух типов: прямоугольной формы и «склепного» типа с небольшим входом-дромосом – предназначенные для многократных захоронений.

Храмовый комплекс, очевидно, пострадал во время событий 1475 г. и был на некоторое время заброшен. **Второй строительный период** начинается в конце XV – начале XVI в., не позднее правления хана Менгли Гирея I (1478–1515), когда церковь была восстановлена и подверглась некоторой перестройке, сохранив при этом свои первоначальные размеры (Рис. 9, 11). К новым конструктивным элементам храма относятся повышенный уровень «пола» на мощной каменно-земляной субструкции («каменном завале на 2-м слое»), вымощенный плитовой вымосткой, две гробницы у входа в наос с каменной обкладкой, новый алтарный престол с солеей. Изнутри церковь заново была покрыта фресковой росписью.

Перестроенная церковь Св. Георгия просуществовала недолго. Как уже говорилось, Мартин Броневский, посетивший Мангуп около 1578 г., отмечал ее «ничтожное» состояние. Если погребение № 1 в юго-западном углу храма действительно связано с функционированием предполагаемой гробницы № 1, в таком случае следует обратить внимание на монету из этого комплекса времени хана Девлет Гирея I (1550–1577),

безусловно, наиболее позднюю датированную находку из раскопок храма. Ко времени же путешествия Эвлии Челеби в 1666–1667 гг. церковь, как и ее некрополь, были окончательно забро-

шены. По материалам раскопок 2015–2016 гг., мы предполагаем, что это произошло ближе к концу XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алядинова Д. Ю., Тесленко И. Б. Некоторые древности османского периода из селения Алушта // Terra Alustiana MMXI: сборник научных трудов по материалам научной конференции. Симферополь: Антиква, 2015. С. 157–199.
2. [Браун Ф. А.] Отчет об археологических исследованиях Ф. А. Брауна в 1890 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 40/1890. Л. 1–34.
3. Веймарн Е. В. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Разведки оборонительных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34. С. 419–429.
4. Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 87–166, 242–271.
5. Герцен А. Г. Археологические исследования Мангупа в 1967–1977 гг. // Херсонесский колокол: сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения и 50-летия научной деятельности В. Н. Даниленко. Симферополь: Сонат, 2008. С. 305–326.
6. Герцен А. Г. Мангуп глазами исследователей и путешественников (XVI – начало XX в.) // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 212–256.
7. Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.
8. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Стилос, 2005. С. 257–287.
9. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви Св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 389–431.
10. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // ТГЭ. 2010. Т. LI. С. 387–419.
11. Герцен А. Г., Науменко В. Е. История изучения и топография храмовых комплексов и некрополей Мангупского городища // Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография / Отв. ред. А. И. Айбабин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 10–55.
12. Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища: по материалам раскопок 2015–2016 гг. // Археология средневекового храма: материалы научной конференции, посвященной 170-летию К. К. Косцюшко-Валюжинича. Севастополь, 2017. С. 9–13.
13. Герцен А. Г., Науменко В. Е., Душенко А. А., Корзюк Д. В., Лавров В. В., Смекалова Т. Н., Шведчикова Т. Ю., Чудин А. В. Результаты междисциплинарных исследований Мангупского городища в 2015 г. // КСИА. 2016. № 243. С. 127–147.
14. Лепер Р. Х. Археологические исследования в Мангупе в 1912 г. // ИИАК. 1913. Вып. 47. С. 73–79, 146–154.
15. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 16 октября 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 266–269.
16. Лепер Р. Х. Протоколы заседаний Таврической Ученой Архивной Комиссии. Заседание 30 января 1914 г. (сообщение Р. Х. Лепера о раскопках на Мангупе в 1913 г.) // ИТУАК. 1914. № 51. С. 297–300.
17. Лепер Р. Х., Моисеев Л. А. Раскопки на Мангупе // ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918. С. 72–84.
18. Мартин Броневский. Описание Крыма (подготовка републикации текста М. Мачинской и А. Герцена, предисловие и комментарий А. Герцена) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 10. С. 156–200.
19. Науменко В. Е., Душенко А. А. Княжеский дворец Мангупского городища: помещение Н южного участка комплекса (по материалам коллекции Государственного Эрмитажа и современных археологических исследований) // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 187–238.

20. Науменко В. Е., Иожица Д. В., Набоков А. И. Церковь Святого Георгия // Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.): коллективная монография / Отв. ред. А. И. Айбабин. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 56–108.
21. ОАК за 1890 г. СПб., 1893. 152 с.
22. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
23. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995. 173 с.
24. Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV–XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. Вып. I. С. 495–512, 547–560.
25. Тесленко И. Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV вв.: хронология и эволюция // История и археология Крыма. Симферополь: АРИАЛ, 2015. С. 428–436.
26. Тиханова М. А. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 334–389.
27. Уваров А. С. Командировка графа на исследование южных губерний // Уваров А. С. Сборник мелких трудов. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теории археологии. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1910. С. 7–15.
28. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: ДОЛЯ, 2008. 272 с.
29. Якобсон А. Л. Мангуп. Отчеты (раскопки 1938 г.). Дворец // МИА. 1953. № 34. С. 390–418.
30. Papanikola-Bakitzzi D. Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito. Athens, 1999. 270 p.
31. Vroom J. Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide. Bijleveld: Parnassus Press, 2005. 223 p.

REFERENCES

1. Aliadinova D. Iu., Teslenko I. B. Nekotorye drevnosti osmanskogo perioda iz seleniia Alushta. *Terra Alustiana MMXI: sbornik nauchnykh trudov po materialam nauchnoi konferentsii*. Simferopol', Antikva Publ., 2015, pp. 157–199.
2. [Braun F. A.] Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiax F. A. Brauna v 1890 g. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk*. F. 1. D. 40/1890. L. 1–34.
3. Veimarn E. V. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). *Razvedki oboronitel'nykh sten i nekropolia. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 419–429.
4. Gertsen A. G. Krepostnoi ansambl' Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1990, vol. I, pp. 87–166, 242–271.
5. Gertsen A. G. Arkheologicheskie issledovaniia Mangupa v 1967–1977 gg. *Khersonesskii kolokol: sbornik nauchnykh statei, posviashchennykh 70-letiiu so dnia rozhdeniia i 50-letiiu nauchnoi deiatel'nosti V. N. Danilenko*. Simferopol', Sonat Publ., 2008, pp. 305–326.
6. Gertsen A. G. Mangup glazami issledovatelei i puteshestvennikov (XVI – nachalo XX v.). *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 2008, vol. 3, pp. 212–256.
7. Gertsen A. G., Zemliakova A. Iu., Naumenko V. E., Smokotina A. V. Stratigraficheskie issledovaniia na iugo-vostochnom sklone mysy Teshkli-burun (Mangup). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, vol. XII, pp. 371–494.
8. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Polivnaia keramika iz raskopok tsitadeli Mangupa. *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia X–XVIII vv.* Kiev, Stilos Publ., 2005, pp. 257–287.
9. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Arkheologicheskie issledovaniia v raione tserkvi Sv. Konstantina (Mangup): II gorizont zastroiki (XV v.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2009, vol. XV, pp. 389–431.
10. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Arkheologicheskii kompleks tret'ei chetverti XV v. iz raskopok kniazheskogo dvortsa Mangupskogo gorodishcha. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2010, vol. LI, pp. 387–419.

11. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Istorii izucheniia i topografiia khramovykh kompleksov i nekropolei Mangupskogo gorodishcha. *Aibabin A. I. (Ed.). Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkhologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.): kollektivnaia monografiia*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istorii Publ., 2017, pp. 10–55.
12. Gertsen A. G., Naumenko V. E. Tserkov' Sviatogo Georgiia Mangupskogo gorodishcha: po materialam raskopok 2015–2016 gg. *Arkheologiia srednevekovogo khrama: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 170-letiiu K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha*. Sevastopol', 2017, pp. 9–13.
13. Gertsen A. G., Naumenko V. E., Dushenko A. A., Korziuk D. V., Lavrov V. V., Smekalova T. N., Shvedchikova T. Iu., Chudin A. V. Rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovaniia Mangupskogo gorodishcha v 2015 g. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 2016, No. 243, pp. 127–147.
14. Leper R. Kh. Arkheologicheskie issledovaniia v Mangupe v 1912 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1913, vol. 47, pp. 73–79, 146–154.
15. Leper R. Kh. Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii. Zasedanie 16 oktiabria 1912 g. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1913, No. 49, pp. 266–269.
16. Leper R. Kh. Protokoly zasedanii Tavricheskoi Uchenoi Arkhivnoi Komissii. Zasedanie 30 ianvaria 1914 g. (soobshchenie R. Kh. Lepera o raskopkakh na Mangupe v 1913 g.). *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1914, No. 51, pp. 297–300.
17. Leper R. Kh., Moiseev L. A. Raskopki na Mangupe. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1913–1915 gg.* Petrograd, 1918, pp. 72–84.
18. Martin Bronevskii. Opisanie Kryma (podgotovka republikatsii teksta M. Machinskoi i A. Gertsena, predislovie i kommentarii A. Gertsena). *Isticheskoe nasledie Kryma*. Simferopol', 2005, No. 10, pp. 156–200.
19. Naumenko V. E., Dushenko A. A. Kniazheskii dvorets Mangupskogo gorodishcha: pomeshchenie H iuzhnogo uchastka kompleksa (po materialam kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha i sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniia). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, vol. XXII, pp. 187–238.
20. Naumenko V. E., Iozhitsa D. V., Nabokov A. I. Tserkov' Sviatogo Georgiia. *Aibabin A. I. (Ed.). Naselenie Dorosa-Feodoro po rezul'tatam kompleksnogo arkhologo-antropologicheskogo analiza nekropolei Mangupskogo gorodishcha (IV–XVII vv.): kollektivnaia monografiia*. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istorii Publ., 2017, pp. 56–108.
21. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1890 g.* St. Petersburg, 1893, 152 p.
22. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviia po iuzhnykh namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p.
23. Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, 1995, 173 p.
24. Teslenko I. B. Odnazh iz goncharnykh traditsii Tavriki XIV–XV vv. (keramika grupy Iugo-Zapadnogo Kryma). *Istorii i arkheologiia Kryma*. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2014, vol. I, pp. 495–512, 547–560.
25. Teslenko I. B. Odnazh iz grupp nepolivnoi keramiki Kryma XV vv.: khronologiia i evoliutsiia. *Istorii i arkheologiia Kryma*. Simferopol': ARIAL Publ., 2015, pp. 428–436.
26. Tikhanova M. A. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). *Bazilika. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 334–389.
27. Uvarov A. S. Komandirovka grafa na issledovanie iuzhnykh gubernii. *Uvarov A. S. Sbornik melkikh trudov. T. III. Materialy dlia biografii i stat'i po teorii arkheologii*. Moscow, G. Lissner i D. Sobko Publ., 1910, pp. 7–15.
28. Evliia Chelebi. *Kniga puteshestviia. Krym i sopredel'nye oblasti (izvlecheniia iz sochineniia turetskogo puteshestvennika XVII veka)*. Simferopol', DOLIA Publ., 2008, 272 p.
29. Iakobson A. L. Mangup. Otchety (raskopki 1938 g.). *Dvorets. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 390–418.
30. Papanikola-Bakitzzi D. *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*. Athens, 1999, 270 p.
31. Vroom J. *Byzantine to Modern Pottery (7th to 20th Century). An introduction and Field Guide*. Bijleveld, Parnassus Press, 2005, 223 p.

А. Г. Герцен, В. Е. Науменко
Церковь Святого Георгия Мангупского городища.
Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг.
Резюме

Статья посвящена публикации результатов археологических исследований церкви Св. Георгия Мангупского городища в 2015–2016 гг.

Церковь Св. Георгия является типичным примером христианской квартальной церкви Мангупского городища поздневизантийского и раннеосманского времени. Представляет собой однефный одноапсидный храм, вокруг которого расположено христианское кладбище.

Первый строительный период памятника относится к первой половине XV в., скорее всего, ко второй четверти этого столетия. Уже в это время внутри церкви располагались несколько скальных гробниц в наосе, она имела алтарный одностолпный престол и богатую полихромную фресковую роспись. В 1475 г.

храм был разрушен. В конце XV – начале XVI в., в правление хана Мангли Гирея I (1478–1515), церковь была восстановлена. Новыми конструктивными элементами ее стали повышенный пол, две гробницы у входа и новый алтарный престол с солеей. Изнутри храм заново был покрыт фресковой росписью.

Перестроенная церковь Св. Георгия просуществовала недолго. Наиболее поздней датированной находкой из ее раскопок является монета времени хана Девлет Гирея I (1550–1577). Путешественники XVII в. отмечали полную заброшенность храма и его некрополя к этому времени. По материалам раскопок 2015–2016 гг., это произошло ближе к концу XVI в.

Ключевые слова: Крым, Мангуп, Феодоро, церковь Св. Георгия, церковная археология.

Aleksandr Gertsen, Valeriy Naumenko
St. George's Church of Mangup Fortress.
Common Results of Archeological Research in 2015–2016
Summary

The article is devoted to the publication of the results of archaeological research of St. George's Church of Mangup fortress in 2015–2016.

St. George's Church is a typical example of the Christian quarter church of the Mangup settlement of late Byzantine and early Ottoman times. It is a one-nave single-apsidal temple, around which there is a Christian cemetery.

The first construction period of the monument dates from the first half of the 15th century, most likely to the second quarter of this century. Already at this time several rock tombs in the naos were located inside the church, it had an altar one-pillar throne and a rich polychrome fresco painting. In 1475 the temple was destroyed. In the late 15th and early 16th centuries,

during the reign of khan Mangli Giray I (1478–1515), the church was rebuilt. The new structural elements of it were the raised floor, two tombs at the entrance and a new altar throne with salt. From the inside, the temple was again covered with a fresco painting.

The reconstructed St. George's Church did not last long. The most recent dated discovery from her excavations is the coin of the time of khan Devlet Giray I (1550–1577). Travelers of the 17th century marked the complete abandonment of the temple and its necropolis by this time. Based on materials from excavations in 2015–2016, this occurred near the end of the 16th century.

Keywords: Crimea, Mangup, Theodoro, St. George's Church, church archeology.

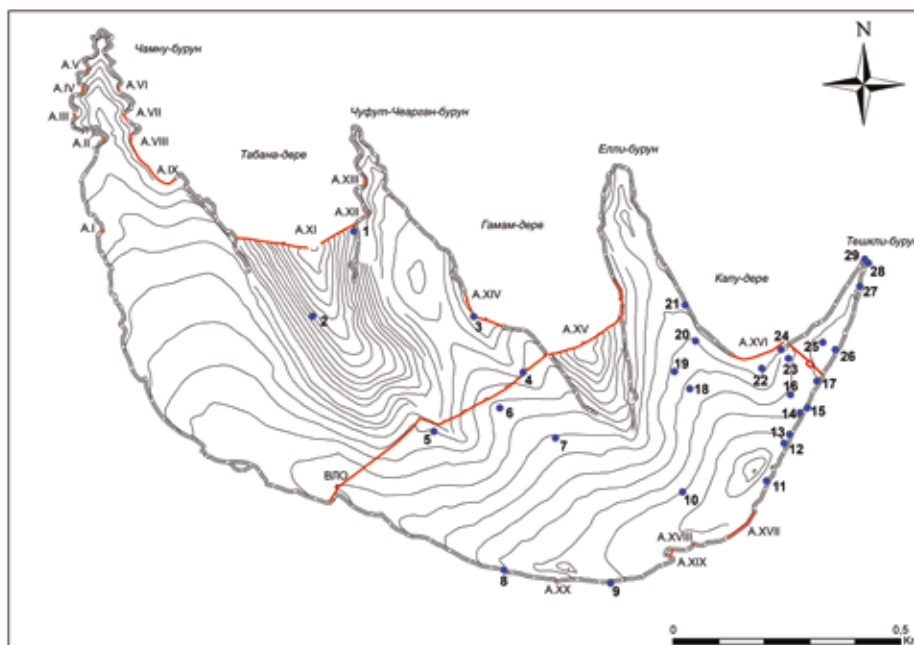

Рис. 1. Общий план Мангупского плато с указанием основных объектов археологических исследований 1853–2018 гг.: 1 – Северный пещерный монастырь; 2 – караимский некрополь; 3 – позднееримский некрополь в устье Лагерной балки; 4 – поселение в Лагерной балке; 5 – синагога; 6 – Большая трехнефная базилика; 7 – Дворец 1425–1475 гг.; 8 – алтарь в карстовой пещере МК-2; 9 – Южный пещерный монастырь; 10 – церковь Св. Константина; 11 – «Малая южная базилика»; 12 – тарапаны 1912 и 1968 гг.; 13 – «церковь 1968 г.»; 14 – пещерная церковь на «площадке со склепами»; 15 – пещерная церковь в обрыве под «площадкой со склепами»; 16 – Главная мечеть; 17 – «церковь 1967 г.»; 18 – «церковь 1969 г.»; 19 – мусульманское кладбище в верховьях Гамам-дере; 20 – церковь Св. Георгия; 21 – «церковь 2015 г.»; 22 – безымянная церковь в верховьях Капу-дере; 23 – скальный некрополь на эспланаде цитадели; 24 – надвратная церковь с усыпальницами в Капу-дере; 25 – октагональный храм; 26 – «церковь 2005 г.»; 27 – «гарнизонная церковь»; 28 – пещерная церковь под оконечностью мыса Тешкли-бурун; 29 – Северо-восточный монастырь.

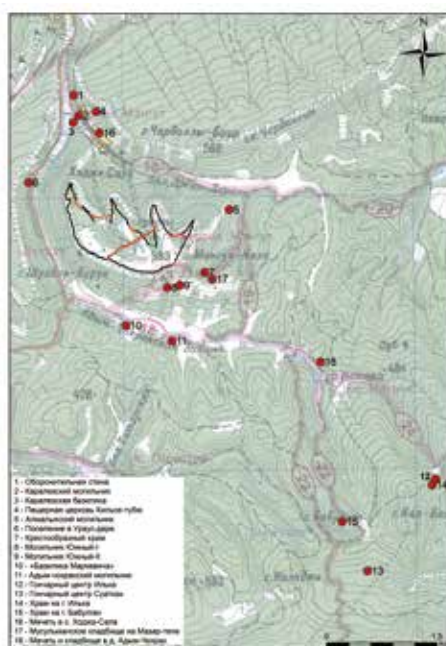

Рис. 2. Археологическая карта окрестностей Мангупского городища с указанием основных объектов исследований.

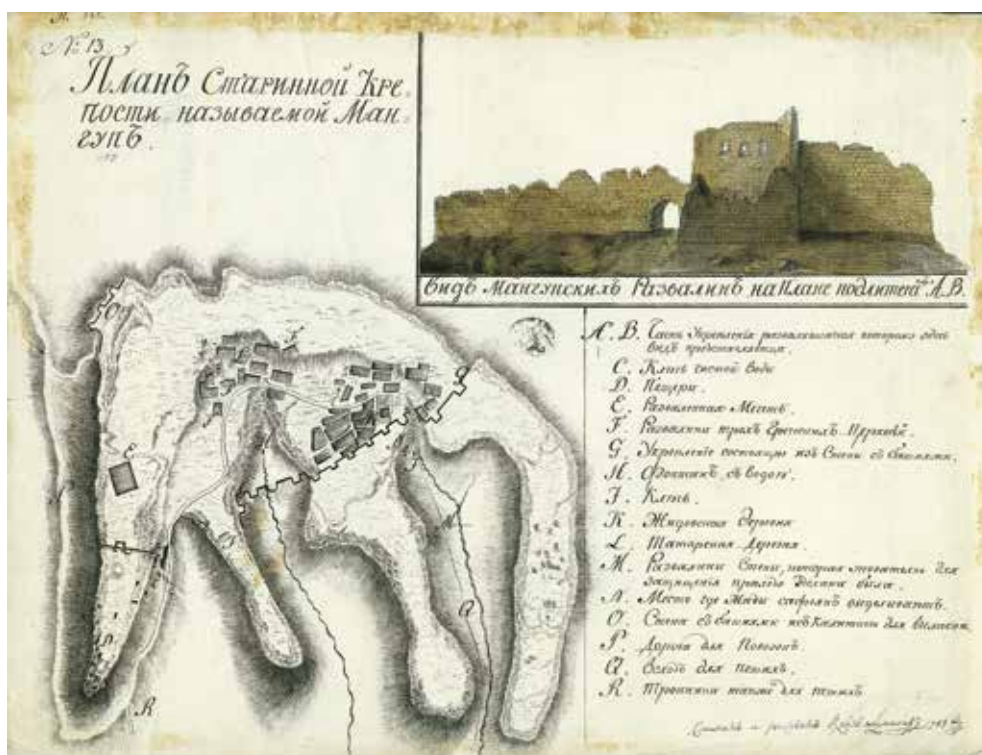

Рис. 3. «План старинной крепости Мангуп», который «снимал и рисовал князь Дашков. 1784 год» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22137].

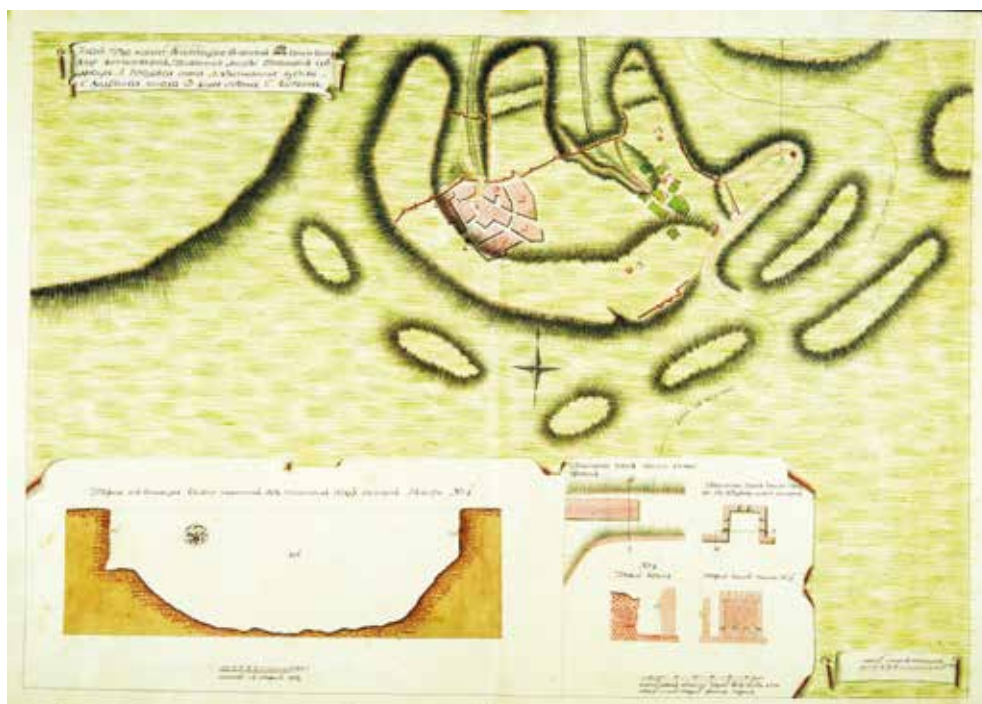

Рис. 4. «План городу Мангупу, в котором от большей части жида жительствоуют» (1780-е гг.) [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 22138].

Рис. 5. Раскопки Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912–1914 гг. Церковь Св. Георгия. Общий вид по окончании работ 1912 г. На фото Р. Х. Лепер (справа) и М. Я. Гидалевич, соорганизатор раскопок (НА ГМЗХТ).

Рис. 6. Раскопки Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912 г. Церковь Св. Георгия. Группа рабочих. Слева, на заднем плане – руины храма и фрагмент барельефа с изображением Св. Георгия (НА ГМЗХТ).

Рис. 7. Раскопки Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912 г. Церковь Св. Георгия.
Фрагмент барельефа с изображением Св. Георгия (НА ГМЗХТ).

Рис. 8. Раскопки Р. Х. Лепера на Мангупе в 1912 г. Общий вид на цитадель на мысе Тешкли-бурун.
Справа – отвал из раскопок церкви Св. Георгия (НА ГМЗХТ).

Рис. 9. Церковь Св. Георгия. Общий план участка исследований 2015–2016 гг. В наосе храма – ситуационный план после выборки «слоя отвалов из раскопок 1912–1913 гг.».

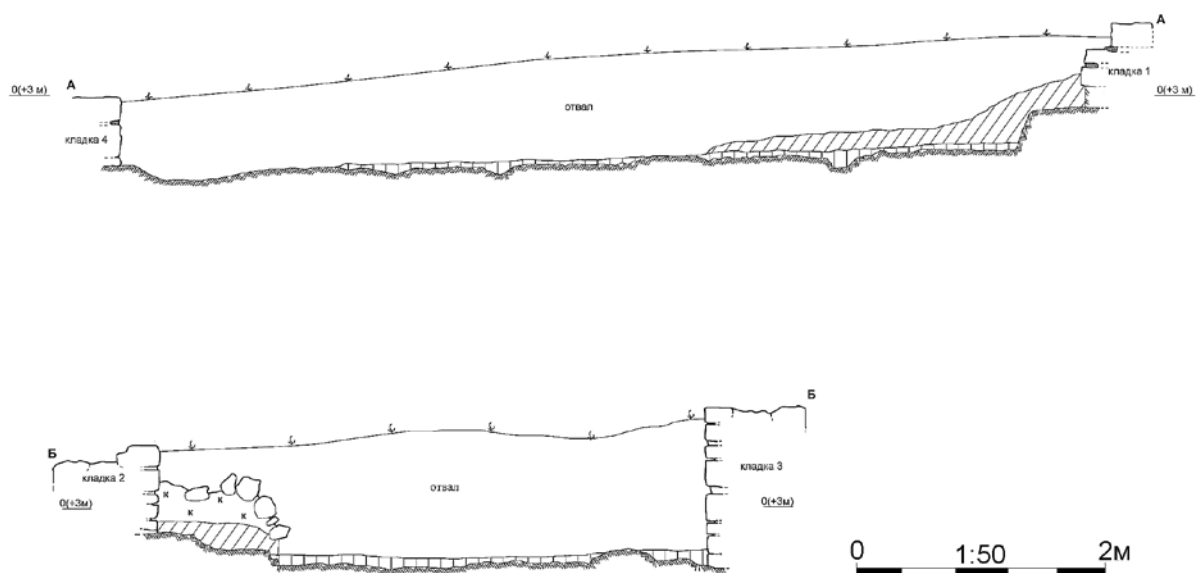

Рис. 10. Церковь Св. Георгия. Наос. Продольный (А-А) и поперечный (Б-Б) стратиграфические разрезы по завершении работ 2015–2016 гг.

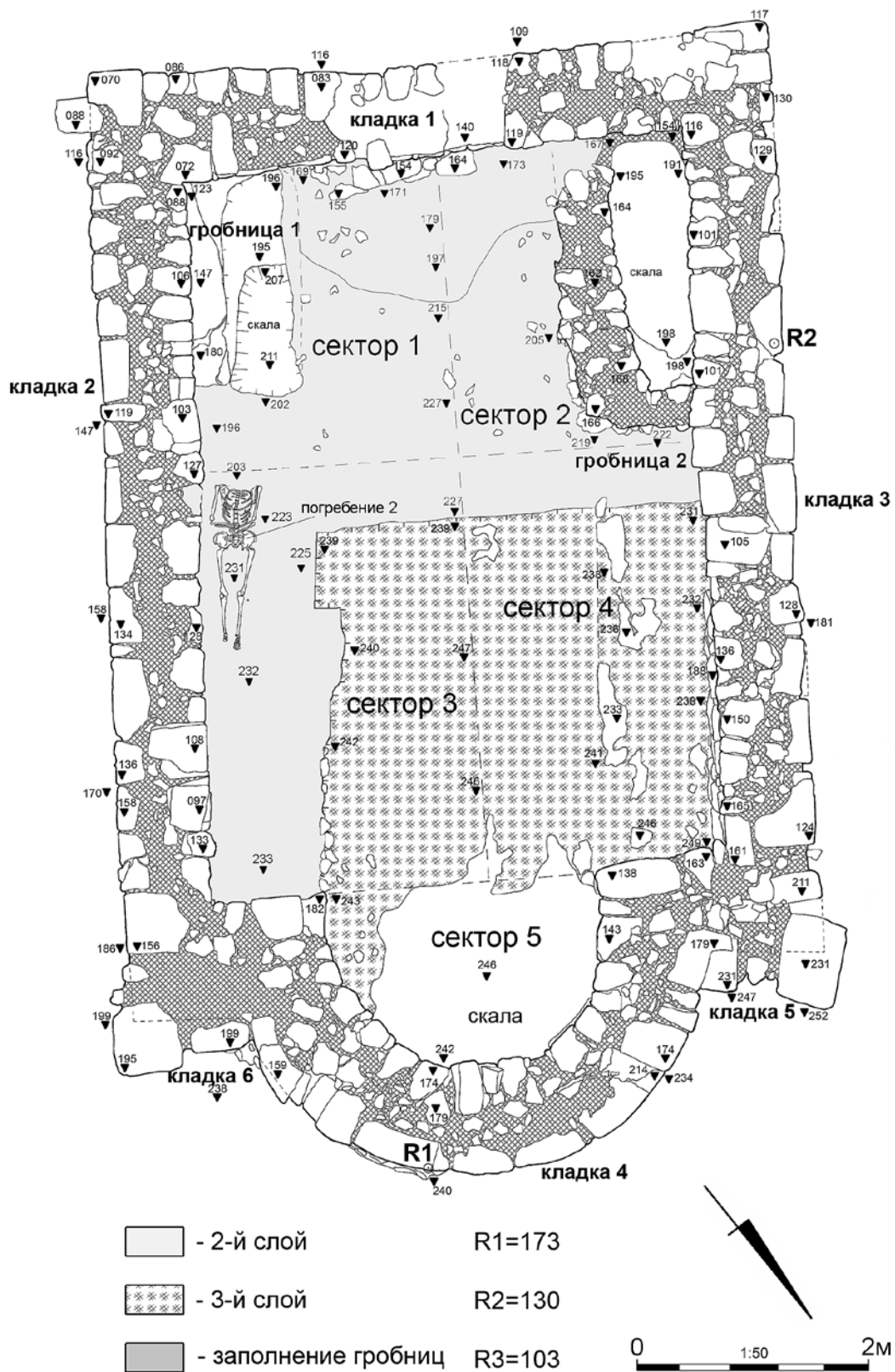

Рис. 11. Церковь Св. Георгия. Наос. Общий план по уровню 2-го слоя.

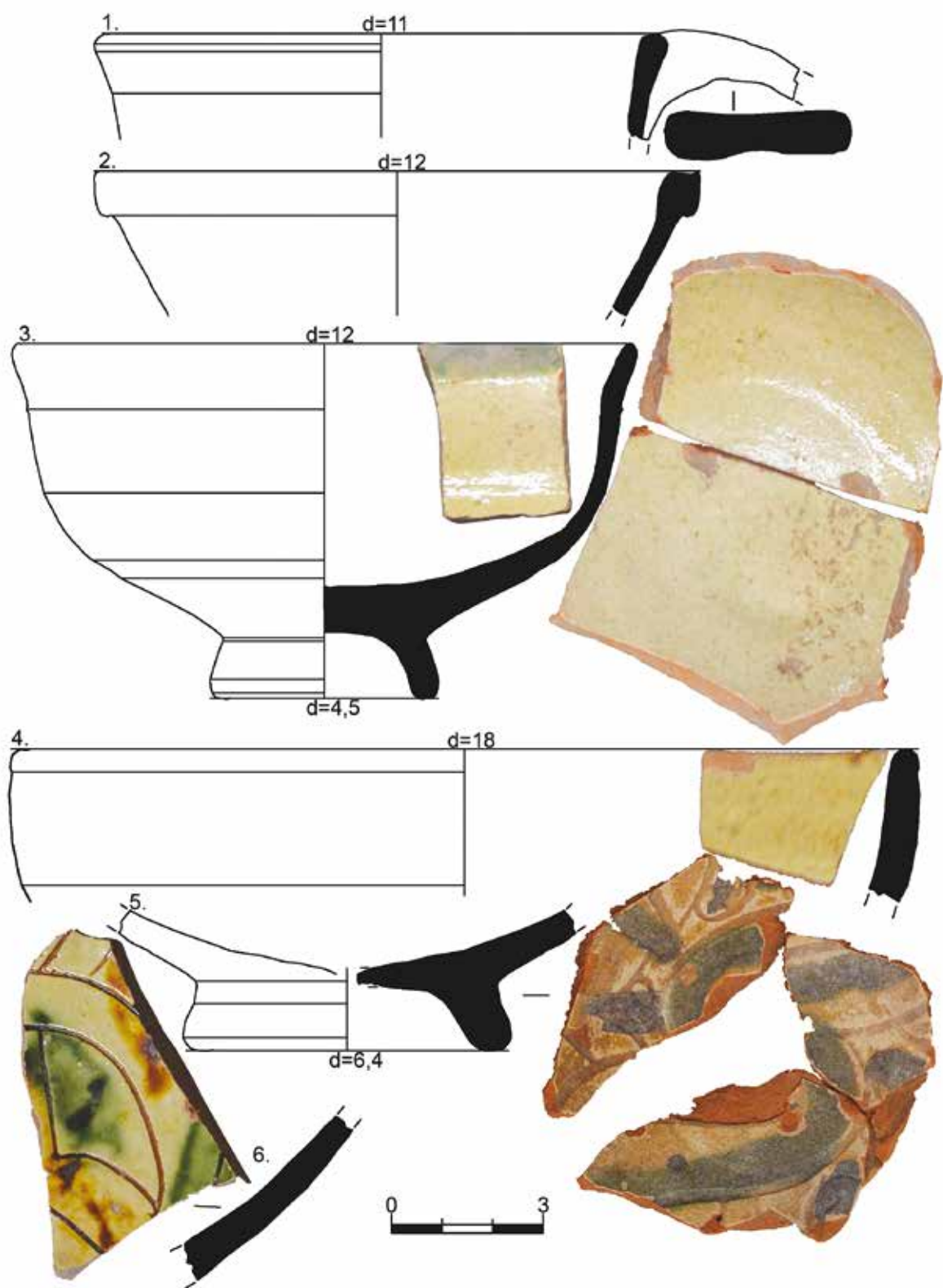

Рис. 12. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из 1-го слоя.

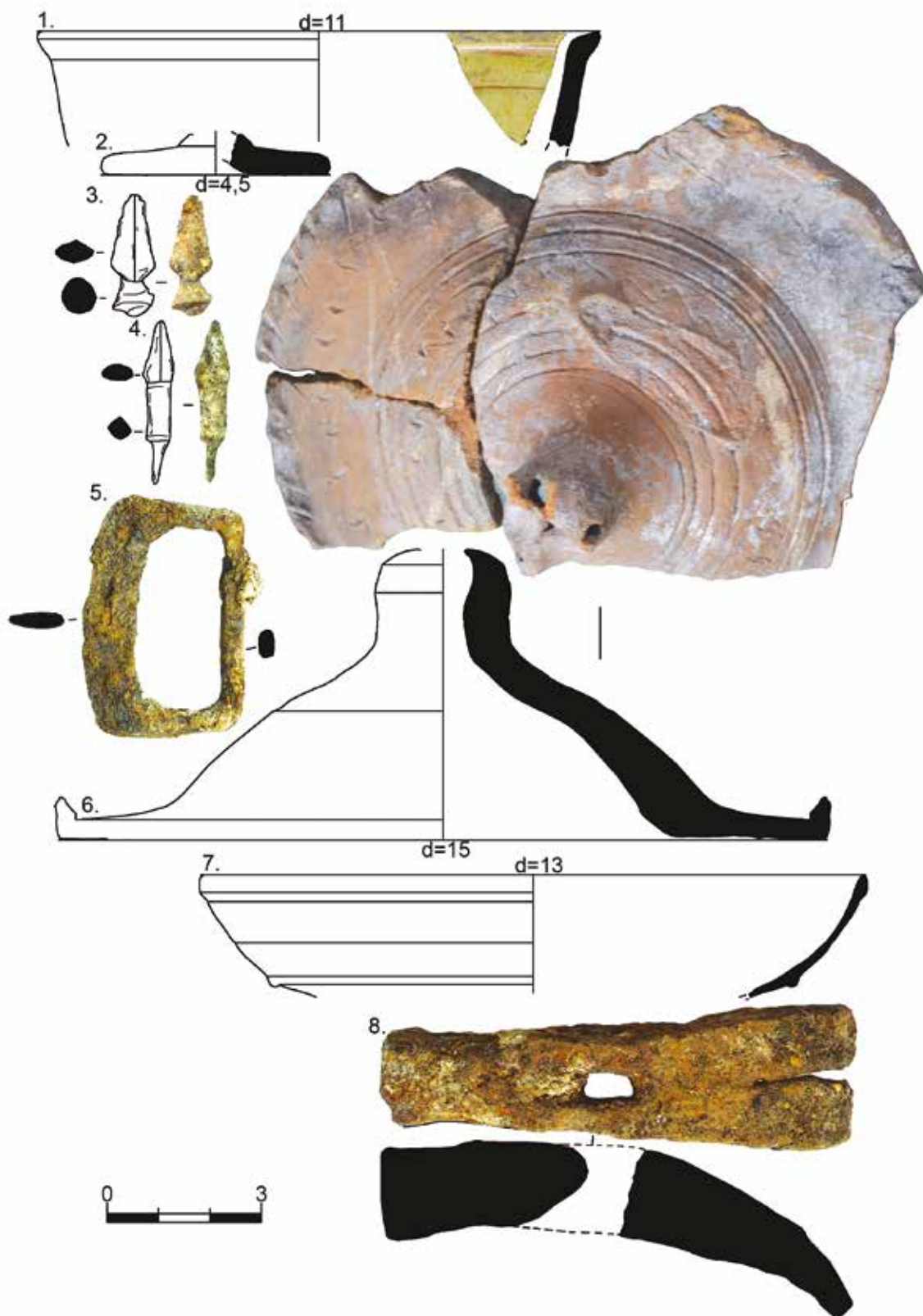

Рис. 13. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из 1-го слоя.

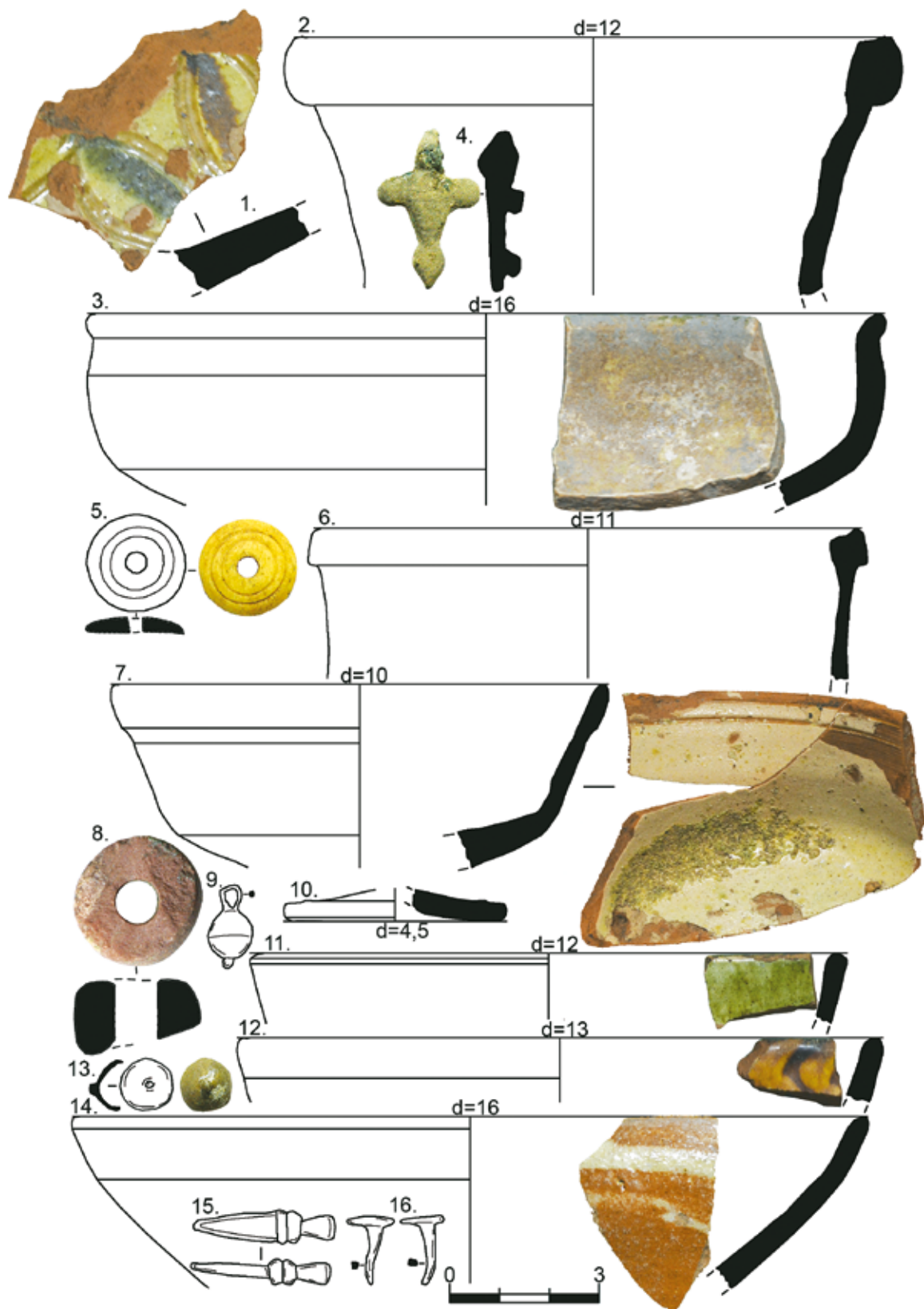

Рис. 14. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из 1-го слоя.

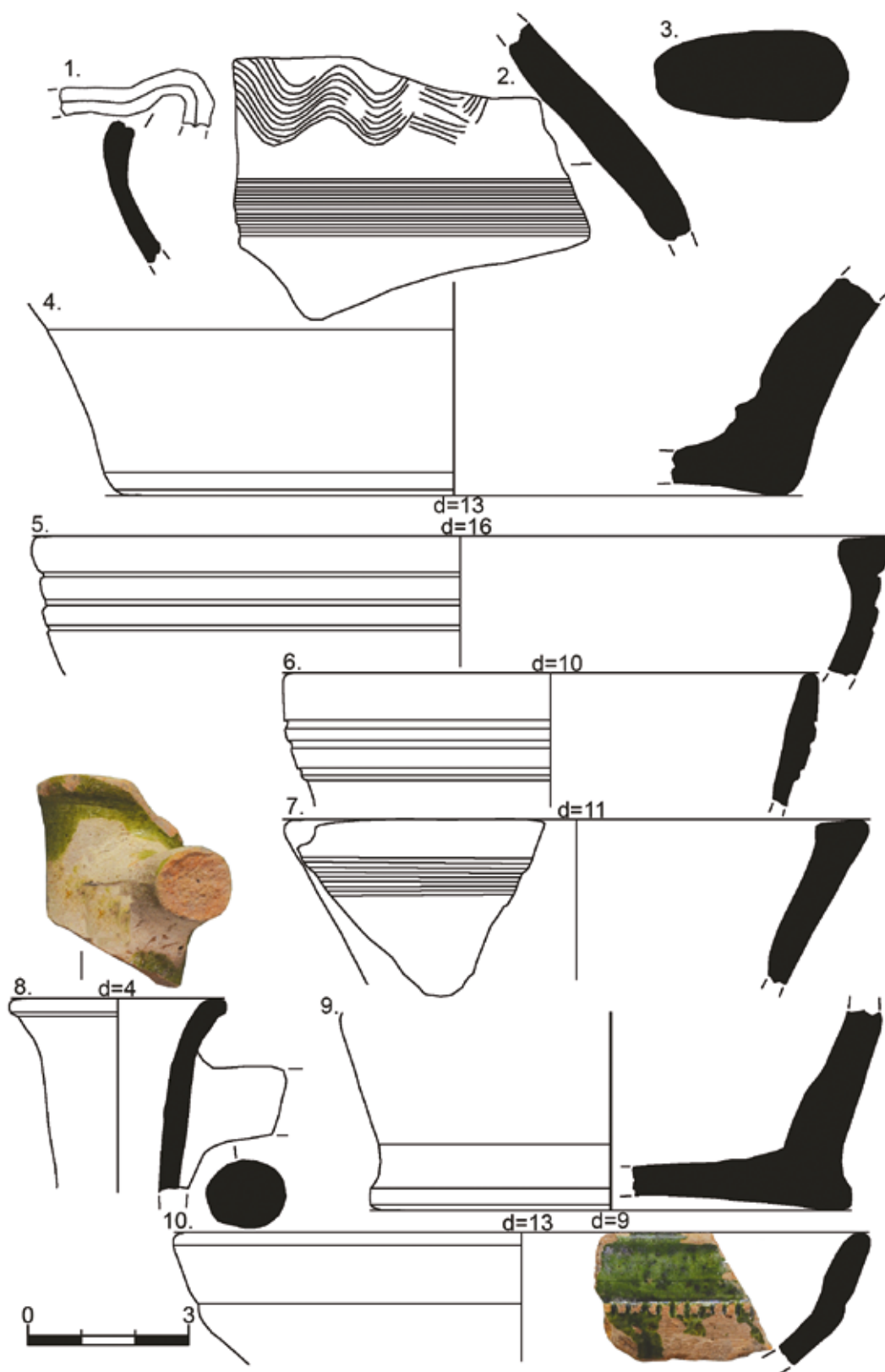

Рис. 15. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из 1-го слоя.

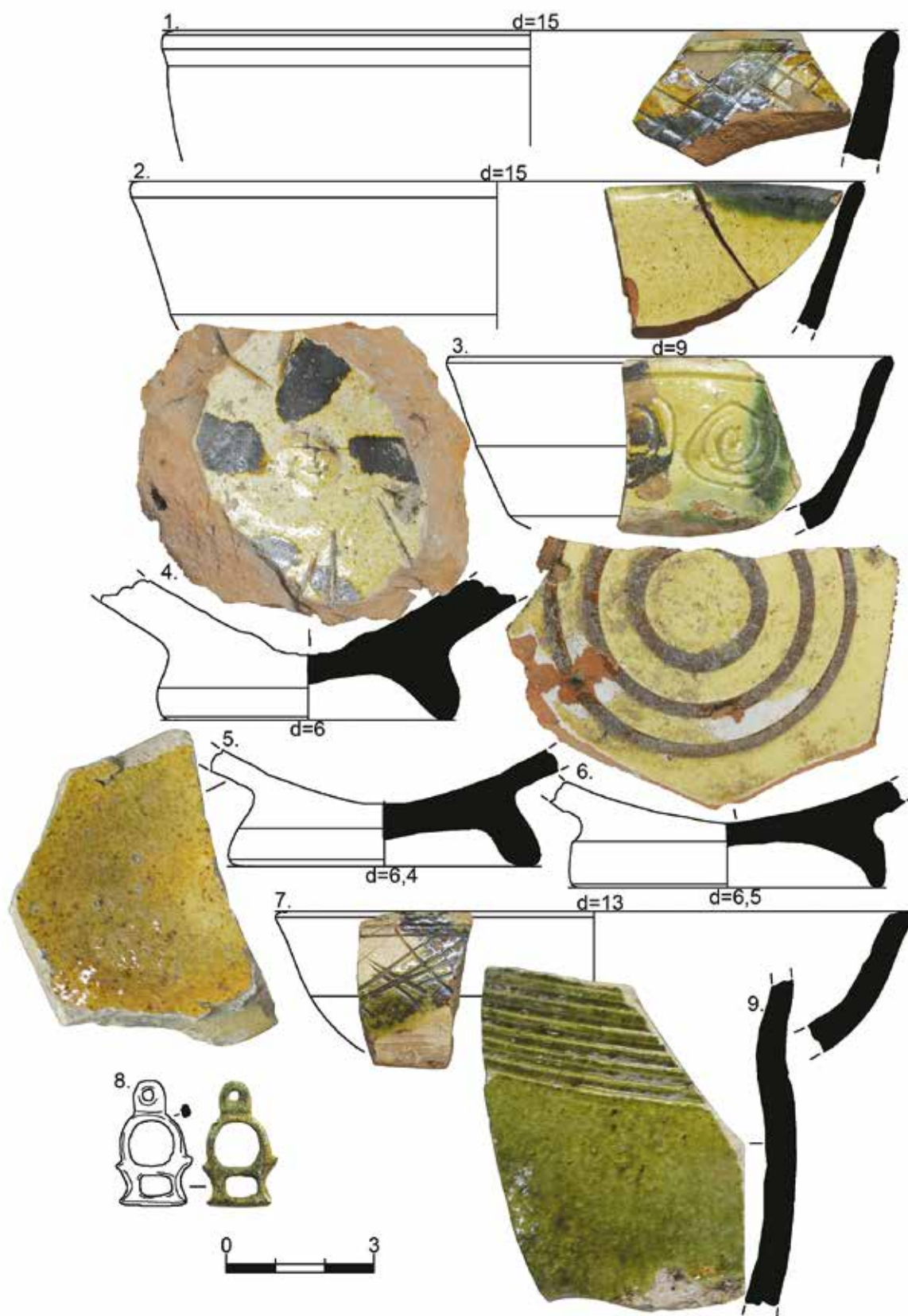

Рис. 16. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из 1-го слоя.

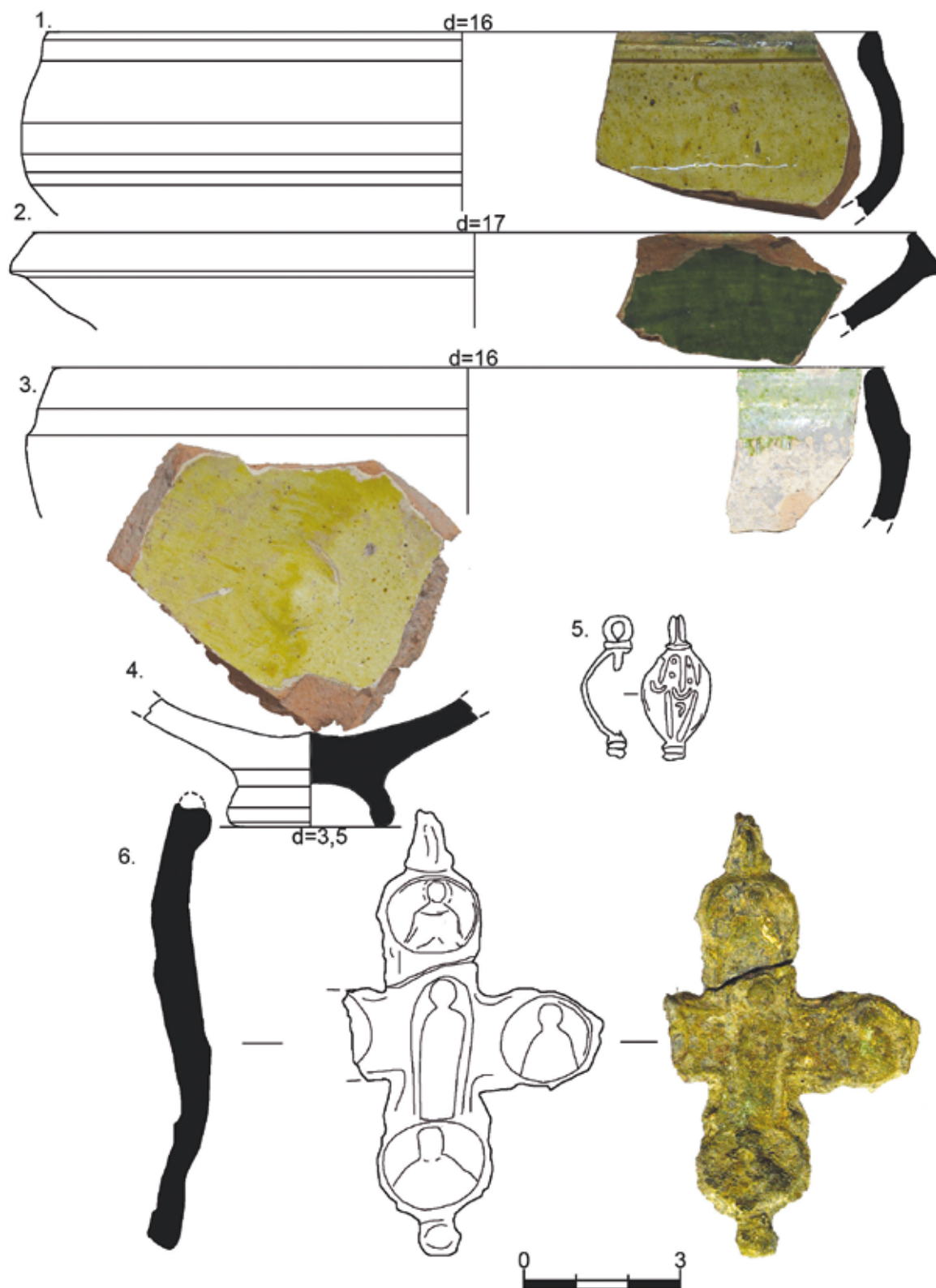

Рис. 17. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из заполнения гробницы № 2 (1–2), из 1-го слоя в наосе храма (3–4, 6), из заполнения гробницы № 1 (5).

Рис. 18. Церковь Св. Георгия. Наос после зачистки нетронутых раскопками 1912–1913 гг. культурных напластований; на заднем плане – участок «каменного завала» на 2-м слое. Общий вид с запада.

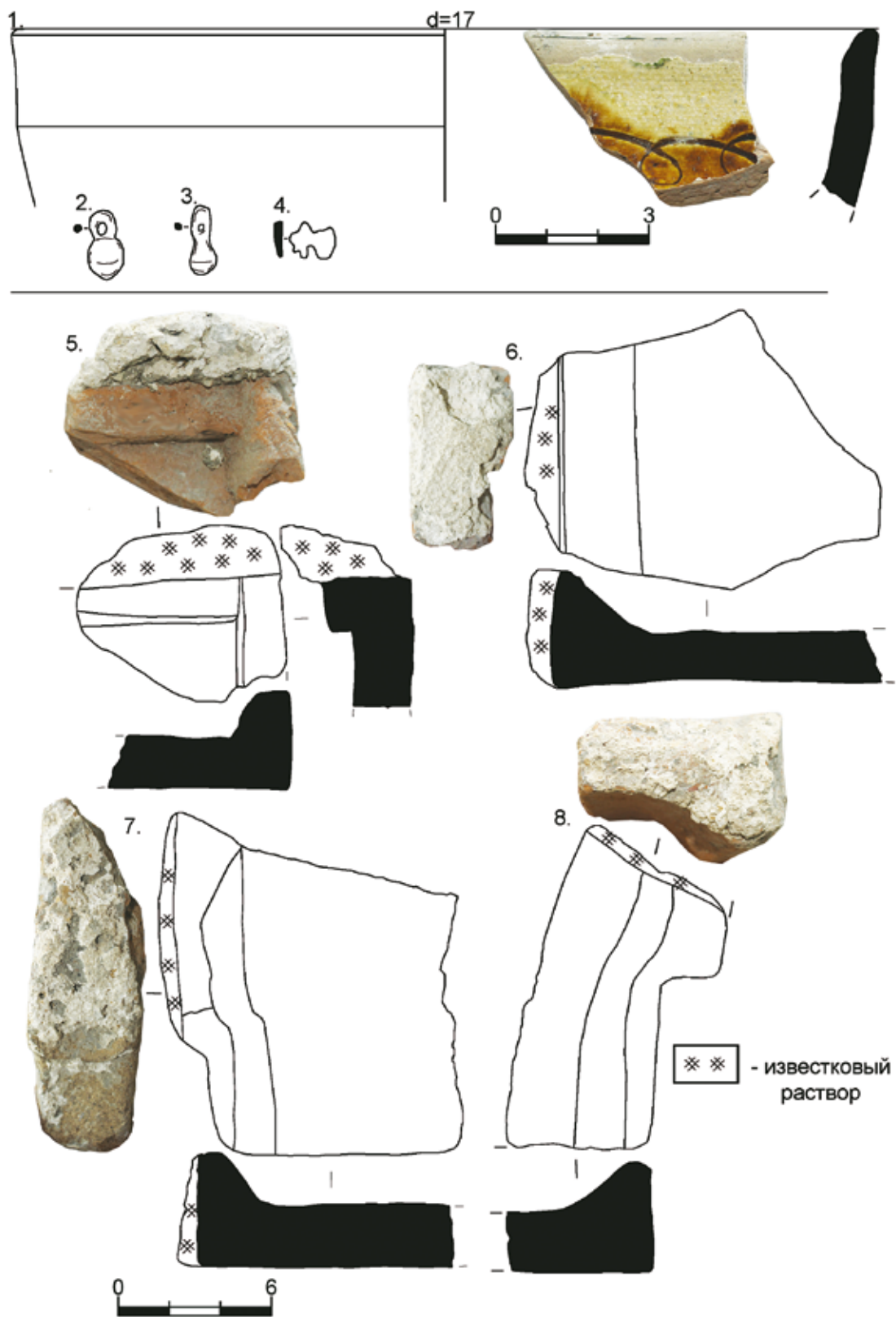

Рис. 19. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из «каменного завала на 2-м слое» (1-4) и из 2-го слоя (5-8).

Рис. 20. Церковь Св. Георгия. Наос после зачистки нетронутых культурных напластований. Участок 2-го слоя в западной части храма, между гробницами №№ 1 и 2. Общий вид с северо-востока.

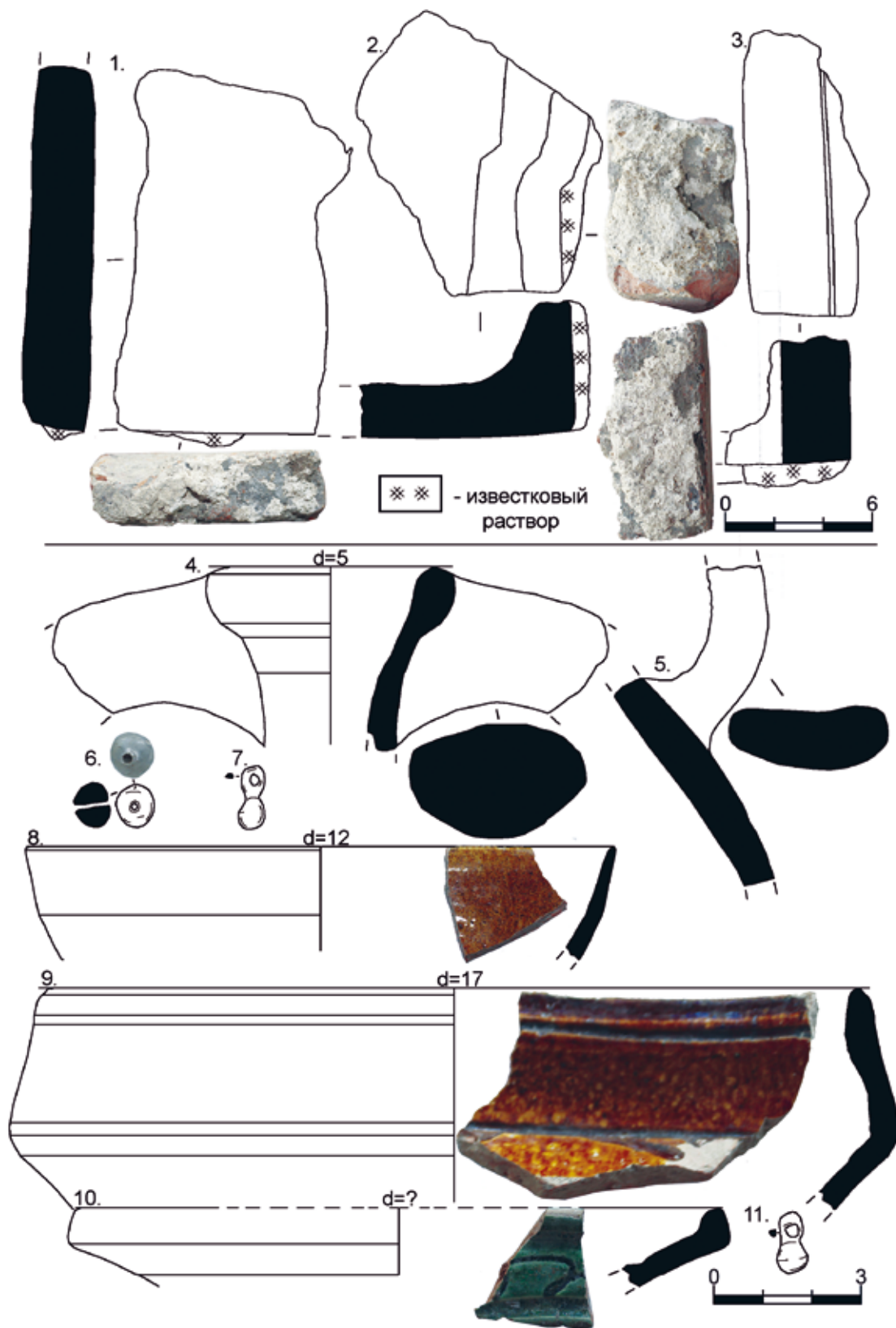

Рис. 21. Церковь Св. Георгия. Наос. Находки из 2-го (1-7, 11) и 3-го слоев (8-10).

Рис. 22. Церковь Св. Георгия. Наос. Общий вид по уровню 3-го слоя с юго-запада.

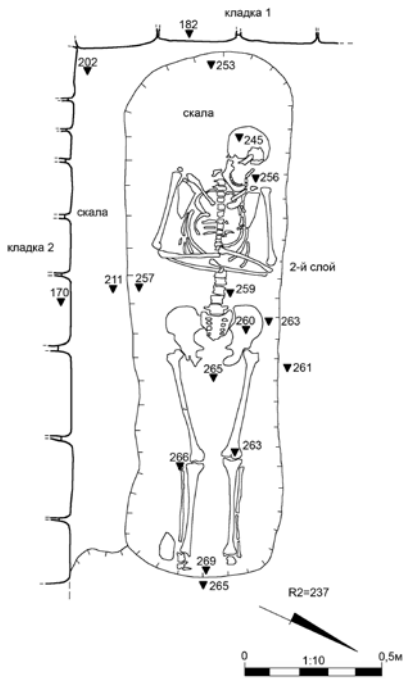

Рис. 23. Церковь Св. Георгия. Наос. Гробница № 1 в юго-западном углу. Погребение № 1. План.

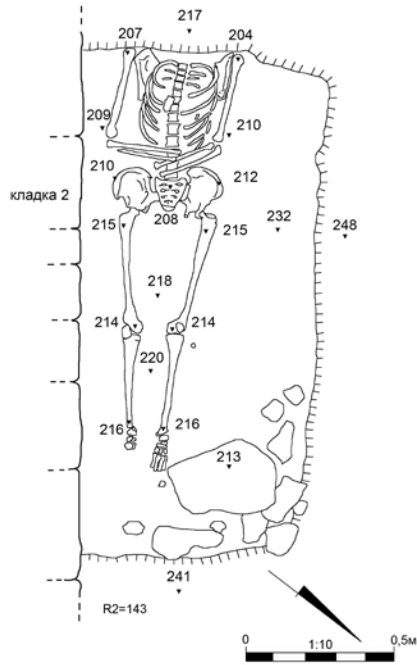

Рис. 24. Церковь Св. Георгия. Наос. Погребение № 2 на 2-м слое, вдоль южной стены храма. План.

Рис. 25. Церковь Св. Георгия. Участок исследований 2015–2016 гг. Общий план по завершении работ.

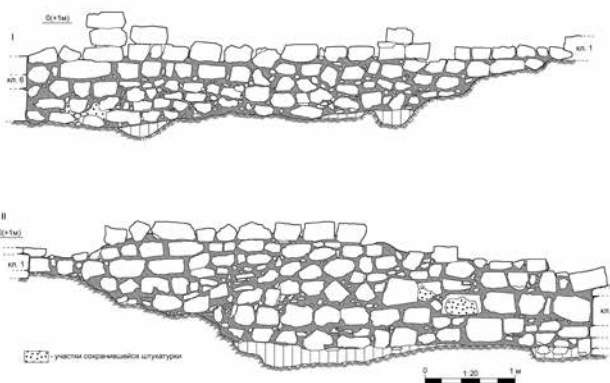

Рис. 26. Церковь Св. Георгия. Наос. Внутренняя фасировка северной (I) и южной (II) стен.

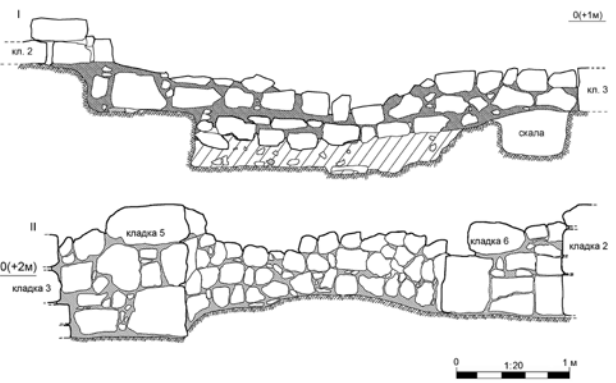

Рис. 27. Церковь Св. Георгия. Наос. Внутренняя фасировка западной (I) и восточной (II) стен.

Рис. 29. Церковь Св. Георгия. Наос. Фреска.

Рис. 28. Церковь Св. Георгия. Наос. Фреска.

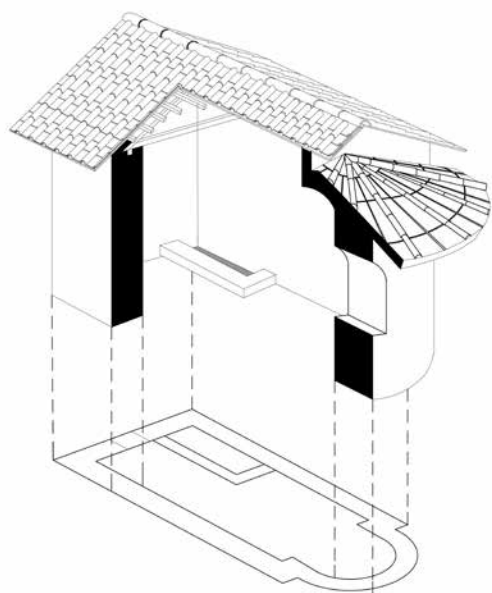

Рис. 30. Церковь Св. Георгия. Аксонометрический разрез (Реконструкция Д. В. Иожицы).

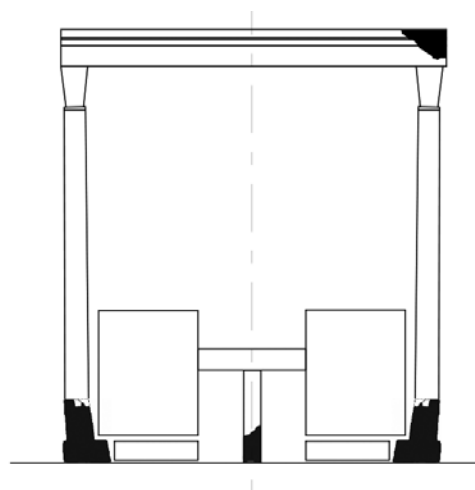
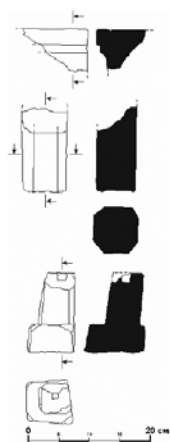

Рис. 31. Церковь Св. Георгия. Алтарная преграда (Реконструкция Д. В. Иожицы).

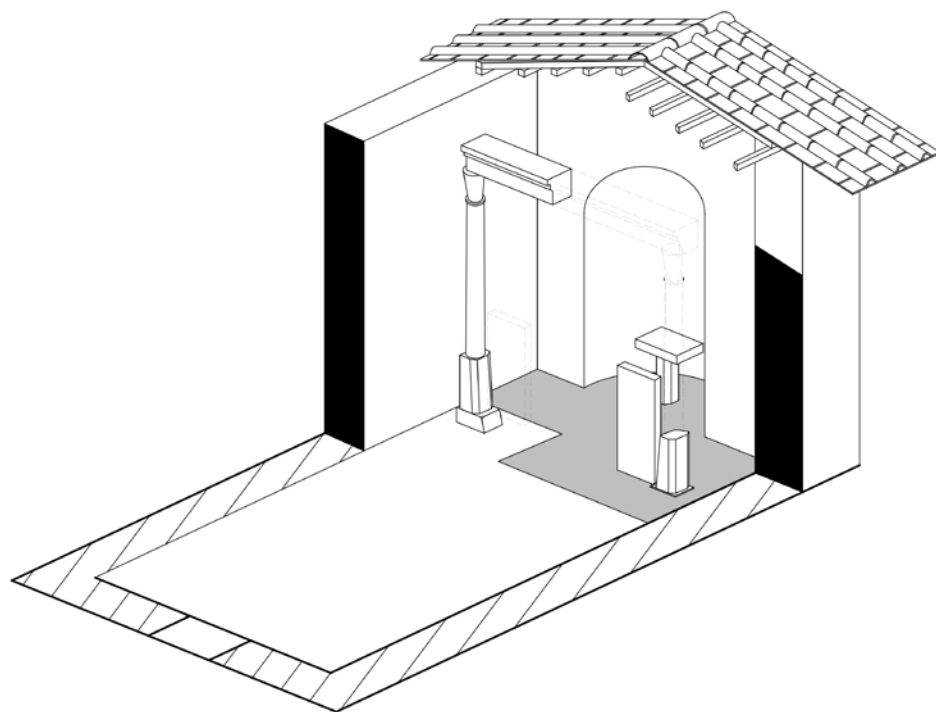

Рис. 32. Церковь Св. Георгия. Алтарная часть (Реконструкция Д. В. Иожицы).

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ГРАФФИТИ В ХЕРСОНЕСЕ

В одной из работ, посвященной паломничеству, отмечено, что источником, позволяющим «конкретизировать культурные и религиозные связи Сирии и Палестины с Европейскими странами, традиционно выступали паломнические предметы, поступавшие в страны Западной Европы и Русь, часто через территорию средневековой Таврики» [18, с. 95]. Более того, комплексный анализ находок позволил Т. Ю. Яшаевой прийти к заключению, что Херсонес-Херсон являлся «малым паломническим центром», начиная с ранне-византийского времени [33, с. 49; 34, с. 155–158; 35, с. 121–130]. Но, кроме сакральных предметов, существует еще одна группа памятников, свидетельствующих о паломничестве, – граффити, представляющие особый интерес, поскольку некоторые из них сохранили имена отправлявшихся к Святым местам. География древнерусских паломнических граффити за последние годы заметно расширилась и в настоящее время простирается от Вифлеема на востоке до г. Понс в Аквитании на западе [4, с. 282–292; 5, с. 25–36; 8, с. 95–104; 9, с. 126–146; 37, р. 110–129; 38, р. 5–14]. Именно такой находке – надписям на кириллице – из раскопок Портового района Херсонеса посвящена данная публикация [21, с. 329–330]. Текст и сопровождающие его рисунки, условия обнаружения артефакта вызывают несколько вопросов: 1) первоначальное местонахождение блока с граффити и время его вторичного использования в кладке одной из стен жилого дома; 2) были ли среди обитателей Портового района знавшие кириллицу, вернее, существуют ли памятники, свидетельствующие об этом? И, наконец, вопросы, относящиеся к интерпретации граффити.

1. Вторично использованный в кладке стены блок обнаружен в слое разрушения поздневизантийского времени, который прослежен во

всех жилищах квартала. Ранее, до конца VI – начала VII в., в юго-восточной части квартала располагался комплекс, в слое разрушения которого найдены монеты Тиберия II (578–582), Фоки (602–610) [25, с. 30–45] и собраны фрагменты от более 60 амфор [24, с. 42–44, табл. 19].

Позднее здесь было возведено значительных размеров здание, часть стен которого сооружена в технике *opus mixtum*¹. Оно, как и стена, отделявшая жилую зону от гавани (Рис. 1), скорее всего, прекратили существование в первых десятилетиях XI в., о чем свидетельствуют керамические [24, с. 48–49, 62–68] и нумизматические находки: монеты времени совместного правления Василия II и Константина (1016–1025) [2, табл. 29, № 443]. В нивелировочной насыпи, предшествующей очередному строительству, обнаружены монеты Романа IV (1067–1071) [2, табл. 30, № 455–457]. Это позволяет полагать, что масштабное строительство в квартале и, следовательно, возведение стены, из которой «выпал» блок с граффити во время ее разрушения, произошло не ранее последней четверти XI в. Для поздневизантийского периода выявлено два периода застройки (Рис. 1): дома с подвальными этажами (до 2,0–2,1 м высоты) были расположены вдоль внутриквартальной улицы (пом. 33–35, 37, 38) и переулка (пом. 6–8). Однако судить о том, насколько быстро происходило восстановление жилищ, невозможно.

Завершается жизнедеятельность в квартале в конце XIV в.². Но наиболее выразитель-

¹ С. Б. Сорочан, соглашаясь с датой строительства, полагает, что это «государственная апофика» [30, с. 705].

² Нумизматические находки в слое, перекрывающем сооружения последнего периода застройки, свидетельствуют, что они существовали до конца XIV в.: по определению Е. Ю. Гончарова и В. Сидоренко – это Золотоордынские монеты Абдаллаха

ные и многочисленные находки происходят из слоя разрушения XIII в. К их числу относятся полихромные сосуды (Рис. 3) [22, с. 111, табл. 106, № 303; с. 109, табл. 101, № 296; с. 110, табл. 103, № 298], импортные парадные блюда с сюжетными рисунками и растительно-геометрическим декором (*Zeuxippos wage*, класс 1 и 2; XIII в.) (Рис. 2) [22, с. 149, 150, табл. 157, № 419; с. 110, табл. 104, № 299]³. Возможным местом производства их могли быть мастерские Эгеиды [40, S. 383–398]. Такие сосуды встречаются фактически во всех жилищах херсонитов поздневизантийского времени [22, с. 133–157, №№ 414–435]. Более редкими являются кресты-энколпионы с кириллическими и греческими литерами [3, с. 164–167, №№ 172–175], обнаруженные в двух усадьбах квартала. Следует отметить, что находки из слоя пожара XIII в. в домах, где были найдены кресты-энколпионы с кириллическими или греческими надписями, не имеют принципиальных отличий.

2. Город, который, по мнению выдающегося византиста XX столетия Д. Оболенского, является «жемчужиной всех византийских владений на северном побережье Черного моря» [19, с. 61], выходцам из Восточно-европейских земель после похода князя Владимира, безусловно, был хорошо известен, и свидетельства пребывания славянского населения в Херсоне встречались в процессе изучения Северного района городища. Прежде всего, это условно именуемый «русский квартал» [13, с. 96], получивший такое наименование из-за находок энколпионов и киотного креста с надписями на кириллице. На территории, образовавшейся в поздневизантийский период в результате слияния нескольких кварталов был возведен храм-усыпальница (Рис. 4) и свыше десятка жилых домов [6, с. 126, 129].

Относительно стратиграфии, предшествующей застройке XIII в., авторы раскопок отмечали, что в XI–XII вв. на территории, являвшейся городской окраиной, располагались печи, скорее всего, для обжига черепицы [6, с. 131]. Вероятно, экстраординарная ситуация: масштабные разрушения как следствие похода князя Владимира

[31, с. 14; 32, с. 65–66] или землетрясения первой четверти XI в.⁴ [23, с. 224–234] – и обусловили размещение печей в пределах стен города. Артефакты, свидетельствующие о проживании в Херсоне славянского населения, встречались и на других участках: например, энколпион середины – третьей четверти XIII в. с изображением свв. Бориса и Глеба [36, с. 456].

Кресты-энколпионы с надписями на кириллице известны также среди находок из слоя пожара XIII в. Портового района. Особый интерес представляет сочетание артефактов из двух комплексов. В одном из них кресты-энколпионы лежали непосредственно на полу (пом. 38). Это энколпион с изображением на лицевой створке распятого Христа в колобии с предстоящими (ГМЗХТ, № 104/37111), в центральной части оборотной створки – Богоматерь Оранта, на концах ветвей в медальонах погрудные изображения евангелистов с пояснительными гравируемыми греческими литерами (ГМЗХТ, № 100/37111) (Рис. 5,1) [3, с. 165, № 173; с. 167, № 175]. Аналогичные энколпионы датируют X–XII вв. [20, с. 124, № 39; с. 130, № 44] или концом IX–X вв. [12, с. 582, табл. LVI, № 219–220; с. 589, табл. LXIII, № 242]. В X–XII вв. бытовали энколпионы, створки которых были обнаружены в этом же жилище: лицевая с изображением евангелиста Иоанна (ГМЗХТ, № 101/37111) (Рис. 5,3) [3, с. 166, № 174]⁵ и оборотная с изображением Богоматери Оранты и погрудными изображениями евангелистов в медальонах (ГМЗХТ, № 104/37111) (Рис. 5,2) [3, с. 165, № 173].

Примечательным является сочетание сакральных предметов в другом доме, где в одном из помещений (пом. 34Б) в каменном завале, образовавшемся в результате разрушения стен, обнаружено 2 энколпиона. Один из них – с греческими монограммами, изображением Распятия и Богоматери Оранты (ГМЗХТ, № 67/37111) (Рис. 5,5) [3, с. 164, № 172]. На основании находок на территории Болгарии подобные энколпионы датируют концом IX–X вв. [12, с. 582, табл. LVI,

(1363–1369), Токтамыш (1379–1396), Узбек-хана (1313–1339, чекан Крыма).

³ По мнению В. Н. Залеской, блюда с изображением воинов (в отличие от других сосудов данного типа) следует датировать концом XII–XIII вв. [13, с. 98].

⁴ Следы разрушений первых десятилетий XI в. и нивелировки выявлены также в центральной части городища [28, с. 368–383].

⁵ В Каталоге Л. Дончевой-Петковой приведено несколько датированных концом X–XII вв. энколпионов с изображением евангелиста Иоанна [12, табл. XXXIII, № 166–69; табл. XXXIV, № 170], но тождественные артефакту из Портового района отсутствуют.

№ 219–220]⁶. На лицевой створке второго энколпиона расположены Распятие и зеркальная надпись на кириллице: «Крест нам утешение, крест нам похвала»; на концах ветвей – в медальонах погрудные изображения Богоматери, Иоанна Богослова и святых с надписями: «Николай», «Георгий-?»). На другой створке изображена Богоматерь в рост и надпись: «Святая Богородица, помогай», в медальонах – святые: Петр, Павел, Козьма, Дамиан с пояснительными надписями (ГМЗХТ, № 64/37111) (Рис. 5,4) [3, с. 163, № 171].

Ареал, где встречались близкие артефакты, значителен [12, с. 175–178]⁷. Б. А. Рыбаков полагал, что в некоторые земли кресты с кириллическими надписями были принесены теми, кто оказался пленником после захвата Киева в 1240 г. [27, с. 615]. В. А. Кузнецов считал, что древнерусские кресты-энколпионы попали на Северный Кавказ и в Аланию в результате торговых связей [17, с. 85]. Относительно находок в Подунавье и на западных берегах Черного моря Л. Дончева-Петкова пишет, что «вероятнее всего, они оставлены людьми, спасшимися бегством от нашествия и татарского плена» [12, с. 179].

Предполагаемая авторами раскопок периодизация застройки «русского квартала» не противоречит гипотезе болгарской исследовательницы. Однако, в целом, характер находок и в так называемом русском квартале, и в Портовом свидетельствует, скорее, об устойчивом, долговременном обитании, а не «расселении» беженцев на новом месте. Масштабность предстоящих строительных работ по восстановлению жилой зоны вызвала нарушение противопожарных мер (печи для обжига черепицы в пределах городской территории) и использование руин прежних строений как карьеров по добыче строительных материалов. Подобная ситуация встречается и в других городах, имевших (как и Херсонес) территориальной континуитет. Вместе с землей для выравнивания рядов кладки в стены домов попадали и весьма ценные предметы, незамеченные строителями. Например, из стены одного из домов Портового квартала 1 извлечен обломок

мраморной плитки (0,065×0,055×0,02 м) с изображением мальтийского креста и монограммой Иисуса Христа [16, с. 287]. В этом же квартале в кладке дома рядом с открытой К. К. Косцюшко-Валюжиничем усыпальницей Е обнаружен круглый двусторонний штамп с вырезанными на обеих сторонах фактически идентичными монограммами – имя Св. Феодора в родительном падеже (Рис. 6). По мнению Э. И. Соломоник, начертание литер имеет как близость, так и различие с монограммами на печатях VI–VII вв. Археологический контекст позволил высказать предположение о возможной связи штампа и сооружения Е [26, с. 95–96], к северо-западу от которого обнаружены потревоженные во время строительства, оказавшиеся незамеченными захоронения. Вполне вероятно, что надгробие с именем некоего Космы, датированное временем не позднее середины XI в., из стены позднеантичного жилища квартала 2 происходит с кладбища около усыпальницы Е [29, с. 218, рис. 14–15]. Анализ материалов Объединенной экспедиции из раскопок 1963–1964 гг. привел С. Б. Сорочана к выводу, что «храм Е», или № 28 [1, с. 137], скорее всего, гробничная церковь, которая входила в состав небольшого монастырька Св. Феодора [30, с. 850, 1028]. Вполне вероятно, что блок с изображением процветшего креста и текстовыми граффити, найденный в квартале 2, первоначально «входил» в состав кладки какого-то строения-монастырька Св. Феодора.

3. Так о чем же свидетельствуют изображения на одной из плоскостей блока (ГМЗХТ, № 116/37018), обнаруженного около дома, возведенного не ранее середины XI – начала XII в.?

В верхней части известнякового блока (40,0×30,0–31,0×15,0 см) с правой стороны тщательного «прорисованного» процветшего креста сделана на кириллице двустрочная надпись, в нижней строке которой четко читается слово «крест» [21, с. 329–330]. Вторая надпись, вероятнее всего, принадлежавшая другому лицу, расположена в нижней части блока, под литерой «мю»-?, центральная гаста которой «перечеркнута» горизонтальной линией (Рис. 7). Отметим, что тщательно выгравированное изображение процветшего креста близко к рельефу на тимпане X–XI вв. [10, с. 160, № 35].

Двустрочная (верхняя) надпись читается (в квадратных скобках – частично сохранившиеся

⁶ Наиболее близко изображение на оборотной стороне № 856 [12, с. 543, табл. XVI].

⁷ По данным Л. Дончевой-Петковой, на территории Болгарии встречено около 30 крестов-энколпионов со славянскими надписями, относящихся к шести типам [11, с. 282].

буквы, в круглых – чистые конъектуры) следующим образом: **сьн[ъ]ко-ъид-[кр]с[т]ъ** (Рис. 8). В начале надписи опознается имя *Сенько*, записанное с заменой *e* на *ь*, характерной для древнерусской «бытовой» орфографии. Напрашивающаяся трактовка его как сокращения имени *Арсений* (ср. современные Сеня, Сенька) маловероятна: модель образования сокращенных форм христианских имен путем усечения начальной части исходного имени в древнерусской антропонимике не засвидетельствована [14, с. 148]. Скорее, форму *Сенько* следует связывать с именем *Ксенофонт*, которое в древнерусской передаче могло утрачивать начальный *к*, превращаясь в *Синофонтъ*, *Селифонтъ* и др. [15, с. 517]. От варианта с начальным *Сен-* происходят фамилии Сенофонов, Сенофонов.

На *ь* заканчивалось, по всей вероятности, слово *пъсалъ*, записанное с каким-то сокращением (пъ, п^нъ?). Последнее слово в первой строке реконструируется как *ид(а)* – древнерусская форма действ. причастия от глагола *ити*– ‘идя’. Все вместе прочитывается: **Сънько [п]^(н)ъ ид(а) [кр]с[т]ъ** – «Сенько написал (нарисовал), идя, крест».

Для датировки надписи существенно сочетание «бытовой» замены *e* на *ь* с сохранением слабого *ь* в имени *Сънько*. Систематическое смещение *ь* с *о* и *ь* с *e* встречается в берестяных грамотах с начала XII в., а слабые редуцированные – систематически сохраняются до 1220-х гг. Это позволяет датировать надпись XII – началом XIII в.

Форма *ида* указывает на то, что надпись сделана паломником. Такая интерпретация, как и сама реконструкция слова, находит поддержку в древнерусских паломнических граффити домонгольского времени, в недавнее время выявленных в Малой Азии и Западной Европе. Это, во-первых, две надписи из монастыря Св. Варлаама на Черной горе (г. Касий, Джебели-Акра) близ Антиохии (фотографии опубликованы В. Джобадзе [39] без прочтения; тексты читаются: (Матф)ѣи ѱ ида (поу)[т]ъмь въ А(русали)мь; (Сте)панъ ѱ ида и(з Ие)русалим[а])⁸. Во-вторых, это надпись из г. Понс в Аквита-

нии: «Ивано ѱло Зав(и)довиче ида ко святомуу Ияковоу» [9, с. 129, рис. 3]. Примечательно, что надписи с Черной горы сделаны на известняковом кресте, а надпись из Понса сопровождается изображением процветшего креста, выполненное, несомненно, рукой автора граффито. Публикаторы надписи высказывают предположение, что форма *ѱло* может относиться к кресту, и ссылаются на формулу *ѱль хр(е)сть*, представленную в надписях Софии Киевской [7, № 76]. Херсонская надпись подтверждает это предположение. Ее формуляр, впрочем, не позволяет определить, посетил ли Херсон писавший на пути в Святую землю или же надпись сделана при отправлении в паломничество. Однако, если учитывать, что для того, чтобы изобразить на блоке крест, требовалось время, можно полагать, что писавший должен был задержаться в городе на несколько дней. Кресты-энколпионы, обнаруженные в Портовом районе (они близки по времени к появлению надписи, правда, находились в домах, построенных несколько позднее), позволяют, как собственно и надпись, полагать, что, начиная с XI в., некоторые из обитателей Восточно-европейских земель посещали Херсон как паломники или же некоторое время находились в городе на пути к Святым местам. Артефакты свидетельствуют и о том, что среди жителей Херсона имелись знавшие кириллицу.

Надпись, находящаяся слева от основания креста, по-видимому, как и первая, выполнена кириллицей (Рис. 9). Без полной уверенности (буквы видны не вполне отчетливо) ее можно прочесть: **ильинар**, что может быть понято как «Ильина р(ука)». Последняя буква находится непосредственно перед основанием креста, упершись в которое, писавший не пошел дальше, оставив граффито недописанным.

В целом, обнаружение памятника с текстовыми граффити на кириллице – несомненное свидетельство пребывания в Херсоне выходцев из земель Восточной Европы задолго до разрушения Киева. И вполне вероятно, что город они посещали не только по пути к другим святым местам. Однако на такие вопросы: где первоначально находился блок, случайно ли был перенесен на новое место при более позднем строительстве – в настоящее время ответить не представляется возможным. Но еще раз отметим,

⁸ Приносим благодарность С. А. Иванову, указавшему на публикацию В. Джобадзе, и А. А. Медынцева, передавшей нам слепки граффити, в свое время присланные автором раскопок в Институт археологии РАН. Отдельная публикация надписей находится в процессе подготовки.

что находка памятника с текстовыми славянскими паломническими граффити закономерна, поскольку Херсон «на протяжении многих столетий являлся одним из малых паломнических центров» [33, с. 49; 34, с. 155–158]⁹. И кроме паломников Ксенофонта и Ильи, безусловно, были и другие, оставившие «памятные записи» – несколько изображений крестиков вокруг тщательно прорисованного процветшего креста¹⁰.

И, конечно, можно лишь предполагать, что некая связь между такими артефактами, как блок

с кириллическими граффити и крест-энколпион со славянскими надписями, обнаруженные в Портовом квартале 2, существует. Другими словами, знакомство с жизнью приморского города (после похода князя Владимира) привело к «освоению» Херсона как одного из центров торговли для населения Древней Руси, а в XIII в. он мог стать и прибежищем для тех, кто вынужден был покинуть родные места.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ. М., 1905. Вып. 1. 144 с.
2. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977. 174 с.
3. Антонова И. А., Голофаст Л. А., Романчук А. И., Рыжов С. Г. Византийский Херсон: Каталог выставки. М.: Наука, 1991. 254 с.
4. Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В. Древнерусские надписи Константинопольской Софии // 1150 лет российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию РАН, посвященного Году российской истории / ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: Наука, 2012. С. 282–292.
5. Артамонов Ю. А., Гиппиус А. А., Зайцев И. В. Восточнославянские надписи базилики Рождества Христова в Вифлееме // РА. 2016. № 1. С. 25–36.
6. Белов Г. Д., Якобсон А. Л. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // МИА. 1953. № 34. С. 109–159.
7. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев: Наукова думка, 1966. 238 с.
8. Гордин А. М. Заметки о паломнических граффити аббатства Сен-Жиль // В камне и бронзе (Труды ИИМК РАН. Т. 48) / ред. А. Е. Мусин. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2017. С. 95–104.
9. Гордин А. М., Рождественская Т. В. «Идя ко святому Иакову»: древнерусское граффито XII в. // Slověne. 2016. Т. 5. № 1. С. 126–146.
10. Денисова Е., Яшаева Т. Тимпан (фрагмент). X–XI вв. // Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь–Остин: Телескоп, Институт классической археологии, 2011. С. 160.
11. Дончева-Петкова Л. За датата и происхождения на някои типове кръстове-енколпиони от средновековна България // Християнската култура в средновековна България. Велико Търново, 2008. С. 278–288.
12. Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София: Изд-во Националния археологически институт с музей БАН, 2011. 734 с.
13. Залеская В. Н. Артефакты византийского Херсона в историко-культурном контексте // Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлев Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь–Остин: Телескоп, Институт классической археологии, 2011. С. 89–116.
14. Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Т. 8. М.: Наука, 1986. С. 89–219.
15. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры. 2004. 872 с.

⁹ Исследовательница отмечает, что паломники посещали Херсон, начиная с ранневизантийского времени, напоминая при этом свидетельства источников и для более позднего периода, в частности для XI в.

¹⁰ Анализ паломнических надписей в очень редких случаях позволяет определить родину паломника. В данном плане интерес представляет оставленное паломником граффито № 2 на одном из блоков портала собора Св. Мартина в городе Лукке (Италия), которое датировано XII – серединой XIII в. Публикатор памятника отмечает, что оно «свидетельствует об исторической связи, до сих пор даже не подозреваемой, между городом Лукка и Муромо-Рязанскими землями» [39, р. 10].

16. Кадеев В. И. Исследования в портовой части Херсонеса // АО 1968. М., 1969. С. 287.
17. Кузнецов В. А. Энкалпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь / ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 80–86.
18. Майко В. В. Паломнические реликвии средневековой Сугдеи и ее окрестностей // Lauega II. Античный мир и Средние века / ред.-сост. С. Д. Литовченко, С. Б. Сорочан. Харьков: ООО «НТМТ», 2017. С. 95–100.
19. Оболенский Д. Херсон и Крещение Руси: против пересмотра традиционной точки зрения // ВВ. 1994. Т. 55/80. С. 54–62.
20. Пескова А. А., Строкова Л. В. Христианские Древности Византии в «Сирийской коллекции» Б. И. и В. Н. Ханенко. СПб.; Киев: Петербургское Востоковедение, 2012. 224 с.
21. Романчук А. И. Изучение портового квартала Херсонеса // АО 1979. М., 1980. С. 329–330.
22. Романчук А. И. Глазурованная посуда поздне-византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 224 с.
23. Романчук А. И. Последствия похода князя Владимира для херсонитов: историографический парадокс // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Калининград: ИД «РОС-ДООАФК», 2016. С. 224–234.
24. Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 170 с.
25. Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон: Проблема репрезентативности источников // Византийская Таврика / ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 30–46.
26. Романчук А. И., Соломоник Э. И. Несколько надписей на средневековой керамике Херсонеса // ВВ. 1987. Т. 48. С. 95–100.
27. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси». М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.
28. Сазанов А. В. К интерпретации комплекса водосборной цистерны жилого дома в квартале VII Херсонеса // БИАС. Симферополь, 2008. Вып. 3. С. 368–382.
29. Соломоник Э. И. Несколько новых греческих надписей средневекового Крыма // ВВ. 1986. Т. 47. С. 210–218.
30. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
31. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. № 17. 256 с.
32. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63. 364 с.
33. Яшаева Т. Ю. Паломнические эвлогии в византийском Херсоне: западные и восточные традиции // Восток – Запад: межконфессиональный диалог: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2002. С. 49.
34. Яшаева Т. Ю. Средневековый Херсонес как малый паломнический центр // Православные Древности Таврики. Киев: Стилос, 2002. С. 155–158.
35. Яшаева Т. Ю. Сакральная сущность энколпионов: реликварий-крест-икона // Символ в религии и философии / ред. Ю. А. Бабинов. Севастополь, 2005. С. 121–130.
36. Яшаева Т. Ю. Русские святые в византийской Таврике // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения» / Отв. ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Калининград: ИД «РОС-ДООАФК», 2016. С. 455–459.
37. Brun A.-S., Hartmann-Virnich A., Ingrand-Varenne E., Mikheev S. M. Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France // Slověne. 2014. Vol. 3. No. 2. P. 110–129.
38. Dell'Agata G. Antiche iscrizioni cirilliche nel Duomo di Lucca // Ricerche slavistiche. 1973–1974. Vol. 20–21. P. 5–14.
39. Djobadze W. Z. Archeological investigations in the region west of Antioch on-the-Orontes. Wiesbaden. 1986. 234 p.
40. Waksman S. Y., Romančuk A. I. Byzantine Chersonesos, an investigation of the local production of ceramics by chemical analysis // Byzans: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul. 2007. Nr. 7. S. 383–398.

REFERENCES

1. Ainalov D. V. Razvaliny khramov. *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa*. Moscow, 1905, vol. 1, 144 p.
2. Anokhin V. A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n. e. – XII v. n. e.)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 174 p.
3. Antonova I. A., Golofast L. A., Romanchuk A. I., Ryzhov S. G. *Vizantiiskii Kherson. Katalog vystavki*. Moscow, Nauka Publ., 1991, 254 p.
4. Artamonov Iu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V. Drevnerusskie nadpisi Konstantinopol'skoi Sofii. *Derevianko A. P., Kudelin A. B., Tishkov V. A. (Eds.). 1150 let rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury. Materialy k Obshchemu sobraniuu RAN, posviashchennogo Godu rossiiskoi istorii*. Moscow, Nauka Publ., 2012, pp. 282–292.
5. Artamonov Iu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V. Vostochnoslavianskie nadpisi baziliki Rozhdestva Khristova v Vifleeme. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2016, No. 1, pp. 25–36.
6. Belov G. D., Iakobson A. L. Kvartal XVII (Raskopki 1940 g.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 109–159.
7. Vysotskii S. A. *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi XI–XIV vv.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1966, 238 p.
8. Gordin A. M. Zametki o palomnicheskikh graffiti abbatstva Sen-Zhil'. *Musin A. E. (Ed.). V kamne i bronze (Trudy Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk. Vol. 48)*. St. Petersburg, Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2017, pp. 95–104.
9. Gordin A. M., Rozhdestvenskaia T. V. “Idia ko sviatomu Iakovu”: drevnerusskoe graffito XII v. *Slověne*, 2016, vol. 5, No. 1, pp. 126–146.
10. Denisova E., Yashaeva T. Timpan (fragment). X–XI vv. *Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. The Legacy of Byzantine Cherson*. Sevastopol, Telescope Publ.; Austin, ICA of the University of Texas at Austin, 2011, p. 160.
11. Doncheva-Petkova L. Za datata i proiskhoda na niakoi tipove kr"stove-enkolpioni ot srednovekovna B"lgariia. *Khristiianskata kultura v srednovekovna B"lgariia*. Veliko Tŕnovo, 2008, pp. 278–288.
12. Doncheva-Petkova L. *Srednovekovni kr"stove-enkolpioni ot B"lgariia (IX–XIV v.)*. Sofia, Natsionalnii arkheologicheski institut s muzei BAN Publ., 2011, 734 p.
13. Zalesskaia V. N. Artefakty vizantiiskogo Khersona v istoriko-kul'turnom kontekste. *Yashaeva T., Denisova E., Ginkut N., Zalesskaya V., Zhuravlev D. The Legacy of Byzantine Cherson*. Sevastopol, Telescope Publ.; Austin, ICA of the University of Texas at Austin, 2011, pp. 89–116.
14. Zalizniak A. A. Novgorodskie berestiane gramoty s lingvisticheskoi tochki zreniia. *Ianin V. L., Zalizniak A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raspokopok 1977–1983 gg.)*. T. 8. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 89–219.
15. Zalizniak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 872 p.
16. Kadeev V. I. Issledovaniia v portovoi chasti Khersonesa. *Arkheologicheskie otkrytiia 1968*. Moscow, 1969, p. 287.
17. Kuznetsov V. A. Enkolpiony Severnogo Kavkaza. *Krupnov E. I. (Ed.). Slaviane i Rus'*. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 80–86.
18. Maiko V. V. Palomnicheskie relikvii srednevekovoi Sugdei i ee okrestnosti. *Litovchenko S. D., Sorochan S. B. (Eds.). Laurea II. Antichnyi mir i Srednie veka*. Khar'kov, OOO “NTMT” Publ., 2017, pp. 95–100.
19. Obolenskii D. Kherson i Kreshchenie Rusi: protiv peresmotra traditsionnoi tochki zreniia. *Vizantiiskii vremennik*, 1994, vol. 55(80), pp. 54–62.
20. Peskova A. A., Strokova L. V. *Khristianskie Drevnosti Vizantii v “Siriiskoi kolleksii” B. I. i V. N. Khanenko*. St. Petersburg; Kiev, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2012, 224 p.
21. Romanchuk A. I. Izuchenie portovogo kvartala Khersonesa. *Arkheologicheskie otkrytiia 1979*. Moscow, 1980, pp. 329–330.
22. Romanchuk A. I. *Glazurovannaia posuda pozdnevizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2003, 224 p.
23. Romanchuk A. I. Posledstviia pokhoda kniazia Vladimira dlia khersonitov: istoriograficheskii paradoks. *Maiko V. V., Yashaeva T. Iu. (Eds.). St. Vladimir's Readings. Materials of the First and Second International Scholarly Conferences “St. Vladimir's Readings”*. Kaliningrad, “ROS-DOAFK” Publ., 2016, pp. 224–234.
24. Romanchuk A. I., Sazanov A. V., Sedikova L. V. *Amfory iz kompleksov vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 1995, 170 p.
25. Romanchuk A. I., Sedikova L. V. “Temnye veka” i Kherson. Problema reprezentativnosti istochnikov.

- Tolochko P. P. (Ed.). Vizantiiskaia Tavrika. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 30–46.*
26. Romanchuk A. I., Solomonik E. I. Neskol'ko nadpisei na srednevekovoi keramike Khersonesa. *Vizantiiskii vremennik*, 1987, vol. 48, pp. 95–100.
 27. Rybakov B. A. *Remeslo drevnei Rusi*. Moscow; Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1948, 792 p.
 28. Sazanov A. V. K interpretatsii kompleksa vodosbornoi tsisterny zhilogo doma v kvartale VII Khersonesa. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, Simferopol', 2008, vol. 3, pp. 368–382.
 29. Solomonik E. I. Neskol'ko novykh grecheskikh nadpisei srednevekovogo Kryma. *Vizantiiskii vremennik*, 1986, vol. 47, pp. 210–218.
 30. Sorochan S. B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury*. Khar'kov, Maidan Publ., 2005, 1648 p.
 31. Iakobson A. L. Srednevekovyi Khersones (XII–XIV vv.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1950, No. 17, 256 p.
 32. Iakobson A. L. Rannesrednevekovyi Khersones. Ocherki istorii material'noi kul'tury. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1959, No. 63, 364 p.
 33. Iashaeva T. Iu. Palomnicheskie evlogii v vizantiiskom Khersone: zapadnye i vostochnye traditsii. *Tezisy dokladov i soobshchenii "Vostok – Zapad: mezhdunarodnyi dialog"*. Sevastopol', 2002, p. 49.
 34. Iashaeva T. Iu. Srednevekovyi Khersones kak mali palomnicheskii tsentr. *Pravoslavnye Drevnosti Tavriki*, Kiev, Stilos Publ., 2002, pp. 155–158.
 35. Iashaeva T. Iu. Sakral'naia sushchnost' enkolpionov: relikvarii-krest-ikona. *Babinov Iu. A. (Ed.). Simvol v religii i filosofii*. Sevastopol', 2005, pp. 121–130.
 36. Iashaeva T. Iu. Russkie sviatye v vizantiiskoi Tavrike. *Maiko V. V., Iashaeva T. Iu. (Eds.). St. Vladimir's Readings. Materials of the First and Second International Scholarly Conferences "St. Vladimir's Readings"*. Kaliningrad, "ROS-DOAFK" Publ., 2016, pp. 455–459.
 37. Brun A.-S., Hartmann-Virnich A., Ingrand-Varenne E., Mikheev S. M. Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France. *Slověne*, 2014, vol. 3, No. 2, pp. 110–129.
 38. Dell'Agata G. Antiche iscrizioni cirilliche nel Duomo di Lucca. *Ricerche slavistiche*, 1973–1974, vol. 20–21, pp. 5–14.
 39. Djobadze W. Z. *Archeological investigations in the region west of Antioch on-the-Orontes*. Wiesbaden, 1986, 234 p.
 40. Waksman S. Y., Romančuk A. I. Byzantine Chersonesos, an investigation of the local production of ceramics by chemical analysis. *Byzans: Veröffentlichungen des Deutschen Archäologischen Instituts Istanbul*. 2007, Nr. 7, S. 383–398.

А. А. Гиппиус, А. И. Романчук

Древнерусские паломнические граффити в Херсонесе

Резюме

Письменные источники и находки паломнических предметов в Херсоне свидетельствуют о том, что город являлся «малым паломническим центром». Артефакты позволяют судить о религиозных связях Сиро-Палестинского региона и Восточно-европейских земель, осуществлявшихся через Таврику и непосредственно Херсон, где встречены кресты-энколпионы с кириллическими надписями. Такой энколпион и энколпионы с греческими монограммами найдены в одном из домов Портового района в слое пожара XIII в. Около другого дома обнаружен известняковый блок с двумя текстовыми граффити на кириллице и изображением процветшего креста. Первая надпись читается: «Сенко писал (т.е. нари-

свал), идя, крест»; вторая, по-видимому, содержит имя «Илья». Возможно, вторичное использование блока относится ко времени не ранее середины – конца XI в.: он был использован как строительный материал при возведении жилого дома в квартале 2. Можно полагать, что русские паломники посетили Херсон по дороге в Святую землю и остановились в небольшом монастыре в соседнем квартале. Но они также могли быть херсонитами и выполнить рисунок и надписи, отправляясь в паломничество.

Ключевые слова: Херсонес, монастырь, новое строительство, кресты-энколпионы, Портовый район, слой разрушения, Святая земля, паломничество, древнерусская эпиграфика, граффити.

Aleksey Gippius, Alla Romanchuk
Old Russian Pilgrim Graffiti from Chersonesos
Summary

Both written sources and finds of pilgrim objects in Chersonesos testify to the role of the city as a minor pilgrimage center. Artefacts provide evidence for the religious connections between the Palestine region and East-European countries which were executed via Crimea and Chersonesos in particular, where cross-shaped encolpia with Cyrillic inscriptions have been found. One of such encolpia as well as others bearing Greek monograms were found in one of the houses in the Port district in the 13th century layer of destruction. A limestone block bearing two Cyrillic graffiti inscriptions and a drawing of a blossoming cross was revealed near another house. The first graffiti reads: “Senko has drawn

a cross on the way”, the second one appears to contain the name “Ilya”. The block was probably reused in mid / late 11th century at the earliest as a building material for a dwelling house in the quarter 2. Two Russian pilgrims most probably visited Cherson on their way to the Holy Land and stayed in a little monastery in a quarter nearby. But they could also have been Cherson residents and could have made the drawing and inscriptions setting out for a pilgrimage.

Keywords: Chersonesos, monastery, Port district, destruction layer, cross-shaped encolpia, Holy Land, pilgrimage, Old Russian epigraphy, graffiti.

Рис. 1. Схематический план юго-восточного участка Портового квартала 2.
* – Местонахождение артефактов с кириллическими литерами.

Рис. 2. Глазурованные сосуды из пом. 30 (1) и пом. 38 (2).

Рис. 3. Находки из пом. 37 (1, 2) и 38 (3) из слоя разрушения XIII в.

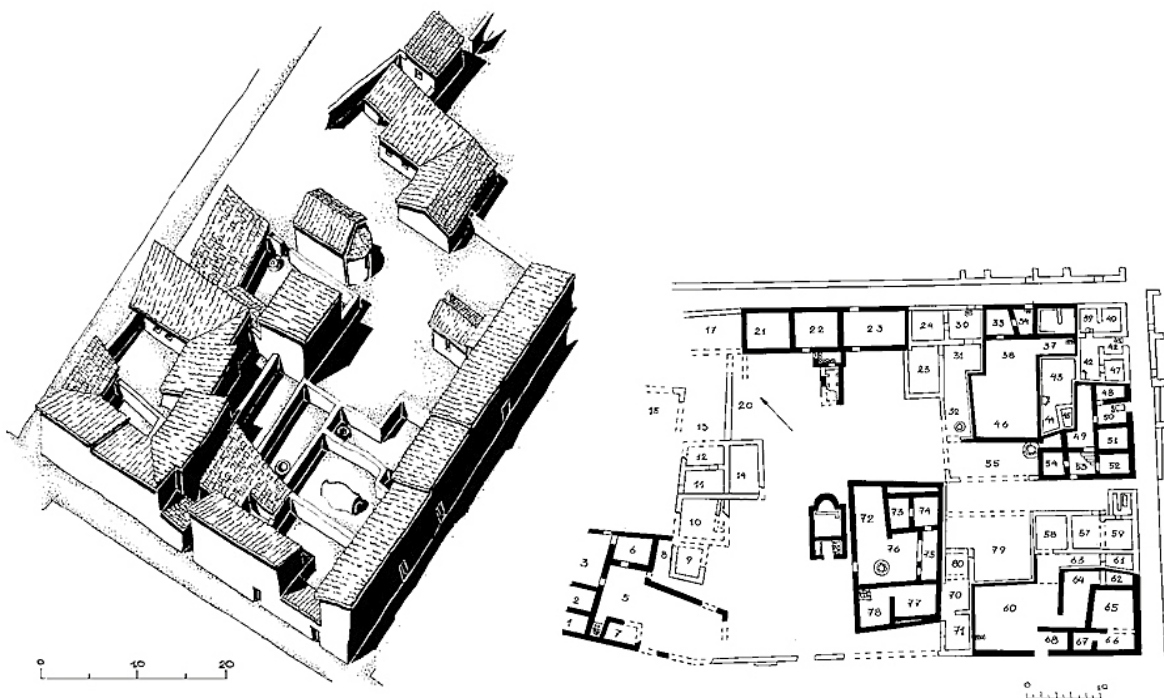

Рис. 4. Северный район городища, так называемый русский квартал.

Рис. 5. Кресты-энколпионы из пом. 38 (1–3) и пом. 34Б (4, 5).

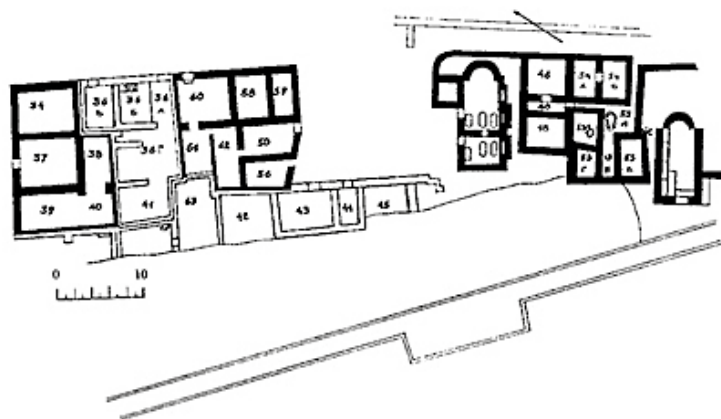

Рис. 6. Портовый квартал 1. XIII в.
* – Место находки штампа с монограммами.

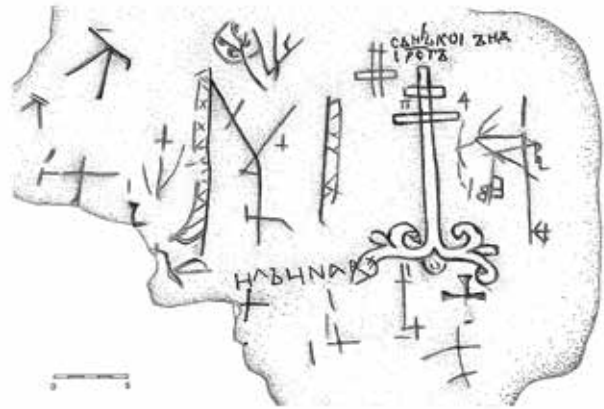

Рис. 7. Известняковый блок из раскопок Портового квартала 2.

Рис. 8. Надпись над рисунком креста (Прорисовка по фотографии А. А. Гиппиуса).

Рис. 9. Надпись слева от рисунка креста (Прорисовка по фотографии А. А. Гиппиуса).

С. К. ГОРЯНОВА

ВЛАДЕТЕЛЬСКАЯ БАЗИЛИКА ВЕЛИКОГО ПРЕСЛАВА И НЕКОТОРЫЕ САКРАЛЬНЫЕ АРТЕФАКТЫ

Изменения в политической обстановке и христианизация, осуществляемая в государстве с 864/5 г. ханом/князем Борисом-Михаилом, превратили Преслав в главный город и привели в конечном итоге к процветанию его в течение почти столетия как экономического и культурного центра, что особенно наглядно прослеживается на основании источников, начиная с 893 г. Строительная деятельность двух властителей – князя/царя Симеона и царя Петра I – превратили вторую столицу Болгарии в Великий Преслав, в котором были возведены наиболее значимые общественные сооружения: дворец, являвшийся административным центром, а не только местом пребывания правителя; палата для главы церкви. Следует подчеркнуть, что в данный период в различных районах города были возведены христианские храмы, свидетельствующие о таланте и умении мастеров.

За сто двадцать лет исследований на территории Великого Преслава открыты также многочисленные «светские» комплексы различного характера и назначения. Прежде всего, это значительная часть царской палаты – центрального ансамбля города – и другие административные постройки, частные имения, а кроме христианских церквей, выявлено языческое капище. Однако, до недавнего времени, не был известен храм, который бесспорно можно было бы считать главным государственным храмом. Пятнадцать лет назад в центральной части Внутреннего города (на так называемой Восточной площади) экспедицией Археологического института с музеем БАН, руководимой М. Ваклиновой и И. Штеревой, были начаты раскопки сакрального комплекса [4, с. 30–40]. Результатом их стало выявление наиболее представительного храма столицы (Рис. 1, 2), изуче-

ние которого свидетельствует, что он являлся частью архитектурного ансамбля, состоявшего из дворцовых сооружений (Тронная палата и жилая зона – царская палата), соединявшихся с храмом посредством галереи, ведущей из дворца непосредственно в митаторию южной галереи храма.

Церковь, условно именуемая «Владетельской», является трехнефной трехапсидной базиликой с нартексом и экзонартексом; она имела обширное и глубокое пространство перед апсидой. Владетельская базилика относится к числу наиболее крупных сакральных сооружений среди известных к настоящему времени на территории Болгарии (длина 47,5 м, ширина 21,1 м), большую площадь имеет только Большая базилика в Плиске. Владетельская базилика возведена из очень крупных блоков: в кладке фундамента они имеют большие размеры. Толщина стен в субструкции 1,8–2,7 м, в суперструкции около 1,4 м.

На стилобатах, разделявших наос на нефы, строители возвели столбы (1,28×1,28 м) из прямоугольных блоков. Массивный фундамент и ширина стен позволяют полагать, что высота здания составляла около 20 м.

В процессе раскопок открыто два строительных периода. Ранний храм не имел экзонартекса. Экзонартекс храма второго строительного периода был разделен на три части, при этом ширина средней соответствовала таковой центрального нефа, а боковые (с севера и юга) имели по внутреннему обмеру размеры: 3,25×3,50 м, что, скорее всего, соответствовало основанию возвышавшихся башен. Следует также отметить, что на фасаде экзонартекса с южной и западной сторон имелись ниши с арками, в которых были расположены окна с разноцветными стеклами. Входы в нартекс – с юга

и севера – имели такие декоративные элементы, как пилястры.

Пол в нартексе был вымощен плитами белого мрамора, под которыми выявлены безынварные могилы с останками 9 мужчин и женщин различного возраста.

Соотношение ширины центрального нефа и боковых составляет 3:1 (10,45 и 3,50 м). Следует отметить, что ни в одном из средневековых храмов, открытых к настоящему времени на территории современной Болгарии, подобные пропорции не встречались, правда, близкие имела базилика Св. Ахила в Преспе (территория современной Греции).

Апсиды с внутренней и внешней сторон полукруглые, центральная – очень глубокая. В центральной части наоса имелся амвон с двусторонней лестницей.

Вымостка пола в центральном и боковых нефях имела декоративно-композиционное единство (Рис. 3). В центральном нефе между полосами из белого мрамора расположены в западной части шесть, а в восточной – десять трехцветных лент в технике *opus sectile* (из белого мрамора и красного и серовато-зеленого сланца). В центральной части пола выявлен значительных размеров крест из белого мрамора, в средокрестии которого располагался амвон. Вымостка в апсиде и предапсидном пространстве не сохранилась. Для пола в боковых нефях использованы мраморные плиты розоватого оттенка. Вероятно, в галереях имелась напольная мозаика (найлены кубики разноцветной смальты), а стены храма украшали фрески в стиле раннего постиконоборческого периода (найлены очень мелкие фрагменты, не позволяющие восстановить характер рисунка). От первого периода функционирования базилики сохранились только остатки известкового раствора для напольного покрытия (они имеют светло-розовый оттенок).

С южной стороны базилики были возведены в одну линию три помещения, которые, вероятно, являлись «гробничными часовнями» болгарских владетелей. Существует предположение, что в среднем помещении находился саркофаг крестителя болгарского народа князя Бориса-Михаила [3, с. 187–189, рис. 3–7].

На основании сведений Льва Диакона [6, с. 274], миниатюры Мадридского списка хрони-

ки Иоанна Скилицы, где представлен триумф императора Иоанна Цимисхия с иконой Богородицы после покорения Преслава [1, с. 113, 222, рис. 67], как и на основании отклонения оси сооружения (около 20° в северном направлении), можно предположить, что главный храм престольного города был заложен во второй половине августа (вероятно, около 28-го, в день Успения Пресвятой Богородицы) или весной и, следовательно, посвящен ей – покровительнице династии.

Храм перестал использоваться по назначению в середине XI в., когда значительный урон ему нанесли набеги печенегов. В последующем территория около руин церкви и дворцов была занята мастерскими ремесленников и их жилищами – так возник своеобразный ремесленный квартал. К числу наиболее поздних памятников данного участка относится некрополь, существовавший вплоть до конца XIV в.

В процессе раскопок Великого Преслава на различных участках города были найдены артефакты, связанные с христианской литургической практикой. К числу наиболее примечательных относится золотой дискос (диаметр 22,0 см, вес 330 г, карат 22) с изображением «процветшего» креста и греческой надписью по бордюру – слова из литургии Иоанна Златоуста. Он обнаружен в одном из помещений Южных ворот Внутреннего города. Вполне вероятно, что дискос относится к утвари одной из многих церквей Преслава. Палеографические и иконографические особенности находки позволяют ее датировать временем не позднее первой половины IX в. [7, с. 147–148, рис. 15].

В другом комплексе около дворца обнаружен фрагмент бронзовой звезды с надписью, в которой, вероятно, упомянуто имя дарителя Лео-на. Археологический контекст позволяет датировать находку XIII–XIV вв. [9, с. 215–217, обр. 1–3].

Следует отметить, что в так называемом Преславском сокровище, спрятанном его владельцем или похищенном (а затем утраченном) кем-то во время одного из нападений на город в конце X в., имеются серебряные ложки с частичным золочением [8, с. 105, табл. XXIV, 1–4], которые могут быть отнесены к церковной утвари.

Непосредственно во Владетельской базилике или около нее обнаружены предметы, использовавшиеся в ходе торжественной службы или при исполнении обычной религиозной практики: фрагменты от кадилъницы, чашка для поликандилона из синевато-зеленого стекла, фрагменты напестольных крестов, многочисленные кресты-тельники и кресты-энколпионы. К числу наиболее примечательных относятся звезда, штамп для изготовления просфоры, кадилъница, цедилка, фрагмент наконечника некоего неустановленного предмета.

Находка, которая интерпретирована как звезда, имеет небольшие размеры («развернутая» длина пластинки 17,0 см, ширина 0,9 см, толщина 0,1 см) и состоит из перекрещивающихся медных пластинок.

Непосредственно в храме была найдена бронзовая цедилка (Рис. 4). Она имеет вид перевернутого усеченного конуса со слегка вогнутым дном и широким бордюром, с одной стороны которого сохранилась длинная прямая рукоятка (длина 18,0 см, глубина 1,5 см), с другой, возможно, находился крест. На дне с помощью небольших отверстий изображен вписанный в окружность, равносторонний крест со слегка расширяющимися концами. Другая цедилка происходит из ранних раскопок, производившихся в южной части Внутреннего города. Ее отличает более качественное изготовление, полукруглый корпус с аккуратно нанесенными отверстиями [7, с. 151, обр. 22].

Следует также отметить такую находку, как глиняная кадилъница (Рис. 5) в форме небольшой полусферической, покрытой бесцветной глазурью чаши на подставке (диаметр 7,3 см, высота 5,4 см). Аналогии подобным предметам неизвестны.

Одной из редких находок является обнаруженный около базилики двусторонний штамп для изготовления просфор (Рис. 6, 7). На основании сопутствующих керамических и нумизматических находок его можно отнести к X–XIII вв. Штамп изготовлен из хорошо отмученной глины, имеет коричневато-красный черепок и отличается сложным профилем (высота его 3,7 см). На обеих поверхностях штампа, диаметрами 5,9 и 3,5 см, «выгравированы» равносторонние и косые кресты. К близкому времени относятся подобные находки из раскопок на

территории Византии [10, p. 331–332, pl. 135, nos. 2854–2862; 12, p. 44, 45, 61–63, 90–91, fig. 29, 30, 43, 44; 11, p. 591–594, fig. 1; 15, p. 96–97] и Болгарии [2, с. 200–204, рис. 1, 3]. К числу наиболее близких аналогий относятся штампы, найденные в Галлиполи [16, p. 88–89, Çizim 1, Resim 1] и при изучении средневековой церкви Св. Полиевкта в истанбульском квартале Сарачхане [14, p. 276, no. 731a,b; fig. 462–463].

Возможно, в состав церковной утвари входил (или являлся обломком от церковной мебели) ранее не встречавшийся предмет (Рис. 8), обнаруженный в яме в непосредственной близости от храма среди бытового мусора (фрагменты керамики в данном комплексе относятся к XII–XIII вв.). Неопределенного назначения предмет представляет собой частично позолоченное кольцо (диам. 15,0 см), «свернутое» из сплюснутой медной трубки (диам. 1,20–2,55 см). Обращают на себя внимание небрежность клейки и наличие на внутренней стороне кольца четырех узких, выполненных по диагонали слота, которые, вероятнее всего, предназначались для крепления креста или другой фигуры. В нижней части кольца имеется втулка в виде усеченного конуса для крепления рукоятки. Данная находка напоминает деталь скипетра, с которым изображен болгарский царь Константин Асен (1257–1277) на фреске в Боянской церкви (Рис. 9) [5, с. 70–71, обр. 58]. Однако, возможно, что описанная выше находка являлась центральной частью более крупного изделия. Подобная деталь видна в одной раннесредневековой рипиде, происходящей из Армении [13, p. 142, fig. 18].

Уникальность Владетельской базилики в Преславе придают два аспекта: связь базилики с дворцовым комплексом и обнаружение на ее территории или в непосредственной близости артефактов, связанных с литургией. Некоторые из них были или встречены впервые, или относятся к числу редких находок. В целом, археологическая ситуация, выявленная на Восточной площади Преслава, как и находки, связанные с литургией, совершавшейся в храме, привносят новые данные для характеристики истории и культуры Первого Болгарского царства времени утверждения новой христианской идеологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божков А. Миниатюри от Мадридския ръкопис на Йоан Скилица: Изследване върху миниатюрите от ръкописа на Йоан Скилица от XII-XIII век в Мадридската национална библиотека: Със 170 цветни и черно-бели илюстрации. София: Издателство на БАН, 1972. 262 с.
2. Борисов Б. За предназначението на един вид средновековни печати // Традиции и приемственост в България през средните векове: изследвания и материали от Международната научна конференция в част на 60-годишнината на проф. д.и.н. Йордан Андреев 14-15 май 1999 г. В. Търново / ред. К. Попконстантинов. Велико Търново: Университетско издателство Св. Св. Кирил и Методий, 2003. С. 200–204.
3. Ваклинова М., Щерева И. Княз Борис I и Владетелската църква на Велики Преслав // Християнската култура в средновековна България: материали от национална научна конференция, Шумен 2-4 май 2007 година, по случай 1100 години от смъртта на Св. Княз Борис-Михаил (ок. 835–907 г.) / ред. П. Георгиев. Велико Търново: Фабер, 2008. С. 185–194.
4. Ваклинова М., Щерева И., Горянова С., Димитров П., Манолова-Войкова М., Владетелската църква на Велики Преслав (предварително съобщение) // Археология. 2003. XLIV, кн. 4. С. 30–40.
5. Грабар А. Боянската църква / L'èglise de Boïana. София: Наука и изкуство, 1978. 192 с.
6. Гръцки извори за българската история: Т. 5. / ред. И. Дуйчев. София: Издателство на БАН, 1964. 355 с.
7. Иванова В. Южната порта на Вътрешния град в Преслав, нейният градеж и архитектурен тип // Известия на археологическия институт. 1959. XXII. С. 133–170.
8. Тотев Т. Преславското съкровище // Известия на Народния музей. Варна. 1986. Кн. 22 (37). С. 81–107.
9. Щерева И. Рядка култова находка от Велики Преслав // Годишник на Департамент Археология – Нов български университет. 1994. Т. I. С. 215–217.
10. Davidson G. R. Corinth XII: The Minor Objects. Princeton, N.J.: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 366 p.
11. Feig N. A Byzantine Bread Stamp From Tiberias // LIBER ANNUUS. 1994. XLIV. P. 591–594.
12. Galavaris G. Bread and the Liturgy. The Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps. Madison: Wisconsin The University of Wisconsin Press, 1970. 235 p.
13. Greenwood T., Adams N. A Corpus of Early Medieval Armenian Silver // *Dumbarton Oaks Papers*. 2015. Vol. 69. P. 115–147.
14. Harrison R. M. Excavations at Sarachane in Istanbul: Vol. 1. Princeton, NJ etc.: Princeton Univ. Press and Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986. 432 p.
15. Izraeli Y., Mevorah D. (Eds.). *Cradle of Christianity*. Jerusalem: The Israel Museum, 2006. 232 p.
16. Türker A. Ç. Gelibolu'da Bizans Seramikleri ve Ökaristik Ekmek Damgası // *Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*. 2005. Cilt 22, Sayı 2. S. 87–104.

REFERENCES

1. Bozhkov A. *Miniatiuri ot Madridskiiia r»kopis na Ioan Skilita: Izsledvane v»rkhu miniatiurite ot r»kopisa na Ioan Skilita ot XII-XIII vek v Madridskata natsionalna biblioteka: S»s 170 tsvetni i cherno-beli iliustratsii*. Sofia, BAN Publ., 1972, 262 p.
2. Borisov B. *Za prednaznachenieto na edin vid srednovekovni pechati. Izsledvaniia i materialii ot Mezhdunarodnata nauchna konferentsiia "Traditsii i priemstvenost v B"lgariia prez srednite vekove"*. Veliko T»rnovo, Sv. Sv. Kiril i Metodii Publ., 2003, pp. 200–204.
3. Vaklinova M., Shchereva I. *Kniaz Boris I i Vladetelskata ts"rkva na Veliki Preslav. Materiali ot natsionalna nauchna konferentsiia "Khristiianskata kultura v srednovekovna B"lgariia"*. Veliko T»rnovo, Faber Publ., 2008, pp. 185–194.
4. Vaklinova M., Shchereva I., Gorianova S., Dimitrov P., Manolova-Voikova M., Vladetelskata ts"rkva na Veliki Preslav (predvaritelno s"obshchenie). *Arkheologiia*, 2003, XLIV, No. 4, pp. 30–40.
5. Grabar A. *L'èglise de Boïana*. Sofia, Nauka i izkustvo Publ., 1978, 192 p.

6. Duichev I. (Ed.). *Gr"tski izvori za b"lgarskata istoriia. T. 5.* Sofia, BAN Publ., 1964, 355 p.
7. Ivanova V. Iuzhnata porta na V"treshniia grad v Preslav, neiniat gradezh i arkhitekturen tip. *Izvestiia na arkheologicheskiia institute*, 1959, vol. XXII, pp. 133–170.
8. Totev T. Preslavskoto s"krovishche. *Izvestiia na Narodniia muzei*. Varna, 1986, 22 (37), pp. 81–107.
9. Shchereva I. Riadka kultova nakhodka ot Veliki Preslav. *Annuary of Departament of Archaeology NBU*, 1994, vol. I, pp. 215–217.
10. Davidson G. R. *Corinth XII: The Minor Objects*. Princeton, N.J., American School of Classical Studies at Athens, 1952, 366 p.
11. Feig N. A Byzantine Bread Stamp From Tiberias. *LIBER ANNUUS*. 1994, XLIV, pp. 591–594.
12. Galavaris G. *Bread and the Liturgy. The Symbolism of Early Christian and Byzantine Bread Stamps*. Madison, Wisconsin The University of Wisconsin Press, 1970, 235 p.
13. Greenwood T., Adams N. A Corpus of Early Medieval Armenian Silver. *DOP*, 2015, vol. 69, pp. 115–147.
14. Harrison R. M. *Excavations at Sarachane in Istanbul: Vol. I*. Princeton, NJ. etc., Princeton Univ. Press and Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1986, 432 p.
15. Izraeli Y., Mevorah D. (Eds.). *Cradle of Christianity*. Jerusalem, The Israel Museum, 2006, 232 p.
16. Türker A. Ç. Gelibolu'da Bizans Seramikleri ve Ökaristik Ekmek Damgası. *Hacettepe Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi*, 2005, Cilt 22, Sayı 2, pp. 87–104.

С. К. Горянова

Владетельская базилика Великого Преслава и некоторые сакральные артефакты

Резюме

Политика христианизации в Первом Болгарском царстве вызвала масштабное строительство храмов, среди которых наиболее крупным из сакральных комплексов Великого Преслава являлась Владетельская церковь, входившая в единый архитектурный ансамбль с дворцом правителя. Это трехнефная трех-апсидная базилика с односекционным нартексом и трехлопастным экзонартексом (47,50×21,10 м); она имела обширное и глубокое пространство перед апсидой. В процессе исследования храма выявлено два строительных периода. Ко второму – относится возникновение экзонартекса, изменение уровня пола, состоявшего из мраморных плит сланца, выложенных в виде трехцветных лент в технике *opus sectile*.

Существует предположение, что храм был посвящен Богородице, которая считалась покровительницей династии Первого Болгарского царства. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что базилика перестала использоваться в середине XI в. – после захвата столицы византийцами, значительный урон сооружению нанесли и набеги печенегов. В последующем на территории около руин церкви

и дворцов возник своеобразный ремесленный квартал, а позднее некрополь.

В процессе раскопок Великого Преслава на различных участках его территории найдены артефакты, связанные с христианской литургической практикой: напрестольные и литийные кресты, кресты-тельники и кресты-энколпионы, фрагменты от кадилъницы, цепи и другие. В докладе обращено внимание на такие находки, как бронзовая звезда, отличавшаяся небольшими размерами, керамическая кадилъница, глиняный штамп для изготовления просфоры, фрагмент наконечника некоего неустановленного предмета (возможно – рипида, хоругвь, стержень или нечто иное), встреченных непосредственно в храме или около него. Значение раскопок на Восточной площади города, где была возведена базилика, состоит также и в том, что изучение данного, сравнительно (с общей площадью города) небольшого участка, позволяет составить представление о значении Великого Преслава в тот или иной исторический период.

Ключевые слова: средневековая Болгария, Великий Преслав, Владетельская церковь, сакральные артефакты, христианство.

Snezhana Goryanova
The Royal Basilica in Veliki Preslav and Some Ritual Artifacts
Summary

Following the conversion of the Bulgarians to Christianity, the so-called Royal Church, one of the largest and most important for the state political affairs Christian temples in Bulgaria, was built in close proximity to the royal palaces in the Second Bulgarian capital Veliki Preslav. It is a three-nave basilica with three apses, a large space in front of the apses, a single-section *narthex* and a three-section *exonarthex*. The entire length of the building is 47.50 m, and its width is 21.10 m. The archaeological excavations at the basilica allow to define two construction periods. The construction of the *exonarthex*, the rise of the floor covered with marble slabs and three-colored plaits in *opus sectile* technique took place during the second period. One hypothesis is that the church was dedicated to the Virgin Mary who was considered the protector of the ruling dynasty of the First Bulgarian Kingdom. The stratigraphic sequence reveals that the church ceased functioning when the Bulgarian capital was conquered by the Byzantines and especially

after the devastating attacks of the Pechenegs in the mid-11th century. In the next centuries, a workshop quarter was formed on top of the church and the palaces remains which was later followed by a very large cemetery.

The excavations at the site brought to light many artifacts related to the Christian religious practices and rituals: complete and fragmented crosses decorating the altar and used during processions, cross-pendants and encolpions, fragments of lids of incense-burners, thin chains, etc. The article focuses on several less common artifacts, such as a small “stars”, a bronze strainer whose openings are arranged as a cross with equal bars, a ceramic incense-burner, a clay stamp seal for the Eucharistic bread, a point or a fragment of a church ritual object (*ripidia*/liturgical fan, gonfalon, scepter or something else) with a round shape and slots for inserting a cross.

Keywords: medieval Bulgaria, Veliki Preslav, Royal Church, ritual artifacts, Christianity.

Рис. 1. Владетельская базилика (Великий Преслав).
Аэрофотосъемка, вид с севера.

Рис. 2. Владетельская базилика. План.

Рис. 3. Владетельская базилика. Центральный неф, остатки вымостки пола.

Рис. 4. Бронзовая цедилка.

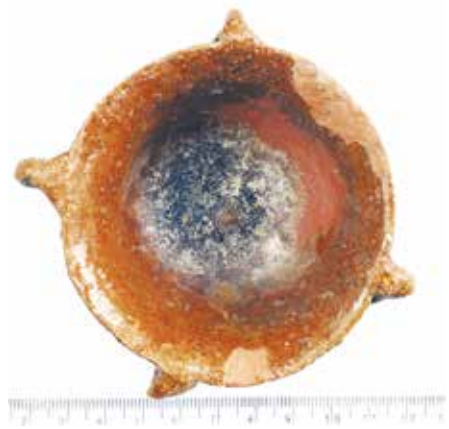

Рис. 5. Глиняная кадильница.

Рис. 6. Штамп для изготовления просфор.

Рис. 7. Штамп для изготовления просфор.

Рис. 8. Частично позолоченное кольцо неопределенного назначения.

Рис. 9. Болгарский царь Константин Асен. Фреска, Боянская церковь, XIII в. Деталь [по: 5, рис. 58].

Л. О. ГРИНЕНКО

ХЕРСОНЕС: РОЖДЕНИЕ МУЗЕЯ. ОБЗОР ИДЕЙ И ВОПЛОЩЕНИЙ В XIX ВЕКЕ

В наши дни существование музея в Херсонесе представляется совершенно естественным и необходимым, ведь Херсонес Таврический – один из крупнейших и значимых для истории нашей страны объектов культурного наследия, многослойный археологический памятник, хранящий воспоминания об Элладке, Римской империи, Византии, их взаимоотношениях с различными народами и племенами, с Древней Русью. Что же касается истории создания на его руинах археологического музея, то дата его основания кажется запоздалой: в Феодосии подобный музей существовал с 1811 года, в Керчи – с 1826 (а с 1810 года – в виде коллекции Поля Дюбрюкса). В Севастополе «Склад местных древностей» возник в 1892 году. Более того, даже и тогда, в конце XIX века, не для всех была очевидной необходимость учреждения музея при раскопках Херсонеса, по сути, его создание стало делом одного энтузиаста – Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича [28, с. 494–528]. Кроме того, всем, включая его основателя, была очевидна временная природа «Склада местных древностей», мыслившегося лишь первым этапом рождения настоящего музея древностей. Его преемником стал существующий ныне Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический».

Автор одного из самых пространственных описаний Херсонеса в начальную пору его исследований – Фредерик Дюбуа де Монпере, рассуждая о значении Херсонеса для русской истории, удивлялся тому, что руины города были разорены при строительстве Севастополя вместо того, чтобы «отнести к ним с почтением» и восстановить священные памятники – церкви, связанные с летописными событиями крещения князя Владимира. «И почему не возникла

мысль устроить здесь общественный музей как в Керчи!» – с досадой восклицает он, говоря об утраченных и рассеянных археологических находках [10, с. 208].

Что же в первые десятилетия после своего основания представлял собою Севастополь, «пришедший в соседство» с древним Херсонесом, как писал Павел Сумароков, и почему в нем в те годы не появился археологический музей? Как был основан этот город, как развивался, и какое место было отведено в этом развитии древним руинам? Приближением к теме севастопольского контекста истории Херсонесского музея может стать эта статья, охватывающая временной период до создания «Склада местных древностей».

Еще до присоединения Крыма древнее городище Херсонеса отмечали на первых картах этой местности русские военные и мореплаватели [39, с. 480–483]. В 1773 году главнокомандующий русской армией князь В. М. Долгоруков, осматривая Херсонес через бухту и не имея времени подъехать к нему ближе, заметил, что «развалившиеся стены с высокими башнями показывают четверугольную его фигуру». Долгоруков называет Херсонес древнейшим в Крыму городом, основанным «во время еще монархии персидской» и «знаменитым из-за крещения в нем великого князя российского Владимира» [26, с. 186].

В мае 1778 года командующий войсками Крыма и Кубани генерал А. В. Суворов прибыл на берега Ахтиарской бухты (по имени расположенной здесь деревушки Акъ-яр, которую В. М. Долгоруков назвал греческой, но впоследствии все называли татарской) и по достоинству оценил ее удобство: надежно укрытая от штормов лесистыми возвышенностями, глубоководно-

дная, разделяющаяся на несколько рукавов, она предоставляла идеальные условия для стоянки и обеспечения флота. Тогда же были сооружены у входа в бухту первые земляные укрепления [30, с. 13]. *«Кроме разоренного древнего города Херсониса и упомянутой деревни Ахтияр, никаких строений и жителей не было; мелкий лес и кустарники росли по берегам бухт и паслись татарские овцы»* – так описывал эту местность З. А. Аркас [3, с. 263].

В 1783 году, когда Крым был уже официально «принят под державу Всероссийскую» и решено было императрицей Екатериной II иметь военный порт на Черном море, вошедший в Ахтиарскую бухту со своей эскадрой вице-адмирал Ф. А. Клокачев избрал для стоянки судов ту часть бухты, которая сейчас называется Южной. На ее берегах и стали строить казармы и склады для такелажа, адмиралтейство, госпиталь, часовню и т. д. [37, с. 173]. Так начинались Севастополь и Черноморский флот. В том же году Клокачева сменил на посту командующего контр-адмирал Ф. Ф. Меккензи, начальником штаба у которого был лейтенант Дмитрий Николаевич Сенявин, впоследствии знаменитый наш адмирал. Ему принадлежит описание первых дней строительства Севастополя: *«Вот откуда начало города Севастополя – между тем сделаны хороших два тротуара, один от пристани до крыльца дома адмиральского, а другой от дома до часовни, и обсажены в четыре ряда фруктовыми деревьями. Выстроено шесть красных лавок с жилыми наверху покаями, один изрядный трактир, несколько лавок маркитантских, три капитанских дома, несколько магазинов и шлюпочный сарай в адмиралтействе; все сии строения каменные или дощатые. Бухта Херсонесская отделена для карантина»* [4, с. 10].

Несмотря на полную осведомленность об историческом значении и точном местонахождении древнего Херсонеса, основатели Севастополя устроили близ него Карантин. Однако, при взгляде на карту севастопольских берегов сразу становится понятно, почему произошло именно так – эта длинная и глубокая бухта является ближайшей к городу и ко входу в т. н. Большой рейд Севастополя, идеальное место для отстоя и проверки судов до того, как они получают разрешение проникнуть в главное вместилище флота (Рис. 1).

В феврале 1784 года, исполняя указ императрицы Екатерины, князь Г. А. Потемкин стал готовить планы укрепления новых границ, упраздняя крепости, ставшие внутренними, и учреждая новые, одной из которых и стал строящийся в Ахтиарской бухте порт, получивший тогда же прекрасное имя – Севастополь. Инженер-полковнику Корсакову поручено было Потемкиным «осмотреть прилежно все места» и предложить проект долговременных укреплений Севастополя с моря и суши.

В августе 1785 года императрице был представлен документ под названием «Краткая идея об укреплении Севастопольского пристанища». Проектом этим предусматривалось, в том числе, строить город между Карантинной и Артиллерийской гаванями, а на городище Херсонеса соорудить «первую южную батарею» на 24 орудия, с двумя уровнями обороны, но план Корсакова не был претворен в жизнь [32, с. 6]. Несмотря на то, что титулатура Екатерины II после приобретения Крыма была дополнена «царицей Херсонеса Таврического», судьба руин «малого» Херсонеса Таврического пока определялась только военными соображениями. В отличие от своих картографов, не сомневавшихся в нахождении древнего Херсонеса там, где его локализует современная наука, императрица предпочитала версию В. Н. Татищева, помещавшего Корсунь у впадения Днепра в Черное море (Кинбурн) [46, с. 241].

Между тем Севастополь как город *«до 1791 года мало чем увеличился с самого своего основания, то есть со времени Мекензи»* – писал историк флота В. Ф. Головачов [7, с. 188]. Некоторое развитие и благоустройство Севастополя было связано с деятельностью адмирала Ф. Ф. Ушакова, руководившего городом и флотом в 1791–1802 гг. В это время благоустраивается и Карантин, в котором до этого не было никаких строений. Ряд довольно правильных зданий – барачков, окруженных стеной с воротами, мы видим на литографии, иллюстрирующей книгу Павла Ивановича Сумарокова «Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду», вышедшей в 1803 году (Рис. 2) [35, рис. 20]. С западной стороны городища в то же время сооружена была городская бойня, для строительства которой были разобраны остатки древнего мола. В таком весьма утилитарном

«обрамлении» чумных бараков и скотобоен руины Херсонеса существовали достаточно долго, будучи для жителей Севастополя местом окраинным и заброшенным, местом, которое без крайней надобности не принято было посещать. Здесь пасли скот, добывали даровой камень, случайно отыскивали древние предметы, здесь же располагалось кладбище, где хоронили умерших от эпидемий.

Состав населения Севастополя в первые десятилетия был весьма своеобразным и «текучим» (по выражению В. Ф. Головачова). Жили здесь, в основном, морские офицеры и члены их семей, а также люди, связанные с обеспечением флота: казенные подрядчики, рабочие адмиралтейства. Торговцев и ремесленников поначалу было очень мало. Французский путешественник – экономист и дипломат Жан-Франсуа Гамба, побывавший в Севастополе в 1820 году, сообщает, что количество моряков, служащих на Черноморском флоте, составляет около 15 тысяч человек, а гражданского населения – не более 2 тысяч, и большинство из них – это греки, занимающиеся торговлей. Греки преобладали и во флоте, кроме них Ф. Гамба называет также большое количество англичан, рагузцев (выходцев из Далмации), датчан и шведов. Кроме того, путешественник отмечает, что многие военно-морские офицеры женаты на гречанках [48, р. 30–32].

К началу XIX века в Севастополе, по сведениям П. И. Сумарокова, которого, в свою очередь, снабдил ими комендант города, было «610 морских, 45 отставных штаб- и обер-офицерских, 68 купеческих, мещанских, поповских, и 18 невольничьих домов, что всего составит, не считая казарм 741 дом, притом 86 лавок. Город довольно пространен и все построения оно, которые по большей части принадлежат казне и суть каменные, сделаны с весьма малою издержкою из остатков древнего и именитого Херсониса, не более двух верст отсюда существовавшего. Ахтиар есть настоящий военный город; гарнизон, морские батальоны, матросы и другие команды составляют жителей оно, а обывателей в нем, как выше сказано, самое небольшое количество. [...] В Ахтиаре морской торговли почти не производится; продажа товаров по лавкам весьма маловажна, и дороговизна в нем для жизни чрезмерна» [34, с. 113–114].

В следующей своей книге, построенной в жанре «сентиментального путешествия» [35], «крымский судья» описывает Севастополь уже в качестве идеального города, противопоставляя цивилизацию Запада (в данном случае – севера России) цивилизации Востока (татарского Крыма), чистоту нравов провинции и расточительность столицы [40]. Автор находит в Севастополе приятное общество, посещает вечером клуб, где происходят танцы и играют в карты, всюду «порядок, вежливость и благопристойность». Днем его приглашают в загородный дом высокопоставленного военного, и там общество снова чинно играет в карты. Посещая окрестности города, в том числе Херсонес, Сумароков, по примеру многих, руководствуется известиями античных авторов и русских летописей, но нигде не рассказывает о том, что подобный интерес к истории был им замечен у его севастопольских знакомых, наоборот, он пылко сожалеет о расхищении развалин Херсонеса для строительства Ахтиара-Севастополя.

В своем внимательном исследовании свидетельств европейских путешественников о Херсонесе в конце XVIII – начале XIX в. Н. И. Храпунов пришел к выводу, который уместно будет процитировать для дополнения исторической картины: «Иностранцы свидетельствуют о катастрофических последствиях строительства Севастополя для Херсонеса. Паллас и Рёйи призывали начать исследовательские раскопки древнего города. Так археологические древности становятся неотъемлемой частью образа Крыма и мотивом, привлекающим сюда все новых гостей. Эти изыскания способствовали формированию представления о Херсонесе как о христианском центре, истоке русского православия, религиозной святыне. Кажется, это значение в глазах западной публики город приобрел быстрее, чем у русских путешественников и их читателей» [45, с. 624]. Возможно и потому, что русских путешественников было в Севастополе меньше, чем иностранных. Тот же Сумароков сокрушается: «Российские дворяне мало ведают о Севастополе» [35, с. 218]. Военная крепость на южных рубежах, в условиях противоборства России и Турции – вот чем был Севастополь для русских в эту эпоху.

Как впоследствии написал Ф. Дюбуа де Монпере, по сути, отвечая на свой же вопрос

об отсутствии в Севастополе общественного музея: *«Никакие другие соображения, коммерческого или промышленного порядка, не присутствовали в сознании основателей Севастополя. В результате здесь все военное – флот, арсенал, батареи, казармы»* [10, с. 206].

Однако именно Ф. Дюбуа де Монпере удалось увидеть и описать результаты деятельности человека, который первым среди управляющих Севастополем отнесся с интересом и вниманием к местности древнего Херсонеса. Первые раскопки городища были произведены в 1827 году по инициативе главного командира Черноморского флота (одновременно военного губернатора Севастополя и Николаева) – Алексея Самуиловича Грейга. Адмиралом руководило желание отыскать на местности подтверждения летописного рассказа о крещении в Херсонесе киевского князя Владимира, а именно: церковь, в которой совершилось это событие, и ворота, сквозь которые князь въехал в город. С этой целью он поручил плантеру Департамента корабельных инженеров Карлу Крузе раскопать фундаменты легендарных построек [подробно см.: 44]. Как известно, Крузе нашел три церкви, одна из которых позже была признана местом крещения Равноапостольного Князя. До этого адмирал, бывший к тому же почетным членом Российской Академии наук, пытался предпринять меры по охране руин Херсонеса. В ноябре он предписал *«... учредить около места того особенные обходы, поручив оные команде карантинной брандвахты, вблизи развалин тех состоящей»* [38, с. 102]. Ему же принадлежит идея увековечить место крещения св. Великого Князя Владимира в Херсонесе каким-нибудь «скромным обелиском или изящною церковью». Кроме того, адмирал планировал устроить здесь же небольшое богоугодное заведение на 20–30 человек для инвалидов и неимущих, которые, по мысли Алексея Самуиловича, и должны были *«надзирать за сохранением развалин от расхищения»* [38, с. 102].

Карл Крузе позже отметил в своей записке, составленной по просьбе графа А. С. Уварова, что он прекратил раскопки *«по причине тогдашних обстоятельств города Севастополя, в котором открылись заразительные болезни»* [1, с. 51]. Эти обстоятельства – т. н. Чумной бунт, о котором существует целый корпус источников

и литературы, изменил и судьбу херсонесских руин: возникший из-за расследования беспорядков в Севастополе конфликт наместника Новороссии и Крыма графа М. С. Воронцова и командующего Черноморским флотом адмирала А. С. Грейга, последовавший за этим перевод Грейга в столицу [42; 47] отдалили начатое просвещенным адмиралом дело археологического изучения Херсонеса и увековечивания на его территории памяти о летописном событии.

О Чумном бунте и его последствиях упоминает и Дюбуа де Монпере, в частности он пишет: *«... военному инженеру Крузе поручили произвести некоторые раскопки; я уже упомянул, что он освободил от земли и расчистил три церкви, что он разместил в ограде стен каждой из этих руин колонны, капители и другие мраморные остатки, ставшие результатом его изысканий. К несчастью для этих интересных и ценных коллекций, в Севастополе объявился род чумы; было сочтено необходимым установить санитарный кордон вокруг города; полк солдат был размещен в этих руинах, и когда через несколько месяцев все было приведено в порядок, не нашлось уже ничего из того, что собрал Крузе, за исключением самых крупных кусков, и даже то, что не смогли унести, было попорчено»*.

Кладбище Карантина, которое устроили на месте Главного порта, и которое растет каждый день, дает возможность делать интересные находки, но они также рассеяны по разным местам. Чудная мозаика, найденная здесь, и приобретенная доктором Лангом, исчезла у него в день бунта матросов, которые хотели покарать врачей за строгость, проявленную во время чумы».

Что сказать в целом о памятниках Севастополя? Увы, путешественник весьма удивлен тем, что уже ничего нельзя найти на этом месте, за исключением нескольких обломков мрамора, использованных в постройках Севастополя, и одного-двух барельефов; все исчезло; к счастью, часть надписей была перевезена в Николаев, остальное рассеялось по Крыму и вне Крыма и тем самым утрачено. И почему не возникла мысль устроить здесь общественный музей как в Керчи?» [10, с. 208].

Можно утверждать, отвечая на этот вопрос, что, в отличие от Керчи, где изобилие драгоценных находок из раскопок курганов антич-

ной знати способствовало быстрому образованию богатых частных коллекций и вниманию к этой сфере правящих кругов государства [41], в Херсонесе находки были случайными, редкими и немногочисленными, в городе они, как правило, не задерживались и не собирались, крупные коллекции отсутствовали. Кроме того, музеи в Керчи и Феодосии создавались если не по инициативе, то при широкой поддержке городского самоуправления, которое в Севастополе – военном городе – отсутствовало до 1870-х годов. Керчь и Феодосия достались России в виде сложившихся городов, а не в виде заброшенной местности.

Малочисленность в Севастополе гражданского населения, его низкий образовательный уровень, ротация служащих на флоте офицеров, преобладание среди них иностранцев, отсутствие транзитного сообщения и, следовательно, большого потока приезжающих – все это вместе не способствовало созданию здесь общественных учреждений просветительского характера.

По свидетельству морского врача Н. А. Закревского, Севастополь мало посещался официальными и частными лицами империи и при А. С. Грейге, и при М. П. Лазареве, и только после того, как на строительство порта были ассигнованы миллионы рублей, а в Севастополе стал часто бывать приближенный Николая I, морской министр – князь А. С. Меншиков со свитой, жизнь в городе оживилась, а также повысилась материальная обеспеченность служащих на флоте [19, с. 152].

Основанная в Севастополе при адмирале А. С. Грейге, по инициативе севастопольских офицеров, Морская библиотека долгие годы служила и «кабинетом редкостей» – это вполне удовлетворяло запросы образованной публики, которая в основном из офицеров тогда здесь и состояла. Писатель Н. В. Берг оставил сведения о том, что можно было увидеть в залах Морской библиотеки: *«На большом столе, вправо от лестницы, стояли ящики со стеклами, где можно было видеть куски многих редких деревьев и небольшие модели лодок малоизвестного устройства. Еще правее, за окном, в большом шкапу, также цельного красного дерева с зеркальными стеклами, – хранились разные минералы, окаменелости, древние сосуды, монеты,*

камни, чучелы морских животных и херсонесские мозаики» [5, с. 96]. Были ли это мозаики из коллекции доктора Ланга, упомянутые в труде Ф. Дюбуа де Монпере, или какие-то другие – установить сейчас вряд ли возможно.

Отношение к Херсонесскому городищу премника Грейга – адмирала М. П. Лазарева, которому Севастополь обязан своим расцветом и превращением в один из красивейших городов юга России – лучше всего характеризует выражение, употребленное в письме преосвященного Иннокентия (Борисова) к Священному Синоду по поводу устройства в Херсонесе кинонии: о том, что Херсонес, *«как место впусе и без употребления лежащее, с охотою уступает г. адмиралом Лазаревым»* [18, с. 65]. При адмирале М. П. Лазареве почти вся восточная часть городища планировалась под застройку новым Карантином (Рис. 3), этому губительному для археологии проекту с трудом воспрепятствовал церковный писатель А. Н. Муравьев [12, с. 78–79]. Видимо, не без влияния адмирала Лазарева император Николай I принял в 1843 году решение о строительстве собора св. Владимира не в Херсонесе, а в центре Севастополя, на главном городском холме [23, с. 212–221]. Севастополь, а не Херсонес был смыслом жизни великого флотоводца и градоустроителя М. П. Лазарева.

Изучая судьбу херсонесских руин, нельзя не отметить сходство в херсонесских проектах адмирала А. С. Грейга и архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, составившего в 1850 году «Записку о восстановлении древних святых мест по горам Крымским». В этом документе преосвященный владыка предлагал учредить в Крыму монашеские общины по типу греческого Афона. Оба плана устройства жизни на остатках древнего города были очень скромны по замыслу: *«небольшая, изящной архитектуры, церковь и при ней богадельня для тридцати человек дряхлых и немощных, которые бы, прославляя имя Божие, имели надзор как за храмом, так и за самими развалинами»* – читаем у адмирала, и: *«небольшой скит или киновия», «иноческое братство»,* члены которого могли бы заниматься *«собранием исторических преданий и описанием древностей»* – у архиепископа, и оба в результате, соединившись, реализовались совершенно иначе и в масштабах, значительно

превосходивших первоначальные предложения [подробно см.: 13].

В недавней публикации автор статьи касалась судьбы устроенной архиепископом Иннокентием кинонии в Херсонесе [9], а гораздо ранее затрагивала тему создания музея в возобновленном после Крымской войны Херсонесском монастыре [8]. Более актуальным является освещение деятельности архимандрита Евгения в статье В. В. Калиновского [14], тем не менее для связности изложения предлагается еще раз упомянуть о музее Херсонесского монастыря, сделав акцент на некоторых деталях и особенностях восприятия его посетителями.

Как известно, при настоятеле Херсонесского монастыря в 1857–1874 гг. – архимандрите Евгении – в монастыре были построены основные здания: кельи для братии, гостиница, трапезная, настоятельский корпус, церковь Семи священномучеников херсонесских, величественный Владимирский собор и многие строения хозяйственного назначения [2, с. 19–21], среди последних было и совсем небольшое здание оранжереи, примыкавшее к настоятельской резиденции с севера (Рис. 4, 5). В ней со временем был устроен музей, основу которого составили архитектурные детали церквей из раскопок вокруг собора.

Интересно описание этого музея, сделанное самим архимандритом Евгением в 1868 году: *«Музеум устроен в виде оранжереи, или, лучше сказать, цветника, в котором между живыми растениями располагаются дорогие для истории, давно отжившие, выкопанные из недр земных памятники древности, между которыми и уже можно видеть собрание монет, небольших икон, крестов складных, разных церковных принадлежностей и вещей из домашнего быта, а также множество надписей на мраморе и изящной работы мраморных украшений»* [цит. по: 14, с. 234].

В то время в монастырях России роль музеев выполняли ризницы [36, с. 76], а музей Херсонесского монастыря, будучи совершенно новым, не имел исторической церковной сокровищницы; благодаря же своей археологической миссии, он создал музей, относящийся, скорее, к типу аристократических собраний древностей, антикварных коллекций вельмож, располагавших их часто именно в оранжереях своих дворцов.

Качество вещей, составивших коллекцию монастырского музея, позволило Н. П. Кондакову, тогда доценту Новороссийского университета, отобрать большинство из них для Севастопольского отдела Политехнической выставки 1872 года в Москве. Талантливый историк искусства Иван Данилович Мансветов тогда же составил каталог-описание этих вещей [21].

Из Москвы экспонаты не возвратились, и отец Евгений 7 июня 1873 г. написал рапорт на имя архиепископа Таврического и Симферопольского Гурия, в котором крайне сожалел об опустошении монастырского музея, превознося его популярность и посещаемость. Действительно, после Крымской войны количество путешественников, совершавших поездки в Севастополь, значительно возросло, хотя дорога в Крым и по Крыму представляла собой трудное предприятие. Паломничество к руинам «Русской Трои», выдержавшей беспримерную осаду, было важно как для русских, так и для иностранцев – разрушенный, пораженный в правах Севастополь представлял собой «кладбище европейских народов» [20, с. 141]. Широкое, как никогда до этого, освещение военных событий для общества сделало тему Крымской (Восточной) войны чрезвычайно популярной. Ответом на этот интерес стало основание в 1869 году Музея Севастопольской обороны, располагавшегося на главной улице города – Екатерининской.

В рапорте о. Евгения перечисляются категории посетителей музея: *«Политехническая выставка своевременно уже закрыта, а вещи, взятые из Херсонисского музея и портреты, не возвращены и сведений о них не имеется. Между тем, как местные жители, так и все посетители Херсонисского монастыря и любознательные путешественники и археологи, русские и иностранцы, по заведенному обычаю, всегда заявляют неприменное желание видеть Херсонисский музей, который по невозвращению с выставки вещей остается пустым, и это обстоятельство сильно огорчает многих путешественников, нередко стремящихся в монастырь с исключительной целью осмотреть древности музея. Особы российской Императорской фамилии и владельцев домов других европейских государств, неоднократно посещали и осматривали Херсонисский музей и нет сомнения, что и в будущем подобные по-*

сещения могут повторяться, а отсутствие древностей музея может показаться странным Августейшим посетителям, уже привыкшим к мысли знакомиться с историческими памятниками Херсониса на самом месте этого древнего города» [17, л. 7]. В том же рапорте он ссылается на одобрение еще в 1859 г. императором Александром II идеи о создании в Херсонесе музея, что для нашей темы интересно.

Воплотить идею удалось, видимо, не сразу, так как побывавший в 1867 году в Херсонесе писатель Е. Л. Марков, долго осматривавший монастырь и раскопки, музей почему-то не упоминает, но зато упоминает о другом объекте: *«При работах вырывают множество черепов и других костей. Их собирают в особенный склеп под крестом, открывающийся как-то сбоку. Я заглянул в него и увидел целый магазин могильного товара, опрятно сложенного по сортам, бедра к бедрам, черепа к черепам – богатый клад для краниологов»* [22, с. 125].

Демонстрировался «склеп» достаточно долго, о нем оставляли отзывы путешественники в 1886 году, а вот позднее о нем уже нет упоминаний. Можно утверждать, на основании косвенных топографических указаний посетителей, что костница располагалась на самом берегу моря, в каком-то древнем помещении (склепе?), вход в которое, по описанию Е. Л. Маркова, был «откуда-то сбоку», а над ним был установлен большой крест. Более всего под это описание подходит пустотный объект в толще небольшого холма, на котором возвышается сейчас т. н. туманный колокол, а во второй половине XIX в. располагалось кладбище братии. Еще одним косвенным подтверждением этому может служить оформление входа в «подколокольное» пространство – оно аналогично оформлению монастырских дверных арок эпохи настоятельства о. Евгения (Рис. 6, 7). Представляется весьма правдоподобным предположением, что такое обращение с костными останками в монастыре, задуманном как часть «Русского Афона», восходит именно к святогорской традиции, где так погребаются кости иноков.

Осматривавший Херсонес в 1868 году писатель и издатель Д. Соколов также не упоминает о монастырском музее, но пишет об Уваровской базилике, в которой уцелели следы штукатурки красного цвета и «еще несколько цел помост»,

и тут же отмечает, что *«...далее по берегу, под высоким деревянным крестом, выложен небольшой склеп, в котором сложено множество человеческих костей»* [31, с. 73]. Был ли этот объект «выложен» монахами? Скорее всего, ими было приспособлено под склеп какое-то древнее помещение.

В сентябре 1874 года в Херсонесе побывал известный уже тогда французский историк Альфред Рамбо, который перед тем участвовал в работе Третьего археологического съезда в Киеве. В Херсонесе он беседовал с А. С. Уваровым, осматривал руины и монастырский музей, который нашел небольшим, а коллекцию его незначительной (видимо, экспонатов там действительно осталось мало). О костнице он пишет так: *«Следуя вдоль обрывистого берега моря, находим остатки другого святилища; порог, фундаменты, часть основания сохранились, тут и там перешагиваем через стволы колонн, мраморные капители, которые иногда похожи на колонны и капители языческих храмов, иногда украшены византийскими крестами и монограммами. Можно думать, что другие церкви обрушились в море с частью этой ракушечной скалы, которую волны подтачивают непрерывно. В раскопках, вызванных строительством собора, обнаружили значительное число человеческих костяков. Их сложили вперемешку в подобие пещер, которые датируются ранним временем, и, предоставив Богу труд опознать своих и отличить христиан от язычников, поставили над всеми крест»* [49, р. 374]. Также, как и Соколов, Рамбо видит костницу сразу после осмотра Уваровской базилики, на берегу моря. Однако оставим точную локализацию этого объекта на долю будущих исследователей.

Во второй половине 1880-х годов, возможно, после запрета монастырю производить раскопки (в 1888 году), древние останки уже не демонстрировали посетителям; основным объектом показа в монастыре становится музей, которому пришлось после 1892 года конкурировать с музеем Императорской Археологической комиссии. Однако, тема костей из древних погребений громко прозвучала гораздо позднее, когда раскопки в Херсонесе уже производились Императорской Археологической комиссией. Исторический сюжет о конфликте Таврического епископа Николая (Зиорова) и заведующего

«Складом местных древностей» К. К. Косцюшко-Валюжинича в 1902 году подробно отражен в статье В. В. Калиновского [15].

Здесь интересно упомянуть, что в ответ на обвинения епископа Николая в том, что Косцюшко-Валюжинич неподобающим образом обходится с древними останками первых христиан, святотатственно «выбрасывая их в мусор», тот ответил Археологической комиссии, что упомянутые епископом захоронения на южном некрополе Херсонеса производились в семейных склепах, начиная с римского времени, при этом предшествующие христианской эпохе кости не выбрасывались. *«Все кости, вынутые из этих семейных склепов и гробниц, вагонетками свозились в одно место и по окончании раскопок над ними насыпан земляной курган в виде братской могилы. Затрудняюсь ответить на вопрос: можно ли было бы при таких условиях “служить по христианским правилам” над собранными из всех этих могил костями, а на кургане водрузить крест?»* [25, л. 261, 261об.].

В русле той же полемики Карл Казимирович дает характеристику экспозиции монастырского музея образца начала XX века в ответ на обвинения в смешении в музее ИАК языческих и христианских предметов: *«Что касается, наконец, способа хранения в местном складе христианских древностей рядом с древностями дохристианской эпохи, столь осуждаемого епископом Николаем, то ведь и в монастырском складе придерживаются того же способа (в том и другом случае, конечно, за теснотой помещения), и там рядом с христианским памятником помещается плита с изображением охотящейся Артемиды, а в правый придел нижнего храма перенесены из склада, уже совершенно не имеющие ничего общего с “священными предметами”, монеты языческого периода разных греческих и римских колоний и царей»* [15, с. 72].

Упоминание в этом пассаже о правом приделе нижнего храма, в который перенесены какие-то экспонаты, свидетельствует о переменах в деле устройства монастырского музея, который, по данным о более раннем его периоде, размещался частично в оранжерее, частично – в покоях настоятеля. Именно перестройка в здании настоятельского корпуса, как раз пришедшаяся на рубеж столетий (перенос церкви из северной в

центральную часть здания), видимо, потребовала перемещения экспонатов в собор.

Об экспозиции монастырского музея в оранжерее мы узнаем из очерка писателя и журналиста С. Н. Филиппова, побывавшего в Херсонесском монастыре в 1888 году. Он описывает беседу с казначеем монастыря о. Агафадором, который показал ему только что освященный к 900-летию Крещения Руси, но еще не декорированный внутри собор св. Владимира с остатками древней церкви в первом этаже.

«Мысль заключить остатки “всероссийской купели” в церкви – блестящая мысль, которую нельзя не отметить. Ничего не может быть целесообразнее этого великолепного футляра для камней такой неоценимой стоимости, какую представляют руины. В полумраке нижнего храма они представляются покоящимися на подушке футляра, крышкой которого служит грандиозный храм во имя первого русского христианина... Верхняя церковь еще и до сих пор остается отделанной только черне. Она обширна и высока, из ее алтаря, сквозь желтые стекла, открывается вид на всю древнюю Корсунь, на море, бухту, у которой расположился Севастополь, на горькое воспоминание недавнего прошлого – Братскую могилу...» [43, с. 270].

Ироничный и любознательный автор очерка долго беседует с отцом Агафадором и выясняет, что в монастыре есть музей: *«– Да, вот вы говорили о музее: у нас есть. Небольшой, конечно, но ведь и в нем нам почти ничего сохранять. Все, что было найдено ценного и интересного, увезено в столицы.*

– Как идут у вас раскопки?

– Шли когда-то. Теперь – вяло, потому, что, знаете, ведь для раскопок деньги нужны, как и для прочего. Археологические общества наши, как нарочно, все без денег. Прежде, при графе Уварове, было сделано много, ну, и найдено тогда немало. Теперь, впрочем, графиня, кажется, хлопочет...

“Музеум” монастыря в двух шагах от кельи о. Агафадора. – Это бывшая монастырская оранжерея, – сообщает он, вводя меня в маленькую комнатку с сетчатым окном в одной из стен. Если оранжерея была крохотной домашней тепличкой, то занявший ее музей оказывается чем-то таким курьезным, что вы невольно спрашиваете себя: – что же тут смотреть?

Перед вами несколько обломков камней, полу-расколотых плит и сосудов античной формы, сохранивших следы своего пребывания в земле. Но это собрание говорит вам очень мало, и вы с невольной усмешкой разглядываете эту миниатюрную коллекцию древностей, собранных в крохотном чуланчике с громким названием – Херсонесский монастырский музей.

– Вот, посмотрите на эту плиту, – обращает мое внимание о. казначей на сохранившуюся каменную доску, где я читаю, в переводе, надпись: «Аристону сыну Артина, любящему Отечество» и целый ряд служебных эпизодов этого грека.

– А вот штучка-то! И он поднимает передо мной глиняный кувшин, отлично сохранившийся, известной античной формы. – Библейская, библейская-с форма! – восторгается о. Агафадор, постукивая по кувшину, как бы желая убедить меня в этом и самими звуками высохшей глины.

– А вот вы на капитель взгляните: дорическая, самая настоящая дорическая, века за три до Рождества Христова... Да, вы посмотрите сюда-то, на пурпор – ведь сохранился! ... а? что вы на это скажете? – Что же сказать? ... Сохранился, конечно. Этими редкостями и ограничиваются богатства монастырской коллекции» [43, с. 274–275].

Пусть даже редактор «Русского курьера» был слишком строг в оценках увиденного в оранжевое, музеем древностей вряд ли можно было бы назвать это небольшое хранилище. В научно-популярном труде Е. Э. Иванова о Херсонесе приводится эпизод, переданный ему очевидцами посещения монастырского музея императором Александром III в 1886 году. Осмотрев музей и увидев как мало там предметов, несмотря на годы раскопок, он якобы грустно заметил: «*Je crois, que tout est volé (Я думаю, что все расхищено)*» [11, с. 174].

29 августа 1886 года в Херсонес приехали, в ходе т. н. учебной экскурсии, учащиеся Симферопольской мужской гимназии со своими преподавателями. Вот как описывается посещение музея в отчете об этой экскурсии: «*Войдя в двор, ученики напились воды, попробовали силу над лежащей тут же у колодца бомбой, а когда подошли и отставшие, то все уселись на обломках колонн, а преподаватель Ф. А. Шпигель изложил историю Херсонеса Таврического до присоеди-*

ния его к державе Аркадия. После беседы г. Шпигеля, в 8 ч. 45 м. начали осмотр музея и чтение находящихся там надписей, под руководством В. И. Жирнова, причем особенное внимание было обращено на хранящиеся в херсонесском музее эпитафические документы – памятник с псефизмом в честь Диофанта и капитель от памятника в честь Аристона сына Артина, оба памятника имеют важное значение для ознакомления с государственным устройством Херсонеса во время римских триумвиров и императоров». Упоминается в отчете и о другой части экспозиции: «У входа в квартиру архимандрита были выставлены два ящика с монетами, крестами и ризами, найденными при раскопках, но содержимое ящиков по количеству предметов, и по качеству весьма небогато» [27, с. 49, 56, 84]. Кроме того, автор отчета описывает изобилие архитектурных деталей: колонн, карнизов, капителей и баз – которые сложены во дворе музея, образуют аллею, ведущую к собору, виднеются среди развалин (Рис. 8). Об этом же обилии архитектурных деталей ранее сообщал и Е. Л. Марков: «Обломков колонн, карнизов, престолов, сидений, крестов – до сих пор такое множество, что они сложены кучами в монастырских дворах» [22, с. 125] – и многие другие авторы. Как представляется, это богатое наследие византийских церквей во многом искупало недостатки монастырской музейной коллекции.

В очерках С. Н. Филиппова, написанных впечатлительным, тонко чувствующим, образованным человеком, перед нами предстает в полной мере сложившаяся к концу XIX века программа посещения Севастополя, которой следовали почти все приезжающие в этот южный город. Они руководствовались путеводителями, которые стали издаваться во множестве, отзывами друзей и знакомых, путевыми очерками, публиковавшимися в прессе и отдельными брошюрами и книгами. После того как до Севастополя дотянули железную дорогу (т. е. после 1875 года), в него буквально хлынули путешественники: туристы, дачники и деловые люди, в одиночку, семьями и целыми группами – курсами и классами [20, с. 143]. Севастополь стал расцветать на глазах, ускоренными темпами возрождаясь из руин; в это же время, после франко-прусской войны 1870–1871 гг., были сняты ограничения, запрещавшие России держать флот на Черном

море, и в Севастопольскую бухту один за другим вставали грозные корабли.

Следовало осматривать центр города: Графскую пристань, Музей Севастопольской обороны, Владимирский собор – усыпальницу адмиралов – и напоминающий древнегреческий храм Петропавловский собор, памятник Казарскому и памятник Нахимову, Приморский бульвар на месте разрушенной Николаевской батареи, Биологическую станцию. Обязательно нужно было посетить Малахов курган, другие бастионы и укрепления Крымской войны, пересечь бухту и побывать на Братском кладбище. На яликах подплывали к гордости флота – эскадренным броненосцам, на которые можно было подняться с разрешения дежурного офицера. Поездки по окрестностям включали, помимо живописной курортной Балаклавы, «монастырскую триаду»: Инкерманский, Георгиевский и Херсонесский монастыри.

В точности исполнили эту программу посещения Севастополя воспитанники Самарской духовной семинарии в рубежном 1900 году. 25 июня они прибыли в Херсонес из Георгиевского монастыря к вечерней службе и оставили нам редкое, если не единственное, описание ночной экскурсии в монастырском музее: *«После осмотра храма, монах повел нас в музей. Здесь вновь, как живые, восстали и прошли в нашем воображении целые десятки веков, пронесшихся над Херсонесом: религиозные предметы древних обитателей – сначала язычников, затем христиан, утварь, орудия и старинные памятники и надписи. В устах монаха сохранилось доселе имя языческой богини Дианы, о которой и думать забыли жители близлежащего города; на полках и в витринах и теперь лежат еще старинные кресты, судя по надписям, первых времен христианства, древние светильники той первобытной формы, которая имела место в Палестине во времена Христа Спасителя (любимый образ для сравнений у евангелистов), серебряные и золотые монеты того же драгоценного времени, остатки живописи по камню, произведенные краской, не смывающейся в течение целых двух тысячелетий (ныне утрачен секрет состава этой краски); затем рюмки и громадные, в человеческий рост, глиняные амфоры для вмещения вина и, наконец, громадный, в аршин длины, ключ от городских ворот старинного Корсуня,*

который висит теперь на стене, в то время как самые ворота уже давно исчезли под землю... Скажу не обинуясь, что этот вечер в старом музее, освещенном тремя лишь восковыми свечами, эта лунная ночь над воскресающим из земли и моря старинным Херсонесом, это море, ласкающее наш слух таким же рокотом, как и во времена оны слух древних корсунян, – был счастливейшим и редкостнейшим по своим глубоким думам и сильным ощущениям» [24, с. 175].

Как видно из многочисленных для последней четверти XIX века путевых заметок и впечатлений, в Херсонесском монастыре все прибывавшие осматривали Свято-Владимирский собор, безусловную архитектурную доминанту, в первом этаже его показывали остатки древнего храма, в котором, по преданию, был крещен святой равноапостольный князь Владимир, купель (за которую принимали могильную яму), далее предлагалось посещение небольшого монастырского музея, где хранились самые разные предметы древности и старины, включая, например, некий *«громадный, в аршин длины, ключ от городских ворот старинного Корсуня»* и *«лопаты, которые служили Царствующей Семье при закладке храма»* [6, с. 148]. В последние годы XIX в. объектом осмотра стал музей Императорской Археологической комиссии – *«Склад местных древностей»*, построенный на берегу Карантинной бухты, близ пристани Военного ведомства [33].

Осмотр же собственно развалин древнего города был, до эпохи масштабных раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, весьма трудным и непривлекательным для обычного человека занятием. Большинство посетителей воспринимало территорию городища как *«каменную путаницу»*, *«беспорядочные нагромождения камней»* и тому подобное. Бесспорным украшением территории Херсонесского монастыря являлись многочисленные детали архитектурного убранства византийских церквей.

На протяжении всего девятнадцатого столетия идея устройства в Севастополе археологического музея, по примеру Керчи, Феодосии, Одессы, так и не была достойно воплощена из-за особенностей пространственного, административного и социального устройства города, а также беспримечных испытаний, перенесенных им во время и вследствие Крымской войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ. М., 1905. Выпуск 1. 144 с.
2. Антонова И. А. Монастырь святого равноапостольного князя Владимира в Херсонесе // Лазаревские чтения. Причерноморье: история, политика, культура: избранные материалы VIII Международной научной конференции. Севастополь, 2011. Вып. V (II). С. 6–28.
3. Аркас З. А. Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его, с 1778 по 1798 г. // ЗООИД. 1858. Т. IV. С. 261–309.
4. Артюхов В. М., Багaley А. И. Город-герой Севастополь. М.: Стройиздат, 1975. 206 с.
5. Берг Н. В. Записки об осаде Севастополя. В 2 т. Т. 1. М., 1858. 264 с.
6. Бернов М. А. Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского пешехода. СПб., 1896. 218 с.
7. Головачов В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. 268 с.
8. Гриненко Л. О. Предтеча археологического музея в Херсонесе: Музей архимандрита Евгения // Восток – Запад: Межконфессиональный диалог. Сборник научных трудов / под ред. Ю. А. Бабинова, Х. Хоффманна. Севастополь, 2003. С. 97–101.
9. Гриненко Л. О. Об одной литографии Уильяма Симпсона (1855 г.) в свете изучения истории монастыря Св. Владимира в Херсонесе // История и археология Крыма. Сборник статей / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь, 2017. Вып. VI. С. 242–258.
10. Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхамам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Т. 5, 6. Париж, 1843 / Пер. с франц., предисл. и примеч. Т. М. Фадеевой. Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. 328 с.
11. Иванов Е. Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк с рисунками и планом раскопок // ИТУАК. 1912. Вып. 46. 400 с.
12. Ильченко Н. М., Чистяков И. А. Древний Херсонес как тема русской истории и литературы (по произведениям А. Н. Муравьева и А. М. Горького) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 7. С. 77–83.
13. Калиновский В. В. У истоков восстановления колыбели христианства на Руси: архиепископ Иннокентий (Борисов) и Херсонесская обитель // Пространство и Время. 2014. № 2 (16). С. 207–215.
14. Калиновский В. В. Из опыта участия православного духовенства в археологическом исследовании Херсонеса: раскопки архимандрита Евгения // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). С. 229–236.
15. Калиновский В. В. Посещение императором Николаем II «Склада местных древностей» в Херсонесе в 1902 г. в контексте взаимоотношений археологов и православного духовенства // Вопросы музеологии. 2017. № 2 (16). С. 67–77.
16. Кац В. И. Начало раскопок Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе Таврическом // Stratum plus. 2014. № 3. С. 353–364.
17. Копии с документов из архива Херсонесского монастыря, представляющие интерес, как материалы для истории археологических раскопок Херсонесского городища и некрополя // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 37. 80 л.
18. Лебединцев П. Г. Остатки церквей на развалинах древнего Корсуня или Херсонеса, их открытие и значение // Киевская старина. 1889. Т. 25. Апрель. С. 56–73.
19. Леписевич Н. З. Жизнь и литературное наследие севастопольского военного врача Н. И. Закревского на страницах журнала «Морской сборник» // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2012. Т. 25 (64), № 2. С. 144–155.
20. Мальгин А. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь: Сонат, 2006. 352 с.
21. Мансветов И. Д. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872. 98 с.
22. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. 2-е изд. СПб., 1884. 612 с.
23. Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским. Ч. IV. СПб., 1863. 330 с.
24. На юге. Путевой дневник воспитанников Самарской духовной семинарии / под ред. К. Казанского. Самара, 1900. 230 с.
25. Переписка К. К. Косцюшко-Валюжинича с Императорской Археологической комиссией (с Председателем, Членами и Делопроизводителем) с 1 января 1898 по 31 декабря 1902 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 40. 552 л.

26. Поденная записка путешествия его сиятельства князя Василия Михайловича Долгорукова в Крымский полуостров, во время кампании 1773 года // ЗООИД. 1872. Т. VIII. С. 182–187.
27. Попов А. Н. Первая учебная экскурсия симферопольской мужской гимназии. Севастополь и его окрестности – Инкерман, Херсонес, Балаклава, Георгиевский монастырь, Малахов курган, братское кладбище / Издана в память девятисотлетия крещения св. равноапостольного князя Владимира в Херсонесе. Отчет составил по поручению педагогического совета инспектор А. Н. Попов, а приложения рисовал преподаватель А. А. Архипов. Симферополь, 1889. 205 с.
28. Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2: Византийский город. Тюмень: Издательство Тюменского университета, 2008. 621 с.
29. Севастополь. Монастырь святого Владимира в Херсонесе. Альбом / Авт. проекта В. Прокопенков. Симферополь: ООО «Фирма “Салта” ЛТД», 2015. 584 с.
30. Скориков Ю. А. Севастопольская крепость. Санкт-Петербург: Стройиздат СПб, 1997. 320 с.
31. Соколов Д. Прогулка по Крыму с целью ознакомиться с ним. Одесса, 1869. 262 с.
32. Спиридонова И. К. Роль А. В. Суворова в создании Севастопольской крепости в конце XVIII в. // Крымский архив. 1997. № 3. С. 5–9.
33. Стоянов Р. В. Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 522–555.
34. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800. 238 с.
35. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду. Часть I. СПб., 1803. 276 с.
36. Сундиева А. А. Протомузейные формы в российской культуре // Обсерватория культуры. 2005. № 3. С. 74–78.
37. Тимофеев В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII века. Киев: Наукова думка, 1984. 222 с.
38. Тункина И. В. К истории изучения Херсонеса-Корсуны в конце XVIII – середине XIX вв. (охрана руин Херсонеса и проекты возведения памятника на месте крещения князя Владимира) // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах. М., 2001. Вып. 3. С. 96–120.
39. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.
40. Фарафонова О. А. Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду») // Научный диалог. 2017. № 7. С. 70–82.
41. Федосеев Н. Ф. Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
42. Фесенко А. А. Из истории «Чумного бунта» 1930 года в Севастополе. Анализ источников // Лазаревские чтения. Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б. Новая и новейшая история: избранные материалы IX Международной научной конференции / под общ. ред. В. И. Кузищина. Севастополь, 2012. Вып. IX (IV). С. 22–28.
43. Филиппов С. Н. По Крыму. Отражения. М., 1889. 452 с.
44. Хапаев В. В. Заведывающий открытиями: первые сообщения о раскопках Херсонеса // Лазаревские чтения. Причерноморье. История, политика, культура: избранные материалы XIII Всероссийской научной конференции. Севастополь, 2016. Вып. 19. С. 6–46.
45. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 595–633.
46. Храпунов Н. И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // АДСВ. 2016. Вып. 44. С. 236–251.
47. Черноусов А. А. Роль главного командира Черноморского флота и портов адмирала А. С. Грейга в формировании системы злоупотреблений на Черноморском флоте в конце 20-х – начале 30-х гг. XIX в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Восьмой Международной научно-практической конференции. Часть IV. СПб., 2017. С. 478–491.
48. Gamba Jean François. Voyage dans la Russie méridionale: et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824: [en 2 t.]. Т. 1. Paris: chez C. J. Trouvé, 1826. 444 p.
49. Rambaud Alfred. Français et Russes. Moscou et Sévastopol, 1812–1854. Paris: Berger-Levrault, 1877. 460 p.

REFERENCES

1. Ainalov D. V. Razvaliny khramov. *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa*. Moscow, 1905, vol. 1, 144 p.
2. Antonova I. A. Monastyr' sviatogo ravnoapostol'nogo kniazia Vladimira v Khersonese. *Izbrannye materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Lazarevskie chteniia. Prichernomor'e: istoriia, politika, kul'tura"*. Sevastopol', 2011, vol. V (II), pp. 6–28.
3. Arkas Z. A. Nachalo uchrezhdeniia Rossiiskogo flota na Chernom more i deistviia ego, s 1778 po 1798 g. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*, 1858, vol. IV, pp. 261–309.
4. Artiukhov V. M., Bagalei A. I. *Gorod-geroi Sevastopol'*. Moscow, Stroizdat Publ., 1975, 206 p.
5. Berg N. V. *Zapiski ob osade Sevastopolia. V 2 t. T. 1*. Moscow, 1858, 264 p.
6. Bernov M. A. *Iz Odessy peshkom po Krymu. Pis'ma russkogo peshekhoda*. St. Petersburg, 1896, 218 p.
7. Golovachov V. F. *Istoriia Sevastopolia kak russkogo porta*. St. Petersburg, 1872, 268 p.
8. Grinenko L. O. Predtecha arkheologicheskogo muzeia v Khersonese: Muzei arkhimandrita Evgeniia. *Babinov Iu. A., Khoffmann Kh. (Eds.). Vostok–Zapad: Mezkhkonal'nii dialog. Sbornik nauchnykh trudov*. Sevastopol', 2003, pp. 97–101.
9. Grinenko L. O. Ob odnoi litografii Uil'iam Simpsona (1855 g.) v svete izucheniia istorii monastyria Sv. Vladimira v Khersonese. *Maiko V. V. (Ed.). Istoriia i arkheologiia Kryma. Sbornik statei*. Simferopol', 2017, vol. VI, pp. 242–258.
10. Diubua de Monpere Frederik. *Puteshestvie po Kavkazu, k cherkesam i abkhazam, v Gruziiu, Armeniiu i v Krym. V 6 tomakh. T. 5, 6. Paris, 1843*. Simferopol', Biznes-Infom Publ., 2009, 328 p.
11. Ivanov E. E. Khersones Tavricheskii. Istoriko-arkheologicheskii ocherk s risunkami i planom raskopok. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1912, vol. 46, 400 p.
12. Il'chenko N. M., Chistiakov I. A. Drevnii Khersones kak tema russkoi istorii i literatury (po proizvedeniiam A. N. Murav'eva i A. M. Gor'kogo). *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2014, No. 7, pp. 77–83.
13. Kalinovskii V. V. U istokov vosstanovleniia kolybeli khristianstva na Rusi: arkhiepiskop Innokentii (Borisov) i Khersonesskaia obitel'. *Prostranstvo i Vremia*, 2014, No. 2 (16), pp. 207–215.
14. Kalinovskii V. V. Iz opyta uchastiia pravoslavnogo dukhovenstva v arkheologicheskom issledovanii Khersonesa: raskopki arkhimandrita Evgeniia. *Prostranstvo i Vremia*, 2015, No. 3 (21), pp. 229–236.
15. Kalinovskii V. V. Poseshchenie imperatorom Nikolaem II "Sklada mestnykh drevnostei" v Khersonese v 1902 g. v kontekste vzaimootnosheniia arkheologov i pravoslavnogo dukhovenstva. *Voprosy muzeologii*, 2017, No. 2 (16), pp. 67–77.
16. Kats V. I. Nachalo raskopok Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii v Khersonese Tavricheskome. *Stratum plus*, 2014, No. 3, pp. 353–364.
17. Kopii s dokumentov iz arkhiva Khersonesskogo monastyria, predstavliaiushchie interes, kak materialy dlia istorii arkheologicheskikh raskopok Khersonesskogo gorodishcha i nekropolia. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 37. 80 l.
18. Lebedintsev P. G. Ostatki tserkvei na razvalinakh drevnego Korsunia ili Khersonesa, ikh otkrytie i znachenie. *Kievskaiia starina*, 1889, vol. 25, April', pp. 56–73.
19. Lepisevich N. Z. Zhizn' i literaturnoe nasledie sevastopol'skogo voennogo vracha N. I. Zakrevskogo na stranitsakh zhurnala "Morskoi sbornik". *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serii "Istoricheskie nauki"*. 2012, vol. 25 (64), No. 2, pp. 144–155.
20. Mal'gin A. *Russkaia Riv'era. Kurorty, turizm i otdykh v Krymu v epokhu Imperii. Konets XVIII – nachalo XX v.* Simferopol', Sonat Publ., 2006, 352 p.
21. Mansvetov I. D. *Istoricheskoe opisanie drevnego Khersonesa i otkrytykh v nem pamiatnikov*. Moscow, 1872, 98 p.
22. Markov E. L. *Ocherki Kryma: Kartiny krymskoi zhizni, prirody i istorii*. St. Petersburg, 1884, 612 p.
23. Murav'ev A. N. *Puteshestvie po sviatym mestam russkim. Chast' IV*. St. Petersburg, 1863, 330 p.
24. Kazanskii K. (Ed.). *Na iuge. Putevoi dnevniki vospitannikov Samarskoi dukhovnoi seminarii*. Samara, 1900, 230 p.
25. Perepiska K. K. Kostsiushko-Valiuzhinicha s Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissiei (s Predsedatelem, Chlenami i Deloproizvoditelem) s 1 ianvaria 1898 po 31 dekabria 1902 g. *Nauchnyi*

- arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 40. 552 l.
26. Podennaia zapiska puteshestviia ego siiatel'stva kniazia Vasiliia Mikhailovicha Dolgorukova v Krymskii poluostrov, vo vremia kampanii 1773 goda. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*, 1872, vol. VIII, pp. 182–187.
 27. Popov A. N. *Pervaia uchebnaia ekskursiia simferopol'skoi muzhskoi gimnazii. Sevastopol' i ego okrestnosti – Inkerman, Khersones, Balaklava, Georgievskii monastyr', Malakhov kurgan, bratskoe kladbishche*. Simferopol', 1889, 205 p.
 28. Romanchuk A. I. *Issledovaniia Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. T. 2: Vizantiiskii gorod*. Tiumen', Tiumentskii universitet Publ., 2008, 621 p.
 29. Prokopenkov V. (Ed.). *Sevastopol'. Monastyr' sviatogo Vladimira v Khersonese. Al'bom*. Simferopol', OOO "Firma "Salta" LTD" Publ., 2015, 584 p.
 30. Skorikov Iu. A. *Sevastopol'skaia krepost'*. St. Petersburg, Stroizdat SPb Publ., 1997, 320 p.
 31. Sokolov D. *Progulka po Krymu s tsel'iu oznakomit' s nim*. Odessa, 1869, 262 p.
 32. Spiridonova I. K. Rol' A. V. Suvorova v sozdanii Sevastopol'skoi kreposti v kontse XVIII v. *Krymskii arkhiv*, 1997, No. 3, pp. 5–9.
 33. Stoianov R. V. *Imperatorskaia arkeologicheskaia komissiia i izuchenie Khersonesa Tavricheskogo. Imperatorskaia arkeologicheskaia komissiia (1859–1917). K 150-letiiu so dnia osnovaniia*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009, pp. 522–555.
 34. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vsekh tekh mest*. Moscow, 1800, 238 p.
 35. Sumarokov P. I. *Dosugi krymskogo sud'i ili Vtoroe puteshestvie v Tavridu. Chast' I*. St. Petersburg, 1803, 276 p.
 36. Sundieva A. A. Protomuzeinye formy v rossiiskoi kul'ture. *Observatoriia kul'tury*, 2005, No. 3, pp. 74–78.
 37. Timofeenko V. I. *Goroda Severnogo Prichernomor'ia vo vtoroi polovine XVIII veka*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1984, 222 p.
 38. Tunkina I. V. K istorii izucheniia Khersonesa-Korsunia v kontse XVIII – seredine XIX vv. (okhrana ruin Khersonesa i proekty vozvedeniia pamiatnika na meste kreshcheniia kniazia Vladimira). *Moskva-Krym: Istoriko-publitsisticheskii al'manakh*. Moscow, 2001, vol. 3, pp. 96–120.
 39. Tunkina I. V. *Russkaia nauka o klassicheskikh drevnostiakh iuga Rossii (XVIII – seredina XIX v.)*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, 676 p.
 40. Farafonova O. A. Oriental'nyi travelog Pavla Sumarokova ("Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu"). *Nauchnyi dialog*, 2017, No. 7, pp. 70–82.
 41. Fedoseev N. F. Kerchenskii muzei drevnostei. *Vestnik drevnei istorii*, 2002, No. 1, pp. 154–178.
 42. Fesenko A. A. Iz istorii "Chumnogo bunta" 1930 goda v Sevastopole. Analiz istochnikov. *Izbrannye materialy IX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Lazarevskie chteniia. Prichernomor'e: istoriia, politika, kul'tura. Seriia B. Novaia i noveishaia istoriia"*. Sevastopol', 2012, vol. IX (IV), pp. 22–28.
 43. Filippov S. N. *Po Krymu. Otrazheniia*. Moscow, 1889, 452 p.
 44. Khapaev V. V. Zavedyvaiushchii otkrytiiami: pervye soobshcheniia o raskopkakh Khersonesa. *Izbrannye materialy XIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii "Lazarevskie chteniia. Prichernomor'e: istoriia, politika, kul'tura"*. Sevastopol', 2016, vol. 19, pp. 6–46.
 45. Khrapunov N. I. Khersones v opisaniakh evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v. *Materialy po arkeologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 595–633.
 46. Khrapunov N. I. Vizantiiskii Kherson i Ekaterina Velikaia. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2016, vol. 44, pp. 236–251.
 47. Chernousov A. A. Rol' glavnogo komandira Chernomorskogo flota i portov admirala A. S. Greiga v formirovanii sistemy zloupotrebleniia na Chernomorskom flote v kontse 20-kh – nachale 30-kh gg. XIX v. *Trudy Vos'moi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Voina i oruzhie. Novye issledovaniia i materialy"*. Chast' IV. St. Petersburg, 2017, pp. 478–491.
 48. Gamba Jean François. *Voyage dans la Russie méridionale: et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824: [en 2 t.]. T. 1*. Paris, chez C. J. Trouvé, 1826, 444 p.
 49. Rambaud Alfred. *Français et Russes. Moscou et Sévastopol, 1812–1854*. Paris, Berger-Levrault, 1877, 460 p.

Л. О. Гриненко

Херсонес: рождение музея. Обзор идей и воплощений в XIX веке

Резюме

Известный швейцарский ученый Фредерик Дюбуа де Монпере (1798–1850) в описании своего путешествия по Крыму и Кавказу, рассуждая о значении памятников Херсонеса для истории России, выразил удивление отсутствием в Севастополе общественного музея древностей, как в Керчи или Феодосии. Приближением к теме севастопольского контекста истории Херсонесского музея может явиться этот обзор исторических обстоятельств, охватывающий временной период до создания «Склада местных древностей» Императорской Археологической комиссии в 1892 году. Автор приходит к выводу о том,

что особенности пространственного, административного и социального развития Севастополя в XIX веке, влияние на него событий Крымской войны и ее последствий не обеспечивали условий для создания музея херсонесских древностей. Значительное место в статье уделено описаниям музея Херсонесского монастыря и другим объектам показа на территории Херсонеса, впечатлениям путешественников.

Ключевые слова: Херсонес, музей древностей, Севастополь, Херсонесский монастырь, история России, XIX век.

Ludmila Grinenko

Chersonesos: the Birth of the Museum.

Ideas and Incarnations throughout the 19th Century

Summary

The famous Swiss scientist Frédéric Dubois de Montpéroux (1798–1850) in the description of his journey across the Crimea and the Caucasus discussing the significance of the monuments of Chersonesos for the history of Russia, have noticed about Sevastopol that there was not established a public Museum of Antiquities as it was done for Kerch and Feodosia. This review of the historical circumstances covering the period before the creation of the “Warehouse of Local Antiquities” of the Imperial Archaeological Commission in 1892 could be considered as an approximation to the theme of the Sevastopol context of the history of the Chersonesos Museum. The author comes to the conclusion that the

particularities of the spatial, administrative and social development of Sevastopol in the XIX century and the impact of the events of the Crimean War and its consequences did not provide the conditions to establish there a public museum for the antiquities. A significant place in the article is given to the descriptions of the museum of the St. Vladimir Monastery and other objects of display on the territory of Chersonesos at the 19th century and to the narratives of travelers.

Keywords: Chersonesos, Museum of Antiquities, Sevastopol, St. Vladimir Monastery, History of Russia, 19th century.

Рис. 1. Севастопольская бухта.
С литографии середины XIX в.

Рис. 2. Севастопольский карантин.
Фрагмент литографии с гравюры Афанасия де Палдо
к книге П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи...». 1802 г.
[по: 35, рис. 20].

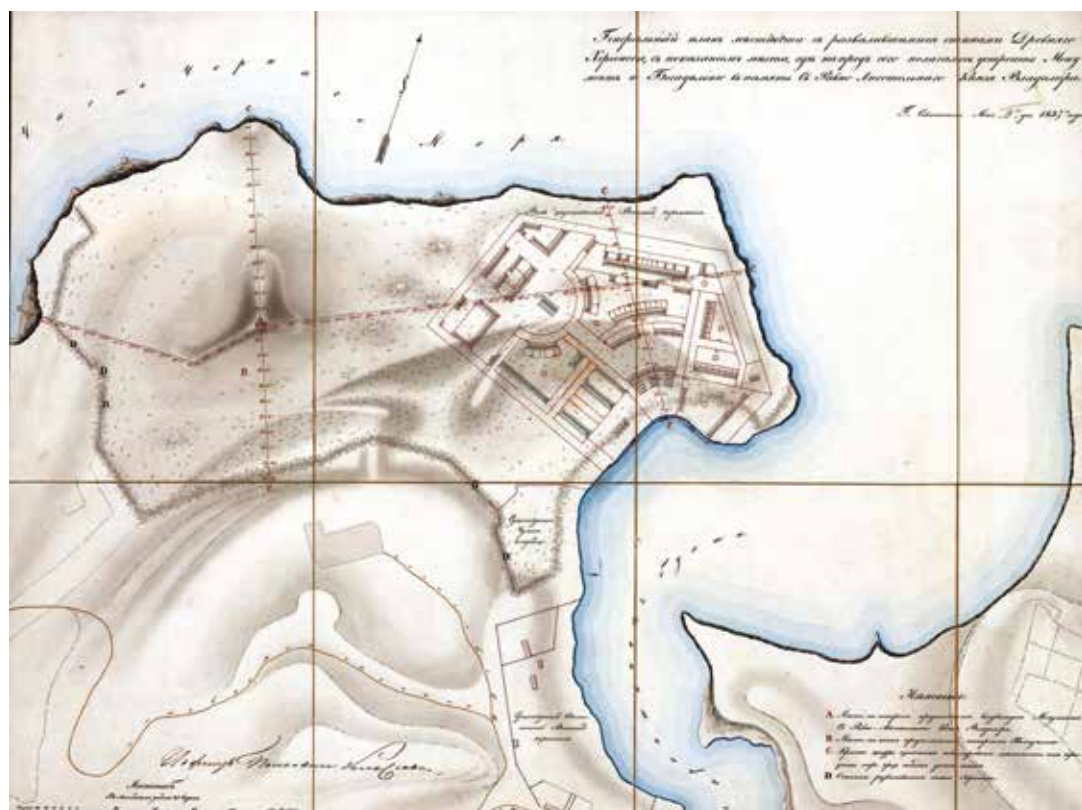

Рис. 3. План устройства военного карантина на территории городища Херсонеса. 1837 г.
[по: 29, с. 188–189].

Рис. 4. Здание оранжереи рядом с настоятельским корпусом Херсонесского монастыря. Фрагмент фотографии второй половины 1860-х гг.

Рис. 5. Руины бывшей монастырской оранжереи. 1945 г. (Фотоархив ГМЗХТ).

Рис. 6. Помещение под туманным колоколом. Вид с севера. 2018 г. (Фото Р. П. Смирнова).

Рис. 7. Вход в помещение под колоколом с характерным оформлением. Вид с востока. 2018 г. (Фото Р. П. Смирнова).

Рис. 8. Монастырская аллея, украшенная архитектурными деталями из раскопок византийских церквей. Фото конца XIX в.

В. В. ДОРОШКО

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС II В. ИЗ РАСКОПОК IX КВАРТАЛА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО¹

В течение многолетних археологических исследований Херсонеса Таврического раскопано более трети его территории. Десятки книг и сотни статей посвящены истории города и результатам его раскопок. Многие из них касаются и так называемого римского времени. В большей степени уделялось внимание политической истории Херсонесского государства этого периода, его государственному устройству, экономике и торговле, что следует связывать с интерпретацией в основном эпиграфических источников и немногочисленных сообщений древних авторов. В меньшей степени исследовался этнический состав населения и его верования.

С сожалением следует отметить, что работы, посвященные материальной культуре Херсонеса Таврического первых веков, немногочисленны. В историографии известно лишь незначительное число вещевых комплексов городища этого времени, а ведь именно они дают представление о быте горожан, позволяют изучать хронологию отдельных групп материала и степень их распространения в Херсонесе и его округе. Как правило, основное внимание уделялось вещевым комплексам некрополя.

Проблема плохой сохранности слоев и архитектурных остатков Херсонеса римского времени неоднократно отмечалась в науке. Исследователи объясняют ее причины как строительной активностью последующих эпох, так и трудностями в атрибуции строений первых веков н.э. [11, с. 26; 13, с. 274, 291; 19, с. 709]. В этой связи каждый новый вещевой комплекс

городища заслуживает внимания, один из которых и будет представлен в этой работе.

Летом 2007 г. во время исследования части IX квартала, примыкающей к IX поперечной улице, экспедицией С. Г. Рыжова в восточном углу средневекового помещения 1 был открыт публикуемый комплекс вещей [17, л. 4, 5; 16, рис. 4–15, 49–57; 18, рис. 5]². По всей видимости, он был частично срыт впущенной в слой поздней цистерной 1. Ситуация, открытая во время раскопок, показывает, что предметы на момент образования грунтовой засыпи находились *in situ* в северном углу помещения римского времени (Рис. 1). В комплексе сохранились две амфоры, гончарный кувшин и краснолаковая чаша, описание которых и будет дано ниже.

Светлоглиняная узкогорлая амфора (Рис. 2). Кол. № 1/37505. Имеет слегка биконическое яйцевидное тулово на усеченно-конической ножке диаметром 6,2 см. В средней части тулова стенки рифленые. Горло амфоры расширяется книзу. Полуовальный в сечении венчик, диаметром 8,2 см, имеет невысокое вертикальное ребро. Ручки профилированы неглубоким врезом. Вся высота амфоры 60,3 см. Цвет глины 10YR very pale brown 7/4. В составе теста – частицы песка до 4 мм серого и коричневого цвета, а также редкие частицы слюды.

А. Е. Пуздровский выделял этот вариант амфор в ранний С, т. н. альминский, начало производства которого он относил к 20–30 гг. II в. [14, с. 186]. В новой уточненной типологии С. Ю. Внукова амфора представляет собой переходный вариант С IV J – IVC1 [2, с. 41, 43,

¹ Краткий вариант статьи был опубликован в сборнике материалов международной научной конференции «XVIII Боспорские чтения» [8].

² Благодарю С. Г. Рыжова за предоставленную возможность опубликовать материал.

рис. 4,2], который следует относить к концу 20–30 гг. II в.³

Розовоглиняная амфора (Рис. 3). Кол. № 2/37505. Тулово амфоры яйцевидное, с широким цилиндрическим горлом, в верхней части которого 3–4 глубокие бороздки. Венчик, диаметром 23,2 см, массивный, овальный в сечении, профилирован гранями, слегка отогнут наружу. Ручки амфоры овальные в сечении, с наружной стороны – слабовыраженное широкое центральное ребро. Сохранившаяся высота амфоры 81,7 см. Утраченная донная часть, по всей видимости, имела коническую форму. Точных аналогий этой амфоре найти не удалось, наиболее близкими находками по форме и размерам можно считать розовоглиняные амфоры из подвалов Танаиса II–III вв. [10, с. 116, табл. XXXV,85; 21, с. 88, 105, рис. 29, 42]. Фрагменты верхних частей амфор, подобно рассматриваемой, известны из раскопок зольника 2 в Пантикапее [4, с. 91]. Можно предполагать, что центр производства этих амфор находился на территории Боспора.

Гончарный кувшин с биконическим туловом на высокой ножке (Рис. 4). Кол. № 3/37505. Высота 39,6 см. Тулово кувшина имеет биконическую форму с одутловатыми стенками. Нижняя часть представляет собой высокий поддон усеченно-конической формы высотой 3,1 см и диаметром 11,2 см. Горло кувшина наклонено вперед, имеет цилиндрическую форму, слегка расширяющуюся кверху. Округлый венчик, диаметром 10 см, отделен от горловины глубоким подрезом. Ручка широкая, до 5 см, с углублением по всей наружной части. В центральных частях горла и плечиков – широкие полосы белой с оливковым оттенком краски. Тесто коричневатое с оранжевым оттенком, содержит белые и темно-коричневые частицы песка, а также редкие включения авгита.

Один из первых известных кувшинов этого типа происходит из Мирмекия. В. Ф. Гайдукевич связывал находку с изделиями боспорского производства [3, с. 168, 169, рис. 61]. Однако распределение находок показывает обратную картину. Чаще всего эти кувшины встречаются в комплексах II–III вв. Западного Причерноморья, где и следует локализовать их производство [24, р. 250,

fig. 10; 27, fig. 14b; 26, p. 346, pl. XI,2; 28, p. 87, pl. XII,6; 25, p. 145, pl. III,9; 22, pl. IV,5; 23, p. 181, fig. 146,3,7]. Несколько экземпляров происходит из Северо-Западного Причерноморья [1, с. 101–103, табл. X; 5, с. 29, 30, рис. 5]. Чуть больше их в регионе Юго-Западного Крыма [12, с. 85, рис. 37,6; 14, рис. 160,3,4; 15, с. 209, рис. 3; 20, с. 225, рис. 19,2; 6, с. 19; 7, табл. 143,14].

Краснолаковая чаша (Рис. 5). Кол. № 4/37505. Относится к изделиям Eastern sigillata B, form Hayes 70. Высота 5,6 см, диаметр бортика 10,8 см, диаметр поддона 5,5 см. Лак оранжевато-красный. Глина светло-коричневая, слоистая, с редкими включениями слюды. Тулово чаши имеет коническую форму с вогнутыми стенками. На ребре и в верхней части вертикального бортика – пояски из насечек. Кольцевой поддон невысокий, на внешнем поле дна – граффито, которое можно принять за лигатуру ХЕ. На внутренней стороне дна – двухстрочное эпитафное клеймо. Плохая сохранность и отсутствие в литературе аналогичных клейм не дают возможности прочесть его полностью, за исключением ...Υ.../ΛΟΥΣ.

Д. В. Журавлев на материалах из могильника Бельбек IV датирует чаши формы 70 50/75–125/150 гг. н.э. [9, с. 29].

Эта чаша и светлоглиняная узкогорлая амфора определяют дату комплекса. Совпадение их датировок приходится на вторую четверть II в. При этом следует учитывать, что эпитафные клейма на сосудах Eastern sigillata B с началом правления Флавиев постепенно заменяются более простыми изображениями пальметт, розетт и т. д. [9, с. 102]. Факт заметной истертости и многочисленных мелких сколов на выступающих частях чаши указывает на длительное ее использование в быту. В виду этого предложена С. Ю. Внуковым датировка светлоглиняной амфоры в пределах начала второй четверти II в. получает дополнительное подтверждение. Вместе с этим, мы определяем дату для остальных предметов в комплексе, хронология и типология которых еще не разработана, в первую очередь, для кувшинов с биконическим туловом на высокой ножке. До этого самые ранние датированные экземпляры относили ко второй-третьей четверти или середине II в., теперь же можно судить об их распространении до середины II в. Следует отметить, что в засыпи комплекса присутствовала также верхняя часть аналогичного кувшина

³ Благодарю С. Ю. Внукова за оказанную помощь в работе с находкой.

[16, рис. 50]. На примере этих находок и других экземпляров второй-третьей четверти II в. можно наблюдать признаки одного из ранних вариантов этого типа кувшинов – укороченный поддон,

невысокое одутловатое тулово, наличие белых полос на горле и плечиках. Уточняется и ранняя дата редкой розовоглиняной амфоры, близкой к типу Зеест 85.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бураков А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий н.э. Киев: Наукова думка, 1976. 160 с.
2. Внуков С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.
3. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 135–220.
4. Голофаст Л. А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // МАИЭТ. 2010. Вып. XVI. С. 82–139.
5. Гороховський Е. Л., Зубар В. М., Гаврилюк Н. О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської пори // Археологія. 1985. № 49. С. 25–40.
6. Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М.: Исторический музей, 2016. 272 с.
7. Гущина И. И., Журавлев Д. В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 2. М.: Исторический музей, 2016. 320 с.
8. Дорошко В. В. Керамический комплекс римского времени из раскопок IX квартала Херсонеса Таврического // XVIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути – товары – отношения: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь, 2017 С. 96–102.
9. Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. 2010. Supplementum. Вып. 9. 320 с.
10. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 180 с.
11. Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н.э.). Харьков: Бизнес-информ, 1996. 207 с.
12. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (на материалах Херсонеса). Харьков: Вища школа, 1989. 134 с.
13. Крыжицкий С. Д. Градостроительство и архитектура // Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры / под ред. П. П. Толочко. Харьков: Майдан, 2004. С. 274–301.
14. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
15. Пуздровский А. Е., Соломоненко А. Е. Грунто-ый склеп 1–2 вв. н.э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Татьяны Николаевны Высотской: Сб. науч. работ / под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум, 2007. С. 207–228.
16. Рыжов С. Г. Иллюстрации к Отчету. 2007 год // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3917. 58 л.
17. Рыжов С. Г. Отчет о раскопках в IX квартале в 2007 году // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3916. 39 л.
18. Рыжов С. Г. Рыбозасолочный комплекс римского времени в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 86–93.
19. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
20. Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. 2005. № 4. С. 27–277.
21. Шелов Д. Б. Раскопки северо-западного участка Танаиса (1955–1957) // МИА. 1965. № 127. С. 56–129.
22. Baumann V. Producerea ceramicii locale la Dunarii in secolele I – IV P. Chr. // Peuce. Rapoarte asupra cercetarilor de arheologie, numismatica si istorie. 2009. Vol. VII. P. 193–216.

23. Bogdan-Cătănciu I., Barnea A. Ceramica și descoperiri mărunte // Tropaeum Traiani I. Cetatea. București, 1979. P. 177–226.
24. Ionomu G. Cercetari arheologice la Mangalia si Neptun // Pontica. 1968. Vol. I. P. 235–268.
25. Paraschiv D. Noi descoperiri arheologice de epoca romana la macin // Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de arheologie, numismatica si istorie. 2004. Vol. XV. P. 143–152.
26. Radulescu A. Contributii la cunoasteria ceramicii romane de uz comun, din Dobrogea // Pontica. 1975. Vol. VIII. P. 331–360.
27. Scorpan C. Contributii arheologice la problemele etnice ale Dobrogei antice // Pontica. 1968. Vol. I. P. 341–378.
28. Simion G. Descoperiri noi in necropola de la Noviodunum. Report preliminar // Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de arheologie, numismatica si istorie. 1984. Vol. IX. P. 75–96.

REFERENCES

1. Burakov A. V. *Kozyrskoe gorodishche rubezha i pervykh stoletii n.e.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1976, 160 p.
2. Vnukov S. Iu. Eshche raz o tipologii, evoliutsii i khronologii svetlogliniannykh (pozdnegerakleiskikh) uzkgorlykh amfor. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2016, No. 2, pp. 36–47.
3. Gaidukevich V. F. Raskopki Mirmekii v 1935–1938 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, No. 25, pp. 135–220.
4. Golofast L. A. Amfornaia tara iz raskopok zol'nika rimskogo vremeni u podnozhii gory Mitridat v Kerchi. *Materialy po istorii i etnografii Tavrii*, 2010, vol. XVI, pp. 82–139.
5. Gorokhovs'kii E. L., Zubar V. M., Gavriiliuk N. O. Pro pizniu datu deiakikh antichnikh gorodishch Ol'viis'koï pori. *Arkheologiya*, 1985, No. 49, pp. 25–40.
6. Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu. In 2 parts. Part 1.* Moscow, Istoricheskii muzei Publ., 2016, 272 p.
7. Gushchina I. I., Zhuravlev D. V. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Iugo-Zapadnom Krymu. In 2 parts. Part 2.* Moscow, Istoricheskii muzei Publ., 2016, 320 p.
8. Doroshko V. V. Keramiches kii kompleks rimskogo vremeni iz raskopok IX kvartala Khersonesa Tavricheskogo. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVIII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Torgovlia: puti – tovary – otnosheniia"*. Simferopol', Kerch', 2017, pp. 96–102.
9. Zhuravlev D. V. Krasnolakovaia keramika Iugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropolei Bel'bekskoi doliny). *Materialy po istorii i etnografii Tavrii*, 2010, Supplementum, vol. 9, 320 p.
10. Zeest I. B. Keramicheskaiia tara Bospora. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1960, No. 83, 180 p.
11. Kadeev V. I. *Khersones Tavricheskii. Byt i kul'tura (I – III vv. n.e.)*. Khar'kov, Biznes-Infom Publ., 1996, 207 p.
12. Kadeev V. I., Sorochan S. B. *Ekonomicheskie sviazi antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia (na materialakh Khersonesa)*. Khar'kov, Vishcha shkola Publ., 1989, 134 p.
13. Kryzhitskii S. D. Gradostroitel'stvo i arkhitektura. *Tolochko P. P. (Ed.). Khersones Tavricheskii v seredine I v. do n.e. – VI v. n.e. Ocherki istorii i kul'tury*. Khar'kov, Maidan Publ., 2004, pp. 274–301.
14. Puzdrovskii A. E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pa-miatniki*. Simferopol', Biznes-Infom Publ., 2007, 480 p.
15. Puzdrovskii A. E., Solomonenko A. E. Gruntovyi sklep 1–2 vv. n.e. s predmetami iz dereva iz Ust'-Al'minskogo nekropolia. *Zaitsev Iu. P., Mordvintseva V. I. (Eds.). Drevniia Tavrika.: Sbornik nauchnykh rabot*. Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 207–228.
16. Ryzhov S. G. Illiustratsii k Otchetu. 2007 god. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 3917. 58 l.
17. Ryzhov S. G. Otchet o raskopkakh v IX kvartale v 2007 godu. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo*

- muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 3916. 391.
18. Ryzhov S.G. Rybozasolochnyi kompleks rimskogo vremeni v Severnom raione Khersonesa. *Materialy po istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 86–93.
 19. Sorochan S. B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury*. Khar'kov, Maidan Publ., 2005, 1648 p.
 20. Strzheletskii S. F., Vysotskaia T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I. Naselenie okrugii Khersonesa v pervoi polovine I tysiacheletiiia novoi ery (po materialam nekropolia "Sovkhoz № 10"). *Stratum plus*, 2005, No. 4, pp. 27–277.
 21. Shelov D. B. Raskopki severo-zapadnogo uchastka Tanaisa (1955–1957). *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1965, No. 127, pp. 56–129.
 22. Baumann V. Producerea ceramicii locale la Dunarii in secolele I – IV P. Chr. *Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de archeologie, numismatica si istorie*, 2009, vol. VII, pp. 193–216.
 23. Bogdan Cătănicu I., Barnea A. Ceramica și descoperiri mărunte. *Tropaeum Traiani I. Cetatea*. București, 1979, pp. 177–226.
 24. Iconomu G. Cercetari archeologice la Mangalia si Neptun. *Pontica*, 1968, vol. I, pp. 235–268.
 25. Paraschiv D. Noi descoperiri archeologice de epoca romana la macin. *Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de archeologie, numismatica si istorie*, 2004, vol. XV, pp. 143–152.
 26. Radulescu A. Contributii la cunoasteria ceramicii romane de uz comun, din Dobrogea. *Pontica*, 1975, vol. VIII, pp. 331–360.
 27. Scorpan C. Contributii archeologice la problemele etnice ale Dobrogei antice. *Pontica*, 1968, vol. I, pp. 341–378.
 28. Simion G. Descoperiri noi in necropola de la Noviodunum. Report preliminaty. *Peuce. Papoarte asupra cercetarilor de archeologie, numismatica si istorie*, 1984, vol. IX, pp. 75–96.

В. В. Дорошко

Керамический комплекс II в. из раскопок IX квартала Херсонеса Таврического Резюме

В статье публикуется комплекс керамических сосудов II века, обнаруженный в 2007 г. во время исследований IX городского квартала. В составе комплекса почти полностью сохранились две амфоры, кувшин с биконическим туловом на высокой ножке и краснолаковая чаша. По светлоглиняной амфоре и краснолаковой чаше определяется дата комплекса –

вторая четверть II века. Важно отметить, что это ранний хронологический рубеж для остальных вещей в комплексе, датировка и типология которых в литературе плохо изучены.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, римское время, амфоры, краснолаковая керамика.

Valentin Doroshko

Ceramic Complex of the Second Century from the Excavations of Ninth Block in Tauric Chersonesos Summary

In article published complex of ceramic vessels of the 2nd century, discovered in 2007 year during the excavations of ninth city block. In the complex preserved almost completely two amphorae, jug with biconical body on high bottom and redslip cup. According to the date of light-laced amphora and redslip cup determined the dating of complex by the second quarter of second

century. It is important to note, that it is an earliest chronological time line for the rest of things in complex, the date and typology of which poorly studied in scientific literature.

Keywords: Tauric Chersonesos, Roman time, amphorae, redslip pottery.

Рис. 1. Керамический комплекс в процессе раскопок [17, рис. 10].

Рис. 2. Светлоглиняная узкогорлая амфора из комплекса.

Рис. 4. Гончарный кувшин из комплекса.

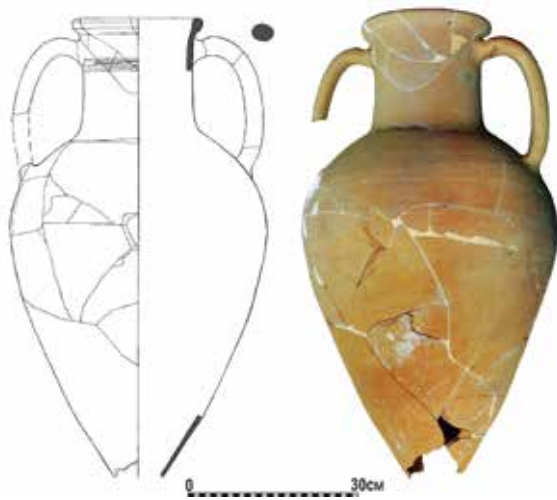

Рис. 3. Розовоглиняная амфора из комплекса.

Рис. 5. Краснолаковая чаша с клеймом и граффито из комплекса.

Н. В. ЖИЛИНА

ЗАГАДКА ВЩИЖСКИХ АРОК: НАЗНАЧЕНИЕ, КОНСТРУКЦИЯ, СТИЛИСТИКА ОРНАМЕНТАЦИИ

Две литые арки, найденные в 1840 г. при раскопках церкви древнерусского города Вщижа (село Вщиж Жуковского района Брянской обл.), относятся к самым известным произведениям древнерусского прикладного искусства, шедеврам русского литья (Рис. 1). На обороте – надпись мастера Константина, сделанная уставным письмом и находящая аналогии с надписью мастера Константина на серебряном кратире из Софийского собора в Новгороде середины XII в. [15, с. 251, 252; 10].

Сведения о первых раскопках храма в XIX в. не документированы [19, с. 33; 21, с. 386]. После раскопок Б. А. Рыбакова во Вщиже храм был датирован серединой XII в., а сооружение из арок – 1160-ми гг. [15, с. 254; 17, с. 293]. Новые раскопки дали основания для более поздней даты строительства храма: вторая половина XII – начало XIII в. [22].

Дата отливки арок и дата создания из них какой-либо конструкции могут не совпадать между собой, а также со временем строительства храма. Все исследователи справедливо связывают эти предметы с оформлением церковного интерьера. Конкретное же их назначение вызывает вопросы и разные версии.

Публикация находок произведена И. М. Снегиревым. Не определяя точно назначение предметов, он высказал предположение, что они могли составлять подзор иконы, часть алтарных дверей или святительского места; отмечено сходство с рельефами Дмитриевского собора во Владимире по орнаментации [19, с. 34]. Первая научная статья о храме и находках внутри него принадлежит А. С. Уварову, он определил арки как две части крупного подкупольного паникадила или хороша [21]. В. Г. Пуцко также связывает вщижские арки с хорошем и датирует их временем около

1200 г. на основании аналогий с книжной, черновой и бронзолитейной орнаментикой рубежа XII–XIII вв. Исследователь также отметил, что одна из арок подверглась ремонту [13].

Составной хорос храма представляет собой круг или многогранник из арок и других деталей, соединенных шарнирами или другим образом, снабженный приспособлениями для установки свеч. По диаметру хорос соответствует куполу храма. Такие хоросы сохранились в сербских церквях XIV вв. [20]. Вщижские арки выглядят аналогично тем деталям, из которых состоят паникадила сербских церквей, их соединение выполнено с помощью шарниров (Рис. 2).

К 60-м гг. XII в. относится хорос из Аахенского собора – дар Фридриха I Барбароссы. Огромный светильник состоит из нескольких частей и имеет общую лепестковую форму (Рис. 3,1). Соединение частей выполнено с помощью парных параллельных пластин, соединяющих фигурные башни. Для соединения с ними в задних стенках круглых в сечении башен проделаны прорезы, при этом часть пластины корпуса башни отогнута. Для крепления с квадратными в сечении башнями пластины проходят внутрь их корпуса (рис. 3,2–5).

Б. А. Рыбаков высказал версию, что вщижские арки составляли опорные детали напестольной сени [17, с. 281–293, рис. 59, 60] (Рис. 4,1). Напестольная алтарная сень или киворий – сооружение с перекрытием и колоннами, ставилось при торжественном богослужении над престолом, покрывая священные предметы. Кивории известны в храмах с ранневизантийского периода [17, с. 286; 6, с. 18]. Сень – это отражение храма в уменьшенном размере. Есть сведения, что арки найдены на территории алтаря храма, вблизи престола. Там же был найден

каменный круг с отверстием, который первоначально определили как сень¹, но впоследствии он был идентифицирован как верх колодца для омовения рук в алтаре [19, с. 33, 34]. Наличие в нижней части вщижских арок присоединенных втулок, которые могут быть использованы для стоек, подтверждает версию (Рис. 1).

На миниатюрах Радзивилловской летописи XV в. показано возведение сени при богослужении вне храма. В 1044 г. при вскрытии погребения двух князей, Ярополка и Олега Святославичей, крещение их костей было совершено, видимо, на месте первого погребения под временной сенью [14, л. 89об.] (Рис. 4,3). На миниатюре к рассказу 898 г. о переводе священных книг на славянские языки символическая сень покрывает листы или свитки [14, л. 13об.] (Рис. 4,2). Наблюдается совпадение сооружений, показанных на миниатюрах, с деталями вщижских арок: колонны-стояки, сферические детали – «яблоки» (Рис. 1; 4,2).

В настоящее время арки хранятся в ГИМе и демонстрируются в экспозиции (инв. № 6562). Конструкция арок требует детального изучения². Каждая арка является составной, собрана из пяти пластин³, соединенных между собой: верхняя арочная пластина, две квадратные во внутренних углах, две прямоугольные по сторонам [15, с. 253]. Первая загадка: почему арки не отлиты целиком?

Длина арки составляет 71,5 см; высота без учета ножек-втулок – 35,3 см⁴; общая высота с учетом ножек-втулок – 55,3 см; ширина арочно-го пролета – 21,0 см. Втулки значительно увеличивают общую высоту арок, что громоздко и нерационально для висящего хороса. Толщина арок – немногим более 7 мм.

¹ По-видимому, именно сведения, сообщенные в публикации И. М. Снегирева, вдохновили версию Б. А. Рыбакова о напестольной сени. В XIX в. слово «сень» было употребимо в значении «киворий».

² Осмотр арок произведен Н. В. Жилиной 06.06.2108 г. Автор благодарит зав. отделом археологических памятников ГИМ Н. И. Шишлину и хранителя А. О. Шевцова за предоставленную возможность изучения этих произведений. В данной статье публикуются фотографии, выполненные в процессе предварительного осмотра в экспозиции 26.06.2017 г. (Рис. 5).

³ Поскольку место соединения квадратных и прямоугольных пластин закрыто ножками-втулками, детали их скрепления и, в целом, характер этого участка нуждается в уточнении.

⁴ Высота без учета и ножек, и деталей для установки свеч – 30,6 см.

Вторая загадка конструкции вщижских арок: почему у них нет никаких приспособлений для скрепления между собой или с другими соседними аналогичными деталями хороса? Боковые стороны арок оставлены гладкими (Рис. 5,4).

Для рассмотрения конструкции условно пронумеруем вщижские арки: № 1 – арка с утратой половины ножки с лицевой стороны (Рис. 1; 5,1); № 2 – арка с сохранившимися ножками (Рис. 5,2–4).

Скрепление пластин в дошедшем состоянии чрезвычайно грубо. С оборотной стороны наложены соединительные пластины, выступающие края которых видны с лицевой стороны (Рис. 5,3). Крупные соединительные штыри выделяются, иногда задевая ажурную литую орнаментацию. Грубые соединительные пластины есть и на лицевой стороне, на угловых участках, где находятся стыки трех пластин (Рис. 5,3). Для любого использования пластины, прежде всего, нужно было скрепить между собой, и для этого нужно было предусмотреть рациональное и гармоничное соединение. Поэтому первой задачей является выделение следов первоначального скрепления литых пластин в общей конструкции арок.

В сохранившемся варианте крепления по общему контуру арок идет изначально отлитый рельефный ровный бордюр, образующий с лицевой стороны бортик и составляющий примерно половину общей толщины пластины (Рис. 5,4)⁵. Бордюр отсутствует там, где края пластин соприкасаются между собой, не выходя на общий край изделия, бордюр снят также на участке крепления ножек (Рис. 5,1,3). Сверху на бордюре находятся цилиндрические стояки для крепления свеч, и более широкое основание для этой цели рационально (Рис. 5,1,3,4).

Назначение бордюра, вероятно, состоит и в том, что он, отчасти, помогает решить задачу соединения пластин. При детальном осмотре обнаружилось, что пластины, из которых составлены арочные конструкции, по краям имеют пазы для соединения. Соседние пластины наложены друг на друга способом накладного сплачивания. Бордюр помогает выполнить

⁵ В публикации тезисов к конференции 2017 г. мною ошибочно указано, что бордюр охватывает пластины. Детальный осмотр показал, что бордюр является цельным с пластинами.

пазы более точно, он намечает деление общей толщины на две части: на пластине, лежащей в месте соединения снизу, бордюр на участке соединения убран; на пластине, лежащей сверху, оставлен. Это обеспечивает ровное наложение пластин друг на друга и обеспечивает горизонтальную поверхность. Соединения и пазы хорошо заметны с внутренней стороны арок⁶. Это соединение пластин играло роль в конструкции или конструкциях, для которых пластины предназначены. Но наложения недостаточно для того, чтобы тяжелые металлические пластины держались вместе в висящей или стоящей конструкции. Необходимо было укрепить стык всех трех пластин, находящийся у основания арочной пластины (Рис. 1; 5,3,4).

Обращает на себя внимание гладкая зона, идущая по краям пластин: вдоль наружного края арочной пластины – ровная полоса шириной примерно 1,5 см; по краям квадратных пластин – узкие полосы шириной в два раза меньше – 7–8 мм; на прямоугольных пластинах над изображением парных птиц – фигурная гладкая зона; а с внутренней стороны прямоугольной пластины – наиболее широкая гладкая зона примерно 3,0 см шириной, хорошо видная на участке, обнажившемся после утраты лицевой стороны ножки арки № 1 (Рис. 5,1,3). На трех других аналогичных участках широкая гладкая зона прямоугольных пластин закрыта зооморфными окончаниями ножек. Гладкие полосы прямоугольных пластин и арочных частично смыкаются.

Гладкие неорнаментированные места, запланированные при отливке, создают впечатление незавершенности изделия. Можно предположить, что здесь могли лежать орнаментальные и одновременно функциональные скрепляющие детали, несущие на себе приспособления для бокового крепления арок в составе хороса. Для суждения о конкретном виде этого приспособления нет данных, но необходимая здесь дополнительная пластина позволила бы размещение различных приспособлений, возможно, примерно таких, как на хоросе из Аахена (Рис. 3).

Возможно, сохранившиеся с арками зооморфные ножки входили в первоначальную конструкцию? Действительно, они расположены как раз в зоне стыка пластин арок (Рис. 5,1,2). Но лицевая сторона ножек, оформленная зооморфно, завершается по высоте ниже основного стыка и, следовательно, задачи соединения не решает (Рис. 5,3,4). Обратная гладкая сторона ножки проходит выше на арочную пластину, покрывая стык.

Тем не менее, дошедший вариант соединения показывает, что только данных втулок оказывается недостаточно для скрепления пластин между собой. Кроме того, створки ножек необходимо было прочно соединить между собой, чтобы они еще и укрепляли пластины. Лицевые зооморфные стороны ножек продолжены вверх грубыми, но одинаковыми, специально подобранными пластинами, восполняющими недостатки скрепления конструкции зооморфными ножками, но не соответствуют орнаментальному замыслу произведения (Рис. 5,3). Вряд ли изначально такое грубое крепление было запланировано. Со временем пострадали и начали разрушаться сами пластины и их соединение между собой.

Для того чтобы представить относительную хронологию создания и разрушения конструкции вщижских арок, примем условные обозначения.

Период А – отливка орнаментированных пластин с пазами для накладного соединения по краям.

Если пластины предназначены для вариативного использования в интерьере храма, соединительные детали для каждого из комплектов могли быть изготовлены несколько позднее. Для любой конструкции, в которой было задумано использование вщижских арок, необходимы соединительные детали, покрывающие стык трех пластин и с лицевой, и с обратной стороны (более совершенные, чем дошедшие). Для чего был задуман и как первоначально использован комплект пластин вщижских арок – неизвестно. Но использование в качестве составных частей паникадила-хороса не исключено.

Период Б – изготовление зооморфных ножек-втулок и присоединение их.

Исключить одновременного изготовления ножек и пластин нельзя. Поэтому следует допустить две версии.

⁶ Остается не окончательно ясным соединение по вертикали квадратных и прямоугольных пластин, возможно, они соединены без пазов, просто встык.

Версия 1: ножки сменили неизвестную нам первую конструкцию соединения и были изготовлены позже пластин. Подтверждения: на ножках нет надписи мастера; ножки не идеально соответствуют задаче соединения пластин, их лицевые стороны не закрывают стыка трех пластин; орнаментальное оформление ножек стилистически отличается от оформления пластин арок.

Версия 2: Ножки-втулки были сделаны приблизительно одновременно с пластинами и именно для них. То есть, по этой версии *периоды А и Б* почти совпадают или отличаются кратким отрезком времени. Какое-то время могло пройти с момента отливки пластин до момента принятия решения об их конкретном использовании, время необходимо и собственно для работы по изготовлению новых частей.

Первоначально ножки присоединили более аккуратно по сравнению с дошедшим вариантом. Так как лицевые стороны не доходят до места основного стыка, в пластинах с обратной стороны сделали несквозные углубления для штырей, которые не выходили на лицевую сторону⁷. Даже если ножки были сделаны для данного комплекта, следует признать, что они не полностью к нему подошли, и крепление довольно быстро утратилось.

Данная конструкция, имеющая внизу расширяющиеся втулки, более всего подходит для укрепления в стоящей позиции. Можно допустить, что конструкция периода Б подошла бы для напрестольной сени на четырех ножках, которую реконструировал Б. А. Рыбаков (Рис. 4,1). Но возможны и другие менее вероятные допущения. Арки со втулками могли быть приспособлены и для висения, во втулки снизу могли входить соединительные детали⁸.

⁷ Если первоначальный расчет был на то, что держать должна только задняя пластина, отверстия не должны были выходить на лицевую сторону, то есть должны были быть мелкими (глубиной примерно 2 мм). Такое крепление оказалось непрочным. Проверить наличие первоначальных углублений невозможно, участки их возможного нанесения закрыты задними сторонами ножек или уничтожены более грубыми сквозными металлическими штырями. Но одно подобное углубление сохранилось на другом участке – на внутренней нижней части одной из ножек и предназначалось для другого соединения, возможно, для скрепления ножки с деревянной стойкой или другой деталью (Рис. 5,1).

⁸ Соединительные детали могли обжимать створки ножек, но для этого не нужны втулки.

Хотя, конечно, такое соединение выглядело бы слишком громоздким. Кроме того, висение и стояние конструкции могут не исключать друг друга. Аахенский висящий хорос может быть при необходимости поставлен на основания декоративных башен (Рис. 3,2–5). Необходимость поставить конструкцию могла возникнуть для очистки или ремонта.

Период В – разрушение и ремонт первоначальной конструкции и обеих арок.

В любом случае, когда бы ни была смонтирована конструкция с соединением ножками-втулками, она оказалась неудачна.

Сломалась арочная пластина арки № 2, пострадала орнаментация (утрачена большая часть фигуры распластанной птицы). Распалось крепление пластин в месте стыка в результате несовершенства скрепляющих деталей ножек и их слома: утратилась лицевая сторона одной ножки арки № 1; отломились верхние части задних сторон некоторых ножек. Створки ножек сместились друг относительно друга, образовали щели (Рис. 5,1,2).

Ремонт произведен одинаково грубо с использованием: 1) продолговатых пластин ленточной формы; 2) пластин других форм с повторяющимися на них случайными полукруглыми выемками⁹. В итоге ремонта было сделано следующее. Дополнительными пластинами продлена линия зооморфных окончаний ножек с лицевой стороны так, чтобы они перекрыли место стыка (Рис. 5,3). На участке стыка с оборота набиты грубые пластины, выдерживающие Т-образную форму, так что часть их вторит контуру арки, а часть закрывает стык пластин. При грубости соединительных пластин форма их продумана и одинакова, рациональна для компенсации несовершенства крепления зооморфными ножками. В местах сломов арочной пластины с оборота набиты продолговатые пластины. На лицевую сторону выходят грубо расклепанные штыри.

В процессе ремонта или после произошло смещение правильного горизонтального расположения пластин арки № 1 на той стороне, где утрачена ножка (Рис. 5,1). Квадратная пластина опустилась тем краем, где она стыкуется с прямоугольной; противоположный край поднялся.

⁹ Такие вырезы, видимо, были на том изделии или детали, от которой пластины отрезаны.

Особенно грубо произведен ремонт ножки, лицевая часть которой утрачена. Внутри сохранившейся части находится тонкая пластина, изготовленная по форме ножки с учетом расширения в «яблоке». К ней прикреплена, пожалуй, наиболее грубая из всех, дугообразная пластина; вместе эти пластины решают задачу прикрепления оставшейся части ножки к арке¹⁰ (Рис. 5,1).

Сопоставим данные о хронологии конструкции с анализом орнамента вщижских арок. Его стилистика находит определенное место в системе орнаментации древнерусского ювелирного и прикладного искусства, белокаменной резьбы, живописи [7, с. 61–65; 8].

Изображения распластанных птиц в центре верхних частей арок более всего сохраняют схематизм и геометричность, не дополняются растительными мотивами (Рис. 6,1). Это обнаруживает аналогии с орнаментикой конца XI – первой половины XII в.: каменной резьбой Софийского собора в Киеве XI в., собора Рождества Богородицы в Боголюбове конца 1150-х – 1160-х гг., миниатюрами Юрьевского евангелия 1119–1128 гг., эмалевой орнаментацией (Рис. 6,3–5).

Мотивы шагающих птиц в круглых клеймах в основании арочной пластины, а также птицы по сторонам крина на прямоугольных пластинах внизу дополнены растительным орнаментом – фигурами крина (лилии). Изображения птиц очерчены упругими кривыми линиями, имеют правильные пропорции, также сохраняют геометричность. Форма крыльев внутри подчеркнута прямыми параллельными линиями или дополнена абстрактным завитком (Рис. 6,6,10).

Такие черты в древнерусской орнаментике относятся к тому же времени. Аналогиями являются каменные рельефы собора Покрова на Нерли 1165 г. (Рис. 6,9), орнаментация эмалевых и черневых колтов (Рис. 6,7,8,11,12). Для сравнения можно указать пример следующей стилистической стадии, лишенной геометричности, перешедшей к более естественной передаче зооморфных и растительных мотивов, относимой к середине – второй половине XII в. (Рис. 6,13).

Мотивы крина также характеризуются геометричностью, включают в себя абстрактные завитковые мотивы. Листы имеют подтреугольную форму, очерчены прямыми линиями или упругими кривыми (Рис. 7,1,6). Растительные мотивы орнамента арок также находят выразительные аналогии. Наиболее ранняя и стилистически близкая из них – на византийской каменной плите X – первой половины XI в. (Рис. 7,2). Снова обнаруживается стилистическое сходство с резьбой собора Рождества Богородицы в Боголюбове середины XII в. (Рис. 7,3). Сходные геометризованные кринообразные формы имеют серебряные тисненные нашивные бляшки и подвески (Рис. 7,4,7–9). Наибольшим сходством по иконографии и стилистике отличаются подвески к ожерелью из клада в Путивльском уезде Курской губ. (Рис. 7,4). Датированным можно считать изображение на миниатюре Юрьевского Евангелия 1119–1128 гг. (Рис. 7,5).

Ажурный плетеный орнамент основного поля арки характеризуется упругой кривизной, гибкостью, регулярностью, характерной для византийских плетеных орнаментов. Полосы плетения завершаются растительным орнаментом: половиной кринообразного мотива (Рис. 8,1а). Такие стилистические черты тяготеют к середине XII в. Аналогии дают плетеные бордюры древнерусских черневых браслетов-наручей (Рис. 8,2). Сходная плетеная орнаментация происходит с датированных произведений: наиболее близок плетеный орнамент с растительными завершениями на фресках церкви Св. Георгия в Старой Ладого, 1160-х – 1180-х гг.; каменная резьба Успенского собора в Галиче, 1152–1157 гг. (Рис. 8,3,6). Эти даты, по всей видимости, отмечают верхнюю временную границу создания вщижских арок.

Следует также обратить внимание, что плетеный орнамент на арочной пластине и на квадратной угловой – проработан по-разному: на арочной он доработан врезанной линией, подчеркивающей растительные детали и линии орнамента; на квадратной пластине такой проработки нет, орнамент выглядит как плетение из гладкой ленты, незначительные растительные дополнения геометричны и не детализированы (Рис. 8,1в).

Особый вид имеет плетеный орнамент нижней части арочных пластин. Во-первых, он вы-

¹⁰ Внутренняя пластина для этого не необходима, она могла остаться от первоначальной конструкции ножек и служила для соединения их створок. Данная деталь нуждается в пояснении.

полнен в меньшем масштабе, во-вторых, в него включены треугольные мотивы, с которыми связан зооморфный (Рис. 8,1б). Такие черты имеют аналогии в скандинавском орнаментальном искусстве. Правда, к этому времени узловатость несколько отрегулировалась, плетеные мотивы соединились с растительными завершениями, выполняемыми непоследовательно. Зооморфные мотивы остались мало проработаны, их можно перепутать с растительным орнаментом. Стилистика отошла от принципов Скандинавского искусства, звери стали более целостными, изображение на вщижских арках можно считать местным развитием тенденций стиля Еллинг.

В качестве аналогий можно привести орнаментацию резной капители Борисоглебского собора в Чернигове первой трети XII в. и инициал Юрьевского Евангелия, 1119–1128 гг. (Рис. 8,4,5). Общую стадию развития плетеного орнамента демонстрирует орнаментация заставки Евангелия из Новгорода конца XII в. (Рис. 8,7).

В целом, баланс стилистических черт орнамента пластин арок характерен для начала – середины XII в. К этому времени можно относить создание пластин и первоначальную конструкцию *периода А*. С этим временем совпадает и версия определения даты надписи мастера [10].

В орнаментации зооморфных ножек наблюдаются утрированно изогнутые кривые линии очертаний глаз и вторящих им завитков, параллельные отрезки волнистых линий, изображающие шерсть зверя. В центральной части плетеной орнамент переходит в завитковый с элементами растительного, фон разработан параллельными рельефными линиями, с боковых сторон закручивающимися в завитки (Рис. 9,1). Для того, чтобы точнее найти стилистическое место зооморфного изображения стоек арок, можно сравнить его с близкими по иконографии примерами XI в., демонстрирующими намного более раннюю стилистику. На наконечниках цепи из клада в Мироновском фольварке Киевской губ. глаза зверя и орнамент вдоль условной головы оформлены строгими миндалевидными фигурами, завитковые линии просты и парал-

лельны, морда условно завершена листовидной подтреугольной фигурой (Рис. 9,2). Резная деревянная скульптура из Новгорода иконографически близка резным рельефам из Юрьева Польского XIII в., но отлична стилистически, хотя использует тот же прием условного показа шерсти параллельными линиями, но они прямые, а уши треугольные (Рис. 9,3–5).

Такие черты орнаментики свойственны для конца XII – первой трети XIII в. Аналогии можно найти в белокаменной резьбе Георгиевского собора в Юрьеве Польском 1230–1234 гг. (Рис. 9,4,5). Этот период орнаментации соответствует *периоду Б* конструкции. Согласно всем допущениям, изготовление ножек произошло через некоторый отрезок времени после отливки арок. Работали, возможно, другие мастера. *Период Б* соответствует и времени, когда, по данным последних раскопок, был возведен храм: концу XII – первой трети XIII в.

Фигурные литые пластины в декоре храма могли использоваться по-разному. Допустимы различные предположения по поводу назначения пластин вщижских арок: хорос, напрестольная сень (киворий), алтарная преграда, царские врата, оформление особо чтимой иконы. Не случайно мастера отливали отдельные части крупных деталей, пластины разных, но типичных форм. Они предусматривали различные варианты соединения между собой и могли образовывать разные конструкции. Целостные изделия собирались из пластин по принципу конструктора, соединяясь специальными деталями, особыми для каждого комплекта в связи с его назначением.

Более вероятно первоначальная предназначенность комплекта литых пластин вщижских арок для висящего хороса середины XII в. Впоследствии, во второй половине XII – начале XIII в., несовершенно смонтирована конструкция стоящих арок для сени или алтарной преграды с помощью ножек-втулок.

Литой ажурный декор создавал в храме единый декоративный ансамбль. Каждая пластина находила в нем свое место. Переделка и ремонт вщижских арок показывает, что такие произведения ценили и использовали неоднократно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова Е. И. Архитектурный декор и монументальная пластика Киевской Руси. Конец X – первая четверть XII века // История русского искусства в 22 томах. Т. 1. Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века / под ред. А. И. Комеча. М.: Северный паломник, 2007. С. 569–617.
2. Архипова Е. И. Архитектурный декор и скульптура XII века Южной, Юго-Западной Руси и Рязани // История русского искусства в 22 томах. Т. 2/2. Искусство второй половины XII века / под ред. Л. И. Лившица. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 306–353.
3. Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. г. Юрьев-Польской. М.: Наука, 1964. 184 с.
4. Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. М.: Искусство, 1969. 480 с.
5. Византия сквозь века: каталог выставки. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2017. 428 с.
6. Гладышева Е. В., Нерсесян Л. В. Словарь-указатель имен и понятий по древнерусскому искусству. М.: Альманах «Странный мир», 1991. 48 с.
7. Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2014. 400 с.
8. Жилина Н. В. Стилистические параллели: ювелирные украшения, архитектурная резьба и живопись Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 4. С. 129–142.
9. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. М.: Наука, 1971. Вып. Е1-55. 62 с.
10. Новожеев Р. В. Памятники древнерусской письменности из Вщижа [«Электронный ресурс»] // Режим доступа: vryanskvek.narod.ru/images/publication/pismennost.htm (дата обращения: 01.07.2017).
11. Орлова М. А. Орнамент в живописи конца X – середины XI века // История русского искусства в 22 томах. Т. 1. Искусство Киевской Руси IX – первая четверть XII века / под ред. А. И. Комеча. М.: Северный паломник, 2007. С. 325–358.
12. Орлова М. А. Орнамент и другие виды декоративного убранства в живописи второй половины XII в. // История русского искусства в 22 томах. Т. 2/2. Искусство второй половины XII века / под ред. Л. И. Лившица. М.: Государственный институт искусствознания, 2015. С. 432–525.
13. Пуцко В. Г. Вщижский бронзовый хорос // Деснинские древности. 2002. Вып. 2. С. 133–142.
14. Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение рукописи. Т. 1. СПб: Глагол; М.: Искусство, 1994. 251 л.
15. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.: Издательство АН СССР, 1948. 792 с.
16. Рыбаков Б. А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л.: Аврора, 1970. 128 с.
17. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.
18. Сарабьянов В. Д., Смирнова Э. С. История древнерусской живописи. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2007. 752 с.
19. Снегирев И. М. Памятники древнего искусства в России. Издание А. А. Мартынова. М.: Тип. Ведомостей Московской Городской Полиции, 1850. Тетрадь 1–6. 56 с.
20. Тодоровић Д. Полијелеј у Марковом манастиру // Зограф. Часопис за средњовековну уметност. Београд, 1978. № 9. S. 28–36.
21. Уваров А. С. Древний храм на Вщижском городище // Сборник мелких трудов. Издан ко дн. 25-летия со дня кончины [А. С. Уварова] под ред. графини П. С. Уваровой. Том I. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910. С. 386–388.
22. Шинаков Е. А., Яганов А. В. Древнерусский храм во Вщиже: история изучения, техника строительства, стилевые особенности // Русский сборник. Брянск, 2016. Вып. 8. Том 2. С. 103–109.

REFERENCES

1. Arkhipova E. I. Arkhitekturnyi dekor i monumental'naia plastika Kievskoi Rusi. Konets X – pervaiia chetvert' XII veka. *Komech A. I. (Ed.). Istoriia russkogo iskusstva v 22 tomakh. T. 1. Iskusstvo Kievskoi Rusi. IX – pervaiia chetvert' XII veka.* Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007, pp. 569–617.
2. Arkhipova E. I. Arkhitekturnyi dekor i skul'ptura XII veka Iuzhnoi, Iugo-Zapadnoi Rusi i Riazani. *Livshits L. I. (Ed.). Istoriia russkogo iskusstva v 22 tomakh. T. 2(2). Iskusstvo vtoroi poloviny XII veka.* Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia Publ., 2015, pp. 306–353.
3. Vagner G. K. *Skul'ptura Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi. g. Iur'ev-Pol'skoi.* Moscow, Nauka Publ., 1964, 184 p.
4. Vagner G. K. *Skul'ptura Drevnei Rusi.* Moscow, Iskusstvo Publ., 1969, 480 p.
5. *Vizantiia skvoz' veka. Katalog vystavki.* St. Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2017, 428 p.
6. Gladysheva E. V., Nersesian L. V. *Slovar' ukazatel' imen i poniatii po drevnerusskomu iskusstvu.* Moscow, Al'manakh "Strannyi mir" Publ., 1991, 48 p.
7. Zhilina N. V. *Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiia ukrashenii.* Moscow, URSS, Knizhnyi dom "Librokom" Publ., 2014, 400 p.
8. Zhilina N. V. Stilisticheskie paralleli: iuvelirnye ukrasheniia, arkhitekturnaia rez'ba i zhivopis' Drevnei Rusi. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 2016, No. 4, pp. 129–142.
9. Kolchin B. A. Novgorodskie drevnosti. Reznoe derevo. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1971, vol. E1-55, 62 p.
10. Novozheev R. V. Pamiatniki drevnerusskoi pis'mennosti iz Vshchizha. Available at: Bryanskvek.narod.ru/images/publication/pismennost.htm (accessed: 01.07.2017).
11. Orlova M. A. Ornament v zhivopisi kontsa X – serediny XI veka. *Komech A. I. (Ed.). Istoriia russkogo iskusstva v 22 tomakh. T. 1. Iskusstvo Kievskoi Rusi. IX – pervaiia chetvert' XII veka.* Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2007, pp. 325–358.
12. Orlova M. A. Ornament i drugie vidy dekorativnogo ubranstva v zhivopisi vtoroi poloviny XII v. *Livshits L. I. (Ed.). Istoriia russkogo iskusstva v 22 tomakh. T. 2(2). Iskusstvo vtoroi poloviny XII veka.* Moscow, Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia Publ., 2015, pp. 432–525.
13. Putsko V. G. Vshchizhskii bronzovyi khoros. *Desninskie drevnosti*, 2002, vol. 2, pp. 133–142.
14. *Radzivillovskaiia letopis'. Faksimil'noe vosproizvedenie rukopisi. T. 1.* St. Petersburg, Glagol Publ.; Moscow, Iskusstvo Publ., 1994, 251 l.
15. Rybakov B. A. *Remeslo Drevnei Rusi.* Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1948, 792 p.
16. Rybakov B. A. *Russkoe prikladnoe iskusstvo X–XIII vekov.* Leningrad, Avrora Publ., 1970, 128 p.
17. Rybakov B. A. *Iazychestvo Drevnei Rusi.* Moscow, Nauka Publ., 1987, 784 p.
18. Sarab'ianov V. D., Smirnova E. S. *Istoriia drevnerusskoi zhivopisi.* Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2007, 752 p.
19. Snegirev I. M. *Pamiatniki drevnego khudozhestva v Rossii.* Moscow, Vedomosti Moskovskoi Gorodskoi Politsii Publ., 1850, notebook 1–6, 56 p.
20. Todorovih D. Polijelej u Markovom manastiru. *Zograf. Chasopis za sred'ovekovnu umetnost*, 1978, No. 9, S. 28–36.
21. Uvarov A. S. Drevnii khram na Vshchizhskom gorodishche. *Uvarova P.S. (Ed.). Sbornik melkikh trudov. T. 1.* Moscow, Lissner G. and Sovko D. Publ., 1910, pp. 386–388.
22. Shinakov E. A., Iaganov A. V. Drevnerusskii khram vo Vshchizhe: istoriia izucheniia, tekhnika stroitel'stva, stilevye osobennosti. *Russkii sbornik*, 2016, vol. 8, No. 2, pp. 103–109.

Н. В. Жилина

Загадка вщижских арок: назначение, конструкция, стилистика орнаментации

Резюме

Детальное изучение конструкции арок из Вщижа необходимо для определения их назначения и хронологии. Наиболее вероятной представляется первоначальное использование арок в качестве частей висящего подкупольного светильника-хороса. Судя по стилистике орнаментации литых пластин, они относятся к середине XII в.

Впоследствии к аркам снизу были добавлены втульчатые детали, с помощью которых арки могли

быть поставлены. Орнаментика зооморфных окончаний втулок указывает на вторую половину XII – первую треть XIII в. В таком варианте арки могли входить в конструкцию кивория или других частей интерьера храма.

Ключевые слова: храм, интерьер, хорос, киворий, орнаментация.

Natalia Zhilina

**The Secret of the Arches from Vshchizh:
Purpose, Construction, Stylistics of Ornamentation
Summary**

A detailed study of the construction of arches from Vshchizh is necessary in order to find an answer to questions related to their purpose and chronology. The system of the initial connection of arches adapted to use them as the parts of hanging dome lamp is most likely. Upon the stylistics of the ornamentation of cast plates their date can back to the middle of the 12th century.

Subsequently woolen parts had been added to the arches from the bottom and the arches could be delivered.

The ornamentation of the zoomorphic endings of the bushes points to the second half of the 12th – the first third of the 13th century. In this shape the arches could be included in the construction of the ciborium or other parts in the interior of the temple.

Keywords: temple, interior, dome lamp, ciborium, ornamentation.

Рис. 1. Арка из Вщижа. Общий вид и детали [16, ил. 120].

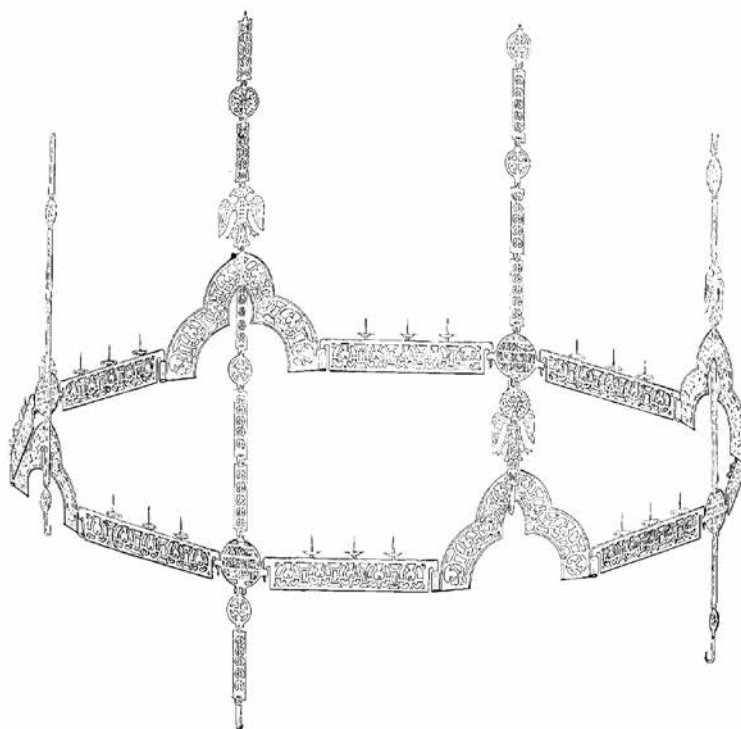

Рис. 2. Реконструкция хороса. Сербия, Марков монастырь, XIV в. [20, сл. 11].

1

2

3

4

5

Рис. 3. Хорос Аахенского собора (фотосъемка Н. В. Жилиной):

1 – общий вид; 2–4 – соединение фигурных башен пластинами, виды с внешней, внутренней стороны и снизу; 5 – пазы для пропуска пластин с тыльной стороны круглых башен.

Рис. 4. Напрестольная сень или киворий:

1 – реконструкция напрестольной сени Б. А. Рыбакова [17, рис. 60]; 2, 3 – богослужение вне храма под сенью (киворием), фрагменты миниатюр Радзивилловской летописи XV в. [14, л. 13об., 89об.].

Рис. 5. Детали конструкции вщижских арок с лицевых сторон (фотосъемка Н. В. Жилиной в экспозиции ГИМ, 26 июня 2017 г.):

1 – арка № 1, утрата части ножки, присоединение ее грубой пластиной, широкая гладкая зона, соединение прямоугольной и квадратной пластин; арка № 2: 2 – присоединение ножки-втулки; 3, 4 – соединение трех пластин, грубая пластина, вид с лицевой стороны, вид сбоку.

Рис. 6. Зооморфная орнаментация вщижских арок и аналогии:

1, 6 – мотив распластанного орла, шагающей птицы и птицы по сторонам крина [16, ил. 121, 123, 122]; 2 – фрагмент каменного рельефа (крыло птицы), собор Рождества Богородицы в Боголюбове, конец 1150-х – 1160-е гг. [4, ил. 38]; 3 – каменная плита ограждения хор, Софийский собор в Киеве, XI в. [1, ил. 625]; 4 – фронтиспис, Юрьевское Евангелие, 1119–1128 гг. [18, ил. 105]; 5, 7 – колт, золото, эмаль, клад из Княжей Горы Киевской губ., 1896 г. [7, № 120/2, рис. 47:3]; 8 – колт, золото, эмаль, клад из Киева в Михайловском монастыре, 1824 г. [7, № 107/46]; 9 – каменный рельеф, собор Покрова на Нерли, около 1165 г. [4, ил. 90]; 11 – колт, золото, чернь, клад из Киева на ул. Трехсвятительская, 1901 г. [7, № 85/1]; 12 – колт, серебро, эмаль, клад из Телиженцы Хмельницкой обл., 1978 г. [7, № 207/1]; 13 – колт, серебро, чернь, клад из Терехово Орловской губ., 1876 г. [7, № 154/2].

Рис. 7. Растительная орнаментация вщижских арок и аналогии:

1, 6 – мотивы крина арок [16, ил. 122, 123]; 2 – фрагмент каменной плиты, конец X – первая половина XI в., Византия, Атика [5, № 56]; 3 – капители, собор Рождества Богородицы в Боголюбове, конец 1150-х – 1160-е гг. [4, ил. 51]; 4 – подвеска к ожерелью, серебро, тиснение, клад из Путивльского у. Курской губ. [7, № 159/3]; 5 – фронтиспис, Юрьевское Евангелие, 1119–1128 гг., ГИМ [18, ил. 105]; 7–9 – нашивные бляшки, тиснение, серебро, эмаль, клад из Старой Рязани, 1868 г. [7, № 163/8, 11е, 9].

Рис. 8. Плетеная орнаментация вщижских арок и аналогии:

1 – плетеные мотивы арочной и квадратной пластин [16, ил. 120]; 2 – браслет, серебро, чернь, клад из Киева в Михайловском монастыре, 1903 г. [7, № 103/14]; 3 – фреска, церковь Св. Георгия в Старой Ладогe, 1160-е – 1180-е гг. [12, ил. 674]; 4 – капитель Борисоглебского собора в Чернигове, камень, первая треть XII в. [2, ил. 435]; 5 – Юрьевское Евангелие, 1119–1128 гг., инициал [11, ил. 589]; 6 – каменный столбик, Успенский собор, Галич, 1152–1157 гг. [2, ил. 480]; 7 – заставка Евангелия апракос, Новгород, конец XII в. [12, ил. 782].

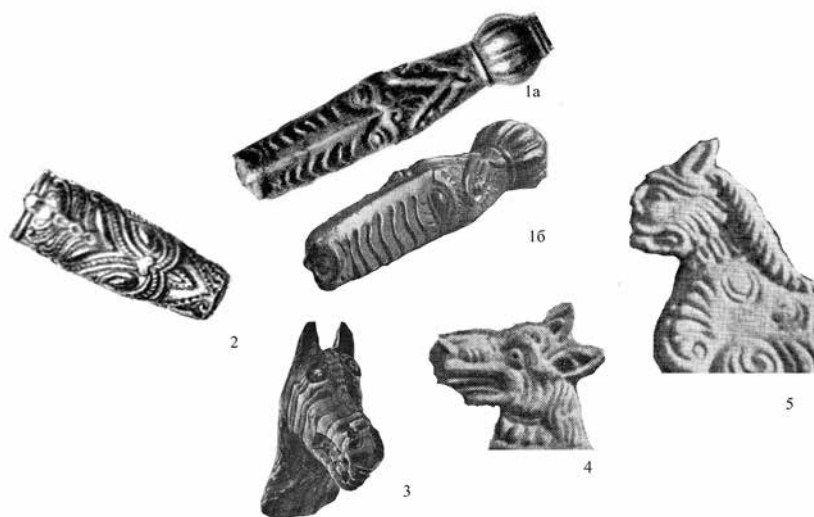

Рис. 9. Зооморфная орнаментация стоек к вщижским аркам и аналогии:

1 – зооморфное окончание стойки [17, рис. 61, внизу]; 2 – наконечник нагрудной цепи, серебро, вторая половина XI в., клад в Мироновском фольварке Киевской губ., 1883 г. [7, № 32/2]; 3 – скульптура, дерево, Новгород, XI в. [9, табл. 28, 1]; 4, 5 – дракон и лев, каменные рельефы Георгиевского собора в Юрьеве Польском, 1230–1234 гг. [3, рис. на с. 105, табл. XIV].

Е. М. КРАСНОДУБЕЦ

О ДВУХ НАХОДКАХ ИЗ РАСКОПОК В IX КВАРТАЛЕ

В сезоне 2002 г. объектом исследования экспедиции С. Г. Рыжова стала средневековая усадьба X–XIII вв. в IX квартале (в Северном районе Херсонесского городища). Задачей раскопок было доследование северо-восточного участка двора, впервые раскопанного и засыпанного в 1889 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Двор, площадью $11 \times 5,25$ м², расположен с северо-западной стороны часовни, занимающей восточный угол квартала [12, л. 3].

Засыпь двора представляла собой смешанный грунт, возникший в результате хозяйственной деятельности монастыря в конце XIX в. При этом хронологические рамки керамического материала всех слоев охватывают преимущественно период от IV в. до н.э. по X–XI вв. н.э. [12, л. 6]. Тем не менее, из слоя № 3 происходят две находки, которые заслуживают отдельного внимания¹.

Первая из них – это щиток бронзового перстня «птолемеевского» типа [8, с. 12–26; 9, с. 106–115; 10, с. 166–182; 11, с. 17–27; 13, с. 67–76, 14, с. 126–139; 15, с. 164–167]², овальной формы (2,1×1,7 см), с рельефным изображением женского бюста на все пространство щитка в профиль влево: довольно крупный нос, широко раскрытые глаза, округлые черты лица и шеи; плечи покрывают складки хитона (Инв. № ИКАМ 37380/23). Волосы женщины уложены в прическу «melon coiffure» и собраны на затылке в узел (Рис. 1, 1–1а). Аналогии этому перстню находятся в собраниях музея Гетти (A.N. 370.22) [21, р. 49, no. 90] и ГМИИ (Инв. № Ф-1193) [15, с. 165, рис. 3]. В Гос.

Эрмитаже также хранится подобный перстень, интерпретированный О. Я. Неверовым как портрет Арсиной II [10, с. 168, табл. 11,6]. Однако аргументация С. И. Финогеновой, склонной все же видеть в этих изображениях Беренику II [15, с. 166–167], представляется более убедительной. Описывая перстень из ГМИИ, С. И. Финогенова также отмечает, что черты лица передают облик немолодой женщины [15, с. 165, рис. 3]. Нам же, напротив, представляется, что эти портреты в бронзе, представляющие женщину с крупными чертами лица и явными признаками базедовой болезни [16, р. 107], могут быть более приближены к реальности, чем идеализированные монетные образы. Наиболее близкий портретный тип среди перстней из Херсонеса мы видим в изображении на щитке перстня (Инв. № ИКАМ 36844/26) (2,2×1,8 см) из раскопок А. И. Романчук в 1970 г. у эллинистического водостока на XV улице. Обращает на себя внимание интересная деталь: три завитых локона, выпущенных из тугого пучка волос и свободно ниспадающих на шею и плечи (Рис. 1, 2–2а). Подобный акцент присутствует в работе мастера Никадраса, придворного резчика Птолемея III (246–222 гг. до н.э.): из тщательно уложенной прически Береники «выбиваются» короткие завитки обрезанных локонов [18, pl. IV, no. 64] (музей Уолтерс, A.N. 42.1339). Это уточнение позволяет определить оба изображения как соответствующие иконографии Береники II [13, с. 69; 15, с. 167] и отнести к периоду 246–221 гг. до н.э.

Вскоре после заключения брака с Береникой Киренской, в конце 246 или начале 245 г. до н.э., Птолемей III отправляется в Сирийский поход [22, р. 246]. Тогда Береника дает завет, исполненный после триумфального возвращения супруга: посвятить богам локоны своих волос, на следующий день мистическим образом перевоплощенный

¹ Выражаю благодарность автору находок С. Г. Рыжову, а также музейному фотографу К. В. Зыковой.

² Подробнее находки других перстней «птолемеевского» типа рассмотрены в работе Краснодубец Е. М. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры (в печати).

в небесное созвездие [5, с. 164; 16, р. 78–94; 19, р. 359; 22, р. 327]. Своим сакральным деянием Береника коренным образом модифицирует прежнюю традицию, связанную с посвящением волос молодыми юношами и девушками накануне прохождения инициации: возмужания либо замужества. Но Береника не невинная дева, брак с Птолемеем для нее второй [19, р. 368]. Воспетая Каллимахом трансформация волос Береники в новое созвездие предвосхищает ее апофеоз; а потому и посвящение предназначено не Артемиде, но всем богам в храме Арсиной-Афродиты, с которой она отныне будет отождествляться. [19, р. 363, 371–372]. Нет никаких сомнений в том, что подобная мистификация стала лишь первым шагом в упрочении и легитимизации власти новой правительницы.

Не позднее 243 г. до н.э. Птолемей III и Береника II были прижизненно обожествлены с эпиклесой Эвергеты (Благодетели) [5, с. 166; 22, р. 102]. Несмотря на неполное кровное родство, в стихах Каллимаха, а также текстах Канопского декрета (238 г. до н.э.) и других официальных документах Береника зовется сестрой своего супруга [22, р. 222], что создает иллюзорную преемственность традиции кровосмесительных браков, подобно союзу обожествленных брата и сестры Адельфов. Но для Береники, фактически единолично правившей в Александрии в отсутствие мужа, признание ее «кровной» дочерью Птолемея II и Арсиной II означало не только утверждение ее суверенного права на власть и почести наравне со своим супругом, но и наследование божественности [22, р. 247, 330]. Неудивительно, что в рамках династической пропаганды Лагидов прижизненный образ Береники II был сознательно приближен к Арсиной II

[7, с. 76–77; 9, с. 109–110, рис. 9а–15б; 15, с. 166; 20, р. 255]. Вследствие подобной тождественности не всегда возможно с уверенностью отличить изображения двух базилис.

Вторым предметом из слоя № 3 засыпи двора выше обозначенной усадьбы, привлечшим наше внимание из-за первоначальной интерпретации в качестве бронзового перстня с монограммой «K» [12, л. 51], оказалась монета Керкинитиды (Инв. № ИКАМ 37380/24) конца третьей четверти V в. до н.э. [1, с. 138–139; 2, с. 95–96; 4, с. 131, 340, рис. 60, 79–84, 61, 12]. Это литая бронзовая монета со схематичным изображением рыбы на лицевой стороне и первой буквы этника — K — на реверсе (Рис. 2), являвшаяся младшим номиналом монетной серии из двух денежных знаков Керкинитиды конца V в. до н.э., размером 1,6×1,4 см и весом 3,05 г. Из раскопок Керкинитиды происходит шесть аналогичных монет, еще четыре представлены в коллекциях П. О. Бурачкова и Коциевского, хранящихся в ГИМе. На данный момент — это единственная известная монета в фондах ГМЗХТ, происходящая из раскопок на городище. Другая монета из Херсонеса или его округа находится в частной коллекции [4, с. 130].

Монеты этой группы очень немногочисленны, так что на основании одной находки мы вряд ли сможем судить о прочности торговых связей Херсонеса и Керкинитиды в конце V в. до н.э. Постоянные контакты между городами прослеживаются с начала IV в. до н.э., что более надежно фиксируется находками в Керкинитиде практически всех херсонесских монетных типов, начиная с серии 390–380 гг. до н.э. [3, с. 152].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В. В. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К.: Наукова думка, 1989. 128 с.
2. Кутайсов В. А. К нумизматике Керкинитиды V в. до н. э. // ВДИ. 1986. № 2 (177). С. 94–97.
3. Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. К.: Наукова думка, 1990. 176 с.
4. Кутайсов В. А. Античный полис Керкинитида // Материалы к археологической карте Крыма. Симферополь: Предприятие Феникс, 2013. Вып. XII. 399 с.
5. Ладынин И. А. Основные этапы царского культа Птолемея в контексте общей эволюции египетского эллинизма // Мнемон. 2004. Вып. 3. С. 145–184.
6. Ладынин И. А. Еще раз о перстнях «Птолемеевского» типа из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э. // ДБ. 2007. Т. 11. С. 235–251.
7. Ладынин И. А., Попова Е. А. Египетская подвеска, найденная на городище Чайка (Северо-Западный

- Крым), и посмертное обожествление Арсинои II Филадельфы // ВДИ. 2010. № 2 (237). С. 71–85.
8. Литвиненко Ю. Н. Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н.э. (К вопросу о контактах) // ВДИ. 1991. № 1 (196). С. 12–26.
 9. Неверов О. Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в Собрании Эрмитажа (К вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1974. № 1. С. 106–115.
 10. Неверов О. Я. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // ТГЭ. 1976. Вып. XVII. С. 166–182.
 11. Неверов О. Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1986. С. 17–27.
 12. Рыжов С. Г., Андреева О. А. Отчет о раскопках в IX квартале Северного района Херсонеса в 2002 г. Т. I // НА ГМЗХТ. Д. 3682. 90 л.
 13. Трейстер М. Ю. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 67–76.
 14. Трейстер М. Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 126–139.
 15. Финогенова С. И. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ. 2001. № 2. С. 164–167.
 16. Bing P. Reconstructing Berenice's Lock // Collecting Fragments-Fragmente sammeln. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1997. P. 78–94.
 17. Caltabiano M. C. Berenice II: il ruolo di una basilissa rivelato dalle sue monete // La Cirenaica in età antica. Pisa, Roma, Istituti editoriali e poligrafici internazionali, 1998. P. 97–115.
 18. Evans A. An illustrative selection of Greek and Greco-Roman gems to which is added a Minoan and proto-Hellenistic series. Oxford: University press, 1938. 38 p.
 19. Gutzwiller K. J. Callimachus' Lock of Berenice. Fantasy, Romance, and Propaganda // American Journal of Philology. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1992. Vol. 113. P. 359–385.
 20. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenice's lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt // Creating a Hellenistic world. Llandysul, The Classical Press of Wales, 2010. P. 247–269.
 21. Spier J. Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum. Malibu, 1992. 184 p.
 22. Van Oppen de Ruyter B. F. The religious identification of Ptolemaic queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. Vol. I–II. Diss... Ph. D. NY, 2007. 611 p.

REFERENCES

1. Anokhin V. V. *Monety antichnykh gorodov Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1989. 128 p.
2. Kutaisov V. A. К numizmatike Kerkinitidy V v. do n. e. *Vestnik drevnei istorii*, 1986, No. 2 (177), pp. 94–97.
3. Kutaisov V. A. *Antichnyi gorod Kerkinitida*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 176 p.
4. Kutaisov V. A. Antichnyi polis Kerkinitida. *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma. Simferopol'*, Feniks Publ., 2013, vol. XII, 399 p.
5. Ladynin I. A. Osnovnye etapy tsarskogo kul'ta Ptolemeev v kontekste obshchei evoliutsii egipetskogo ellinizma. *Mnemon*, 2004, vol. 3, pp. 145–184.
6. Ladynin I. A. Eshche raz o perstniakh "Ptolemeevskogo" tipa iz Severnogo Prichernomor'ia: k vozmozhnoi interpretatsii v svete vneshnei politiki ellinisticheskogo Egipta v III v. do n.e. *Drevnosti Bospora*, 2007, vol. 11, pp. 235–251.
7. Ladynin I. A., Popova E. A. Egipetskaia podveska, naidennaia na gorodishche Chaika (Severo-Zapadniy Krym), i posmertnoe obozhestvlenie Arsinoi II Filadel'fy. *Vestnik drevnei istorii*, 2010, No. 2 (237), pp. 71–85.
8. Litvinenko Iu. N. Ptolemeevskii Egipet i Severnoe Prichernomor'e v III v. do n.e. (K voprosu o kontaktakh). *Vestnik drevnei istorii*, 1991, No. 1 (196), pp. 12–26.
9. Neverov O. Ia. Gruppya ellinisticheskikh bronzovykh perstnei v Sobranii Ermitazha (K voprosu o vremeni proniknoveniia egipetskiikh kul'tov v Severnoe Prichernomor'e). *Vestnik drevnei istorii*, 1974, No. 1, pp. 106–115.
10. Neverov O. Ia. Portretnye gemmy i perstni iz Severnogo Prichernomor'ia. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1976, vol. XVII, pp. 166–182.

11. Neverov O. Ia. Metallicheskie perstni epokhi arkhaiskoi, klassicheskoi i ellinizma iz Severnogo Prichernomor'ia (opyt klassifikatsii). *Antichnaia torevtika*. Leningrad, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1986, pp. 17–27.
12. Ryzhov S. G., Andreeva O. A. Otchet o raskopkakh v IX kvartale Severnogo raiona Khersonesa v 2002 g. T. I. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. D. 3682. 90 l.
13. Treister M. Iu. Bronzovye perstni s izobrazheniiami na shchitkakh iz Gorgippii i okrestnostei. *Vestnik drevnei istorii*, 1982, No. 3, pp. 67–76.
14. Treister M. Iu. Bospor i Egipet v III v. do n.e. *Vestnik drevnei istorii*, 1985, No. 1, pp. 126–139.
15. Finogenova S. I. Gruppya bronzovykh ellinisticheskikh perstnei iz sobraniia GMII im. A. S. Pushkina. *Vestnik drevnei istorii*, 2001, No. 2, pp. 164–167.
16. Bing P. Reconstructing Berenice's Lock. *Collecting Fragments-Fragmente sammeln*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1997, pp. 78–94.
17. Caltabiano M. C. Berenice II: il ruolo di una basilissa rivelato dalle sue monete. *La Cirenaica in età antica*. Pisa, Roma, Istituti editoriali e poligrafici internazionali, 1998, pp. 97–115.
18. Evans A. *An illustrative selection of Greek and Greco-Roman gems to which is added a Minoan and proto-Hellenistic series*. Oxford, University press, 1938, 38 p.
19. Gutzwiller K. J. Callimachus' Lock of Berenice. Fantasy, Romance, and Propaganda. *American Journal of Philology*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1992, vol. 113, pp. 359–385.
20. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenice's lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. *Creating a Hellenistic world*. Llandysul, The Classical Press of Wales, 2010, pp. 247–269.
21. Spier J. *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum*. Malibu, 1992, 184 p.
22. Van Oppen de Ruiter B. F. *The religious identification of Ptolemaic queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. Vol. I–II*. Diss... Ph. D. NY, 2007, 611 p.

Е. М. Краснодарец

О двух находках из раскопок в IX квартале

Резюме

Из смешанного грунта заполнения усадьбы X–XIII вв. в IX квартале происходят две довольно редкие для Херсонеса Таврического находки. Речь идет о фрагменте перстня «птолемеевского» типа с портретом Береники II и монете Керкинитиды третьей четверти V в. до н. э. Хронологически и семантически не связан-

ные предметы оказались в одном слое засыпи в результате хозяйственной деятельности монастыря в конце XIX в.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, перстень-печать, Береника II, «птолемеевские» перстни, Керкинитида, монета.

Elizaveta Krasnodubets

About Two Finds from Excavations in the Block 9

Summary

Two quite rare findings for Tauric Chersonesos were found in mixed soil filling the estate of the 10th–13th centuries in the block 9. It is a fragment of the ring of the Ptolemaic type with the portrait of Berenika II and the coin of Kerkinitida of the third quarter of the 5th century

BC. Chronologically and semantically unrelated objects were found in the same layer as a result of the economic activities of the monastery at the end of the 19th century.

Keywords: Tauric Chersonesos, signet ring, Berenice II, Ptolemaic rings, Kerkinitida, coin.

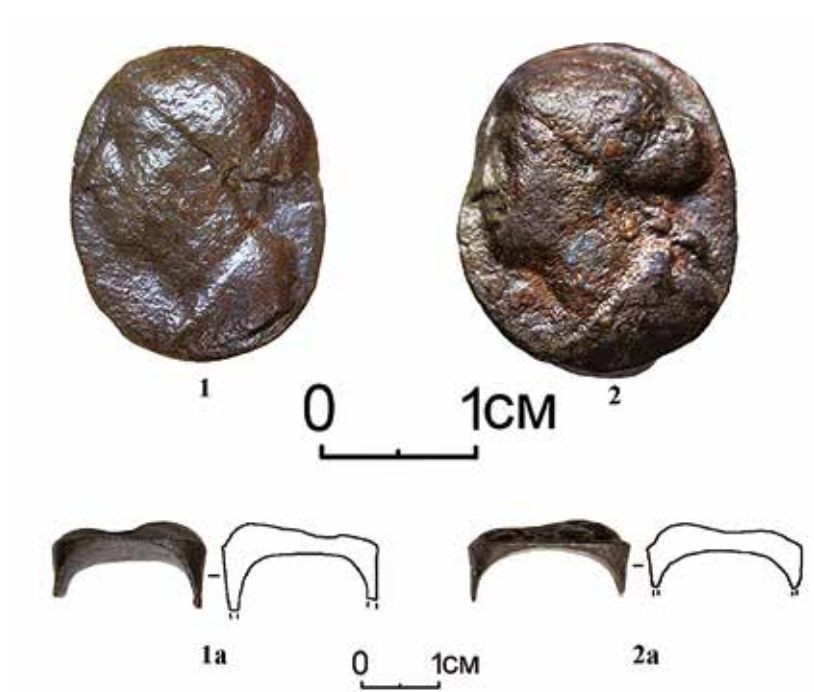

Рис. 1. Фрагменты перстней с изображением Береники II (Фонды ГМЗХТ).

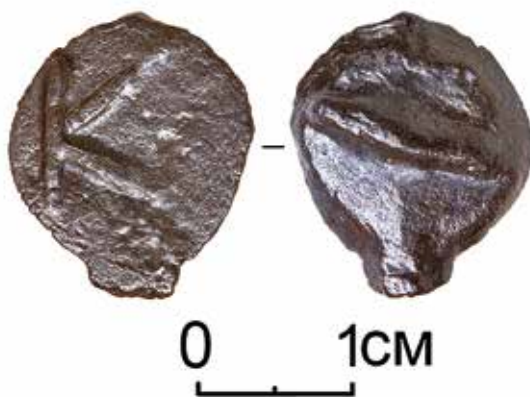

Рис. 2. Монета Керкеникиды конца третьей четверти V в. до н.э. (Фонды ГМЗХТ).

**МЕЖДУ ДВУМЯ СПЛИТСКИМИ КОНГРЕССАМИ:
I И XIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ХРИСТИАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
В СПЛИТЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ХОРВАТСКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКИ**

I. В последние годы Византия снова стала предметом научных интересов хорватских исследователей. В ноябре 2017 года на Философском факультете Загребского университета была проведена специальная конференция: «*Византийские исследования в Хорватии – ретроспектива и перспективы*», целью которой было, с одной стороны, подытожить, как развивалась историография византийских исследований в Хорватии, с другой – что представляется более важным: ожидает ли византистику в Хорватии светлое будущее? Эта конференция вместе с выставкой, посвященной Византии на Адриатике, открытие которой состоится осенью 2018 года в Музее хорватских археологических памятников в Сплите, являются новыми импульсами в развитии хорватских византийских исследований. Хотя византистика в Хорватии никогда не развивалась как всеобъемлющая научная дисциплина, потребность определить, в каком объеме и каким способом византийская власть осуществлялась на восточном Адриатическом побережье в средние века, всегда существовала и, следовательно, публикации византиноведческой тематики всегда издавались хорватскими медиэвистами. Хронологические рамки историографического обзора развития византийских исследований в хорватской науке ограничены двумя конгрессами по христианской археологии в Сплите, проводившимися соответственно в 1894 и 1994 гг. Эти конгрессы оказали очень большое влияние не только на развитие раннехристианской археологии как научной дисциплины, но и вызвали интерес к позднеантичным и ранневизантийским исследованиям в области истории и истории искусств. Тема конгресса 1994 г. была посвящена эпохе императора Юстиниана, его результаты способствовали обогащению ранневизантий-

ских исследований не только в Хорватии, но и на международном уровне. В настоящей статье внимание будет уделено проблемам исследования византийского искусства на восточном Адриатическом побережье, так как до сих пор вопрос византинизмов в хорватском искусстве средневековья остается открытым для различных интерпретаций.

II. Важность Первого конгресса по христианской археологии для развития этой научной дисциплины на международном уровне подчеркивалась не один раз [6; 30]. Инициатором этого конгресса был Дон Фране Булич (1849–1934), самый известный хорватский археолог конца XIX – первой половины XX в. (Рис. 1). Булич имел большое желание представить мировому научному сообществу результаты своих раскопок в Салоне, которые проводил с 1883 г., когда стал директором Археологического музея в Сплите [6, р. 1]. Он был в хороших отношениях и вел переписку с Джованни Баттиста Де Росси. Данный факт будет не лишним подчеркнуть, так как Де Росси считается основателем христианской археологии как научной дисциплины, и он поддерживал Булича в его начинаниях [6, р. 1]. Дон Фране Булич был студентом венской археологической школы, преподавателем и директором Классической гимназии в Сплите, реставратором памятников Солина (античной Салони) и Сплита. После того как Булич занял пост директора Археологического музея, он также стал редактором журнала *Bulletino di Archaeologia e Storia Dalmata*, одного из первых журналов, посвященных вопросам далматинской археологии и истории. С 1883 года Дон Фране Булич руководил раскопками трехнефной базилики и некрополя на локалитете Манастирине IV–VI вв., которые в общих чертах закончил к 1890 г. В том

же году он начал раскопки на раннехристианском некрополе Марусинак [32, р. 7]. Идея о Конгрессе зародилась в 1892 году, Булич и его коллега доктор Лука Йелич пригласили в Сплит на совещание иностранных экспертов, в ходе которого был сформирован организационный комитет во главе с придумавшим его Буличем. Членами комитета стали аббат А. Хитрек из монастыря Студенца в Штирии, Л. Йелич, Г. А. Неуманн и Х. Цвобода из Венского университета и А. Де Ваал из Рима [29, р. 8]. В это время был сформирован и главный комитет, который возглавил Г. Б. Де Росси, а остальными его членами стали восемнадцать известных европейских исследователей из Австрии, Болгарии, Франции, Италии, Швейцарии, России, Германии, Хорватии и др. [29, р. 8]. На совещании также было принято решение о проведении Первого конгресса по христианской археологии 8–20 сентября 1893 г. Немного позже были оформлены приглашения к участию в конгрессе и его программа, которая включала в себя освещение результатов последних исследований в Далмации и Европе и различные вопросы о необходимости учреждения новых кафедр и музеев [29, р. 8]. В связи с организацией Первого конгресса был опубликован путеводитель по Салоне и Сплиту на итальянском и хорватском языках. Однако из-за эпидемии холеры организаторы были вынуждены отложить Конгресс до следующего года. Было решено, что он будет проводиться 20–22 августа 1894 г. [29, р. 8].

О ходе Конгресса мы узнаем из отчета Г. А. Неуманна, опубликованного в *Bullettino di archeologia e storia dalmata* в 1894 году. В нем приняло участие 75 исследователей со всей Европы. Конгресс состоял из пяти пленарных сессий, в рамках которых проводились дискуссии: Булич известил о своих исследованиях в Салоне, Йелич – о раннехристианском наследии Далмации, О. Марукки – о раннехристианском Риме и надписи епископа Алуриция, Молинари – о раскопках в Боснии и Герцеговине, Й. Вилперт – о римских катакомбах, Округич – о памятниках Сирмиума, Цзоборт – об исследованиях в Венгрии, Цвобода – о церковных коврах и флагах V–VII вв., Босзе – о методе фотометрии, Де Ваал – о хорватских памятниках в Риме [32, р. 12]. Кроме пленарных, было проведено также пять заседаний по секциям, которые составляли основу работы конгресса и были посвящены следующим темам: художест-

венные и эпиграфические памятники, археологические исследования, христианские музеи, патрологические исследования и далматинские памятники средневековья. Конгресс оказался очень плодотворным и было принято решение о проведении следующего конгресса в Равенне (Рис. 2). Кроме путеводителя, к конгрессу были опубликованы три сборника под общим названием *Ephemeris*, соотнесенные с тематикой сессий: *Ephemeris Salonitana* посвящен раннехристианскому наследию Салоны, *Ephemeris Spalatensis* посвящен ранней истории Сплита, *Ephemeris Bihačensis* посвящен т. н. старохорватской археологии, точнее, археологии хорватского раннего средневековья. За год до проведения Первого конгресса Булич основал в Сплите Общество «Бихач», целью работы которого было исследование отечественной истории на современных культурных и научных основах. На Первом конгрессе Общество впервые представило результаты своей деятельности.

В *Ephemeris Salonitana* большое число статей было посвящено раннехристианским некрополям: Т. Вехофер написал о некрополе Марусинак, Йелич – о письменных и скульптурных памятниках мучеников Салоны, А. де Ваал и Й. П. Кирш – об иконографическом анализе салонитанских памятников с мотивами рыбы и Доброго Пастыря. Однако не все статьи были посвящены истории Салоны. Так, И. Вилперт написал о раннехристианских надписях Аквилеи, А. Хитрек представил результаты раскопок некрополя Св. Синерота в Сирмиуме (Сриемской Митровице). Одним из важнейших результатов Первого конгресса стала презентация т. н. Сплитского Евангелия (*Evangeliarium Spalatense*), анализ которого И. Девич опубликовал годом раньше в *Bullettino di archeologia e storia dalmata* (1893/1894).

Акты Первого конгресса были опубликованы только в 1994 г. к его столетию в рамках подготовки и проведения XIII конгресса. Как написал в своем примечании Е. Марин, главный редактор Актов и в то время директор Археологического музея в Сплите, эти Акты не стали Актами в современном смысле этого слова, это было репринтное издание различных документов, опубликованных перед, во время и вскоре после Первого конгресса [29, р. 404]. Акты состоят из трех главных частей и сборников *Ephemeris*, которые

были опубликованы Буличем как предакты Первого конгресса. Почти все статьи сопровождали иллюстрации, при этом те из них, которые имели недостаточное качество для публикации в новом формате в 1994 г., редактор заменил лучшими [29, р. 404]. Особую часть Актов составляют публикации, связанные с организацией Первого конгресса: отчет о структуре и ходе Конгресса А. Г. Неуманна (впервые опубликован в *Bullettino di archeologia e storia dalmata* в 1894 году), резолюции Конгресса А. Де Ваала (впервые опубликованы в *Römische Quartalschrift* в 1896 году) и отчеты на латинском и хорватском языках Ф. Булича и Ш. Любича. Материалы данного сборника в основном написаны на итальянском и немецком языках.

Хотя одна из резолюций Первого конгресса гласила, что следующий конгресс будет организован в Равенне в 1897 году, это не было исполнено; второй Конгресс по раннехристианской археологии был проведен в Риме в 1900 году. Для Булича это была возможность представить результаты своих раскопок, которые он продолжал вести на локалитетах Манастирине и Марусинак, и рассказать о запланированных исследованиях на локалитете *basilica urbana* [32, р. 16]. Итоги его исследований, в большой мере уже опубликованные в *Bullettino*, тем не менее, были включены в знаменитую серию *Forschungen in Salona* (издание Австрийского археологического института), которая состоит из трех томов, вышедших в свет в 1917–1939 гг. Булич до конца своей научной деятельности занимался раннехристианской Салоной и получил результаты, которые до сих пор не потеряли своей ценности для хорватской раннехристианской археологии, истории и истории искусств. Однако самым большим вкладом стало учреждение им Первого конгресса по христианской археологии, который Е. Марин по праву называет «Конгрессом Булича» [28, р. 142]. После своей смерти Булич оставил много учеников, но наиболее плодотворной является деятельность датского архитектора Эйнара Дигтве, которого Булич включил в состав своей экспедиции на раскопках некрополя Каплюч в 1922–1923 гг., и который внес большой собственный вклад в исследование раннехристианской и раннесредневековой Салоны.

Ш. Хорошие результаты Первого конгресса сделали Салону и город Сплит крупными науч-

ными центрами. Переписка Булича с известными учеными того времени и особенно его крепкие связи с Де Росси, основателем дисциплины христианской археологии, помогли поднять статус «Конгресса Булича» и профессиональную деятельность этого ученого в целом на международный уровень. Конгресс, инициатором которого он являлся, продолжают до сих пор проводить в разных странах, объединяя ученых Европы и всего мира. Хотя ни один из докладов Первого конгресса не может считаться византиноведческим в узком смысле этого слова, результаты Первого конгресса привлекли внимание ученых, занимающихся раннехристианскими и раннесредневековыми памятниками Далмации, которые впоследствии начали рассматривать этот материал и с точки зрения византистики. В частности, Э. Дигтве, которого мы считаем самым известным исследователем раннехристианской и раннесредневековой Салоны «постбуличевского» периода [28, р. 138], обращал внимание на ранневизантийское наследие Салоны и ввел в хорватскую историографию термин «адрио-византизм» в своих знаменитых публикациях *Forschungen in Salona III* (1939) и *History of Salonitan Christianity* (1951). О дискуссии, которая развилась вокруг этого термина Дигтве, еще будет идти речь далее, но здесь важно отметить, что научная деятельность Булича и результаты Первого конгресса заложили прочную основу для дальнейшей научной деятельности Дигтве и остальных исследователей раннехристианского и раннесредневекового наследия Далмации и развития не только хорватской раннехристианской археологии, но и, опосредованно, византистики, которая всегда с ней была связана. Прежде чем мы начнем рассматривать вопросы развития византиноведческих исследований после Первого конгресса раннехристианской археологии в Хорватии, кратко остановимся на их начальном этапе.

В XIX в., когда национальное самосознание активно развивалось не только на территории нынешней Хорватии, но и во всей Европе, появился интерес и к изучению истории средневековой эпохи. В хорватском случае это означало необходимость перейти к исследованию византийских источников, хотя они в главных чертах изучались и раньше XIX века, например в 1666 г. Иван Лучич опубликовал выдержки с собственными комментариями сочинений византийских

писателей (*De Regno Dalmatiae et Croatiae libri sex*, 1666) [3, p. 461]. Немного позднее международное признание приобрел Анселмо Бандури своей публикацией *Imperium Orientale, sive Antiquitates Constantinopolitanae* (1712), в которой он собрал до сих пор неизданные произведения византийских авторов, а также опубликовал некоторые уже известные произведения, но на основе вновь обнаруженных рукописей [39, p. 1]. Одной из таких рукописей Бандури был трактат византийского императора Константина VII Багрянородного. Данная публикация до сих пор занимает особое место даже в современной хорватской историографии. Как пишут Басич и Грачанин, рукописи, связанные с кругом императора Константина VII Багрянородного (*De Administrando Imperio, Vita Basilii, De Thematibus, De Cerimoniis*), благодаря своему важному значению для исследования ранней хорватской истории всегда заслуживали особого внимания хорватской историографии [3, p. 461]. Анализ всех публикаций, связанных с трактатом императора Константина Багрянородного, выходит за рамки настоящей статьи, так как доминантную часть хорватской византиноведческой историографии составляет осмысление сочинений этого круга¹. Этот трактат сохранил свою важность до сих пор, особенно его так называемое далматинское досье (главы 29–31 современных изданий), так как он постоянно является предметом исследований: с точки зрения трансмиссии текста, его текстологической и нарративной структуры, критикуется толкование текста, в связи с чем даже организуются специальные научные конференции, посвященные только этому трактату (*U početku bijaše De administrando imperio: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti* в 2010 году) [3, p. 461].

Развитие хорватской византистики также зависело и от политических обстоятельств, в которых она существовала. Важно подчеркнуть, что византийские исследования в Хорватии связаны с работой Института византиноведения

Сербской академии наук и искусства и Философского факультета Белградского университета. Кафедра византийских исследований Философского факультета Белградского университета была основана в 1902 г. и стала третьей в мире, ее основал всемирно известный византист Григорий Острогорский – автор справочного издания *«История византийского государства»* (1940). Кроме Острогорского, вклад в область византиноведческих исследований на восточной Адриатике внесли Ядран Ферлуга с публикацией *«Византийское управление в Далмации»* (*Византийска управа у Далмацији*, 1957), а также Франьо Баришич, Божидар Ферянчич, Любомир Максимович, Йованка Максимович, Иванка Николаевич и другие [3, p. 466].

Таким образом, хорватская историография является достаточно богатой на византиноведческие исследования, хотя, как уже упоминалось, как самостоятельная дисциплина она никогда не развивалась. Элементы византийского художественного языка в хорватском средневековом искусстве имеют более косвенный характер и встречаются интегрированными вместе с более доминантными «западными» стилистическими характеристиками в особое художественное выражение, которое трудно определить с терминологической стороны. Эта проблема терминологии, которая обсуждается хорватскими исследователями до сих пор, появилась уже в XIX в., когда Франо Радич начал использовать такие термины, как «хорватско-византийский стиль» (*hrvatsko-bizantski slog*) или «славяно-византийский стиль» (*slavensko-bizantski slog*), с целью выразить двойственный характер восточно-адриатического искусства с элементами и «западного», и «восточного» [35; 36]. Хотя идеи Радича сегодня являются в основном опровергнутыми, его попытка терминологически определить степень византийского в рамках хорватского средневекового искусства породила одну из самых актуальных дискуссий между хорватскими историками искусства и археологами, занимающимися византийским искусством. Кажется, самая большая проблема исследователей византийского искусства Хорватии находится сегодня именно в определении степени «византийского» в искусстве хорватского средневековья.

IV. Э. Дигтве примерно через сорок лет после Радича вернулся к проблеме терминологии, пред-

¹ В связи с этим хотелось бы указать на статью хорватских исследователей И. Басича и Х. Грачанина «Короткий обзор византийских исследований в Хорватии» (*Sažeti prikaz bizantologije u Hrvatskoj*), опубликованную по поводу создания Хорватского общества византийских исследований, в которой они более подробно рассматривают историографию, связанную с сочинениями времени императора Константина VII Багрянородного [3].

ложив термин «адрио-византизм», чтобы терминологически обозначить культурный расцвет (cultural flourishing) на территории восточного и западного Адриатического побережья в V–VI вв. (Рис. 3). Впервые он использовал этот термин в 1933 г. на конгрессе в Стокгольме [8, р. 3], но приобретает популярность он начал после публикации знаменитой (в контексте хорватской историографии) книги Дигтве «История салонитанского христианства» (*History of Salonitan Christianity*) в 1951 году [9]. Автор этой публикации нигде в книге не объясняет значение этого термина, его значение необходимо искать в контексте употребления термина на страницах данного научного труда. Это понятие упоминается в четырех различных фрагментах текста [10, р. 3, 31, 81, 137]. Дигтве называет адрио-византизмом (довольно широко) уже упомянутый культурный расцвет V–VI вв., который наблюдается в этом периоде на обоих побережьях Адриатического моря. В этом смысле он сравнивает Салону и Равенну, называет их городами-сестрами и считает, что на примере Равенны можно представить себе, как выглядела Салона в поздней античности, т. к. памятники Равенны, из-за гораздо лучших исторических обстоятельств, лучше сохранились до настоящего времени, чем в Салоне [10, р. 31]. Далее Дигтве пользуется этим термином, когда пишет о привозных капителях юстиниановской эпохи Салонитанского баптистерия, и замечает, что практически идентичные примеры наблюдаются в Равенне, Салониках, Градо и Порече – городах, которые, по его мнению, принадлежат адрио-византийскому культурному кругу [10, р. 31]. В этот культурный круг входят еще и такие города, как Аквилея, Милано, Сирмиум, Дуррес и Никопол. В последний раз Дигтве употребляет термин в книге в несколько ином контексте, чтобы подчеркнуть важность континуитета классической традиции в хорватском искусстве средневековья, говоря об адрио-византийских орнаментальных мотивах в архитектурной скульптуре, которые он не считает ни ломбардскими, ни хорватскими, а находит их источники в локальной позднеантичной традиции [10, р. 137].

Представленный краткий обзор показывает, что Дигтве не совсем четко определил значение этого термина, и поэтому со временем хорватские исследователи его толковали по-разному, давая ему свои собственные интерпретации, которые

сильно отличались от первоначального определения Э. Дигтве. Результатом этой путаницы стало несоответствие в использовании понятия или его полное обобщение, когда любые византизмы в хорватском искусстве называются адрио-византизмом². На наш взгляд, суть проблемы понимания и использования термина «адрио-византизм» в том, что он считался стилистическим, а не культурологическим, как это изначально было задумано Дигтве. Об этом развернуто писал Ж. Рапанич, имея в виду критику Н. Камби, который в своем эпилоге хорватского перевода книги Дигтве утверждал, что понятие «адрио-византизм» является спорным, потому что, кроме того, что сакральная архитектура восточной Адриатики вряд ли единообразная, морфология лонгитудинальных церквей восточной Адриатики (центральные не упоминаются), особенно V века, является не результатом влияния центра Восточной Римской Империи, а более локальных перемен на территории северной Адриатики [7, р. 147]. Хотя Рапанич согласен с Камби, что понятие «адрио-византизм» в стилистическом смысле нельзя употреблять в контексте позднеантичной архитектуры, он все-таки считает это понятие полезным для обозначения «художественного и культурного феномена», обоснованного особыми культурными и геополитическими условиями в течение V–XI вв. на Адриатическом побережье [37, р. 175–176]. Рапанич придерживается при этом мнения Б. Габричевича, выраженного немного ранее [15].

Однако мы не можем полностью согласиться с этим выводом. Невольно встает вопрос: можно ли действительно говорить о каком-то особом культурном расцвете в этот довольно длительный период на Адриатическом побережье, принимая во внимание, что Адриатика никогда не оставалась в культурологическом смысле изолированной и, особенно во время реконквисты Юстиниана, была интегрированной частью Восточной Римской Империи? Тому свидетельствуют здания Базилики епископа Евфразия в Порече, Святой Марии Формоза в Пуле и Базилики епископа Гонория в Салоне, которые являются инвестициями кругов, близких к центральной власти, служат укреплению центральной императорской мощи и под-

² Более подробный анализ проблемы термина «адрио-византизм» [см.: 21].

черкуют принадлежность к определенной культурной сфере [21]. Особенно это заметно на примере мраморной скульптуры, привезенной из карьеров острова Проконнес, которая сегодня хорошо сохранилась в базилике Евфразия и свидетельствует о связях восточной Адриатики с остальными частями Империи [21]. Важно добавить, что в новейшее время понятие «адриовизантизм» начали употреблять в совсем ином контексте романской фресковой живописи второй половины XI–XII вв. на территории южной Далмации. Данное понятие в указанном контексте первым начал употреблять И. Фискович в своих публикациях об объединяющих характеристиках фресковой живописи в так называемой византийской базилике в Дубровнике и маленьких церквях на Элафитских островах: Св. Ивана в Шиловом Селе на Шипане и Св. Николая на Колочепе [13]. По мнению исследователя, эту живопись характеризует стилистическое единство с корнями в позднеантичном искусстве и с «провинциальным пересечением латинской иконографии и византийской стилистики» с наиболее близкими параллелями во фресковой живописи некоторых церквей апулийского побережья [13]. Эту дефиницию понятия «адриовизантизм» в последнее время приняли и другие хорватские ученые, употребляя его в том же контексте [27]. В данном случае, это понятие имеет определенные и географические, и хронологические рамки, и мы согласны с его употреблением в таком контексте [19; 21].

V. В своей книге об истории христианства в Салоне Э. Диггве также писал о важности континуитета между античной традицией и раннесредневековой архитектурой Далмации, что было прямо противоположно теории Л. Карамана, представленной немногим ранее (Рис. 4) [23]. Любо Караман был современник Диггве и один из известнейших хорватских медиевистов первой половины XX в. Заслуги Карамана для хорватской медиевистики огромные. До него «национальной» археологией средневековья занимались, за некоторым исключением, в числе которых и Диггве, как правило, непрофессионалы. Караман – ученый, который свое образование получил в Венском университете, где был студентом Й. Стржиговского и М. Дворжака³. Хотя

он был по профессии историком искусства, его на тот момент современный научный подход к проблематике «старохорватского» искусства положительно повлиял и на развитие хорватской национальной археологии [4, p. 210]. Караман в течение своей научной карьеры исследовал также проблематику византийского искусства и опубликовал целый ряд статей, которые сохранили свою полемическую ценность до сих пор. Вместе с М. Абрамичем он опубликовал в сборнике *L'art byzantin chez les slaves: Recueil Uspenski* (1932) материалы, которые можно считать первым систематическим анализом византийского искусства в хорватской историографии. Караман анализировал византийские морфологические элементы в раннесредневековой архитектуре [24], в то время как Абрамич исследовал скульптуру с византийскими стилистическими характеристиками [1]. Выводы Карамана в его статье «О путях византийских черт на территории восточной Адриатики» (*O putevima bizantskih crta na području istočnog Jadrana*) являются актуальными и сегодня, особенно его замечание о том, что некоторые из хорватских исследователей сильно подчеркивают византийское влияние на искусство Далмации, но не уточняют при этом, оказывалось ли это влияние прямо из Византии в узком смысле слова, из славянских окрестностей Балкан, или оно просто является результатом византийских стилистических импульсов на Западе [25, p. 61]. Караман также подчеркивает и важность Апеннинского полуострова как посредника, через который византийские элементы попадали на восточную Адриатику, уже обработанными в западной культурной сфере [25, p. 61]. Далее он замечает, что важно учитывать, кроме того, откуда византийские элементы пришли в искусство восточной Адриатики, и каким способом они пришли: являются ли они произведениями так называемых греческих мастеров или произведениями местных художников, которые подражали византийским моделям, или, возможно, оказались на восточном адриатическом побережье посредством торговли [25, p. 62]. Выводы Карамана в указанной статье подводят итоги методологических проблем и особенностей, которые характеризуют исследования византий-

³ Дворжак был руководителем его докторской диссертации «Романская пластика в Сплите» (*Die romanische Plastik in Spalato*), которую он защитил в 1920 году [14, p. 1].

ского искусства в Хорватии и поэтому до сих пор являются полезным справочным материалом.

Можно сказать, что полемика между Караманом и Дигтве определенным образом ознаменовала научную деятельность обоих ученых и внесла большой вклад в исследования генезы хорватской предроманской архитектуры, а косвенно – и византийских исследований. Как уже упоминалось, Дигтве в своей книге об истории христианства в Салоне изложил теорию о существовании континуитета форм между периодами античности и средних веков в сакральной архитектуре [10, р. 113–116]. Караман в своей публикации «Из колыбели хорватской истории» (*Iz kolijevke hrvatske prošlosti*) толковал генезу морфологии хорватской предроманской архитектуры через теорию о «маленьких церквах свободных форм», точнее, он считал, что генезу хорватской предроманской архитектуры характеризует яркий дисконтинуитет. Подробный анализ фундаментально различных теорий Дигтве и Карамана выходит за рамки настоящей статьи, но важно подчеркнуть, что дискуссия ученых включила в себя и толкование византийских морфологических характеристик, особенно в архитектуре VII–VIII вв., так называемого периода темных веков. Теорию Дигтве принял и известный хорватский исследователь раннесредневековой архитектуры М. Прелог, который на ее почве разработал свою теорию о «пассивном и активном отрицании античности» в хорватской предроманской архитектуре [33]. Прелог тоже не упустил возможность представить свои взгляды на проблему византийских элементов в средневековом искусстве, называя это явление византийским фактором в промежуточном периоде 305–1105 гг. [34]. Практически все исследователи, которые писали о предроманской архитектуре Далмации, в определенной мере занимались и анализом византийских морфологических элементов, как, например, И. Петричиоли, Н. Якшич, Ж. Рапанич, Т. Марасович, П. Вежич, М. Юркович. Юркович скорректировал и расширил выводы Прелога на основе результатов новых исследований [18; 20].

Теория о континуитете форм является довольно важной в контексте хорватских византиноведческих исследований, потому что некоторые морфологические элементы в архитектуре, особенно VII и VIII вв., могут считаться «византийскими» по происхождению, но, как утверждает

Юркович, они, на самом деле, являются продолжениями традиции строительства VI в. [18, р. 42]. Точнее, они продолжают местную, позднеантичную традицию без значительных влияний с Востока или Запада [18, р. 42]. Ситуация становится яснее с IX в., когда после 814 года и четкого разделения между Хорватским королевством (под прямым влиянием Франкского государства) и городами византийской Далмации наблюдается и четкая разница между функциями определенных морфологических элементов в сакральной архитектуре, обусловленных, в том числе, различиями в богослужении между восточной церковью далматинских городов и хорватской раннесредневековой державы. Например, редуцированное западное здание (*westwerk*), характерное для хорватского королевства, не появляется в городах Далмации, для которых более характерны церкви с куполами [20, р. 216]. В течение X и XI вв. эти различия в морфологии архитектуры, обусловленные различиями богослужбных практик, уменьшаются так же, как и уменьшается политическая власть Византии на восточной Адриатике, которая с середины IX в. остается более или менее номинальной [20, р. 216]⁴. Однако византийские морфологические элементы все-таки присутствуют в архитектуре того времени, особое внимание исследователей привлекает и так называемый южно-далматинский купольный тип сакральной архитектуры, свойственный Дубровнику и его окрестностям, хотя он также наблюдается и в средней Далмации, чья генеза до сих пор является предметом научных дебатов. Некоторые ученые считают, что источники этого типа надо искать в Армении, Греции, Сербии или Южной Италии (Т. Марасович, В. Корач, Дж. Бошкович), в то время как И. Фискович считает, что этот тип архитектуры происходит из местной традиции с определенными византийскими влияниями [12]. Самый полный анализ данного архитектурного типа сделала И. Томас в своей докторской диссертации (2012), придя к выводу, что он, вероятнее всего, происходит из местной строительной традиции, точнее из города Дубровника как регионального центра, и особенно подчеркнула строение церквей Св. Петра и «византийской» базилики как возможных образцов [40, р. 15].

⁴ О характере византийской политической власти в раннее средневековье в Хорватии [см.: 2; 16].

Кроме культурного наследия Далмации, полуостров Истрия также значителен по числу своих позднеантичных и раннесредневековых памятников, особенно ранневизантийского периода. Мы уже упоминали базилики Евфразия в Порече и Святой Марии Формозы в Пуле с литургической мебелью из проконнесского мрамора, привезенной из Константинополя, как инвестиции самых высоких кругов VI в. Искусство Юстиниановской эпохи в Истрии до 1995 г. исследовали Б. Моайоли и А. Шонье, но настоящий импульс изучению этой эпохи (не только в Истрии, но и на всем восточно-адриатическом побережье) дал XIII Международный конгресс по христианской археологии, посвященный именно эпохе императора Юстиниана и проблемам VI–VII вв. Сам конгресс проходил с 25 сентября по 1 октября 1994 года. Его первая часть была посвящена столетней годовщине Первого конгресса и столетию со дня смерти Дж. Б. Де Росси, она проводилась в Сплите и Салоне. Вторая часть конгресса, посвященная исследованиям эпохи Юстиниана, проводилась в Порече, где находится самый известный памятник этой эпохи на хорватском побережье – базилика Евфразияна.

VI. После успешно проведенного III Международного конгресса по христианской археологии в Равенне в 1932 г. конгрессы раннехристианской археологии укоренились и после того были организованы в Риме (1938), Экс-ан-Провансе (1954), Равенне (1962), Трире (1965), Барселоне (1969), Риме (1975), Салониках (1980), Лионе, Гренобле, Женеве и Аосте (1986) и в Бонне (1991) [30]. Предложение о проведении XIII конгресса в Сплите прозвучало на XI конгрессе в Лионе в 1986 г. и было подтверждено на XII конгрессе в 1991 г. в Бонне [31, р. 33]. Организация самого Конгресса не прошла без определенных трудностей. В то время Хорватия сталкивалась с довольно сложными проблемами «транзиции» и войны за независимость от Югославии, в ходе организации Конгресса появились призывы отложить его или даже отменить [31, р. 33]. Однако все эти трудности были преодолены, и Конгресс был успешно проведен (Рис. 5). В нем участвовало более 400 человек, а если добавить местных участников, непрофессионалов и гостей, общее число участников поднимается до 500 [31, р. 33]. Председателем Национального организационного комитета был проф. Ненад Камви (Философ-

ский факультет Сплитского университета), его заместителем стал проф. Марин Занинович (Философский факультет Загребского университета), а генеральным секретарем комитета – проф. Эмилио Марин (Археологический музей в Сплите). Организатором Конгресса являлся Археологический музей в Сплите, его руководитель проф. Е. Марин был председателем Исполнительного организационного комитета. В конгрессе приняли участие исследователи из 29 стран – не только Европы, но и всего мира, включая Индию, Тунис, Россию, США, Канаду, Израиль, Ливан и др.

Мы уже отмечали, что первая часть Конгресса, проводившаяся в Сплите, была посвящена столетию Первого конгресса и вообще развитию раннехристианской археологии как научной дисциплины (Рис. 6). Первая пленарная сессия была посвящена столетию смерти Дж. Б. Де Росси, вторая – различным темам из области позднеантичной археологии, истории и истории искусств. Первая секция сплитской части Конгресса была посвящена той же самой историографической тематике: о вкладе, который внес в область раннехристианской археологии Де Росси, о его связях с Буличем и остальными великими европейскими археологами; особо следует выделить доклад Л. Г. Хрушковой, которая проанализировала связи между Де Росси как основателя раннехристианской археологии и Н. П. Кондаковым как основателя византистики в России [26]. Вторая секция была посвящена результатам археологических исследований в юго-восточной Европе: Й. Беламарич зачитал доклад о трансформациях Дворца Диоклетиана в VI и VII вв., Й. Йеличич-Радонич – о сакральной архитектуре эпохи Юстиниана в городах Далмации, Т. Марасович – о епископальном комплексе в Салоне в юстиниановый период. В контексте ранневизантийских исследований также интересными являются доклады И. Марияновича о христианстве VI в. в окрестностях Далмации и Г. Караиска о военной архитектуре VI и VII вв. в Албании. Третья пленарная сессия проводилась в Порече по тематике эпохи Юстиниана и проблемам VI и VII вв. Из множества интересных докладов трудно выделить те, которые можно считать оказавшими самое значительное влияние на развитие византийских (точнее ранневизантийских) исследований в Хорватии и шире. К. Манго говорил о сакрализации города Константинополя в тот пе-

риод, Ф. Гуидобалди, Л. Ермини Пано и Ф. Пергола – о процессе урбанизации и еkkлезиастической организации западного Средиземноморья, Г. Кох, Й. Дрескен-Веиланд, С. Касартелли Новелли, Й.-П. Содини, Ц. Барсанти и А. Гуиглиа Гуидобалди говорили о пластике периода V–VI вв. на территории и Западной, и Восточной Римской Империи. Особенно интересным представляется доклад Содини, Барсанти и Гуиглиа Гуидобалди, посвященный мраморной архитектурной скульптуре VI в. в Константинополе и сфере ее влияния [38]. Ф. Бисконти и И. Андрееску-Тредголд сделали доклады о мозаиках на Западе и Востоке Римской Империи. Н. Камби – в общих чертах об эпохе Юстиниана на территории нынешней Хорватии, И. Петричиоли – об исследованиях в Задаре. Логично, что достаточно много докладов было посвящено Базилике Евфразия. М. Балдини докладывал о позиции епископального комплекса внутри плана античного Пореча, А. Терри – о реставрации мозаики базилики, И. Матейчич – о епископии Пореча. Первая секция была посвящена урбанизму, фортификациям и литургическим инсталляциям: достаточно много участников говорили о проблемах урбанизации пространства в городах Истрии и Далмации, среди которых следует выделить доклад З. Карача, представившего проблему исследования урбанизма VI–VII вв. в Хорватии в контексте общей византийской урбанистики [22]. Темой нескольких докладов: М. Домияна, З. Брусича, А. Дунн, Д. Митовой-Джоновой – стал морской путь, который во время Юстиниана связывал Константинополь и Равенну, и сеть крепостей, расположенных по островам восточной Адриатики, для обеспечения безопасности судоходства по этому маршруту; Ж. Томчич осветил тему Юстиниановой войны с остготами на восточно-адриатическом побережье. Вторая секция была посвящена сакральной архитектуре и епископальным комплексам в городах. Доклад Г. Кавалло был о ранневизантийской архитектуре в Сардинии, Н. Чанева-Дечевской – в Болгарии, Л. Г. Хрушковой – в Абхазии, Е. Маневой – в Македонии, П. Вежич – в Задаре и т. д. Третья секция была посвящена истории рассматриваемой эпохи, большинство докладов освещали ситуацию на восточно-адриатическом побережье. Следующая секция была посвящена монастырям, некрополям и сакральной архитектуре в окрестностях городов, здесь также боль-

шинство докладов было посвящено анализу данной проблематики применительно к территории Хорватии, например, в Придраге и Галоваце близ Задара, на островах Бриюни, и в Паннонии, но были затронуты также темы о ситуации в Трансильвании, Словении, Португалии, Македонии и т. д. Особенно интересной, на наш взгляд, стала секция, посвященная искусству: скульптуре, живописи и мозаикам. А.-Б. Эрланд-Бранденбург читал доклад о скульптуре VI–VII вв. в Септимании, М. Вицеля и М. Юркович говорили о скульптуре юстиниановской и постюстиниановской эпох в Истрии. П. Шевалер говорила о литургической мебели в церквах Далмации и Истрии в VI–VII вв., Д. Й. Стенли – о мозаиках в Риме, М. Бузов – на адриатическом побережье. Последние две секции были посвящены декоративно-прикладному искусству, нумизматике, эпиграфике и ономастике. Доклады охватывали разные темы: иконографию Христа в VI и VII вв. (Дино Милинович), предметы из металлов, стекла, разные виды украшений, монеты, керамику, надписи в Салоне (Феиссел), Аосте (Кавалларо) и др. По поводу XIII Международного конгресса по христианской археологии опубликовано достаточно много материалов и организовано несколько выставок. Кроме публикации «Актов Первого международного конгресса» и «Программы» Тринадцатого конгресса, также был опубликован целый ряд книг о раннехристианском наследии Салоны и Далмации в целом [31, р. 90–91]. В Археологическом музее проводилась выставка *Salona Christiana* с изданием сопутствующего каталога. «Акты XIII международного конгресса по христианской археологии» были опубликованы в трех томах в 1998 г.

VII. Было бы лишним подчеркивать, что Конгресс в Сплите оказался очень удачным, и что конгрессы раннехристианской археологии с большим успехом проводятся до сих пор – последний был организован в Утрехте с 1 по 7 июля 2018 года. В представленном обзоре видно, что XIII конгресс со своей главной темой – Юстиниановской эпохой – положительно повлиял на развитие не только археологической дисциплины, но и ранневизантийских исследований в целом: он внес чрезвычайный вклад в расширение знаний по данной теме, а также заложил основу для дальнейших исследований. Это, в первую очередь, относится к исследованиям архитектуры и

искусства VI–VII вв. в Истрии и Далмации. Культурным наследием Евфразияны занималась в новейшее время А. Терри, сделавшая исключительно ценный анализ скульптуры этой базилики; а культурным наследием Юстиниановской эпохи в Истрии – Э. Руссо, М. Вицеля и И. Матейчич. В изучение Далмации большой вклад внесли работы Й. Йеличич-Радонич, особенно ее исследование церкви VI в. в Гата близ Омиша, которая является образцом уникальной типологии на восточной Адриатике, с центральным фасадом с системой «двойной оболочки» [17]. Заметные результаты в исследовании раннехристианской Салоны, а также Далмации в целом, дали работы П. Шевалер, Б. Миготти и Е. Марина.

Мы уже упомянули о тяжелой политической ситуации 1990-х гг., которая затрудняла организацию XIII конгресса. Эти обстоятельства особенно сказались в данный период на попытках систематизировать византийские исследования в Хорватии. К сожалению, первой попыткой оформить систематическую платформу византистики в Хорватии был первый и последний Конгресс византистов в Югославии, в Задаре, в октябре 1990 года, который не осуществился из-за напряженности в отношениях между странами-организаторами [41, р. 96]. Понятие «византийский» часто носило и негативный оттенок,

что обуславливалось политическими коннотациями даже в научных кругах [41, р. 96]. Но важно подчеркнуть, что интерес к византийским темам в Хорватии всегда существовал, в том числе и в девяностых, как справедливо замечает Вицеля, когда было опубликовано достаточно много византиноведческих научных работ [41, р. 96]. Так, даже тема XIII международного конгресса по христианской археологии в 1994 г. была посвящена эпохе императора Юстиниана, относящейся к ранневизантийскому периоду.

Таким образом, интерес к византийским темам в хорватской научной среде никогда не ослабевал, напротив, растет потребность в более организованном и более систематическом подходе к проблематике византистики в Хорватии. Не случайно, сравнительно недавно, в 2017 г., было основано Хорватское общество византийских исследований, организован уже упомянутый Конгресс под названием «Византийские исследования в Хорватии – ретроспектива и перспективы», и в 2018 г. запланирована выставка в Музее хорватских археологических памятников, посвященная Византии на восточной Адриатике. Все это вселяет надежду, что византийским исследованиям в Хорватии, наконец-то, стало уделяться должное внимание.

REFERENCES

1. Abramić M. Quelques reliefs d'origine ou d'influence. Byzantine en Dalmatie. *L'art byzantin chez les Slaves: Recueil Uspensky*. Paris, 1932, vol. 2, pp. 317–331.
2. Ančić M. Imperij na zalasku. Nestanak bizantske vlasti na istočnoj obali Jadrana u 9. Stoljeću. *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru*, 1999, vol. 41, pp. 1–20.
3. Basić I., Gračanin H. Osnovano Hrvatsko društvo za bizantske studije. Sažeti prikaz razvoja bizantologije u Hrvatskoj. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*, 2017, 1 (48), pp. 461–468.
4. Bilogrivić G. Hrvatska nacionalna srednjovjekovna arheologija do sredine 20. stoljeća: ideje budućnosti sputane vremenom. *Jovanović K., Miljan S. (Eds.). Zbornik radova s prve medievističke znanstvene radionice u Rijeci*. Rijeka, Filozofski fakultet Sveučilišta u Rijeci, 2014, pp. 207–215.
5. Bulić F. *Izabrani spisi*. Split, Književni krug, 1984, 649 p.
6. Cambi N. Don Frane Bulić i kongresi za starokršćansku arheologiju (1894–1994). *Kulturna baština*, 1994, vol. 18 (24–25), pp. 1–6.
7. Cambi N. Pogovor. *Cambi N., Marasović T. (Eds.). Povijest salonitanskog kršćanstva*. Split, Književni krug, 1996, pp. 135–156.
8. Dyggve E. Eigentümlichkeiten und Ursprung der frühmittelalterlichen Architektur in Dalmatien. *Actes du XIII. Congr. Intern. d'histoire de l'art*. Stockholm, 1933.
9. Dyggve E. *History of Salonitan Christianity*. Oslo, Aschehoug, 1951, 163 p.
10. Dyggve E. Povijest salonitanskog kršćanstva. *Cambi N., Marasović T. (Eds.). Izabrani spisi*. Split, Književni krug, 1989, pp. 7–140.
11. Dyggve E. *Povijest salonitanskog kršćanstva*. Split, Književni krug, 1996, 267 p.

12. Fisković I. Apport des reconstructions d'églises de l'Antiquité tardive dans la formation du premier art roman sur le littoral croate. *Hortus Artium Medievalium*, 1995, vol. 1, pp. 14–27.
13. Fisković I. O freskama 11. i 12. stoljeća u Dubrovniku i okolici. *Radovi Instituta za povijest umjetnosti*, 2009, vol. 33, pp. 17–36
14. Flego V. Karaman Lj. Hrvatski biografski leksikon, Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 2009. URL: <http://hbl.lzmk.hr/clanak.aspx?id=181> (accessed: 20.07.2018).
15. Gabričević B. Kršćanstvo u Iliriku do dolaska Slavena. *Gabričević B. (Ed.). Studije i članci o religijama i kultovima antičkog svijeta*. Split, 1987, pp. 278–314.
16. Goldstein I. Što je to Bizant na hrvatskom prostoru? Reminiscencije na temu (1986–2012). *Jurković M., Milošević A. (Eds.). Munuscula in honorem Željko Rapanić*. (Dissertationes et Monographiae 5). Zagreb, University of Zagreb, Motovun, International Research Centre for Late Antiquity and the Middle Ages, 2012, pp. 223–236.
17. Jeličić-Radonić J. Pluteji ranokršćanske crkve u Gatima kod Omiša. *Prilozi povijesti umjetnosti u Dalmaciji*, 1991, vol. 29, pp. 5–20.
18. Jurković M. Problem kontinuiteta između antike i romanike u umjetnosti istočnog Jadrana. *Radovi Instituta za povijest umjetnosti*, 1988–1989, vol. 12–13, pp. 41–48.
19. Jurković M. “Spomenici nepotpune biografije”. Skice za teorijska promišljanja ranosrednjovjekovne umjetnosti. *Jurković M., Milošević A. (Eds.). Munuscula in honorem Željko Rapanić* (Dissertationes et Monographiae 5). Zagreb, University of Zagreb, Motovun, International Research Centre for Late Antiquity and the Middle Ages, 2012, pp. 259–271.
20. Jurković M. Između antike i romanike – 50 godina poslije. *Horvat-Levaj K. (Ed.). Zbornik znanstvenog skupa Prelogova baština danas – u povodu devedesete obljetnice rođenja Milana Preloga*. Zagreb, Institut za povijest umjetnosti, 2013, pp. 207–222.
21. Jurković M., Krleža P. “Adrio-Byzantinism” and/or Byzantine Influence on Croatian Cultural Heritage – a reconsideration. *Voprosy vseobščej istorii arhitektury / The Questions of the History of World Architecture*. Moscow, Nestor-Istorija Publ., 2018, 10/1 (in the process of publication).
22. Karač Z. The problem of the exploration of 6th and 7th century urban planning on Croatian soil within the context of general Byzantine Studies. *Cambi N., Marin E. (Eds.). Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Radovi XIII. Međunarodnog kongresa za starokršćansku arheologiju. Pars II. Dio II* (Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, Supl. vol. 87–89), 1998, pp. 959–974.
23. Karaman Lj. *Iz kolijevke hrvatske prošlosti*. Zagreb, Matica hrvatska, 1930, 229 p.
24. Karaman Lj. Notes sur l'art byzantin et les Slaves catholiques de Dalmatie. *L'art byzantin chez les Slaves: Recueil Uspensky*. Paris, 1932, vol. 2, pp. 332–380.
25. Karaman Lj. O putovima bizantskih crta u umjetnosti istočnog Jadrana. *Starohrvatska prosvjeta*, 1958, vol. 3, pp. 61–76.
26. Khroushkova Lj. G. G. B. de Rossi, fondateur de l'Archéologie chrétienne et N. P. Kondakov, fondateur des études d'art byzantin en Russie: deux traditions culturelles. *Cambi N., Marin E. (Eds.). Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Radovi XIII. Međunarodnog kongresa za starokršćansku arheologiju, Pars I. Dio I* (Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, Supl. vol. 87–89), 1998, pp. 373–379.
27. Maraković N., Turković T. Liturgical Vestments in the Eleventh and Twelfth Century Mural Paintings of Dubrovnik and Elaphiti Islands – a Contribution to the Study of “Adrio-Byzantinism” on the Eastern Adriatic. *Radovi Instituta za povijest umjetnosti*, 2016, vol. 40, pp. 7–20.
28. Marin E. Doprinos don Frane Bulića starokršćanskoj arheologiji. *Crkva u svijetu*, 1985, vol. 2, pp. 134–142.
29. Marin E. Bilješka urednika. *Marin E. (Ed.). Acta primi congressus internationalis archaeologiae christianae* (Radovi prvog međunarodnog kongresa za starokršćansku arheologiju). Città del Vaticano; Split, 1993.
30. Marin E. Za XIII. Međunarodni kongres starokršćanske arheologije. *Kulturna baština*, 1994, vol. 18 (24–25), pp. 21–28.
31. Marin E. Chronique du XIII CIAC. Kronika XIII CIAC. *Cambi N., Marin E. (Eds.). Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Radovi XIII. Međunarodnog kongresa za starokršćansku arheologiju, Pars I. Dio I* (Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, Supl. vol. 87–89), 1998, pp. 31–114.

32. Pipović S. Prvi međunarodni kongres starokršćanske arheologije. *Kulturna baština*, 1994, vol. 18 (24–25), pp. 7–20.
33. Prelog M. Između antike i romanike. Prilog analizi historijskog položaja “predromaničke” arhitekture u Dalmaciji. *Peristil*, 1954, vol. 1, pp. 5–14.
34. Prelog M. “Međurazdoblje“ (305–1105 g.) i bizantski faktor u umjetnosti istočne obale Jadrana. *Ivančević R. (Ed.). Djela 2. Povijesnoumjetničke studije I. Između antike i romanike*. Zagreb, 1993, p. 93.
35. Radić F. Slavenko-bizantinski spomenici u Korčuli. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 1890, vol. 12, pp. 81–82.
36. Radić F. Ulomak nadvratnika sa natpisom i uresom hrvacko-bizantinskoga sloga u Trogiru. *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*, 1892, vol. 14, pp. 16–17.
37. Rapanić Ž. Ima li dvojbe oko termina “adriobizantizam“? *Babić I., Milošević A., Rapanić Ž. (Eds.). Zbornik Tomislava Marasovića*. Split, 2002, pp. 172–182.
38. Sondini J.-P., Barsanti C., Giuglia Guidobaldi A. La sculpture architecturale en marbre au VI siècle à Constantinople et dans les régions sous influence constantinopolitaine. *Cambi N., Marin E. (Eds.). Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae. Radovi XIII. Međunarodnog kongresa za starokršćansku arheologiju, Pars II. Dio II (Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, Supl. vol. 87-89)*, 1998, pp. 301–376.
39. Stipčević A. BANDUR, Anselm (Banduri, Bandurović, Bandurius). *Hrvatski biografski leksikon*, 1983. URL: <http://hbl.lzmk.hr/clanak.aspx?id=1225> (accessed: 19.07.2018).
40. Tomas I. *Srednjovjekovne jednobrodne crkve s kupolom južne Dalmacije i Boke Kotorske*. Doctoral diss. University of Zagreb, 2014.
41. Vicolja M. Bizantski studiji u recentnoj povijesti umjetnosti u Hrvatskoj. *Kraševac I. (Ed.). Zbornik II. kongresa hrvatskih povjesničara umjetnosti (Zagreb, 27.–29. travnja 2006.)*. Zagreb, Institut za povijest umjetnosti, 2007, pp. 95–98.

П. Крлежа

Между двумя Сплитскими конгрессами: I и XIII Международный конгресс по христианской археологии в Сплите и их влияние на развитие хорватской византистики Резюме

В настоящей статье мы попытались дать краткий обзор исследований византийского искусства в хорватской историографии конца XIX – начала XXI вв. Международные конгрессы по христианской археологии 1984 и 1994 гг. в Сплите, которые внесли большой вклад в развитие позднеантичных и ранневизантийских исследований в Хорватии, служат своеобразными рамками

для этого краткого историографического обзора генезы византийских исследований в данной стране.

Ключевые слова: византийские исследования, Хорватия, раннехристианская археология, историография, Первый международный конгресс по христианской археологии, XIII международный конгресс по христианской археологии.

Palmira Krleža

Between the Two Congresses of Split: I and XIII International Congress of Christian Archaeology and Their Impact on the Development of Byzantine Studies in Croatia Summary

In this article a short survey of the general tendencies in the research of Byzantine studies in Croatian historiography from the end of the 19th to the beginning of the 21st century is given. The International Congresses of Christian Archaeology held in Split in 1894 and 1994, which have influenced greatly the development of Late Antique and Early Byzantine studies in Croatia, serve here

as a framework for a short historiographical overview of the genesis of Byzantine studies in Croatia.

Keywords: Byzantine Studies, Croatia, Early Christian archaeology, historiography, First International Congress of Christian Archaeology, XIII International Congress of Christian Archaeology.

Рис. 2. Участники Первого международного конгресса по христианской археологии на экскурсии в Трогире 22 августа 1984 г. [29, р. 11].

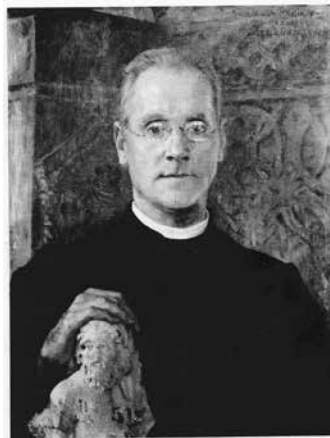

Рис. 1. Дон Фране Булич [5, р. 5].

Рис. 3. Эйнар Диггве [11, fig. VI:9].

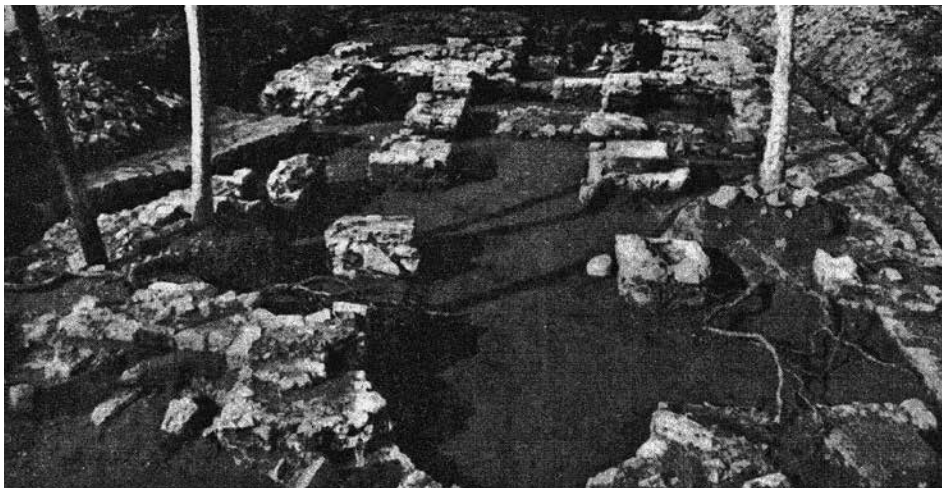

Рис. 4. Раскопки Э. Диггве на локалитете Св. Степан в Солине [10, р. 9].

Рис. 5. Открытие XIII Международного конгресса по христианской археологии в Сплите, 25 сентября 1994 года. На фотографии (слева направо): Т. Марасович, К. Приятель, Й. Энгеманн, Н. Камби, П. Сант-Рох, М. Киригин [31, р. 53].

Рис. 6. Часть участников XIII Конгресса перед базиликой в Ловречине на острове Брач, 26 сентября 1994 года [31, р. 54].

О ВРЕМЕНИ СТРОИТЕЛЬСТВА АНТИЧНОГО ТЕАТРА В ХЕРСОНЕСЕ

В литературе утвердилось мнение о том, что театр располагается в юго-восточном районе Херсонесского городища. Однако на самом деле это не вполне соответствует реальной действительности. Как вполне очевидно на последнем из опубликованных планов Херсонеса, театральное здание находилось на южной окраине города, возле самих крепостных стен [5, рис. 6; 4, рис. 11, 13]. Исходный ландшафт данной территории определяла весьма неглубокая, так называемая театральная балка, впадающая в гораздо более крупную балку, получившую впоследствии название Карантинной. Склоны театральной балки изначально представляли собой ступенепонижающиеся на восток и на юг скальные выступы. В тальвеге данной впадины сначала было два источника, причем один из них сразу иссяк после проведения масштабных вскрышных работ в ходе сооружения театра; второй же продолжал действовать на протяжении всего периода деятельности театральной постройки, создавая тем самым постоянные трудности в ее эксплуатации.

На юго-западном склоне балки над материковым грунтом был обнаружен так называемый таврский слой, общей толщиной 0,25 м. В структурном отношении он представлял из себя две прослойки сиреневой по цвету золы, толщиной по 0,06–0,07 см каждая, разделенные между собой слоем желтого суглинки, толщиной 0,12–0,13 см. Из этого слоя происходят три лощеных фрагмента кизил-кобинских сосудов, два из которых были украшены на поверхности гребенчатым орнаментом. Здесь же были обнаружены две примитивных антропоморфных фигурки, изготовленные из плохо обожженной глины; предмет, напоминающий ложку, и три керамических цилиндра [10, 1976, с. 28]. Все эти терракотовые статуэтки М. Е. Бондаренко

связывает с культом таврской богини-девушки [3, с. 21], а А. В. Шевченко рассматривает как вотивы женских земледельческих божеств [24, с. 115–116, табл. 30].

По мнению О. А. Махневой, все эти находки свидетельствуют о существовании на данном месте таврской стоянки или селища VII–VI вв. до н.э. [7, л. 7–8]. Предложенная названным выше автором хронология подтверждается радио-углеродной датировкой двух взятых из горелого слоя проб, относящихся к 520±25 г. до н.э. и 590±35 г. до н.э. Зольный слой образовался тут, как полагают Л. В. Фирсов, в результате пожара, уничтожившего на рубеже VII–VI вв. до н.э. древесно-кустарниковую растительность [23, с. 74, 80–81].

Весь участок, занятый позднее театром, до начала последней четверти IV в. до н.э. располагался за пределами городской территории Херсонеса конца V – первой половины IV в. до н.э. Ранняя крепостная стена конца V в. до н.э. проходила по северной кромке театрального оврага. Раскопками были открыты семь массивных известняковых глыб, впущенных в материковый грунт основания внешнего южного панциря оборонительной кладки, которые являлись фундаментом. Причем они были обнажены только с внутренней тычковой стороны. Пространство между огромными блоками было заполнено мелким бутом на глине. После того как крепостная куртина оказалась в последней четверти IV в. до н.э. внутри городской черты, она была почти полностью разобрана. Небольшой отрезок ее фундамента во II в. н.э. был использован в качестве основания северной стены террасы, примыкающей с северо-запада к амфилеме. Между обеими кладками нет никакого соприкосновения, поскольку они разделены двумя слоями грунта. Нижний из них, непосредственно перекрывающий фундамент и

заполняющий пустоты в местах выборки камней, содержал материал III–II вв. до н.э. (?), что и определяет время разрушения ранней стены. Сам О. И. Домбровский, тем не менее, не связывал остатки такого массивного фундамента с крепостной стеной – с чем, однако, не согласилась И. А. Антонова [2, с. 105], к мнению которой мы присоединяемся.

На противоположном северо-западном краю театральной балки, за пределами оборонительной линии города, сформировался некрополь позднеклассического времени. В ходе раскопок 1970 г. были раскрыты семь захоронений, одно из них почти полностью оказалось разрушено. Два погребения – юношеские, остальные – детские. Могильные ямы были впущены с поверхности слоя суглинка до материковой скалы, прорезав так называемый таврский слой. Три захоронения были ориентированы головой на северо-восток, одно – на восток, одно – на север и еще одно – на юго-восток. Могильные ямы были обложены бутовым камнем и также перекрыты. В слое, перекрывающем погребения, были обнаружены три антропоморфных надгробия. Весь погребальный инвентарь относится к третьей четверти IV в. до н.э. [20; 10; 11, с. 247–249; 12, с. 4–5; 13, с. 193].

В трех погребениях (№№ 2, 3, 6) в качестве «оболы Харона» использовались монеты одного и того же типа: морда льва – звезда. Они датируются А. Н. Зографом и В. А. Анохиным серединой IV в. до н.э., Е. Я. Туровским – третьей четвертью IV в. до н.э., Н. Н. Грандмезоном – всей второй половиной IV в. до н.э., С. А. Коваленко – первой половиной IV в. до н.э. [1, №№ 27–32; 6, с. 34–35; 14, табл. XXXV, 12; 19, с. 117, 123; 21, №№ 27–30]. Совокупность всех данных, как археологических, так и нумизматических, не оставляет сомнения в том, что описанный выше некрополь относится ко времени третьей четверти IV в. до н.э. Сказанное также подтверждается хронологией аттической чернолаковой и краснофигурной керамики [10, прим. 3]. В литературе высказывалось мнение о принадлежности к «театральному» некрополю погребения IV в. до н.э., открытому в 1913 г. в районе бывшей монастырской оранжереи [12, с. 5, рис. 1]. Однако, это захоронение находится примерно на одинаковом расстоянии между могильниками на северном берегу и под руинами театра. Присутствие здесь упомянутой могилы вполне объяснимо, если признать тот факт, что

могильник конца V–IV вв. до н.э. располагался вдоль всего внешнего периметра ранних крепостных стен Херсонеса (?).

В то же самое время, когда совершались описанные выше погребения, в тальвеге балки был устроен нимфей, который заполнялся свежей водой из бьющих в балке двух родников. Короткое и извилистое русло ручья, по которому некогда протекала вода, удалось проследить по окатанным мелким камешкам и песку, отложившимся в колдобинах и трещинах коренной скальной породы. Контуры данного сооружения впервые обозначились в 1989 г., а заполнение его полностью разобрано в 1990–1991 гг. [9, с. 85]. Для устройства ровной площадки для данного сооружения была срезана часть склона правого края балки. Образовавшийся от этой нивелировки грунт, насыщенный бытовой и тарной керамикой, кусками печины и шлака, остатками криц, осколками импортной чернолаковой посуды, выбрасываемый сюда с рядом расположенного борта, перемешанный с верхним рыхлым слоем материковой скалы, был спущен вниз по склону и, таким образом, расширил искусственную террасу.

Бассейн имел в плане овальную форму с максимальным диаметром 5,80 м, минимальным – 4,10 м. Его юго-восточная часть была частично разрушена более поздним фундаментом просцениума. Котлован водоема был частично врезан в материковую скальную террасу, а в основном же – в засыпь балки. Борта нимфея были обложены плоскими камнями и оштукатурены цемячковым раствором. Таким же по своей структуре составом покрыто и дно бассейна. К моменту раскопок водоем сохранился на глубину около 0,9 м, поскольку его верхняя часть была срезана при нивелировке площадки оркестры. По мнению О. И. Домбровского, от водоема осталось только лишь 1/3 глубины, а следовательно, его изначальная глубина достигала 2,7 м [9, с. 85], с чем, однако, трудно согласиться. В таком случае следует допустить, что при строительстве театра уровень балки был понижен почти на два метра. Предполагать сказанное у нас нет ровным счетом никаких оснований. Кроме того, уровень дневной поверхности нимфея четко определяется примыкающим к нему с юго-востока водосток. У юго-восточного края бассейна находился сложенный из камня выступ на 0,5 м внутрь, значение которого осталось неясным. Аморфное

заполнение нимфея указывает на то, что он был засыпан одновременно при строительстве театра, а значит, его археологическое содержимое позволяет определить время сооружения зрелищной постройки.

Водоем наполнялся чистой и проточной родниковой водой из источников, пробивающихся наружу из-под тогда еще естественных скал. Излишек воды с помощью примыкающего с юго-востока водостока с уклоном примерно 3° отводился в ручей, видимо, протекавший в то время по тальвегу балки. Желоб последнего, его дно, перекрытие и боковые стенки были выложены из известняковых плит. Заполнение бассейна состояло из плотного рыхлого суглинка. На дне оказался тонкий (7–8 см) слой плотных илистых отложений. Из него были извлечены мелкие черепки преимущественно амфор различных центров и небольших тонкостенных кувшинов. Склеить из этих фрагментов что-нибудь целое не удалось. Неясной осталась причина попадания керамических осколков на дно водоема. Однако у нас нет никаких оснований предполагать попадание сюда разбитой посуды в результате выполнения каких-то ритуальных целей. Засыпь бассейна и территория вокруг него оказались перекрыты 20-ти сантиметровым слоем цемянкового крошева от разрушенного первоначального покрытия нимфея, смешанного с суглинистым натеком и мелким, хорошо просеянным песком. Последний уже связан с ремонтом театра в I в. н.э.

На правом склоне театральной балки в самом нижнем слое, непосредственно лежащем на материковой скале, где и следов погребенной почвы не было выявлено, были найдены куски печины, шлак, обломки кричного железа, много угля, перекаленной керамики. Местами на скале – следы горения, а весь слой, толщиной в среднем до 0,20 м, имел рыжеватый оттенок. Все это, безусловно, свидетельствует о какой-то производственной деятельности (скорее всего, металлургической) на данном участке в тот период, когда он еще не был включен в черту города [8, л. 22–23].

Во время следующего, самого грандиозного пространственного расширения территории Херсонеса низовье театральной балки было перекрыто новой линией оборонительных сооружений, а следовательно, весь этот южный участок включен в городскую черту. Здесь была возведена башня XIII и куртина 15 по обще-

принятой нумерации. Время столь крупномасштабного фортификационного строительства в настоящее время на основании разнообразных фактов определяется достаточно точно: И. А. Антонова датирует это событие рубежом 3-ей и 4-ой четвертей IV в. до н.э. [2, с. 108], М. И. Золотарев сначала относил данное событие к последней четверти IV в. до н.э. [15, с. 33], а затем в совместной статье с А. В. Буйских – к началу последней трети IV в. до н.э. [5, с. 114], то есть к тому же времени, что и И. А. Антонова. Несколькими анахронизмом выглядит датировка второго этапа фортификационного строительства Херсонеса IV – первой половиной III в. до н.э. [18, с. 22]. В последней монографии, посвященной Херсонесу, А. В. Буйских относит масштабное расширение территории города в западном направлении к концу второй четверти – не позднее середины IV в. до н.э. [4, с. 66–67].

Выравнивание строительной площадки под театральное здание потребовало засыпки низовьев балки. Непосредственно скала была перекрыта рыжим и желто-бурым грунтом с большим содержанием бутового камня, общей толщиной до 0,58 м (слои 8–12). Он был насыщен огромным количеством керамического материала. Именно в него была заглублена нижняя часть фундамента проскениума, сложенного из необработанного и разномерного бута. Следовательно, слой этот непосредственно предшествует строительству постройки, а его содержимое может служить надежной основой для определения времени строительства на данном участке. Еще выше залегал желтоватый по цвету, однородный по структуре суглинок, толщиной до 0,90 м. Он также примыкал к верхней части того же фундамента. Однако, в данном случае, последний не забутован в нижележащий пласт земли, хотя и сложен грубо из такого же, как и нижние ряды кладки, бута. По мере возведения верхней части данной кладки проскениума одновременно производилась подсыпка рыхлого грунта до самого верхнего ряда камней. Значит, археологическое содержимое из этого слоя также является индикатором датировки театра.

Поверхность подсыпки была уплотнена и перекрыта втоптаным в нее мелким каменным крошечком, видимо, строительным отесом. Очевидно, это и есть «дневная поверхность» времени строительства правого парода театра.

Наиболее существенным, с нашей точки зрения, является тот факт, что в нивелировочной насыпи под театральное сооружение не было найдено ни одного херсонесского штампа. Начало же клеймения керамической тары в Херсонесе, как известно, относится ко времени около 325 г. до н.э. [16, с. 70–71; 17, с. 313, 442]. Следовательно, строительство самого театра необходимо относить ко времени до начала клеймения в дорийском полисе, то есть до рубежа третьей

и последней четвертей IV в. до н.э. Сам же участок был изначально выделен под зрелищную постройку на генеральном плане города периода максимального расширения его территории в эпоху эллинизма. Ко времени не позднее последней четверти IV в. до н.э. относил сооружение театрального здания Е. Я. Туровский, о чем свидетельствует большое количество керамических клейм разных центров из засыпи под оркестру [22, с. 114].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев: Наукова думка, 1977. 176 с.
2. Антонова И. А. Юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 101–132.
3. Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М.: Спутник, 2003. 170 с.
4. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Supplementum. Вып. 5. 424 с.
5. Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111–132.
6. Грандмезон Н. Н. Заметки о монетах Херсонеса Таврического // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1982. С. 14–42.
7. [Домбровский О. И.] Отчет о раскопках античного театра и «Храма с ковчегом» в Херсонесе. 1970 г. // НА ГМЗХТ. Д. 1411/1. 175 л.
8. Домбровский О. И. Отчет о раскопках на участке Херсонесского античного театра в 1989 г. // НА ГМЗХТ. Д. 2930. 52 л.
9. Домбровский О. И. Работы на участке Херсонесского театра в 1991–1994 гг. // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 1997. С. 85–88.
10. Зедгенидзе А. А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 28–34.
11. Зедгенидзе А. А., Махнева О. А. Раскопки у античного театра в Херсонесе // АО 1970. М., 1971. С. 247–251.
12. Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 3–9.
13. Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н.э. как источник изучения этнического и социального состава населения города // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси: Мецниереба, 1981. С. 191–204.
14. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. 264 с.
15. Золотарев М. И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 26–35.
16. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. 170 с.
17. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.
18. Кленина Е. Ю., Рыжов С. Г. Топография Херсонеса Таврического // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического / под ред. А. Б. Бернацки, Е. Ю. Клениной, С. Г. Рыжова. Poznań, 2004. С. 21–29.
19. Коваленко С. А. О монетном деле Херсонеса Таврического в позднеклассическую эпоху // Нумизматика и эпиграфика. 1999. Том XVI. С. 108–131.
20. Махнева О. А., Пуздровский А. Е. Погребения IV в. до н.э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 74–79.
21. Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса. IV–II вв. до н.э. Севастополь, 1997. 88 с.
22. Туровский Е. Я. О датировке херсонесского декрета в честь Сирикса, сына Гераклида // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Том 2 (68). № 2. С. 110–115.

23. Фирсов Л. В. Этюды радиоуглеродной хронологии Херсонеса Таврического. Новосибирск: Наука, 1976. 224 с.
24. Шевченко А. В. Культурная символика в античном Херсонесе // Символ в религии и философии. Сборник научных трудов / под ред. Ю. А. Бабинова. Севастополь, 2005. С. 114–120.

REFERENCES

- Anokhin V. A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – VII v. n.e.)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 176 p.
- Antonova I. A. Iugo-vostochnyi uchastok oboronitel'nykh sten Khersonesa. Problemy datirovki. *Khersonesskii sbornik*, 1996, vol. VII, pp. 101–132.
- Bondarenko M. E. *Panteon Khersonesa Tavricheskogo*. Moscow, Sputnik Publ., 2003, 170 p.
- Buiskikh A. V. Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuiu epokhu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, Supplementum, vol. 5, 424 p.
- Buiskikh A. V., Zolotarev M. I. Gradostroitel'nyi plan Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 2001, No. 1, pp. 111–132.
- Grandmezon N. N. Zametki o monetakh Khersonesa Tavricheskogo. *Numizmatika antichnogo Prichernomor'ia*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, pp. 14–42.
- [Dombrovskii O. I.] Otchet o raskopkakh antichnogo teatra i "Khrama s kovchegom" v Khersonese. 1970 g. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*, D. 1411/1, 175 l.
- Dombrovskii O. I. Otchet o raskopkakh na uchastke Khersonesskogo antichnogo teatra v 1989 g. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*, D. 2930, 52 l.
- Dombrovskii O. I. Raboty na uchastke Khersonesskogo teatra v 1991–1994 gg. *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 g.* Simferopol', 1997, pp. 85–88.
- Zedgenidze A. A. Issledovanie severo-zapadnogo uchastka antichnogo teatra v Khersonese. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1976, vol. 145, pp. 28–34.
- Zedgenidze A. A., Makhneva O. A. Raskopki u antichnogo teatra v Khersonese. *Arkheologicheskie otkrytiia 1970*. Moscow, 1971, pp. 247–251.
- Zedgenidze A. A., Savelia O. Ia. Nekropol' Khersonesa V–IV vv. do n.e. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1981, vol. 168, pp. 3–9.
- Zedgenidze A. A., Savelia O. Ia. Nekropol' Khersonesa V–IV vv. do n.e. kak istochnik izucheniia etnicheskogo i sotsial'nogo sostava naseleniia goroda. *Demograficheskaia situatsiia v Prichernomor'e v period Velikoi grecheskoi kolonizatsii*. Tbilisi, Metsniera Publ., 1981, pp. 191–204.
- Zograf A. N. Antichnye monety. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1951, No. 16, 264 p.
- Zolotarev M. I. Rannie etapy gradostroitel'stva v Khersonese Tavricheskom. *Khersonesskii sbornik*, 1998, vol. IX, pp. 26–35.
- Kats V. I. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo*. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1994, 170 p.
- Kats V. I. Grecheskie keramicheskie kleima epokhi klassiki i ellinizma (opyt kompleksnogo izucheniia). *Bosporskie issledovaniia*, 2007, vol. XVIII. 480 p.
- Klenina E. Iu., Ryzhov S. G. Topografiia Khersonesa Tavricheskogo. *Biernacki A. B., Klenina E. J., Ryzhov S. G. (Eds.). The Early-Byzantine architectural elements and details of Chersonesus Taurica*. Poznań, 2004, pp. 21–29.
- Kovalenko S. A. O monetnom dele Khersonesa Tavricheskogo v pozdneklassicheskuu epokhu. *Numizmatika i epigrafika*, 1999, vol. XVI, pp. 108–131.
- Makhneva O. A., Puzdrovskii A. E. Pogrebeniia IV v. do n.e. na uchastke raskopok antichnogo teatra v Khersonese. *Khersonesskii sbornik*, 1998, vol. IX, pp. 74–79.
- Turovskii E. Ia. *Monety nezavisimogo Khersonesa. IV–II vv. do n.e.* Sevastopol', 1997, 88 p.
- Turovskii E. Ia. O datirovke khersonesskogo dekreta v chest' Siriska, syna Geraklida. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriia "Istoricheskie nauki"*. 2016, vol. 2 (68), No. 2, pp. 110–115.
- Firsov L. V. *Etiudy radiouglernoi khronologii Khersonesa Tavricheskogo*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1976, 224 p.

24. Shevchenko A. V. Kul'tovaia simbolika v antichnom Kheresonese. *Babinov Iu. A. (Ed.). Simvol v religii i filosofii. Sbornik nauchnykh trudov. Sevastopol'*, 2005, pp. 114–120.

В. А. Кутайсов

О времени строительства античного театра в Херсонесе

Резюме

Античный театр является одним из ключевых элементов градостроительства эллинистического Херсонеса. Его местоположение в южной части города, у самых крепостных стен, было изначально определено на генеральном плане полиса. Микрорельеф данной местности определяла неглубокая балка, в верховьях которой пробивался на поверхность источник. По тальвегу протекал небольшой ручей. С правой западной стороны балки в третьей четверти IV в. до н.э. располагался участок городского некрополя. В низовьях балки устроен нимфей (бассейн) для сбора родниковой проточной воды. После расширения городской территории Херсонеса в соответствии с генеральным планом, составленным по гипподамовой системе, балка была полностью засыпана. Затем

здесь, непосредственно у башни XIII и куртины 15, был сооружен театр. Из нивелировочной насыпи под оркестру происходит разнообразный керамический материал, относящийся ко времени не позднее рубежа третьей и последней четвертей IV в. до н.э. Наиболее существенным является тот факт, что в насыпи под театральное сооружение не было найдено ни одного херсонесского штампа. Начало же клеймения керамической тары в Херсонесе, как известно, относится ко времени около 325 г. до н.э. Следовательно, театр в Херсонесе был построен не позднее начала последней четверти IV в. до н.э.

Ключевые слова: Херсонес, театр, просцениум, крепостные сооружения, некрополь, нимфей, тавры.

Vadim Kutaisov

About the Time of the Construction of the Ancient Theatre in Chersonesos

Summary

The ancient theatre is one of the key elements of urban planning of Hellenistic Chersonesos. Its location in the southern part of the city, at the most fortified walls, was originally definitely on the General plan of the policy. The microrelief of this area was determined by a shallow beam, in the upper reaches of which the source was made its way to the surface. From riverbed was flowing a small stream. On the right West side of the beam in the third quarter of the 4th century BC was located the site of the city necropolis. In the lower reaches of the beam is arranged nymph (pool) to collect spring running water. After the expansion of the urban area of Chersonesos in accordance with the master plan, drawn up by the hippodamus system,

the beam was completely covered. Then here, directly at the tower XIII and Kurtin 15, was built theater. From the leveling mound under the Orchester occurs a variety of ceramic material, relating to the time no later than the turn of the third and last quarters of the 4th century BC. The most significant is the fact, that grain bill under theater facility not found any Chersonesos stamp. The beginning of the branding of ceramic containers in Chersonesos, as we know, refers to the time about 325 BC. Therefore, the theater in Chersonesos was built no later than the beginning of the last quarter of the 4th century BC.

Keywords: Chersonesos, theatre, proscenium, fortification, necropolis, nymphy, taurians.

А. М. ЛИДОВ

АРХЕОЛОГИЯ И ИЕРОТОПИЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ХРАМА: «РАЙСКИЕ РЕКИ» СОФИИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ

Важным новым направлением в исследовании археологии византийского храма и его артефактов может быть иеротопический подход, предполагающий реконструкцию первоначального замысла сакрального пространства в тех случаях, когда источники это позволяют [3]¹. Традиционная археология обычно сводится к выявлению и последующему описанию руин. Изредка ставится вопрос о литургическом предназначении отдельных частей храма. За этим часто забывается, что архитектурное тело было лишь одной из составляющих организма храма, смысл которого состоял в создании сакрального пространства, выступавшего посредником в общении человека с Богом.

Здесь рубежной была появившаяся более сорока лет назад тогда новаторская работа – диссертация Томаса Мэтьюза о литургическом планировании ранних церквей Константинополя [25], в которой было убедительно показано, что архитектура храмов вообще не может понята вне контекста и особенностей ранневизантийской ритуальной практики, существенно отличающейся от более поздней. Важным был вывод, что не обряд был вписан в некую материальную оболочку, но сама архитектура явилась прямым следствием особого понимания литургического пространства. Этот подход получил развитие в наши дни. В этом смысле показательной является археологическое исследование Чатфорда Кларка, посвященное изучению восприятия литургического пространства ранневизантийских церквей Иордании [12]. Обобщив результаты изучения 150 храмов (большой частью в руинах) и выявив шесть основных типов церковных построек, автор сфокусировал внимание на размещении

«литургических инсталляций» – расположении алтаря, амвона и епископского трона. Используя новейшие методы («visibility graph analysis» и «point isovist studies») Чатфорд Кларк выявляет устойчивые зримые образцы, возникавшие в сознании верующих в по-разному устроенных литургических пространствах.

В последние годы появились интересные исследования, посвященные организации световой среды в пространстве ранневизантийских храмов². Сочетанию оптических (световых) эффектов от мраморной облицовки и золотых мозаик со звуковыми волнами в пространстве Софии Константинопольской посвящена работа американского исследователя Биссеры Пенчевой [27]. Она анализирует особое греческое понятие *marmagyrma*, связанное со способностью мрамора отражать звуковые волны, которые в сочетании со скользящим и мерцающим светом делают сакральное пространство одушевленным в соответствии с фундаментальным греческим понятием *empsychosis*. Звуковой среде ранневизантийских храмов посвящено новейшее исследование Шарон Герстель [18]. В 2014 г. Международная команда из археологов, искусствоведов и инженеров акустиков исследовала звуковые эффекты в восьми византийских церквях Фессалоник. Используя естественнонаучные методы, они реконструировали первоначальную звуковую среду в разных храмах в связи с их архитектурой и литургическим устройством, а также особенности восприятия пространства, внося существенный вклад в новую область знаний – «археологическую акустику» (archaeoacoustics).

¹ См. также на сайте: www.hierotopy.ru.

² См. наши сборники [7; 1] на сайте www.hierotopy.ru. Для исследования световой среды ранневизантийского храма особо важны работы Николеты Исар.

Я привел только несколько современных археологических исследований в связи с реконструкциями сакральных пространств ранневизантийских храмов. Должен признать, что на этом фоне иеротопический подход уже выглядит почти традиционно. Однако единственный известный мне пример применения иеротопического подхода к исследованию херсонесских памятников – это доклад Анны Литовченко на Византийском конгрессе в Белграде в 2016 году [22]. В контексте иеротопии были разработаны два новых понятия: «пространственная икона» и «образ-парадигма». Был сформулирован тезис, что восприятие византийского храма определялось образами-парадигмами, которые существовали помимо фигуративных изображений на стенах, сводах и полах храмов³.

Доминирующим был образ-парадигма Небесного Иерусалима, который создавался при помощи самых разных медиа, включая архитектуру, изображения, систему обрядов, драматургию света, организацию запахов и звуковую среду – все они должны были создать ощущение пребывания внутри пространственной иконы «Царства Небесного на Земле», которое сознательно не было представлено в виде плоской фигуративной картины⁴.

«Великая Церковь» Святой Софии в Константинополе воплотила один из самых значительных пространственных замыслов в истории мировой культуры (Рис. 1). Существенной составляющей этого проекта, инициированного императором Юстинианом, была тема «Святой воды» и «Райских рек», до сих пор не получившая должного осмысления [10]⁵. Важнейшее свидетельство дошло до нас в тексте византийского «Сказания о строительстве Софии Константинопольской» IX–X вв. (Deegetis, 26) [13, p. 207, 254], где говорится о редкой особенности замысла императора Юстиниана, имевшего принципиальное значение для понимания темы Воды в сакральном пространстве «Великой Церкви» и, в целом, в иеротопии византийского храма:

«И в красоте и разнообразии храма виделось чудо, ибо отовсюду он сиял золотом и серебром.

А на полу входящие словно чудо могли видеть в многоцветии мраморов настоящее море и вечно текущие воды реки. Ибо четыре предела храма он назвал четырьмя реками, вытекающими из рая, и дал закон стоять в них в соответствии с грехами, каждый [предел] отделив для соответствующего греха»⁶.

Письменное свидетельство находит подтверждение в археологии Святой Софии. На полу сохранились остатки четырех полос зеленого фесалийского мрамора, идущих с севера на юг и разделяющих пространство наоса на четыре неравные зоны [23]⁷ (Рис. 2, 3).

Обратим внимание на важную особенность «Сказания» – сочетание высокой метафоричности и литургической конкретности. С одной стороны, пол интерпретируется как «настоящее море и вечно текущие воды реки», с другой – ассоциируется с четырьмя райскими реками, которые в процессе богослужения становятся важными границами, структурирующими сакральное пространство. Тема Моря-Океана связана с представлением о Храме как образе Космоса.

В ранневизантийских текстах, подобных «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова, земля описывается как огромный остров, окруженный водами Океана. При этом весь универсум показан как Ковчег Завета, что предельно наглядно представлено в миниатюрах рукописей «Христианской Топографии» (например, Sinaiticus gr. 1183, 69r, XI в.) [20, p. 50–51, 254–255] (Рис. 4). Этот ковчег понимается как прообраз Скинии и, соответственно, идеального храма, что подчеркивается изображением Христа в медальоне, вызывающем в памяти купола византийских церквей. Христос показан на фоне ткани с характерным орнаментом, отсылающей к Завесе Ветхозаветного храма, разделявшей в Скинии и храме Соломона «Святое» и «Святая Святых»⁸. В нашем контексте особенно интересно, что в прямом соответствии с текстом небесный свод (*stereoma*) показывается как водная стихия, воды Океана текут в основании ковчега-универсума, стены которого также представляют текущую воду. Так, вода становится священной материей,

³ О новом понятии образа-парадигмы, предложенном автором этого текста в 2004 г. [см.: 3; см. также: 21].

⁴ См. главу «Небесный Иерусалим» в книге: [4].

⁵ Теме «святой воды» посвящена моя статья [5] (идеи и материалы этой статьи используются в настоящей публикации).

⁶ Цит. в пер. А. В. Захаровой и А. М. Никифоровой.

⁷ В этой работе предлагается подробное археологическое описание фрагментов «рек», по всей видимости, относящихся ко времени строительства церкви.

⁸ Об образе-парадигме Храмовой Завесы [см.: 3, с. 211–226].

формирующей космос, представленный как ковчег скиния и идеальный храм с неотделимым от него Христом – антропоморфным воплощением этого мистического единства.

Образы «Христианской Топографии находят прямое отражение в поэтическом «Описании Софии Константинопольской» Павлом Силенциарием (563), где драгоценный амвон в центре «Великой Церкви» сравнивается с островом в волнуемом море: *«Как среди морских волн возвышается остров, украшенный колосьями и виноградными листьями, цветистым лугом и лесистыми холмами, так посреди обширного храма зрится высокий амвон, состоящий из мраморов, испещренный цветниками камней и красотами искусства»* [17, р. 146–149]⁹. отождествление пола Великой церкви с морем становится общим местом в последующих описаниях, например, у Михаила Дякона в середине двенадцатого века, который утверждает, что «пол по широте и форме подобен морю», а голубые волны поднимаются над камнем [24, р. 237, 239].

В данном контексте можно вспомнить о видениях Башни-Церкви, «которая на водах строится», и обретение спасения через воду – важная тема раннехристианской литературы (Пастырь Герма, II в.) [6, с. 14, 19]. Интересно, что эти образы связаны с преданием о Ветхозаветном храме в Иерусалиме, который поставлен на скале, закрывавшей водную бездну [см.: 9]. С этим же сакрально-водным контекстом связан и образ «Видения Храма» пророком Иезекиилем о потоке воды жизни, истекающем из-под храма на восток, «ибо храм стоял лицом на восток, и вода текла из-под правого бока храма, по южную сторону жертвенника» (Иез. 47:1).

Вторая метафора «Сказания», сравнивающая пол храма с «вечно текущими водами реки», вероятнее всего, восходит к образу Апокалипсиса: *«И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца»* (Откр. 22:1). Она напрямую связана с пониманием Храма как пространственной иконы Горнего Иерусалима, в конце времен сходящего с небес. Примечательно, что улица небесного града описывается как «чистое золото» и «прозрачное стекло» (Откр. 21:21). В том же тексте возникает образ «стеклянного моря», подобного

кристаллу и смешанного с огнем, и происходящего там богослужения перед престолом Господним – *«стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии, и поют песнь Моисея, раба Божия, и песнь Агнца»* (Откр. 15:2–3). Прямым следствием общего замысла было желание императора Юстиниана не только до предела наполнить пространство Святой Софии золотыми и серебряными устройствами, включая алтарь, преграду и амвон, но и выложить на полу дорожку из чистого серебра (Сказание, 19), однако и бело-серебристые мраморы с инкрустированными в них темно-зелеными «райскими реками» также создавали искомые эффекты «золото-прозрачного» блистания стеклянного моря.

По свидетельству «Сказания», метафорика Океана и вечно текущей Реки в замысле Юстиниана органично соединялась с образом Рая: *«четыре предела храма он назвал четырьмя реками, вытекающими из рая»*. Интересно, что в тексте райскими реками названы не зеленые разделительные полосы, но части храма. В некотором смысле, четыре реки – это все пространство наоса. Образ реки, выходящей из Едема для орошения рая и потом разделяющейся на четыре великие реки (обычно именуемые Фисон, Гихон, Евфрат и Тигр), присутствует в основополагающем тексте второй главы Книги Бытия, описывающей создание человека и его пребывание в раю (Быт. 2:10–15).

Тема райских рек занимает огромное место в богословии, гимнографии и иконографии раннехристианского мира. В напольных мозаиках базилик мы видим персонификации четырех рек, в мозаичных апсидах над алтарями райские реки текут под ступнями восседающего на троне Христа. Один из самых ранних примеров можно найти в мозаиках мавзолея Санта Констанца в Риме IV в. (Рис. 5). Тема повторяется почти без изменений в последующие века, например, в мозаиках Хосиос Давид в Фессалониках V в., где райские реки дополнены изображением персонификации Океана, или наиболее известный пример – в мозаиках алтарной апсиды храма Сан Витале в Равенне VI в. Четыре реки не только связывают космическую символику мирового океана и апокалиптическую «реку жизни» с темой храма как воплощенного рая на земле, но и являются образом Христа Логоса, в котором, по утверждению византийских богословов, вопло-

⁹ Греческий оригинал с английским переводом [см.: 10, р. 647].

тилась София Премудрость Божия. Слово Божие «насыщает мудростью, как Фисон и как Тигр во дни новин; наполняет разумом, как Евфрат и как Иордан в дни жатвы; разливают учение, как свет и как Гион во время собирания винограда» (Сирах. 24: 27–29) [19].

В византийской иконографии обычно райские реки вытекают из скалы. Это еще один христологический символ. В гимнографии Христа именуют камнем, из которого берут начало чистые реки четырех Евангелий, как, к примеру, у Андрея Критского: «*Камне, из негоже премудрости река, яко чаша, проливает токи богословия*»; этот образ VIII в. восходит к Псалтыри царя Давида: «*разверзе камень и потекоша воды, потекоша реки*» (Пс. 104:41).

Пространство храма воспринимается одновременно как образ Космоса, Небесного Иерусалима, Рая и Тела Христова, неотъемлемой частью которого становятся и сами верующие, разделенные райскими реками «по грехам». Не случайно в «Описании Святой Софии» Павла Силенциария сами верующие в храме сравниваются с волнующимся морем («бесконечными волнами нахлынувших людей»), стремящихся облобызать Евангелие в руках священнослужителя) [10, р. 647]. Интересно, что в более поздней иконографии мы находим изображения Христа в ореоле, который заполнен изображениями вод и водных существ. Яркий и редкий пример – сцена Вознесения в церкви в Курбиново, Македония, 1191 г. (Рис. 6). Истоки такого необычного решения можно найти в «Видении Храма» пророка Иезекииля (47:9–10), который подчеркивает, что исходящая из Храма река полна рыбы и живых существ, которые оплодотворяют море и становятся зримым знаком святости этой воды. У Иоанна Богослова образ трансформируется в «чистую воду реки жизни», исходящую от Христа в Небесном Иерусалиме. Так образ световой мандорлы соединяется с образом чудотворящей водной стихии. А вся фреска с возносящимся на небо Христом представляет нерасторжимое единство Логоса, Неба и Океана.

Еще один яркий пример связи райских рек с Христом, проповедью Учения и всем пространством Храма как образа универсума находим в мозаиках венецианского Сан Марко, XIII в. В парусах центрального купола с огромной сценой Вознесения и Христом в мандорле, под

изображением пишущих евангелистов показы четыре персонификации райских рек, держащие огромные сосуды с изливающейся водой, приносящей в мир евангельское учение (Рис. 7) [15, р. 194–195, pl. 65, 327–329].

Традиция размещений райских рек в парусах храмов много древнее программы Сан Марко, один из ранних примеров – в грузинских росписях Атени XI в., где персонификации рек показаны в трюмах над изображениями евангелистов [16].

Истоки традиции можно найти в раннехристианских программах V в., например, мозаиках купола баптистерия Сан Джованни ин Фонте в Неаполе, где источники «воды жизни» размещены над символами евангелистов. Перед нами визуализация замысла, который присутствовал и в Софии Константинопольской, где образ райских рек формировал все пространство храма, а не только символическую структуру пола.

Знаменательно, что райские реки отождествлялись с Христом, образом которого в храмовом богослужении является архиерей. Не случайно поэтому, что литургическое использование райских рек – зеленых полос – связано преимущественно с архиерейским чинопоследованием, о котором до нас дошли отрывочные, но весьма любопытные свидетельства. Литургический комментарий Николая Андидского (XI в.) сообщает: «*Вход архиерея намекает на явление Христа Бога нашего на Иордане, и указание на Него. Как кажется, по этой причине называются реками узкие и черные мраморы, выложенные наподобие линий и отделенные друг от друга соразмерными промежутками*».¹⁰ Райские реки отождествляются со святой рекой Иорданом, архиерей являет образ Христа, а священник в алтаре отождествляется с Иоанном Крестителем, ожидающим Спасителя. В сознании византийского комментатора в определенный момент богослужения реки становятся частью пространственного образа-видения, отсылающего к важнейшему евангельскому событию Крещения, а все пространство храма – новой «святой землей».

В более поздних литургических толкованиях мы находим подробности архиерейского входа в Софию Константинопольскую во время торже-

¹⁰ Об авторе, которого иногда считают Феодором Андидским [см.: 11, р. 182].

ственных вечерних служб: патриарх входит через императорские врата и, дойдя до «первой реки», разворачивается, для того чтобы поклониться иконе Христа, размещенной на западной стене над главным входом, и после этого продолжает движение к алтарю. Примечательно, что ритуал повторялся в Софии Солунской, но там несколько раз упоминается только одна река, в связи с которой совершаются важные литургические действия [14, р. 46–49]. Сохранившиеся тексты свидетельствуют, что тема райских рек не была исключительной особенностью пространства «Великой Церкви», она в разных формах присутствует в других византийских храмах, где подчас редуцируется до одной единственной реки. Запечатленные на полу реки являются зримыми границами, регулирующими развитие действия и отмечающими места остановок.

Наиболее ярко эта особенность проявилась в чине рукоположения архиерея. В начале XV в. Симеон Солунский описывает уже сформировавшийся обряд: *«Избранный во епископа, прошедши три реки, начертанные на полу мелом и означающие дар учительства, к которому он призван, останавливается над городом, также нарисованным и означающим его епископию; а на верху города подобным же образом начертывается орел, означающий чистоту, православие и высоту богословия»* [8, с. 256]. Свидетельство о рисовании на полу рек, города и орла подтверждают и другие чинопоследования XIV–XVII вв.

Традиция сохраняется и в современной церковной практике: при посвящении архиерея среди церкви полагается ковер с изображением орла, возвышающегося над укрепленным городом и реками («Большой орлец»). Новоизбранный архиерей, исходя из алтаря, становится поочередно на ноги, тело и голову орла. Три реки, представленные на ковре посвящения, по мнению православных литургистов, символически изображают тройственное учительство епископа: примером, увещанием и повелением. Истоки символического замысла позволяют понять некоторые напольные мозаики ранневизантийской эпохи. В них находим изображение орла, восседающего на скале, из которой вытекают четыре райские реки.

По всей видимости, один из древних протипов «Большого орлеца» мы можем обнаружить в Софии Константинопольской, где уже при соз-

дании храма императором Юстинианом была выложена композиция из большого и малых медальонов, известная как «омфалион» или пуп земли (Рис. 8) [26]. Эта странная композиция в технике *opus sectile* считается местом коронации византийских императоров и их пребывания во время торжественных богослужений в «Великой Церкви». Однако, по всей видимости, здесь происходило и рукоположение архиереев, которые подходили к омфалиону, пройдя три реки на полу храма. Своего рода промежуточным звеном может быть назван мраморный омфалий из Софии Трапезундской, на котором находим одно из ранних изображений орла. Омфалий обозначал пространство высшей святости и являлся еще одним сакральным островом в водах мирового океана и райских рек. Этот высший статус был подчеркнут драгоценным характером инкрустации с порфиrowыми камнями и драгоценной мозаикой.

Как было отмечено, в обряде рукоположения архиерея райские реки истолковываются как тройственная благодать учительства, что, как мы знаем, не противоречит их первоначальному смыслу и последующей традиции размещения их персонификаций в парусах храмов вместе с образами четырех евангелистов. В этом контексте должна быть осмыслена и важная особенность архиерейских одеяний – на стихарях от плеч до подола нашивались ленты, иногда двойные, которые назывались *rotatoi* («источники») и, по мнению византийских толкователей литургии, «знаменуют дары учения, а также и потоки крови Спасителя нашего» (Рис. 9) [28, р. 16–18]. Длинные нашитые ленты-«источники», или струи, присутствуют и на мантии архиерея, они различались формами и цветом в зависимости от статуса их носящего, иногда отражая его особые привилегии¹¹. *«Мантия изображает промыслительную и вседержательную и всехраняющую благодать Божию, как одежда, охватывающая и обнимающая все тело, а источники означают различные струи учения, вечно источаемые двумя заветами – Ветхим и Новым»* [8, с. 256]. Таким образом, византийский архиерей нес райские реки на своем теле, являя образ

¹¹ В 1625 году Патриарх Александрийский Герасим I Спарталиотис завещал московским патриархам привилегию Александрийского престола – право носить мантию с красными «источниками».

Христа Первосвященника – «вечной реки воды жизни». Истоки традиции могут быть отмечены в одеяниях ветхозаветного первосвященника, которые также являли образ всего божественного космоса. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (3:7) свидетельствует: «*Охватывающий эту одежду (первосвященника) пояс служит эмблемой океана, который также обтекает во круг всей земли*» [2, с. 161].

В «источниках» на одеяниях архиерея тема райских рек, столь значимая в сакрально-космологической символике поздней античности, редуцируется до более простой для восприятия идеи «благодати учительства», которая, впрочем, также присутствует изначально в связи с идеей Софии Премудрости Божией.

Реконструируя замысел императора Юстиниана в Софии Константинопольской, дошедший до нас в виде текстуальных свидетельств и археологических фрагментов четырех зеленых полос на полу, мы приходим к пониманию ключевого образа в пространстве «Великой Церкви» и, в значительной степени, иеротопии всех византийских храмов. Идея Рая в этом образе переплеталась с темами космического Океана, Рекой Жизни, Небесным Иерусалимом, Христом Логосом и, наконец, Божественной Премудростью. Речь идет о важнейших образах-парадигмах, не сводимых к Рисюстрации какого-либо одного текста, но естественно возникавших в сознании византийца как своего рода зримые видения, вызывавшие целый круг литературно-символических

ассоциаций. В связи с этим возникает закономерный вопрос: к какому классу явлений мы должны отнести зеленые полосы – райские реки? Ясно, что это форма визуальной культуры, которая с трудом может быть описана как художественный памятник, архитектурное явление или эстетический феномен. Единственная возможность адекватной оценки, на наш взгляд, лежит в контексте иеротопии. «Райские реки» могут быть поняты как важнейшая смыслообразующая структура в иеротопии византийских храмов, имеющая принципиальное значение для понимания архитектурных форм, иконографии и иконической природы всего сакрального пространства.

Конечно, практически полное отсутствие источников затрудняет подобные реконструкции для большинства херсонесских храмов, сохранившихся, как правило, на уровне фундаментов, однако как показывает опыт Анны Литовченко, поиски в этом направлении совсем не безнадежны и могут дать нам новую историческую информацию и понимание целого ряда явлений. И представляется важным для современных археологов иметь «иеротопическое измерение» в голове и ставить эти вопросы при анализе археологических и письменных источников. И возможно, в некоторых случаях получить неожиданные и важные ответы, которые сделают наше понимание археологии христианского храма исторически более адекватным и методологически современным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иеротопия Огня и Света в культуре византийского мира / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Феория, 2013. 558 с.
2. Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. Г. Г. Генкеля. Т. 1. М.: Ладомир, 1994. 560 с.
3. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009. 362 с.
4. Лидов А. М. Иконы. Мир святых образов в Византии и на Руси. М.: Феория, 2013. 405 с.
5. Лидов А. М. Священные воды в пространстве храма. «Райские реки» как образ-парадигма византийской иеротопии // Святая Вода в иеротопии и иконографии христианского мира / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Феория, 2017. С. 159–183.
6. «Пастырь» Гермы / Сост. и коммент. И. С. Свенцицкой. М.: Присцельс, 1997.
7. Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Индрик, 2011. 704 с.
8. Сочинения Блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Т. 2. СПб., 1856. 545 с.
9. Чаковская Л. С. Стихия Воды в Иерусалимском храме и в древних синагогах // Святая Вода в иеротопии и иконографии христианского мира

- / ред.-сост. А. М. Лидов. М.: Феория, 2017. С. 28–67.
10. Barry F. Walking on Water: Cosmic Floors in Antiquity and the Middle Ages // *The Art Bulletin*. 2007. Vol. 89/4. P. 627–656.
 11. Bornert R. Les commentaires byzantines sur la divine liturgie. Paris: Institut français d'Études byzantines, 1966. 292 p.
 12. Clark C. D. L. Viewing the liturgy: a space syntax study of changing visibility and accessibility in the development of the Byzantine church in Jordan // *World Archeology*. 2007. Vol. 39/1. P. 84–104.
 13. Dagron G. Constantinople imaginaire. Etudes sur le Recueil 'Patria'. Paris: Presses Universitaires de France, 1984. 358 p.
 14. Darrouzes J. Sainte-Sophie de Thessalonique d'après un rituel // *Revue des études byzantines*. 1976. Vol. 34. P. 45–78.
 15. Demus O. The Mosaics of San Marco in Venice. Vol. 1. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 489 p.
 16. Djuric S. Ateni and the Rivers of Paradise in Byzantine Art // *Zograf*. 1989. Vol. 20. P. 22–29.
 17. Fayant M.-C. (Ed.). Paul le Silentiaire: Description de Saint Sophie de Constantinople. Die: Éd. A. Die, 1997. 167 p.
 18. Gerstel Sh. Soundscapes of Byzantium. The Acheiropoitos Basilica and the Cathedral of Hagia Sophia in Thessaloniki // *Hesperia*. 2018. Vol. 87. P. 177–213.
 19. Harrington D., Coogan M. The New Oxford Annotated Bible with the Apocryphal Deuterocanonical Books. New York: Oxford University Press, 2001. 2180 p.
 20. Kominko M. The World of Kosmas: the Byzantine Illustrated Codices of Christian Topography. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 381 p.
 21. Lidov A. 'Image-Paradigms' as a Notion of Mediterranean Visual Culture: a Hierotopic Approach to Art History // *Crossing Cultures. Papers of the International Congress of Art History. CIHA 2008*. Melbourne: Miegunyah Press, 2009. P. 177–183.
 22. Litovchenko A. The Hierotopy of the Early "Basilika, 1935" from Byzantine Cherson [Online resource] // 23rd Congress of Byzantine Studies, Belgrade 2016. URL: <http://ekhnuir.univer.kharkov.ua/handle/123456789/12041>.
 23. Majeska G. Notes on the Archaeology of St. Sophia at Constantinople: the Green Marble Bands on the Floor // *DOP*. 1978. Vol. 32. P. 299–308.
 24. Mango C., Parker J. A Twelfth-Century Description of Saint Sophia // *DOP*. 1960. Vol. 14. 233–245.
 25. Mathews T. The Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1971. 194 p.
 26. Pedoni S. The Marble Omphalos of Saint Sophia in Constantinople // 11th International Coloquium on Ancient Mosaics, Bursa 2009. Istanbul: Ege University, 2011. P. 749–768.
 27. Pencheva B. Hagia Sophia and Multisensory aesthetics // *Gesta*. 2011. Vol. 50/2. P. 93–111.
 28. Walter C. Art and Ritual of the Byzantine Church. London: Variorum Reprints, 1982. 279 p.

REFERENCES

1. Lidov A. M. (Ed.). *Ierotopiia Ognia i Sveta v kul'ture vizantiiskogo mira*. Moscow, Feoriia Publ., 2013, 558 p.
2. Genkel G. G. (Transl.). *Iosif Flavii. Iudeiskie drevnosti*. T. 1. Moscow, Ladomir Publ., 1994, 560 p.
3. Lidov A. M. *Ierotopiia. Prostranstvennyye ikony i obrazy-paradigmy v vizantiiskoi kul'ture*. Moscow, Dizain. Informaciia. Kartografiia Publ., 2009, 362 p.
4. Lidov A. M. *Ikony. Mir sviatykh obrazov v Vizantii i na Rusi*. Moscow, Feoriia Publ., 2013, 405 p.
5. Lidov A. M. Sviashchennyye vody v prostranstve hrama. "Raiskie reki" kak obraz-paradigma vizantijskoj ierotopii. *Lidov A. M. (Ed.). Sviataia Voda v ierotopii i ikonografii khristianskogo mira*. Moscow, Feoriia Publ., 2017, pp. 159–183.
6. Svetsitskaia I. S. (Ed.). "Pastyr'" *Germy*. Moscow, Priscel's Publ., 1997.
7. Lidov A. M. (Ed.). *Prostranstvennyye ikony. Performativnoe v Vizantii i Drevnei Rusi*. Moscow, Indrik Publ., 2011, 704 p.
8. *Sochineniia Blazhennogo Simeona, arkhiepiskopa Fessalonikiiskogo*. Vol. 2. St.-Petersburg, 1856, 545 p.
9. Chakovskaia L. S. Stikhiiia Vody v Ierusalimskom khrame i v drevnikh sinagogakh. *Lidov A. M. (Ed.)*.

Sviataia Voda v ierotopii i ikonografii hristianskogo mira. Moscow, Feorria Publ., 2017, pp. 28–67.

10. Barry F. Walking on Water: Cosmic Floors in Antiquity and the Middle Ages. *The Art Bulletin*, 2007, vol. 89/4, pp. 627–656.

11. Bornert R. *Les commentaires byzantines sur la divine liturgie*. Paris, Institut français d'Études byzantines, 1966, 292 p.

12. Clark C. D. L. Viewing the liturgy: a space syntax study of changing visibility and accessibility in the development of the Byzantine church in Jordan. *World Archaeology*, 2007, vol. 39/1, pp. 84–104.

13. Dagron G. *Constantinople imaginaire. Etudes sur le Recueil 'Patria'*. Paris, Presses Universitaires de France, 1984, 358 p.

14. Darrouzes J. Sainte-Sophie de Thessalonique d'après un rituel. *Revue des études byzantines*, 1976, vol. 34, pp. 45–78.

15. Demus O. *The Mosaics of San Marco in Venice. Vol. 1*. Chicago, University of Chicago Press, 1984, 489 p.

16. Djuric S. Ateni and the Rivers of Paradise in Byzantine Art. *Zograf*, 1989, vol. 20, pp. 22–29.

17. Fayant M.-C. (Ed.). *Paul le Silencieux: Description de Saint Sophie de Constantinople*. Die, Éd. A. Die, 1997, 167 p.

18. Gerstel Sh. Soundscapes of Byzantium. The Acheiropoitos Basilica and the Cathedral of Hagia Sophia in Thessaloniki. *Hesperia*, 2018, vol. 87, pp. 177–213.

19. Harrington D., Coogan M. *The New Oxford Annotated Bible with the Apocryphal. Deuterocanonical Books*. New York, Oxford University Press, 2001, 2180 p.

20. Kominko M. *The World of Kosmas: the Byzantine Illustrated Codices of Christian Topography*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, 381 p.

21. Lidov A. 'Image-Paradigms' as a Notion of Mediterranean Visual Culture: a Hierotopic Approach to Art History. *Crossing Cultures. Papers of the International Congress of Art History. CIHA 2008*. Melbourne, Miegunyah Press, 2009, pp. 177–183.

22. Litovchenko A. The Hierotopy of the Early "Basilika, 1935" from Byzantine Cherson. *23rd Congress of Byzantine Studies, Belgrade 2016*. URL: <http://ekhnur.univer.kharkov.ua/handle/123456789/12041>.

23. Majeska G. Notes on the Archaeology of St. Sophia at Constantinople: the Green Marble Bands on the Floor. *Dumbarton Oaks Papers*, 1978, vol. 32, pp. 299–308.

24. Mango C., Parker J. A Twelfth-Century Description of Saint Sophia. *Dumbarton Oaks Papers*, 1960, vol. 14, pp. 233–245.

25. Mathews T. *The Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy*. Pennsylvania, Pennsylvania State University Press, 1971, 194 p.

26. Pedoni S. The Marble Omphalos of Saint Sophia in Constantinople. *11th International Colloquium on Ancient Mosaics, Bursa 2009*. Istanbul, Ege University, 2011, pp. 749–768.

27. Pencheva B. Hagia Sophia and Multisensory aesthetics. *Gesta*, 2011, vol. 50/2, pp. 93–111.

28. Walter C. *Art and Ritual of the Byzantine Church*. London, Variorum Reprints, 1982, 279 p.

А. М. Лидов

**Археология и иеротопия византийского храма:
«райские реки» Софии Константинопольской**

Резюме

В статье рассматривается вопрос об иеротопии византийского храма на примере «райских рек» Софии Константинопольской. Анализируются новейшие методики иеротопических исследований. Ключевая идея Храма Премудрости – идея Рая, которая переплетается с темой космического Океана, Рекой Жизни, Небесным Иерусалимом, Христом Логосом. Эти

образы-парадигмы естественным образом возникали в сознании византийца. Показана актуальность изучения сакрального пространства византийского Херсона.

Ключевые слова: иеротопия, «райские реки», образы-парадигмы, София Константинопольская, Юстиниан, Византия.

Alexei Lidov
Archaeology and Hierotopy of the Byzantine Church:
The “Rivers of Paradise” in Saint Sophia of Constantinople
Summary

The article discusses the hierotopy as a new approach in the archeology of the Byzantine church. It deals with an eloquent example of the so called “Rivers of Paradise” in Saint Sophia of Constantinople – the dark green marble bands on the floor of the Great Church of the Empire constructed in the sixth century by the Emperor Justinian. The author suggests that this “archeological peculiarity” might be properly explained in hierotopic terms only. The key idea relates to the Temple of Wisdom and the Earthly Paradise, which is intertwined with the theme of the cosmic Ocean, the River of Life, the

Heavenly Jerusalem, finally with Christ the Logos, who is represented by the imagery of Holy Water. It is not a traditional illustrative picture but the image-paradigm (an important new hierotopic notion), which for the Byzantines was a way of communication and perception of many visual phenomena. It seems significant for future studies of the sacred spaces of the Byzantine Churches in Chersonesos.

Keywords: hierotopy, church, “rivers of paradise”, iconography, image-paradigm, Saint Sophia of Constantinople, Justinian, Byzantium.

Рис. 1. Внутреннее пространство Софии Константинопольской. VI в.

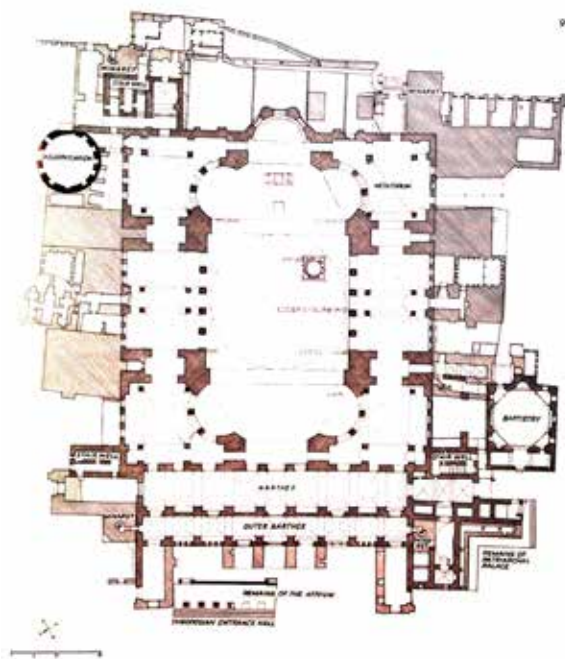

Рис. 2. План Софии Константинопольской с отмеченными сохранившимися фрагментами полос – «райских рек».

Рис. 3. «Райская река» Софии Константинопольской, пересекающая бело-серебристые мраморы пола.

Рис. 4. Образ универсума как Ковчега Завета в миниатюре рукописи «Христианской Топографии» Козьмы Индикоплова из монастыря Св. Екатерины на Синае (Sinaiticus gr. 1183, 69r, XI в.).

Рис. 5. Христос и «Райские реки» в мозаиках алтарной апсиды храма Сан Витале в Равенне. VI в.

Рис. 6. Христос, окруженный мандорлой с изображением водной стихии и океанических существ, из сцены «Вознесение» в росписях церкви Св. Георгия в Курбиново. 1191 г.

Рис. 7. Евангелист Лука и персонификация реки Тигр в мозаиках парусов центрального купола собора Сан Марко в Венеции. XIII в.

Рис. 9. «Источники» на стихаре архиерея. Св. Иоанн Златоуст на крышке византийского реликвария из Museo Sacro, Ватикан. X в.

Рис. 8. «Омфалион» Софии Константинопольской как место коронаций и рукоположений после «трех райских рек». Композиция в технике *opus sectile*. VI в. (?)

В. В. МАЙКО

ПЯТИГРАННЫЕ АПСИДЫ ХРИСТИАНСКИХ ХРАМОВ КРЫМА. К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ

Комплекс проблем, связанных с истоками появления, хронологией и эволюцией пятигранных апсид христианских храмов средневекового Крыма является в настоящее время слабо разработанным. Тем не менее, накопленные к настоящему времени материалы, учитывая раскопки последних лет, позволяют рассмотреть его подробнее.

Первые примеры появления пятигранных центральных апсид фиксируются еще в раннехристианских базиликах Константинополя. Ярким примером этого может служить широко известный храм Святой Ирины с многоступенчатым синтроном, традиционно датируемый 532 г. (Рис. 1,1). Эта традиция получила достаточно широкое распространение в первые века существования Византийской империи на достаточно широких территориях, включая и византийский Херсон. Более того, пятигранная апсида стала одним из характерных отличий ранневизантийских базилик этого города. Наиболее яркими примерами являются так называемые Восточная базилика, Западная базилика, Северная базилика, Базилика 1932 г., время сооружения которых не выходит за рамки первой половины VII в. [12, с. 188, рис. 1,21,23,26,20; 13, с. 111, рис. 9,III,IV,VII].

С момента возникновения крестовокупольных храмов в X–XI вв. пятигранная апсида фиксируется как в столичной архитектуре, так и в центральных провинциях государства. Вероятно, изначально ее развитие шло по двум направлениям. Первое направление ярко иллюстрирует церковь св. Феодора – Килиссе-Джами – в Константинополе с крупной центральной пятигранной и слегка выраженными боковыми трапецевидными апсидами, датируемая серединой XI в. В отличие от раннехристианских

прототипов, все пять граней центральной апсиды практически равны по величине, образуя тот же самый полукруг, но расчлененный углами [3, с. 61–66]. Довольно быстро подобная форма апсиды распространяется и в византийских провинциях, включая Таврику. В Херсонесе среди трехапсидных крестовокупольных храмов ярким примером является так называемый храм 21, пятигранная центральная апсида которого имеет одинаковую длину граней, образующих ломаный полукруг [12, с. 189, рис. 2]. В Восточном Крыму единственным пока примером является храм Иоанна Предтечи. Вопрос о его датировке окончательно не решен, но, по нашему мнению, древнейшая часть ныне существующего строения была возведена не ранее второй половины X в. Конструктивное решение первоначальной алтарной части традиционно для византийских крестовокупольных храмов X–XI вв. Боковые апсиды – трапецевидные, вытянутые в восточном направлении, центральная – пятигранная с гранями, образующими также вытянутый в восточном направлении полукруг [19, с. 369, рис. 15].

Ярким примером закавказских храмов, наследовавших подобную традицию, является широко известная церковь в микрорайоне Лоо г. Сочи. Согласно мнению большинства специалистов, датировка древнейшей части собора укладывается в рамки XI–XII вв. [1, с. 208; 21, с. 376–389]. В данном случае пятигранная апсида, при наличии двух боковых полукруглых, за счет длинных боковых граней значительно вынесена в восточном направлении. Исследователи отмечают, что такое же решение алтарной части присутствует и в храме Симона Кананиста (Новый Афон), в Цандрипшской базилике и Моквском соборе.

Начиная со второй половины XIII в., эта линия развития центральной пятигранной апсиды получает развитие и в одноапсидных храмах. Константинопольским примером может служить церковь Синан Паша Меджид XIII–XV вв. [10, с. 67, ил. 3, 4]. Однако, при несомненном влиянии традиций архитектуры Закавказья, пятигранная вытянутая форма центральной апсиды получает развитие в армянских храмах Трапезунда и его ближайших окрестностях. Таковы церкви Святого Филиппа и Монастыря Айварвар XIII–XIV вв. [10, с. 77, ил. 12,2,5]. Именно эти армяно-трапезундские традиции послужили основой и при сооружении одноапсидных храмов Восточного Крыма, возведенных также армянскими зодчими. Наиболее яркими примерами являются церковь Святой Параскевы, расположенная на территории городского посада Сугдеи [15, с. 85–98], храм 12 Апостолов, находящийся в портовой части этого средневекового города [18, с. 258, рис. 131] и, правда в меньшей степени, храм на участке куртины XI [14, с. 231, рис. 143]. Во всех случаях боковые грани апсид примерно равны по величине и образуют либо подобие полукруга (храм 12 Апостолов и особенно храм на участке куртины XI), либо вытянутого в восточном направлении овала (храм Параскевы).

Другим направлением развития пятигранной апсиды стало появление центральных алтарных частей с очень короткими боковыми гранями, образующими, по сути дела, ту же трапецию, только вынесенную за линию коротких боковых апсид. Фактически это было почти полное копирование апсид раннесредневековых христианских базилик.

Наиболее ранним примером крестовокупольных храмов с подобными апсидами можно считать кафоликон Благовещения монастыря Великой Лавры на Афоне, время строительства которого определяется самым началом XI в. [22, с. 244, рис. А] (Рис. 1,2). При этом важно отметить, что в современной историографии выделяется несколько важных этапов строительства кафоликона [20, с. 22]. Первоначально, во второй половине X в., возникает крестовокупольный храм типа вписанного креста с куполом на граненом барабане, подобный Константинопольской архитектуре. Позднее, в самом начале XI в., для нужд богослужения (ради расширения

здания и создания места для певчих) были разобраны арочные заполнения боковых стен и пристроены боковые апсиды, превратившие храм в триконх.

Необходимо подчеркнуть и то, что храм, выстроенный в форме триконха с двумя приделами, имеет характерные для Афонского храмового строительства два нартекса – внутренний и внешний, которые образовывали самостоятельный крестовокупольный храм. При этом, внешний нартекс представлял собой первоначально открытую галерею с водосвятной чашей перед западным фасадом. Форму здания с двумя параклисами и двумя нартексами, по мнению П. Милонаса, кафоликон получил еще в первой половине XI в. Именно такая форма собора послужила прототипом и для остальных кафоликонов Афона, таких как кафоликон Ивилона, Ватопеда, Дионисиата [20, с. 22].

Те же тенденции внешнего оформления центральной апсиды получили развитие и на территории Болгарского царства. Ярким примером является базилика Святой Софии конца X – начала XI в. с пятигранной центральной апсидой в сочетании с двумя полукруглыми боковыми, сооруженная в главном церковном центре Болгарии Охриде [4, с. 35–38, 136; 9, с. 36, ил. 6] (Рис. 1,3). По мнению специалистов, данный тип культовых сооружений послужил одним из прототипов при строительстве основного ядра Десятинной церкви в Киеве [9, с. 36]. При отсутствии археологической аргументации не исключено, что именно по этой причине с подобной пятигранной центральной апсидой и двумя боковыми трапециевидными реконструируется и первоначальный объем Десятинной церкви [5, с. 21–25; 6, с. 136–161; 8, с. 64, ил. 1; 7, с. 139, илл. 4] (Рис. 1,4). Эта реконструкция, очевидно, учитывает тот факт, что по внутреннему контуру все апсиды Десятинной церкви имели не полуциркульные, а подковообразные очертания, не только характерные именно для культового зодчества Первого Болгарского царства, но предусматривавшие вынос центральной апсиды далеко за линию боковых [9, с. 54].

Однако на протяжении X–XII вв. традиция сооружения подобных пятигранных апсид не получила широкого распространения в центральных провинциях империи. Модель классического трехапсидного крестовокупольного хра-

ма средневизантийского периода, помимо двух малых трапециевидных апсид, предусматривала и трапециевидную центральную апсиду.

Ярким примером возрождения пятигранной апсиды в форме, вынесенной при помощи боковых коротких граней трапеции, является центральная алтарная часть храма Святой Софии в Трапезунде, сооруженного в 1238–1263 годах императором Мануилом I Комниным [24] (Рис. 1,5). Будучи центральным столичным храмом и кафедральным собором Трапезундской митрополии, он, безусловно, стал законодателем моды и для последующего времени. Причин появления центральной апсиды подобной формы может быть две. Первая – это попытка возвращения к истокам оформления христианских храмов Византии, которая пропагандировалась официальной властью. Вторая, как отмечают исследователи, может быть связана с влиянием закавказских традиций. Не случайно в архитектуре собора переплелись византийские, сельджукские и кавказские, в том числе грузинские [23, р. 19–29], черты. Помимо этого, как и в памятниках Закавказья, скульптурный декор и живопись Софии составляют единое смысловое целое [25, р. 55–82; 11, с. 90].

Благодаря раскопкам трехапсидного крестовокупольного храма у горы Килиса-Кая, время сооружения которого предварительно датируется в рамках середины XIII в. [17, с. 44–46], появилась возможность впервые проследить развитие этой традиции и в таких отдаленных провинциях империи, как Таврика. Это, конечно же, не случайно, ибо, по мнению исследователей, начиная с 1204 г., по крайней мере, восточная часть полуострова входила в состав Трапезундской империи. Здесь мы как раз и наблюдаем классический вариант пятигранной «трапезундской» апсиды, правда, в сочетании не с двумя полукруглыми боковыми апсидами, как у Софии Трапезундской, а с традиционными трапециевидными (Рис. 1,6). Не исключено, что эти две малые трапециевидные апсиды подчеркивают связь с «классической» моделью крестовокупольного христианского храма средневизантийского времени, вероятно, «греческого» образца.

Вместе с тем, у рассматриваемого храма прослеживается, на наш взгляд, и несомненная связь с церквями «афонской» традиции. В оформле-

нии алтарной части кафоликон Благовещения монастыря Великой Лавры практически идентичен церкви у горы Килиса-Кая. Напомним, что у данной церкви на расстоянии 2,10–2,15 м от внешнего панциря западной стены притвора зафиксирована однопанцирная кладка, сложенная из камней песчаника на глине, параллельная ей и совпадающая по длине. По центру данной кладки зафиксирован проход, находящийся непосредственно напротив центрального входа в притвор. Пространство между данной кладкой и западной стеной притвора вымощено крупными плитами песчаника на глинистом растворе. Не исключено, что в данном случае мы имеем внешний, возможно, открытый притвор, напоминающий притворы афонских храмов.

В течение короткого времени рассматриваемый тип пятигранной апсиды получил развитие и в архитектуре армянских храмов Восточного Крыма. В качестве наиболее яркого примера следует указать храм армянского монастыря Сурб-Стефанос, расположенного недалеко от средневекового Солхата (Рис. 1,7). Исследования этого объекта не были завершены, но предварительно он датируется в рамках второй половины XIII – первой половины XIV в. [2, с. 126, рис. 57]. Совершенно аналогичная апсида, покоящаяся на традиционном прямоугольном основании, зафиксирована и в одноапсидном храме на мысе Ай-Фока у села Морское в Юго-Восточном Крыму [16, с. 264–274] (Рис. 1,8). Время строительства храма, исходя из минимального количества археологического материала, определить трудно, но вероятно, это вторая половина XIII в.

Таким образом, можно говорить о двух совершенно самостоятельных периодах существования пятигранных апсид с короткими боковыми гранями на территории средневековой Таврики. Первый, относящийся к ранневизантийскому времени, датируется второй половиной VII – первой половиной VIII в. и связывается с прямым влиянием Константинопольской архитектуры. Второй период датируется второй четвертью – серединой XIII – первой половиной XIV в. и связан с влиянием Трапезундской архитектуры, учитывавшей классические ранневизантийские традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Армарчук Е. А. Памятники Северо-Кавказского Причерноморья X – XIII веков. Каменные крепости и храмы // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV – XIII вв. М., 2003. С. 209–213.
- Байбуртский А. М., Тимиргазин А. Д. Армянские древности горных массивов Святого Креста и Мачук в Восточном Крыму. Симферополь, 2008. 180 с.
- Всеобщая история искусств: В шести томах. Том второй. Искусство Средних веков. Книга первая / под общ. ред. Б. В. Веймарна и Ю. Д. Колпинского. М., 1960. 957, LXXV с.
- Дончева С. Базиликите от Първото Българско царство. Архитектурен облик. Шумен, 2003. 155 с.
- Зыков П. Л. Заметки к реконструкции Десятичной церкви в Киеве (на основании археологических исследований) // Искусство Древней Руси и стран византийского мира. Выпуск II: материалы II научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. СПб., 2012. С. 21–25.
- Зыков П. Л. Материалы к реконструкции Десятичной церкви в Киеве на основании археологических исследований // ТГЭ. 2012. Т. LXV. С. 136–161.
- Зыков П. Л. Материалы к реконструкции Десятичной церкви в Киеве на основании археологических исследований // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна. Киев, 2017. С. 134–149.
- Зыков П. Л. О возможных прототипах Десятичной церкви в Киеве // ТГЭ. 2017. Т. LXXXVI. С. 63–73.
- Иоаннисян О. М. О роли архитектуры Первого Болгарского царства в становлении древнерусского зодчества (конец X в.) // ТГЭ. 2011. Т. LVII. С. 31–76.
- Иоаннисян О. М. Однонефные храмы в архитектуре Армении и Византии (Константинополь, Малая Азия, Понт, Греция, Кипр). Функции и типология // ТГЭ. 2013. Т. LXIX. С. 64–116.
- Карпов С. П. Культура Трапезундской империи // Культура Византии. М., 1991. Т. 3. С. 86–119.
- Лосицкий Ю. Г. Храмы средневекового Крыма IV-XIV вв. (соображения по реконструкции и реставрации) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной (Археологический альманах. № 33). Киев, 2015. С. 179–200.
- Лосицкий Ю. Г., Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев, 2002. С. 99–113.
- Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007. 273 с.
- Майко В. В. Некрополь храма Св. Параскевы на посаде средневековой Сугдеи // *Sacrum et profanum*. Севастополь, 2012. Вып. V. С. 85–98.
- Майко В. В. Христианский храм на мысе Ай-Фока у с. Морское в юго-восточном Крыму // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 264–274.
- Майко В. В. Христианский храм у подножия горы Килиса-Кая возле Судака (предварительное сообщение) // Археология средневекового храма: материалы международной научной конференции. Севастополь, 2017. С. 44–46.
- Майко В. В., Джанов А. В. Археологические памятники Судакского региона Республики Крым. Симферополь, 2015. 448 с.
- Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 344–393.
- Милонас П. М. Заметки об архитектуре Афона // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. Т. 17. С. 7–81.
- Овчинникова Б. Б. Об архитектурно-строительных особенностях храма в поселке Лоо (г. Сочи) // АДСВ. 2011. Вып. 40. С. 376–389.
- Полевой В. М. Искусство Греции. В 2-х томах. 2-е изд. Т. 1. М., 1984. 536 с.
- Eastmond A. The Byzantine Empires in the Thirteenth Century // *Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium: Hagia Sophia and the Empire of Trebizond*. Burlington, VT: Ashgate, 2004. 208 p.
- Eastmond A. (Ed.). *Byzantium's Other Empire: Trebizond*. Istanbul, Koç University Press, 2016. 264 p.
- Rice D. T. *The Church of Hagia Sophia at Trebizond*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 1968. 275 p.

REFERENCES

1. Armarchuk E. A. Pamjatniki Severo-Kavkazskogo Prichernomor'ja X–XIII vekov. Kamennye kreposti i hramy. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v jepohu srednevekov'ja: IV – XIII vv.* Moscow, 2003, pp. 209–213.
2. Bajburtskij A. M., Timirgazin A. D. *Armjanskije drevnosti gornyh massivov Svjatogo Kresta i Machuk v Vostochnom Krymu.* Simferopol', 2008, 180 p.
3. Vejrnarn B. V., Kolpinskiy Ju. D. (Eds.). *Vseobshhaja istorija iskusstv. Tom vtoroj. Iskusstvo Srednih vekov. Kniga pervaja.* Moscow, 1960, 957, LXXV p.
4. Doncheva S. *Bazilikite ot P'rvoto B'lgarskoto carstvo. Arhitekturen oblik.* Shumen, 2003, 155 p.
5. Zykov P. L. Zametki k rekonstrukcii Desjatinnoj cerkvi v Kieve (na osnovanii arheologicheskikh issledovanij). *Materialy II nauchnoi konferentsii "Iskusstvo Drevnej Rusi i stran vizantijskogo mira". Vol. II.* St. Petersburg, 2012, pp. 21–25.
6. Zykov P. L. Materialy k rekonstrukcii Desjatinnoj cerkvi v Kieve na osnovanii arheologicheskikh issledovanij. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha,* 2012, vol. LXV, pp. 136–161.
7. Zykov P. L. Materialy k rekonstrukcii Desjatinnoj cerkvi v Kieve na osnovanii arheologicheskikh issledovanij. *Kul'turnij shar. Statti na poshanu Gliba Jurijovicha Ivakina.* Kiev, 2017, pp. 134–149.
8. Zykov P. L. O vozmozhnyh prototipah Desjatinnoj cerkvi v Kieve. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha,* 2017, vol. LXXXVI, pp. 63–73.
9. Ioannisjan O. M. O roli arhitektury Pervogo Bolgarskogo carstva v stanovlenii drevnerusskogo zodchestva (konec X v.). *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha,* 2011, vol. LVII, pp. 31–76.
10. Ioannisjan O. M. Odnofnyje hramy v arhitekture Armenii i Vizantii (Konstantinopol', Malaja Azija, Pont, Grecija, Kipr). Funkcii i tipologija. *Trudy Gosudarstvennogo Jermitazha,* 2013, vol. LXIX, pp. 64–116.
11. Karpov S. P. Kul'tura Trapezundskoj imperii. *Kul'tura Vizantii. Vol. 3.* Moscow, 1991, pp. 86–119.
12. Losickij Ju. G. Hramy srednevekovogo Kryma IV-XIV vv. (soobrazhenija po rekonstrukcii i restavracii). *Drevnjaja i srednevekovaja Tavrika. Sbornik statej, posvjashhennyj jubileju Eleny Aleksandrovny Parshinoj (Arheologicheskij al'manah.* No. 33). Kiev, 2015, pp. 179–200.
13. Losickij Ju. G., Parshina E. A. Jeski-Kermenskaja bazilika. *Pravoslavnye drevnosti Tavriki. Sbornik materialov po cerkovnoj arheologii.* Kiev, 2002, pp. 99–113.
14. Majko V. V. *Srednevekovye nekropoli Sudakskoj doliny.* Kiev, 2007, 273 p.
15. Majko V. V. Nekropol' hrama Sv. Paraskevyy na posade srednevekovoj Sugdei. *Sacrum et profanum.* Sevastopol', 2012, vol. V, pp. 85–98.
16. Majko V. V. Hristianskij hram na myse Aj-Foka u s. Morskoe v jugo-vostochnom Krymu. *Antichnaia drevnost' i srednie veka,* 2015, vol. 43, pp. 264–274.
17. Majko V. V. Hristianskij hram u podnozhiya gory Kilisa-Kaja vozle Sudaka (predvaritel'noe soobshhenie). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Arheologija srednevekovogo hrama".* Sevastopol', 2017, pp. 44–46.
18. Majko V. V., Dzhanov A. V. *Arheologicheskie pamjatniki Sudakskogo regiona Respubliki Krym.* Simferopol', 2015, 448 p.
19. Makarova T. I. Arheologicheskie raskopki v Kerchi okolo cerkvi Ioanna Predtechi. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii,* 1998, vol. VI, pp. 344–393.
20. Milonas P. M. Zametki ob arhitekture Afona. *Drevnerusskoe iskusstvo. Balkany. Rus'.* St. Petersburg, 1995, vol. 17, pp. 7–81.
21. Ovchinnikova B. B. Ob arhitekturno-stroitel'nyh osobennostjakh hrama v poselke Loo (g. Sochi). *Antichnaia drevnost' i srednie veka,* 2011, vol. 40, pp. 376–389.
22. Polevoj V. M. *Iskusstvo Grecii. V 2-h tomakh. T. 1.* Moscow, 1984, 536 p.
23. Eastmond A. The Byzantine Empires in the Thirteenth Century. *Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium: Hagia Sophia and the Empire of Trebizond.* Burlington, VT: Ashgate, 2004, 208 p.
24. Eastmond A. (Ed.). *Byzantium's Other Empire: Trebizond.* Istanbul, Koç University Press, 2016, 264 p.
25. Rice D. T. *The Church of Hagia Sophia at Trebizond.* Edinburgh, Edinburgh University Press, 1968, 275 p.

В. В. Майко

Пятигранные апсиды христианских храмов Крыма.

К вопросу о происхождении и эволюции

Резюме

В работе рассматривается время появления и эволюция пятигранных апсид христианских храмов средневекового Крыма. Главное внимание уделено пятигранным апсидам, которые представляли собой трапецию с короткими боковыми гранями. Сделан вывод о том, что впервые на полуострове под влиянием Константинопольской архитектуры такие апсиды появляются во второй половине VI – первой половине VII в. и получают наибольшее развитие в базиликах Херсонеса. Возрождение традиции сооружения таких апсид приходится на вторую четверть – середину

XIII в. Прототипом, вероятно, послужила центральная апсида храма Святой Софии в Трапезунде, однако пятигранные апсиды такой формы известны в балканской и греческой архитектуре средневизантийского периода. В дальнейшем сооружение апсид такого объема становится характерным для армянского культового строительства на полуострове во второй половине XIII – первой половине XIV в.

Ключевые слова: христианский храм, пятигранная апсида, Херсонес, Трапезунд, Восточный Крым.

Vadim Maiko

Pentahedral Apses of Christian Temples of the Crimea.

To the Question of Origin and Evolution

Summary

Time of appearance and evolution of pentahedral apses of Christian temples of medieval Crimea are examined in the article. Main attention is spared to the pentahedral apses that were a trapezoid with short lateral verges. Drawn conclusion that first on a peninsula, under influence of Constantinople architecture such apses appear in the second half of 6th – first half of 7th centuries and get most development in the basilicas of Chersonese. A revival of tradition of building of such apses is on the second fourth – middle of the 13th

century. By a prototype, probably, the central apse of temple of Saint Sofia in Trebizond served, however the pentahedral apses of such form are known in Balkan and Greek architecture of middling Byzantine period. In future building of apses of such volume becomes characteristic for Armenian cult building on a peninsula in the second half of 13th – first half of 14th centuries.

Keywords: Christian temple, pentahedral apse, Chersonese, Trebizond, East Crimea.

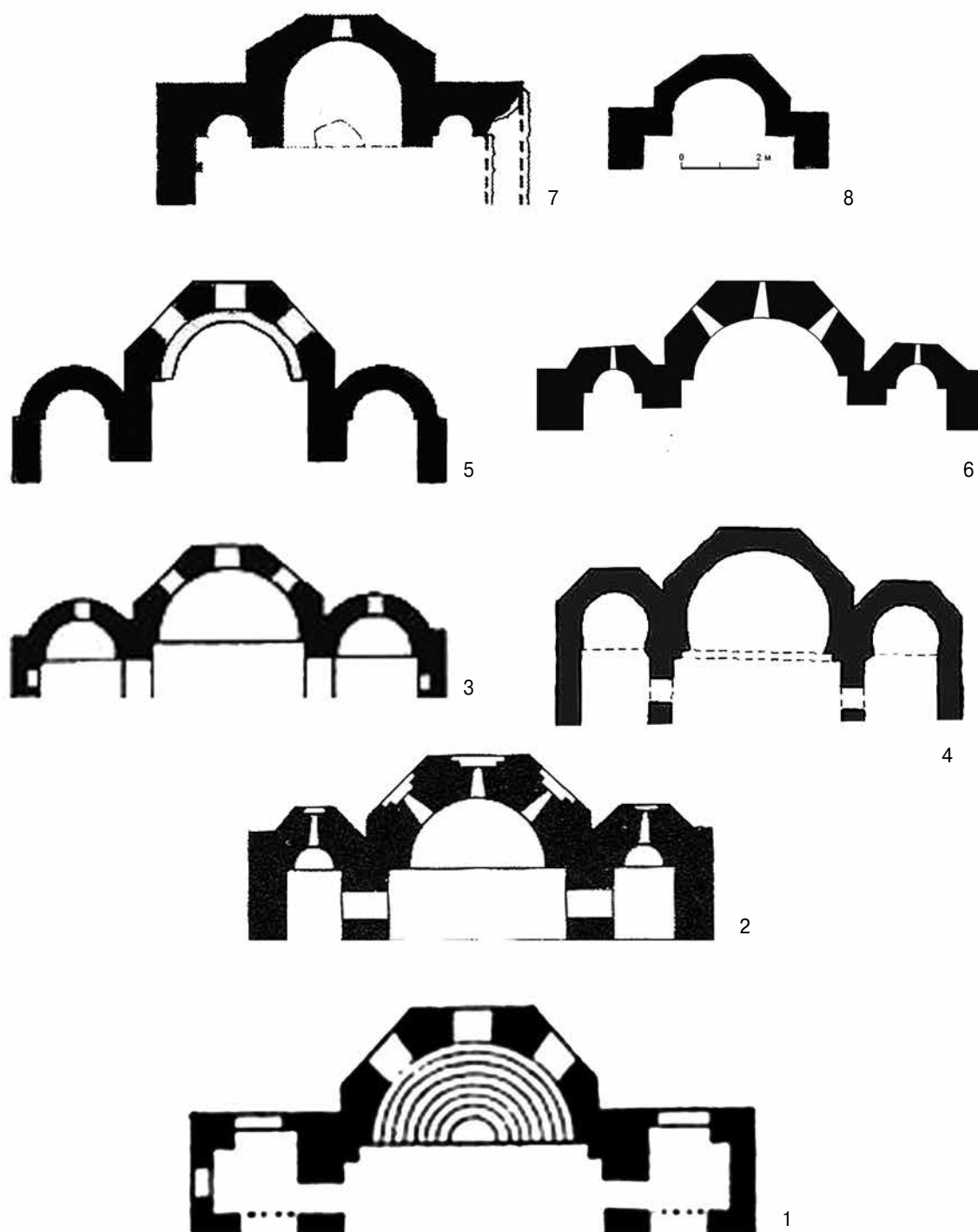

Рис. 1. Пятигранные апсиды с укороченными боковыми гранями средневековых храмов Таврики и их прототипы. 1 – храм Св. Ирины в Константинополе [по: 3, с. 11, рис. 24]; 2 – кафоликон Лавра на Афоне [по: 22, с. 244, рис. А]; 3 – базилика Св. Софии в Охриде [по: 9, с. 36, ил. 6]; 4 – Десятинная церковь в Киеве [по: 8, с. 64, ил. 1]; 5 – храм Св. Софии в Трапезунде [по: 23, р. 30, fig. 6]; 6 – храм у горы Килиса-Кая близ Судака; 7 – храм Сурб-Стефанос близ г. Старый Крым [по: 2, с. 126, рис. 57]; 8 – храм у с. Морское Судакского региона [по: 16, с. 269, рис. 1].

Д. А. МОИСЕЕВ

КЕРАМИДЫ ИЗ РАСКОПОК ХРАМА НА М. БЕЗЫМЯННЫЙ: АНАЛОГИИ И ХРОНОЛОГИЯ

Изучение средневековой строительной керамики Юго-Западного Крыма на сегодняшний день переживает новый этап развития. Одной из немаловажных тенденций при этом является выделение узко датированных групп черепицы по характерным технологическим характеристикам формовочной массы. Одним из наиболее ярких примеров этому может послужить публикация группы керамид второй половины XIII в. из раскопок Эски-Кермена [3], произведенных гончарным центром Илька [6, с. 284; 7, с. 283, 287]. Сейчас этот пример можно признать эталонным для изучения средневековой крымской черепицы. Во-первых, определено точное место производства одной из групп кровельных материалов из слоя разрушения средневекового города. Во-вторых, эта группа строительной керамики имеет узкую датировку в пределах второй половины XIII ст. В-третьих, опубликовано большое количество археологически целых форм. Остальные гончарные центры, производившие строительную керамику, по сравнению с Илькой исследованы хуже [см., например, материалы о гончарном центре Бодрак¹: 5, с. 170; 22, с. 53–56, рис. 29, 30]. Таким образом, изучение черепицы любого памятника должно концентрироваться на попытках определения

центра ее производства. Эта новая фундаментальная задача изучения строительной керамики, наряду с общепринятым поиском целых форм и их датировкой, должна прочно закрепиться в методике.

Предметом рассмотрения в настоящей работе станет черепичный завал из раскопок храма на м. Безымянный² [23, р. 483, 493, fig. 8], из которого происходит коллекция из пяти целых форм (Рис. 6,4,7–8) и двух фрагментов верхних бортов (Рис. 6,5–6). Во время первой публикации находки были описаны как технологически единый комплекс – материал был разбит только на три морфологические группы. Их технологическое описание обыкновенно определяется в историографии «группой 2» (см., например, классификации черепицы из раскопок Херсонеса [18, с. 43] и Мангула [11, с. 325]). С этой группой можно связать ассортимент гончарных центров Батилиман, Бодрак, Ильяз-Кая (Чобан-Таш), Канака и Чобан-Куле (Рис. 1).

Перед нами стояла задача вычленения из единого на первый взгляд комплекса строительной керамики материала, произведенного одним гончарным центром в короткий промежуток времени. Прежде чем перейти к характеристике находок, необходимо описать методику классификации строительной керамики по технологическим признакам и указать основные принципы используемой хронологии.

Методика. Ранее мы уже упомянули о такой классификационной категории, как «группа». Она выделяется по общим технологическим признакам: разновидность формовочной массы, качество обработки глиняного теста, цвет

¹ Этот гончарный центр был открыт и частично исследован А. Л. Якобсоном и М. Я. Чорефом [22, с. 53–55]. Они оставили его безымянным, дав лишь географическую привязку к его местоположению: окраина с. Трудолобовка [22, с. 53]. Отметим крайнюю неудачность такого названия гончарного центра по нескольким причинам. Во-первых, в Крыму существует три села Трудолобовка: в Бахчисарайском, Кировском и Джанкойском районах. Во-вторых, оригинальное местоположение центра находится не на окраине с. Трудолобовка, а в 0,75 км на юг вдоль русла левого притока верховий р. Бодрак в сторону с. Прохладное (расстояние до этого села – 1,6 км). В настоящей работе мы называем данный памятник: «гончарный центр Бодрак».

² Автор выражает благодарность автору исследований Т. Ю. Яшаевой за возможность публикации материала.

и плотность черепка. Объединенная таким образом черепица представляет собой изделия из формовочной массы схожих показателей пластичности – из одних и тех же геологических горизонтов, а значит, и сходных принципов ее подготовки (понижение или повышение пластичности, удаления нежелательных примесей, отмучивания и т. д.). Под группой обыкновенно понимается продукция одного гончарного центра на длительном промежутке времени, изготовленная из сырья, бравшегося в одном месте. Так можно, например, интерпретировать «группу 1» по А. И. Романчук [18, с. 42–43] или «группы 1 и 3» по В. Е. Науменко [11, с. 325]. С другой стороны, «группа» может быть условной (объединяя продукцию нескольких гончарных центров), т. е. представлять собой общий набор приемов для районов с глинами, для которых необходимо либо значительное повышение, либо понижение пластичности. Ярчайшим примером такой ситуации как раз и можно назвать «группу 2» по В. Е. Науменко и А. И. Романчук [11, с. 325; 18, с. 43]. К такой группе относится и продукция гончарного центра Бодрак. Видимо, глина этим гончарным центром бралась излишне жирная (геологическая карта указывает на наличие выходов глин средней юры в районе гончарного центра) и для ее подготовки (снижения жирности) использовался шамот. В итоге скол черепка получался рыхлым, с большим содержанием в нем шамота. Таким же приемом в средневековом Крыму в разное время пользовались гончарные центры в Батилимане и на Ильяз-Кае (Рис. 1), чья продукция также определяется «группой 2»³.

Для обозначения продукции одного гончарного центра на отдельном хронологическом промежутке времени, когда по тем или иным причинам незначительно менялась рецептура подготовки глины, используется классификационная категория «подгруппа». Она выделяется в группе по технологическим признакам: оттенки цвета черепка, количественный и качественный состав примесей. Внутри подгруппы материал разделяется уже по морфологическим признакам (особенностям конструкции и абри-

са отдельных деталей) – вариантам. Последний объединяет собой черепицы, произведенные в одной или серии схожих матриц, то есть продукцию крайне узкого временного промежутка.

Некоторые варианты были выделены по неполным формам с утратой более 50 % объема. Это было сделано на основании специально разработанного вариантообразующего минимума, который представляет собой сочетание следующих условий:

- 1) определение подгруппы;
- 2) расположение ремесленной метки относительно бортов, краев и других конструктивных элементов.

Для реконструкции форм керамид использовались аналогичные средневековые изделия из Херсонеса [18; 20] и Эски-Кермена [2; 14].

Керамиды из раскопок храма на м. Безымянный. Раскопки храма на м. Безымянный открыли комплекс, который просуществовал короткий промежуток времени и был разрушен во время землетрясения, оказавшись в его эпицентре⁴. Судя по археологическому материалу, это произошло в середине X в. [23, р. 483–485]. Вся черепица из раскопок храма на м. Безымянный при введении памятника в научный оборот была определена как технологически единый комплекс [23, р. 483]. Описание, приведенное в публикации, и определение автора, работавшего с материалом, позволяют отнести ее к т. н. группе 2 по А. И. Романчук [18, с. 43]. Однако детальный анализ и изучение фрагментов и целых форм в фондовой коллекции позволило разбить эти керамиды на две подгруппы, которые к тому же представляют два разных гончарных центра.

Подгруппа 1 (Рис. 2а; 6,4–6; 7,1) была представлена черепицей с обожженным черепком красного цвета (2,5YR7/8; 2,5YR6/8; 5YR7/6; 5YR7/8 [24, р. 18–21]), ее формовочная масса рыхлая, комковатая, плохо промешанная, с примесью извести в форме плотных сгустков, большого количества мелкого и среднего шамота из керамики красного (2,5YR6/6; 5YR6/6 [24, р. 18–

³ Материалы из раскопок гончарного центра Ильяз-Каа хранятся в фондах Херсонесского музея-заповедника [19], коллекция КП37320.

⁴ Определение доктора геолого-минералогических наук А. М. Корженкова и кандидата геолого-минералогических наук А. Н. Овсюченко (Институт физики Земли им. О. Ю. Шмидта РАН). На момент выхода настоящей работы готовится статья, посвященная археосейсмологии храма на м. Безымянный, где следы древнего землетрясения будут подробно рассмотрены.

21]) и черного (2,5YR6/1 [24, р. 18–19]) цветов. Ангоб бледно-желтого цвета (2,5YR7/4; 5YR7/3 [24, р. 18–21]), покрывает лицевую часть и боковые грани боковых бортов. Черепица подгруппы представлена прямоугольными изделиями, размерами 46,3×40,0 см, с хорошо выраженным коленчатым изгибом и уступом под углом 45°. Верхний борт трапецевидный, средних размеров (0,7 см). Боковой борт трапецевидный, с хорошо выраженным переходом до поля, средних размеров (2,3–2,6 см). На поле присутствуют водосливные валики, которые начинаются в верхней части керамиды. В верхней части изделия по центру расположена ремесленная метка из букв «СН». Подобная морфологическая форма ранее не публиковалась. Определить аналогии керамической массе не удалось⁵.

Подгруппа 2 (Рис. 2,b; 7,2; 8) была представлена черепицей с обожженным черепком красного цвета (10R5/6 [24, р. 16–17]), ее формовочная масса рыхлая, плохо промешанная, шероховатая на поверхности, с примесью известняка (мелкие бежевые сферические точки в сколе), незначительного содержания шамота (в тон черепку, мелкого и крупного размеров, ломаной/неправильной формы; темного цвета, средних и крупных размеров), песка (кварцевый, небольшое содержание). Поверхность изделий иногда покрыта светло-желтым ангобом (2,5YR7/4; 5YR7/4 [24, р. 18–21]).

Изделия подгруппы 2 были представлены двумя вариантами форм. При этом они имели крайне редкий и до настоящего времени должным образом не описанный в соответствующей литературе морфологический признак: отсутствие коленчатых изгибов на нижних углах керамид. Для подгруппы 2 было обнаружено значительное количество аналогий по технологическим признакам. Материал из раскопок храма на м. Безымянный и найденные аналогии будут описаны вместе. Такой подход позволит полно и комплексно взглянуть на проблему отсутствия коленчатых изгибов на керамидах и объяснить этот необычный морфологический

признак, описав закономерности видоизменения морфологии черепиц.

Место производства подгруппы 2 неизвестно. В коллекциях из раскопок гончарных центров Бодрак и Канака черепицы подгруппы 2 нет, поэтому можно предположить, что связать ее с этими гончарными центрами нельзя (Рис. 1).

Такое керамическое тесто известно в историографии. И. А. Завадская, исследователь эски-керменской строительной керамики, определяет его группой III [2, с. 301]. В классификации строительной керамики, разработанной на основании изучения черепицы Мангупа [10, с. 231; 11, с. 325], гончарных центров Илька [6, с. 284] и Суаткан⁶, эта подгруппа керамического теста имеет обозначение «Группа 2 – подгруппа 2».

Аналогии подгруппе, но не самим формам – они встречены впервые, на сегодняшний день обнаружены в нескольких комплексах. Во-первых, это раскопки Эски-Кермена Н. И. Репниковым в 1936–1937 гг. Строительная керамика из исследований автора была опубликована дважды (только ремесленные метки): самим Н. И. Репниковым [16, с. 278] и впоследствии А. Л. Якобсоном [22, с. 66, 68, 93–94, 98–104, 148, 152–155]. Сама коллекция хранится в фондах Бахчисарайского музея-заповедника и была подготовлена для настоящей работы автором (Рис. 3; 4,1–4). Вторым комплексом является черепица из раскопок той же самой крепости, но в 2003–2005 гг., опубликованная в 2008 г. И. А. Завадской (Рис. 4,5–7; 5; 6,1–2) [1, с. 301–302, рис. 3,6–14]. Третий комплекс представлен материалом из засыпи цистерны-тюрьмы в VII квартале Херсонеса (Рис. 6,3) [12, с. 96, 107, 110, рис. 6,1]. Четвертый происходит из раскопок древнего Партенита на территории современного санатория «Крым» Е. А. Паршиной в 1985–1988 гг. [15, с. 68–69, 72–73, 88]. Коллекция строительной керамики из раскопок Партенита хранится в Алуштинском музее и, как и бахчисарайская коллекция, была подготовлена автором для настоящей публикации. На самом деле археологических объектов, где есть такая черепица, гораздо больше [9, с. 231–232, рис. 4,12–14; 13, с. 82, 88, 90, рис. 20,6–8; 30,2–3; 31,13; 32,3–4; 17, с. 186, рис. 4,40; 18, табл.

⁵ Во многом отсутствие аналогий керамической массе подгруппы 1 объясняется тем, что словесное описание нельзя удачно применить для его описания. Любое словесное описание керамической массы в публикациях без снабжения его фотографией сколов, вне зависимости от квалификации автора, остается субъективным и нерабочим.

⁶ Раскопки гончарного центра автора.

4,Е3/109; 5,Е4/106; 9,Н1/130,Н2,Н3/134,Н5/132; 12,М8/189; 10,Н23/207; 14,Н11(Н23)/207; 17,К43; 27,уз51; рис. 22,1–2; 32,4; 39,2; 20, с. 106, рис. 1,21; 22, с. 69, 95–96, рис. 41,28–32; 58,108–109; 59, 207], однако только названные представляют значительные выборки интересующего нас материала и обработаны, исходя из современных представлений о методике фиксации материала.

Среди керамид подгруппы 2 из раскопок храма на м. Безымянный и найденных им аналогий можно выделить 10 вариантов археологически целых форм (далее АЦФ) (Табл. 1). Опишем комплексно ключевые морфологические элементы керамид: верхние борта и коленчатые изгибы. Боковые борта рассмотрены не будут, т. к. на более половине вариантов, известных по аналогиям, они не сохранились.

Из отличительных морфологических особенностей керамид подгруппы 2 (калиптеры на сегодняшний день автору неизвестны) можно назвать форму верхних бортов и коленчатых изгибов, которые разделяются по ряду характерных признаков⁷.

Верхние борта представлены несколькими вариациями. Во-первых, они могут быть массивными, высокими, до 1,5 см, подпрямоугольной формы. Встречены на керамидах вариантов 2 (Рис. 2; 3,5–6,8; 4,6; 6,3), 4 (Рис. 2; 3,12; 4,7) и на нескольких безвариантных фрагментах (Рис. 6,2; 9,5–6). Высота верхнего борта, по сравнению с высотой бокового борта, составляет 2/3. Подпрямоугольная форма верхнего борта говорит о том, что мастера при изготовлении их на матрице не использовали дополнительных подрезок и сглаживаний. Такое строение керамид необычно, вне зависимости от подгруппы или времени применения.

Также верхним бортам характерна низкая высота (до 0,5 см), трапециевидная форма сечения и широкая верхняя грань. Подобными верхними бортами обладают варианты 3 (Рис. 2; 3,9–11), 5 (Рис. 2; 4,1), 6 (Рис. 2; 6,1), 9 (Рис. 2; 9,1) и безвариантные фрагменты (Рис. 4,3–4).

Третья вариация верхних бортов характерна для керамид вариантов 1 (Рис. 2; 3,3; 4,5), 7 (Рис. 2; 7,2; 8,2) и 8 (Рис. 2; 8,1). Они средних размеров (0,5–0,7 см) и подпрямоугольной формы. Один из фрагментов варианта 1 из раскопок Эски-Кермена в 1936–1937 гг. (Рис. 3,1) вообще имеет верхний борт в виде невысокого валика (0,4 см).

Четвертая вариация верхних бортов встречается только лишь на фрагменте керамида варианта 10 из раскопок Партенита (Рис. 9,4). Верхний борт варианта высокий (1,3 см), трапециевидный. Особенным отличием варианта является равная высота боковых и верхних бортов, что является крайне редким явлением.

Методика анализа верхних бортов средневековых крымских керамид абсолютно не разработана. В историографии не удалось обнаружить каких бы то ни было указаний на условия формирования и эволюции этого морфологического элемента. В первую очередь постараемся ответить на вопрос: как получаются верхние борта в технологическом плане и для чего они нужны? Верхние борта появляются на керамидах не ранее 40-х гг. IX в. К этому времени относится гибель Правобережного Цимлянско-городнища (далее ПЦГ) на Нижнем Дону, где массово известны керамиды без верхних бортов и с «ложным верхним бортом» [8, с. 150–153, 159–160, рис. 3–4; 21, с. 111]. Несомненно, ПЦГ было построено при помощи византийских военных инженеров, которые принесли населению Хазарского каганата на Нижнем Дону технологии сооружения белокаменных крепостей, использование штукатурки, краски, кирпичиков (плитки), а также производство строительной керамики (керамид и калиптеров) [21, с. 102, 137]. Наибольшее количество аналогий в морфологии изделий керамидам и калиптерам с ПЦГ известно в Крыму [21, с. 122, 126–127], что заставляет исследователей склониться к тому, что производство черепицы на Нижний Дон на рубеже VIII–IX вв. проникло именно отсюда [8, с. 147–148]. Как таковые, верхние борта являются усовершенствованием конструкции деревянной матрицы для того, чтобы избежать появления так называемого ложного верхнего борта. Этот элемент является нежелательным и от него часто стараются избавиться, срезая, придавая верхнему краю керамида гладкий вид без

⁷ Отметим, что описание и попытки выделения закономерностей в морфологии бортов (и верхних, и боковых, и нижних) имеют значение только в рамках одной подгруппы, т. е. одной хронологически узкой и единой совокупности материала. Это объясняется ограниченностью и простотой приемов бортов в деревянной матрице. Относительно особенностей строения коленчатых изгибов такой уверенности нет, и этот вопрос требует дальнейшего исследования.

каких бы то ни было выступов [8, с. 150]. Верхние борта получаются путем добавления дополнительной поперечной скрепляющей доски на верхнем краю матрицы. В этом случае продольные доски ее поля не нужно выравнивать под верхнюю соединяющую планку и крепить к ней (Рис. 2,2). Видимо, эти доски крепятся гвоздями именно к поперечной скрепляющей доске. Благодаря добавлению этого элемента на матрице вдоль верхнего ее края появляется углубление, которое и формирует верхний борт. В дальнейшем это углубление можно дополнительно доработать и подрезать (Рис. 3,3,9–11; 4,1,3–5; 6,1) или оставить без изменений (Рис. 3,1–2,5–6,8,12; 4,6–7; 5,1; 6,2; 7,2; 8,1–2).

Объяснить и датировать сами по себе изменения формы верхних бортов подгруппы 2 достаточно сложно. Они прослежены на черепице, изготовленной из одной подгруппы теста. Даже морфологически все собранные в настоящей статье керамики представляют достаточно однородный комплекс. Линейные размеры керамики (36,7–41,0×33,3–34,0 см) и форма бокового борта (средний – 2,0 см, трапециевидный), которые обычно в первую очередь указывают на разновременность производства изделий, также абсолютно типичны. Единственным морфологическим отличием, позволяющим разделить варианты относительно друг друга на более ранние и более поздние, является форма коленчатых изгибов.

Коленчатые изгибы представлены тремя вариациями. Первая форма имеет вид хорошо выраженного коленчатого изгиба с уступом под углом 45°. Их имеют варианты 1 (Рис. 4,5; 5,1) и 3 (Рис. 5,2). При этом «хвост» коленчатого изгиба на варианте 1 несколько длиннее: 4,0–5,0 см против 3,4–3,5 см. Единственная археологически целая керамика варианта 3 на правом коленчатом изгибе имеет брак резки матрицы, который искажает реальную форму коленчатого изгиба (Рис. 5,2). Этот коленчатый изгиб своеобразный, с дополнительным уступом, который сформировался во время резки перехода бокового борта от верхней грани к полю из-за отслоения лишнего волокна дерева.

Вторая форма коленчатого изгиба – плохо выраженная с внутренней стороны бокового борта, слабо выраженная с внешней стороны, с глубиной уступа 0,7–1,2 см, уступом под

углом 20–25° и длиной «хвоста» 4,3–5,3 см (Рис. 7,2; 8,2).

Третья форма представлена АЦФ без коленчатого изгиба (Рис. 8,1). Отсутствие коленчатого изгиба является особенностью эволюции производства керамики в Юго-Западном Крыму. Керамики без коленчатых изгибов являются редкими находками. Такие черепицы известны в комплексе вымостки полов рубежа XI–XII вв. помещений 5 и 6 в Портовом районе 1 Херсонеса [18, с. 84–85, рис. 67]. Отметим, что хронология керамики без коленчатых изгибов остается не до конца ясной. Керамика варианта 8 без коленчатых изгибов из раскопок храма на м. Безымянный происходит из слоя разрушения середины X в. [23, р. 483, 485]. Она представлена одной формой. Это может говорить о том, что она происходит из т. н. поздних ремонтов⁸ и попала в крышу на позднем этапе ее существования, возможно, последней. «Первоначальным набором»⁹ при этом, без сомнения, являются керамики подгруппы 1: они представляют крупную выборку морфологически единых керамики.

Четвертый вид коленчатых изгибов представлен слабо выраженной формой с внутренней стороны бокового борта. На матрице способ изготовления плохо выраженных коленчатых изгибов близок технологии производства матриц без коленчатых изгибов. Можно сказать, что плохо выраженные коленчатые изгибы были своеобразной переходной формой в процессе исчезновения коленчатых изгибов на керамиках подгруппы 2. В комплексах более раннего времени, изданных в последнее время в соответствии с требованиями современной методики, не встречено ни одной керамики с плохо выраженным

⁸ Под «ремонт» понимаются керамики из разнообразных вариантов, которые попадали на кровлю во время ее существования. Они представлены единичными формами или незначительными выборками керамики одного варианта и разбросаны локально по площади кровли. Хорошо эту гипотезу подтверждает комплекс из раскопок раннесредневекового поселения в Лагерной Балке [4, с. 176, 180, 182] и храма на территории гончарного центра Илька [7, с. 290–291].

⁹ Под «первоначальным набором» понимается вариант первоначального заказа, т. е. кровля была сложена из типологически единой партии черепицы, которую специально готовили к строительству. Хорошо эту гипотезу подтверждает комплекс из раскопок раннесредневекового поселения в Лагерной Балке (Мангуп), где однотипные керамики, выполненные в одной или нескольких схожих матрицах, составляли от 59,26 % до 77,00 % черепиц одной кровли [4, с. 176, 180, 182], и храма на территории гончарного центра Илька [7, с. 290–291].

коленчатым изгибом либо вообще без него (см., например, черепичный завал рубежа IX–X вв. из раскопок Мангуна [4, с. 178, рис. 3] и черепицу из кровли храма на холме Тузлук, которая относится ко второй половине IX – середине X ст. [1, с. 119–136, 268, рис. 3.1–3.13]).

Вопросы хронологии подгруппы 2 изучает только И. А. Завадская и определяет ее в пределах второй половины XIII в. [2, с. 294, 305]. Хронологию комплекса строительной керамики из раскопок Эски-Кермена в 1936–1937 гг. определить сложнее. Проблема заключается в том, что и Н. И. Репников, и А. Л. Якобсон публикуют строительную керамику из этих раскопок в виде сборных таблиц ремесленных меток, которые происходят из разных помещений и кварталов [16, с. 277–278, 280; 22, с. 98]. А. Л. Якобсон, с другой стороны, дает датировку меток подгруппы 2, исходя из своей классификации [22, с. 99–100], справедливость которой на сегодняшний день ставится под сомнение [2, с. 292–293; 13, с. 56, 66, 95]. Также А. Л. Якобсон упоминает, что коллекция строительной керамики из раскопок 1936–1937 гг. происходит из руин усадеб «верхнего слоя», который, по мнению исследователя, датируется XII–XIII вв. [22, с. 98]. Никакого анализа материала в подтверждение своих слов он не приводит.

Ключевое значение в хронологии подгруппы 2 приобретает черепица из раскопок храма на м. Безымянный и цистерны-тюрьмы в квартале

VII Херсонесского городища. При этом, только рухнувшая кровля храма с м. Безымянный представляет собой закрытый археологический комплекс [23, р. 485], в отличие от остального переотложенного или вторично использованного материала.

Заполнение цистерны-тюрьмы в VII квартале Херсонесского городища произошло в конце XI – начале XII в. [12, с. 107]. Судя по сохранности материала, как минимум это справедливо в отношении черепицы, это был сброс мусора [12, с. 110, рис. 6]. В любом случае, цистерна-тюрьма указывает на раннее время бытования подгруппы 2 и то, что к рубежу XI–XII вв. уже был прекращен ее выпуск, и она вышла из массового использования.

Черепица подгруппы 2 и аналогии ей, позволяют отнести ее к хронологическому промежутку середины X – рубежа XI/XII вв. С другой стороны, такая черепица хорошо известна и в более поздних комплексах, например второй половины XIII в. Тем не менее, в этом случае она не представляет больших коллекций разнообразных вариантов и, видимо, является вторично использованным материалом либо свидетельствует о внушительном возрасте тех крыш, в которых была найдена. В пользу этого также говорит то, что некоторые варианты этой подгруппы не имеют коленчатых изгибов – морфологического признака, не характерного для керамид XIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / ред.-сост. И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин // Археологический альманах. Киев, 2015. № 32. 408 с.
2. Завадская И. А. Серии черепиц с ремесленными знаками из Эски-Кермена (по материалам раскопок 2003–2005 гг.) // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 291–315.
3. Завадская И. А. Черепицы Ia группы на Эски-Кермене: к вопросу о месте производства // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 160–188.
4. Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангун) // Древности 2011. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 172–190.
5. Моисеев Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 162–186.
6. Моисеев Д. А. Керамиды «хазарского» и «фемного» времени из раскопок Илькинского производственного центра // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2014. Т. 12. С. 277–318.
7. Моисеев Д. А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX. С. 278–310.

8. Моисеев Д. А. Морфология керамид Правобережного Цимлянского городища: к вопросу о связи с крымским и таманским производством черепицы // ХА. М., 2017. Т. 15. С. 146–165.
9. Мыц В. Л. Средневековое укрепление Исар-Кая // СА. 1987. № 2. С. 228–246.
10. Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224–242.
11. Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // БИАС. 1997. Вып. 1. С. 324–340.
12. Нессель В. А. Керамический комплекс // ХСб. 2006. Supplement I. С. 95–140.
13. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики // Феодалная Таврика: Материалы по истории и археологии Крыма. Киев: Наукова думка, 1974. С. 54–96.
14. Паршина Е. А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. С. 36–59.
15. Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика: Сборник научных трудов / Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 64–101.
16. Репников Н. И. Городище Эски-Кермен // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 277–282.
17. Романчук А. И. Черепицы со знаками из раскопок на Мангупе // СА. 1977. № 2. С. 181–192.
18. Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 169 с.
19. [Савеля О. Я.] Отчет Севастопольской археологической экспедиции о полевых исследованиях в г. Севастополе под руководством О. Я. Савели. 1991 г. // НА ГМЗХТ. Д. 3068. 258 л.
20. Симонова Т. И. Метки на черепице кровли дома XIII–XIV вв. // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 104–120.
21. Флеров В. С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // Калинина Т. М., Флеров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. С. 101–158.
22. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. М.: Наука, 1979. 260 с.
23. Яшаева Т. Ю. Хазаро-булгарский храм в предместье византийского Херсона // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași, 2005. P. 481–493.
24. Munsell Soil Color Charts. Grand rapids: Xrite, 2009. 27 p.

REFERENCES

1. Teslenko I. B., Musin A. E. (Eds.). Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy. *Arkheologicheskii al'manakh*, 2015, No. 32, 408 p.
2. Zavadskaiia I. A. Serii cherepits s remeslennymi znakami iz Eski-Kermena (po materialam raskopok 2003–2005 gg.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, vol. XIV, pp. 291–315.
3. Zavadskaiia I. A. Cherepitsy Ia grupy na Eski-Kermene: k voprosu o meste proizvodstva. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, vol. XXII, pp. 160–188.
4. Moiseev D. A. Arkheologicheskii kompleks stroitel'noi keramiki IX–X vv. iz raskopok poseleniia v Lagernoi Balke (Mangup). *Drevnosti 2011*, Khar'kov, 2011, vol. 10, pp. 172–190.
5. Moiseev D. A. Rannevizantiiskaia cherepitsa iz raskopok tsisterny v tsentral'nom nefе baziliki “Kruze” v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2013, vol. XVIII, pp. 162–186.
6. Moiseev D. A. Keramidy “khazarskogo” i “femnogo” vremeni iz raskopok Il'kinskogo proizvodstvennogo tsentra. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*, Donetsk, 2014, vol. 12, pp. 277–318.
7. Moiseev D. A. Kompleks stroitel'noi keramiki XIV v. iz raskopok khristianskogo khrama v okruge gory Il'ka. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2014, vol. XIX, pp. 278–310.
8. Moiseev D. A. Morfologiia keramid Pravoberezhnogo Tsimlianskogo gorodishcha: k voprosu o sviazi s krymskim i tamanskim proizvodstvom cherepitsy. *Khazarskii al'manakh*, Moscow, 2017, vol. 15, pp. 146–165.

9. Myts V. L. Srednevekovoe ukreplenie Isar-Kaia. *Sovetskaia arkheologiya*, 1987, No. 2, pp. 228–246.
10. Myts V. L. Krestoobraznyi khram Mangupa. *Sovetskaia arkheologiya*, 1990, No. 1, pp. 224–242.
11. Naumenko V. E. Raskopki rannesrednevekovogo poseleniia u podnozhii Mangupa. *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 1997, vol. 1, pp. 324–340.
12. Nessel' V. A. Ikonografiia tsisterny – proba prochteniia. *Khersonesskii sbornik*, 2006, Supplement I, pp. 95–140.
13. Parshina E. A. Srednevekovaia keramika Iuzhnoi Tavriki. *Feodal'naia Tavrika: Materialy po istorii i arkheologii Kryma*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 54–96.
14. Parshina E. A. Eski-Kermenskaia bazilika. *Arkhitekturno-arkheologicheskie issledovaniia v Krymu*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 36–59.
15. Parshina E. A. Torzhishche v Partenitakh. *Tolochko P. P. (Ed.). Vizantiiskaia Tavrika: Sbornik nauchnykh trudov*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, pp. 64–101.
16. Repnikov N. I. Gorodishche Eski-Kermen. *Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia*. Moscow; Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1941, pp. 277–282.
17. Romanchuk A. I. Cherepitsy so znakami iz raskopok na Mangupe. *Sovetskaia arkheologiya*, 1977, No. 2, pp. 181–192.
18. Romanchuk A. I. *Stroitel'nye materialy vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2004, 169 p.
19. [Savelia O. Ia.] Otchet Sevastopol'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii o polevykh issledovaniakh v g. Sevastopole pod rukovodstvom O. Ia. Saveli. 1991 g. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. D. 3068. 258 l.
20. Simonova T. I. Metki na cherepitse krovli doma XIII–XIV vv. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1980, vol. 17, pp. 104–120.
21. Flerov V. S. Stroitel'nye materialy vizantiiskogo proiskhozhdeniia v khazarских krepostiakh Nizhnego Dona. *Kalinina T. M., Flerov V. S., Petrukhin V. Ia. Khazariia v krosskul'turnom prostranstve. Istoricheskaia geografiia. Krepostnaia arkhitektura. Vybor very*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2014, pp. 101–158.
22. Iakobson A. L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki*. Moscow, Nauka Publ., 1979, 260 p.
23. Iashaeva T. Iu. Khazaro-bulgarskii khram v predmest'e vizantiiskogo Khersona. *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest*. Iași, 2005, pp. 481–493.
24. *Munsell Soil Color Charts*. Grand rapids, Xrite, 2009, 27 p.

Д. А. Моисеев

Керамиды из раскопок храма на м. Безымянный: аналогии и хронология

Резюме

Из раскопок храма на м. Безымянный был открыт черепичный завал кровли церкви. Анализ черепицы из него позволил найти широкий круг аналогий. Все аналогии принадлежали подгруппе 2 группы 2 (классификация Д. Моисеева) или группы III (классификация И. А. Завадской). Такая черепица производилась неизвестным гончарным центром. В статье собрана наиболее полная коллекция черепицы подгруппы 2 из раскопок Эски-Кермена в 1936–1937 гг. и 2003–2005 гг., Партенита (1985–1988), засыпи цис-

терны-тюрьмы в квартале VII Херсонеса и храма на м. Безымянный. Особая форма нижних углов керамид подгруппы 2 из раскопок храма на м. Безымянный позволила отнести эту формовочную массу к первой половине X в. Верхнюю дату точно определить не удалось, но она явно не выходит за пределы XII–XIII вв.

Ключевые слова: черепица, гончарный центр, керамида, хронология, коленчатый изгиб, храм, цистерна, тюрьма, квартал.

Dmitry Moiseiev

Tegulae from the Excavations of the Church on *Bezmyannyi* Cape:

Analogy and Chronology

Summary

A roof tile collapse has been discovered during excavations of the church on *Bezmyannyi* cape. The analysis of its tiles allowed to find a wide range of analogies. All of the analogies belonged to so called group 2 subgroup 2 (classification by D. Moiseiev) or group III (classification by I. Zavadskaya) and were produced by unknown production center. The article fully represents the collection of these tiles from excavations of Eski-Kermen in 1936–1937 and 2003–2005, Partenit (1985–1988), cistern-prison in block 7

of Chersonesos and the church on *Bezmyannyi* cape near Chersonesos. A specific shape of lower angles of subgroup 2 tiles from excavations of the church on *Bezmyannyi* cape allowed to date the ceramic mass to the first half of the 10th century. The upper date couldn't have been defined, however it clearly doesn't go beyond 12th–13th centuries.

Keywords: tile, tile production center, tegulae, chronology, knot bend, church, cistern, prison, block.

Таблица 1. Керамиды группы 2. Морфологическое описание.

Группа/ под- группа/ вариант	Размер, см	Верхний борт	Боковой борт	Ремесленная метка	Водослив- ные валики	Коленчатый изгиб	Примечания
II/1	46,5–46,6 × 40,2–40,6	подпрямоуголь- ный, средний, 0,7–0,8 см	трапециевидный, средний, 2,3–2,6 см	в виде букв «СН», 7,4×10,8–11,3 см, в верхней части по центру, в среднем рельефе (0,3–0,6 см)	начало (от верх- него края) левого – 10,4–10,5 см; начало правого – 9,4–9,7 см	выражен хорошо, длина перехода 1,7–2,4 под углом 45°, длина «хвоста» 4,9–5,3 см	Рис. 6,3–5; 7,1
II/2/1	40,7–41,0 × 33,2–34,0	трапециевидный с широкой верхней гранью, средний, 0,4–0,8 см	трапециевидный, средний, 2,1–3,3 см	в виде буквы «Е», 3,3–3,6×3,4–3,7 см, в верхней части слева, в среднем рельефе (0,3–0,5 см)	начало (от верх- него края) левого – 6,1–6,8 см; на- чало правого – 6,5 см	выражен хорошо, длина перехода 1,8–3,3 под углом 45°, длина «хвоста» 4,0–5,0 см	Рис. 3,1–4; 4,5; 5,1; брак: шов, проходя- щий через все поле, от составных досок матрицы
II/2/2	?	подпрямоуголь- ный, высокий, 1,0–1,5 см, дважды встречен средний, 0,7 см	трапециевидный, средний, 2,6 см	в виде буквы «I», 4,4–4,9×3,6–4,5 см, в верхней части по центру, в среднем рельефе (0,3–0,7 см)	начало (от верх- него края) левого – 6,4–6,5 см; нача- ло правого – ?	?	Рис. 3,5–9; 4,6; 6,3; 9,11
II/2/3	36,7×33,3	трапециевидный с широкой верхней гранью, средний, 0,5–0,7 см	трапециевидный, средний, 1,8–2,0 см	в виде буквы «К», разверну- той на 90° по ч. с., 8,4–8,6×6,6–6,7 см, в верхней части по центру, в низком рельефе (0,2–0,5 см)	начало (от верх- него края) левого – 2,6 см; начало правого – ? см	выражен хорошо, длина перехода 2,2–2,6 под углом 45°, длина «хвоста» 3,4–3,5 см	Рис. 3,10–12; 5,2; брак: коленчатого из- гиба: дополнительный уступ из-за отщепле- ния лишнего волокна дерева во время резки в месте перехода боко- вого борта от верхней границы к полю
II/2/4	?	подпрямоуголь- ный, высокий, 1,0 см	трапециевидный, средний, 2,8 см	в виде букв «DM», при раз- вороте «D» на 90° против ч. с., 8,5–8,7×9,2 см, в верх- ней части по центру, в высо- ком рельефе (0,5–0,7 см)	начало (от верх- него края) левого – ?; начало право- го – 6,2 см	?	Рис. 3,13; 4,7
II/2/5	?	трапециевидный с широкой верхней гранью, средний, 0,5 см	?	в виде знака «>», 4,1×3,8 см, в верхней части по центру, в среднем рельефе (0,3 см)	начало не сохра- нилось ни для правого, ни для левого	?	Рис. 4,1
II/2/6	?	трапециевидный с широкой верхней гранью, средний, 0,6 см	трапециевидный, средний, 2,0 см	в виде буквы «Г», 3,4×2,8 см, в верхней части по центру, в среднем рельефе (0,4 см)	начало (от верх- них углов, длина считается по верхнему краю) левого – 6,4 см; начало правого – ?	?	Рис. 6,1
II/2/7	40,4–41,0 × 33,4–33,9	подпрямоуголь- ный, средний, 0,5–0,9 см	трапециевидный, средний, 1,7–2,4 см	–	начало (от верх- него края) левого – 12,2–12,7 см; начало правого – 10,0–10,4 см	не выражен с вну- тренней стороны бокового борта, длина перехода 0,6–2Ш под углом 20–25°, длина «хвоста» 4,3–5,3 см	Рис. 7,2; 8,2; брак: шов, проходя- щий через все поле, от составных досок матрицы
II/2/8	40,9–41,1 × 31,5–32,3	подпрямоуголь- ный, средний, 1,1 см	трапециевидный, средний, 1,9–2,3 см	–	начало (от верх- него края) левого – 7,0 см; начало правого – 9,1 см	коленчатый изгиб не выражен	Рис. 8,1
II/2/9	?	подпрямоуголь- ный, низкий, 0,5 см	трапециевидный, средний, 2,4 см	в виде букв «Г(?)Е», ?×6,8 см, в верхней части по центру, в среднем рельефе (0,3 см)	–	?	Рис. 9,1
II/2/10	?	трапециевидный, высокий, 1,3 см	трапециевидный, низкий, 1,0 см, место перехода верхнего борта в боковой находится в 10,8 см от верхне- го края	в виде букв «NH», 5,9×7,2–7,9 см, в верхней части по центру, в среднем рельефе (0,4 см)	–	?	Рис. 9,2–4

Рис. 1. Карта Юго-Западного Крыма с цифровым рельефом SRTM.

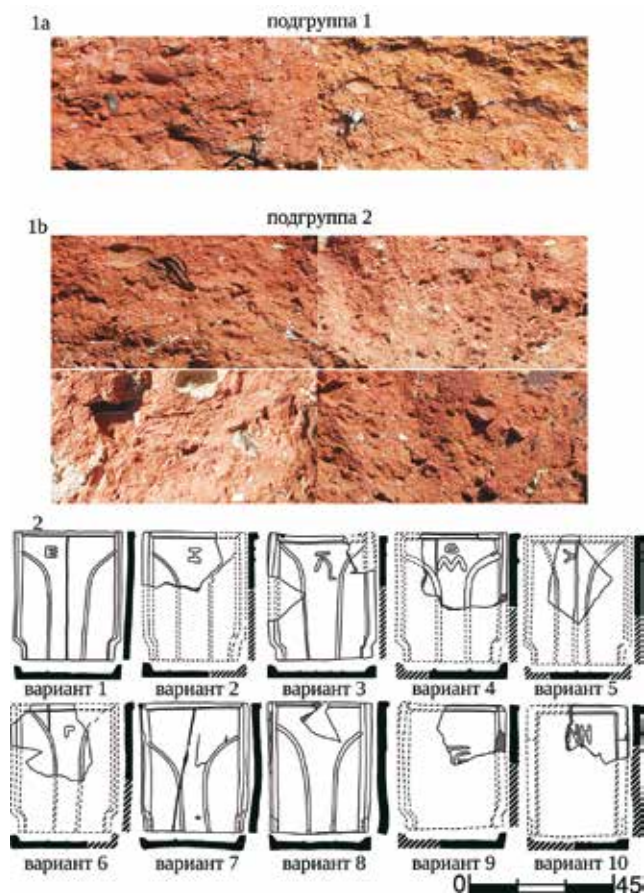

Рис. 2. Керамиды X в. подгруппы 2:
1 – сколы керамид; 2 – морфологическая классификация, варианты керамид.

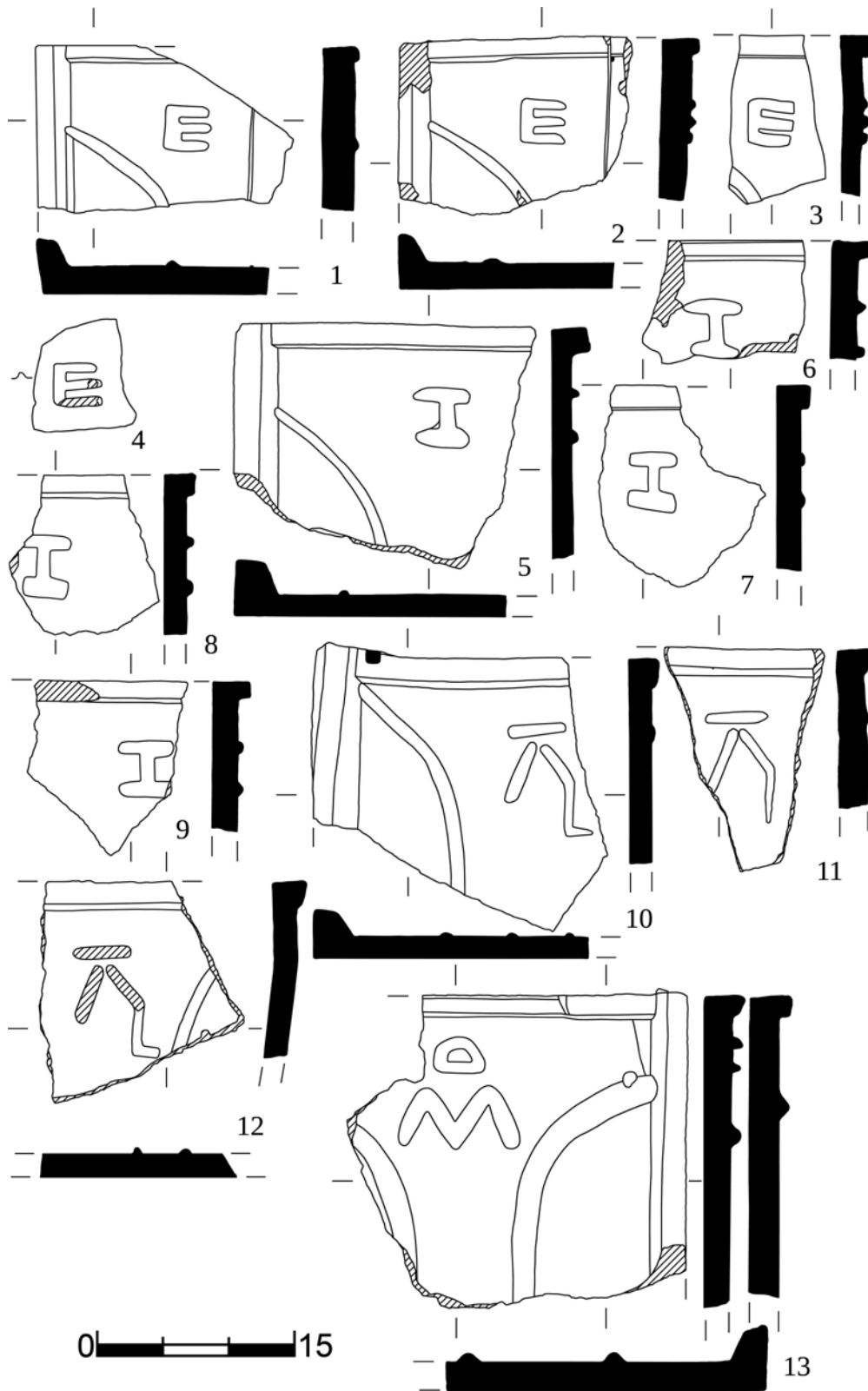

Рис. 3. Керамиды подгруппы 2 из раскопок Эски-Кермена в 1936–1937 гг.

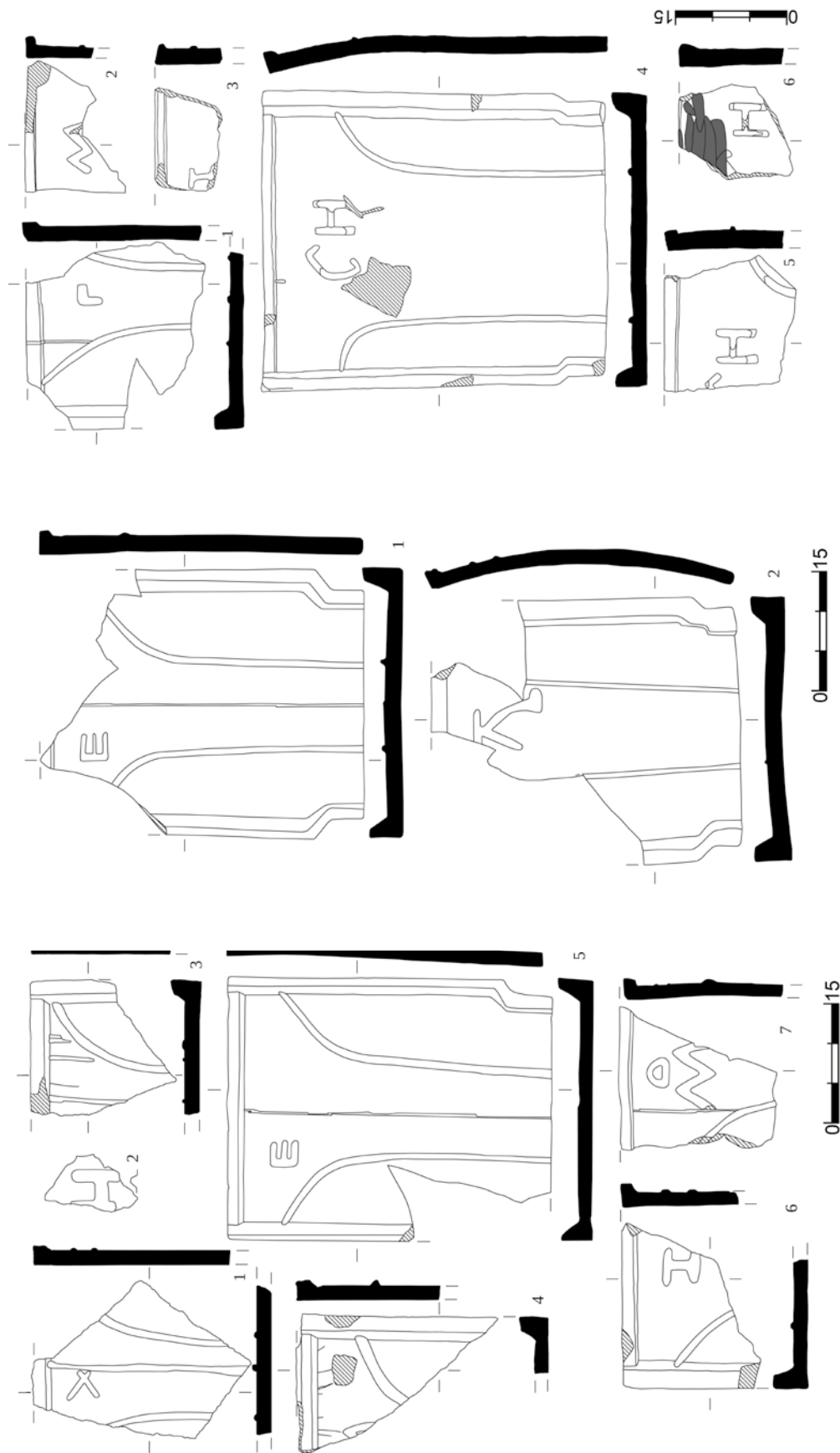

Рис. 4. Керамиды подгруппы 2 из раскопок Эски-Кермена в 2003–2005 гг.

Рис. 5. Керамиды подгруппы 2 из раскопок Эски-Кермена в 2003–2005 гг.

Рис. 6. Керамиды: 1–2 – *tegulae* подгруппы 2 из раскопок Эски-Кермена в 2003–2005 гг.; 3 – *tegula* подгруппы 2 из раскопок засыпи цистерны-тюрьмы в квартале VII Херсонеса; 4–6 – *tegulae* подгруппы 1 из раскопок храма на м. Безымянный.

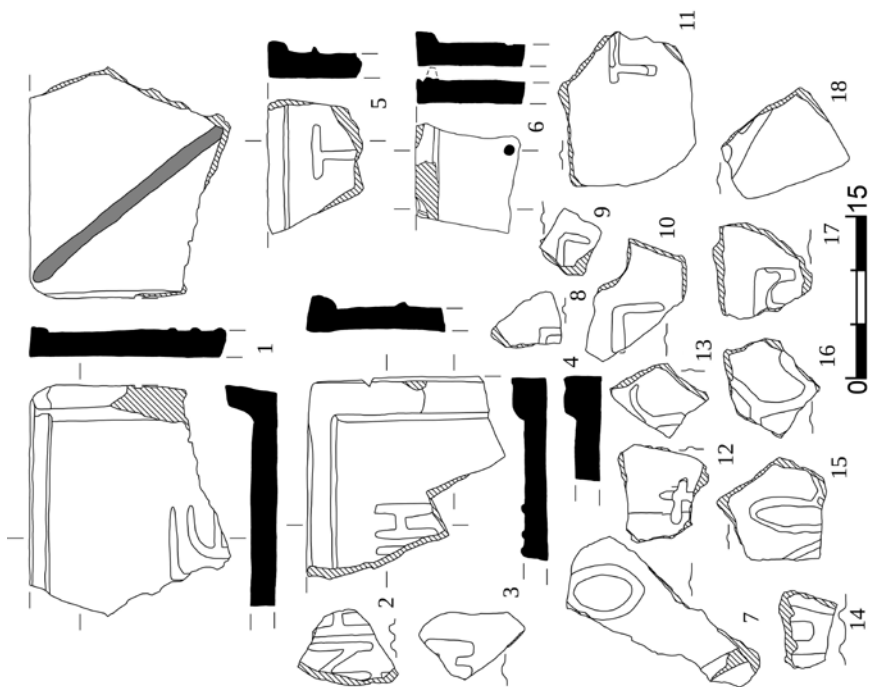

Рис. 9. Керамиды подгруппы 2 из раскопок на территории санатория «Крым» в Партените в 1985–1988 гг.

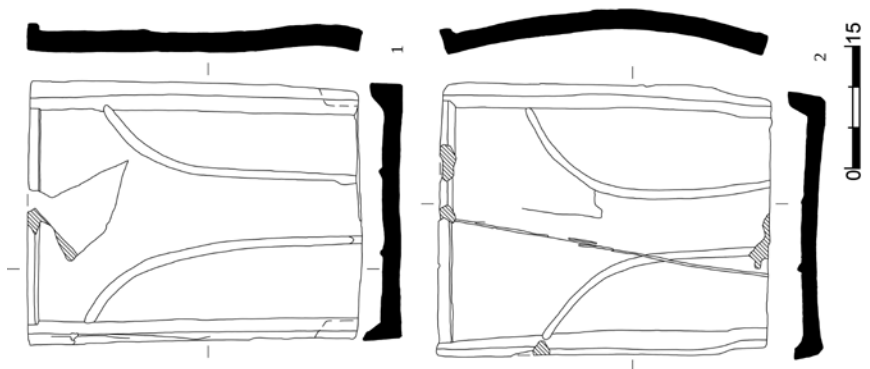

Рис. 8. Керамиды из раскопок храма на м. Безымянный производства гонимого центра Бодрак.

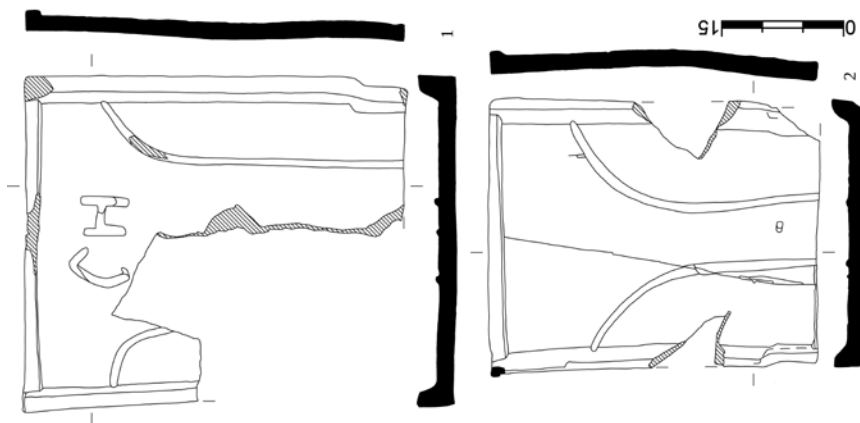

Рис. 7. Керамиды из раскопок храма на м. Безымянный: 1 – tegula подгруппы 1; 2 – tegula подгруппы 2.

РЕДКИЕ ФОРМЫ АМФОР ИЗ ПРИКУБАНСКОГО НЕКРОПОЛЯ¹

Исследования меотских памятников правобережья Кубани проводятся на протяжении практически ста лет. За этот период накоплен огромный археологический материал, требующий серьезного научного осмысления. К сожалению, восстановить сведения о комплексах из раскопок зачастую бывает практически невозможно из-за неполноты или полного отсутствия научных отчетов. В ряде случаев колоссальный массив научной информации оказался потерян для науки.

Между тем, меотские памятники (в особенности некрополи) дают значительное количество образцов как местной меотской, так и импортной керамики. Благодаря кропотливой работе в научный оборот введены разные категории меотской и импортной керамики из погребальных комплексов [3; 4; 7–10]. В меньшей степени это касается амфорной тары. При этом, совсем недавно была выделена целая серия сосудов II в², обнаруженных в меотских погребениях и объединенных (по частоте встречаемости) под названием «прикубанский» тип [11; 19]. За пределами Прикубанья подобные амфоры известны только в некрополе Танаиса [11, с. 265, 276, табл. 1] и в некрополе Нимфея [17, Un.5].

Богатейшему **Прикубанскому** некрополю посвящен ряд работ. Проанализированы комплексы, содержащие отдельные категории оружия, столовую импортную керамику, некоторые группы меотской керамики [2; 4; 8–10]. Некоторые амфоры включены в выборки в ходе разработки типологии тары отдельных производственных центров [1; 13, с. 62, 63, 100–102, табл.

58,2; 14–16]. Археологические исследования этого памятника, находящегося в 35 км западнее Краснодара, проводились в 1998–2001 годах. В результате было исследовано 429 погребений, в большей части которых присутствовали амфоры. Всего в могильнике зафиксировано 329 тарных сосудов узкого хронологического диапазона – от начала IV до самого начала III в. Часть амфор имеет клейма, что позволяет установить достаточно точную датировку. Так, наиболее ранние гераклейские клейма содержат имена ранних фабрикантов и магистратов I магистратской хронологической группы по В. И. Кацу и относятся к 390-м годам. Самые поздние сосуды, в частности синопские, датируются рубежом IV–III вв.

Выборка амфорной тары содержит продукцию различных центров производства: Фасоса, Менды, Икоса, Книда, Коса, Гераклеи, Синопы, Эрифр. Довольно высок процент продукции неустановленных экспортеров. При этом встречаются и уникальные образцы. Вообще, для Прикубанского некрополя характерно полное отсутствие хиосской тары при достаточно большом количестве амфор Гераклеи, Менды, Икоса и Фасоса.

В настоящей работе мы хотели остановиться на отдельных амфорах, представляющих особый интерес в силу своей уникальности. Речь, в первую очередь, идет об образцах тары, место производства которых до настоящего времени не установлено³.

1. **Амфора (№ 9) из погребения № 384** имеет небольшой клювовидный венец, высокое, расширяющееся книзу горло, овоидное тулово и невысокую острореберную ножку с глубокой трапециевидной выемкой (Рис. 1,1). Глина сна-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Краснодарского края в рамках проекта № 18-49-230007 р_а «Амфорная тара из меотских некрополей правобережья Кубани IV–I вв. до н.э.».

² Здесь и далее все даты даны до н.э.

³ Линейные размеры сосудов приведены ниже в таблице 1.

ружи темно-коричневая с массой черных включений и большим количеством слюды, внутри – красная. Подобная глина иногда встречается у фасосских сосудов, однако общие морфологические особенности не позволяют соотнести данный экземпляр с продукцией мастеров Фасоса. Аналогии ему нам неизвестны. В погребении находилась также амфора Менды варианта «портчелло» первой трети IV в., а также чернолаковый аттический скифос беглого стиля начала второй четверти IV в. [20, № 350, 351]. На этом основании и рассматриваемая нами амфора может быть отнесена к началу второй четверти IV в.

2. Амфора (№ 3) из погребения № 375 имеет небольшой клювовидный венеч, короткое цилиндрическое горло, яйцевидное тулово и невысокую острореберную ножку с глубокой трапецевидной выемкой (Рис. 1,2). Она была опубликована в статье о меотских черпаках с ручкой-выступом [8, с. 265, илл. 6,11]. Глина у этого сосуда светло-бежевая, рыхлая, без особых включений. Аналогии этому виду тары нам неизвестны. Важно, что с этой амфорой неустановленного центра производства в погребении имелась и фасосская неклеименная амфора ранней серии «биконического» варианта, многочисленные известные аналогии которой [13, с. 66–67, табл. 42–43] позволяют датировать комплекс погребения № 375 концом первой – началом второй четверти IV в.

3. Амфора (№ 2) из погребения № 153. Венеч массивный, отогнутый, ниже него – валик. Горло невысокое, раструбом, плавно переходящее в плечи. Тулово близкое к коническому, на невысокой острореберной ножке с небольшой конической выемкой (Рис. 1,3). Глина ярко-коричневая, плотная, с мелкой слюдой и вкраплениями песка. Сама амфора была опубликована в контексте с меотскими черпаками [8, с. 256, илл. 1,3]. Аналогии этому сосуду нам также неизвестны, хотя профили ножки и венца близки к фасосским. Наличие в погребении мендейской амфоры ранней серии «мелитопольского» варианта позволяет отнести рассматриваемый комплекс ко второй четверти IV в.

4. Амфора (№ 2) из погребения № 168. Венеч валикообразный, выделен небольшой подрезкой; горло высокое, расширяющееся книзу, с плавным переходом к плечам. Тулово коническое; ножка высокая, острореберная, с глубокой выем-

кой (Рис. 1,4). Глина светло-коричневая, мягкая, с массой слюды. К сожалению, в погребении не было иного импорта, что не позволяет надежно установить его хронологию. Сосуды с подобными глубокими выемками на подошве были выделены в отдельную серию амфор «с пустотелыми ножками», место изготовления которых до настоящего времени не установлено [1, с. 122–126, рис. 3,4]. Единственная близкая аналогия этому сосуду – амфора из тризны кургана № 8 группы Чередниковой Могилы [12, с. 345, табл. 150,3], которая датируется третьей четвертью IV века. Имея своеобразно оформленную ножку и близкие профили венцов, сосуды отличаются отдельными деталями. При этом, на основании приведенных в указанных публикациях аналогий, нашу амфору можно датировать началом третьей четверти IV в.

5. Амфора (№ 12) из погребения № 142. Внешне напоминает фасосские амфоры – отогнутый венеч с горизонтальной, скошенной наружу площадкой сверху и неглубокой подрезкой снизу. Горло высокое, слегка припухлое в верхней части, плавно расширяется книзу. Тулово пифоидное; ножка высокая, расширяющаяся, с неглубокой выемкой (Рис. 1,5). Однако характер глины – красно-кирпичного цвета, с редкими коричневыми включениями и частой слюдой – больше напоминает продукцию Менды. На ручке сосуда имеется круглое нечитаемое клеймо диаметром 8 мм. Иной импорт в погребении отсутствовал. Данную амфору можно отнести к «кругу Фасоса» и предположительно датировать второй, скорее, третьей четвертью IV в.

6. Амфора (№ 2) из погребения № 147 морфологически практически идентична описанной выше (Рис. 1,6). Глина яркая красно-оранжевая, шершавая, с массой слюды и ракушки. Иной датирующий инвентарь в погребении отсутствует, с осторожностью сосуд также можно отнести к середине – третьей четверти IV века.

7. Амфора (№ 9) из погребения № 79 отличается нависающим грибовидным венцом, двустольной ручкой, высоким цилиндрическим горлом, имеющим валик на стыке с плечами. Тулово пифоидное, с резким переломом в районе плеч; ножка кубаревидная с едва намеченной выемкой (Рис. 2,7). Глина коричневая, местами темно-коричневая, с массой песка и редкой крупной слюдой. В изломе черепок красно-коричневый,

а по внешней и внутренней поверхности – темно-коричневый. Сосуд осторожно можно датировать примерно серединой – третьей четвертью IV века. Похожая фрагментированная амфора происходит из раскопок 1981 года некрополя городища № 2 у хут. Ленина (КМ 6642/400), найдена в неизвестном нам контексте. Другие аналогии нам неизвестны.

8. **Амфора (№ 2) из погребения № 192** по морфологии близка предыдущей. Венец грибовидный, нависающий; горло невысокое, слегка припухлое, на переходе к плечам – уступ; ручка овальная (а не двустольная, как у № 7) в сечении. Тулово пифоидное с резким переломом в районе плеч, ножка кубаревидная с небольшой выемкой (Рис. 2,8). Глина темно-красная, с массой песка и очень редкими включениями слюды, похожа на книдскую. Характер глины и кубаревидная форма ножки позволяют предположить, что местом изготовления этих небольших амфор был какой-то неизвестный нам центр в Южной Ионии, в районе Книда. Датировается она, скорее всего, в пределах второй половины IV века.

9. **Амфора (№ 2) из погребения № 345.** Венец валикообразный, с глубокой подрезкой снизу; горло высокое, расширяющееся; тулово коническое с резким переходом к плечам; ножка резко профилированная с сильным расширением в средней части, снизу глубокая коническая

выемка. На ручке имеется овальное нечитаемое клеймо (Рис. 2,9). Глина сосуда светло-коричневая, тонкая, с очень редкой слюдой, типично родосская. Аналогии неизвестны. Несмотря на качество глины, амфора имеет совершенно иные морфологические характеристики, абсолютно не характерные для тары Родоса. Предположительно сосуд можно датировать последней четвертью IV – самым началом III в.

10. **Амфора (№ 2) из погребения № 344.** Венец небольшой, валикообразный, с высоким уступом ниже венца; горло высокое, сужающееся в средней части; тулово пифоидное; ножка острореберная с небольшой конической выемкой, напоминает гераклеийскую (Рис. 2,10). В целом, сосуд похож на известные образцы тары Амастрии, отличаясь лишь формой ножки. Близкая по форме верхней части амфора начала III в. была обнаружена при раскопках усадьбы № У6 поселения Панское I, однако она имеет иную ножку [18, Ad 77, pl. 47].

Как нам представляется, описанные редкие формы керамической тары неустановленных центров производства расширяют наши представления о разнообразии амфор эпохи поздней классики и раннего эллинизма и в дальнейшем могут уточнить многие аспекты торговли этого времени.

Таблица 1.
Метрические параметры амфор неустановленных центров производства из Прикубанского некрополя.

№ п./п.	№ погребения	Линейные размеры, мм						Рис.
		H	H0	H1	H3	D	d1	
1	384	700	668	300	160	315	100	1,1
2	375	606	574	270	115	376	111	1,2
3	153	607	550	250	135	358	116	1,3
4	168	780	704	285	170	308	107	1,4
5	142	785	660	305	190	375	120	1,5
6	147	810	700	335	205	346	110	1,6
7	79	445	406	210	120	274	112	2,7
8	192	503	450	220	120	318	134	2,8
9	345	804	766	325	260	378	110	2,9
10	344	≈735	≈670	≈290	≈185	404	120	2,10

H – высота;
H0 – глубина;
H1 – высота верхней части;
H3 – высота горла;
D – диаметр тулова;
d1 – диаметр венца

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Завойкин А. А., Монахов С. Ю. Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени // ПИФК. 2012. № 4 (38). С. 117–127.
2. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства / под ред. В. Ю. Зуева. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 2001. Ч. 2. С. 153–160.
3. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани / под ред. И. И. Марченко. Краснодар, 2005. Вып. 5. С. 219–324.
4. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани / под ред. И. И. Марченко. Краснодар, 2006. Вып. 6. С. 134–151.
5. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Расписные и чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника: атрибуция и хронология // ДБ. 2009. Вып. 14. С. 322–356.
6. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Чернолаковые сосуды из Прикубанского могильника // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира / под ред. В. Ю. Зуева. СПб., 2009. С. 262–270.
7. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Меотские древности VI–V вв. до н.э.: по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2012. 316 с.
8. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. О черпаках с ручкой-выступом из меотских памятников Кубани // ТГЭ. 2015. Т. 77. С. 256–268.
9. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Чернолаковые скифосы из меотских памятников правобережья Кубани // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 226–256.
10. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Атрибуция и хронология чернолаковых канфаров из меотских памятников Прикубанья // *Stratum plus*. 2017. № 3. С. 181–198.
11. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю. Новая «прикубанская» серия эллинистических амфор // Античный мир и археология / под ред. С. Ю. Монахова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2011. Вып. 15. С. 265–283.
12. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. 680 с.
13. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Москва; Саратов: Изд-во «Киммериды», Изд-во Саратовского ун-та, 2003. 352 с.
14. Монахов С. Ю. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // ВДИ. 2013. № 3. С. 28–51.
15. Монахов С. Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // *Stratum plus*. 2015. № 3. С. 195–222.
16. Монахов С. Ю. Новые находки аканфских амфор и коррективы к их типологии и хронологии // ПИФК. 2015. № 3 (49). С. 105–119.
17. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н.э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь; Саратов: «Новый проект», 2016. 208 с.
18. Kac V. I., Monachov S. Yu., Stolba V. F., Šceglov A. N. Tiles and Ceramic Containers // Hannestad L., Stolba V. F., Šceglov A. N. (Eds.). *Panskoye I-1*. Aarhus University Press, 2002. P. 101–126, pl. 43–61.
19. Limberis N. J., Marčenko I. I., Monachov S. J. Une nouvelle série d’amphores hellénistiques: le type “Kouban” // Buzoianu L. et all (Eds.). *Production and Trade of amphorae in the Black Sea (Patabs III)*. Constanta, 2013. P. 165–184.
20. Sparkes B. A., Tallcot L. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // *The Athenian Agora*. 1970. Vol. XII. 472 p.

REFERENCES

1. Zavoikin A. A., Monakhov S. Iu. Amfornoe gorlo iz Fanagorii i dve serii keramicheskoi tary pozdneklassicheskogo vremeni. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2012, No. 4 (38), pp. 117–127.
2. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. Importnaia i mestnaia keramika iz pogrebenii novogo meotskogo mogil'nika v Prikuban'e. *Zuev V. Iu. (Ed.). Bosporskii fenomen: kolonizatsiia regiona, formirovanie polisov, obrazovanie gosudarstva*. St. Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2001, vol. 2, pp. 153–160.
3. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. Khronologiiia keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ia Kubani. *Marchenko I. I. (Ed.). Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani*. Krasnodar, 2005, vol. 5, pp. 219–324.
4. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. Tipologiiia i khronologiiia kuril'nits iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ia. *Marchenko I. I. (Ed.). Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani*. Krasnodar, 2006, vol. 6, pp. 134–151.
5. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. Raspisnye i chernolakovyie sosudy iz Prikubanskogo mogil'nika: atributsiia i khronologiiia. *Drevnosti Bospora*, 2009, vol. 14, pp. 322–356.
6. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. Chernolakovyie sosudy iz Prikubanskogo mogil'nika. *Zuev V. Iu. (Ed.). Bosporskii fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira*. St. Petersburg, 2009, pp. 262–270.
7. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. *Meotskie drevnosti VI–V vv. do n.e.: po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ia Kubani*. Krasnodar, "Traditsiia" Publ., 2012, 316 p.
8. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. O cherpakakh s ruchkoi-vystupom iz meotskikh pamiatnikov Kubani. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2015, vol. 77, pp. 256–268.
9. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. Chernolakovyie skifosy iz meotskikh pamiatnikov pravoberezh'ia Kubani. *Drevnosti Bospora*, 2015, vol. 19, pp. 226–256.
10. Limberis N. Iu., Marchenko I. I. Atributsiia i khronologiiia chernolakovykh kanfarov iz meotskikh pamiatnikov Prikuban'ia. *Stratum plus*, 2017, No. 3, pp. 181–198.
11. Limberis N. Iu., Marchenko I. I., Monakhov S. Iu. Novaia "prikubanskaia" seriia ellinisticheskikh amfor. *Monakhov S. Iu. (Ed.). Antichnyi mir i arkheologiiia*. Saratov, "Nauchnaia kniga" Publ., 2011, vol. 15, pp. 265–283.
12. Monakhov S. Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: komplekсы keramicheskoi tary VII–II vv. do n.e.* Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1999, 680 p.
13. Monakhov S. Iu. *Grecheskie amfory v Prichernomor'e: tipologiiia amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoi tare*. Moscow; Saratov: "Kimmerida", Saratovskii universitet Publ., 2003, 352 p.
14. Monakhov S. Iu. Zametki po lokalizatsii keramicheskoi tary. III. Amfory i amfornye kleima maloaziiskikh Erifr. *Vestnik drevnei istorii*, 2013, No. 3, pp. 28–51.
15. Monakhov S. Iu. Kosskie i psevdokosskie amfory i kleima. *Stratum plus*, 2015, No. 3, pp. 195–222.
16. Monakhov S. Iu. Novye nakhodki akanfskikh amfor i korrektyvy k ikh tipologii i khronologii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2015, No. 3 (49), pp. 105–119.
17. Monakhov S. Iu., Kuznetsova E. V., Fedoseev N. F., Churekova N. B. *Amfory VI–II vv. do n.e. iz sobraniia Vostochno-Krymskogo istoriko-kul'turnogo muzeia-zapovednika. Katalog*. Kerch'; Saratov, "Novyi proekt" Publ., 2016, 208 p.
18. Kac V. I., Monachov S. Yu., Stolba V. F., Šceglov A. N. Tiles and Ceramic Containers. *Hannestad L., Stolba V. F., Sceglov A. N. (Eds.). Panskoye I-1*. Aarhus University Press, 2002, pp. 101–126, pl. 43–61.
19. Limberis N. J., Marčenko I. I., Monachov S. J. Une nouvelle série d' amphores hellénistiques: le type "Kouban". *Buzoianu L. et all (Eds.). Production and Trade of amphorae in the Black Sea (Patabs III)*. Constanta, 2013, pp. 165–184.
20. Sparkes B. A., Tallcot L. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. *The Athenian Agora*, 1970, vol. XII, 472 p.

С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова, Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко

Редкие формы амфор из Прикубанского некрополя

Резюме

В статье рассматривается несколько амфор неустановленных центров производства, которые были обнаружены в результате раскопок Прикубанского некрополя. Памятник расположен у хутора Прикубанский, западнее Краснодара. Исследования на нем проводились в 1999–2001 гг. В ходе работ было открыто 429 погребений, в которых было обнаружено

более 300 амфор различных центров производства. Хронология памятника – с 390-х годов до самого начала III в. до н.э. Рассматриваемые в публикации сосуды в большинстве случаев не имеют известных аналогий.

Ключевые слова: Прикубанский некрополь, амфоры, неустановленные центры производства.

Sergei Monakhov, Elena Kuznetsova, Natalia Limberis, Ivan Marchenko

Rare Amphora's Forms from the Prikubansky Necropolis

Summary

The article is about of several amphorae of unidentified centers of production which have been found during the excavation of the Prikubanskyi necropolis. It is located at the Prikubanskyi village, to the west of Krasnodar. Researches on it were conducted in 1998–2001. There 429 graves have been open, in which more than 300

amphorae of various centers of production were revealed. Chronology of the necropolis – from the 390th to the beginning of the 3rd century BC. The vessels considered in the publication in most cases have not analogies.

Keywords: Prikubansky necropolis, amphorae, unidentified centers of production.

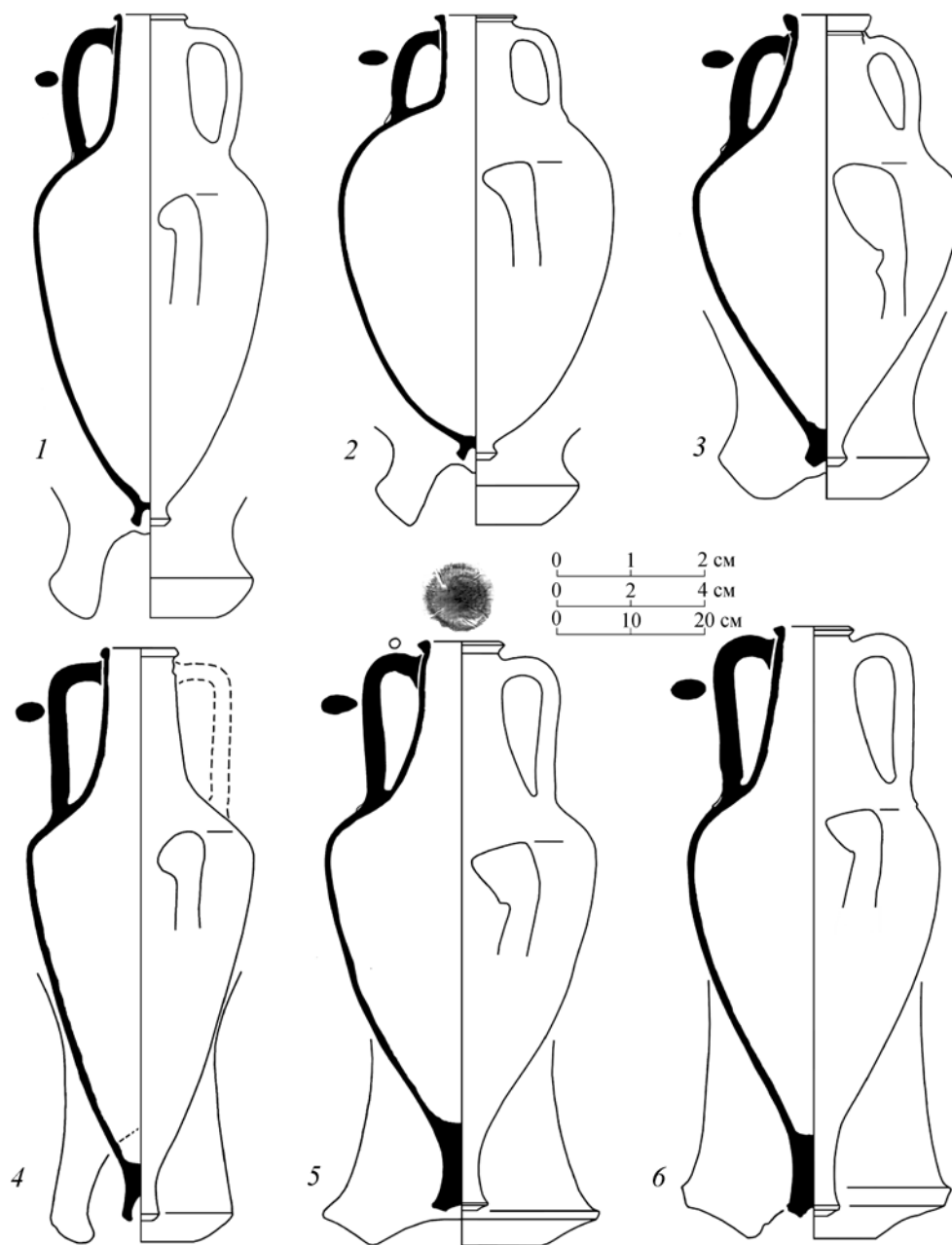

Рис. 1. Амфоры неустановленных центров производства из Прикубанского некрополя:
1 – погр. № 384; 2 – погр. № 375; 3 – погр. № 153; 4 – погр. № 168; 5 – погр. № 142; 6 – погр. № 147.

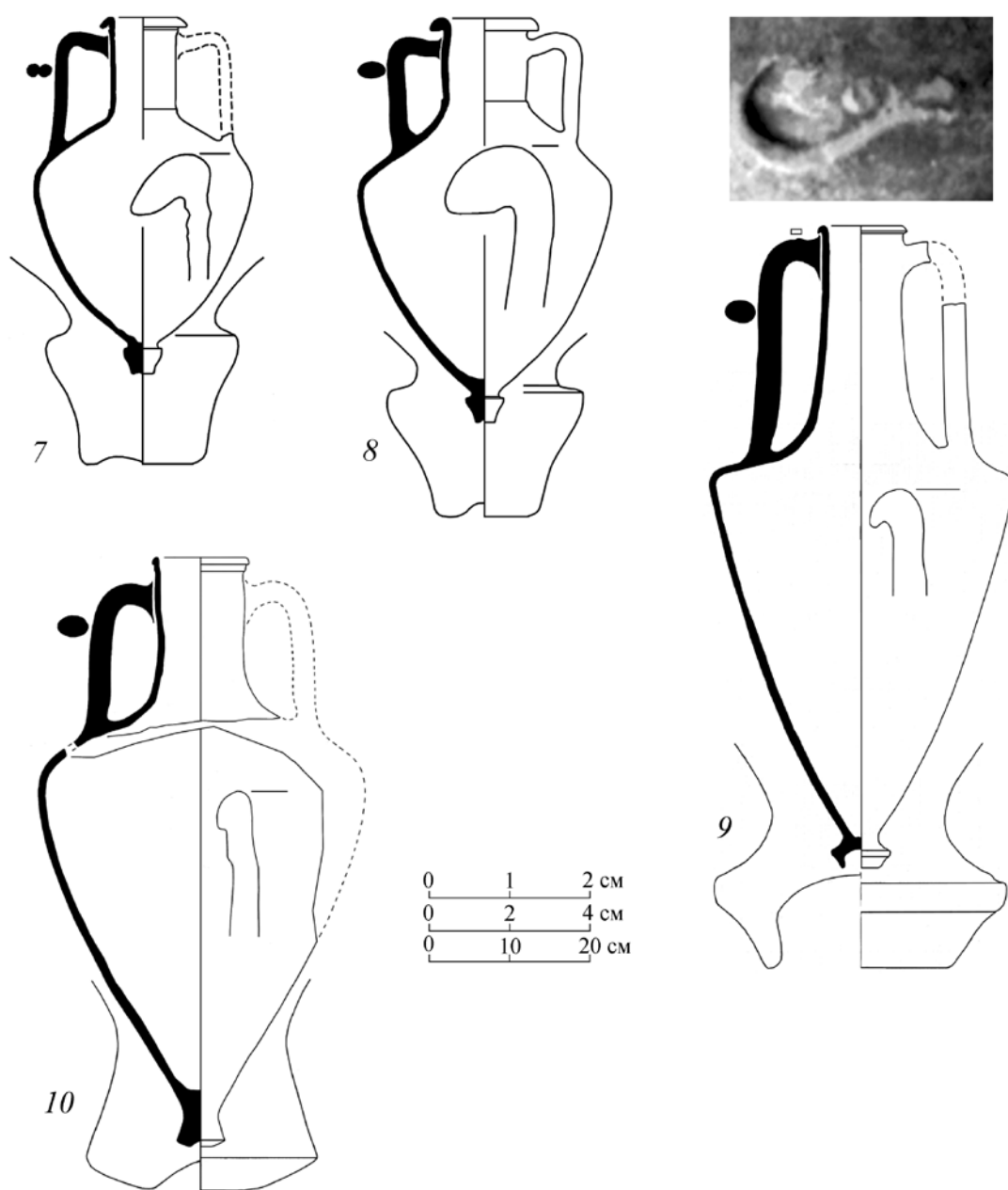

Рис. 2. Амфоры неустановленных центров производства из Прикубанского некрополя:
7 – погр. № 79; 8 – погр. № 192; 9 – погр. № 345; 10 – Амастрия (?), погр. № 344.

**ХРИСТИАНСКИЕ ХРАМЫ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА VIII–X ВВ.
И XIV–XVIII ВВ.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ**

В отличие от других регионов Крыма, прежде всего юго-западной его части и Южнобережья, где ранее неизвестные христианские культовые постройки вводятся в научный оборот регулярно уже на протяжении нескольких десятилетий, на Керченском полуострове их обнаружено немного, и прежде всего потому, что средневековые памятники этого региона пока еще очень слабо археологически изучены. В настоящее время к их числу, помимо ранневизантийской базилики на городище Тиритака [22, с. 190–204] и городских церквей Боспора – церкви Иоанна Предтечи и церкви 1833 г. («Шевелева») [41, с. 91–106; 43, с. 295–309; 44, с. 245–250; 46, с. 325–331], можно отнести только два небольших сельских храма. Один из них открыт на салтово-маяцком поселении в окрестностях с. Пташкино, второй – на могильнике XIII–XV вв. в окрестностях с. Золотое. Допускается возможность их существования и на других поселениях, но чаще всего такого рода предположения выстраиваются путем гипотетических умозаключений, причем порою ошибочных или ничем не обоснованных. В лучшем случае они базируются на косвенных признаках: наличии на поселении христианского могильника или находок архитектурных деталей и церковной утвари. Впрочем, независимо от этого каждый из таких объектов заслуживает внимания и должен быть всесторонне проанализирован.

Единственный раскопанный на сегодняшний день сельский храм «хазарского» времени открыт в 1964 г. А. В. Гадло на поселении Пташкино. Расположено оно в 0,8 км к югу от с. Пташкино на восточном берегу балки Шакалар (Шаклар) и занимает край низменной равнины, прикрытой с севера холмистой грядой. Площадь поселения составляет не менее 15–16 га.

В 1962–1963 гг. оно было обследовано А. В. Гадло [18, л. 1, 7–8]. В его пределах он зафиксировал 10 всхолмлений, вытянутых двумя рядами в направлении с севера на юг и представляющих собой остатки построек. К юго-востоку от них были прослежены зольники диаметром 15–30 м и высотой до 0,50 м. В 0,2–0,4 км к северо-западу от поселения на северо-восточном и восточном склоне г. Шаклар В. В. Веселовым был обнаружен синхронный ему плитовый могильник [16, с. 59–60, 158, № 487/488.-3; 20, рис. 1,4; 21, с. 107–108; 52, с. 362, № 38; 31, с. 440–441, рис. 9].

В 1964 г. А. В. Гадло заложил на поселении несколько шурфов и два раскопа [20, с. 130–145]. На раскопе II были открыты строительные остатки трех строительных периодов [20, рис. 3]. К первому строительному периоду исследователь отнес полуземлянку и хозяйственную яму. Второй строительный период был представлен плохо сохранившимся храмом, который А. В. Гадло реконструировал как трехнефную базилику (размерами примерно 14×11 м) с тремя апсидами и нефами, разделенными двумя парами колонн или столбов [20, рис. 4]. В качестве ближайшей ей аналогии он привел базилику на городище Пампук-Кая в Юго-Западном Крыму. В целом же, по мнению А. В. Гадло, этот храм, представлявший собой «упрощенную и примитивную реплику поздних (VIII в.) базилик Крыма», был возведен между 50–80-х гг. VIII в. и разрушен на рубеже VIII–IX вв. [20, с. 135–143]. После разрушения храма, который если и функционировал, то очень непродолжительный период, его северный неф превратили в «склад» для амфор. С третьим – заключительным – периодом поселения А. В. Гадло связал хозяйственный комплекс, устроенный после

разрушения «амфорного склада» юго-восточнее центральной апсиды храма и на месте его южного нефа. В то же время, в своей публикации А. В. Гадло неоднократно упоминал о том, что храм мог быть и вовсе не достроен, то есть так и не был использован по своему прямому назначению. Иными словами, выстроенная им хронологическая схема и предложенные временные рамки функционирования храма уже изначально были гипотетичными. Именно поэтому они неизбежно стали предметом дискуссии, которая, впрочем, в силу небольшого количества опубликованных репрезентативных находок вряд ли завершится в ближайшее время [1, с. 207–208; 42, с. 111–114].

Помимо поселения Пташкино, храмы, несомненно, возводились и на других салтово-маяцких поселениях, по крайней мере, наиболее крупных из них. К их числу можно отнести и поселение Героевка-3, расположенное на берегу Керченского пролива в 1,5 км к югу от пос. Эльтиген [53, рис. 1; 2]. В 1963 г. среди подъемного материала, собранного в центральной его части, А. В. Гадло обнаружил небольшой обломок проконнесского мрамора со следами обработки. Позднее, при расчистке завала одной из построек, исследованной на раскопе II–IV, были найдены мраморная капитель (высотой 8 см) византийско-коринфского ордера для колонны алтарной преграды и обломки двух прямоугольных керамических плиток, возможно, использовавшихся для облицовки пола [19, л. 33, рис. 54, 55; 20, с. 139, рис. 5; 53, с. 385, рис. 11,5]. На основании этих находок А. В. Гадло предположил, что между 50–80-х гг. VIII в. и рубежом VIII–IX вв. на поселении функционировал храм, но при этом постройка, среди остатков которой были обнаружены элементы его внутреннего декора, как культовое христианское сооружение им не рассматривалась. По мнению исследователя, она представляла собой обычное для салтово-маяцких поселений этого региона, частично заглубленное жилище с каменно-сырцовыми стенами. Сохранились только его западная стена длиной 2,35 м и фрагмент пола, вымощенного необработанными известняковыми плитами. Камни кладки были установлены на ребро с наклоном к северу, при этом их нижний ряд был уложен непосредственно на вымостку пола. Остальные полностью разрушенные стены об-

разовали мощный завал, зачищенный между постройками II и III [53, рис. 3,1]. Именно в нем и была обнаружена капитель [19, л. 33].

Впрочем, малочисленные находки элементов декоративного убранства храма(?) и их невнятный археологический контекст не помешали в дальнейшем некоторым исследователям упоминать о нем как о реально существующем археологическом объекте [4, с. 133]. Однако и категорически отрицать такую возможность пока нельзя. Учитывая, что раскопана пока только лишь небольшая часть поселения, возможно, в дальнейшем храм будет найден, если, конечно, он не располагался в восточной его части, которая полностью уничтожена береговой абразией.

Возможность строительства храма допускается также еще для одного крупного салтово-маяцкого поселения («Над источником»), исследованного В. К. Голенко на южном склоне г. Опук [25, с. 234–241, рис. 103–111]. Поселение площадью около 14 га занимает дно и склоны котловинообразной долины, а также отдельные террасы прилегающих к ней гряд. В его пределах выявлены остатки не менее 25 огороженных усадеб, состоявших из нескольких примыкавших друг к другу построек. К северу и югу от котловины прослежено не менее 20 округлых в плане загонов для скота.

В центральной части поселения в скалистой ложине, ведущей к источнику, на дневной поверхности В. К. Голенко были обнаружены остатки кладок постройки, ориентированной по длинной оси в направлении СВ-ЮЗ и по «конфигурации» напоминающей «однефную базилику» [26, с. 76; 25, с. 265]. К сожалению, автор не уточнил, что именно позволило допустить такую возможность. Можно лишь предположить, что одна из кладок имела полукруглую форму и, таким образом, напомнила ему апсиду. К сожалению, эта постройка так и не была раскопана, а ее единственная опубликованная фотография в силу неудачного ракурса и обилия растительности не дает о ней никакого представления [25, рис. 115а]. Тем не менее, вероятность сооружения небольшого базиликального храма на этом крупном и отдаленном от Боспора салтово-маяцком поселении остается очень высокой и ее следует обязательно учесть при дальнейших раскопках.

И, наконец, в качестве своеобразного храма в «хазарский» период, по мнению А. О. Амелиной, могла быть использована погребальная камера Царского кургана (восточная окраина пос. Аджимушкай), на стенах которой (и дромоса тоже) были высечены многочисленные изображения крестов. Они были обнаружены А. Б. Ашиком, исследовавшим этот памятник между 1833–1842 гг., и позволили ему утверждать, что гробница была ограблена гетуэзцами, «обратившими корыстолюбивые виды свои на Пантикапейские курганы» [3, с. 28; 50, с. 666]. К такому же выводу пришел английский путешественник капитан Уильям Джесс, посетивший Царский курган в 1839 г. Как и А. Б. Ашика, на эту мысль его натолкнул, замеченный им на одной из стен «латинский крест» [65, р. 82–83; 56, с. 17]. Спустя несколько десятилетий кресты на стенах Царского кургана обратили на себя внимание Х. Х. Зенкевича. В отличие от своих предшественников он не признал их «авторство» за гетуэзцами, но своего мнения по этому вопросу не сформулировал [30, с. 131–132].

В 1956 г. в процессе комплексного обследования памятника на стенах погребальной камеры и дромоса было обнаружено свыше 100 граффити, причем не только кресты, но и разнообразные тамгообразные знаки и сюжетные рисунки. Кроме того, на стене дромоса была процарапана христианская надпись с именем Κωστας. По мнению В. Ф. Гайдукевича, все эти граффити появились «задолго до гетуэзцев» [24, с. 29].

На стены погребальной камеры граффити были нанесены на высоте человеческого роста, а в частично засыпанном дромосе – на высоте до 8,85 м от уровня пола – в «зоне возможного проникновения» в ограбленную гробницу через разобранный участок его перекрытия [62, с. 160–162, рис. 20,31–35; 24, с. 29, рис. 7]. Ширина полосы их нанесения варьировалась в пределах 1,5–2,2 м, таким образом, она не превышала высоты взрослого человека с поднятой рукой. При этом, чем дальше от погребальной камеры был процарапан рисунок, тем выше он находился. Благодаря этому оказалось возможным установить угол наклона прохода, по которому в эпоху средневековья в нее попадали через частично засыпанный дромос.

Поскольку едва ли не половину граффити составляли кресты, часть которых была дати-

рована концом III–IV вв. н. э., длительное время считалось, что погребальная камера кургана была приспособлена под молельню, в которой приверженцы христианского вероучения устраивали тайные богослужения. Соответственно, ее устройство в таком необычном месте объяснялось невозможностью в то время открытого отправления христианского культа на Боспоре и отсутствием в городе специальных, предназначенных для этих целей культовых сооружений [29, с. 20; 5, с. 98; 64, р. 231–232; 32, с. 324; 63, с. 151]. При этом остальные граффити, которые не вписывались в эту схему, обходились полным молчанием.

В последнее время подобная интерпретация памятника стала вызывать закономерное сомнение – и не только в силу его значительной удаленности от города и ограниченной вместимости, но и самой необходимости устройства тайной молельни, поскольку какими-либо свидетельствами враждебного отношения к ранним христианам не только на Боспоре, но и в Северном Причерноморье историческая наука не располагает [6; 57, с. 229–230].

Однако в рамках наметившейся дискуссии были предложены не менее спорные гипотезы. Так, по мнению А. О. Амелиной, в погребальной камере Царского кургана был устроен подземный христианский храм, причем, как считал исследователь, видимо, не ранее появления на Боспоре хазар. Анализ граффити, прежде всего трех знаков Рюриковичей и многочисленных тамгообразных знаков, позволил ему предположить, что этот храм функционировал, по крайней мере, до IX–X вв. [2, с. 239–254]. Еще одна гипотеза не так давно была предложена Ю. К. Роговой, согласно которой Царский курган являлся объектом паломничества боспорских христиан, которые воспринимали это монументальное сооружение как место захоронения одного из «местнотимых мучеников или святых». При этом кресты на его стенах она датировала между VI (концом V) – X вв. [57, с. 229–232]. Таким образом, оба исследователя пришли к выводу, что гробница кургана посещалась на протяжении нескольких столетий, включая «хазарский» период и до X в. включительно. В отношении предложенной для комплекса граффити верхней даты, по крайней мере, применительно к трем знакам Рюриковичей [62, рис. 32,Б,1,3; ср.: 60,

с. 79–80, табл. XVII,6; XX, 6] и, отчасти, солярному знаку в виде четырех перекрывающихся друг друга квадратов [62, рис. 32,Б,5; 33; ср.: 60, с. 79–80, 129, табл. XV,15,16; XIX,15; 51, рис. 76,7], надо полагать, они в целом правы, можно лишь скорректировать ее в пределах второй половины (конца) X – начала XI в.

В «хазарский» период, в рамках которого следует датировать большую часть тамгообразных знаков, гробница внутри кургана также, вне всяких сомнений, посещалась [62, рис. 32,Г,1,2; ср.: 60, с. 36, 47, табл. IV,106; VI,196–202]. Что касается крестов, нижняя дата для них осталась спорной и варьируется между IV–VI вв. Впрочем, и они, скорее всего, были нанесены гораздо позже вместе с остальными граффити. Во всяком случае, в Крыму массовые аналогии им известны на черепице, керамических сосудах, архитектурных деталях и стенах пещерных сооружений, датирующихся VIII–IX, X–XI и XII–XIII вв.

Однако с какой целью были нанесены все эти граффити, можно только гадать, и любые попытки интерпретировать этот комплекс как тайную молельню или церковь остаются рабочими гипотезами. В то же время не вызывает сомнений, что это необычное по конструкции и монументальное по своим размерам сооружение представляло для человека средневековой эпохи полную загадку и могло привлекать уже само по себе. И свое отношение к нему, зафиксировав к тому же сам факт его посещения, человек вполне мог обозначить при помощи знаков, рисунков и надписей, которые, впрочем, могли иметь для него и некие сакральные и охранительные функции. Вероятно, такая же мотивация привела к появлению многочисленных и разнообразных граффити в гротах близ Баклинского городища в Юго-Западном Крыму [48, с. 355–376]. Но, повторимся опять, это не более чем очередная гипотеза. Поскольку гробница кургана давно уже полностью раскопана и новые археологические данные получить уже вряд ли когда удастся, причина появления граффити и их хронологические рамки обречены оставаться предметом дискуссии. Тем не менее, есть все основания утверждать, что, по крайней мере, часть из них была нанесена в рассматриваемый нами период [55, с. 75–77].

Что касается позднесредневековых храмов Керченского полуострова, единственный отно-

сящий к этому периоду храм раскопан в 1973 г. на территории плитово-грунтового могильника XIII–XV вв. в окрестностях с. Золотое на берегу Азовского моря. Могильник принадлежал поселению, располагавшемуся в 0,2 км к северу от него. В 1973 г. на нем был заложен раскоп площадью около 100 кв. м, в пределах которого удалось проследить культурный слой с керамикой, датированной XIII–XIV вв. По мнению Р. С. Орлова, поселение погибло в 90-е гг. XIV в., в период военно-политических междоусобиц золотоордынского хана Тохтамыша и самаркандского эмира Тимура-Тамерлана [39, с. 292; 49, с. 128]. В 2010 г. поселение было повторно обследовано С. Г. Бочаровым. Обнаруженная в шурфах керамика была датирована им в пределах второй половины XIII–XV вв. [9, с. 147–157]. Само же поселение было атрибутировано С. Г. Бочаровым как пункт Дзукалаи (Zucalai, Zucalay), впервые отмеченный на карте-портолане 1325–1330 гг. [7, с. 160; 11, с. 127; 8, с. 39; 27, с. 333; 61, с. 274, 322].

Могильник поселения исследовался в 1969–1971, 1973 гг. В пределах его исследованной территории было раскопано 143 захоронения. Исследованные погребальные сооружения представлены грунтовыми могилами, перекрытыми досками либо каменными плитами, а также плитовыми могилами. При этом последние составляли более половины от всех изученных погребений, в одиннадцати из них на торцевых плитах и плитах перекрытия был высечен крест. Еще один крест обнаружен на плите, перекрывавшей грунтовую могилу.

На христианскую принадлежность погребенных указывали и другие находки, в частности медный медальон с изображением Богоматери Оранты и головные повязки, орнаментированные знаками в виде свастики. Остальной погребальный инвентарь представлен аксессуарами одежды (пряжки, пуговицы), украшениями (серьги, бусы, кольца, перстни, лунницы), амулетами (клыки хищников и метоподии лисицы), предметами туалета (зеркала, деревянный гребень), орудиями труда (серп, ножи, иглы) и наконечниками стрел. По мнению Р. С. Орлова, могильник оставлен «греками-византийцами, либо грецизированным местным населением», уцелевшим после первых татарских набегов в 20-х гг. XIII в. При этом исследователь отметил,

что близкие по конструкции, погребальному обряду и инвентарю плитовые могилы были обнаружены на синхронных средневековых могильниках Северного Кавказа [39, с. 291–293; 49, с. 116–124; 34, с. 14; 35, с. 144; 36, с. 156–161; 37, с. 132–137; 38, с. 207–221]. В связи с последним замечанием Р. С. Орлова весьма убедительным выглядит предположение С. Г. Бочарова, связавшего поселение и могильник Дзукалаи (равно как и некоторые другие одновременные им поселения Керченского полуострова) с адыгами, переселившимися из дельты Кубани и Северного Кавказа [7, с. 161; 8, с. 39–40; 9, с. 157].

Что касается самого храма, он представляет собой однефную, прямоугольную в плане постройку с выступающей апсидой, ориентированную по оси СВ-ЮЗ, размеры которой по внешнему фасаду составляли 7,20×4,80 м (по внутреннему – 3,80×5,40 м). Внутри апсиды *in situ* сохранился престольный камень, в западной части храма зачищены две плитовые могилы. Характер покрытия пола установить не удалось, поскольку его внутреннее пространство и прилегающая к нему территория на протяжении нескольких десятилетий перекрывалась местными жителями под огороды. *Terminus ante quem* сооружения храма дают четыре серебряных дирхема хана Узбека крымского чекана (1313–1314), обнаруженные под подошвой фундамента его юго-восточной стены [49, с. 124–127, рис. 6; 7].

Еще один храм этого времени может быть локализован на городище Мирмекий, на территории которого в XIII в. разместилось небольшое укрепленное поселение, отождествляемое с пунктом Пондико (Pondica, Pondici, Pondico, Pondicopera), нанесенным на средневековые портоланы конца XIII–XVII вв. [12, с. 235; 13, с. 205; 7, с. 159–160; 27, с. 334; 15, с. 47, 49]. Сама церковь пока еще не найдена, но напомним, что на территории городища в 1895 г. была найдена барельефная храмовая икона, вырезанная на известняковой плите, размерами 53,28×48,84 см. По вертикали она разделена на три многофигурные композиции, сюжет и персонажи которых были атрибутированы Н. П. Кондаковым.

Верхний ярус представляет собой сцену Благовещения, в центре которой помещены Богородица, Святой Дух, сходящий на ее голову в виде голубя, и архангел Гавриил с лилией (символом

непорочной чистоты Девы Марии) и посохом (?) в руках. По сторонам от них изображены два Евангелиста, свидетельствующие миру о происшедшем чуде, за ними – кресты Голгофы. Левая сторона среднего яруса иконы заполнена фигурами трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста «с творениями и благословляющею десницею». Справа от них помещены фигуры апостолов Петра и Павла с символическим изображением Церкви Христовой в руках. По краям нижнего яруса помещены два обращенных друг к другу святых воина с нимбами, изображенные как триумфаторы: на торжественно шагающих (высоко поднимающих переднюю ногу) конях, с копьем в руках и развевающихся плащах. Центральную фигуру нижнего яруса иконы Н. П. Кондаков атрибутировал как изображение Симеона Столпника, стоящего на «фигурной капители». Однако, при всем желании, в предмете, на котором находится святой, очень трудно увидеть «фигурную капитель». Не похож он и на столп (колонну) или башню, характерную для изображений святых-столпников в византийской и древнерусской иконографии. Гораздо больше этот предмет напоминает чашу-потир. Кроме того, святой изображен на фоне портала прямоугольной формы (врат в Царствие Небесное?), что также не характерно для иконографии столпников. Таким образом, атрибуция данного персонажа, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении [33, с. 34–36, рис. 8; 45, с. 275–288; 47, с. 240–268].

Кроме того, в западной части городищ Мирмекий раскопками Ф. И. Гросса, В. Ф. Гайдукевича и А. М. Бутягина был частично раскопан обширный плитово-грунтовый христианский некрополь, исследованные погребения которого датируются в пределах XIII–XIV вв. [23, с. 211–219; 14, с. 38–41; 15, с. 49–51, рис. 32; 33]. Большинство из них представляют собой плитовые гробницы. На плитах некоторых из них вырезаны кресты. В могилах зачищены одиночные и многократные захоронения. Погребенные уложены в вытянутом положении на спине, головой на запад и, за редким исключением, на восток. Большая часть погребений безынвентарная. В других обнаружены поясные наконечники и пряжки, бронзовые круглые пуговицы, колокольчики, серьги, перстни, ожерелья из бус и

отдельные бусины, ножи, наперстки, железное кресало с кремнем, монеты. Несколько могил отличает более богатый инвентарь, включавший аксессуары одежды, украшения и предметы личного обихода [15, с. 51, кат. 69–79]. Недалеко от этого могильника или в пределах его границ и могла быть возведена церковь, которой, возможно, принадлежала найденная в 1895 г. каменная храмовая икона. Логично также допустить, что небольшие храмы были сооружены и на всех других более-менее значимых приморских населенных пунктах Керченского полуострова (Завида, Конестассе, Чиприко, Кавалари, Аспромити, Дзукалаи, Каркавони), отмеченных на картах-портоланах XIII–XVII вв. [7, с. 157–161, рис. 1, 2, 3-4; 9, с. 144–160; 10, с. 81–98; 27, с. 324–338].

В завершении нельзя не упомянуть о списке «новых и старых греческих церквей Феодосийского уезда», составленном в 30-е гг. XIX в. феодосийским соборным иереем Ильей по распоряжению архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического Гавриила, который в 1844 г. и опубликовал его под своим именем. В нем, в числе прочих, он упоминает об «огромнейшей древней греческой церкви Св. Иоанна (какого точно неизвестно)», которая находилась «за Ениколем, в 3-х верстах на восток, на месте поныне именуемом Агиана». О самом храме ему удалось узнать немного, поскольку после «переселения из сей деревни жителей в Мариуполь» (1778 г.?), он был полностью разрушен. Его состояние автор охарактеризовал следующим образом: «ныне все так разрушено, что с трудностью поверить можно, что тут был прекраснейший храм, окруженный огромными деревьями» [59, с. 68; 17, с. 328].

К сожалению, топоним Агиана, в связи с которым он упоминается, не указан на картах XIX в. и представляет собой полную загадку. Тем более, как совершенно справедливо отметил В. Ф. Санжаровец, полученные об этом храме сведения, скорее всего, были записаны Ильей с чьих-то слов, поэтому указанные в «списке» ориентиры, направления и расстояния весьма приблизительны. Относительно самого храма, приведенное его краткое описание, надо думать, вполне достоверно. В этом убеждают упомянутые в тексте «огромные деревья» вокруг него. О такой несущественной детали мог сообщить

только тот человек, который сам посетил это место. Что же касается местоположения местности Агиана и, соответственно, церкви Св. Иоанна, то, по мнению В. Ф. Санжаровца, они могли находиться на берегу Керченского пролива в пределах современного пос. Подмаячный (северо-восточная окраина г. Керчи) [58, с. 193]. На наш взгляд, если храм в действительности существовал, то такая его локализация наиболее приемлема, тем более в пределах поселка (особенно в северной его части) прослеживаются выходы культурного слоя с керамикой XIV–XVIII вв. Не исключено также, что именно с этим храмом был связан упомянутый К. Э. Гриневичем позднесредневековый плитовый могильник, занимавший вершину холма (восточная окраина пос. Подмаячное), на котором в 1820 г. был сооружен Еникальский маяк. Функционировал некрополь, по крайней мере, до XVII в. Во всяком случае, именно этим столетием датируется серебряная австрийская монета, найденная местной жительницей в одной из разоренных «гробниц» [28, с. 50]. В пользу окрестностей этого холма или расположенного к востоку от него мыса как возможного местоположения храма Св. Иоанна в свое время высказался и Е. Е. Люценко. Он же считал возможным упомянуть о нем как о «единственной на Керченском полуострове церкви, в которой дозволено было татарами совершать христианское богослужение местным жителям» [40, с. 165, прим. 1]. К сожалению, Е. Е. Люценко не раскрыл источник приведенных им сведений, да и о самом храме, равно как и о местности «Агианос», он упомянул только потому, что в этом районе в 1872 г. был найден моливдовул Ратибора – посадника князя Всеволода Ярославича в Тмутаракани (1079–1081), которому, собственно, и была посвящена его статья [40, с. 165–169; 54, с. 190].

К сожалению, несмотря на то, что район, в пределах которого локализуют «местность Агиана», начиная с 20-х гг. прошлого столетия, неоднократно включался исследователями в разведочные археологические маршруты, обнаружить остатки храма Св. Иоанна пока не удалось. Однако немногие дошедшие до нашего времени сведения о нем выглядят вполне достоверными, тем более холм, в окрестностях которого он был локализован и на котором в свое время был найден позднесредневековый

плитовый могильник, никем пока еще детально не исследовался. Он и должен стать отправной точкой в случае дальнейших поисков храма.

Плитовые христианские могильники, число которых на Керченском полуострове возрастает из года в год, в дальнейшем, возможно, станут

надежной привязкой и к другим, пока еще не найденным храмам. И прежде всего, надо думать, они будут обнаружены на крупных салтово-маяцких поселениях и прибрежных поселениях XIII–XV вв., часть которых была нанесена на средневековые компасные карты-портоланы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айбабин А. И. Этническая история раннеантичного Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
2. Амеликин А. О. «Знаки Рюриковичей» на стенах гробницы Царского кургана под Керчью // Древнейшие государства Восточной Европы 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье / под ред. Г. В. Глазыриной. М.: Восточная литература, 2001. С. 239–254.
3. Ашик А. Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками, расписными вазами, планами, картами и видами. Ч. II. Одесса: Типография Т. Неймана и К°, 1848. 88 с.
4. Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
5. Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 1996. 180 с.
6. Болгов Н. Н. К сакральной топографии Боспора V–VI вв. // Церковные древности: Сборник материалов III Международной конференции «Церковная археология: литургическое устройство храмов и вопросы истории христианского богослужения» / под ред. В. Л. Мыца. Симферополь: Универсум, 2005. С. 275–280.
7. Бочаров С. Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // 175 лет Керченскому Музею Древностей: материалы международной конференции / Отв. ред. Н. Ф. Федосеев. Керчь, 2001. С. 157–161.
8. Бочаров С. Г. Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар, 2013. С. 37–40.
9. Бочаров С. Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская археология. Казань, 2016. № 4 (18). С. 144–160.
10. Бочаров С. Г. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове // Поволжская археология. Казань, 2017. № 4 (22). С. 81–98.
11. Бочаров С. Г., Коваль В. Ю. Крымские прибрежные поселения в инфраструктуре международной морской торговли Руси и Средиземноморья в XIII–XV вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / под ред. Н. А. Макарова, Н. Е. Носова. Санкт-Петербург–Москва–Великий Новгород: ИА РАН, 2011. С. 127.
12. Брун Ф. К. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средних веках // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1877. Т. XXIII. С. 231–258.
13. Брун Ф. К. О поселениях итальянских в Газарии. Топографические и исторические заметки // Брун Ф. К. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России (1852–1877). Ч. I. Одесса: Типография Г. Ульриха, 1879. С. 189–240.
14. Бутягин А. М. Средневековый некрополь Мирмекия // IV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2003. С. 38–41.
15. Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. История и археология древнего Мирмекия // Мирмекий в свете новых археологических исследований / авт. кат. А. М. Бутягин, пер. на англ. Ю. Р. Редькиной. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. С. 4–51.
16. Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. М., 2005. 266 с. (ДБ. Supplementum II).
17. Гавриил (архиепископ Херсонский и Таврический) Остатки христианских древностей в Крыму. Уезд Феодосийский // ЗООИД. Одесса, 1844. Т. I. С. 320–328.

18. Гадло А. В. Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина Государственного Университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году // Научный архив ИА НАНУ. № 1962/41. Л. 1–16.
19. Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива) // Научный архив ИА НАНУ. № 1963/32. Л. 1–51.
20. Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // АДСВ. 1980. Вып. 17. С. 130–145.
21. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2004. 362 с.
22. Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. Т. VI. С. 190–204.
23. Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 135–222.
24. Гайдукевич В. Ф. Боспорские города: Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Л.: Наука, 1981. 135 с.
25. Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь: Сонат, 2007. 408 с.
26. Голенко В. К., Джанов А. В. Раннесредневековое поселение на южном склоне горы Опук // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины: материалы научной конференции / под ред. Н. М. Куковальской. Киев–Судак, 2002. С. 76–78.
27. Гордеев А. Ю. Топонимия побережья Черного и Азовского морей на картах-портоланах XIV–XVII веков. Київ: Academia.edu, 2014. 475 с.
28. Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // ИТОИАЭ. 1927. Вып. I (58). С. 47–52.
29. Диатроптов П. Д., Емец И. А. Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. 1995. Вып. 2. С. 7–40.
30. Зенкевич Х. Х. Керчь в прошедшем и настоящем. Историко-археологический и географический очерк с приложением описания достопримечательностей города и его окрестностей, хронологического указателя и статистических сведений и с рисунками. Керчь: Скоропечатная типо-литография Х. Н. Лаго и К°, 1894. 162 с.
31. Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 435–471.
32. Зубарь В. М. Некоторые особенности распространения христианства на Боспоре // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира: материалы Международной научной конференции / Науч. ред. и сост. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, Е. Я. Рогов, В. А. Хршановский. СПб., 1999. С. 321–326.
33. Кондаков Н. П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. 214 с.
34. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (к этнокультурной истории европейского Боспора). Киев: Наукова думка, 1983. 184 с.
35. Корпусова В. М. Про колекцію середньовічних тканин з некрополю Золоте // Археологія. 1995. № 1. С. 144–148.
36. Корпусова В. М. Символіка поховального інвентаря християнського населення Криму (за матеріалами некрополя XIII–XIV ст. Золоте, Крим) // Музейні читання: матеріали наукової конференції / Відп. ред. Ж. Г. Арустамян. Київ, 2000. С. 156–161.
37. Корпусова В. Н. Об одной особенности христианского погребального обряда средневекового населения Восточного Крыма // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины: материалы научной конференции / под ред. Н. М. Куковальской. Киев–Судак, 2002. С. 132–137.
38. Корпусова В. М. Поховально-вівтарні плити в історії християнського поховального обряду Криму (За матеріалами некрополів Золоте, Осовини. XIII–XIV ст.) // Музейні читання: матеріали наукової конференції / Відп. ред. Л. С. Клочко, 2002. С. 207–221.
39. Корпусова В. Н., Орлов Р. С., Гершкович Я. П. Работы у с. Золотое // АО 1973. М., 1974. С. 291–293.
40. Люценко Е. [Е.]. О древней вислой, свинцовой печати, с подписью «от Ратибора», найденной в 1872 г. около г. Еникале, что в Керченском градоначальстве // Труды Третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве, в августе 1874 года. Т. II: Приложения / под ред. В. И. Модестова. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1878. С. 165–169.
41. Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. № 4. С. 91–106.

42. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: АнтикВА, 2007. 348 с.
43. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К исторической топографии Боспора X–XII вв.: об обстоятельствах находки и местоположении так называемой «Церкви Шевелева» («Церкви 1833 г.») // *Ῥωμαϊός*: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / под ред. С. Б. Сорочана (Нартекс. *Byzantina Ukrainensis*. Т. 2). Харьков: Майдан, 2013. С. 295–309.
44. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Христианские памятники и топография Боспора X–XIII вв. // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес – город святого Климента» / под ред. Т. Ю. Яшаевой. Севастополь: Телескоп, 2013. С. 244–263.
45. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К изучению исторической топографии средневековой Керчи: византийская каменная икона из «Нового карантина» // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 275–288.
46. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь, 2016. С. 325–331.
47. Науменко В. Е., Пономарев Л. Ю. Каменная икона из Нового карантина (Керчь): историко-археологический контекст находки // БИ. 2017. Вып. XXXV. С. 240–268.
48. Оксиненко П. В., Белый А. В. Комплекс петроглифов с христианской символикой в гроте близ Баклы // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 355–376.
49. Орлов Р. С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII–XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья / под ред. В. Д. Барана. Киев: Наукова думка, 1979. С. 114–129.
50. Открытие Царского кургана близ Керчи // ЖМНП. 1837. Ч. XV. № IX. С. 665–666.
51. Паршина Е. А., Созник В. В. Амфорная тара Партенита (по материалам раскопок 1985–1988 гг.) // 1000 років візантійської торгівлі (V–XV століття) / под ред. М. І. Гладких. Київ: СПД ФОП Чальцев, 2012. С. 7–42.
52. Пономарев Л. Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // БИ. 2011. Вып. XXV. С. 343–378.
53. Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадло в 1963 г.) // История и археология Крыма. Вып. I / под ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 376–399.
54. Пономарев Л. Ю. Северо-восточная часть Керченского полуострова: памятники и находки IV–VII и второй половины X – XIII веков (материалы к составлению археологической карты) // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения» / под ред. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаевой. Калининград: ИД «РОС-ДООАФК», 2016. С. 182–202.
55. Пономарев Л. Ю. Средневековые граффити Царского кургана в окрестностях Керчи // Исторические, культурные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока: тезисы докладов международной научной конференции. М., 2017. С. 75–78.
56. Прохорова Т. А. К вопросу об изучении крымских древностей путешественниками первой половины XIX века: экспедиция капитана У. Джесса (1839–1840 годы) // Лазаревские чтения. Причерноморье. История, политика, культура. Серия А. Античность и средневековье: избранные материалы X Международной научной конференции / под ред. В. И. Кузищина. Севастополь, 2013. Вып. XI (IV). С. 14–22.
57. Рогова Ю. К. К вопросу о христианских крестах на Боспоре // Погребальная культура Боспорского царства: Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998) / Ред.-сост. В. Ю. Зуев, В. А. Хршановский. Санкт-Петербург, 2014. С. 221–232.
58. Санжаровец В. Ф. Историческая и современная топонимия северо-восточных и южных окраин города Керчи // Военно-исторические чтения / под ред. В. В. Симонова. Керчь, 2004. Вып. 2. С. 184–215.
59. Тункина И. В. Открытие Феодосии: страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей, 1771–1871. Киев: Болеро, 2011. 240 с.

60. Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 176 с.
61. Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII в. Москва: Индрик. 2007. 397 с.
62. Шалькевич А. А. Архитектурное исследование Царского кургана // ТГЭ. 1976. Т. XVII. С. 138–165.
63. Шевченко Ю. Ю. Ближневосточные образцы раннесредневекового пещерно-храмового строительства юга Восточной Европы // Христианство в регионах мира. Вып. 2 / под ред. Т. А. Бернштам, А. И. Терюкова. СПб.: Наука, 2008. С. 151–207.
64. Diatropov P. D. The Spread of Christianity in the Bosporus in the 3rd–6th Centuries // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden–Boston–Köln, 1999. Vol. 5.3. P. 215–244.
65. Jesse W. Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840: in 2 vol. Vol. 1. London: J. Madden and Co, 1841. 335 p.

REFERENCES

1. Aibabin A. I. *Etnicheskaia istoriia rannevizantiiskogo Kryma*. Simferopol', DAR Publ., 1999, 352 p.
2. Amel'kin A. O. "Znaki Riurikovichei" na stenakh grobnitsy Tsarskogo kurgana pod Kerch'iu. *Glazyrina G. V. (Ed.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy 1999 g. Vostochnaia i Severnaia Evropa v srednevekov'e*. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2001, pp. 239–254.
3. Ashik A. B. *Vosporskoe tsarstvo s ego paleograficheskimi i nadgrobnymi pamiatnikami, raspisnymi vazami, planami, kartami i vidami. Chast'. II*. Odessa, T. Neiman i K° Publ., 1848, 88 p.
4. Baranov I. A. *Tavrika v epokhu rannego srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, 168 p.
5. Bolgov N. N. *Zakat antichnogo Bospora*. Belgorod, Belgorodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1996, 180 p.
6. Bolgov N. N. K sakral'noi topografii Bospora V–VI vv. *Myts V.L. (Ed.). Tserkovnye drevnosti. Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi konferentsii "Tserkovnaia arkheologiiia: liturgicheskoe ustroistvo khramov i voprosy istorii khristianskogo bogoslužheniia"*. Simferopol', Universum Publ., 2005, pp. 275–280.
7. Bocharov S. G. Zametki po istoricheskoi geografii genuezskoi Gazarii XIV–XV vekov. *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "175 let Kerchenskomu Muzeiu Drevnostei"*. Kerch', 2001, pp. 157–161.
8. Bocharov S. G. Poseleniia XIII–XV vv. na poberezh'e Kerchenskogo poluostrova – sviazi s regionom Kubani. *Materialy konferentsii "Shestaia Mezhdunarodnaia Kubanskaia arkheologicheskaiia konferentsiia"*. Krasnodar, 2013, pp. 37–40.
9. Bocharov S. G. Srednevekovoe selenie Dzukalai na Kerchenskom poluostrove. *Povolzhskaia arkheologiiia*. Kazan', 2016, No. 4 (18), pp. 144–160.
10. Bocharov S. G. Srednevekovoe selenie Kavalari na Kerchenskom poluostrove. *Povolzhskaia arkheologiiia*. Kazan', 2017, No. 4 (22), pp. 81–98.
11. Bocharov S. G., Koval' V. Iu. Krymskie pribrezhnye poseleniia v infrastrukture mezhdunarodnoi morskoi trgovli Rusi i Sredizemnomor'ia v XIII–XV vv. *Makarov N. A., Nosov N. E. (Eds.). Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda. T. II*. St. Petersburg–Moscow–Velikii Novgorod, Institut arkheologii Rossiiskoi akademii nauk Publ., 2011, p. 127.
12. Brun F. K. O raznykh nazvaniakh Kerchi i ee okrestnostei v drevnosti i srednikh vekakh. *Zapiski Imperatorskogo Novorossiiskogo universiteta*. Odessa, 1877, vol. XXIII, pp. 231–258.
13. Brun F. K. O poseleniakh ital'ianskikh v Gazarii. Topograficheskie i istoricheskie zametki. *Brun F. K. Chernomor'e. Sbornik issledovaniia po istoricheskoi geografii iuzhnoi Rossii (1852–1877). Chast'. I*. Odessa, G. Ul'rikh Publ., 1879, pp. 189–240.
14. Butiagin A. M. Srednevekovyi nekropol' Mirmekiia. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "IV Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii: Pont i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia"*. Kerch', 2003, pp. 38–41.
15. Butiagin A. M., Vinogradov Iu. A. Istoriia i arkheologiiia drevnego Mirmekiia. *Butiagin A. M. (Ed.). Mirmekii v svete novykh arkheologicheskikh issledovaniia*. St. Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2006, pp. 4–51.
16. Veselov V. V. *Svodnaia vedomost' rezul'tatov arkheologicheskikh razvedok na Kerchenskom*

- i Tamanskom poluostrovakh v 1949–1964 gg.* Moscow, 2005, 266 p. (*Drevnosti Bospora*. Supplementum II).
17. Gavriil (arkhiepiskop Khersonskii i Tavricheskii) Ostatki khristianskikh drevnostei v Krymu. Uezd Feodosiiskii. *Zapiski Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei*. Odessa, 1844, vol. I, pp. 320–328.
 18. Gadlo A. V. Otchet o rabote srednevekovogo arkheologicheskogo otriada Leningradskogo ordena Lenina Gosudarstvennogo Universiteta im. A. A. Zhdanova na territorii Kerchenskogo poluostrova v 1962 godu. *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. No. 1962/41. L. 1–16.
 19. Gadlo A. V. Otchet o rabotakh Priazovskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Leningradskogo universiteta v 1963 godu (Raskopki rannesrednevekovogo poseleniia u d. Geroevki na beregu Kerchenskogo proliva). *Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Natsional'noi akademii nauk Ukrainy*. No. 1963/32. L. 1–51.
 20. Gadlo A. V. K istorii Vostochnoi Tavriki VIII–X vv. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1980, vol. 17, pp. 130–145.
 21. Gadlo A. V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet Publ., 2004, 362 p.
 22. Gaidukevich V. F. Pamiatniki rannego srednevekov'ia v Tiritake. *Sovetskaya arheologia*, 1940, vol. VI, pp. 190–204.
 23. Gaidukevich V. F. Raskopki Mirmekii v 1935–1938 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, No. 25, pp. 135–222.
 24. Gaidukevich V. F. *Bosporskie goroda. Ustupchatye sklepy. Ellinisticheskaia usad'ba. Ilurat*. Leningrad, Nauka Publ., 1981, 135 p.
 25. Golenko V. K. *Drevnii Kimmerik i ego okruga*. Simferopol', Sonat Publ., 2007, 408 p.
 26. Golenko V. K., Dzhanov A. V. Rannesrednevekovoe poselenie na iuzhnom sklone gory Opuk. *Materialy nauchnoi konferentsii "Sugdeia, Surozh, Soldaiia v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy"*. Kiev–Sudak, 2002, pp. 76–78.
 27. Gordeev A. Iu. *Toponimiia poberezh'ia Chernogo i Azovskogo morei na kartakh-portolanakh XIV–XVII vekov*. Kiiv, Academia.edu Publ., 2014, 475 p.
 28. Grinevich K. E. Arkheologicheskie razvedki v severo-vostochnoi chasti Kerchenskogo poluostrova. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkheologii i etnografii*, 1927, vol. I (58), pp. 47–52.
 29. Diatroptov P. D., Emets I. A. Korpus khristianskikh nadpisei Bospora. *Epigraficheskii vestnik*, 1995, vol. 2, pp. 7–40.
 30. Zenkevich Kh. Kh. *Kerch' v proshedshem i nastoiashchem. Istoriko-arkheologicheskii i geograficheskii ocherk s prilozheniem opisaniia dostoprimechatel'nostei goroda i ego okrestnostei, khronologicheskogo ukazatel'ia i statisticheskikh svedenii i s risunkami*. Kerch', Kh. N. Lago i K° Publ., 1894, 162 p.
 31. Zin'ko V. N., Ponomarev L. Iu. Razvedki A. V. Gadlo na Kerchenskom poluostrove v 1962 g. (v svete sovremennykh arkheologicheskikh dannyykh). *Bosporskie issledovaniia*, 2013, vol. XXVIII, pp. 435–471.
 32. Zubar' V. M. Nekotorye osobennosti rasprostraneniia khristianstva na Bospore. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Bosporskii fenomen: Grecheskaia kul'tura na periferii antichnogo mira"*. St. Petersburg, 1999, pp. 321–326.
 33. Kondakov N. P. *Russkie klady. Issledovanie drevnostei velikkniazheskogo perioda. Vol. 1*. St. Petersburg, Glavnoe upravlenie udelov Publ., 1896, 214 p.
 34. Korpusova V. N. *Nekropol' Zolotoe (k etnokul'turnoi istorii evropeiskogo Bospora)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1983, 184 p.
 35. Korpusova V. M. Pro kolektsiiu seredn'ovichnikh tkanin z nekropoliu Zolote. *Arkheologiya*, 1995, No. 1, pp. 144–148.
 36. Korpusova V. M. Simvolika pokhval'nogo inventaria khristians'kogo naselennia Krimu (za materialami nekropolia XIII–XIV st. Zolote, Krim). *Materiali naukovoi konferentsii "Muzeini chitannia"*. Kiiv, 2000, pp. 156–161.
 37. Korpusova V. N. Ob odnoi osobennosti khristianskogo pogrebal'nogo obriada srednevekovogo naseleniia Vostochnogo Kryma. *Materialy nauchnoi konferentsii "Sugdeia, Surozh, Soldaiia v istorii i kul'ture Rusi-Ukrainy"*. Kiev–Sudak, 2002, pp. 132–137.
 38. Korpusova V. M. Pokhval'no-vivtarni pliti v istorii khristians'kogo pokhval'nogo obriada Krimu (za materialami nekropoliv Zolote, Osovini. XIII–XIV st.). *Materiali naukovoi konferentsii "Muzeini chitannia"*. Kiiv, 2002, pp. 207–221.
 39. Korpusova V. N., Orlov R. S., Gershovich Ia. P. Raboty u s. Zolotoe. *Arkheologicheskie otkrytiia 1973*. Moscow, 1974, pp. 291–293.
 40. Liutsenko E. [E.]. O drevnei visloi, svintsovoi pečati, s podpis'iu "ot Ratibora", naidennoi v 1872 g. okolo g. Enikale, chto v Kerchenskom

- gradonachal'stve. *Modestov V. I. (Ed.). Trudy Tret'ego Arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kieve, v avguste 1874 goda. T. II. Prilozheniia.* Kiev, Imperatorskii universitet Sv. Vladimira Publ., 1878, pp. 165–169.
41. Makarova T. I. Arkheologicheskie dannye dlia datirovki tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1982, No. 4, pp. 91–106.
 42. Mogarichev Iu. M., Sazanov A. V., Shaposhnikov A. K. *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma "khazarskogo perioda"*. Simferopol', AntikvA Publ., 2007, 348 p.
 43. Naumenko V. E., Ponomarev L. Iu. K istoricheskoi topografii Bospora X–XII vv.: ob obstoiatel'stvakh nakhodki i mestopolozhenii tak nazyvamoii "Tserkvi Sheveleva" ("Tserkvi 1833 g."). *Sorochan S. B. (Ed.). Πομαῖος: sbornik statei k 60-letiiu prof. S. B. Sorochana (Narteks. Byzantina Ukrainensis. Vol. 2).* Khar'kov, Maidan Publ., 2013, pp. 295–309.
 44. Naumenko V. E., Ponomarev L. Iu. Khristianskie pamiatniki i topografiia Bospora X–XIII vv. *Iashaeva T. Iu. (Ed.). Klimentovskii sbornik. Materialy VI Mezhdunarodnoi konferentsii "Tserkovnaia arkheologiiia: Khersones – gorod sviatogo Klimenta"*. Sevastopol', Teleskop Publ., 2013, pp. 244–263.
 45. Naumenko V. E., Ponomarev L. Iu. K izucheniiu istoricheskoi topografii srednevekovoi Kerchi: vizantiiskaia kamennaia ikona iz "Novogo karantina". *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2015, vol. 43, pp. 275–288.
 46. Naumenko V. E., Ponomarev L. Iu. K diskussii o vremeni stroitel'stva tserkvi Ioanna Predtechi v Kerchi: istoriograficheskii ekskurs. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XVII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarskii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Issledovateli i issledovaniia"*. Kerch', 2016, pp. 325–331.
 47. Naumenko V. E., Ponomarev L. Iu. Kamennaia ikona iz Novogo karantina (Kerch'): istoriko-arkheologicheskii kontekst nakhodki. *Bosporskie issledovaniia*, 2017, vol. XXXV, pp. 240–268.
 48. Oksinenko P. V., Belyi A. V. Kompleks petroglifov s khristianskoi simvolikoi v grote bliz Bakly. *Materialy po istorii, arkheologii i etnografii Tavrii*, 2005, vol. XI, pp. 355–376.
 49. Orlov R. S. Iz istorii sel'skogo naseleniia Kerchenskogo poluostrova v XIII–XIV vv. *Baran V. D. (Ed.). Pamiatniki drevnikh kul'tur Severnogo Prichernomor'ia.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1979, pp. 114–129.
 50. Otkrytie Tsarskogo kurgana bliz Kerchi. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1837, vol. XV. No. IX, pp. 665–666.
 51. Parshina E. A., Soznik V. V. Amfornaia tara Partenita (po materialam raskopok 1985–1988 gg.). *Gladkikh M. I. (Ed.). 1000 rokov vizantiis'koi torgivli (V–XV stolittia).* Kiiv, Chal'tsev Publ., 2012, pp. 7–42.
 52. Ponomarev L. Iu. K arkheologicheskoi karte pamiatnikov VIII – pervoi poloviny X vv. iuzhnoi chasti Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniia*, 2011, vol. XXV, pp. 343–378.
 53. Ponomarev L. Iu. Saltovo-maiatskoe poselenie Geroevka-3 na Kerchenskom poluostrove (po materialam raskopok A. V. Gadlo v 1963 g.). *Maiko V. V. (Ed.). Istoriia i arkheologiiia Kryma. Vol. I.* Simferopol', Biznes-Inform Publ., 2014, pp. 376–399.
 54. Ponomarev L. Iu. Severo-vostochnaia chast' Kerchenskogo poluostrova: pamiatniki i nakhodki IV–VII i vtoroi poloviny X – XIII vekov (materialy k sostavleniiu arkheologicheskoi karty). *Maiko V. V., Iashaeva T. Iu. (Eds.). Vladimirskii sbornik. Materialy mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii "I i II Sviato-Vladimirskie chteniia"*. Kaliningrad, ID "ROS-DOAFK" Publ., 2016, pp. 182–202.
 55. Ponomarev L. Iu. Srednevekovye graffiti Tsarskogo kurgana v okrestnostiakh Kerchi. *Tezisy dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Istoricheskie, kul'turnye i religioznye sviazi Kryma s Siriei i gosudarstvami Blizhnego Vostoka"*. Moscow, 2017, pp. 75–78.
 56. Prokhorova T. A. K voprosu ob izuchenii krymskikh drevnostei puteshestvennikami pervoi poloviny XIX veka: ekspeditsiia kapitana U. Dzhessa (1839–1840 gody). *Izbrannye materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Lazarevskie chteniia. Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura. Seriia A. Antichnost' i srednevekov'e"*. Sevastopol', 2013, vol. XI (IV), pp. 14–22.
 57. Rogova Iu. K. K voprosu o khristianskikh krestakh na Bospore. *Zuev V. Iu., Khrshanovskii V. A. (Eds.). Pogrebal'naia kul'tura Bosporskogo tsarstva. Materialy Kruglogo stola, posviashchennogo 100-letiiu Mikhaila Moiseevicha Kublanova (1914–1998).* St. Petersburg, 2014, pp. 221–232.
 58. Sanzharovets V. F. Istoricheskaia i sovremennaia toponimiia severo-vostochnykh i iuzhnykh okrain goroda Kerchi. *Simonov V. V. (Ed.). Voenna-istoricheskie chteniia.* Kerch', 2004, vol. 2, pp. 184–215.

59. Tunkina I. V. *Otkrytie Feodosii: stranitsy arkheologicheskogo izucheniia Iugo-Vostochnogo Kryma i nachal'nye etapy istorii Feodosiiskogo muzeia drevnostei, 1771–1871*. Kiev, Bolero Publ., 2011, 240 p.
60. Flerova V. E. *Graffiti Khazarii*. Moscow, Editorial URSS Publ., 1997, 176 p.
61. Fomenko I. K. *Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor'e. Konets XIII–XVII v*. Moscow, Indrik Publ., 2007, 397 p.
62. Shal'kevich A. A. Arkhitekturnoe issledovanie Tsarskogo kurgana. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1976, vol. XVII, pp. 138–165.
63. Shevchenko Iu. Iu. Blizhnevostochnye obraztsy ranne-srednevekovogo peshcherno-khramovogo stroitel'stva iuga Vostochnoi Evropy. *Bernshtam T. A., Teriukov A. I. (Eds.). Khristianstvo v regionakh mira. Vol. 2*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, pp. 151–207.
64. Diatroptov P. D. The Spread of Christianity in the Bosporus in the 3rd–6th Centuries. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden–Boston–Köln, 1999, vol. 5.3, pp. 215–244.
65. Jesse W. *Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840: in 2 vol. Vol. 1*. London, J. Madden and Co, 1841, 335 p.

Л. Ю. Пономарев

**Христианские храмы Керченского полуострова VIII–X вв.
и XIV–XVIII вв.: археологические реалии**

Резюме

В настоящее время на Керченском полуострове, помимо ранневизантийской базилики на городище Тиритака и городских церквей Боспора – церкви Иоанна Предтечи и церкви 1833 г., раскопаны только два небольших сельских храма. Один из них открыт на салтово-маяцком поселении в окрестностях с. Пташкино, второй – на могильнике XIII–XV вв. в окрестностях с. Золотое. Допускается возможность их существования и на других поселениях (Героевка-3, г. Опук, городище Мирмекий), но чаще всего такого рода предположения выстраиваются путем

гипотетических умозаключений. В лучшем случае они базируются на косвенных признаках: наличии на поселении христианского могильника или находок архитектурных деталей и церковной утвари. Впрочем, независимо от этого, каждый из таких объектов заслуживает внимания и должен быть всесторонне проанализирован.

Ключевые слова: Керченский полуостров, христианские храмы, Пташкино, Золотое, Царский курган, салтово-маяцкие поселения.

Leonid Ponomarev

**Christian Churches of the Kerch Peninsula 8th–10th Century
and 14th–18th Century: Archaeological Realities**

Summary

Currently, on the Kerch peninsula, in addition to the Early Byzantine basilica on the site of the Tiritaka hill-fort and the city churches of Bosporus – the Church of St. John and the church of 1833, only two small rural churches have been excavated. One of them is open at the Saltovo-Mayak settlement in the vicinity of the village Ptashkino, the second on the cemetery of the 13th–15th centuries in the vicinity of the village of Zolotoe. The possibility of their existence is also possible in other settlements (Heroevka-3, Mount Opuk,

Mirmekii hill-fort), but most often such assumptions are built by hypothetical conclusions. At best, they are based on indirect signs: the presence in the settlement of a Christian burial ground or finds architectural details and church utensils. However, regardless of this, each of these objects deserves attention and must be comprehensively analyzed.

Keywords: Kerch peninsula, Christian churches, Ptashkino, Zolotoye, Tsarskii kurgan, Saltovo-Mayak settlements.

**К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ САКРАЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
В ХЕРСОНЕСЕ С ПОЗИЦИИ ВЗГЛЯДОВ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

Археология античного и средневекового города – как метод исследования различных в историческом отношении явлений (с их специфическими социальными, культурными, архитектурными формами) – основывается на двух противоположных позициях: признании континуитета или же прерывистости в развитии города. Оставляя в стороне размышления о существенных (формационных) особенностях города в античный и средневековый период, следует отметить, что набор субстанционных характеристик города в историческом познании определяется закономерностями исторически определенных состояний его развития [49, с. 7].

Для Херсонеса, основанного в V в. до н. э. и прожившего около двух тысяч лет, вопросы рецепции античного наследия в византийское время приобретают особое значение. Пример Херсона и, в меньшей степени, Боспора и Горного Крыма можно считать ярким выражением того, как приемы эллинистического и римского времени сохранялись в различных сферах жизни средневекового города – архитектуре, литературе, искусстве, науке и медицине [31]. Более отчетливо преемственность античной культуры в византийском Херсоне прослеживается в городском строительстве, что нашло воплощение в сохранившейся планировке улиц, использовании прежних архитектурных форм, строительной техники и приемов [10, с. 204–243; 65]. Если в практическом измерении аккультурация средневекового социума в среде сохранившегося античного наследия выглядит обоснованно естественной, то вопросы культурной преемственности представляются более дискуссионными. Справедливо в этом отношении замечание А. Л. Якобсона, по мнению которого «в художественной культуре раннесредневековой Таврики – культуре, можно сказать,

пронизанной античным наследием, [...] наследие это воспринималось отнюдь не пассивно; наоборот, оно постоянно находилось в процессе переоценки и изменения. Но, вместе с тем, это и были те основные камни, из которых складывалась средневековая культура городов Таврики» [65, с. 190].

В религиозной сфере – важнейшей, в значительной степени определяющей жизнь человека в античное и византийское время – преемственность также имела место, что нередко выражалось в единстве сакральной территории при переходе от древних культов к христианским. Непрерывное использование одного и того же места как язычниками во время отправления культов, так и христианами имело, по мнению исследователей, смысл или, по крайней мере, не противоречило общепризнанной практике [24, с. 3–4; 17]. В случае с Херсонесом яркий пример тому находим в широко известном эпизоде о существовании в городе храма богини Парфенос и пещеры Парфенон, в которой, согласно сообщению в «Житиях св. епископов Херсонских», укрывался от гонителей епископ Василий. Некоторые исследователи присоединяют к этому еще и сведения из труда Помпония Мелы о существовании в городе «пещеры нимф». В данном отношении свойство сакральности, коим было наделено это место, в некой степени подтверждает преемство и связь между античным и средневековым городом.

Важнейший в топографии языческого и христианского города памятник до сих пор не имеет точной локализации [58]. Это связано с различным пониманием исследователями пространственной организации территории античного Херсонеса и связанной с ней исторически и преемственно планировкой византийского Херсона [10; 11; 13; 56]. В последние годы в истории изу-

чения данного вопроса появились новые попытки провести анализ нарративных источников и сопоставить их с данными археологии. Результаты научных исследований оформились в несколько гипотез, но большинство исследователей соглашаются с убедительной доказательностью двух из них: первая определяет место расположения памятника в квартале III в восточной части Херсонеса (мартирий с наземной однопасидной церковью и подземной тетраконхальной криптой, или так называемый пещерный храм) [56], другая – на месте небольшого античного храма со ступенчатой алтарной площадкой перед ним в северном квартале IX [48, с. 5–30]. И если первая гипотеза нашла надежную поддержку среди исследователей, то вторая, будучи обсуждаемой в начале XX в., была на некоторое время забыта и актуализирована с связи с раскопками под руководством Станислава Григорьевича Рыжова в 2012–2013 гг. в квартале IX «А» на углу продольной улицы II и поперечной улицы VIII-а Северного района городища. Результатом проведенных работ стало открытие четырех средневековых жилых усадеб, а также «храмового комплекса» конца IV в. до н.э. – IV в. н.э. на участке, исследования которого не проводились на протяжении более чем ста лет с момента первых раскопок в 1889 г. [25].

По мнению С. Г. Рыжова, храмовый комплекс возник на месте священной пещеры – явление вполне типичное для ранних этапов возникновения любого древнего города или поселения. Автор раскопок, проанализировав этапы расширения территории города, пришел к выводу, что во второй половине IV в. до н. э. город был распланирован по системе милетского архитектора Гипподама, а его территория была значительно расширена. При перестройке оборонительной линии, которая теперь прошла гораздо западнее, этот священный участок (пещера) оказался почти в центре города, после чего античные архитекторы на его месте построили храмовый комплекс, включив в основание храма в качестве композиционного центра саму пещеру [48].

Принимая во внимание дискуссионность данного вопроса и его актуальность в свете новейших археологических исследований, нами была предпринята попытка обобщить имеющиеся сведения по этой проблеме, коих накоплено немало, с привлечением сочинений путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.

Основным источником, к которому ученые апеллируют при рассмотрении интересующего нас памятника, являются уже упомянутые «Жития св. епископов Херсонских»: «В шестнадцатый год царствования Диоклетианова, 310 г. Патриарх Иерусалимский Герман, послал многих епископов в различные страны возвещать слово Божие; из них Василий и Ефрем прибыли в город Херсонес Таврический, где трудились в распространении христианства между народом, омраченным тьмой язычества: обличая заблуждения людей неверных, они возбудили против себя ярость народную; нечестивцы осыпали св. Василия ударами, изгнали из города: он удалился в гору, отстоящую на сто стадий от Херсонеса, называемую Девичья или Парфенон: водворившись в пещере, исповедник радовался, что сподобился Христа ради принять раны и мучения, сетовал только о гибели душ мучителей и со слезами молился Богу об их обращении» [19, с. 17–18].

Свидетельство этого источника детально проанализировал В. В. Латышев и пришел к выводу, что пещера Парфенон находилась в самом городе, внутри него. В качестве наиболее вероятного местоположения священной пещеры автор избрал Северный район Херсонеса, участок между монастырским кладбищем и базиликой, раскопанной графом А. С. Уваровым. Безуспешные поиски этого места могли быть, по его мнению, связаны с тем, что пещера располагалась на обрыве и постепенно была уничтожена береговой эрозией. Однако осторожные рассуждения В. В. Латышева не заходят дальше предположений [28, с. 50–51].

Вслед за В. В. Латышевым другой крупный исследователь христианской топографии Херсонеса Д. В. Айналов также оставил данный вопрос открытым, сохраняя «для другой статьи доказательства того, что пещера Парфенона до сих пор существует на левой стороне главной улицы Херсонеса, пересекающей город с востока на запад» [2, с. 67]. Эта таинственная пещера была уже им подробно описана в первом выпуске «Христианских древностей Херсонеса» (№ 35) и локализована на месте мартырии с вырубленной в скале подземной криптой в III квартале Восточного района Херсонеса из раскопок Одесского общества истории и древностей 1881 г. [1, с. 121–122].

Не находим мы большей решительности и в представлении данного вопроса А. В. Орешниковым, который уделял внимание интерпретации изображений божеств на херсонесских монетах и пытался в связи с этим определить характер религиозного культа в отношении богини-покровительницы (и, вероятно, основательницы) Херсонеса. Доказательная часть А. В. Орешникова по данному вопросу построена на анализе труда Э. Миннза. Последний усматривал в «нимфейской пещере» сакральное место в цитадели города, посвященной нимфе Херсонеса, умозаключительно связав с ней алтарь божества Херсонас и пещеру Парфенон [76, р. 544]. Орешников же, помимо проблемы локализации пещеры Парфенон в Херсонесе, ставит вопрос о правомерности отождествления этой пещеры с той, что упомянута в сочинении Помпония Мелы как «нимфейская». Исследователь сводит свои рассуждения к разбору существующих гипотез В. В. Латышева и Д. В. Айналова и в заключении приходит к выводу, что никаких доказательств в пользу таких отождествлений он в источниках для себя не обнаруживает, и вновь оставляет поставленный вопрос без ответа [37, с. 145, 151–152].

В 1893 г. А. Л. Бертье-Делагард, подводя итоги первого пятилетия систематических раскопок в Херсонесе, которые начались в 1888 г. под руководством Императорской археологической комиссии и, вполне очевидно, принесли уже некоторые плоды, отмечал, что дело исследования Херсонеса бесспорно перспективное, поскольку раскопки последних пяти лет и шести десятилетий с момента первых раскопок на городище позволяют в известной степени прояснить многие аспекты истории и археологии Херсонеса. Анализируя собранные археологические свидетельства, Бертье-Делагард апеллировал к собственным раскопкам во время военных работ 1885 г., в ходе которых им были обнаружены остатки неизвестного строения в квартале неподалеку от базилики 1827 года раскопок. На тот момент, не обладая возможностью провести дополнительные археологические исследования и полагаясь на авторитет древних авторов, ученый связал найденный комплекс со свидетельством Помпония Мелы о цитадели в Херсонесе (акрополе), где располагалась и «пещера нимф». С этим же местом автор связывал и постройку в Херсонесе

некоего замка, остатки которого видел и описал в своем труде М. Броневский [5, с. 37]. Мнение А. Л. Бертье-Делагарда было поддержано К. К. Косцюшко-Валюжиничем, который, соглашаясь со взглядами своего коллеги в 1896 г. [26, с. 173], в 1898 г. уже открыл новое доказательство того, что прежнее заключение было скоропостижным. Доследование К. К. Косцюшко-Валюжиничем открытых ранее «остатков обширной постройки на извести, с гончарными трубами» показало, что здание не имело крепостного назначения, а представляло собой остатки терм [27, с. 114–116], вследствие чего исследователю пришлось отказаться от собственного предположения и интерпретации постройки с попыткой подобного трактования древних авторов. Правда, «работу над ошибками» автор произвел только в 1907 г., когда на страницах другого своего обобщающего труда подводил итоги после 20 лет раскопок Херсонеса Императорской археологической комиссией. Придя к выводу, что «ввиду значительного пространства и разнообразия мест уже произведенных раскопок, надо полагать, что ... ничего равносильного внутренней цитадели не найдется. Придется думать, что под именем акрополя понимали всю крепостную городскую ограду целиком, почитая и называя ее цитаделью, кремлем, по отношению ко всей территории Херсонеса» [6, с. 148]. Этими словами А. Л. Бертье-Делагард расширил ареал поисков цитадели с пещерой нимф до пределов всего Херсонесского городища.

Сообщение о Херсонесе римского географа Помпония Мелы (15–60 гг. н. э.), над которым размышляли ученые нового времени, содержится в труде «О положении земли/О хорографии», написанном около 43 г. н. э. Об одном из крупнейших греческих городов Северного Причерноморья Херсонесе Таврическом, который был основан в V в. до н. э. жителями южнопонтийской Гераклеи, в его труде сказано следующее: «...город Херронес, основанный, если этому верить, Дианой, и особенно прославленный нимфейской пещерой, которая находится в крепости города и посвящена нимфам» [II.3] (пер. С. К. Апта) [41].

Как видно из этого отрывка, П. Мела, как и Плиний Старший, воспроизводит название города в его ионийско-аттической форме (Херронес), встречающейся уже у Псевдо-Скилака. Легенда

об основании Херсонеса Дианой (Артемидой), рассказанная только Мелой, имеет, по всей видимости, своим истоком миф о перенесении Артемидой в страну тавров Ифигении, дочери царя Агамемнона, миф, ставший особенно известным по драме Эврипида «Ифигения в Тавриде». По-видимому, в самом Крыму также бытовали местные таврские легенды о богине Деве, в связи с чем уместно будет вспомнить сообщение Отца Истории Геродота на этот счет: «У тавров существуют такие обычаи: они приносят в жертву Деве потерпевших крушение мореходов и всех эллинов, кого захватят в открытом море следующим образом. Сначала они поражают обреченных дубиной по голове. Затем тело жертвы, по словам одних, сбрасывают с утеса в море, ибо святилище стоит на крутом утесе, голову же прибивают к столбу. Другие, соглашаясь, впрочем, относительно головы, утверждают, что тело тавры не сбрасывают со скалы, а предают земле. Богиня, которой они приносят жертвы, по их собственным словам, это – дочь Агамемнона Ифигения. С захваченными в плен врагами тавры поступают так: отрубленные головы пленников относят в дом, а затем, воткнув их на длинный шест, выставляют высоко над домом, обычно над дымоходом. Эти висащие над домом головы являются, по их словам, стражами всего дома. Живут тавры разбоем и войной» [IV.103] (пер. Г. А. Страбановского). Эти легенды, будучи соединены с греческим мифом об Артемиде (Ифигении), послужили для херсонеситов основанием для возникновения культа Девы, официально признанной покровительницы города, изображение которой чеканили на монетах, в честь которой устраивались праздники Партении, именем которой клялись [30]. О почитании нимф в Херсонесе других сведений не сохранилось, только римский писатель рубежа эпох Гигин упоминает пещеру, в которой Орест и Пилад прятались в Тавриде недалеко от храма Дианы [40, с. 111–112].

Сочинение Помпония Мелы, воззрения коего, в целом, согласуются со взглядами греческих авторов от Эратосфена до Страбона, пользовалось большим вниманием ученых и путешественников, использовавших древнегреческие и латинские труды в качестве источников для реконструкции картин прошлого. Единственное упоминание «пещеры нимф» на территории города породило еще одну дискуссию относительно

но характера и времени происхождения культа верховного женского божества в Херсонесе. Большинство современных ученых сходятся в мысли о том, что греческий пантеон в Херсонесе формировался в зависимости от политической ситуации, складывавшейся в регионе. Данный вопрос, как известно, признан одним из самых проблемных для Северного Причерноморья, поскольку до конца не выясненной остается картина отношений между греками и местным населением. В. В. Латышев одним из первых отметил, что эллины, оказавшись в Крыму во враждебном для себя окружении местных племен, по известным политическим причинам позаимствовали у тавров культ женского божества, который, в конечном счете, предстал как результат эволюции различных аспектов религиозного культа греческой Артемиды [29, с. 158–159]. Большинство исследователей согласились с тезисом В. В. Латышева, но с некоторыми оговорками. Так, А. В. Орешников склонен был считать херсонесскую покровительницу исключительно местным божеством [36]. В то же время И. И. Толстой, исследуя культ Ахилла на о. Левке и в Таврике, усматривал в поклонении верховной богине Херсонеса проявление культа греческой Артемиды, хотя поддерживал мысль о местном происхождении культа, который восприняли эллины, но не сохранили оригинальное имя божества [61]. О неправомерности слепого отождествления богини Партенос с Артемидой предупреждал Э. Миннз, что нашло поддержку и среди современных исследователей [46, с. 9]. Обоснованной представляется позиция М. И. Ростовцева, согласно которой культ Партенос, появившийся на этих землях гораздо раньше эллинов, был воспринят, поэтизирован и адаптирован греческой мифологией [42, с. 195–197]. Его утверждение о том, что высочайшим воплощением культа местного верховного божества было почитание Девы – Великой Богини, имевшей множество имен и остававшейся в то же время без конкретного имени, не вызывает возражений у большинства современных историков. Несмотря на то что М. И. Ростовцев не претендовал на роль специалиста в области истории древних религий, его тезис, выдвинутый в начале XX в., и сегодня видится справедливым в свете имеющихся данных истории и археологии [77, р. 57–58]. Вместе с тем, отсутствие соответствующих источников и ограниченные сведения

о святилищах на территории и в окрестностях Херсонеса позволяют лишь выдвигать гипотезы о происхождении культа Партенос (его таврском, таврско-эллинском или греческом корне с дальнейшей универсализацией) и о локализации храмов и святилищ, посвященных этому божеству [46, с. 13].

В распоряжении современных историков имеется расширенная историография. Исследователи задавались вопросом об ипостасях богини Партенос и времени возникновения ее культа, характере и способе отправления в среде херсонеситов, об особенностях местной религиозно-колониционной практики, о порядке выделения храмовых земель, о трансформации культа Девы [32; 23; 8; 22; 43; 47; 62; 50]. Но главный и до сих пор открытый вопрос, от решения которого зависят перспективы дальнейших исследований, состоит в определении типа и местоположения храма Девы.

Поиски храма верховной покровительницы и сакральной защитницы Херсонеса богини Партенос (Дева, Диана, Артемида, Орсилохия, Тавр) в пределах Херсонесского территориального государства на Гераклейском полуострове и в Западном Крыму продолжаются не одно столетие. Помимо храма Партенос на территории Херсонеса, конечно, существовали и другие места поклонения этой богине, в том числе на хоре (сельскохозяйственной округе) Херсонеса. Не вызывает сомнений, что таких священных мест было несколько, ведь не стоит забывать, что святилища возводились как сакральные форпосты полиса, как пункты защиты его границ в целях их сакральной защиты и утверждения на осваиваемых территориях.

Многолетние поиски ученых были сосредоточены на анализе сообщений древних авторов (Геродота, Еврипида, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего) и археологических наблюдениях, что значительно приблизило, но пока еще не привело ученых к разгадке. Отсутствие сколько-нибудь основательных археологических исследований не позволяет однозначно сделать заключение по данному вопросу. Набирающее темпы и масштабы хозяйственное освоение Крымского полуострова, особенно в его южной и юго-западной части, свидетельствует о том, что в ближайшее время археологи вряд ли смогут сосредоточиться на поисках остатков античных

святилищ на хоре Херсонеса. Все это суживает круг используемых историками источников до тех немногочисленных упоминаний, встречающихся в текстах древних авторов, а также записках путешественников в конце XVIII – первой половине XIX в., которые фиксировали древние памятники в период их наилучшей сохранности, т. е. до разрушений, которые впоследствии произошли в окрестностях Севастополя [20].

В конце XVIII – первой половине XIX в. путешествия, вне зависимости от маршрута и конечной цели поездки, зачастую имели характер исторических экспедиций. Рождавшиеся в результате историко-географические описания пройденных мест знакомили читателей с мало изученными регионами Южной России. С присоединением Крыма к России активно стал разрабатываться вопрос о местоположении древних городов, рек и крепостей, о которых писали античные и средневековые авторы. Отправляясь на поиски исторических древностей, путешественники, прежде всего, искали те географические объекты, которые бы соответствовали описанным местам: реальные селения (либо их руины), водные артерии (либо русла пересохших рек) и укрепления (либо их следы). Задачи, которые ставила историческая география и археотопонимика, были самыми актуальными и наиболее решаемыми. Помимо обозначенных элементов путешественники стремились составить максимально полную картину южнорусских регионов.

Отправной точкой в изучении Херсонеса Таврического и прилегающей к нему территории является сообщение в «Географии» Страбона – самом крупном из античных сочинений этого рода [14, с. 6]. К его труду обращались и путешественники конца XVIII – первой половины XIX в. Учитывая то, что для путешественников Страбон оставался первоисточником, видится целесообразным обратиться к сообщениям великого древнего географа: «При выходе из залива (Калос Лимен – *Г. А. Стратановский*), на левой стороне, лежат маленький городок и еще один залив херсонесцев. Если плыть дальше вдоль побережья, следует выдающийся в море на юг большой мыс (Гераклейский полуостров – *Г. А. Стратановский*), который составляет часть целого Херсонеса (Крымский полуостров – *Г. А. Стратановский*). На этом месте расположен город гераклейцев (колония гераклейцев на

Понте (Гераклея Понтийская – *Г. А. Стратановский*)), который также называется Херсонесом и отстоит, если плыть вдоль берегов, на 4400 стадий от Тираса. В городе есть святилище Девы (отождествляется с Артемидой или Ифигенией – *Г. А. Стратановский*) (какого-то божества). В 100 стадиях перед городом находится мыс, названный по имени этого божества Парфением (отождествляется с мысом Фиолент (или Фанарийским – *Г. А. Стратановский*)), с храмом божества и его статуей. Между городом и мысом гавани. Затем следуют Древний Херсонес, лежащий в развалинах, и потом гавань с узким входом, где тавры (скифское племя) обычно собирали свои разбойничьи банды, нападая на тех, кто спасался сюда бегством. Эта гавань называется Симболон Лимен (совр. Балаклавская бухта – *Г. А. Стратановский*) и образует вместе с другой гаванью под названием Ктенунт (Большая Севастопольская бухта – *Г. А. Стратановский*) перешеек в 40 стадий. Это перешеек, который замыкает Малый Херсонес, составляющий, как я сказал, часть Большого Херсонеса, с одноименным полуострову городом Херсонесом» [60, с. 282].

Разные прочтения источников привели к появлению целого ряда гипотез по локализации священных мест, описанных древними авторами. Их анализ обнаруживаем в работах А. С. Русяевой, которая при характеристике проблемы локализации мыса Партений и храма богини Парфенос приводит воззрения и доказательства известных ученых (В. В. Латышева, С. А. Жебелева, Г. А. Стратановского, М. В. Скржинской, А. В. Подосинова, а также В. М. Зубаря, А. Н. Щеглова, Г. М. Николаенко), анализирует интерпретации пассажа Страбона каждым из рассмотренных ею ученых и, что более важно, сравнивает толкования между собой. Согласно выводам исследовательницы, ученые помещали храм Парфенос в нескольких местах: в самом городе Херсонес (В. В. Латышев и поддержавшие его М. В. и А. С. Русяевы; М. И. Золотарев и А. В. Буйских); за пределами города – на м. Фиолент (М. В. Скржинская, хотя исследовательница поддерживала в ранних работах и В. В. Латышева, и А. Н. Щеглова; Г. М. Николаенко) [53–55]; на м. Айя-Бурун; на м. Херсонесском, или Фанари (З. Аркас, К. К. Косцюшко-Валюжинич, А. Н. Щеглов); была также теория, по которой мыс Партений у Страбона и

мыс жертвоприношений, описанный у Геродота и Еврипида, – суть один и тот же памятник (С. А. Жебелев). Будучи не в силах разрешить сложившуюся дилемму, отдельная группа ученых стала склоняться к мысли, что святилищ Парфенос было несколько – на горе Аю-Даг, в Херсонесе и на м. Фиолент (Б. В. Кене). Сама же А. С. Русяева пришла к выводу, что опираться исключительно на свидетельства Страбона современным исследователям не подходит: достоверность сведений географа не может быть абсолютной, возможно, что расстояние в 100 стадий между Херсонесом и священным мысом было приблизительным или искусственно введенным в текст сообщения Страбона; интерпретировать отдельные части из его рассказа можно по-разному, да и весь пассаж – не более чем заимствования из перипла Артемидора Эфесского [44; 45].

В свете приведенных аргументов совершенно иная точка зрения была сформулирована М. В. Скржинской: в Таврике существовало два храма богини Парфенос – один стоял в Херсонесе, а второй – тот, что на мысу за пределами города – якобы был порождением мифотворчества Еврипида, который заимствовал для своего рассказа Страбон [55]. Для решения этого вопроса на помощь должна прийти археология – надежду на это высказывает В. М. Зубарь. По мнению ученого, наиболее вероятным местом расположения храма Парфенос был южный мыс Гераклейского полуострова в верховьях Мраморной балки, где в 1834 г. остатки четырехугольного сооружения видел Ф. Дюбуа де Монпере, а его идею уже поддержал А. Н. Демидов, который также искал «Парфенион» на мысу, двигаясь от мыса Фанари к востоку вдоль побережья к первым отрогам Крымских гор [16, с. 361–362]. Наиболее весомым аргументом в пользу этой теории исследователь считает наличие в этом районе следов древнейшей размежевки земли, на которые указывала также Г. М. Николаенко [35, с. 30–31]. К тому же такое расположение сакрального участка со статуей Парфенос хорошо согласуется с практикой расположения на границах территории ранних греческих городов-государств святилищ и храмов, что служило основанием считать близлежащие территории частью владений полиса [21, с. 57–60].

Дева, Артемида (Диана) и богиня Тавр представлялись путешественникам единым божеством.

ственным созданием (среди немногих авторов, для кого оставалось неясным, какой из языческих богинь-демонов Страбона был посвящен храм, был Р. Лайолл [75, р. 300]). Для них главная проблема была не в определении происхождения и божественной сущности Партенос, о чем можно было бесконечно размышлять и спорить, а в локализации ее храма и святилища, для чего требовались реальные свидетельства. Уже в конце XVIII – первой половине XIX в. интерпретация сведений Страбона была различной. Анализ записок путешественников позволяет выделить несколько мест, где гипотетически мог располагаться храм богини Партенос: город Херсонес, мыс Фиолент (рядом с монастырем св. Георгия) либо мыс монастыря (в точности на месте самого храма), мыс Фанари (Маячный полуостров), мыс Айя-Бурун, Южный берег Крыма (пгт Партенит), гора Аю-Даг. Отдельные авторы признавали возможность существования нескольких святилищ. Так, английский путешественник Чарльз Эллиот, посетивший Крым в 1836 г., считал, что мыс Парфениум с храмом Дианы мог располагаться на оконечности мыса Херсонес (так назван им мыс с монастырем св. Георгия), где он видел постамент для «золотой» статуи богини и «Девичью скалу», или же на мысе с пещерой у цитадели Херсонеса в самом городе на противоположной стороне центрального холма [68, р. 333–334]. Нет ясности и в труде известного историка, археолога, путешественника Николая Мурзакевича, который впоследствии станет вице-президентом Одесского общества истории и древностей, а в 1836 г. также обозревал Крым: под знаком вопроса у него перечислены места, где мог быть храм Дианы – территория города Херсонеса или монастырь св. Георгия [34, с. 647, 654]. Особо выделяется мнение Л.-Ф. де Сегюра: он считал, что берега Тавриды полностью посвящены Диане и Геркулесу, что также оспорить довольно сложно [51, с. 213].

В конце XVIII – первой половине XIX в. большинство путешественников склонялось к мысли, что наиболее вероятным местом расположения храма был мыс, на котором стоит монастырь св. Георгия. Преемственность священного начала, переход от древних культов к христианским выражались в единстве сакральной территории. В этой связи в работах вояжеров часто звучит мысль о том, что монастырь св.

Георгия стоит на Священном мысу, где раньше был храм Девы.

Итак, в 1815 г. на подъезде к монастырю св. Георгия холм с грудой камней, якобы основанием алтаря, видел Владимир Броневский: «Подъезжая к монастырю показывают небольшой холм, покрытый грудой камней, которые ближайшие жители разбирают на строение. Сие-то место почитается Палласом и другими учеными за основание бывшего Дианина храма, где прекрасная жрица Ифигения, дочь Агамемнона, сожигала на жертвеннике Богине фимиам, и верною рукою поражала быстрых серн и свирепых вепрей. Здесь должна быть ее гробница, но время истребило и малейшие ее приметы» [9, с. 23–24]. Многие из современников Броневского уделяли этому сюжету особое внимание: в начале XIX в. миф об Ифигении трогал сердце и жил в воображении каждого образованного человека. Подвиг Пиллада и Ореста, а также страдания жрицы в храме Дианы были воспеты в поэме Еврипида и популяризированы И. В. Гете, композиторами Андре Кампррой, Леонардо Винчи, Томмазо Траэттом, Бальдассаре Галуппи, Кристофом Виллибальдом Глюком, Никколо Пиччини.

Следуя за предположением, что мыс с монастырем св. Георгия подходит под описания древними авторами Священного мыса, полковник Уильям Джесс, который в 1839 г. наблюдал это побережье с борта корабля, полагал, что монастырь стоит не на точном месте языческого капища, а в непосредственной близости, так что он через подзорную трубу одновременно мог видеть и монастырь, и мыс под ним, где стоял храм Девы. Собственно, это было первое, что увидел в Крыму путешественник, двигаясь на пароходе «Петр Великий» из Одессы по Черному морю. Как и многие другие авторы, Джесс соотносит это место с бывшим священным мысом богини Дианы, где древние выстроили ей храм и приносили в жертву чужаков. Один из спутников Уильяма, молодой поляк, вдохновленный увиденным, цитировал Овидия целыми пассажами [72, р. 75–76]. Не выбивается из русла этой теории и свидетельство маршала О. Мармон, который описывал только два места в Юго-Западном Крыму – Херсонес и Парфенон. Последний, по его мнению, располагался в непосредственной близости от Херсонеса, на том самом месте теперь стоит греческий мона-

стырь св. Георгия, а раньше там стоял храм Дианы, где в жертву приносились люди.

Мыс Парфенион и мыс Фиоренте – греческое и генуэзское названия одного и того же места, где находился храм Таврополианской Дианы. Французский путешественник с русским корнями Анатолий Демидов именно так в 1837 г. описывал это место, расположенное в непосредственной близости от монастыря св. Георгия [16, с. 362–363]. Примечательно, что и уважаемый историк и этнограф Вадим Васильевич Пассек, также увлекшись мифическими сказаниями, в кратком пассаже о крымских древностях поддерживает мысль своих предшественников, что мыс, на котором находили остатки храма в честь Дианы, располагался возле Георгиевского монастыря, и здесь же было место жертвоприношений кровожадной богине: «Подле Георгиевского монастыря выдался далеко в море высокий мыс, где еще недавно находили остатки греческого храма в честь Дианы, выстроенного на том самом месте, где скифы приносили в жертву всех несчастных пловцов, выброшенных на их берега» [39, с. 159–160].

Еще более интересную идею высказал Генри Сеймур, английский путешественник и коллекционер, автор двух топографических работ, одна из которых посвящена Южной России и Крыму. Предположив, что храм богини Девы находился в центральной части Херсонеса (на том месте, где «лейтенант Крузе» раскопал крестообразный храм с мозаиками и капителями колонн), путешественник предлагал искать часовню богини, объединившей культы таврского божества и Дианы, на мысе Фиолент. Автор, уловив созвучие с английским словом «violent» («жестокий»), счел, что жестокие убийства и жертвоприношения стали причиной такого названия мыса. Параллельно заметим, что мыс Фиолент имеет несколько наименований. Наиболее древнее его название – Партений (девичий) – связано с древнегреческим мифом об Ифигении, которая якобы была жрицей в храме, находившемся на этом месте. А. Л. Бертье-Делагард разъясняет топоним как искаженное Филенк-Бурун (тур. «тигровый мыс»). Такое название он связывает с тем, что на обрыве мыса имеются чередующиеся полосы желтоватого известняка и темного трахита, напоминающие расцветкой тигровую шкуру. Некоторые филологи считают, что слово имеет хазарское происхождение – от слова «фэленге»,

т. е. «высокий». Название Фиолент сравнительно молодое – впервые оно появляется на картах в 1807 г., до этого назывался мысом св. Георгия по имени расположенного неподалеку Георгиевского монастыря [15, с. 533–534; 4]. Далее Г. Сеймур продолжает: на террасе возле монастыря он видел остатки каких-то построек, принятых им за руины греческого храма. Здание стояло изолированно, имело квадратную в основании форму, несомненно, считает автор, это древний храм, поскольку отсутствие скважин и других построек исключает возможность существования здесь жилого комплекса [81, р. 162–165].

В отличие от сомневающихся Ч. Эллиота и У. Джесса, Карл Габлиц в 1786 г. и Карл Кох в 1844 г. были уверены, что варвары, населявшие Тавриду, отправляли свои культы в храме Дианы, располагавшемся именно здесь, на том самом месте, где теперь стоит монастырь св. Георгия, а не в его окрестностях. Мыс, названный им Парфениум, выступал в море в направлении Херсонеса – там стоял храм, где все чужеземцы приносились в жертву главной богине [74, р. 37]. Так же рассуждали Владимир Измайлов в 1799 г. и Джон Мэтью Джонс в 1823 г.: храм Дианы Таврической был на месте монастыря св. Георгия [73, р. 271]. Георгиевский монастырь, история которого насчитывает 1000 лет, считается первым христианским храмом, построенным греками в Крыму; прежняя церковь была высечена в скале, теперь не сохранилась. Путешественники были уверены, что до нее здесь был Дианин храм, также разрушенный.

К. И. Габлиц полагал, что культ Дианы, столь сильный в Херсонесе, способствовал появлению нескольких храмов и святилищ на полуострове. Еще один храм находился в самом древнем городе по соседству; на его месте, как и в случае с Парфенионом, затем выросли христианские церкви и монастыри [18, с. 148]. Эта же идея нашла отражение в сочинениях путешественниц Адель Оммер де Гелль в 1840 г. и Олимпиады Шишкиной в 1845 г. Так, де Гелль полагала, что мыс Партенос расположен на побережье за несколько миль до входа в бухту Балаклавы, там расположена церковь св. Георгия (часовня на скальном выступе), а ранее стоял алтарь богини Тавр [71, р. 317]. По краткому замечанию О. П. Шишкиной, Георгиевский монастырь расположен в 12 верстах от Севастополя, где жрицей

была Ифигения, дочь Агамемнона и Клитемнестры [64, с. 143].

Поиски легендарных объектов в окрестностях мыса Фиолент сыграли определяющую роль и в формировании местной топонимики: так, например, сквозное отверстие в виде ворот в мысе Лермонтова в начале XX в. было названо гротом Дианы по имени римской богини Дианы, отождествляемой с греческой Артемидой и таврской Девой. В районе мыса Фиолент известны также роща Дианы и балка Дианы, которая является первой к северо-востоку от оконечности мыса Фиолент балкой. Название также появилось в начале XX в.

Уровень развития исторической мысли в начале XIX века позволял некоторым авторам высказывать критические соображения. В 1803 г. в качестве преамбулы к своим размышлениям француз Ж. Рейи, цитируя сообщения С. Сестренцевич-Богуша и следуя его подсказкам, оказался наиболее прогрессивным путешественником своего времени: по свидетельству автора, вопрос о точном расположении храма Дианы не решен до сих пор (интересно, что уже в начале XIX в. автор ставил перед собой такую задачу) [ср.: 52, с. 83–86]. По его мнению, храмов, построенных Диане, в Таврике было три, к тому же следует отличать два разных типа храмов – Орестеон и храм Дианы. Страбон, как пишет Ж. Рейи со ссылкой на Сестренцевича, приводит путешественника в то место, где располагался Орестеон – в 4 верстах от Севастополя вдоль побережья по направлению к мысу Айя-Бурун. Орестеон был построен таврами, сраженными преданностью и дружбой двух чужеземцев Ореста и Пилада; от него сохранилась плита, на которой он раньше возвышался. Таким образом, раньше на его месте было святилище, где служила Ифигения и где произошла ее встреча с братом. Храм Дианы располагался рядом – теперь там стоит монастырь св. Георгия, а из него по лестнице в 40 ступеней можно было спуститься вниз в грот Нимфы (Девы) [78, р. 107–111]. Этот храм и Священный мыс, на котором он стоит, Ж. Рейи описывает со ссылкой на П. С. Палласа. Недалеко от монастыря в море выступает узкий мыс, над которым на вершине холма академик Паллас видел остатки какого-то сооружения. Оно состояло из двух каменных квадратных площадок, стены которых сохранились со всех сторон. Северная площад-

ка, по сообщению Палласа, была шириной в 33 фута, также там имелся некий каменный фрагмент – вероятно, база от мраморной колонны [78, р. 112]. С площадки, очевидно, имелся спуск; с северо-запада и юго-востока вокруг нее лежали плоские продольные плиты, принятые ученым за ступени [ср.: 38, с. 42–43].

В среде отечественных путешественников наиболее прогрессивные взгляды на проблему были высказаны Иваном Матвеевичем Муравьевым-Апостолом. Автор демонстрирует прекрасное знание источников, разбирается в топографии Крымского полуострова, не боится практиковать критический подход при работе с текстами и вступать в полемику даже с уважаемыми учеными. Его труд, вышедший в 1820 г., всего лишь через 30 лет после путешествия авторитетного среди исследователей Петра-Симона Палласа, содержит критические замечания по поводу свидетельств самого академика. Муравьев-Апостол поднимает вопрос о природе происхождения культа Девы (Партенос), об ошибках современников в трактовке описаний Херсонеса Страбоном и, следовательно, ошибочной локализации храма и святилища богини.

Приведем этот отрывок из его сочинения целиком: «Окончив путешествие мое по Ираклийскому (Гераклейскому – *Т. П.*) полуострову, я чувствую, что ты в праве теперь спросить меня, для чего я ни слова еще не сказал тебе о храме Ифигении. Я бы желал, чтобы ты не делал мне такого вопроса, или чтобы я мог прейти в молчание предмет, по которому должен буду оспаривать мнение много мною почитаемого Палласа. Сколько я однако же ни уважаю памяти его, ну будучи верен обету моему, никогда не изменять правде, вступаю – хотя с трепетом – но вступаю в состязание с человеком, коего необыкновенные просвещение, ум, познание суть такие оружия, от которых я бы оробел на первом шаге поприща, если бы не имел против них щита, в убеждении моем в истине.

Рассмотрев прилежно источники, коими руководствуются новейшие отыскатели храма Ифигении в Тавриде, мы находим, что все они ссылаются на митографов (устар. «тот, кто изучает мифологию» – *Т. П.*) и поэтов, повторяющий в песнях и на театрах сказанное первыми. Пышные свидетельства, конечно, и многочисленные; но увы! – весьма слабые, когда они не озарены све-

тильником критики, различающей вымысел от исторической истины. Правда, что Иродот (Геродот – *Т. П.*) упоминает о поклонении тавров Ифигении, дочери Агамемновой; но и отец Истории повествует в предании, хотя уже вкоренившемся между греками, однако же не менее того баснословном и не имеющего другого источника, как только мифы и страсть греков находить во всех странах известного им мира своих домашних богов и героев. Таким образом, они прислали себе Вакха Индийского и Геракла Тирского, сделав из них Дионисия и Геракла, уроженцев Тиринты и Фив. Услышали они, что полудикий народ тавры поклоняются *кому-то божеству Девы*: кому же это быть как не *девственной Диане*? (Здесь и далее курсив И. М. Муравьева-Апостола. – *Т. П.*). И кого же дать ей в жрицы как не Ифигению, мстящую всем попадающимся ей в руки грекам за претерпленную ею насильственную смерть, которою они купили себе попутный ветер для отплытия к берегам Фригийским? – Может быть, для тебя еще этого мало, чтобы поколебать такую опору, каково свидетельство Геродота: но если с одной стороны отец истории, то другой можно противопоставить ему отца поэзии, который в самой поэме своей, посвященной славе греков, в походе их против Трои, ни слова не говорит о заклании Ифигении в Авлиде, а напротив того, упоминает о ней вместе с сестрами ее и братом, как о живущей в отцовском доме, в Микенах, в течение последнего десятого года осады. Я из сего вывожу то заключение, что хотя бы и не совсем отвергать басню о Ифигении, так по крайней мере признать должно в ней такую темноту и противоречие, что стараться извлечь из оной какую-нибудь историческую истину в отношении к нашей Тавриде, есть дело совершенно невозможное.

Теперь отложив в сторону мифы и самого Геродота, Стравоном (Страбон – *Т. П.*) и Палласом, ссылающимся на Стравона. Паллас говорит, что он видел на востоке Георгиевского монастыря над берегом морским развалины строения, и делает о них следующее заключение: «...трудно решить, на какое употребление могло служить здание сие; недостаток воды не позволяет мне думать, чтобы оно могло быть крепостью; но имя, которое мыс, вблизи находящийся носит и до сих пор, *Мыса Святого*, и расстояние одного от стен Херсонесских, дают мне повод к заключению,

что это было *fanum Daemonis Virginis, Капище богини Девы*, так как Ая-Бурун, *promontorium Parthenium*, о коих упоминает Стравон». Таким образом Паллас полагает *мыс Партенион* в полутора верстах на восток от Георгиевского монастыря, где собственно нет мыса; *Храм Девы, fanum Virginis*, ставит ближе к монастырю, между мнимым тем мысом и Феолентом; а что всего страннее, ссылается во всем этом на Стравона, которого каждое слово противоречит сим заключениям. Я повторениями моими наскучу тебе, но обойтись без них не могу, ибо охотнее пожертвую приятностию слога, нежели оставлю недосказанным то, что мне так ясно представляется. Вспомним, что Стравон делает береговое описание Тавриды, не входя ни в какие подробности о местах средиземных полуострова, может быть, по той причине, что не имел о них достаточных сведений. Он говорит: от Херсона (в котором храм Девы некоего божества) 100 стадий до мыса Партениона; на оном мысе капище того же божества; а между городом и мысом сим три бухты. Далее (разумеется за мысом и все продолжая описание береговое) развалины древнего Херсона и проч. – Скажи сам, не идет ли тут Стравон по порядку, как учитель Географии, пальцы указывающий ученику на карте: *вот Херсон; вот бухта, другая, третья; вот мыс Партенион; далее развалины прежнего Херсона; потом гавань Символов и конец полуострова*. Паллас сам признает точность сего описания, считает те же три бухты; но потом, вместо того, чтобы признать *Партенион* в мысе Херсонес, непосредственно за бухтами Стравоном названными и столь ясно означенными, он совершенно в превратном порядке, миновав мыс настоящий, а не мнимый, миновав развалины древнейшего Херсона, ищет Партениона на месте, которое, если именовать мысом, но не будет ни одной излучины берега морского, которая бы не имела права на таковое название, и это все для того только, что Ак-Бурун значит *Святой мыс* и что расстояние от развалин, близ одного находящихся, до стены городской соответствует 100 стадиям, назначенным Стравоном. Тут противоречие за противоречием: в порядке Стравоном за тремя бухтами следует мыс, за мысом развалины древнейшего Херсона, за ними гавань Символов; у Палласа за бухтами развалины, потом место, где стояло капище некоего божества, наконец мыс Партенион, который

он находит в Ая-Буруне, отстоящем за Балаклавою на юг, по крайней мере в восьми верстах, и то прямо морем, а не берегом. Положим и то, что Ая-Бурун неправильно назначен на морских картах и что он подлинно у деревни *Кораны*, то и в таком случае капище Ифигении стояло бы не на мысе, а подле оно, что совершенно противно сказанному Стравоном.

Все этой запутанности причиною, кажется мне, название мыса *Девиным* и *Капище* на оном *некоего божества*. Всякий человек с пылким воображением, с начитанностью, невольно нападает на мысль о Ифигении, когда речь пойдет о *Капище некоего божества Девы в Тавриде*: так точно и Паллас завлечен был; и, что всего удивительнее, самим Стравоном, у которого и в помышлении не было говорить о дочери Агамемновой: ибо в противном случае он бы не довольствовался сказать *в городе храм некоего божества*, а конечно бы назвал это божество *Дианою*; и говоря о мысе не повторил бы того же недоумения, а по крайней мере намекнул бы читателю догадку свою, если бы подозревал, что мыс *Партенион* назван по *Деве Ифигении*» [33, с. 86–92].

Таким образом, как видно, И. М. Муравьев-Апостол, полемизируя с П. С. Палласом, размещает храм богини на крайнем западном мысу, т. е. на мысе Херсонес (Фанари), а не на месте Георгиевского монастыря или на мысе Айя-Бурун. К сожалению, многие последующие авторы оставили в стороне столь важные выводы И. М. Муравьева-Апостола, и авторитет П. С. Палласа оказался сильнее, в след за чем гипотеза о местоположении храма Парфенон на мысе Айя-Бурун получила широкое распространение.

Итогом путешествия П. С. Палласа по «Герacleотическому Херсонесу» было посещение монастыря св. Георгия на одноименном мысу. Главной находкой была «древняя колонна из простого известкового камня без капители, но исполненная в самых верных пропорциях». Собственно, этот артефакт ученые считали главным свидетельством того, что за монастырем находился *Fanum daemonis virginis* (святилище Девы), хотя следов от него, согласно Палласу, не осталось [38, с. 52–53]. У обрывистого мыса Айя-Бурун путешественник видел остатки прямоугольной башни; возле нее сохранились основания стены, шедшей к большой стене по краю малого оврага; от прочих стен осталось несколько тесаных камней, а

внутри отгороженного участка – широкие камни, уложенные в виде ступеней. По сохранившимся частям автор не смог определить назначение этого здания. В условиях отсутствия воды подобное строение не могло быть укреплением. Название Айя-Бурун, т. е. «священный мыс», подсказало П. С. Палласу, что «здесь был *Fanum daemonis virginis*, а сам Айя-Бурун – это *Promontorium Parthenium*» [38, с. 41–42]. Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об идентификации самого мыса Айя-Бурун, который ученый искал в ошибочном месте [20, с. 186–187].

Такого же, что и П. С. Паллас, мнения придерживался путешественник Э. Д. Кларк. Он избрал немецкого ученого в качестве проводника и во многом соглашался с выводами Палласа, в том числе и относительно местоположения Священного мыса. Предположительно это был мыс Айя-Бурун – крайний юго-западный мыс на пространстве между Балаклавой и монастырем св. Георгия, в том месте, «где побережье поворачивает на восток». В то же время, как отмечает Кларк, в Таврике могло быть несколько святилищ Диане, поскольку под описание Страбона подходят и Айя-Бурун, и Балаклава, и Аю-Даг, у подножия которого до сих пор находится селение Партенит [67, р. 287]; ученый также уважительно относился к версии В. А. Формалеони, который полагал мыс Парфениум перед монастырем св. Георгия. Личное знакомство с П. С. Палласом окончательно утвердило Кларка в справедливости предположения академика [66, р. 100]. Локализовав, таким образом, местоположение Священного мыса, путешественники, не доходя 2 версты до Георгиевского монастыря, видели остатки храма богине Парфенос, которые представляли собой основание некоего алтаря и части стены, сложенные без скрепляющих материалов; главным аргументом было то, что отсюда открывался вид на побережье, и вид Айя-Буруна был наиболее торжественный – под стать служению верховному божеству [67, р. 289–290].

Главный «определяющий» фактор для того, чтобы искать храм Дианы на мысе к западу от монастыря св. Георгия, путешественница начала XIX в. М. Гатри усматривала в том, что местность соответствовала описаниям Страбона и сохранила свое название Парфениум. Путешественница назвала объективные причины, почему мыс Айя-Бурун считается жертвенным местом поклоне-

ния Диане: вид скалы с вымытой аркой в скале и обрывом в точности совпадал с описаниями Страбона, который видел этот мыс в свое время; опять же, как и в «Географии» Страбона, только в этой части скалы на вершину вела высеченная лестница; наконец, на предполагаемом месте храма виднелись остатки древнейших строений. М. Гатри опускает пересказ небезызвестного мифа и заключает: именно Орест организовал экспедицию в Гераклею, где подговорил своих соотечественников отправиться осваивать земли малого Херсонеса, который он случайно обнаружил и тем самым отомстил таврам за свое опасное приключение с Ифигенией и Пиладом [69, р. 107–108]. Примечательно, что в данном отрывке М. Гатри проводит четкое разграничение между монастырем св. Георгия и храмом Дианы (настолько четкое, что даже описывает эти два объекта в разных письмах-главах, боясь осквернить рассуждения об обители монахов св. Георгия мыслями о варварских кровожадных божествах). Мыс, на котором расположен монастырь, путешественница называет Криуметопон, который, по ее мнению, незаслуженно назван древними авторами «бараньим лбом» и совсем не напоминает баранью голову ни на одной хорошей карте [69, р. 104–106].

К этой же группе путешественников относится миссионер Э. Гендерсон, путешествовавший по Крыму в 1821 г.: Священный выступ (Sacred Promontory) он помещает на мысе Айя-Бурун, к юго-востоку от мыса Фанари. Монастырь св. Георгия, по описанию англичанина, состоит из часовни и высеченных в скале келий без видимых следов древности. Доказательством того, что здесь ранее помещался храм Девы, для путешественников стал обрыв головокругительной высоты в 800–900 футов (т. е. 243–274 м по оценкам автора), а вовсе не остатки строений. Таким образом, это было то самое «негостеприимное» место на Черном море, где стоял храм кровожадной богине Орсилохе, украшенный черепами жертв [70, р. 353]. Здесь Э. Гендерсон, несомненно, ведет речь о кровожадной богине Деве (Диане), хоть и называет ее Орсилохой. В отдельных мифах Дева (Артемиды) отождествляется с дочерью микенского царя Агамемнона Ифигенией, которая была на самом деле служительницей культа богини. Орсилоха (Орсилохия) – это второе (загробное) имя Ифигении, данное ей Артемидой после того,

как она перенесла свою жрицу на остров Левка и сделала женой Ахилла, к тому же бессмертной и божественной. Э. Д. Кларк на страницах своих записок отмечал, что Орсилохой жители Крыма звали Диану на таврском языке; так же богиню могли называть на Кавказе, откуда, как считалось, происходят предки тавров [66, р. 564].

Имя Орсилохия встречается в «Превращениях» Никандра (II в. до н.э.) и у Аммиана Марцелина. Культ Артемиды – Дианы – Девы – Ифигении и анализу некоторых спорных и проблемных аспектов в этом вопросе посвящена статья В. Ф. Мещерякова [32].

Английский путешественник Ч. Г. Скотт в 1844 г. взялся решить проблему локализации памятника и, следуя народной традиции, помещал «храм Дианы, где прекрасная дочь Агамемнона справедливая Ифигения объявила себя жрицей», в 9 милях к югу от Севастополя «в высоких скалах, нависающих над Черным морем», т. е. на месте греческого монастыря св. Георгия. По другой версии, которой автор доверяет с большей охотой, это был мыс Криуметопон, «более вероятный для происшедшего». Путешественник полагал, что в Крыму существовало два храма Дианы, второй из них размещался на Айя-Буруне, или «священном мысу» [80, р. 328].

Иного мнения придерживается Джеймс Уэбстер, посетивший Крым в 1827 г.: искать следы древнего храма на мысе св. Георгия бессмысленно, поскольку вполне резонно то, что он был разрушен для постройки нового. Главным доказательством существования здесь храма Дианы является негостеприимный берег с обрывом в окрестностях, где могли совершаться кровавые жертвоприношения [83, р. 68–69].

Сообщение Страбона о том, что «...перед городом (Херсонесом – *Т. П.*) на расстоянии 100 стадиев находится мыс, называемый Парфением, имеющий храм божества и его статую», навело путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. на мысль, что селение с созвучным названием Партенит являлось местом расположения храма богини Партенос в древности. Общность названий заставляла вояжеров думать, что любые развалины в этом месте были «печальными остатками храма Дианы, столь прославленного жертвоприношениями Ифигении...» [7, с. 13]. К. И. Габлиц и Ш. Ж. де Линь (владелец земель от Кучук-Ламбата до Партени-

та, подаренных ему в 1787 г. императрицей Екатериной II после их совместного путешествия в Тавриду [3, с. 11]) описывали колонну, почитаемую ими, за следы древнего святилища, хотя, вероятно, это были остатки храма свв. Константина и Елены. На Южном берегу Крыма Священный мыс помещали также у Кастрополя во владении Демидовых [12].

Мнение о том, что святилище располагалось непосредственно на территории города, не нашло широкого распространения среди путешественников, искавших руины храма Дианы в Крыму (хотя у Страбона сказано, что храм богини был на территории древнего города Херсонеса). Многие вояжеры к городской территории относили весь Гераклеийский полуостров, поэтому к месту городской крепости (города в пределах городской стены на берегах Карантинной бухты) они свои рассуждения не привязывали. Тем не менее, вопрос о расположении храма в самом городе периодически поднимался путешественниками. Так, место жертвоприношений Диане на территории Херсонеса помещал Ш. де Поль Бардю Оллан [63, с. 598], одним из вероятных мест для храма Деве считал территорию Херсонеса и Н. Н. Мурзакевич [34, с. 647].

Среди прочих Ч. Эллиот, как и многие его современники, описывает три христианских храма на территории города; на месте одного из них мог стоять храм Диане: «Остатки трех отдельных строений, которые можно увидеть, были, очевидно, христианскими церквями; в то же время их языческие символы указывают на раннюю, а стертые наполовину кресты – на позднюю древность, когда поклонение Диане и христианские верования столкнулись, как однажды в Эфесе, где Диана Эфесская выступила в роли великого апостола язычников. Страбон упоминает храм девственной богини на этом месте; и, вероятно, среди этих руин имеется и христианская церковь, построенная на месте и из материалов, что остались от того самого храма» [68, р. 327–328]. Тот же автор пишет, что «здесь (в Херсонесе – *Т. II.*) существовал храм Таврской Дианы, а историки сообщают о том, что пещера на территории цитадели была местом отправления ее культа» [68, р. 327].

Современные исследователи не исключают возможность обнаружения места поклонения Диане (храма, святилища, пещеры) на террито-

рии Херсонесского городища. Некоторые из уже изученных объектов претендуют на право такого отождествления. С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь и Л. В. Марченко предположили, что на месте храма расположен мартирий в центральной части Херсонеса, известный так же, как «пещерный храм» [55, с. 71]. Памятник, в 1883–1884 гг. изученный Одесским обществом истории и древностей, приняли за цистерну римского времени, в которой был устроен храм. В него вела каменная лестница из восьми ступеней; остатки неглубокой ниши, где было обнаружено шесть человеческих черепов, позволили А. Л. Якобсону предположить, что здесь располагался склеп. К. Э. Гриневич и Ю. М. Могаричев не сомневались, что здесь был храмовый комплекс с усыпальницей знатных христиан в нижней части, пещерный облик которой заставил ученых задуматься о возможности существования в этом месте тайного убежища первых христиан. Из «Жития св. епископов Херсонских» явствует, что в IV в. св. Василий укрылся в «некой пещере, именуемой Парфеноном» [59, с. 566–567]. По мнению С. Б. Сорочана, В. М. Зубаря и Л. В. Марченко, это был заброшенный храм какого-либо «хтонического божества» – Коры-Персефоны или Артемиды, которую отождествляли с Гекатой-Селеной, носившей эпитет Партенос. С этим храмом связывают восприятие херсонесского божества Девы как местной ипостаси греческой Артемиды.

М. В. Скржинская поддержала данную теорию. По ее мнению, в «Житии св. епископов Херсонских» речь идет именно об этом храме: он мог быть разрушен в ходе событий IV в., когда по велению епископа Капитона были построены печи, в которых сгорели мраморные детали храма и скульптура главной херсонесской богини, а известь, полученная из перегоревшего мрамора, потом была пущена на строительство здесь же храма апостола Петра. Таким образом, новый храм, выросший на месте греческого Парфенона, обозначил континуитет религий – язычества и христианства, которые продолжали верить в право асилии, т. е. охранной функции подобных святилищ [55, с. 71].

А. С. Русяева, которая в своих работах часто полемизирует с М. В. Скржинской, подчеркивает, что ставить точку в этом вопросе слишком рано. При рассмотрении доводов исследовательницы становится ясно, что на ее стороне факты: ни-

каких оснований утверждать, что храм богини Партенос назывался именно Парфеноном, что он стоял на месте вышеуказанной пещеры и что языческий храм был сожжен и руины его стали основанием для постройки храма св. Петра, нет. Напротив, сравнительный анализ различных вариантов «Житий св. епископов Херсонских» дает основания для иных предположений, которые стоит учитывать: храм св. Петра был на месте так называемой Восточной базилики (по счету Императорской археологической комиссии – базилика № 36), которую и в средние века продолжали называть Парфенон [45, с. 20; 59, с. 579; 57]; храм св. Петра мог быть и на месте Уваровской базилики (№ 23); Парфенон – это название отнюдь не храма, а священной пещеры нимф – неизменных спутниц Партенос.

А. В. Буйских и М. И. Золотарев при изучении городища пришли к выводу, что храмовый комплекс располагался на священной площади города – теменосе – в северо-восточной части Херсонеса. Остатки храма, который при жизни Капитона мог быть разрушен или перестроен, невозможно обнаружить, поскольку эта территория была застроена в византийскую эпоху. По другим данным, приведенным также М. В. Скржинской, есть версии о расположении храма Девы на месте современного Владимирского собора [46]. Что особенно интересно – это предположение уже высказывалось путешественниками. Так, Г. Д. Сеймур в 1844 г. отмечал, что Крузе раскопал три церкви, одна из которых, самая крупная, выстроенная в форме креста и расположенная на центральной площади города, возможно, и была «Парфеноном Херсона, посвященным известному божеству Деве древних тавров» [81, р. 151].

Разногласия в среде путешественников привели к тому, что окончательно в середине XIX в. место расположения храма богини Партенос определить не удалось. Не были они единогласны и в идентификации мысов крымского побережья с древним святилищем – местом жертвоприношений, описанных в легендах. Более того, среди вояжеров выделяется группа авторов, которые отказывались верить в то, что легендарные пересказы относительно храма Девы и кровавых культов, здесь совершавшихся, имели место в исторической реальности. Француз Ф. Депрео де Сен-Совер описывает мысы Южнобережья, но с древними легендами их не соотносит; он назы-

вает мыс Херсонес, мыс с монастырем св. Георгия, мыс Сарыч (Криуметопон), но упоминаний о Священном мысе нет [79, р. 6–7].

Г. Кастельно отмечал, что история этого памятника более остальных, относимых к Херсонесу, подвержена фальсификациям и искажениям; по его мнению, доверчивые читатели фанатично увлекаются пересказом мифов о приключениях Ореста, выдавая их за достоверную историю. Автор неохотно помещает здесь (или на соседнем мысе Айя-Бурун) храм Орестеон, о чем говорят предание и остатки древних сооружений; к тому же Кастельно видел колонну, которая, по уверению местных жителей, украшала некогда храм Дианы [ср.: 38, с. 52–53]. Выводы его скептически, поскольку колонна была сделана из известняка и имела незначительный диаметр (менее одного фута, т. е. 0,3 м). Автор готов согласиться, что храм располагался здесь, на южной оконечности Херсонеса, но отсутствие прямых свидетельств не позволяет ему подтвердить или опровергнуть это предположение. Камни, остатки оборонительной стены, прямоугольные и круглые остатки фундаментов – вот все, что встретилось ему в этой пустынной местности [82, р. 202–204].

Ссылаясь на сообщения П. С. Палласа, строит свое повествование Р. Лайелл в 1822 г. Путешественник также искал в окрестностях монастыря «храм демонической девственности», хотя попытке найти его он считал тщетными: храм мог находиться как на мысе Айя-Бурун, так и в окрестностях Георгиевского монастыря [75, р. 300].

Исходя из сказанного, видится следующий вывод: путешественники по Крыму конца XVIII – первой половины XIX в., в отличие от современных ученых, никаких четких выводов не делали. Храмов, посвященных греческим божествам в Херсонесе, несомненно, было несколько (только на теменосе их могло быть два, от которых остались вполне различимые остатки в виде колонн ионического и дорического ордеров). Некоторые из них были посвящены богиням, носившим эпитет Партенос: Афине, Артемиде, Персефоне; о каждом из них мог писать древнегреческий географ, указаниям которого следовали путешественники. Согласно реконструкции А. В. Буйских и М. И. Золотарева, мыс, храм и ксоанон, названные Страбоном, располагались в северо-восточной части Херсонеса, где ученые локализируют теменос. Но все выше сказанное про-

должает оставаться на уровне гипотез до тех пор, пока не будут получены исчерпывающие археологические доказательства, которые без проти-

воречия данным письменных источников укажут на точное место локализации храма и святилища Девы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ. М., 1905. Вып. 1. 144 с.
2. Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности: Труды ИМАО. М., 1916. Т. 25. С. 67–88.
3. Белова С. Л. Раевские и Крым. Симферополь: Бизнес-Информ, 2006. 208 с.
4. Белянский И. Л., Лезина И. Н., Суперанская А. В. Крым. Географические названия: Крат. слов.: [Топонимия Крыма]. Симферополь: Таврия-плюс, 1998. 158 с.
5. Бертъе-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. Вып. 12. 64 с.
6. Бертъе-Делагард А. Л. О Херсонесе // ИИАК. 1907. Вып. 21. 208 с.
7. [Бильбасов В. А.] Князь де-Линь в России в 1787–1788 гг. Глава III // Русская Старина. 1892. Т. 74. С. 1–43.
8. Бондаренко М. Е. Пантеон Херсонеса Таврического. М.: Компания Спутник+, 2003. 170 с.
9. Броневский В. [Б.] Обзорение Южного берега Тавриды в 1815 году. Тула: в тип. Губ. Правления, 1822. 192 с.
10. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху // МАИЭТ. 2008. Supplementum. Вып. 5. 424 с.
11. Буйских А. В., Золотарев М. И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 111–132.
12. Галиченко А. А. Руины в садово-парковом искусстве Крыма // Тема руин в культуре и искусстве: сборник научных трудов. М.: Белый берег, 2003. С. 119–132.
13. Голофаст Л. А. Градостроительный облик Херсона в XIII веке // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 275–377.
14. Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 6–175.
15. Гриневецкий С. Р., Зонн С. С., Жильцов С. Р. Черноморская энциклопедия. М.: Международные отношения, 2006. 660 с.
16. Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М.: тип. А. Семена, 1853. 543 с.
17. Днепровский Н. В. К вопросу о локализации пещерного убежища святого Василия, епископа Херсонесского // МАИАСК. 2008. Вып. 1. С. 131–142.
18. Е. [Болховитинов О.]. О следах древнего греческого города Херсона, донныне видимых в Крыму // Отечественные записки. 1822. Ч. 9. Кн. 22. С. 145–163.
19. Жития святых таврических (крымских) чудотворцев / Сост. худож. Д. Струков. Москва: типо-лит. С. В. Гурьянова, 1878. 72 с.
20. Зедгенидзе А. А. Проблема сакральных мест хоры Херсонеса Таврического // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 182–196.
21. Зубарь В. М. По поводу локализации святилища богини Партенос в окрестностях Херсонеса Таврического // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы II Судакской международной научной конференции. Ч. 1. К.; Судак: Академперіодика, 2004. С. 7–61.
22. Зубарь В. М. Партенос – Верховная богиня Херсонеса // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. XII: Збірник наукових праць. Запоріжжя, 2005. С. 202–219.
23. Кадеев В. И. К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе // КСИА. 1976. № 145. С. 9–13.
24. Кирион, епископ [Садзагелов Г. И.]. Давид Гареджели и его лавра: юбил. изд. Тифлис: тип. Гр. Чирквиани, 1901. 41 с.
25. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1888–1890 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 1. Л. 4–14.
26. Косцюшко-Валюжинич К. К. Раскопки в Херсонесе в 1896 г. // Археологические известия и заметки. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. Вып. 5. С. 167–195.
27. [Косцюшко-Валюжинич К. К.] Извлечение из отчета о раскопках, произведенных в Херсонесе в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем // ОАК за 1898 год. СПб., 1901. С. 99–123.

28. Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских. Исследование и тексты // ЗАН. 1906. Т. 8. № 3. 82 с.
29. Латышев В. В. ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909. 430 с.
30. Латышев В. В. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула (Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 21). Харьков, 1914. С. 206–211.
31. Лейбенсон Ю. Т. Античная интеллектуальная традиция в Северном Причерноморье в средние века // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2015. Т. 1 (67), № 1. С. 12–27.
32. Мещеряков В. Ф. О культе богини Девы в Херсонесе Таврическом // Актуальные программы изучения религии и атеизма. Л., 1979. С. 104–119.
33. Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб.: в тип. при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, 1823. 337 с.
34. Мурзакевич Н. Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. 1837. Ч. 13. № 3. С. 625–691.
35. Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического: земельный кадастр IV–III вв. до н. э. Ч. 1. Севастополь. 1999. 83 с.
36. Орешников А. В. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского // Нумизматический сборник. М., 1913. С. 112–115.
37. Орешников А. В. Херсонас, божество Херсонеса Таврического // ИИАК. 1918. Вып. 65. С. 144–152.
38. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. М.: Наука, 1999. 246 с. (Научное наследство. Т. 27).
39. Пассек В. В. Отрывки из путешествия по Крыму // Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: [в 5 кн.]. Кн. 1. СПб.: в тип. Н. Греча, 1842. С. 151–175.
40. Подосинов А. В., Скржинская М. В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. 504 с.
41. Помпоний Мела. О положении земли / пер. С. К. Апта // Античная география. Книга для чтения. М., 1953. С. 176–237.
42. Ростовцев М. И. Новая книга об острове Белом и Таврике // ИИАК. 1918. Вып. 65. С. 177–197.
43. Русяева А. С. Культы и святилища в сфере политики демократических полисов Северного Причерноморья в раннеэллинистическое время // ВДИ. 2000. № 3. С. 74–84.
44. Русяева А. С. Проблемні питання інтерпретації культу Партенос – Верховної богині Херсонеської держави // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 82–111.
45. Русяева А. С. Проблема локалізації мису Партеній і храму херсонеської богині Партенос (Strabo. VII. 4. 2) // Надчорномор'я: студії з історії та археології (з IX ст. до н.е. по XIX ст. н.е.). Київ, 2008. Вип. 1. С. 7–25.
46. Русяева А. С. Про храм Партенос – верховної богині Херсонеса Таврійського // Український історичний журнал. 2009. № 2. С. 4–16.
47. Русяева А. С., Русяева М. В. Верховная богиня античной Таврики. Киев, 1999. 208 с.
48. Рыжов С. Г. Античный храмовый комплекс в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2015. Вып. XX. С. 5–30.
49. Сайко Э. В. К проблеме общего и особенного в развитии древнего и средневекового города // Античный и средневековый город: тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Екатеринбург; Севастополь, 1994. С. 7–9.
50. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М.: Наука, 1986. 246 с.
51. Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789) / пер. и прим. Г. Н. Геннади. СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865. 386 с.
52. Сестренцевич-Богуш С. История о Таврии: в 2 т. Т. 1. СПб., 1806. 440 с.
53. Скржинская М. В. Реальные и вымышленные черты Северного Причерноморья в трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде» // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 176–191.
54. Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1991. 197 с.
55. Скржинська М. В. Парфенон у Херсонесі Таврійському // Україна в Центрально-Східній Європі: Збірник наукових праць. Київ, 2006. Вип. 6. С. 67–85.

56. Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков. Этюды рынка: структура механизмов обмена. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Майдан, 2001. 474 с.
57. Сорочан С. Б. О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток – Запад: Межконфессиональный диалог: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2002. С. 37–38.
58. Сорочан С. Б. О «пещере Парфенон» в Херсонесе // МАИАСК. 2017. Вып. 9. С. 297–310.
59. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков: Майдан, 2000. 826 с.
60. Страбон. Истр, Германия, Таврика, Скифия, Фрагменты // География: в 17 кн. / пер., ст. и комм. Г. А. Стратановского. Кн. VII. М.: Наука, 1964. С. 265–314.
61. Толстой И. И. Остров Белый и Таврика в Понте Эвксинском. Петроград, 1918. С. 116–117.
62. Фролов Э. Д. Гераклеийские мариандины: к проблеме взаимоотношений // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 112–121.
63. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 595–633.
64. Шишкина О. П. Записки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году: в 2 т. Т. 2. СПб.: тип. Второго Отделения Е. И. В. Канцелярии, 1848. 328 с.
65. Якобсон А. Л. Античные традиции в культуре раннесредневековых городов Северного Причерноморья // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 182–190.
66. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tahtary and Turkey. 3 ed. Part 1. London: T. Cadell, 1813. 801 p.
67. Clarke E. D. Travels in various countries of Europe, Asia, Africa: [in 11 vol.]. 4 ed. Vol. 2. London: T. Cadell and W. Davies, 1816. 546 p.
68. Elliott C. B. Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliott: in 2 vol. Vol. 1. London: Richard Bentley, 1838. 498 p.
69. Guthrie M. A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea: the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy. London: T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802. 446 p.
70. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia, including a Tour in the Crimea and the Passage of the Caucasus; with Observations on the State of the Rabbinical and Karaite Jews. London, 1826. 542 p.
71. Honnaire de Hell X. Les steppes de la Mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie Meridionale: voyage pittoresque, historique et scientifique: in 3 vol. Vol. 2. Paris; Strasburg, 1845. 598 p.
72. Jesse W. Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840: in 2 vol. Vol. 1. London: J. Madden and Co, 1841. 335 p.
73. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: With a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: in 2 vol. Vol. 2. London: J. Murray, 1827. 595 p.
74. Koch C. The Crimea and Odessa: journal of a tour, with an account of the climate and vegetation. London: J. Murray, 1855. 323 p.
75. [Lyll R.] Travels in Russia, the Krimée, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M.D.F.L.S. Member of the Asiatic Society of London; Etc. Etc.: in 2 vol. Vol. 1. London: Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825. 528 p.
76. Minns E. H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 720 p.
77. Popova R. The cult of Artemis-Iphigenia in the Tauric Chersonese: the movement of an AITION // Orpheus. 2011. № 18. P. 57–67.
78. Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803. Paris: Bossange, Masson et Besson, 1806. 303 p.
79. Saint-Sauveur F., de. Excursion en Crimée et sur les côtes du Caucase, au mois de juillet 1836. Paris: Typ. de Fermin Didot Frères et Cie, 1837. 87 p.
80. Scott C. H. The Baltic, the Black Sea, and the Crimea: comprising travels in Russia, a voyage down the Volga to Astrachan, and a tour through Crim Tartary. London: Richard Bentley, New Burlington Street, 1854. 346 p.
81. Seymour H. D. Russia on the Black Sea and Sea of Azof: being a Narrative of travels in the Crimea and bordering provinces; with notices of the naval, military and commercial resources of those countries. London: John Murray, 1855. 361 p.
82. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce: avec cartes, vues, plans, etc. par Castelnau,

Gabriel de, marquis // Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie: Tome 2: statistique des provinces qui la composent: fondation d'Odessa: ses progres, son etat actuel: details sur son commerce. Chez Rey et Gravier, Libraires, 1820. 387 p.

83. Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt, performed during the years 1825–1828: including particulars of the last illness and death of the Emperor Alexander, and of the Russian conspiracy: in 2 vol. Vol. 1. London, 1830. 162 p.

REFERENCES

1. Ainalov D. V. Razvaliny khramov. *Pamiatniki khristianskogo Khersonesa*. Moscow, 1905, vol. 1, 144 p.
2. Ainalov D. V. Memorii sv. Klimenta i sv. Martina v Khersonese. *Drevnosti: Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva*. Moscow, 1916, vol. 25, pp. 67–88.
3. Belova S. L. *Raevskie i Krym*. Simferopol', Biznes-Infom Publ., 2006, 208 p.
4. Belianskii I. L., Lezina I. N., Superanskaia A. V. *Krym. Geograficheskie nazvaniia. Kratkii slovar' [Toponimiiia Kryma]*. Simferopol': Tavriia-PLUS Publ., 1998, 158 p.
5. Bert'e-Delagard A. L. Drevnosti Iuzhnoi Rossii. Raskopki Khersonesa. *Materialy po arkheologii Rossii*, 1893, vol. 12, 64 p.
6. Bert'e-Delagard A. L. O Khersonese. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1907, vol. 21, 208 p.
7. [Bil'basov V. A.] Kniaz' de-Lin' v Rossii v 1787–1788 gg. Glava III. *Russkaia Starina*, 1892, vol. 74, pp. 1–43.
8. Bondarenko M. E. *Panteon Khersonesa Tavricheskogo*. Moscow, Kompaniia Sputnik+ Publ., 2003, 170 p.
9. Bronevskii V. [B.] *Obozrenie Iuzhnogo berega Tavridy v 1815 godu*. Tula, Gub. Pravleniia Publ., 1822, 192 p.
10. Buiskikh A. V. Prostranstvennoe razvitie Khersonesa Tavricheskogo v antichnuiu epokhu. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, Supplementum. Vol. 5, 424 p.
11. Buiskikh A. V., Zolotarev M. I. Gradostroitel'nyi plan Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 2001, No. 1, pp. 111–132.
12. Galichenko A. A. Ruiny v sadovo-parkovom iskusstve Kryma. *Tema ruin v kul'ture i iskusstve: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, Belyi bereg Publ., 2003, pp. 119–132.
13. Golofast L. A. Gradostroitel'nyi oblik Khersona v XIII veke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2009, vol. XV, pp. 275–377.
14. Gratsianskaia L. I. "Geografiia" Strabona. Problemy istochnikovedeniia. *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia*. 1986 g. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 6–175.
15. Grinevetskii S. R., Zonn S. S., Zhil'tsov S. R. *Chernomorskaia entsiklopediia*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2006, 660 p.
16. Demidov A. N. *Puteshestvie v Iuzhnuu Rossiiu i Krym cherez Vengriiu, Valakhiiu i Moldaviuu, sovershennoe v 1837 g.* Moscow, A. Semena Publ., 1853, 543 p.
17. Dneprovskii N. V. K voprosu o lokalizatsii peshchernogo ubezhishcha sviatogo Vasiliia, episkopa Khersonesskogo. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2008, vol. 1, pp. 131–142.
18. E. [Bolkhovitinov O.]. O sledakh drevnego grecheskogo goroda Khersona, donyne vidimykh v Krymu. *Otechestvennye zapiski*, 1822, Part. 9, book 22, pp. 145–163.
19. Strukov D. (Ed.). *Zhitiia sviatykh tavrisheskikh (krymskikh) chudotvortsev*. Moscow, S. V. Gur'ianova Publ., 1878, 72 p.
20. Zedgenidze A. A. Problema sakral'nykh mest khory Khersonesa Tavricheskogo. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2015, No. 1, pp. 182–196.
21. Zubar' V. M. Po povodu lokalizatsii sviatilishcha bogini Partenos v okrestnostiakh Khersonesa Tavricheskogo. *Materialy II Sudakskoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Prichernomor'e, Krym, Rus' v istorii i kul'ture"*. Chast' I. Kiev; Sudak, Akadempriodika Publ., 2004, pp. 7–61.
22. Zubar' V. M. Partenos – Verkhovnaia boginia Khersonesa. *Starozhitnosti stepovogo Prichernomor'ia i Krimu. XII. Zbirnik nauchnykh prats'*. Zaporizhzhia, 2005, pp. 202–219.
23. Kadeev V. I. K voprosu o "tsarstvovanii" Devy v Khersonese. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1976, No. 145, pp. 9–13.
24. Kirion, episkop [Sadzagelov G. I.]. *David Garedzheli i ego lavra*. Tiflis, Gr. Chirkviani Publ., 1901, 41 p.

25. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1888–1890 gg. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. I. D. I. L. 4–14.
26. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Raskopki v Khersonese v 1896 g. *Arkheologicheskie izvestiia i zametki*. Moscow, A. I. Mamontov Publ., 1897, vol. 5, pp. 167–195.
27. [Kostsiushko-Valiuzhinich K. K.] Izvlechenie iz otcheta o raskopkakh, proizvedennykh v Khersonese v 1898 g. K. K. Kostsiushko-Valiuzhinichem. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1898 god*. St. Petersburg, 1901, pp. 99–123.
28. Latyshev V. V. Zhitiiia sv. episkopov Khersonskikh. Issledovanie i teksty. *Zapiski Imperatorskoi Akademii nauk*, 1906, vol. 8, No. 3, 82 p.
29. Latyshev V. V. ПОНТИКА. *Izbornik nauchnykh i kriticheskikh statei po istorii, arkheologii, geografii i epigrafike Skifii, Kavkaza i grecheskikh kolonii na poberezh'ia Chernogo moria*. St. Petersburg, 1909, 430 p.
30. Latyshev V. V. K voprosu o kul'te bogini Devy v Khersonise Tavricheskom. *Sbornik statei v chest' prof. V. P. Buzeskula (Sbornik Khar'kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*. Vol. 21). Khar'kov, 1914, pp. 206–211.
31. Leibenson Iu. T. Antichnaia intellektual'naia traditsiia v Severnom Prichernomor'e v srednie veka. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriia "Istoricheskie nauki"*. 2015, vol. 1 (67), No. 1, pp. 12–27.
32. Meshcheriakov V. F. O kul'te bogini Devy v Khersonese Tavricheskom. *Aktual'nye programmy izucheniia religii i ateizma*. Leningrad, 1979, pp. 104–119.
33. Murav'ev-Apostol I. M. *Puteshestvie po Tavride v 1820 godu*. St. Petersburg, Osobennaia kantseliariia Ministerstva vnutrennikh del Publ., 1823, 337 p.
34. Murzakevich N. N. Poezdka v Krym v 1836 godu. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1837, Part. 13. No. 3, pp. 625–691.
35. Nikolaenko G. M. *Khora Khersonesa Tavricheskogo: zemel'nyi. Kadastr IV–III vv. do n. e. Chast' I*. Sevastopol', 1999, 83 p.
36. Oreshnikov A. V. Monety Khersonesa Tavricheskogo, tsarei Bospora Kimmeriiskogo i Polemona II Pontiiskogo. *Numizmaticheskii sbornik*. Moscow, 1913, pp. 112–115.
37. Oreshnikov A. V. Khersonas, bozhestvo Khersonesa Tavricheskogo. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1918, vol. 65, pp. 144–152.
38. Pallas P. S. *Nabliudeniia, sdelannye vo vremia puteshestviiam po iuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godakh*. Moscow, Nauka Publ., 1999, 246 p. (*Nauchnoe nasledstvo*. T. 27).
39. Passek V. V. Otryvki iz puteshestviia po Krymu. *Ocherki Rossii, izdavaemye Vadimom Passekom*. [V 5 kn.]. *Kniga I*. St. Petersburg, N. Grech Publ., 1842, pp. 151–175.
40. Podosinov A. V., Skrzhinskaia M. V. *Rimskie geograficheskie istochniki: Pomponii Mela i Plinii Starshii. Teksty, perevod, kommentarii*. Moscow, 2001, 504 p.
41. Pomponii Mela. O polozhenii zemli. *Antichnaia geografiia. Kniga dlia chteniia*. Moscow, 1953, pp. 176–237.
42. Rostovtsev M. I. Novaia kniga ob ostrove Belom i Tavrike. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1918, vol. 65, pp. 177–197.
43. Rusiaeva A. S. Kul'ty i sviatilishcha v sfere politiki demokraticeskikh polisov Severnogo Prichernomor'ia v ranneellinisticheskoe vremia. *Vestnik drevnei istorii*, 2000, No. 3, pp. 74–84.
44. Rusiaeva A. S. Problemni pitannia interpretatsii kul'tu Partenos – Verkhovnoi bogini Khersones'koï derzhavi. *Bosporskie issledovaniia*, 2007, vol. XVI, pp. 82–111.
45. Rusiaeva A. S. Problema lokalizatsii misu Partenii i khramu khersones'koï bogini Partenos (Strabo. VII. 4. 2). *Nadchornomor'ia: studii z istorii ta arkheologii (z IX st. do n.e. po XIX st. n.e.)*. Kiev, 2008, vol. 1, pp. 7–25.
46. Rusiaeva A. S. Pro khram Partenos – verkhovnoi bogini Khersonesa Tavriiskogo. *Ukrains'kii istorichnii zhurnal*, 2009, No. 2, pp. 4–16.
47. Rusiaeva A. S., Rusiaeva M. V. *Verkhovnaia boginia antichnoi Tavriki*. Kiev, 1999, 208 p.
48. Ryzhov S. G. Antichnyi khramovyi kompleks v Severnom raione Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2015, vol. XX, pp. 5–30.
49. Saiko E. V. K probleme obshchego i osobennogo v razvitiu drevnego i srednevekovogo goroda. *Tezisy dokladov VII Siuziumovskikh chtenii "Antichnyi i srednevekovyi gorod"*. Ekaterinburg; Sevastopol', 1994, pp. 7–9.
50. Saprykin S. Iu. *Gerakleia Pontiiskaia i Khersones Tavricheskii. Vzaimootnosheniia metropolii i kolo-*

- nii v VI–I vv. do n. e. Moscow, Nauka Publ., 1986, 246 p.
51. Segiur L.-F. *Zapiski grafa Segiura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785–1789)*. St. Petersburg, V. N. Maikov Publ., 1865, 386 p.
 52. Sestrentsevich-Bogush S. *Istoriia o Tavrii. V 2 t. T. I*. St. Petersburg, 1806, 440 p.
 53. Skrzhinskaia M. V. Real'nye i vymyshlennye cherty Severnogo Prichernomor'ia v tragedii Evripida "Ifigeniia v Tavride". *Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniia. 1986 g.* Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 176–191.
 54. Skrzhinskaia M. V. *Drevnegrecheskii fol'klor i literatura o Severnom Prichernomor'e*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991, 197 p.
 55. Skrzhins'ka M. V. Parfenon u Khersonesi Tavriis'komu. *Ukraina v Tsentral'no-Skhidnii Evropi. Zbirnik naukovikh prats'*. Kiev, 2006, vol. 6, pp. 67–85.
 56. Sorochan S. B. *Vizantiia IV–IX vekov. Etiudy rynku: struktura mekhanizmov obmena*. Khar'kov, Maidan Publ., 2001, 474 p.
 57. Sorochan S. B. O khrame vo imia apostola Petra v rannesrednevekovom Khersonese (Khersone). *Tezisy dokladov i soobshchenii Vostok – Zapad "Mezhkconfessional'nyi dialog"*. Sevastopol', 2002, pp. 37–38.
 58. Sorochan S. B. O "peshchere Parfenon" v Khersonese. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, 2017, vol. 9, pp. 297–310.
 59. Sorochan S. B., Zubar' V. M., Marchenko L. V. *Zhizn' i gibel' Khersonesa*. Khar'kov, Maidan Publ., 2000, 826 p.
 60. Strabon. Istr, Germaniia, Tavrika, Skifiia, Fragmenty. *Stratanovskii G. A. (Ed.). Geografiia. V 17 kn. Kn. VII*. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 265–314.
 61. Tolstoi I. I. *Ostrov Belyi i Tavrika v Ponte Evksinskom*. Petrograd, 1918, pp. 116–117.
 62. Frolov E. D. Gerakleiskie mariandiny: k probleme vzaimootnoshenii. *Demograficheskaia situatsiia v Prichernomor'e v period Velikoi kolonizatsii*. Tbilisi, 1981, pp. 112–121.
 63. Khrapunov N. I. Khersones v opisaniiaakh evropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 595–633.
 64. Shishkina O. P. *Zapiski i vospominaniia russkoi puteshestvennitsy po Rossii v 1845 godu: v 2 t. T. 2*. St. Petersburg, Vtoroe Otdelenie E. I. V. Kantseliarii Publ., 1848, 328 p.
 65. Iakobson A. L. Antichnye traditsii v kul'ture rannesrednevekovykh gorodov Severnogo Prichernomor'ia. *Antichnyi gorod*. Moscow, Akademiia nauk SSSR Publ., 1963, pp. 182–190.
 66. Clarke E. D. *Travels in various countries of Europe, Asia and Africa: Russia, Tahtary and Turkey. 3 ed. Part I*. London, T. Cadell, 1813, 801 p.
 67. Clarke E. D. *Travels in various countries of Europe, Asia, Africa. [In 11 vol.]. 4 ed. Vol. 2*. London, T. Cadell and W. Davies, 1816, 546 p.
 68. Elliott C. B. *Travels in three great empires of Austria, Russia and Turkey by C. B. Elliott: in 2 vol. Vol. 1*. London, Richard Bentley, 1838, 498 p.
 69. Guthrie M. *A tour, performed in the years 1795–6, through the Taurida, or Crimea: the antient kingdom of Bosphorus, the once-powerful republic of Tauric Cherson, and all the other countries on the north shore of the Euxine, ceded to Russia by the peace of Kainardgi and Jassy*. London, T. Cadell, jun. & W. Davies; Elibron Classics edition, 1802, 446 p.
 70. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia, including a Tour in the Crimea and the Passage of the Caucasus; with Observations on the State of the Rabbinical and Karaite Jews*. London, 1826, 542 p.
 71. Honnaire de Hell X. *Les steppes de la Mer Caspienne, le Caucase, la Crimee et la Russie Meridionale: voyage pittoresque, historique et scientifique: in 3 vol. Vol. 2*. Paris; Strasburg, 1845, 598 p.
 72. Jesse W. *Notes of a half-pay in search of health, or Russia, Circassia and the Crimea in 1839–1840: in 2 vol. Vol. 1*. London, J. Madden and Co, 1841, 335 p.
 73. Jones G. M. *Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea: With a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England: in 2 vol. Vol. 2*. London, J. Murray, 1827, 595 p.
 74. Koch C. *The Crimea and Odessa: journal of a tour, with an account of the climate and vegetation*. London, J. Murray, 1855, 323 p.
 75. [Lyll R.] *Travels in Russia, the Krimia, the Caucasus and Georgia by Robert Lyall, M.D.F.L.S. Member of the Asiatic Society of London; Etc. Etc. in 2 vol. Vol. 1*. London, Printed for T. Cadell, in the Strand; and W. Blackwood, Edinburgh, 1825, 528 p.
 76. Minns E. H. *Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the*

- Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge, University Press, 1913, 720 p.
77. Popova R. The cult of Artemis-Iphigenia in the Tauric Chersonese: the movement of an AITION. *Orpheus*, 2011, No. 18, pp. 57–67.
78. Reuilly J. *Voyage en Crimée et sur les bords de la mer Noire, pendant l'année 1803*. Paris, Bossange, Masson et Besson, 1806, 303 p.
79. Saint-Sauveur F., de. *Excursion en Crimée et sur les côtes du Caucase, au mois de juillet 1836*. Paris, Typ. de Fermin Didot Frères et Cie, 1837, 87 p.
80. Scott C. H. *The Baltic, the Black Sea, and the Crimea: comprising travels in Russia, a voyage down the Volga to Astrachan, and a tour through Crim Tartary*. London, Richard Bentley, New Burlington Street, 1854, 346 p.
81. Seymour H. D. *Russia on the Black Sea and Sea of Azof: being a Narrative of travels in the Crimea sand bordering provinces; with notices of the naval, military and commercial resources of those countries*. London, John Murray, 1855, 361 p.
82. Voyage en Crimée, dans l'intérêt de l'agriculture et du commerce: avec cartes, vues, plans, etc. par Castelnau, Gabriel de, marquis. *Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie: Tome 2: statistique des provinces qui la composent: fondation d'Odessa: ses progrès, son état actuel: détails sur son commerce*. Chez Rey et Gravier, Libraires, 1820, 387 p.
83. Webster J. *Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt, performed during the years 1825–1828: including particulars of the last illness and death of the Emperor Alexander; and of the Russian conspiracy: in 2 vol. Vol. 1*. London, 1830, 162 p.

Т. А. Прохорова

**К вопросу о локализации некоторых сакральных участков в Херсонесе
с позиции взглядов путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.**

Резюме

В статье на основе записок путешественников проанализированы отдельные взгляды, которые господствовали в среде исследователей в первой половине XIX в., на проблемы локализации и поиска священных мест на территории Херсонеса и его округа. Особое внимание уделено культу верховной богини Херсонеса, различному пониманию его роли в исто-

рико-культурном и практическом отношении для города. Приведенные археологические данные из раскопок последних лет подтверждают тезис о ненадежности письменных источников в отрыве от других методов (истории и археологии) и наоборот.

Ключевые слова: археология, святилище, богиня Дева, Херсонес.

Tatiana Prokhorova

**To the Question about Localization of Some Sacred Sites in Chersonesos
and It's Area by the Travelers of the Late 18th – Early 19th Century**

Summary

In the article on the basis of the travelers' notes it is analyzed the certain views that prevailed among researchers in the first half of the 19th century, on the problems of localization and search of sacred places in the territory of Chersonesos and its district. Special attention is paid to the cult of the Supreme goddess of Chersonesos, different understanding of its role in

historical, cultural and practical terms for the city. The given archaeological data from the excavations of recent years confirm the thesis about the unreliability of written sources in isolation from other methods (history and archeology), and vice versa.

Keywords: archeology, sanctuary, goddess Virgin, Chersonesos.

А. И. РОМАНЧУК

**К. К. КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ:
БИОГРАФИЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В 1896 г. Председатель Императорской археологической комиссии (далее ИАК) А. А. Бобринский писал К. К. Косцюшко-Валюжиничу: «Ваше терпение и аккуратность привели к результатам, которыми Вы могли по праву гордиться. Никто, кажется, даже из завзятых скептиков – не будет отрицать и сомневаться в важности раскопок в Херсонесе, ни в факте, что открытием этого источника научного свету мы всецело обязаны Вам.

Дорогой друг, за последние годы Вы обогатили музей ценными предметами древнего быта и обнаружили целый том разрушенных страниц прошлого, начинающих уже принимать определенный вид и выказывать свой потаенный смысл» [16, л. 145–146].

Оценка деятельности, как и основные вехи биографии Первого заведующего Херсонесскими раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича (Рис. 1–4) уже были представлены в ряде работ [1, с. 57–67; 2, с. 29–40; 14; 20; 27] и публикациях на страницах интернета, правда, в последних приводятся свидетельства, не подтверждаемые источниками. Это и делает необходимым последовательное обращение к архивным документам, содержащим биографические данные, изменения статуса К. К. Косцюшко-Валюжинича в структуре ИАК. К числу таковых относятся послужной список исследователя, рапорты ИАК, а также замечания-дополнения к официальным документам, принадлежащие непосредственно исследователю; а наиболее полное изложение его жизненного пути до 1888 г. и события ноября – начала декабря 1907 г. принадлежат В. Роту¹.

Архивные материалы отчасти позволяют представить, что же стало побудительной причиной интереса К. К. Косцюшко-Валюжинича к истории Херсонеса, о котором А. А. Бобринский писал: «Сто миллионный народ станет со временем искать здесь колыбель православной веры, трудолюбивые археологи станут тщательно добывать из развалин опустошенного города предметы далекого прошлого, немые свидетельства того христианского прошлого, немые свидетельства того христианского строя, который так торжественно был перенесен отсюда Владимиром» [9].

Итак, последуем за словами рапорта, отправленного в ИАК после кончины Первого заведующего Херсонесскими раскопками: «Родился в 1847 г. 20.04, образование получил в горном корпусе, который не окончил, выбыв из старшего класса (V) во время преобразования корпуса в высшее учебное заведение на 21 году, т. е. в 1867 г. До 1868 г. прожил в имении родных, а в конце года поступил на службу в Динобургско-Витебскую железную дорогу, где на разных должностях прослужил до 1872 г.; в конце того же года переведен на постройку Лозовско-Севастопольской дороги, пробыл до 1873 г., уехал в Санкт-Петербург и весь этот год прожил без службы. В марте 1874 г. вновь поступил на службу в управление Динобургско-Витебской железной дороги. <...> Оставил службу по собственному желанию и, обладая некоторым состоянием, приобрел дом и занялся изучением истории Крыма, приняв деятельное участие в организации кружка любителей истории и Древностей Крыма с музеем и библиотекой, будучи уполномочен кружком любителей вести дела, составить устав и организовать материальную сторону. Имея недвижимость и большой круг знакомых, знавших К. К. Косцюшко-Валюжинича за идеально акку-

¹ Рапорт зятя К. К. Косцюшко-Валюжинича, как и другие упоминаемые архивные материалы, опубликованы [25]. О документах из архива ИИМК [см.: 12].

ратного человека, был избран Товарищем директора Севастопольского городского банка, на каковой должности пробыл до 23.10.1890 г., приняв ее 23.01.1885 г.

В 1888 г. начал производство работ по исследованию Херсонеса, будучи представлен и рекомендован Его Сиятельству графу А. А. Бобринскому бывшим Вице-президентом Императорского Одесского общества истории и Древностей В. Юргевичем. Служба с 1888 г. известна по формулярному списку, имеющемуся в Археологической комиссии.

Состоял членом: ИАК, Одесского общества истории и Древностей, Московского нумизматического общества (добавим: членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания – *А. Р.*).

Простудился в октябре, но, не обращая внимания на нездоровье, к докторам не обращался, предпочитая лечение по методике Кнейпа и тем окончательно подорвал свое и без того неважное здоровье, т. к. переведясь на службу в Лозовско-Севастопольскую железную дорогу по расстроенному здоровью, некоторое время был близок к смерти еще в 1882 г., потеряв тогда правое легкое и оправившись лишь благодаря сильной комплекции. <...>

В течение октября и ноября несколько дней не вставал, но преодолевая слабость, продолжал работу, желая наверстать потерянное время. <...> В начале болезни был озадачен и обрадован вновь открытыми древнегреческими стенами у батареи в западной части городища и просил по возможности поспешить с окончанием раскопок некоторых участков и фотоснимков с них, но, к сожалению, не пришлось ему видеть ни того, ни другого, а стены эти были большим козырем в его руках для опровержения теории уважаемого А. Л. Бертье-Делагарда об их постройке. <...>

16.12 был погребен в ограде Херсонесского монастыря католическим и православным духовенством совместно. Настоятель монастыря сказал надгробное слово, в котором перечислялись многочисленные труды покойного, его ревностное служение делу, дружеское отношение к братии монастыря и, вообще, все заслуги, оказанные К. К. <...>

Одной из последних забот К. К. Косцюшко-Валюжинича было составление пространного путеводителя по музею истории Херсонеса.

Незаконченными остались следующие отделы: керамика, граффити, лампочки, глазурованная посуда, стекло.

Штабс-капитан Рот» [5, л. 2–3].

В упоминавшемся служебном формуляре отмечено, что К. К. Косцюшко-Валюжинич «являлся титулярным советником (произведен с 11 января 1903 г. за выслугу лет), представлен к коллежскому асессору с 11 января 1906 г., принадлежал к римско-католическому вероисповеданию, к судебной ответственности не привлекался. Награжден орденами: Св. Анны – 3 ст., Св. Станислава – 3 ст., представлен к ордену Св. Станислава – 2 ст. Класс должности – VI; оклад 2250 руб.

Орден Св. Анны получил в 1897 г. 13 апреля за трудолюбие и заслуги по исследованию Херсонеса» [5, л. 69–71].

В другом документе, направленном из ИАК в Министерство Императорского двора, перечислены некоторые из открытий в Херсонесе: «С мая 1888 г. назначен заведующим, с начала организации систематических изысканий городища. <...> Сначала вел раскопки под руководством профессора Н. П. Кондакова, а затем самостоятельно.

За 10 лет достигнуты чрезвычайно разносторонние, богатые и, во многих отношениях, блестящие результаты. Он исследовал до материка значительные участки самого городища, причем под развалинами христианского (византийского) Херсонеса во многих местах обнаружил фундаменты древнейшего – греко-римского города, который оставался вовсе неизвестным <...> графу Уварову, Одесскому обществу.

В исследованных участках города К. К. Косцюшко-Валюжинич открыл 20 храмов и часовен-усыпальниц, отчасти с остатками мозаичных полов, кафедральный собор, интереснейший памятник византийского зодчества в России. Здесь же под местом престола найден серебряный ковчег VI в.

Открыта оборонительная стена на всем ее протяжении. Эти открытия в связи с многочисленными жилыми помещениями, улицами, погребями, цистернами, водопроводами – дают богатый материал для будущих исследований топографии города.

Со всех найденных зданий им уже сняты чертежи. <...>

С 1891 г. начал исследования некрополя за городской стеной с юга и востока, до 1897 г. вскрыто 989 погребений; найдено около 4000 предметов, 8000 монет.

Все вещи в Комиссии, после подготовки отчетов – в Эрмитаж и другие учреждения, громоздкие остаются в Складе Древностей. Склад имеет лишь цель дать случайным посетителям Херсонеса некоторые образчики находимых здесь предметов и тем возбудить в них интерес к исследуемой местности. Поэтому Херсонесский Склад не может производить впечатления благоустроенного музея.

10 мая 1893 г. во время посещения Императора Александра III К. К. Косцюшко-Валюжинич удостоился похвалы. 15 марта 1894 г. лично мне Император выразил удовольствие по поводу замеченных им трудов К. К. Косцюшко-Валюжинича» [10, л. 8–9].

Безусловно, столь масштабные раскопки могли быть результативными только при постоянном контроле, значение которого осознавалось К. К. Косцюшко-Валюжиничем, что он и отразил в послании в ИАК: «Успешное ведение археологических раскопок в Херсонесе обусловлено главным образом моим постоянным присутствием на месте работы. До 1 января с. г. (1891 г.) я служил по выборам членом правления Севастопольского городского банка с содержанием в 1200 руб. и мог, конечно, посещать археологические раскопки только в свободное время.

Не искать дальнейшей службы мне не позволяют материальные средства, но любя занятие по археологии и сознавая, что могу быть полезен для дела, порученного мне Комиссией, я позволю себе предложить последнее – не будет ли признано целесообразным упразднить должность постоянного надсмотрщика в Херсонесе, назначить меня заведующим раскопками с жалованием 1200 руб. в год, при чем сократились бы все мои расходы на поездки к месту работ и я, находясь во время раскопок в Херсонесе, мог бы организовать артель хороших и не дорогих рабочих» [15].

Назначение К. К. Косцюшко-Валюжинича Заведующим раскопками в конечном итоге и привело к кардинальному изменению ситуации, существовавшей до 1888 г., что отмечалось и в официальных документах, и в частной переписке. К примеру, московский художник

Д. М. Струков писал: «Для сохранения памятников Херсонеса различные общества принимают меры, но в результате оказывается: досужные исполнители означенных распоряжений, не уясняя важности и значения охраны старины, в большинстве случаев и не знакомые с признаками, отличающими древние предметы, заслуживающие исторического значения, от предметов, недостойных хранения», не могут содействовать сохранности памятников [4, л. 49–51]. Однако официальный статус в структуре ИАК К. К. Косцюшко-Валюжинич обрел только 1 января 1903 г.: назначен членом ИАК с низшим окладом [5, л. 46].

Воссозданию биографии и личностных качеств К. К. Косцюшко-Валюжинича способствуют дополнения к биографии, принадлежащие непосредственно ему: «После выхода из Горного корпуса, два года занимался сельским хозяйством в имении отца, затем, благодаря основательному знанию немецкого языка, был приглашен секретарем к главному инженеру Динабург-Витебской железной дороги, оконченной в то время английской компанией. Затем перешел в Лозово-Севастопольскую железную дорогу, был бухгалтером. Оставив службу, был неофициальным редактором в Севастополе газеты “Севастопольский листок”, затем гласным Думы, Товарищем директора городского банка, затем членом Совета общества взаимного кредита, которую занимаю поныне с 1886 г., на службу в штате канцелярии Евпаторийского уездного предводителя дворянства зачислен с 20.10.1887, получил 1-й чин там же в 1888 г., 2-й чин – 1891 г., 3-й – там же 11.02.1900, т. е. со дня перечисления меня в штат канцелярии Таврического дворянского собрания» [5, л. 47–48].

Существенны ли эти дополнения? О чем они позволяют судить, если принимать во внимание не только «продвижение по службе»?

Пониманию жизненных позиций исследователя способствуют его замечания относительно ноябрьских событий 1905 г. в Севастополе [23]. В частном письме к А. В. Орешникову, спрашивавшему о «матросском бунте», К. К. Косцюшко-Валюжинич писал: «Говорят, что бунт возглавил молодой лейтенант. Он мог еще многое сделать для своей родины, которая не понимает его сейчас. Разве бунтом можно решить что-то, разве это путь к свободе? Бессмысленная гибель!

Что может сделать небольшая кучка тех, кто пошел за лейтенантом?» [23, с. 187].

Осмысленное служение Отечеству...

Для К. К. Косцюшко-Валюжинича таковым и стало служение Херсонесу: «Я так предан делу расследования Херсонеса и, как фанатик, далеко зашел, что возврата нет! Для меня расстаться с Херсонесом, то же самое, что расстаться с жизнью» [16, л. 157–158].

И примечательно, что в Рапорте в ИАК относительно ноябрьских событий обращено внимание на памятники Херсонеса: «Во время расстреливания крейсера “Очаков”, стоявшего на рейде первым к выходу в море, в виду Херсонеса, несколько снарядов, из числа выпущенных по крейсеру, сделали перелет, разорвались над Херсонесским городищем (вреда не причинили)». А поскольку «рабочие при раскопках все время вели себя безупречно и, несмотря на эпидемию забастовок, не пропустили ни одного дня», он просит увеличить им жалование на 20 коп. с 0,8 руб. [18, л. 119–120].

Именно «службой Отечеству» и стали раскопки в Херсонесе, древностями которого К. К. Косцюшко-Валюжинич интересовался еще до 1888 г., что воплотилось в создании кружка любителей истории и археологии Крыма, в уставе которого отмечалось, что одной из целей объединения является «охрана от разорения и расхищения памятников Херсонеса; предотвращение продажи находок за границу». В близкое время в «Севастопольском листке» появилась заметка, в которой автор подчеркнул, «что история Херсонеса не разработана, что приобретая Древности, которые в немалом количестве собраны в питейных домах слободки, любители Древности их сберегают» [24, с. 40–42].

В 1888 г. начался второй этап жизненного пути К. К. Косцюшко-Валюжинича, в котором воедино слились два вектора – исследование и спасение руин Херсонеса и создание музея в непосредственной близости от памятников древнего города [21; 22]. Однако, приступая к систематическим раскопкам, руководство ИАК не решило одного из существеннейших вопросов, что в последующем обуславливало противоречия между хозяйственными потребностями монастыря и задачами светской науки [26]. В 1887 г. во время обсуждения херсонесских дел Ив. И. Толстой, один из крупнейших специалистов в области

византийской нумизматики, писал о возможных «недоразумениях» с монастырем и рекомендовал ИАК обратить внимание на «1. Кому принадлежит земля (монастырь, общество), если так, то просить ее экспроприировать в пользу казны. Тогда Археологическая комиссия будет являться хозяином земли и от нее будет зависеть привлечь общество к сотрудничеству или нет². Кроме того мы избежим недоразумений с монастырем. Участие общества должно быть оговорено как факультативное, т. е. Комиссии предоставляется в случае надобности приглашать членов общества участвовать в работах. Можно и более мягко, но обязательно, чтобы было ясно, что Правительство в лице Комиссии является в этом деле хозяином. (...)»

3. Относительно устройства музея в Херсонесе, я в сомнении. Много хороших вещей, а, может быть, все лучшие вещи находятся в музеях и требовать все это обратно для сокрытия в захолустном хранилище, немислимо. Если найдут что хорошее, то оставленное там, оно будет сокрыто от всей, а не большинства публики. Только громоздкие вещи, дубликаты оставлять, устроить обычный музей, хотя бы в базилике, как предлагал Кондаков.

4. Следует оговорить, что на реставрацию и устройство музея понадобятся суммы, о чем Комиссия будет составлять особые доклады. Можно уточнить, что потребуются они не скоро, а через 2–3 года» [4, л. 28–29].

Территория древнего города не была экспроприирована в пользу казны, что и приводило к конфликтам, сложностям при передаче имевшихся в хранилище-музее монастыря артефактов, к тому, что для исследования того или иного участка городища требовались подчас долгие предварительные согласования, которые не всегда были успешными. И все же К. К. Косцюшко-Валюжиничу при поддержке А. А. Бобринского удавалось преодолевать сопротивление монастырского руководства, а к 1891 г. создать музей, выросший из первоначально небольшого помещения для размещения находок до специального здания – Склада Древностей.

² В данном случае Ив. И. Толстой имел в виду Московское археологическое общество, Председатель которого П. С. Уварова полагала, что раскопки в Херсонесе должно возглавить именно оно.

Сознавая значимость Херсонеса, К. К. Косцюшко-Валюжинич мечтал о преобразовании Склада Древностей в музей, однако понимал, что «для Херсонеса, который никогда не достигнет значения Рима или Афин, было бы нецелесообразно строить стотысячный музей даже тогда, когда в России некуда было девать денег, в настоящее же тяжелое время приличествует нам совсем отказаться от ходатайства об особой сумме для музея, но так как постройка его безотлагательно необходима, вследствие переполнения нынешнего сарая, <...> то необходимо приступить к постройке скромного, но вполне приличного и вместительного музея... Жутко становится при мысли, что не доживу до нового музея. А мне так хотелось бы собственноручно все устроить и убраться в новом здании» [18, л. 61–62].

Но время постройки нового здания для музея еще не пришло. Однако К. К. Косцюшко-Валюжинич постоянно напоминал руководству ИАК, что «еще в 1887 г. в пункте 3 Высочайшего одобрения одобрено, чтобы создать в Херсонесе музей, вверить его охрану ветеранами под наблюдением специалиста-археолога. С тех пор прошло 15 лет, ежегодно вывозимые отсюда в столичные музеи наиболее ценные и выдающиеся в научном и художественном отношении Древности, оставаясь там незамеченными, обезличивают Херсонес, роняют его культурное значение в глазах посетителей, которые по остающимся здесь Древностям второстепенного интереса, выносят ошибочное представление о жизни древнего города в разные эпохи его двухтысячелетнего существования. Постройка нового музея положила бы конец этому прискорбному явлению.

И сколько бы ни вывозили из Херсонеса Древностей, все же наши молодые ученые, желающие изучать его, будут постоянно приезжать в Херсонес и подолгу проживать здесь. А как много говорили бы им после подробного ознакомления с местностью, лучшие по красоте и научному значению, вывезенные отсюда памятники, если бы они оставались на месте». И он выразил надежду, что «все еще можно изменить к лучшему, если только монастырь будет существовать для Херсонеса, а не Херсонес – для монастыря!» [6, л. 30, 35]. А над памятниками Херсонеса в начале двадцатого столетия «нависла» новая угроза; исходила она от Военного ведомства, но К. К. Косцюшко-Валюжинич полагал, что при

всей необходимости сооружения на территории городища военных объектов, следует по возможности охранить памятники. Прежде всего, строительство угрожает, – писал он, – «монументальной, единственной по красоте и сохранности оборонительной стене, относящейся ко всем трем эпохам истории Херсонеса». Примечательны слова в конце документа, что уничтожение памятников приведет к уничтожению «значения Херсонеса, как чего-то цельного, достойного изучения не только со стороны наших, но и иностранных ученых и заслуживающего, во что бы то ни стало, быть сохраненным от разрушения, как первоисточник просвещения и религии нашего отечества. <...> Не может быть, конечно, речи о стремлении в местности важной крепости превратить весь Херсонес в археологический музей, но если только предположенное Военным Ведомством отчуждение будет подтверждено Высшей властью в полном объеме, а проект устройства херсонесской археологической станции не встретит сочувствие, то делу дальнейшего научного исследования Херсонеса будет, по моему глубокому убеждению, нанесен смертельный удар. <...> Воспитательное значение раскопок для русского народа будет потеряно и за Херсонесом исключительно останется роль поставщика материалов для археологических архивов» [18, л. 133–134].

«Воспитательное значение раскопок»! Этому служили и музей ИАК в Херсонесе, и лекции, в которых К. К. Косцюшко-Валюжинич рассказывал о значении раскопок (и не только непосредственно на городище, но и на территории Гераклеяского полуострова), знакомил слушателей с существующими дискуссиями. Популяризации раскопок служили и регулярные статьи в местной печати М. Я. Энгеля. В последующем они стали основой книги «Русская Помпея». Один из корреспондентов К. К. Косцюшко-Валюжинича отозвался на выход ее следующим образом: «Другие пробуют обобщить результаты Вашего многолетнего труда, <...> питерские ученые, завидуя Вам, неохотно пишут и разрабатывают то, что относится к Вашим трудам. <...> Придет время, когда все по достоинству оценят Ваши труды, положенные для истории нашего края и Отечества» [19].

Обращение к официальным документам – свидетельство высокой оценки трудов К. К. Косцюшко-Валюжинича. Более того, по мнению

А. А. Бобринского, при организации раскопок других городов Северного Причерноморья Херсонес следует использовать как образец. Так, в 1899 г., сообщая в Министерство Императорского двора о новых открытиях (выявлены ранняя оборонительная стена, ворота, гробница с артефактами IV в. до н. э.), он отметил: «Дело ведется с примерной добросовестностью». Относительно же существующего более 20 лет небольшого монастырского музея писал, что он «служит примером того, как мало монастырь способен вести такое дело. Монахам трудно устоять перед просьбами посетителей об уступке им того или иного предмета». Председатель ИАК полагал, что «следует Склад Древностей понемногу обратить в самостоятельный музей. Количество посетителей увеличивается, а с открытием древнегреческой стены херсонесским раскопкам предстоит, по-видимому, блестящее будущее». Критикуя положение дел в Ольвии, он предлагал «организовать там постоянные раскопки по примеру Херсонеса» [10, л. 4, 11]³.

Конец столетия ознаменовался выдающимися открытиями: «Раскопки вступают на новый путь, <...> обещая в будущем поставлять временами такие же сокровища самой цветущей эпохи греческого искусства, какими обогащали в свое время Эрмитаж, последние из могикан, благополучно здравствующие И. Е. Забелин и В. Г. Тизенгаузен. <...> Древний Херсонес наконец открыт безопасно и из глубины десятиаршинной шахты, <...> снова выглянули на свет божий ворота древнего города IV в. до Р. Х. <...> И много столетий топтали это место жившие здесь византийцы и татары и, наконец, сотни тысяч богомольцев, туристов и ученых, не подозревавших, что под ними погребена целая маленькая Троя с нетронутыми гробницами именитых граждан. <...> Обнаружена пока одна, но эта одна, отчасти по красоте изделий, а главным образом по своему положению, дорожке, быть может, всех, еще не открытых, ибо сложена под стеной на скале, одновременно

с сооружением стены, всего в одном аршине от пролета ворот, потому полагаю, принадлежащая стено- и градостроителю с почтенной супругой и чадами!» [17, л. 69–70].

Определение Херсонеса как «маленькой Трои» прозвучало позднее в столичной печати, где о К. К. Косцюшко-Валюжиниче говорилось, что этот «убежденный, проницательный и энергичный ученый заслуживает того, чтобы его знали и помнили все, интересующиеся делом археологии в России вообще и судьбами Херсонеса в особенности – это К. К. Косцюшко-Валюжинич, член-корреспондент Императорской археологической комиссии, Заведующий раскопками и древнехранилищем в Херсонесе» [25, с. 3]. Однако существовали и критические оценки, правда, некоторые из них объясняются незнанием методических принципов раскопок: «производить исследования того или иного участка до материка». Потому и появлялись обвинения, что К. К. Косцюшко-Валюжинич уничтожает христианские памятники во имя обнаружения под остатками поздних зданий фундаментов и руин «языческого города». Стремление изучить оборонительные стены на всем их протяжении, доследовать расположенные в центре городища базилики противоречило интересам монастыря и вызывало конфликты, в ходе которых Заведующему раскопками напоминали, что он «иноверец», что, будучи католиком, он не почитает святыни Херсонеса. Возможно, не случайно, что именно в годы, когда были сделаны открытия, привлекая всеобщее внимание, для церковных властей характерно усиление интереса к Херсонесу и более активное вмешательство в исследование памятников и экспонирования находок [26]. В 1902 г. епископ Таврический и Симферопольский Николай и Св. Синод возбудили вопрос относительно создания при монастыре в Херсонесе Древлехранилища, куда должны поступать все предметы «церковного обихода» [7, л. 40]. К. К. Косцюшко-Валюжинич полагал, что это возможно, но при условии, если Древлехранилище составит единое целое со Складом Древностей. А в Проекте благоустройства Херсонеса подчеркнул, что, начиная хозяйственную деятельность на городище,

«1. Монастырь должен извещать заведующего раскопками.

2. Не препятствовать исследованию этих участков.

³ Показателен еще один документ – запись беседы Императора Николая II и А. А. Бобринского, в которой говорится, что в Ольвии «надо посадить второго Косцюшку. Пусть он засядет и примется за дело с такой же энергией» [7, л. 16–17]. На копии, хранящейся в Херсонесе, к словам А. А. Бобринского, уточнившего написание фамилии К. К. Косцюшки, сделано примечание: «Так как не скрываю своей литовской национальности и римско-католического вероисповедования. К. Косцюшко-Валюжинич» [17, л. 126 об.].

3. Находимое при работах передавать зав. раскопками, а не продавать или дарить их.

4. Все [находки] до 1888 г. передать без остатка зав. раскопками.

5. Не разрешать братии входить в роль экскурсоводов.

6. Не разрешать вывозить на раскопки нечистоты.

7. Не пасти скот на древнем городище» [17, л. 243].

В проекте К. К. Косцюшко-Валюжинич выражал позицию ИАК: «Как общая постановка работ, так и распределение Древностей по музеям были предначертаны волей почившего Императора Александра III, выразившейся в Повелении от 12.06.1887 г. Раскопки производятся исключительно ИАК». При этом подчеркивалось, что «вышеуказанным Высочайшим повелением “строго запрещается монахам производить раскопки и продавать найденные вещи”. Чтобы дать возможность крупным ученым изучать находки, они распределяются, монаршей волей, по немногим музеям, а дубликаты остаются в Херсонесе.

Учреждение при Херсонесском монастыре особого музея для священных предметов, предполагаемое Преосвященным Николаем, представляло бы значительные неудобства. Не говоря уже о том, что Херсонесский монастырь не располагает научными специально подготовленными силами, которым можно было бы доверить управление музеем без ущерба для науки, нельзя не обратить внимания на то, что если бы в этот музей поступали все предметы церковного обихода в Херсонесе, этим еще сильнее раздроблялись бы находки и в значительной степени затруднялась бы научная их обработка. <...> Во всяком случае, если и возможно учреждение в Херсонесе особого склада Христианских Древностей, <...> то только под единственным непосредственным ведением лица, заведующего раскопками» [11].

И еще раз следует подчеркнуть, что высокая оценка деятельности К. К. Косцюшко-Валюжинича исходила не только от руководства ИАК, но и от тех, кто профессионально занимался историей Северного Причерноморья. В некоторых из таких отзывов содержится также описание условий, в которых приходилось трудиться Первому заведующему раскопками. В частности,

директор Керченского музея В. Шкорпил писал в 1908 г.: «Раскопки в Херсонесе приобрели в последнее время такое громадное значение, что руководство ими нужно непременно поручить знатоку этого дела, либо архитектору, либо опытному византинисту.

Но для того, чтобы найти такого компетентного труженика, нужно коренным образом изменить те условия, при которых приходилось работать Косцюшко-Валюжиничу. Следовало, во-первых, увеличить оклад заведующего раскопками, во-вторых, совершенно перестроить Склад Древностей и квартиру при Складе, которые похожи скорее на какой-нибудь балаган или сарай, чем на жилое помещение. <...> Я убежден, что только при этом условии можно будет найти лицо, обладающее познаниями необходимыми для важного и ответственного дела. <...> Жаль, что Косцюшко в свое время отказался от поездки к Дерпфелду. Это дало бы ему необходимые знания. Последняя книга Бертье «О Херсонесе» убедила меня, что мой взгляд на производство раскопок был вполне правильным» [8, л. 72–73].

Так каким же был К. К. Косцюшко-Валюжинич как человек, а не организатор раскопок? Отчасти на этот вопрос ответ дает Рапорт делопроизводителя ИАК А. С. Раевского: «Живя 25 лет одним легким, он, в сущности, привык к сырому кабинету, но бронхит, схваченный 4 октября при возвращении из Ай-Тодора, на этот раз в подобном помещении не поддавался лечению. <...> 14 декабря пациент умер, добившись, впрочем, чтобы семья съехала в город. <...> После смерти в кабинете сильно хозяйничала семья, но вряд ли были какие бы то ни было деньги в столе. <...>

Вполне констатирована пропажа пакетной книги⁴, служившей вместе с исходным журналом, что очень жаль (за 20 лет).

Найдя архив в отменном состоянии, хотя и упрощенном – в погодных папках, я отобрал для отсылки в Комиссию и для детального обсуждения с Ротом и Скубетовым материалы раскопок за 1906 и 1907 гг., лапидарную жатву осени 1907 г., неизданные труды Косцюшки.

⁴ «Пакетная книга» служила, как полагала И. А. Антонова, для записи ежегодных находок и поэтому могла бы восполнить данные о раскапываемых памятниках. В течение ряда лет она «искала следы» упоминавшегося в письмах сундука с личными документами К. К. Косцюшки-Валюжинича и проследила его «путь» до Харькова. Но далее следы этой части документов теряются.

Труды следующие:

а) Совершенно готовый к печати с многими таблицами труд об амфорных ручках;

б) Атлас орнаментов на доньшках чернолаковых сосудов; срисованных Скубетовым;

в) Начатый сразу с нескольких концов очерк истории и археологии Херсонеса (покойный хотел в апреле 1908 г. выйти в отставку для занятий над ним весь остаток жизни, как передает Рот);

г) Корпус херсонесских монет в слепках Рота, незаменимый материал для издания Александра Васильевича [Орешникова] и к нему масса подлинных монет;

д) Корпус надписей на грузилах (слепки Рота);

е) Корпус резных камней в слепках Рота (к последним двум никаких текстов)».

И в последней строчке Рапорта стоит: «Долг в размере 860 руб.» [8, л. 70].

Упомянутые А. С. Раевским труды остались незавершенными, но К. К. Косцюшко-Валюжинич успел совершить главное: он создал музей и спас многие памятники древнего города от исчезновения. Конечно, в фиксации материалов, описании открытых объектов – с позиций сегодняшнего дня – имеются существенные недостатки. Некоторые из его гипотез не были подтверждены. Ошибся он и в предположении, высказанном в послании к П. С. Уваровой: «Как архонт мертвого города, я поселился на его развалинах, всегда нахожусь там, и желал бы даже быть похороненным в Херсонесе, но, как язычник, по мнению здешних святых отцов, конечно, не удостоюсь такой чести» [3, л. 682а].

Безусловно, внимание к Херсонесу и официальные положительные отзывы о деятельности К. К. Косцюшко-Валюжинича обусловлены объективными и субъективными причинами. С самого начала раскопок – подчеркнем это еще раз –

отмечалась неразрывная связь истории России и Херсонеса. Значимым было и то, что Севастополь регулярно посещала императорская семья, а это не могло не вызывать и постоянного внимания к памятникам древнего города. Следует учитывать также соперничество между ИАК и Московским археологическим обществом. Конечно, для оценки результативности и масштабности раскопок в Херсонесе конца XIX – начала XX в. можно еще раз перечислить и показать на плане все открытые памятники. Однако судить об этом позволяет Генеральный план с многостраничными пояснениями (безусловно, краткими), в которых приведены данные о 176 археологических объектах, исследовавшихся в 1888–1898 гг. [13]. За этот период было открыто или доследовано около десятка базиликальных храмов и 30 часовен, названы в Описании и «пашенные ямы» (рыбозасолочные цистерны), «поглощательные колодцы» или «значительные постройки». Суммарное описание находок в отчетах (по виду материалов и районам обнаружения), кроме отдельных примечательных артефактов, краткие характеристики относительно жилой застройки, конечно, не могут в полной мере удовлетворить современных исследователей, однако и по прошествии более века со времени открытия памятников изучение их без данных К. К. Косцюшко-Валюжинича невозможно.

Многие из деталей и событий, характеризующих время заведования Херсонесскими раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича, остались вне внимания в данном исследовании, но, как писал один из крупнейших историков Античности Аммиан Марцеллин: «Остальные события пусть опишут другие. Более сильные, чем я, имеющие преимущества молодых лет и учености» (Аммиан Марцеллин. XXVI, 16,9).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова И. А. Основатель Херсонесского музея // Крымский архив. 1997. № 3. С. 57–67.
2. Антонова И. А. К. К. Косцюшко-Валюжинич – основатель Херсонесского музея // *Nomos: Kwartalnik religioznawczy* (Kraków). 1999/2000. № 28/29. С. 29–40.
3. Архив ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 555. Л. 682а–682б.
4. Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1887. Д. 22. Л. 28–29, 49–51.
5. Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1891. Д. 149. Л. 2–3, 46–48, 69–71.
6. Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1891. Д. 250. Л. 26–36.
7. Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1894. Д. 250. Л. 16–17, 40.
8. Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1908. Д. 5. Л. 70–73.
9. Архив ИИМК. Ф. ИАК, 25/1891. Д. 22. Л. 1–27.

10. Бобринский А. А. Рапорт в Министерство Императорского двора от 18.10.1899 // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1899. Д. 99. Л. 3–12.
11. Бобринский А. А. Отношение в канцелярию Императорского двора от 02.11.1899 // Архив ИИМК. Ф. ИАК, 1/1904. Д. 250. Л. 21–22.
12. Васильев Р. В. Материалы рукописного архива ЛОИА АН СССР о раскопках Херсонеса в дореволюционный период // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888–1988 гг.: тезисы докладов. Севастополь, 1988. С. 16–19.
13. Косцюшко-Валюжинич К. К. Объяснения к генеральному плану Херсонесского городища и части ближайшего к нему некрополя. 1888–1898 гг. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 202. 22 л.
14. Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 г. // ИИАК. 1909. Вып. 33. С. 50–67.
15. НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 38. Л. 47.
16. НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 39. Л. 145–146, 157–158.
17. НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 40. Л. 69–70, 126–127, 239–247.
18. НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 41. Л. 61–62, 119–120, 133–134.
19. НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 44. Л. 81–82.
20. Романчук А. И. Возрождение античного города: очерк истории изучения Херсонеса. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 164 с.
21. Романчук А. И. Н. П. Кондаков и начало систематических раскопок в Херсонесе // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / сост. И. Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. С. 253–262.
22. Романчук А. И. Возвращение к старой теме, или начальный период исследования Херсонеса // АДСВ. 2004. Вып. 35. С. 241–254.
23. Романчук А. И. Историки Херсонеса о революциях начала XX века // Историк и его эпоха: материалы Всероссийской конференции. Тюмень, 2007. С. 185–188.
24. Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 т. Т. 1: Античный полис. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2008. 720 с.
25. Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Этюды повседневности. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. 345 с.
26. Романчук А. И. Конфессиональные противоречия: Свято-Владимирский монастырь и Первый заведующий Херсонесским городищем // Вопросы Всеобщей истории. Екатеринбург: Урал. педагог. ун-т, 2017. Вып. 19. С. 168–177.
27. Шевченко Т. М., Тарасенко И. Г. Памяти К. К. Косцюшки-Валюжинича – виднейшего исследователя Херсонеса // Археология. 2007. № 3. С. 4–7.

REFERENCES

1. Antonova I. A. Osnovatel' Khersonesskogo muzeia. *Krymskii arkhiv*, 1997, No. 3, pp. 57–67.
2. Antonova I. A. К. К. Kostsiushko-Valiuzhinich – osnovatel' Khersonesskogo muzeia. *Nomos: Kwartalnik religioznawczy (Kraków)*, 1999/2000, No. 28/29, pp. 29–40.
3. Arkhiv Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Otdel pis'mennykh istochnikov. F. 17. Ed. khr. 555. L. 682a–682b.
4. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1/1887. D. 22. L. 28–29, 49–51.
5. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1/1891. D. 149. L. 2–3, 46–48, 69–71.
6. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1/1891. D. 250. L. 26–36.
7. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1/1894. D. 250. L. 16–17, 40.
8. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1/1908. D. 5. L. 70–73.
9. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 25/1891. D. 22. L. 1–27.
10. Bobrinskii A. A. Raport v Ministerstvo Imperatorskogo dvora ot 18.10.1899. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury*. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1/1899. D. 99. L. 3–12.
11. Bobrinskii A. A. Otnoshenie v kantseliarii Imperatorskogo dvora ot 02.11.1899. *Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury*. F. Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii, 1/1904. D. 250. L. 21–22.

12. Vasil'ev R. V. Materialy rukopisnogo arkhiva LOIA AN SSSR o raskopkakh Khersonesa v dorevoliutsionnyi period. *Tezisy dokladov "Problemy issledovaniia antichnogo i srednevekovogo Khersonesa, 1888–1988 gg."*. Sevastopol', 1988, pp. 16–19.
13. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Ob"iasneniia k general'nomu planu Khersonesskogo gorodishcha i chasti blizhaishego k nemu nekropolia. 1888–1898 gg. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 202. 22 l.
14. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Izvlechenie iz otcheta o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1906 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1909, vol. 33, pp. 50–67.
15. Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 38. L. 47.
16. Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 39. L. 145–146, 157–158.
17. Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 40. L. 69–70, 126–127, 239–247.
18. Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 41. L. 61–62, 119–120, 133–134.
19. Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii". F. 1. D. 44. L. 81–82.
20. Romanchuk A. I. *Vozrozhdenie antichnogo goroda: ocherk istorii izucheniia Khersonesa*. Sverdlovsk, Ural'skii universitet Publ., 1991, 164 p.
21. Romanchuk A. I. N. P. Kondakov i nachalo sistemicheskikh raskopok v Khersonese. *Kyzlasova I. L. (Ed.). Mir Kondakova: Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavki*. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 253–262.
22. Romanchuk A. I. Vozvrashchenie k staroi teme, ili nachal'nyi period issledovaniia Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 2004, vol. 35, pp. 241–254.
23. Romanchuk A. I. Istoriki Khersonesa o revoliutsiakh nachala XX veka. *Materialy Vserossiiskoi konferentsii "Istori i ego epokha"*. Tiumen', 2007, pp. 185–188.
24. Romanchuk A. I. *Issledovaniia Khersonesa–Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. V 2 t. T. 1: Antichnyi polis*. Tiumen', Tiimenskii universitet Publ., 2008, 720 p.
25. Romanchuk A. I. K. K. Kostsiushko-Valiuzhinich. *Etiudy povsednevnosti*. Saarbrücken, Lambert Academic Publishing, 2014, 345 p.
26. Romanchuk A. I. Konfessional'nye protivorechiia: Sviato-Vladimirskii monastyr' i Pervyi zaveduiushchii Khersonesskim gorodishchem. *Voprosy Vseobshchei istorii*. Ekaterinburg, Ural'skii pedagogicheskii universitet Publ., 2017, vol. 19, pp. 168–177.
27. Shevchenko T. M., Tarasenko I. G. *Pamiati K. K. Kostsiushki-Valiuzhinicha – vidneishego issledovatel'ia Khersonesa. Arkheologiya*, 2007, No. 3, pp. 4–7.

А. И. Романчук

К. К. Косцюшко-Валюжинич: биография и некоторые аспекты деятельности

Резюме

На основании архивных документов изложена биография К. К. Косцюшко-Валюжинича, отмечены наиболее существенные аспекты его деятельности (создание музея, борьба за сохранение памятников Херсонеса от разрушения как результата современной строитель-

ной деятельности монастыря), выделены объективные и субъективные причины в исследовании древнего города.

Ключевые слова: базилика, монастырь, первый музей, разрушение памятников, раскопки, Херсонес.

Alla Romanchuk

K. K. Kostsiushko-Valyuzhinich: Biography and Some Aspects of His Activities

Summary

Based on archival documents described the biography of K. K. Kostsiushko-Valyuzhinich, marked the most significant aspects of his activities (creation of the Museum, the struggle for the preservation of monuments of Chersonesos from destruction as a result of modern construction detail

of the monastery), allocated to the objective and subjective reasons for the study of the ancient city.

Keywords: Basilica, monastery, the first museum, the destruction of monuments, excavations, Chersonesos.

Рис. 1. Усадьба Косцюшко-Валюжиничей (Снимок предоставлен писателем и краеведом А. Ф. Бупало).

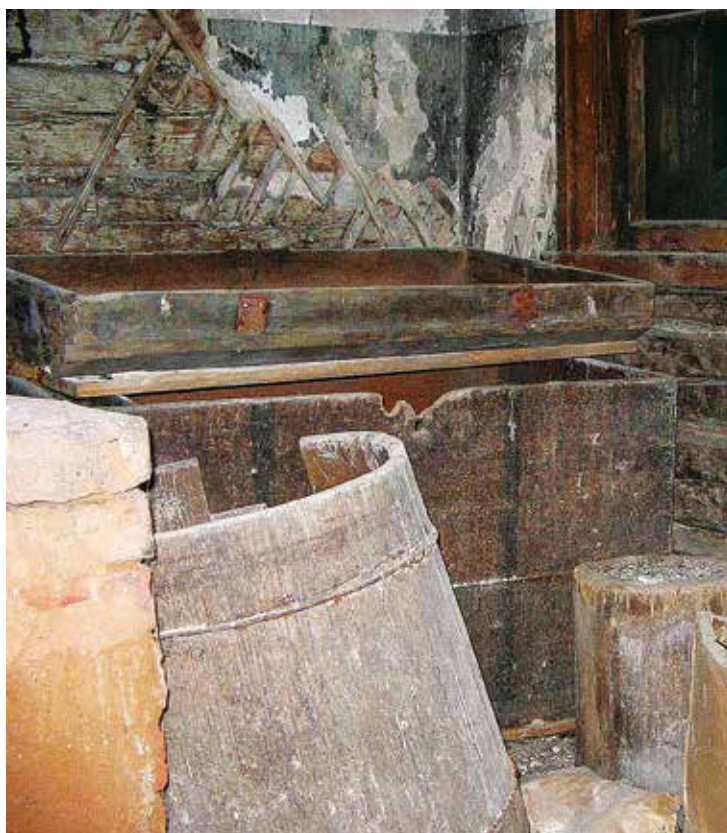

Рис. 2. Хозяйственный инвентарь у дома Косцюшко-Валюжиничей (Снимок предоставлен А. Ф. Бупало).

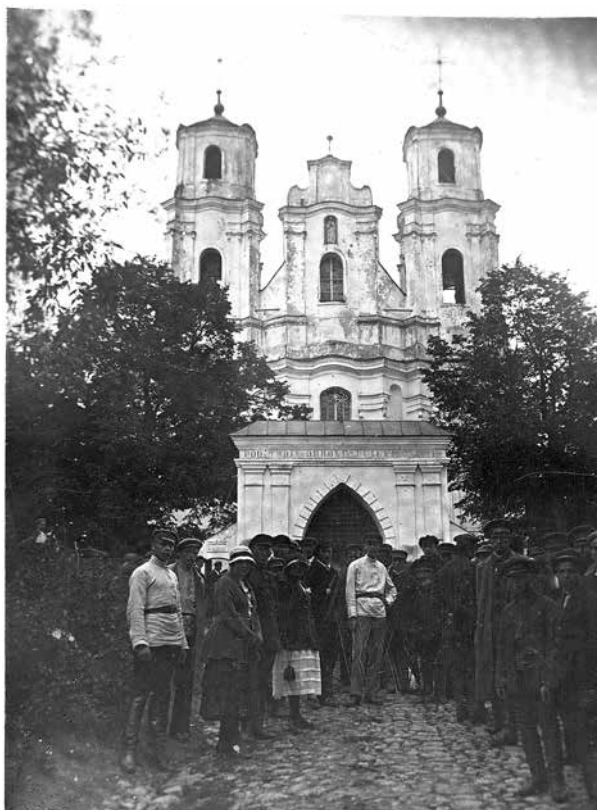
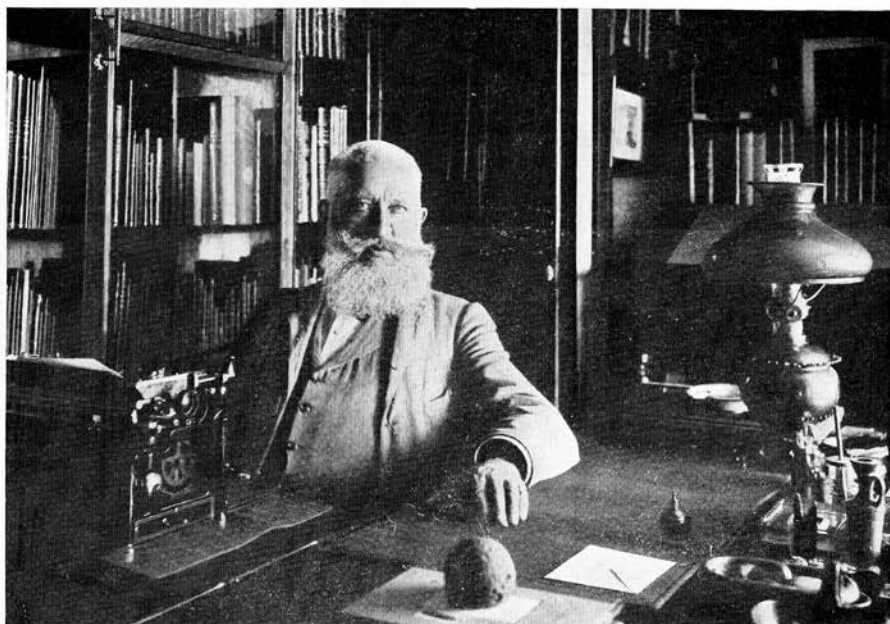

Рис. 3. Костел в Придруйске, в котором был крещен К. Косцюшко-Валюжинич. 1922 г. (Снимок предоставлен А. Ф. Бупало).

К. Косцюшко-Валюжинич

Рис. 4. К. К. Косцюшко-Валюжинич за работой в «кабинете при Херсонесском складе древностей». 1907 г. [по: 14, с. 50, прим. 1].

А. А. РОМЕНСКИЙ

КОРСУНСКИЙ НАРРАТИВ НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ И ЖИТИЙ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА В КОНТЕКСТЕ ТОПОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДИСКУССИИ

Рассказ Начальной летописи о подробностях осады Корсуня и крещении князя Владимира важен не только вследствие заключающейся в нем конкретной информации, но и с источниковедческой точки зрения: верификация этого текста и доказательство его полной либо частичной достоверности подкрепляет версию о существовании предшествовавших ПВЛ исторических произведений (в виде гипотетического «Древнейшего сказания» либо анналитических записей [39; 15]), в то же время его интерпретация как результат осмысления исключительно библейских реминисценций и литературных топов способна усилить аргументы гиперкритиков [11, с. 136]. По вопросу о древнейших этапах историописания на Руси конкурируют две основные концепции. Первая восходит к работам А. А. Шахматова и предполагает отражение в Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛмл) текста более древнего, чем в Повести временных лет («Начального свода»); в свою очередь, «Начальному своду» предшествовали другие реконструируемые с большей или меньшей вероятностью тексты, «стратиграфия» которых чем-то напоминает культурные слои в археологии [59, с. 187]. Согласно второй гипотезе, текст НПЛмл возник в результате творческой переработки позднейшим новгородским книжником ПВЛ и редуцирования ее сообщений, а «древнейшие слои летописания» вычленив в принципе невозможно. Полемика оппонентов продолжается [26, с. 5–14].

От результатов этого длительного спора зависит и частный вывод о времени появления в летописи сведений о крещении киевского князя в Корсуне. Так, А. А. Гиппиус, К. Цукерман, С. М. Михеев разделяют мнение о существовании древнейшего, не разделенного на годовые статьи

повествования, условно называемого «Древнейшим сказанием», в котором имелись сведения и о крещении Руси при Владимире [59, с. 189–206; 16, с. 41–42; 35, с. 57–59]. Составленное, вероятно, около 1016/1017 г. Сказание должно было принадлежать перу непосредственного очевидца и современника многих событий, а его известия, таким образом, приобретают авторитет первоисточника [59, с. 292–293]. С. М. Михеев и А. А. Гиппиус помещают «Корсунскую легенду» в предполагаемый летописный свод 1070-х или даже 1060-х гг. [35, с. 154–155; 16, с. 42–46]¹. В свою очередь, Т. Л. Вилкул, вслед за В. М. Истриным и С. А. Бугославским, привела аргументы против гипотезы о Начальном своде [9; 10; 11, с. 38–47; 24; 8], а А. П. Толочко оспорил идею предшествовавших ПВЛ летописей в целом [55, с. 20–34]. Т. Л. Вилкул недавно указала на параллель к тексту об осаде Корсуня из славянского перевода Хроники Георгия Амартола [11, с. 136–138]. С. Ю. Темчин, рассуждая о рецепции библейских образов в «Корсунской легенде», замечает ее сходство с Книгой Юдифи и сюжетом о Дине, дочери патриарха Иакова, отданной в замужество ради обращения к истинной вере народа Сихема [54, с. 296–305].

Специалисты, изучавшие памятники византийского Херсона, не раз указывали на соответствие летописной топографии фиксируемым археологическим остаткам строений большой агоры города [49; 47, с. 156]. Описанные в Начальной летописи и Особом житии подробно-

¹ Термин «Корсунская легенда» получил распространение в науке вслед за А. А. Шахматовым. В настоящей работе наименования «Корсунская легенда» и «Корсунский нарратив» употребляются как равнозначные по отношению к предполагаемому тексту, послужившему источником для рассказа Начальной летописи и Особого жития Владимира.

сти осады также указывают на знакомство автора текста с местностью (и с рекомендациями византийской военной науки [6, с. 242, 270; 18; 47, с. 159–180; 57, с. 310–336]). Целесообразно еще раз осмыслить Корсунский нарратив летописи и Житий Владимира, соотнеся их с данными археологии.

Сравним основные элементы повествования в летописной версии (она с небольшими изменениями повторяется также в различных редакциях Обычного жития и «Слове о том, како крестися Владимир, возмъ Корсунь») и версии Жития особого состава (Особого жития) [31, с. 109–111; 61, с. 316–317]:

Элементы фабулы	Начальная летопись	Особое житие
Причина похода	Не указана	И послаше воеводу своего князя Олга хъ Корсуньскому граду прошати за собя дщери его. Князь же Корсуньскій велми посмѣявса ему, что поганыйи сеи творит
Дислокация лагеря русов	Иде Володимеръ съ вои на Корсунь гра ^а Гречьскіи . и затвориша ^с Корсунане въ градъ . и ста Володимеръ вб онъ поль города в лимени . дали. гр ^а да ст[р]ѣлище едино	—
Осадные действия	Володимеръ же изради воѣ своѣ . и повелѣ приступити къ граду . симъ же спуще имъ. Корсунане. подькопавше стѣну градскую . крадуще съплемую перьсть . и ношаху к собѣ въ градъ . съпллюще посредѣ града . воини же присъпаху боле	І осади градъ, и стоя 6 месяць
Передача сведений в княжеский лагерь	и [се] мужъ Корсунанинъ стрѣли иманемъ Настасъ . напсавъ сице на стрѣлѣ . кладази ѿже суть за тобою ѿ вьстока . ис того вод ^а идетъ по трубѣ . копавъ переими. Володимеръ же се слышавъ . возрѣвъ на нбо ре ^а . аще се са сбуде ^т . и самъ са крщю . и ту абье повелѣ копати преки трубамъ . и преаша воду . людье изнемогоша водною жажею и предаша ^с	Из города вѣсть пусти вариженін именемъ Жьбернъ, і написавъ на стрелѣ і пустивъ в полкъ варягомъ і рече: «Донѣсите стрѣлу сию князю Владимиру». И написано на стрѣле: «Государю князю Владимиру. Приятель твой Ижберн писал к тебѣ, аще стоиши ты с силою под городом годъ или два или 3 не возмешь Корсуна: корабленіцы ж приходятъ путемъ землянымъ с питием и с кормомъ во градъ». Князь же Владимир, увѣдавъ путъ варижениномъ, и повелѣ копати путъ земляныйи лодиямъ, и по трехъ месяцехъ взял градъ.
Расправа над жителями города	—	Князя Корсуньсково и со княгинею поимал, а дщер их к себѣ взял в шатер, а князя и княгиню привяза оу шатерныйи сохи, и съ ихъ джерію предъ нимі безаконство сотвори. И по трехъ дньехъ повелѣ князя и княгиню убити, а дщер их за боарина Ижберна дал со многимъ имѣніемъ, а в Корсуни намѣстникомъ постави его
Сватовство к порфирородной Анне	и посла Володимеръ ко црѣви Василью и Костантину гла сице . се гра ^а ваю славныи вз ^а . слышно же се ѿко сестру имата двою да аще еѣ не вдаста за ма . створю граду вашему ѿкоже и сему створи ^с . и слышаста цр ^а . быст ^а печальна. [и] въздаста вѣсть сице глща . не достоить х ^с еаномъ за поганьна дати. аще са кр ^с тиши то и се пл ^с лучишь . и цр ^с тво нб ^с ное приимеши . и с нами един ^с вѣрникъ будеши . аще ли сего не хоцещи створит ^и . не можемъ дати сестрѣ своеѣ за та . си слышавъ Володимеръ ре ^а . посланымъ ѿ црю . глте цр ^{ма} . тако ѿко азъ крщюса ѿко испытгахъ преж ^с сихъ днии законъ вашъ . и естъ ми любо вѣра ваш ^а и служенье . еже бо ми сповѣдаша послании ^{на} ми мужи . и си слышавша цр ^а ра ^а быста . и оумолиста сестру свою иманемъ	І не разпусти от себя полковъ, і посла воеводъ своихъ Олга да Ижберна въ Царьградъ къ царю Константину да к Василію прошати за себя сестры ихъ Анны. «Аще, - рече, - не дадите за мя, то сотворю граду вашему аки и Корсуню. Царь же Константин да Василеі собраша патриарси и архиепископы, і епископы, і игумены, і весь священнически чинъ и вселенский соборъ, гадавъ с нимі. І послаша ко князю Владимиру, рекуше: «Аще крестишися во имя Отца і Сына і Святого Духа, то и не сию едину сестру нашу обряцещи, но и Царство небесное обряцещи. Князь же Владимир, испытывавъ вѣры многи, избравъ греческую свѣтлу и православну вѣру, і рече: «Велми жадаетъ душа моя святого крещенія». І посылаше промезъ себя скорые послы. Царь

	<p>Аньну . и по^{ста} къ Володимеру глѣша . крѣтиса и тогда послеѡвѣ сестру свою к т^{обѣ} . ре^ѣ же Володимеръ да пришедѣше съ сестрою вашею крѣтъ ма . и послушаста цѣра [и] посласта сестру свою . сановники нѣкиа и прозвутеры . вна же не хоташе ити . ѡако в полонъ ре^ѣ иду . лучи бѣ ми сде оумрети . и рѣста ей братья . еда како ѡбратитъ Бѣ тобою рускую землю в покаанье . а Гречскую землю избавиши ѡ лютыа рати . видиши ли колько зла створиша Русь Грекомъ . и нынѣ аще не идеши то же имуть створити намъ . и ѡдва ю принудиша . вна же сѣдъши в кубару . цѣловавши оужики своа . съ плачемъ поиде чресъ море . и приде къ Корсуню</p>	<p>Константин да Василеі собраша патриарси і вес вселенскі собор, и введоша сестру свою Анну въ церковь святую Богородицу, і едва увѣщавше ее, і начаша молебны пѣти. Царь Константин да Василеі молящеся со слезами: «Госпоже святаа Богородица, яко тобою познахомъ истиннаго Бога нашего Исус Христа, не даи же, Госпоже, рабы своя поганскому сему, нашия сестры, осквернѣти, но приведи его, Господи, въ святое крещеніе». І цѣлование с сестрою своею сотвориаста съ Анною. І послаша на срѣтеніе ко князю Володимеру в Корсунъ со кресты и с патриархи и со всѣмъ събором на святую купѣль.</p>
<p>Болезнь Владимира</p>	<p>... по Бжю же оустрою . в се время разболѣ Володимеръ вчима и не выдаше ничтоже . [и] тужаше велм^и [и не домышлаетъ^{са} . что створи^и]. и посла к нему цѣра рѣкуще . аще хоцещи избѣ^ити болѣзни сеа . то въскорѣ крѣтиса . аще ли то не имаши избѣ^и [недуга] сего . си слышавъ Володимеръ ре^ѣ . да аще истина буде^ѣ . то поистинѣ великѣ Бѣ буде^ѣ х^ѣенескѣ . и повелѣ х^ѣитиса</p>	<p>Князь же Владимир хотя безвѣріе сотворити, за невѣріе в малѣ часѣ нападе на него слепота и струпіе веліцны.</p>
<p>Крещение Владимира</p>	<p>епѣпъ же Корсуньскіи . с попы црѣпны . вгласивъ крѣти Володимира . ѡако възложи руку на нь . абѣ прозрѣ . видивъ же се Володимеръ . напрасное ицѣленье . и прослави Ба рекъ . топерво оувидѣхъ Ба истиннаго . се же видѣвше дружина его . мнози крѣтишася . крѣти же са в церкви стго Васильа . и естъ црѣки та стоащи въ Корсунѣ градѣ . на мѣстѣ посреди гра^а . идѣже торгъ дѣють Корсунане . полата же Володимера съ краа црѣкве стои^ѣ . и до сего дне . а црѣна полата за штаремъ . по крѣпныи же приведе црѣцю . на браченье</p>	<p>И бысть вегда внити ему во святую купель, погрузися трижды, и отпаде струпіе аки рыбья чешуя, и просвѣтися лице его, и бысть чистъ. И повелѣ крестѣти все войско и помаза миром, а крести в рѣчке.</p>
<p>Возвращение из Корсуня</p>	<p>Володимеръ же посемъ поемъ црѣю . и Настаса и попы Корсуньски с мощми стго Климента . и Фифа оучнка его . поима съсуды црѣквныа . [и] икѣны на блгѣне себѣ . поставиже црѣквь в Корсунѣнѣ на горѣ . иже съсыпаша средѣ града . крѣдуше приспу . ѡаже црѣки стоить и до се^ѣдне . взя жа ид^а ида мѣдѣнѣ двѣ капици . и . д . иконѣ мѣданы . иже и нынѣ стоаьт за стою Бѣ^ѣю . ѡакоже невѣдуше мнать ѡ мрамараны суца . вдасть же за вѣно Грекомъ . Курсунъ шпаты црѣдѣла . а самъ приде Киеву</p>	<p>Царь же Константинъ да Василеі дають сестру свою с великою честію и много святыхъ мощей. І даша ему митрополита Лариона, і отпустиша его с миром.</p>

Несложно заметить, что оба варианта «Корсунской легенды» взаимодополняют друг друга, имея существенные лакуны. Так, в Начальной летописи не указана причина похода, что со времен А. А. Шахматова служило одним из аргументов в пользу искусственного компилирования корсунского сюжета с предшествующей историей религиозных дебатов в Киеве и «испытания веры» десятью мужами [60, с. 1–8]. В Особом житии осада Корсуня вызвана сватовством к дочери местного сановника («корсунского князя»); пренебрежительный отказ родителей невесты влечет за собой, согласно представлениям эпохи, необходимость жестокой мести, что и было осуществлено.

Близость сюжета Особого жития к рассказу Лаврентьевской летописи о Рогнеде под 980 и 1128 гг. неоднократно отмечалась исследователями. В частности, С. Ю. Темчин считает, что мотив физической расправы был заимствован летописью из Жития, которое, следовательно, существовало уже к первой четверти XII в. [54, с. 305–306]. Эта мысль представляется недостаточно обоснованной: с гораздо большей вероятностью можно предполагать обратное: отражение в житийном тексте летописного сообщения. Несмотря на возможное использование древних сведений, восходящих к архетипу «Корсунской легенды», обе существующие версии Жития –

в Плигинском списке и летописном сборнике XVII в. – представляют собой довольно позднюю переработку известного сюжета. Физическое же наказание корсунской «княжны» и ее семьи, вероятно, не имеет отношения к византийской агиографии. Эти натуралистические подробности находят параллель в сообщении польского хрониста Галла Анонима об изнасиловании дочери князя Владимира Предславы польским князем Болеславом в 1018 г., чтобы отомстить за прежнее бесчестье [67, р. 21–22]. О незаконном браке Болеслава упоминает и саксонский современник Титмар Мерзебургский [65, S. 530]. Тем не менее, сообщение Особого жития (несмотря на его соответствие нравам эпохи) представляется в этом контексте вторичным, введенным с целью композиционной завершенности самого текста, обретающего, как было верно отмечено, внутреннюю диалогичность.

Зато сведения о размещении княжеского лагеря и войска, сохранившиеся в летописном варианте нарратива, видятся достоверными, возможно, записанными со слов очевидца или современника события. Версию о размещении лагеря Владимира между Песочной и Стрелецкой бухтами, в 200–250 м от Западных ворот Херсона (на расстоянии «стрелища» – полета стрелы из сложносоставного лука) обоснованно поддерживают большинство специалистов [50, с. 297; 47, с. 187–197; 57, с. 326–327]. Осадные действия русов, как и контрмеры корсуний, также соответствуют рекомендациям военной науки своего времени. Византийские военные трактаты X в. советуют рыть подкопы напротив насыпи неприятеля – неудивительно, что защитники города воспользовались этими мерами [69, р. 140–141, 148, 185–187].

Сохранившийся в Начальной летописи текст более подробен в изложении перипетий осады, в то время как Особое житие лишь констатирует ее полугодовую продолжительность, впоследствии отмечая, что князь овладел городом через три месяца [31, стб. 109–111; 22, стб. 95–97; 41, с. 151–152; 60, с. 46; 61, с. 316; 43, с. 114]. Это противоречие можно трактовать как контаминацию сведений различных источников, использованных в Плигинском списке (шестимесячный срок осады указан в Обычном житии, а трехмесячный – в Рогожском летописце [61, с. 316; 45, с. 15]). Следует отметить и символизм по-

вторяющихся дат (три месяца понадобилось русам, чтобы захватить город после перекапывания «земляного пути», через три дня после его взятия предается смерти семья корсунской «княжны»). Внимание к символике дат и чисел, в целом, характерно для составителя ПВЛ [55, с. 60–65], оно прослеживается и в этом агиографическом источнике. С другой стороны, составитель Жития четко различает два этапа военных действий: неудачный, до получения совета на стреле, и благоприятный, устанавливая для них отдельные сроки. Сравнение с данными византийской и арабской традиций, повествующих о союзе Владимира с василевсами Византии, позволяет предположить, что осада была достаточно длительной и взятие города случилось не позже лета 988 г. Девятимесячная продолжительность военной кампании выглядит правдоподобной [50, с. 327–328]. В архетипе «Корсунской легенды», не исключено, имелись и сведения о дислокации лагеря и осадных действиях, и указание о времени военной кампании; оба сохранившихся варианта, таким образом, являются результатом переосмысления редакторами первоначального текста. Несмотря на то, что в Особом житии допущено больше неточностей и ошибок, именно в нем сохранились отдельные важные детали, которые счел возможным пропустить летописец.

Новый виток дискуссии связан с обнаруженной Т. Л. Вилкул параллелью к летописному тексту из Хроники Георгия Амартола в ее старославянском переводе [11, с. 136]. Хроника Амартола опирается на сведения апокрифической Книги Юдифи об осаде Ветилуи военачальником царя Навуходоносора Олоферном (Иудифь 7–12 [54, с. 295–297]). В повествовании наличествует и совет неприятелю из осажденного города, но если Анастас-Ижберн, херсонский варяг, ставший союзником Владимира, действительно помогает врагу херсонитов достичь цели, то стратиг Ахиор, напротив, уверяет Олоферна в бесполезности войны с народом иудейским, «зане застоупникъ имь ѣсть Богъ». Разгневавшийся Олоферн, пригрозив Ахиору убийством, «приступаше ко граду, преже преимъ водоу. И людемъ изнамагающемъ водною жажею и хотящемъ предати градъ». Осажденным помогли только хитрость и коварство Юдифи, которая смогла прельстить и убить вражеского полководца [23, с. 192].

Несмотря на объединяющий оба рассказа распространенный сюжет о перекрытии водных источников, различий между ними гораздо больше. Книга Юдифи не сохранилась среди масоретских текстов и впервые встречается в «Септуагинте», точная локализация Ветилуи также достоверно неизвестна, и сам город больше не упоминается ни в одном источнике [62]. Система водоснабжения Херсона изучена археологически: родники, снабжавшие его, находились в балке Бермана, а также Юхариной, Хомутовой и Сарандинакиной балках; остатки водопровода обнаружены у юго-западной стены возле главных ворот, на Главной улице, в цитадели, возле юго-восточных ворот и у южной оборонительной стены [5, с. 21; 14, с. 95–96; 25, с. 27]. Однако летопись не точна в сообщении о месте водных источников: из текста ПВЛ следует, что «кладязи» (родники, из которых вода идет в город) находятся на востоке от княжеского лагеря, хотя они располагаются, скорее, к югу от него [17, с. 227, прим. 3; 43, с. 114, прим. 47]. Более верно эту деталь передает Обычное житие Владимира: «Кладезю от восточныя града страны в град по трубам вода бе сведена, копав, преими я» [34, с. 457]. В данном случае кладезь – это водосборная цистерна, находящаяся в городе действительно к востоку от осаждавших (ее остатки обнаружены на агоре). Таким образом, изначальный рассказ подвергся в летописи существенной переработке.

Перекрытие водопровода в ходе военных действий было общепринятым средством в полиоркетике раннего средневековья: его, в частности, применил полководец Юстиниана Великого Велизарий в 536 г. во время осады Неаполя. Впоследствии именно через разрушенный акведук воины Велизария проникли в город [64, р. 82, 92–95]. Однако это действие не могло автоматически привести к капитуляции, поскольку херсониты (как и жители Неаполя в ходе осады Велизария) располагали достаточными запасами воды в колодцах и цистернах [64, р. 82; 20, с. 182]. Очевидно, водные резервуары были заранее заполнены, тем более что защитники города имели для этого время в период первого неудачного этапа осады, увенчавшегося возведением «приспы». Достичь необходимого эффекта можно было лишь путем тотальной блокады, включавшей в себя перекрытие дороги, ведущей

от загородного храма Богородицы Влахернской к воротам перибола. Вероятно, «корабельщики», доставлявшие херсонитам продовольствие из Боспора, Сугдеи и других городов Таврики (поскольку малоазиатские фемы Византии, важные для снабжения Херсона, в это время были охвачены апостасией Варды Фоки), прибывали в Символ – Балаклавскую бухту – и дальше двигались по суше, прикрываясь Девичьей горкой, минуя Лимен с расположившимися неподалеку русами [50, с. 326; 57, с. 333]. Сухопутный маршрут между бухтой Символ и Херсоном был давно известен, он упоминается Константином Багрянородным, сообщившим местную легенду о Гикии и сыне Асандра [28, с. 262]. Н. В. Пятшышева идентифицировала «земляной путь» Особого жития с дорогой, проходившей по заболоченной Карантинной балке к вылазной калитке у XIV башни. Перекапывание дороги-дамбы могло быть эффективным средством, особенно зимой и весной, когда повышался уровень воды в балке [43, с. 105–106, 114].

Сопоставление двух сохранившихся в источниках версий, верифицируемое археологическими данными, приводит к мысли о том, что в архетипе Корсунского нарратива соединялись сведения о водопроводе, водосборной цистерне («кладязе») и сухопутной блокаде. Позднейшие редакторы текста извлекли из него лишь то, что показалось им привлекательным: в Начальную летопись попал искаженный сюжет о перекапывании водных источников (не исключено, под влиянием сходного мотива из Георгия Амартола [23, с. 192]), а в Житие – о дороге, ведущей в Херсон.

И Начальная летопись, и Особое житие содержат мотив сватовства киевского князя к сестре византийских императоров. О заключении договора, предусматривавшего брак Владимира с Анной и военную помощь нового родственника порфирородным шуринам, свидетельствуют и независимые от них источники: как византийские, так и восточные (арабские и армянские) [70, р. 336; 63, р. 552–553; 46, с. 3–24; 66, р. 423–424; 30, с. 13–14; 13, с. 200]. Летописное изложение представляется близким к изначальному тексту, поскольку упоминает о негативных эмоциях Анны, связанных с навязываемым замужеством (что подтверждается сведениями Шуджи ар-Рудравари), содержит

греческую лексику (корабль – «кубара») и сведения о встрече принцессы корсунянами и ее размещении в «палате», местоположение которой позже конкретизируется [31, стб. 110–111; 30, с. 13–14]. Особое житие не добавляет к этой картине новых фактических данных, передавая ложную информацию о созыве Вселенского собора, с которым якобы советовались василевсы-соправители (что в реалиях приближения вооруженного узурпатора к Константинополю и захвата им большей части малоазиатских фем выглядит невыносимым) [61, с. 317]. Особо следует остановиться на вопросе о свите Анны. Ни летописец, ни составитель Плигинского списка не имели об этом никакой конкретной информации: первый упомянул о неких «сановниках и прозвутерах», второй, посчитав этот конвой недостаточно представительным, заставил плыть в Таврику патриархов со всем Вселенским собором [31, стб. 110–111; 61, с. 317]. Поздняя греческая традиция свидетельствует, что вместе с сестрой василевсов в Херсон отправились антиохийский епарх и эфесский митрополит [68, р. 75] (эфесскую кафедру в это время занимал Феодор, которому Антиохийский патриарх Иоанн III адресовал трактат «О крещении»). По не лишнему вероятности предположению А. В. Назаренко, иерарх мог руководствоваться не только теоретическим, богословским, но и практическим интересом (если допустить, что ему вместе с архиепископом и клиром Херсона предстояло крестить большую группу язычников-русов) [40, с. 147, прим. 94].

Упоминание о внезапной слепоте князя чаще всего анализировалось в контексте литературных топосов, широко распространенных в различных нарративах о крещении, и поиска древнейших источников [38, с. 441–445]. Исцеление от болезни является наиболее зримым, материальным проявлением чудесного и трансцендентного; прозрение, избавление от слепоты к тому же имеет и символическое значение, указывая на духовное преображение новообращенного. Не случайно Христос в Евангелиях часто выступает в роли исцелителя-тауматурга, возвращая зрение слепому в Вифсаиде (Мк. 8: 22–25), нищему Вартимею (Мк. 10: 46–52) и еще двум слепым (Мф. 9: 27–30). Наиболее заметно уподобление князя Владимира апостолу Павлу, исцеленному Ананией через три дня после утраты зрения: «и тотчас как бы чешуя

отпала от глаз его, и вдруг он прозрел; и встав, крестился» (Деян. 9: 18). Этот новозаветный сюжет, несомненно, вспомнил и составитель Особого жития: после погружения в купель «отпаде струпие аки рыба чешуя», прозевит исцеляется душой и телом [61, с. 317]. Сравнение с апостолом Павлом прослеживается в службе и тропаре равноапостольному Крестителю Руси [34, с. 478, 481, 492]. Исследователи давно заметили и параллель с Константином Великим, также исцеленным в результате крещения, о чем повествует Хроника Георгия Амартола [23, с. 331–332; 42, с. 134; 44, с. 147–148; 7, с. 590]. Примечательно, что в летописной статье 6523 (1015) года князь прямо называется «новым Константином» [31, стб. 130; 22, стб. 115; 41, с. 169].

Очень важным и, несомненно, достоверным представляется указание о месте крещения в составе Корсунского нарратива: в церкви, которая находилась на торговой площади посреди города (различные списки летописи противоречат в вопросе о названии храма, тем не менее древнейший из сохранившихся – Лаврентьевский – приводит имя св. Василия (или «Василиска», по версии НПЛМл [31, стб. 111; 41, с. 152; 47, с. 197–198])). Летописец конкретизирует и местонахождение светских построек – «палат» князя и его невесты (триклиния и эмвола), из которых первая находилась «с края церкви», а вторая – за алтарем. На планах центральной площади Херсона, составленных А. А. Авдеевым в 1853 г., К. Вяткиным в 1861 г., Археологической комиссией в 1891 г., изображен фундамент некоего сооружения с залом, коридором и четырьмя меньшими комнатами; эта постройка располагалась в двух саженях (4,27 м) за алтарем крестообразного храма № 27; на них можно найти следы и другого строения, находившегося в 8 м от храма № 27, между базиликой № 28 и крестовокупольным храмом № 29 [1, с. 56, 58–59]. Постройка за алтарем крестообразного храма имела конху в стене внутреннего помещения, что встречалось в византийских дворцовых зданиях (триклиниях). В 10 м от нее расположены остатки водосборной цистерны, снабжавшей водой эту часть города [49, с. 185–189]. На стене цистерны недавно обнаружено граффито в виде трезубца, представляющее собой тамгу князя Владимира, что дополнительно подтверждает летописную локализацию событий [36, с. 47].

Версию С. Б. Сорочана о расположении «палат» Анны оспорил В. В. Хапаев. По его мнению, они не могли располагаться в VII квартале, который, вероятно, пострадал от сейсмической катастрофы в XI в. и был затем перестроен. Исследователь размещает искомую постройку за алтарем храма № 29 (называя его «храмом Св. Николы», согласно «Повести о Николе Зараском») в LXXXIII квартале [57, с. 343]. При этом, он оперирует информацией поздней Тверской летописи о том, что «полата Владимирова край церкви стоала до второго взятия Корьсуньского» [53, с. 104]. Оставляя спорный вопрос о том, какое событие летописец XVI в. назвал «вторым Корсунским взятием» (скорее всего, подразумевалось разрушение Херсона войсками золотоордынского беклярбека Ногая в 1299 г. либо в более поздний период [37]), отметим, что это свидетельство не может быть решающим хронологическим маркером. В условиях отсутствия систематических раскопок на большой агоре, уничтожения многих памятников после постройки монастыря во второй половине XIX в. нельзя с точностью установить обстоятельства разрушения рассматриваемых сооружений. Возможное уничтожение «палат» в начале XI в. не противоречит их использованию для проживания византийской принцессы в конце X в., тем более что и Тверская летопись относит свою ремарку лишь к зданию, которое занимал Владимир. Предположение о том, что храм № 29 носил имя св. Николая, также видится недостаточно аргументированным. В «Повести о Св. Николе» «чюдотворцевым храмом» называется «церковь Св. Иакова брата Богословле», в которой, по версии этого источника, и крестился киевский князь [33, с. 282]; очевидно, это неофициальное название церкви по имени почитавшегося в ней святого или связанных с ним мощей и реликвий (пример подобного наименования представляет и киевская церковь Богородицы, возведенная Владимиром после возвращения в столицу, которую Титмар Мерзебургский называет храмом св. Климента [65, S. 489]). Образ св. Николая находился на торговой площади поблизости от этой церкви, не исключено, что это была переносная процессионная икона, выносившаяся из храма в торжественных случаях.

Дискуссия о храме крещения Владимира продолжается. В современных исследованиях местом совершения таинства называют кресто-

образный храм № 27 или находящуюся неподалеку базилику № 28 [48, с. 901–905; 49, с. 182; 47, с. 215–216; 57, с. 343–344; 12, с. 67–68]. Первый из памятников, видимо, имел мартириальный характер, так как был возведен в честь херсонесского епископа-мученика Василия [48, с. 899–900]. Хотя А. Л. Бертье-Делагард и С. А. Беляев аргументировали противоположную точку зрения [5, с. 44–45; 2, с. 535; 3, с. 67; 4], нам представляется, что самая большая из базилик Херсона – Уваровская – с примыкающим к ней крупным баптистерием к крещению будущего Крестителя Руси не имеет отношения, что, впрочем, отмечал уже ее первооткрыватель [56, с. 536]. Если выражение «посреди города» действительно можно толковать двусмысленно, то указание источника на торговую площадь и «палаты» жениха и невесты неизбежно приводит к агоре. К тому же, в помещении баптистерия обнаружены могилы-костницы, что заставляет усомниться в его функционировании в прежнем качестве к концу X в. [29, с. 92; 49, с. 184].

Ключевым в полемике является вопрос о значении пастофориев, отмеченных на планах фундаментах церквей агоры. Первоначально «святылицем купели» в крестообразном храме была названа одна из могил-кмитириев, что, конечно, не соответствует реалиям [32, с. 73]. Не исключено, что функции крещальни могли возлагаться на компартимент к югу от алтарной апсиды, имеющий характерное перекрытие в виде свода (назначение этого пастофория в точности неясно – он мог быть диакоником или мемориальной либо гробничной часовней) [1, с. 56, 60; 19, с. 266; 48, с. 897–898]. Базилика № 28 больше скромного по размерам храма № 27, она имела амвон в нефе, подобно крупным кафоликонам, и была декорирована настенной мозаикой, являясь главным архитектурным украшением площади [48, с. 890–891]; северо-восточная пристройка к ней, вероятно, служила баптистерием (в этом случае снова возможны и другие интерпретации [29, с. 63; 19, с. 264]). А. Ю. Виноградов отождествляет ее с храмом св. Василия и считает, что к ней относятся фрагменты карниза с именем ктитора – комита Василия, найденные в 1891 г. [12, с. 67–68]. Важно отметить, что в том же году на агоре была также найдена переносная мраморная купель в форме усеченной пирамиды с квадратным основанием 0,76×0,90 м, ви-

димо, принадлежавшая одному из близлежащих храмов [5, с. 50; 48, с. 898]. Крещение взрослых в небольших «портативных» купелях иногда встречалось в раннем средневековье, и соблюсти правило полного погружения не всегда представлялось возможным [58, с. 415–416].

Крещение князя и его ближайшего окружения, очевидно, происходило в разных храмах торговой площади, что и вызвало путаницу в источниках. Вероятно, после совершения таинства в соответствии с литургической практикой эпохи князь и свита принцессы в сопровождении константинопольского и херсонского духовенства участвовали в стациональном богослужении, в ходе которого посетили основные сакральные сооружения города [52, с. 57]. Сейчас едва ли возможно с бесспорной точностью конкретизировать место совершения таинства, хотя представляется, что храм № 27 в большей степени соответствует топографическим указаниям летописи, учитывая расположение примыкающих светских сооружений («палат») [51, с. 330–332]. Вопрос о баптистерии на агоре остается дискуссионным, но даже в случае отсутствия стационарной крещальни переносная купель могла с успехом использоваться для тех же целей.

Возвращение из Корсуня в летописи описано более подробно, чем в Особом житии, с указанием о святых мощах Папы Климента и его ученика Фива, а также военных трофеях, вывезенных князем из города. Сообщается и о сооружении церкви «в Корсуне на горе», которая в Житиях получает имя духовного патрона обращенного Владимира, св. Василия [31, стб. 111; 61, с. 225, 234, 248, 256, 288]. Эта информация, видимо, изначально имела в «Корсунской легенде», поскольку тема преемственности духовных святых Херсона и Руси вписывается в ее лейтмотив и часто подчеркивается в других древнерусских памятниках. С. А. Беляев идентифицировал культурный слой между Западной базиликой и Базиликой на холме с приспой, упоминавшейся в Начальной летописи. Он же предположил, что перестроенная Базилика на холме является храмом, сооруженным Владимиром в Корсуне (эта точка зрения встретила

поддержку и С. Б. Сорочана [5, с. 29–33; 50, с. 297]). В аргументации исследователя усомнился А. В. Сазанов, отмечая, что в культурном слое возле базилики нет никаких материалов, позволяющих связывать его появление с концом X в. Монеты василевса Василия I позволяют считать временем формирования слоя, скорее, вторую половину IX в. Некрополь у Базилики на холме также не связан с Корсунским походом. В так называемых варяжских могилах не обнаружены характерные скандинавские вещи или оружие, антропологически погребенные не отличаются от основной массы херсонитов [47, с. 189–196; 21, с. 213–214]. Единственное погребение, которое можно предположительно связывать с военной акцией Владимира, вторичное, в античной могиле на западном берегу Карантинной бухты, с комплектом характерного для X в. вооружения (нож-скрамасакс, наконечники стрел, скобы от колчана [27, с. 265; 50, с. 296–297]).

Свидетельство о крещении князя Владимира в Корсуне, сохраненное в Начальной летописи и Житиях, как представляется, в целом достоверно отразило события конца X в. В своей основе оно, очевидно, восходит к показаниям херсонита – очевидца осады, несмотря на наличие реминисценций предшествующей литературной традиции. Ни один из сохранившихся вариантов текста не является первичным, поскольку и летописная, и житийная версии подверглись сокращению и редактированию. Корсунский рассказ летописи более подробен в сравнении с Житием особого состава, но и житийный текст сохранил ряд аутентичных сведений; хотя различные редакции Обычного жития, в целом, вторичны по отношению к ПВЛ, иногда их чтения заслуживают предпочтения. Так или иначе, «Корсунская легенда» и в летописной, и в житийной редакциях видится более авторитетным источником, чем поздняя компиляция, приписываемая Иакову Мниху. Следовательно, крещение Владимира состоялось именно в Херсоне, в ознаменование победоносной для Руси военной операции. Принятие христианства киевским князем предопределило не только его личную судьбу, но и дальнейший ход истории Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д. В. Развалины храмов // ПХХ. 1905. Вып. 1. 144 с.
2. Беляев С. А. Где крестился князь Владимир? (Предварительное сообщение) // Памятники культуры. Новые открытия. 1988/1989. С. 531–540.
3. Беляев С. А. О названии церкви, в которой был крещен князь Владимир // ДРВМ. 2001. № 2. С. 50–68.
4. Беляев С. А. «Крести же ся в церкви святого Иакова, и есть церкви та стоаще в Корсуне посреде града, идеже торг деют корсуняне» (методика сопоставления письменных и археологических источников) // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К. В. Хвостова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 113–140.
5. Бертъе-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. 64 с.
6. Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь // ИОРЯС. 1909. Т. 14. Кн. 1. С. 241–307.
7. Бицилли П. М. Западное влияние на Руси и Начальная летопись // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 585–602.
8. Бугославский С. А. Повесть временных лет (редакции, списки, первоначальный текст) // Старинная русская повесть / под ред. Н. К. Гудзия. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1941. С. 7–37.
9. Вилкул Т. Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. 2003. Vol. 11. С. 5–35.
10. Вилкул Т. Л. Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. 2007. Vol. 15. № 2. С. 56–116.
11. Вілкул Т. Л. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського кийівського літописання. К.: Інститут історії України НАН України, 2015. 518 с.
12. Виноградов А. Ю. Где крестился князь Владимир? Новые источники и новые версии // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины Святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. М.; Вологда: Древности севера, 2017. С. 58–68.
13. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асох'ика по прозванию / пер. с арм. Н. Эмина. М., 1864. 335 с.
14. Гарабурда М. И. Оборонительная стена Херсонеса. Пояснительная записка к плану юго-западного участка оборонительной стены древнего Херсонеса // ИТУАК. 1909. № 43. С. 88–98.
15. Гимон Т. В. К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013. Зарождение историописания в обществах древности и средневековья / Отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 748–800.
16. Гиппиус А. А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2012. С. 41–50.
17. Голубинский Е. Е. История Русской церкви. Т. 1. полутом 1. М.: Университетская типография. 1901. 968 с.
18. Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь // ИТОИАЭ. 1929. Т. 3 (60). С. 99–112.
19. Завадская И. А. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 251–272.
20. Зубарь В. М., Павленко Ю. В. Херсонес Таврический и распространение христианства на Руси. Киев: Наукова думка, 1988. 206 с.
21. Иванов А. В. Внутригородские некрополи X–XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсона // Древности 2012. Харьков, 2012. Вып. 11. С. 211–222.
22. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. 938 с.
23. Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1: Текст. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1920. 612 с.

24. Истрин В. М. Замечания о начале русско-го летописания // ИОРЯС. 1923 (1921). Т. 26. С. 45–102; 1924 (1922). Т. 27. С. 207–251.
25. Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков: Бизнес информ, 1996. 212 с.
26. Казанский М., Цукерман К. Уличи // *Palaeoslavica*. 2017. Vol. 25. № 2. С. 1–37.
27. Колесникова Л. Г. Погребение воина на некрополе Херсонеса // СА. 1975. № 4. С. 264–267.
28. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1989. 496 с.
29. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИИАК. 1902. Вып. 4. С. 51–119.
30. Кримський А. Ю., Кезма Т. Оповідання арабського історика XI віку Абу-Шоджі Рудраверського про те, як охрестилася Русь. К., 1927. 15 с.
31. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. 579 с.
32. Лебединцев П. Г. Остатки церквей на развалинах древнего Корсуна или Херсонеса, их открытие и значение // Киевская старина. 1889. Т. 25. № 4 (апрель). С. 56–73.
33. Лихачев Д. С. «Повести о Николе Заразском» (тексты) // ТОДРЛ. 1949. Т. 7. С. 257–405.
34. Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники / науч. ред. Г. М. Прохоров. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2008. 574 с.
35. Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик, 2011. 280 с. (Славяно-германские исследования. Т. 6).
36. Михеев С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей // ДРВМ. 2014. № 4. С. 46–63.
37. Мыц В. Л. Время и причины гибели в XIII в. городов византийской Таврики (историографический аспект проблемы) // ТГЭ. 2015. Т. 74. С. 389–400.
38. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
39. Назаренко А. В. Достоверные годовые даты в раннем летописании и их значение для изучения древнерусской историографии // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013. Зарождение историописания в обществах древности и средневековья / Отв. ред. Д. Д. Беляев, Т. Гимон. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. С. 593–654.
40. Назаренко А. В. О времени учреждения Киевской митрополии (современное состояние проблемы) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины Святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. М.; Вологда: Древности севера, 2017. С. 130–175.
41. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
42. Петрухин В. Я. Крещение Руси: от язычества к христианству. М.: АСТ, Астрель, 2006. 222 с.
43. Пятшышева Н. В. «Земляной путь» рассказа о походе Владимира на Корсунь // СА. 1964. № 3. С. 104–114.
44. Ричка В. М. «Вся королівська рать» (Влада Київської Русі). К.: Інститут історії України НАН України, 2009. 180 с.
45. Рогожский летописец // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Вып. 1. 186 с.
46. Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского // ЗИАН. 1883. Т. 44. Приложение 1. 447 с.
47. Сазанов А. В., Алексеенко Н. А., Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Средневековый Херсон X–XI вв. М.: ООО «Киммерийский центр», 2014. 528 с.
48. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков: Майдан, 2005. 1648 с.
49. Сорочан С. Б. Об архитектурном комплексе большой агоры византийского Херсона // ВВ. 2009. Т. 68. С. 170–193.
50. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Севастополь: Библекс, 2006. 832 с.
51. Сорочан С. Б., Роменский А. А. Корсунский поход и Херсон XI в.: к завершению научного проекта // ВВ. 2013. Т. 72. С. 322–332.
52. Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 2000. 160 с.

53. Тверская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. 564 с.
54. Темчин С. Ю. Общий элемент двух рассказов о женах князя Владимира: византийской принцессе Анне и полоцкой княжне Рогнеде // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура: материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины Святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Назаренко. М.; Вологда: Древности севера, 2017. С. 294–307.
55. Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб.: Laurus, 2015. 336 с.
56. Уваров А. С. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // ПроPILEI. Сборник статей по классической древности, издаваемый Л. Леонтьевым. Кн. 4. М.: Университетская типография, 1854. С. 525–537.
57. Хапаев В. В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI вв.). Севастополь: Н. Орианда, 2016. 572 с.
58. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.
59. Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник / *Collectanea Borisoglebica* / ред. К. Цукерман. Paris: АСНСВуз, 2009. С. 183–306.
60. Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому. СПб., 1906. 126 с. (отдельный оттиск).
61. Шахматов А. А. Жития князя Владимира. Текстологическое исследование древнерусских источников XI–XVI вв. / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 384 с.
62. Bechtel F. Bethulia // *The Catholic Encyclopedia*. New York: Robert Appleton Company, 1907. Vol. 2. P. 537.
63. Büttner-Wobst T. (Ed.). *Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XVIII* // CSHB. Bonnae, 1897. Libri XIII–XVIII. Vol. III. 933 p.
64. Dewing H. B. (Tr.). *Procopius of Caesarea. History of the Wars*. Vol. 3. London: William Heinemann; New York: G. P. Putman's Sons, 1919. 452 p.
65. Holtzmann R. (Ed.). *Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung* // MGH SS rer. Germ. NS. 1935. T. 9. 630 S.
66. Kratchkovsky I., Vasiliev A. (Eds.). *Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche* // *Patrologia orientalis*. 1924. T. 18. Fasc. 1. P. 701–833; 1932. T. 23. Fasc. 2. P. 349–524.
67. Maleczyński C. (Ed.). *Galli Anonymi Chronicae et gesta ducum sive principum polonorum* // MPH NS. 1952. T. II. 198 p.
68. Regel W. (Ed.). *Analecta Byzantino-Russica*. Petropolis, 1891. 153 p.
69. Sullivan D. F. *A Byzantine Instructional Manual on Siege Defense: The De Obsidione Toleranda: Introduction, English Translation and Annotations* // Nesbitt J. W. (Ed.). *Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Text and Translations Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides*. Leiden: Brill, 2003. P. 140–266.
70. Thurn H. (Ed.). *Ioannis Scylitzae, Synopsis Historiarum* // CFHB. 1973. Vol. 5. 580 p.

REFERENCES

1. Ainalov D. V. *Razvaliny khramov. Pamiatniki khristianskogo Khersonesa*, 1905, vol. 1, 144 p.
2. Beliaev S. A. Gde krestilsia kniaz' Vladimir? (Predvaritel'noe soobshchenie). *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia*, 1988/1989, pp. 531–540.
3. Beliaev S. A. O nazvanii tserkvi, v kotoroi byl kreshhen kniaz' Vladimir. *Drevniaia Rus': voprosy medievistiki*, 2001, No. 2, pp. 50–68.
4. Beliaev S. A. "Kresti zhe sia v tserkvi sviatogo Iakova, i est' tserkvi ta stoiashhe v Korsune posrede grada, idezhe torg deiut korsuniane" (metodika sopolavleniia pis'mennykh i arheologicheskikh istochnikov). *Khvostova K. V. (Ed.). Problemy istoricheskogo poznaniia*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN Publ., 2002, pp. 113–140.
5. Bert'e-Delagard A. L. *Drevnosti Iuzhnoi Rossii*. Raskopki Khersonesa. *Materialy po arkheologii Rossii*, 1893, No. 12, 64 p.
6. Bert'e-Delagard A. L. Kak Vladimir osazhdal Korsun'. *Izvestiia otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti*, 1909, vol. 14, book 1, pp. 241–307.
7. Bitsilli P. M. Zapadnoe vliianie na Rusi i Nachal'naia letopis'. *Bitsilli P. M. Izbrannye trudy po srednevekovoi istorii: Rossiia i Zapad*.

- Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 585–602.
8. Bugoslavskii S. A. Povest' vremennykh let (redaktsii, spiski, pervonachal'nyi tekst). *Gudzi N. K. (Ed.). Starinnaia russkaia povest'*. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1941, pp. 7–37.
 9. Vilkul T. L. Novgorodskaia pervaiia letopis' i Nachal'nyi svod. *Palaeoslavica*, 2003, vol. 11, pp. 5–35.
 10. Vilkul T. L. Povest' vremennykh let i khronograf, *Palaeoslavica*, 2007, vol. 15, No. 2, pp. 56–116.
 11. Vilkul T. L. *Litopys i khronograf. Studii z domongol's'kogo kyivs'kogo litopisannia*. Kiev, Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy Publ., 2015, 518 p.
 12. Vinogradov A. Iu. Gde krestilsia kniaz' Vladimir? Novye istochniki i novye versii. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura"*. Moscow; Vologda, Drevnosti severa Publ., 2017, pp. 58–68.
 13. Emin N. (Transl.). *Vseobshchaia istoriia Stepanosa Taronskogo, Asokh'ika po prozvaniiu*. Moscow, 1864, 335 p.
 14. Garaburda M. I. Oboronitel'naia stena Khersonesa. Poiasnitel'naia zapiska k planu iugo-zapadnogo uchastka oboronitel'noi steny drevnego Khersonesa. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1909, No. 43, pp. 88–98.
 15. Gimon T. V. K probleme zarozhdeniia istoriopisaniia v Drevnei Rusi. *Beliaev D. D., Gimon T. (Eds.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2013 god. Zarozhdenie istoriopisaniia v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ia*. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2016, pp. 748–800.
 16. Gippius A. A. K rekonstruktsii drevneishikh etapov istorii russkogo letopisaniia. *Materialy konferentsii "Drevniaia Rus' i srednevekovaia Evropa: vznik i razvitiie gosudarstv"*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN Publ., 2012, pp. 41–50.
 17. Golubinskii E. E. *Istoriia Russkoi Tserkvi. Vol. 1. Part I*. Moscow, University Publ., 1903, 968 p.
 18. Grekov B. D. "Povest' vremennykh let" o pokhode Vladimira na Korsun'. *Izvestiia Tavricheskogo obshchestva istorii, arkhologii i etnografii*, 1929, vol. 3 (60), pp. 99–112.
 19. Zavad'skaia I. A. Baptisterii Khersonesa (k istorii kreshchal'nogo obriada v rannevizantiiskii period). *Materialy po arkhologii, istorii, etnografii Tavrii*, 2002, vol. 9, pp. 251–272.
 20. Zubar' V. M., Pavlenko Iu. V. *Khersones Tavricheskii i rasprostranenie khristianstva na Rusi*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, 206 p.
 21. Ivanov A. V. Vnutrigorodskie nekropoli X–XIV vv. kak element istoricheskoi topografii vizantiiskogo Khersona. *Drevnosti 2012*, Khar'kov, 2012, vol. 11, pp. 211–222.
 22. Ipat'evskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. St. Petersburg, 1908, vol. 2, 938 p.
 23. Istrin V. M. *Knigy vremen'nyia i obraznyia Georgiia Mnikha. Khronika Georgiia Amartola v drevnem slavianorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'. T. 1: Tekst*. Petrograd, Rossiiskaia gosudarstvennaia akademicheskaia Publ., 1920, 612 p.
 24. Istrin V. M. Zamechaniia o nachale russkogo letopisaniia. *Izvestiia otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti*, 1923 (1921), vol. 26, pp. 45–102; 1924 (1922), vol. 27, pp. 207–251.
 25. Kadeev V. I. *Khersones Tavricheskii. Byt i kul'tura (I–III AD)*. Khar'kov, Biznes inform Publ., 1996, 212 p.
 26. Kazanski M., Zuckerman C. Ulich. *Palaeoslavica*, 2017, vol. 25, No. 2, pp. 1–37.
 27. Kolesnikova L. G. Pogrebenie voina na nekropole Khersonesa. *Sovetskaia arkheologiya*, 1975, No. 4, pp. 264–267.
 28. Litavrin G. G., Novosel'tsev A. P. (Eds.). *Konstantin Bagrianorodnyi. Ob upravlenii imperiei. Tekst, perevod, kommentarii*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 496 p.
 29. Kostsiushko-Valiuzhinich K. K. Otchet o raskopkakh v Khersonese v 1901 godu. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 1902, vol. 4, pp. 51–119.
 30. Kryms'kii A. Iu., Kezma T. *Opovidannia Arabs'kogo istorika XI viku Abu-Shodzhi Rudravers'kogo pro te, iak okhrestilasia Rus'*. Kiev, Vseukrainska akademiia nauk Publ., 1927, 15 p.
 31. Lavrent'evskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Leningrad, 1926, vol. 1, 579 p.
 32. Lebedintsev P. G. Ostatki tserkvei na razvalinakh drevnego Korsunia ili Khersonesa, ikh otkrytie i znachenie. *Kiev'skaia starina*, 1889, vol. 25, No. 4 (April), pp. 56–73.
 33. Likhachev D. S. "Povesti o Nikole Zarazskom" (teksty). *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 1949, vol. 7, pp. 257–405.
 34. Miliutenko N. I. *Sviatoi ravnoapostol'nyi kniaz' Vladimir i kreshchenie Rusi. Drevneishie pis'mennye*

- istochniki*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2008, 574 p.
35. Mikheev S. M. *Kto pisal "Povest' vremennykh let"?* Moscow, Indrik Publ., 2011, 280 p. (*Slaviano-germanskie issledovaniia*. Vol. 6).
 36. Mikheev S. M. K probleme atributsii znakov Riurikovichei. *Drevniaia Rus: voprosy medievistiki*, 2014, No. 4, pp. 46–63.
 37. Myts V. L. Vremia i prichiny gibeli v XIII v. gorodov vizantiiskoi Tavriki (istoriograficheskii aspekt problemy). *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2015, vol. 74, pp. 389–400.
 38. Nazarenko A. V. *Drevniaia Rus' namezhdunarodnykh putiakh. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv.* Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001, 784 p.
 39. Nazarenko A. V. Dostovernnye godovye daty v rannem letopisanii i ikh znachenie dlia izucheniiia drevnerusskoi istoriografii. *Beliaev D. D., Gimon T. (Eds.). Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2013 god. Zarozhdenie istoriopisaniia v obshchestvakh Drevnosti i Srednevekov'ia*. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2016, pp. 593–654.
 40. Nazarenko A. V. O vremeni uchrezhdeniia Kievskoi mitropolii (sovremennoe sostoianie problemy). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura"*. Moscow; Vologda: Drevnosti severa Publ., 2017, pp. 130–175.
 41. Nasonov A. N. (Ed.). *Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov*. Moscow; Leningrad, Akademiia nauk SSSR Publ., 1950, 640 p.
 42. Petrukhin V. Ia. *Kreshchenie Rusi: ot iazychestva k khristianstvu*. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2006, 222 p.
 43. Piatysheva N. V. "Zemlianoi put'" rasskaza o pokhode Vladimira na Korsun'. *Sovetskaia arkheologiia*, 1964, No. 3, pp. 104–114.
 44. Rychka V. M. "Vsia korolivs'ka rat'" (*Vlada Kyiivs'koi Rusi*). Kiev, Institut istorii Ukrainy NAN Ukrainy Publ., 2009, 180 p.
 45. Rogozhskii letopisets. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moscow, 1965, vol. 15, part 1, 186 p.
 46. Rozen V. R. Imperator Vasiliu Bolgaroboitsa. Izvlecheniia iz letopisi Iakh'i Antiohiiskogo. *Zapiski imperatorskoi akademii nauk*, 1883, vol. 44, supplement 1, 447 p.
 47. Sazanov A. V., Alekseenko N. A., Gertsen A. G., Mogarichev Iu. M. *Srednevekovyi Kherson X–XI vv.* Moscow, Kimmeriiskii centr Publ., 2014, 528 p.
 48. Sorochan S. B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury*. Khar'kov, Maidan Publ., 2005, 1648 p.
 49. Sorochan S. B. Ob arkhitekturnom komplekse bol'shoi agory vizantiiskogo Khersona. *Vizantiiskii Vremennik*, 2009, vol. 68, pp. 170–193.
 50. Sorochan S. B., Zubar' V. M., Marchenko L. V. *Zhizn' i gibel' Khersonesa*. Sevastopol', Bibleks Publ., 2006, 832 p.
 51. Sorochan S. B., Romenskii A. A. Korsunskii pokhod i Kherson XI v.: k zaversheniiu nauchnogo proekta. *Vizantiiskii Vremennik*, 2013, vol. 72, pp. 322–332.
 52. Taft R. F. *Vizantiiskii tserkovnyi obriad. Kratkii ocherk*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2000, 160 p.
 53. Tverskaia letopis'. *Polnoe sobranie russkikh letopisei*. Moscow, 1965, vol. 15, 564 p.
 54. Temchin S. Iu. Obschcii element dvukh rasskazov o zhenakh kniazia Vladimira: vizantiiskoi princesse Anne i polotskoi kniazhne Rognede. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura"*. Moscow; Vologda, Drevnosti severa Publ., 2017, pp. 294–307.
 55. Tolochko A. P. *Ocherki nachal'noi rusi*. Kiev; St. Petersburg, Laurus Publ., 2015, 336 p.
 56. Uvarov A. S. Neskol'ko slov ob arkheologicheskikh razyskaniiax bliz Simferopolia i Sevastopolia. *Leontiev M. (Ed.). Propilei. Sbornik statei po klassicheskoi drevnosti. Vol. 4*. Moscow, University Publ., 1854, pp. 525–537.
 57. Khapaev V. V. *Vizantiiskii Kherson na rubezhe tysiacheletii (vtoraia polovina X – pervaiia polovina XI vv.)*. Sevastopol', N. Orianda Publ., 2016, 572 p.
 58. Khrushkova L. G. *Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia (IV–VII veka)*. Moscow, Nauka Publ., 2002, 500 p.
 59. Zuckerman C. Nabludeniia nad slozheniem drevneishikh istochnikov letopisi. *Zuckerman C. (Ed.). Collectanea Borisoglebica*. Paris, ACHCByz, 2009, pp. 183–306.
 60. Shakhmatov A. A. Korsunskaia legenda o kreshchenii kniazia Vladimira. *Sbornik statei, posviashchennykh pochitateliu akademiku i zasluzhennomu professoru V. I. Lamanskomu*. St. Petersburg, 1906, 126 p.
 61. Shakhmatov A. A. *Zhytiia kniazia Vladimira. Tekstologicheskoe issledovanie drevnerusskikh istochnikov XI–XVI vekov*. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, 384 p.
 62. Bechtel F. Bethulia. *The Catholic Encyclopedia*. New York, Robert Appleton Company Publ., 1907, vol. 2, p. 537.

63. Büttner-Wobst T. (Ed.). Ioannis Zonarae epitomae historiarum libri XVIII. *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Bonn, 1897, Libri XIII–XVIII, vol. III, 933 p.
64. Dewing H. B. (Transl.). *Procopius of Caesarea. History of the Wars. Vol. 3*. London, William Heinemann; New York, G. P. Putman's Sons, 1919, 452 p.
65. Holtzmann R. (Ed.). Die Chronik des Bishofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series*. 1935, Band 9, 630 S.
66. Kratchkovsky I., Vasiliev A. (Eds.). Histoire de Yahya-Ibn-Said d'Antioche. *Patrologia orientalis*, 1924, vol. 18, fasc. 1, pp. 701–833; 1932, vol. 23, fasc. 2, pp. 349–524.
67. Maleczyński C. (Ed.). Galli Anonymi Chronicae et gesta ducum sive principum polonorum. *Monumenta Poloniae Historica. Nova series*. 1952, vol. 2, 198 p.
68. Regel W. (Ed.). *Analecta Byzantino-Russica*. Petropolis, 1891, 153 p.
69. Sullivan D. F. A Byzantine Instructional Manual on Siege Defense: The De Obsidione Toleranda: Introduction, English Translation and Annotations. *Nesbitt J. W. (Ed.). Byzantine Authors: Literary Activities and Preoccupations. Text and Translations Dedicated to the Memory of Nicolas Oikonomides*. Leiden, Brill, 2003, pp. 140–266.
70. Thurn H. (Ed.). Ioannis Scylitzae, Synopsis Historiarum. *Corpus fontium historiae byzantinae*, 1973, vol. 5, 580 p.

А. А. Роменский

**Корсунский нарратив Начальной летописи и Житий князя Владимира
в контексте топоархеологических реалий византийского Херсона:
современное состояние дискуссии**

Резюме

В статье рассматриваются письменные свидетельства об осаде Херсона и крещении князя Владимира, верифицируемые археологическими источниками в топографическом контексте. Приводятся аргументы в пользу достоверности «Корсунской легенды», ле-

тописная версия сопоставляется с данными Житий Владимира.

Ключевые слова: Корсунский поход, крещение Владимира, Начальная летопись, Житие, топография Херсона.

Alexandr Romensky

**Korsun' Narrative of Primary Chronicle and Lives of Prince Vladimir
in the Context of Topoarchaeological Realities of Byzantine Cherson: Current State of Debate
Summary**

The article deals with written evidence about the siege of Cherson and the baptism of Prince Vladimir, verified by archaeological sources in a topographical context. Arguments in favor of the authenticity of the “Korsun

legend” are given, the chronicle version is compared with the data of Vladimir's Vitae.

Keywords: Korsun' campaign, baptism of Vladimir, Primary Chronicle, Life, topography of Cherson.

ЕЩЕ РАЗ О МАНГУПСКОЙ НАДПИСИ ТЦИТ...

Надпись, которой посвящена публикация, была найдена в стене башни крепостной стены Мангупа в балке Табана-Дере в 1890 г. Ф. А. Браун обнаружил в кладке башни крепостной стены Мангупа обломок мраморной плиты с греческой надписью (Рис. 1) [4, с. 20, рис. 12]. Плита долгое время хранилась в фондах музея «пещерных городов» в Бахчисарае, затем, после его расформирования – в фондах Бахчисарайского дворца-музея и недавно «всплыла» в Симферополе на временной выставке по истории Мангупа в Центральном музее истории Тавриды. Надпись была издана по прорисовке и интерпретирована В. В. Латышевым [2, с. 55] и переиздана Н. В. Малицким [3, с. 5]. Судя по указанию на то, что обломок был извлечен из башни, реставрированной турками, фрагмент может быть достаточно уверенно связан с башней в верховьях балки Табана-Дере, стоящей и поныне. Правая половина башни была уничтожена при взятии Мангупа турками в 1475 г. и позже восстановлена с использованием архитектурных деталей расположенной рядом базилики, включая и резные блоки одного из порталов, все еще находящиеся в кладке. О том, что это портал именно базилики, свидетельствуют два фрагмента другого портала, находившиеся *in situ* на входе в базилику из южной галереи еще в 1975 г. и позже переданные в лапидарий Бахчисарайского дворца-музея.

В интерпретации В. В. Латышева надпись гласит: «По[строена эта башня от основания трудом и иждивением] Тцит[цикия гека]тонтарха в правление Тохтам[ыша]». Чем была аргументирована эта реконструкция? Логика рассуждений здесь такова: построенное здание не могло быть церковью, как предполагал Ф. А. Браун, так как в надписи не указано, кому из святых

она посвящена. А раз найдена она, хотя и во вторичном использовании, в кладке башни, то и ранее могла быть связана именно с башней. Как следствие, указание на пиргос (башню) – сугубая догадка В. В. Латышева, и надпись не может быть использована для датировки строительства главной линии обороны Мангупа дофеодоритским временем. В то же время, если надпись относится к базилике, что вполне вероятно, то она датирует время капитальной перестройки ранневизантийского сооружения как раз в конце XIV в. (Тохтамыш правил с 1380 по 1406 гг.).

Хотя текст ее неоднократно издавался, видели ее в последний раз лет пятьдесят назад. Ныне очевидно, что высечена она на плите проконнесского мрамора, по-видимому, являвшейся порогом все той же мангупской базилики. По крайней мере, обработка плиты делает данное предположение вполне вероятным. Таким образом, мраморные фрагменты раннего сооружения, в том числе найденные М. А. Тихановой и ныне хранящиеся в Бахчисарае [6, с. 337–339; 7, с. 114], находились при базилике еще в XV в.

На наш взгляд, надпись датирует очередную перестройку базилики в конце XIV в., возможно, не завершенную в связи с событиями 1495/6 гг. Здание было разрушено и его фрагменты пошли на постройку расположенного рядом дворца кира Алексея, в том числе и столбы внутренней аркады здания. Вновь оно было восстановлено в начале XV в. в меньшем объеме, но это отдельная тема.

Недавно к надписи вновь обратился А. Ю. Виноградов. Ссылаясь на нашу статью [5, с. 485–490], он пишет: «Вторичное использование плиты не дает нам возможности установить, что именно было построено (гипотеза В. В. Латышева о башне не подтверждается, а пред-

положение В. П. Степаненко о наличии здесь базилики ничем не обосновано)» [1, с. 288]. Остается предположить, что коллега либо не читал статьи, либо не знаком с топографией Ман-

гупа. Базилика расположена в сотне метров от башни, а блоки ее порталов все еще находятся в ее кладке...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов А. Ю. Основные проблемы и вопросы изучения византийской эпиграфики Мангупа // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 278–298.
2. Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. СПб.: Издание Императорского Русского Археологического Общества, 1896. 143 с.
3. Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа // ИГАИМК. 1933. Вып. 71. С. 1–46.
4. Раскопки в Таврической губернии. а) В уездах Мелитопольском и Симферопольском // ОАК за 1890 год. СПб., 1893. С. 2–21.
5. Степаненко В. П. К интерпретации мангупской надписи гекатонтарха (?) Тцитс... // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV. С. 485–490.
6. Тиханова М. А. Базилика // МИА. 1953. № 34. С. 334–389.
7. Хрушкова Л. Г. К дискуссии о времени строительства Мангупской базилики // МАИЭТ. 2017. Вып. XXII. С. 107–138.

REFERENCES

1. Vinogradov A. Iu. Osnovnye problemy i voprosy izucheniia vizantiiskoi epigrafiki Mangupa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, vol. XXII, pp. 278–298.
2. Latyshev V. V. *Sbornik grecheskikh nadpisei khristianskogo vremeni iz Iuzhnoi Rossii*. St. Petersburg, Imperatorskoe Russkoe Arkheologicheskoe Obshchestvo Publ., 1896, 143 p.
3. Malitskii N. V. Zаметki po epigrafike Mangupa. *Izvestiia Gosudarstvennoi Akademii istorii material'noi kul'tury*, 1933, vol. 71, pp. 1–46.
4. Raskopki v Tavricheskoi gubernii. a) V uezdakh Melitopol'skom i Simferopol'skom. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1890 god*. St. Petersburg, 1893, pp. 2–21.
5. Stepanenko V. P. K interpretatsii mangupskoi nadpisi gekatontarkha (?) Tsitsits... *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2008, vol. XIV, pp. 485–490.
6. Tikhanova M. A. Bazilika. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1953, No. 34, pp. 334–389.
7. Khrushkova L. G. K diskussii o vremeni stroitel'stva Mangupskoi baziliki. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2017, vol. XXII, pp. 107–138.

В. П. Степаненко

Еще раз о мангупской надписи Тцит...

Резюме

В 1890 г. Ф. А. Браун обнаружил в кладке башни крепостной стены Мангупа мраморную плиту с греческой надписью. Место находки дало основание В. В. Латышеву связать надпись с сооружением главной линии обороны Феодоро, тогда как значительная часть кладки башни сложена из вторично использованных блоков расположенной неподалеку базилики. Как следствие, логичнее связать надпись с базили-

кой, но не с крепостной стеной. Большая часть текста – есть плод реконструкции В. В. Латышева. Мнение А. Ю. Виноградова, отрицающего связь надписи с базиликой, на наш взгляд, связано с незнанием последним топографии Мангупа.

Ключевые слова: Мангуп, Тохтамыш, Феодоро, базилика.

Valeriy Stepanenko
Once Again on the Mangup's Inscription of Tsit...
Summary

In 1890, F. A. Brown found a marble slab with a Greek inscription in the masonry of the Mangup fortress wall tower. The place of the discovery gave the foundation to V. V. Latyshev to connect the inscription with the construction of the main line of defense of Theodoro, while a significant part of the masonry of the tower is composed of secondary used blocks of the nearby Basilica. As a result, it is more logical to connect the

inscription with the Basilica, but not with the fortress wall. Most of the text is the fruit of the reconstruction of V. V. Latyshev. The opinion of A. Yu. Vinogradov, who denies the connection of the inscription with the Basilica, in our opinion, due to ignorance of the latest topography of Mangup.

Keywords: Mangup, Tokhtamysh, Theodoro, basilica.

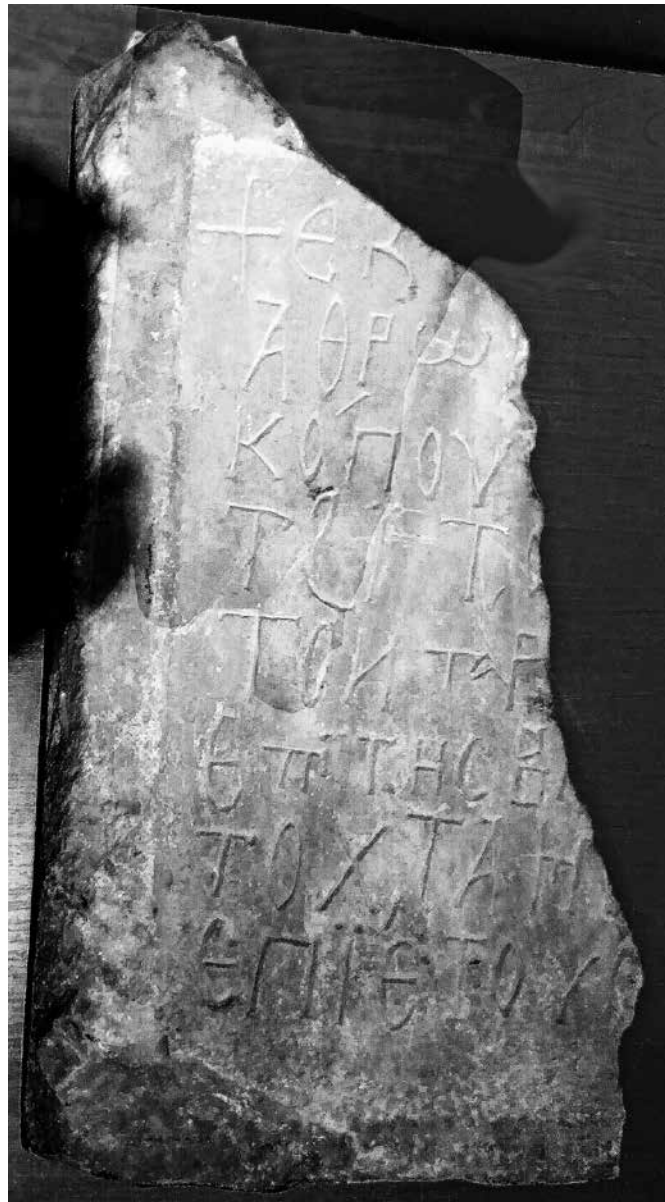

Рис. 1. Плита с греческой надписью, найденная в кладке башни Мангула.

Н. П. ТУРОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС НА Г. КИЛЬСЕ-БУРУН (Ай-Петринская яйла) (по результатам исследований 2016 г.)

Весной 2016 г. археологической экспедицией МКУК «Ялтинского историко-литературного музея»¹ были предприняты целенаправленные поиски остатков храма на вершине г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла), расположенной над пгт. Санаторное на Южном Берегу Крыма (Рис. 1). Гора Кильсе-Бурун (Церковный мыс) – наивысший скальный выступ Байдаро-Кастропольской (Байдарской) стены, достигает высоты 711,8 м. Именно ее название в свое время привлекло внимание Л. В. Фирсова, предположившего, что оно отражает наличие здесь древнего храма [6, с. 373].

В краеведческой литературе встречается упоминание, что на вершине горы сохранились развалины, связанные с остатками средневековой церкви [2, с. 160]. На вершине горы, в 15 м к северу от геодезического знака, действительно фиксируются остатки двух прямоугольных строений, расположенных в одну линию по оси юго-запад – северо-восток, общей площадью 220 м². Однако никаких визуальных признаков, что эти строительные остатки являются руинами храмовой средневековой постройки не обнаружено. Видимо, они относятся к более позднему времени – началу XX в. (?).

В 260 м от геодезического знака на западном склоне г. Кильсе-Бурун среди деревьев граба, зарослей кустарника шиповника и терна нами были выявлены строительные остатки другого объекта. Они локализованы в 50–120 м от южной кромки яйлы на заросшей лиственным лесом поляне, окруженной с северо-востока и юго-запада скальными вертикальными выступами, откуда открывается прекрасный вид на

Южный Берег. Среди бутовых камней присутствовали фрагменты красноглиняной черепицы VIII(?)–XIII вв., обломки туфовых деталей, фрагменты плит песчаника, следы деструктивного известкового раствора, которые свидетельствуют о наличии здесь остатков средневекового храма.

В августе 2016 г. на данном объекте было заложено два шурфа (Рис. 2). В результате проведенных исследований были выявлены стены храма: северная, длиной, 3,5 м, и восточная, длиной около 3 м, сохранившиеся на высоту около 1 м, а также его апсидная часть и северное плечо; ширина алтарного полукружия – 2 м, глубина – 1,50 м, ширина северного плеча – 0,9 м. Стены сложены из бутовых камней с использованием глины и известкового раствора. В кладке присутствовали фрагменты плит песчаника, обломки красноглиняных керамид VIII(?)–X вв. Внутри храм был оштукатурен и украшен фресковой росписью, остатки которой зафиксированы в алтарной части; пол был глинобитный.

Судя по встреченному археологическому материалу, комплекс можно датировать XII–XIII вв. Однако среди находок в его окрестностях выделяются и более ранние артефакты: две пряжки византийского круга, одна из которых – типа «Сиракузы» VII–VIII вв., монета боярина Ратибора (1079–1081)², фрагменты высокогорлых кувшинов второй половины IX – первой половины XI в., фрагмент белоглиняного поливного сосуда X в. Возможно, первоначальный храм был построен в IX–XI вв.

В XII–XIII вв. здание переживает некоторые ремонтные работы. Престол, выполненный из

¹ Муниципальное казенное учреждение культуры «Ялтинский историко-литературный музей».

² Все монеты из храмового комплекса на г. Кильсе-Бурун определены к.и.н. М. М. Чорефом.

инкерманского камня (Рис. 3,1), состоящий из двух фрагментов, был придвинут к внутренней стене алтарного полукружия и укреплен подпорной стенкой, в забутовку которой попали фрагменты черепицы и обломки штукатурки с фресковой росписью (Рис. 4). За престолом к стене апсиды, под его верхним основанием, с помощью рыхлой штукатурки (второго строительного периода) был вмурован железный крест (Рис. 3,2), под которым сохранились мощи, представлявшие собой мелкие фрагменты костных останков (фаланги конечностей).

Престол был перекрыт слоем (слой II), залегающим под каменным завалом современной дневной поверхности (слой I) и лежащим непосредственно на материке (Рис. 5; 6). Слой, мощностью более 0,50 м, светло-желтого оттенка практически состоял из деструктированного известкового раствора, туфовых деталей и черепичного развала³, среди которых выделяются красноглиняные керамиды с рельефными буквенными метками «пи» (ко 19) и «хи» (ко 14, 18, 20, 23, 29, 30, 36) и одна зооморфная метка в виде лошади (ко 22) (Рис. 7).

Наиболее распространенная метка в виде буквы «хи» с различными вариантами хорошо известна по раскопкам Херсона [8, рис. 59,166–174], Эски-Кермена [8, рис. 62,65–68], поселений Южного Берега Крыма: Ласпи [8, рис. 64,26], Мыса Троицы [8, рис. 64,64–66], укрепления Хачла-Каясы [8, рис. 65,121], поселения близ села Оползневое [8, рис. 66,159–162]. Черепок изделий оранжево-красный различного оттенка от светлого до кирпичного, в тесте значительное количество примесей в виде шамота, мелких и средних фракций местных пород таврической серии и известняка. Подобная продукция датируется в рамках VIII–X или IX–X вв. [7, с. 37–38, 47–51; 4, с. 77–92; 3; 5, с. 119–137]. Исследователи отмечают возможность ее использования и в более позднее время [4, с. 79; 5, с. 128].

Возможно, черепичный развал возник в конце XIII – начале XIV в., когда восточная апсидная часть храма завалилась вовнутрь и больше не восстанавливалась. На протяжении какого-то времени северная и южная стены оставались целыми, и вовнутрь храма можно было войти.

В центральной части нефа была вырыта яма, куда были спрятаны остатки церковной утвари: фрагменты стеклянных лампад, крепления для лампад, держатели фитилей, застежка для книги в виде мечика, обломки пластинчатых крестов с пуансонным орнаментом (Рис. 3,3–10). Яма сверху была закрыта бутовым камнем, ориентированным строго по оси храма. На верхней поверхности ямы была естественная площадка, утрамбованная слоем материковой глины.

За небольшой промежуток времени в полуразрушенном здании накопился слой мощностью 0,10–0,40 м, в котором присутствовали кости млекопитающих, отдельные угольки, незначительные фрагменты керамической посуды. Данный уровень в верхней части отбивается монетой хана Узбека (1313–1341) и связан с самыми разрушительными процессами.

Помимо остатков храма вокруг него фиксируется каменный развал площадью более 0,1 га со следами «ограды» (?). На основании этого можно предположить, что мы имеем дело не просто с храмовой постройкой, а неким комплексом, возможно монастырем. За «оградой» и в каменном развале обнаружены фрагменты поливной посуды XIV–XV вв., практически не присутствующей в слоях на исследованном участке 2016 г.

Средневековый материал встречается в радиусе 50–70 м от апсиды храма. Среди него – медный бубенчик шаровидной формы с крестообразной прорезью второй половины X – первой половины XI в., обломки двух книжных застежек в виде мечика, железные наконечники стрел. В районе каменного завала найдены железные кресты (Рис. 8,1–4), большое количество строительных гвоздей. Неожиданной находкой стал фрагмент лезвия железного ножа с пластинчатым черенком и клеймом на левой стороне лезвия в виде клещей западноевропейского типа XIV–XVI вв. (Рис. 8,5) [1, рис. 1,8,11,12], аналогии которого мы находим среди находок московского Зарядья в слоях конца XIV – начала XVII в. [1].

Не менее интересными являются находки более позднего времени: обломки чугунных котлов, лежащие среди камней на поверхности, гвозди-ухналы от подков, кресала в виде прищепок (Рис. 8,7), верхняя часть пуговицы-гренады (выпуска после 1862 г.) (Рис. 8,6), деталь удар-

³ Реконструируются полные размеры керамид: ко 23 – 38×22×4,35 см; ко 34 – 40×31×4; ко 36 – 37,8×29,7×4,5 см.

но-кремневого замка огнестрельного оружия XVIII–XIX вв. (Рис. 5,8) и т. д.

Видимо, уже когда храм находился в развалинах, в XIX в. здесь, на закрытой скалами поляне, в тени деревьев могли останавливаться пасту-

хи, выпасавшие скот на яйлах, или отдыхать от своих трудов строители Мордвинской дороги, расположенной в 300 м к северо-западу от нового археологического объекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беленькая Д. А., Розанова Л. С. Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимошук. М: Наука, 1988. С. 18–25.
2. Белянский И. Л., Лезина И. Н., Суперанская А. В. Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь: Таврия-Плюс, 1998. 160 с.
3. Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX–X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности 2011. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 172–190.
4. Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика / под ред. С. Н. Бибикова. К.: Наукова думка, 1974. С. 56–94.
5. Тесленко И. Б. Керамика // Древности Семидворья I. Средневековый двухапсидный храм в урочище Еди-Евлер (Алушта, Крым): исследования и материалы / Ред.-сост. И. Б. Тесленко, А. Е. Мусин (Археологический альманах. № 32). Киев: Антиквар, 2015. С. 119–177.
6. Фирсов. Л. В. Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990. 472 с.
7. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения юго-западной Таврики // МИА. 1970. № 168. 224 с.
8. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Ленинград: Наука, 1979. 164 с.

REFERENCES

1. Belen'kaia D. A., Rozanova L. S. Nozhi s kleimami iz Zariad'ia. *Timoshchuk B. A. (Ed.). Drevnosti slavian i Rusi*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 18–25.
2. Belianskii I. L., Lezina I. N., Superanskaia A. V. *Krym. Geograficheskie nazvaniia: Kratkii slovar'*. Simferopol', Tavriia-Plius Publ., 1998, 160 p.
3. Moiseev D. A. Arkheologicheskii kompleks stroitel'noi keramiki IX–X vv. iz raskopok poseleniia v Lagernoi Balke (Mangup). *Drevnosti 2011*, Khar'kov, 2011, vol. 10, pp. 172–190.
4. Parshina E. A. Srednevekovaia keramika Iuzhnoi Tavriki (po materialam raskopok i razvedok 1965–1969 gg.). *Bibikov S. N. (Ed.). Feodal'naia Tavrika*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 56–94.
5. Teslenko I. B. *Keramika. Teslenko I. B., Musin A. E. (Eds.). Drevnosti Semidvor'ia I. Srednevekovi dvukhapsidnyi khram v urochishche Edi-Evler (Alushta, Krym): issledovaniia i materialy (Arkheologicheskii al'manakh. No. 32)*. Kiev, Antikvar Publ., 2015, pp. 119–177.
6. Firsov L. V. *Isary: Ocherki istorii srednevekovykh krepostei Iuzhnogo berega Kryma*. Novosibirsk, 1990, 472 p.
7. Iakobson A. L. Rannesrednevekove sel'skie poseleniia iugo-zapadnoi Tavriki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1970, No. 168, 224 p.
8. Iakobson A. L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoii Tavriki*. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 164 p.

Н. П. Турова

**Средневековый храмовый комплекс на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла)
(по результатам исследований 2016 г.)**

Резюме

В 2016 г. в результате целенаправленных поисков экспедицией МКУК «Ялтинского историко-литературного музея» были обнаружены развалины храма на западном склоне г. Кильсе-Бурун (Церковный мыс) на Ай-Петринской яйле. В ходе исследований был собран и изучен вещевой материал, который дает основание предполагать, что данный объект

археологического наследия представляет собой храмовый или монастырский комплекс, построенный в IX–XI вв. и просуществовавший до XIV–XV вв.

Ключевые слова: г. Кильсе-Бурун, Байдаро-Кастропольская стена, храмовый (монастырский) комплекс, Ай-Петринская яйла, горный Крым.

Natalia Turova

**Medieval Temple Complex on Kilse-Burun (Ai-Petri Yaila)
(According to the Results of Investigations in 2016)**

Summary

The ruins of the temple were found on the western side of the mountain Kilse-Burun (the Church Cape) on the Ai-Petri yaila as a result of the purposeful searches of the expedition of “Yalta Historical and Literary Museum” in 2016. The material collected and studied during the research gives grounds to assume that this object of

the archaeological heritage is a temple or monastery complex which was built in the 9th–11th centuries and existed until the 14th–15th centuries.

Keywords: Kilse-Burun, Baidar-Kastropol wall, temple (monastery) complex, Ai-Petri yaila, mountainous Crimea.

Рис. 1. Месторасположение храмового (монастырского) комплекса на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла).

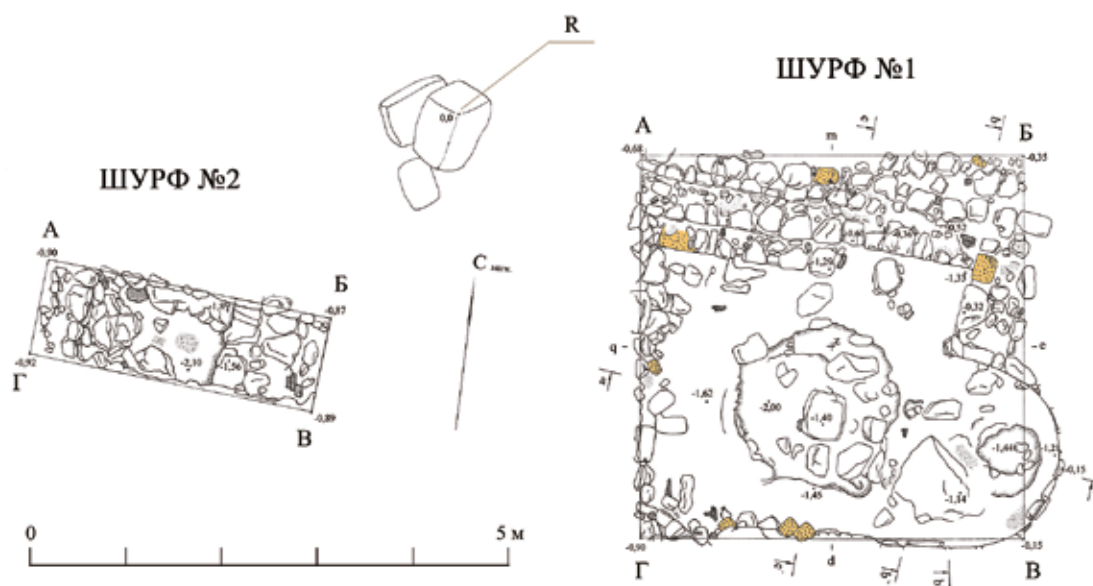

Рис. 2. Планы шурфов № 1 и № 2 на храмовом (монастырском) комплексе г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла).

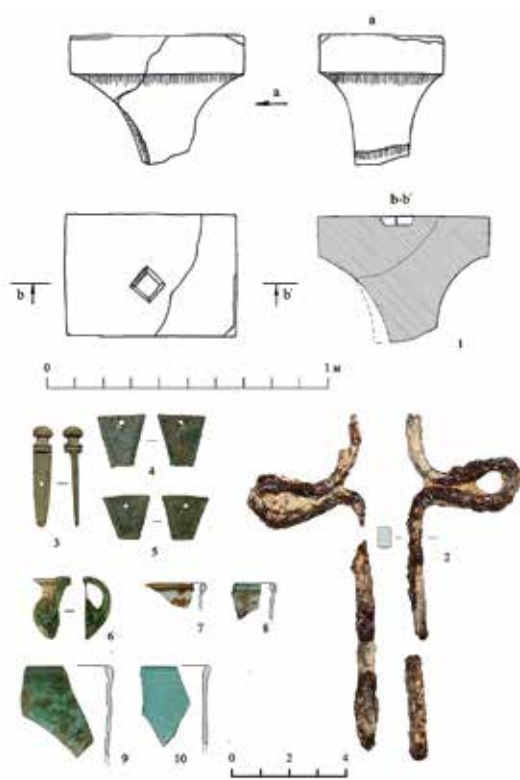

Рис. 3. Находки из шурфа № 1: престол из инкерманского камня (1); крест железный (2); изделия из меди (3–5); фрагменты стеклянных лампад (6–10).

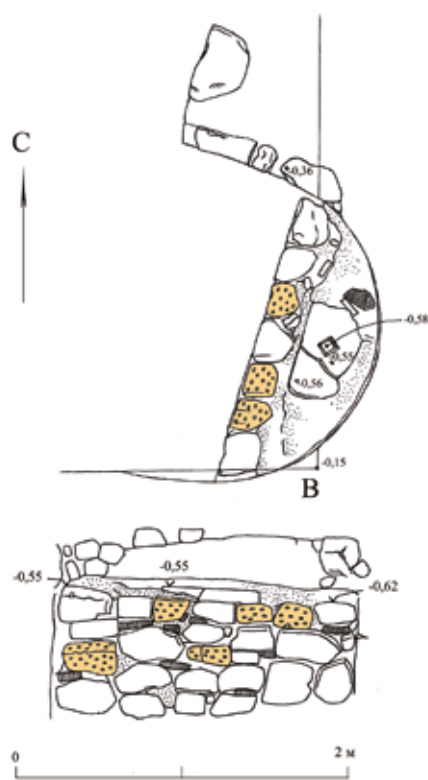

Рис. 4. Шурф № 1. Слой II. Зачистка скопления черепицы и туфовых деталей. Вид с юго-запада.

Рис. 5. Шурф № 1. Слой II. Зачистка скопления черепицы и туфовых деталей. План.

Рис. 8. Находки из окрестностей храмового (монастырского) комплекса на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла): кресты железные (1–4); нож железный с клеймом (5); верхняя часть медной пуговицы-гrenaды (6); кресало железное (7); деталь ударно-кремневого замка огнестрельного оружия (8).

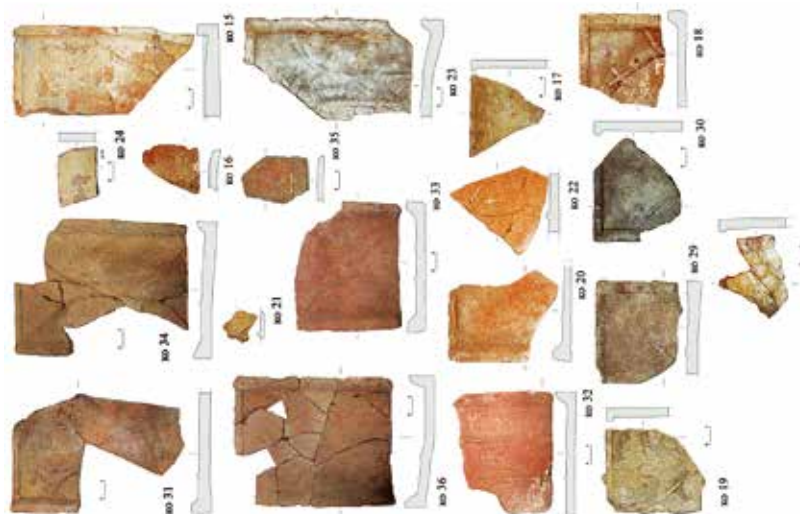

Рис. 7. Черепица из керамического завала в апсидной части храма из слоя II.

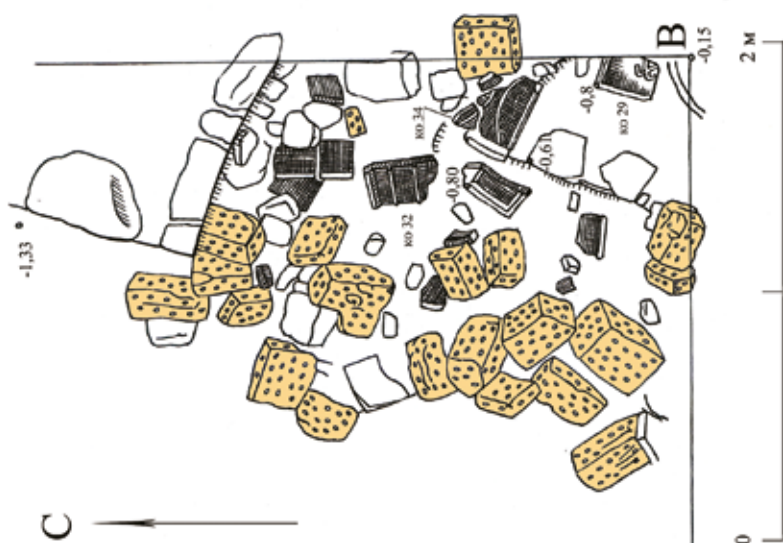

Рис. 6. Шурф № 1. Зачистка престола (план) и подпорной стенки престола.

Е. Я. ТУРОВСКИЙ

ХЕРСОНЕС В РАННЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ IV – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ III В. ДО Н.Э.)

Эллинистическая эпоха в Херсонесе Таврическом – время взлетов и падений, напряженной борьбы с агрессивными варварскими племенами, гражданского противостояния между политическими группировками. Начнем с самого определения эллинизма. Как бы там ни было – это весьма спорная дефиниция. Если говорить о фундаменте понятия, то сводится оно, в основном, к македонской экспансии в Грецию; подчинению большей части греческих государств македонским царям; великому походу царя Александра против персов, перевернувшему весь мировой порядок античного мира и задавшему новые импульсы развитию мировой цивилизации как синтеза греческих и местных культурных традиций. Большинство исследователей определяет хронологические рамки эллинистической эпохи временем от смерти Александра Македонского в 323 г. до н.э. вплоть до 30 г. до н.э., когда последнее крупное эллинистическое государство (Птолемеевский Египет) было поглощено Римом [8, с. 6; 9]. Рассмотрим, какие процессы происходили в начале этого исторического этапа в одном из крупнейших полисов в Северном Причерноморье Херсонесе Таврическом.

Представляется уместным поставить здесь следующий вопрос: насколько глобальные перемены в метрополии повлияли на греческие государства в Северном Причерноморье, которые в эти движения были непосредственно не задействованы? Ведь круг проблем и вызовов у этих государств резко отличался от общегреческих, в этом их можно сравнить с западными греческими полисами: в таких регионах, как Сицилия, Великая Греция, Испания, Галлия – доминанта исторического развития которых определялась, в основном, конфронтацией двух крупнейших го-

сударств Западного Средиземноморья – Карфагена и Рима.

Для греческих государств Северного Причерноморья, очевидно, определяющими были другие тенденции, чем в метрополии. С одной стороны, эти государства были составной частью эллинского мира: торговые и культурные связи с метрополиями, городами Ионии, Малой Азии, Эгеиды и Балканской Греции никогда не прекращались, и, конечно, положение в этих регионах влияло на жизнь причерноморских эллинов, прежде всего, на их торговые связи. С другой стороны, находились они реально на дальней периферии эллинского мира. В этой связи едва ли не решающим фактором жизни у северопричерноморских эллинов становилась политическая и демографическая ситуация у соседних варваров-намадов в степи и лесостепи Северного Причерноморья. Для них основными вызовами было движение новых групп кочевых племен в направлении с востока на запад по Великому евразийскому степному коридору. В этой связи все остальные факторы, определяющие жизнь Восточного Средиземноморья, как-то: походы Александра, его гибель и образование эллинистических государств, новые тенденции в культурной и экономической жизни Эллады – меркли против конкретных региональных реалий, связанных с разрушительными варварскими набегами.

Сложность реконструкций исторических процессов в регионе сталкивается с проблемой почти полного отсутствия сведений в нарративных источниках, а данные лапидарной эпиграфики, при всей их выдающейся важности, очень часто, ввиду фрагментарности, имеют разные толкования. Именно поэтому важнейшее значение для достоверных исторических реконструкций име-

ют данные археологии, нумизматики и керамической эпиграфики.

Не вдаваясь в тонкости историко-культурного феномена эллинизма, обратимся непосредственно к той череде событий и процессов, которые прошел Херсонес в означенную эпоху. К началу эпохи эллинизма (в историографическом ее понимании), может быть, с разницей в несколько лет в ту или иную сторону, Херсонес вступает, завершив, в основном, свою территориальную экспансию в разных направлениях. Из небольшого городка с весьма ограниченной сельскохозяйственной территорией Херсонес превращается в одного из региональных лидеров, в центр крупного по античным меркам государства с обширной территорией и сложной структурой [1, с. 321; 7, с. 15, 20; 20, с. 121].

По мнению В. А. Кутайсова, освоение прибрежной территории Херсонесом можно назвать военной колонизацией. Процесс обживания территорий шел по нарастающей по мере роста материальных и демографических возможностей как всего Херсонесского полиса, так и отдельных населенных пунктов. Через какое-то время к первоначальному поселению с одной многоэтажной башней пристраивались еще несколько подобных, образуя своего рода агломерации. Поселения росли не столько по мере естественного прироста числа их обитателей (ибо такой прирост просто немислим), сколько в процессе притока новых колонистов-апойков из разных мест греческого мира, вероятно, чаще всего из Гераклеи Понтийской, предпочитавших селиться в уже обжитых местах. Огромные пространства целинных земель, отсутствие аборигенного оседлого населения создавали экономическую основу для миграционного процесса [10, с. 65].

В это же время в Херсонесе фиксируется появление институтов, характерных для демократического способа управления. Не берусь утверждать, что демократия появилась в Херсонесе именно в это время, а не раньше, но для более ранних времен ее можно предполагать только априори. С появлением выборных, ежегодно сменяемых магистратов, фиксируемых в нумизматике и керамической эпиграфике, можно говорить о демократии в Херсонесе вполне однозначно.

Контроль за керамическим производством в Херсонесе, по оценке В. И. Каца, начался около самого начала последней четверти IV в. до

н.э. [4; 5, с. 108]. В надписях на керамических клеймах, которые штамповались на ручках амфор (иногда на горлах) и строительной черепице, обозначалась должность контролирующего производство магистрата (почти всегда – астином, в нескольких случаях – агораном) и его личное имя. По нашим оценкам, появление в легендах монет имен контролирующих выпуск магистратов произошло около середины последнего десятилетия третьей четверти IV в. до н.э., то есть в близкое время, но чуть ранее, чем появились астиномные клейма на транспортных амфорах. Может быть, дело тут в том, что практика клеймения амфор совпадает с началом массового амфорного производства в Херсонесе, а в монетном деле, которое к моменту появления на монетах личных имен имело уже большую историю, необходимость выбора контрольных магистратов была вызвана, очевидно, практическим опытом. В любом случае, появление контрольных магистратов связано не только со складыванием демократических институций в Херсонесском полисе, но и с новыми качественными процессами в его экономике.

Подчеркнем, что херсонесская лапидарная эпиграфика IV в. до н.э. не дает никакой информации о политической жизни Херсонеса, сводясь исключительно к личным именам на надгробных стелах. Первый, по-настоящему информативный и, безусловно, великий памятник греческой лапидарной эпиграфики – Присяга херсонеситов (IOSPE, I², 401) – был создан, по представлению современных исследователей, близко к рубежу IV–III вв. до н.э. [12, с. 112; 13, с. 151, 153; 1, с. 334]. В самом общем виде текст Присяги показывает следующее. В ходе ожесточенной борьбы между демократической и, скорее всего, олигархической партиями последняя потерпела поражение. Часть ее приверженцев удалась в изгнание, а часть оппозиционеров закрепилась где-то на хоре *status in statu*, по мнению ряда исследователей, это одна из причин принятия §11 Присяги, который имел, очевидно, прежде всего, фискальный характер и обявывал жителей дальней хоры полиса осуществлять экспорт хлеба исключительно через Херсонес [1, с. 350]. Из текста Присяги ничего явно не следует, но исходя из сказанного выше, можно уверенно предполагать, что на момент начала противостояния у власти в Херсонесе были демократы, они же, пусть и не

без потерь, вышли победителями в этом гражданском конфликте.

Из ряда параграфов памятника видно, что, несмотря на явную победу демократов, жесточенность конфликта, непримиримость к оппонентам были очень велики. Несомненный гражданский пафос текста не оставляет в этом сомнения: «не нарушу демократии и желающему предать или нарушить, не дозволю и не утаю вместе с ним, но заявлю демиургам, правящим в городе». Многие параграфы Присяги до сих пор оставляют повод для дискуссии. И тут не только непонятный *састер* [11], который необходимо защищать; здесь и вопрос о загадочных «отпавших» (где, в какой части Херсонесского государства они закрепились?); какие земли потерял Херсонес к моменту принятия текста Присяги [1, с. 346–348]?

На наш взгляд, поскольку события, отраженные в Присяге, длились не очень долго и вряд ли сопровождалось разрушениями домовладений, найти их конкретное выражение археологическим путем проблематично. Подтверждением политической борьбы в Херсонесе могут служить находки граффити на амфорных черепках, которые вполне могут быть датированы временем, близким к Присяге и которые, скорее всего, служили остраками и использовались в борьбе против врагов демократии в Херсонесе. В. И. Кадеев, который, исходя из редкости имени Сириск, предположил, что на найденном его экспедицией остраконе из Портового района Сириск, сын Каллия, был родственником херсонесского историка Сириска, сына Гераклида [3]. На наш взгляд, это возможно, если допустить, что оба Сириска были двоюродными братьями, названными в честь деда. Здесь можно говорить и о другом аспекте вопроса в связи с нашей случайной находкой в отвале на северном берегу Херсонесского городища остракона с именем Калия, сына Сириска [16; 18], т. е. в числе претендентов на определение «врага демократии» или «врага народа» в Херсонесе назывались отец и сын.

Однако, на наш взгляд, процедура остракизма, если она имела ту же форму, что и в Афинах, отражает сам факт политической борьбы в Херсонесе. Скорее всего, процедура «суда черепков» происходила еще до гражданского конфликта, а «отпавшие» Присяги – это участники неудавшегося переворота, закрепившиеся где-то на территории Херсонесского государства.

Серия кладов, сокрытие которых приходится на время около рубежа IV–III вв. до н.э., содержащих медные монеты, отчеканенные недавно (в основном тип: Дева убивает копьем лань – бо-дающий бык), также, скорее всего, связана все с тем же конфликтом, отраженным в Присяге.

Создается впечатление, что гражданский конфликт в Херсонесе не был особенно продолжительным, по крайней мере, никаких негативных последствий для экономики не наблюдается, скорее наоборот. Гражданский коллектив Херсонеса в лице победивших демократов, судя по всему, проявил в итоге политическую трезвость и мудрость. В городе был принят закон об амнистии политических изгнанников [14]. Палеография Присяги и закона об амнистии политических изгнанников, как указывал Ю. Г. Виноградов, очень близки [1, с. 335]. Пусть закон сохранился лишь частично, суть его высвечивается вполне однозначно: оказавшиеся за пределами полиса херсонеситы-оппозиционеры были амнистированы и могли возвратиться на Родину.

Прекращение гражданских распрей знаменовалось для Херсонеса наступлением этапа наивысшего расцвета во всех областях: в экономике, градостроительстве и культуре. Остановлюсь на этом этапе подробно. Херсонес по площади достигает почти максимальной величины за счет застройки западной части полуострова между современными Песочной и Карантинной бухтами. Площадь города составляла около 32–38 га (с учетом абразии). Территория Херсонесского государства простирается в эти времена от Балклавской бухты по побережью, возможно, без перерыва почти до Перекопа.

Поскольку демократы одержали победу, можно уверенно предполагать, что в полисе продолжали применяться те же институты и магистратуры, которые существовали в нем до попытки переворота. В тексте Присяги фиксируется Совет и демиурги. Кем были демиурги в Херсонесе, мы точно не знаем, но, судя по контексту их упоминания в Присяге, это высокопоставленные чиновники, очевидно, с карательными функциями, возможно, это коллегия, специально созданная для сохранения существующего режима, в данном случае – демократического. Все документы, принятые в Херсонесе после Присяги, принимались, как было принято в демократических полисах, от лица Совета и Народа.

Очевидно, на первую четверть III в. до н.э. приходится пик экономического процветания Херсонесского государства, его политической стабильности и безопасности. На это указывает динамика выпуска клейменных амфор: на это время приходится абсолютный пик их производства [5, с. 108, 109], массовый выпуск полновесной серебряной монеты в двух весовых системах (по два номинала в каждой) [17, с. 45] и другие данные.

Признаки неблагополучия вокруг Херсонеса наблюдаются уже в начале 70-х гг. III в. до н.э., например, они проявлялись в массовых надчеканках полновесных серебряных и медных монет [17, с. 47]. Природа надчеканок не всегда понятна, но чаще всего их появление связано с различными экспериментами над курсом монет, что отражало, очевидно, экономическое неблагополучие.

Можно предполагать, что первый грозный набег кочевых варваров приходится на время около рубежа первых двух четвертей III в. до н.э. Вероятно, именно с этими событиями связаны клады из серебряных и медных монет на Гераклеяском полуострове и в Северо-Западном Крыму [17, с. 46], резкое снижение выпуска клейменных амфор [5, с. 109], прекращение существования ряда неукрепленных усадеб на хоре, например, усадеб у Евпаторийского маяка, время существования которых В. И. Кац, по данным керамических клейм, определяет 325–275 гг. до н.э. [4, с. 42; 7, с. 14], прекращение существования неукрепленных усадеб у озера Панское датируется, по-видимому, тем же временем [20].

Можно полагать, что варварское нашествие произвело на херсонеситов очень сильное впечатление и весьма негативно повлияло на экономику полиса. В этих условиях Херсонесский полис предпринимает отчаянные усилия по стабилизации положения, чему есть прямые археологические и нумизматические подтверждения. Что касается археологии, это, прежде всего, создание цитадели в юго-восточной части херсо-

неской крепости, при строительстве которой были использованы надгробные стелы городского некрополя и, вероятно, рустованные блоки близлежащих к городу сельских усадеб (факт разборки башен этих усадеб во 2-й четверти III столетия установлен археологически на ряде усадеб) [2; 6, с. 56–58; 15, с. 18]. Продолжается выпуск амфорной тары: несмотря на явный спад, количество выпускаемых амфор все еще очень велико [5, с. 109].

Монетное дело полиса реагирует на новые геополитические и экономические реалии следующим образом. По-видимому, полновесная серебряная монета всех сортов и номиналов изымается из обращения, взамен граждане получают на руки новую монету прежних типов: Геракл в львиной шкуре – Дева, сидящая на троне, и Геракл в шкуре – бодающий бык [19, с. 98, 99, №№ 149–154; 20, с. 14; №№ 149а–154] (Рис. 1). Очевидно, что затея с введением в обращение вдвое редуцированного серебра не увенчалась успехом, подобные мероприятия со стороны властей во все времена вызывали негодование граждан, которые чувствовали себя обманутыми. И хотя сказанное не подтверждается никакими источниками, кроме самих монет, сам факт, что на третий год выпуска монет этого сорта при магистрате Менестрате они были полностью изъяты из обращения, а им на смену приходит серебро новых типов, говорит сам за себя. Эта новая серия серебра (типы: Дева в венке – Дева убивает копьём лань и Дева в венке – лук в колчане) (Рис. 2) остается наиболее авторитетным платежным средством в Херсонесе не менее четверти столетия.

На этом период относительного спокойствия и благополучия в Херсонесе на долго заканчивается. Варварская экспансия против Херсонеса, произошедшая около середины 60-х гг. III в. до н.э., надолго отбросила полис на путь кризиса и лишений, но это уже другой этап истории, выходящий за рамки настоящей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1990. С. 310–371.
2. Золотарев М. И., Туровский Е. Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье: материалы I чтений памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1990. С. 71–78.
3. Кадеев В. И. Раскопки в Херсонесе // АО 1984. М., 1986. С. 240.
4. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. 233 с.
5. Кац В. И. Динамика производства амфорной тары в эллинистическом Херсонесе // Античные полисы и местное население Причерноморья: материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: экономика, политика, культура». Севастополь, 1995. С. 107–110.
6. Климов О. Ю. Военная организация городов Малой Азии в эпоху эллинизма // Античный мир и археология. 1993. Вып. 9. С. 50–59.
7. Колесников А. Б. Греческие сельскохозяйственные усадьбы в районе г. Евпатории. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985.
8. Кошеленко Г. А. Некоторые основные проблемы истории эллинизма в современной литературе // Проблемы эллинизма: Реф. сб. М., 1975.
9. Кошеленко Г. А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1990. С. 7–13.
10. Кутайсов В. А. Керкинитида и Херсонес в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 2003. № 2. С. 60–90.
11. Макаров И. А. Греческое письмо, найденное в Херсонесе Таврическом, и проблема интерпретации термина ΣΑΣΤΕΡ (IOSPE I(2) 401) // ВДИ. 2009. № 2. С. 46–61.
12. Пальцева Л. А. К вопросу об эволюции государственного строя Херсонеса в эллинистическую эпоху // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / под ред. Э. Д. Фролова. Л., 1984.
13. Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н.э. М.: Наука, 1986. 248 с.
14. Соломоник Э. И. Фрагмент надписи из Херсонеса о политических изгнанниках // ВДИ. 1984. № 3. С. 72–77.
15. Туровский Е. Я. Хронология сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове в IV–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
16. Туровский Е. Я. Новый остракон из Херсонеса // Древнее Причерноморье: материалы III чтений памяти П. О. Карышковского. Одесса, 1996. С. 111–112.
17. Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса IV–II вв. до н.э. Симферополь, 1997. 88 с.
18. Туровский Е. Я. Три новых граффити из Херсонеса и его ближайшей округи // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 96–101.
19. Туровский Е. Я., Горбатов В. М. Монеты античного и средневекового Херсонеса. Каталог-определитель. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. 160 с.
20. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 160 с.

REFERENCES

1. Vinogradov Yu. G., Shcheglov A. N. Obrazovanie territorial'nogo Khersonesskogo gosudarstva. Golubtsova E. S. (Ed.). *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 310–371.
2. Zolotarev M. I., Turovskii E. Ia. K istorii antichnykh sel'skikh usadeb Khersonesa na Gerakleiskom poluostrove. *Materialy I chtenii pamiatii P. O. Karyshkovskogo "Drevnee Prichernomor'e"*. Odessa, 1990, pp. 71–78.
3. Kadeev V. I. Raskopki v Khersonese. *Arkheologicheskie otkrytiia 1984*. Moscow, 1986, p. 240.
4. Kats V. I. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel'*. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1994. 233 s.
5. Kats V. I. Dinamika proizvodstva amfornoi tary v ellinisticheskom Khersonese. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Antichnye polisy i mestnoe naselenie Prichernomoria"*. Sevastopol', 1995, pp. 107–110.

6. Klimov O. Iu. Voennaia organizatsiia gorodov Maloi Azii v epokhu ellinizma. *Antichnyi mir i arkheologiia*, 1993, vol. 9, pp. 50–59.
7. Kolesnikov A. B. *Grecheskie sel'skokhoziaistvennye usad'by v raione g. Evpatorii*. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 1985.
8. Koshelenko G. A. Nekotorye osnovnye problemy istorii ellinizma v sovremennoi literature. *Problemy ellinizma. Referativnyi sbornik*. Moscow, 1975.
9. Koshelenko G. A. Ellinizm: k sporam o sushchnosti. *Golubtsova E. S. (Ed.). Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura*. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 7–13.
10. Kutaisov V. A. Kerkinitida i Khersones v IV–II vv. do n.e. *Vestnik drevnei istorii*, 2003, No. 2, pp. 60–90.
11. Makarov I. A. Grecheskoe pis'mo, naidennoe v Khersonese Tavricheskom, i problema interpretatsii termina ΣΑΣΤΕΡ (IOSPE I(2) 401). *Vestnik drevnei istorii*, 2009, No. 2, pp. 46–61.
12. Pal'tseva L. A. K voprosu ob evoliutsii gosudarstvennogo stroia Khersonesa v ellinisticheskuiu epokhu. *Frolov D. (Ed.). Problemy sotsial'no-politicheskoi organizatsii i ideologii antichnogo obshchestva*. Leningrad, 1984.
13. Saprykin S. Iu. *Gerakleia Pontiiskaia i Khersones Tavricheskii. Vzaimootnosheniia metropolii i kolonii v VI–I vv. do n.e.* Moscow, Nauka Publ., 1986, 248 p.
14. Solomonik E. I. Fragment nadpisi iz Khersonesa o politicheskikh izgnannikakh. *Vestnik drevnei istorii*, 1984, No. 3, pp. 72–77.
15. Turovskii E. Ia. *Khronologiia sel'skikh usadeb Khersonesa na Gerakleiskom poluostrove v IV–II vv. do n. e.* Abstract of kandidat. diss. St. Petersburg, 1994.
16. Turovskii E. Ia. Novyi ostrakon iz Khersonesa. *Materialy III chtenii pamiati P. O. Karyshkovskogo "Drevnee Prichernomor'e"*. Odessa, 1996, pp. 111–112.
17. Turovskii E. Ia. *Monety nezavisimogo Khersonesa IV–II vv. do n.e.* Simferopol', 1997, 88 p.
18. Turovskii E. Ia. Tri novykh graffiti iz Khersonesa i ego blizhaishei okrug. *Drevnosti 1996*. Khar'kov, 1997, pp. 96–101.
19. Turovskii E. Ia., Gorbatov V. M. *Monety antichnogo i srednevekovogo Khersonesa. Katalog-opredelitel'*. Simferopol', DIAIPI Publ., 2013, 160 p.
20. Shcheglov A. N. *Severo-Zapadnyi Krym v antichnuiu epokhu*. Leningrad, Nauka Publ., 1978, 160 p.

Е. Я. Туровский

Херсонес в раннеэллинистическую эпоху
(последняя четверть IV – первая треть III в. до н.э.)

Резюме

В статье идет речь о периоде истории Херсонеса от последней четверти IV в. до н.э. по первую треть III в. до н.э., когда город достигает своего наивысшего процветания. Начало периода отмечено установлением в Херсонесе демократического правления, которое со-

провождалось выбором магистратов. Конец периода знаменовался варварской экспансией против Херсонеса и началом кризиса в истории полиса.

Ключевые слова: Херсонес, эллинизм, демократия, нумизматика, керамическая эпиграфика.

Evgeniy Turovskiy

Chersonesos in the Early Hellenistic Ages
(Last Quarter of the 4th – First Third of the 3rd Centuries BC)

Summary

In article there is a speech about the period of history of Chersonesos from the last quarter of the 4th century BC to the first third of the 3rd century BC when the city reaches the highest prosperity. The beginning of the period is noted by establishment in Chersonesos of democratic board which was followed by the choice of magistrates.

The end of the period was marked by barbaric expansion against Chersonesos and the beginning of crisis in the history of the polity.

Keywords: Chersonesos, Hellenism, democracy, numismatics, ceramic epigraphy.

Рис. 1. Редуцированные серебряные монеты Херсонеса 2-й четверти III в. до н.э.

Рис. 2. Новая серия херсонесского серебра 2-й четверти III в. до н.э.

НОВОЕ КЛЕЙМО НА ЭРИФРСКОЙ АМФОРЕ ИЗ РАСКОПОК УКРЕПЛЕНИЯ МАСЛЯНАЯ ГОРА

В полевом сезоне 2017–2018 гг. были продолжены исследования античного укрепления Масляная гора под Севастополем в Юго-Западном Крыму. Объект представлял собой форт квадратной формы со сторонами около 25 м, ориентированный по сторонам света. Укрепление расположено в нижнем течении р. Бельбек, в районе современного с. Поворотное, на краю плато Мекензиевых гор, и контролировало путь из Херсонеса в Предгорный Крым (Рис. 1,1). На памятнике фиксируются материалы от конца IV до начала I в. до н.э. Помимо обильных слоев разрушения митридатского времени, изучены комплексы, связанные с ранними периодами существования объекта. Среди них выделяется комплекс из четырех хозяйственных ям, изученный в восточной части укрепления, на месте позднейшего помещения IV (Рис. 1,2).

В ямах 3 и 4 были обнаружены два стыкующихся фрагмента верхней части амфоры с клеймом на ручке (Рис. 2,1). Венец сосуда высокий, отогнутый, в месте перехода в горло профилирован ребром. Черепок на изломе красно-оранжевый (6/6 5YR), с многочисленными включениями частиц слюды, поверхность светло-оранжевая (7/410YR).

Морфологически близкая амфора была обнаружена при раскопках Херсонесского городища К. К. Косцюшко-Валюжиничем (№ 31132) (Рис. 2,2). Авторы каталога амфорной тары из Херсонесского музея отнесли ее к производству ионийского центра Эрифр (Εριφραί) [5, Ег.6]. Интересно, что издатели отмечают, что данная амфора уникальна и аналогов ей не найдено. Авторы датировали херсонесскую находку второй – третьей четвертью III в. до н.э.

Опубликованная амфора, в отличие от нашего фрагмента, клейм не имеет. На ручке нашего эк-

земпляра, содержится прямоугольное рельефное клеймо, размерами 30×11 мм, с началом имени Π[α]ρμε(---). Начало этого имени довольно популярно в античном мире: Παρμενέα, Παρμένης, Παρμενίδης, Παρμενίς, Παρμενίσκος, Παρμενίτας, Παρμενίων, Πάρμενος, Παρμένων. Конечно, было бы заманчиво видеть здесь имя Παρμενίσκος и связать это клеймо с группой Пармениска [8], однако наше клеймо ничего не имеет общего с клеймами группы Пармениска. Легенда в клеймах этой группы представлена образцами в две строки и передана более крупными буквами.

Данное клеймо не уникально: в Керченском музее хранится беспаспортное клеймо¹ этого же штампа (Рис. 2,3). Других аналогий нам не известно. На керченском оттиске четко видно, что гаста у альфы ломаная. Это характерно для надписей III – начала II в. до н.э., и этому времени соответствует и остальной шрифт.

Первым предположение о существовании амфорного производства в малоазийских Эрифрах высказал Г. Йоренс в 1999 г., отнеся к этому центру четыре круглых клейма на амфорных ручках из Афинского Керамика с буквой «Α», вокруг которой размещаются еще три буквы «ΕΡΥ». Именно это сокращение этника присутствует и на монетах Эрифр V и IV вв. до н.э. [7, S. 169–170, Taf. 25, 24–27].

Позднее М. Лаваль и Д. Карлсон, проанализировав груз корабля после крушения возле эгейского побережья Турции у мыса Текташ-Бурну, выделили из 200 амфор 195 производства Эрифр, благодаря круглому клейму «ΕΡΥ». Дата кораблекрушения была определена М. Лавалем по аналогиям для мендейских и хиосских амфор 440–430-х гг. до н.э. [6, p. 32]. Исследова-

¹ Керченский музей, ккк3824.

тели предложили первую типологию эрифрских амфор от третьей четверти V до II в. до н.э.

С. Ю. Монахов значительно расширил коллекцию амфор этого центра, отнеся к производству Эрифр 50 амфор, которые он разделил на пять вариантов (типов?) со второй половины V в. до н.э. по середину – вторую половину II в. до н.э. [4]. Наша амфора относится к варианту VD, на которых клейма ранее отмечены не были. С. Ю. Монахов отмечает, что амфоры Эрифр не имели практики систематического клеймения и выделяет лишь шесть разнотипных клейм на ручках и горлах, в основном на ранних амфорах. У нас нет уверенности в том, что все эти клейма относятся к производству Эрифр.

Для уточнения датировки клейма обратимся к контексту находки. Материалы из заполнения хозяйственных ям к настоящему моменту проходят камеральную обработку; в дальнейшем им будет посвящена отдельная публикация. Однако уже сейчас следует выделить характерные находки, позволяющие датировать заполнение объектов.

Так, засыпь ямы 3, в которой обнаружен больший из фрагментов, состояла из трех порций грунта. Для датировки нашего клейма первостепенное значение имеют две из них. В верхнем слое золистого грунта, мощностью до 25 см, содержалось синопское клеймо магистрата Леомедонта, сына Эпидема (Рис. 3,1):

Ἀστὺνόμου
Λεωμέδοντος vsadnik
τοῦ Ἐπιδήμου
Μένων

Деятельность этого магистрата датируется 252 г. до н.э. (Н. Ф. Федосеев). Один из фрагментов публикуемого эрифрского (?) клейма найден на глубине 20–25 см ниже, в слое коричневого грунта (слой 2), содержавшем мощный керамический завал. В слое доминировали фрагменты лепных сосудов. Среди них необходимо отметить фрагменты закрытых лощеных сосудов кизил-кобинского типа. Врезная орнаментация нанесена двузубой гребенкой (Рис. 4,2). Этот вариант орнаментации характерен для финального этапа кизил-кобинской археологической культуры. Подобные находки хорошо известны в раннеэллинистических слоях херсонесских памятников Западного Крыма [1], в том числе и в слоях разрушений 70-х гг. III в. до н.э.

[3, рис. 49]. Более детальный анализ орнаментации станет возможным после реставрации сосуда.

Также в интересующем нас слое обнаружены фрагменты синопских амфор. На ручке одной из них отгиск (Рис. 4,1):

[Α]στὺν[όμου]
Ἀντιπ[άτρου]
τοῦ [Νίκωνος] προρα
Ἴρα[κλείδου]

Деятельность этого синопского магистрата относится к 246 г. до н.э. (Н. Ф. Федосеев). Единственное херсонесское клеймо из слоя сохранилось фрагментарно и содержит причастную форму обозначения магистратуры: [...] | [ἀστὺνομοῦ]ντο[ς]. Клеймо желобчатое, имеет множество вариантов восстановления, начиная с I-Б ХГ (316–305 гг. до н.э.) [2, с. 76]. Херсонесская продукция, помимо тары (Рис. 4,4), представлена фрагментами кувшинов. Некоторые из них имеют роспись в виде горизонтальных линий. Отдельно необходимо отметить фрагменты столовой амфоры с витыми ручками (Рис. 4,3), поверхность которой содержит богатую растительную орнаментацию (Рис. 4,3).

Близкую стратиграфию имеет соседняя яма № 4, в которой обнаружен меньший из фрагментов ручки с публикуемым клеймом. Здесь верхний слой заполнения представлен золистым грунтом. В верхней его части содержалось фрагментированное синопское клеймо (Рис. 3,2):

[Ἀστὺ]νόμου
[Ζήνι]ος τοῦ τροφεί
[Ἀπολλ]λοδώρου
Σιμαλίων

Деятельность магистрата Ζήνις τοῦ Ἀπολλοδώρου относится к 251 г. до н.э. (Н. Ф. Федосеев). Второй фрагмент публикуемого эрифрского (?) клейма обнаружен в нижележащем слое 2. Анализ материалов показывает, что слои 1 и 2 в обеих ямах образовались единовременно, либо же промежуток между возникновением этих порций засыпи был не слишком велик. Заполнение хозяйственных ям предварительно следует отнести ко времени около середины III в. до н.э. Если верна наша атрибуция, то находка из укрепления Масляная гора дополняет базу клейм эрифрских клейм и уточняет время бытования амфор этого центра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беловинцева Н. И., Попова Е. А. Находки кизил-кобинской керамики с городища «Чайка» // *Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сборник научных трудов. М., 2007. С. 131–154.*
2. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов: Саратовский университет, 1994. 170 с.
3. Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Второй год археологических исследований Херсонесской усадьбы Ортли // *МАКК. 2014. Вып. XIV. С. 165–230.*
4. Монахов С. Ю. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // *ВДИ. 2013. № 3. С. 28–51.*
5. Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: Каталог. Саратов: Типография «Новый проект», 2017. 208 с.
6. Carlson D., Lawall M. Towards a Typology of Erythraian Amphoras // *Skyllis. 2005/2006. Jg. 7. Heft 1–2. P. 32–39.*
7. Jöhrens G. Kerameikos: Griechische Amphorenstempel spätklassischer und hellenistischer Zeit // *Athenische Mitteilungen. 1999. Bd. 114. S. 157–170.*
8. Stoyanov T. The Parmeniskos Amphora Group – New Data and Reflections on Production Centres and Chronology // *ArchBulg. 2003. Vol. 7.1. P. 35–43.*

REFERENCES

1. Belovintseva N. I., Popova E. A. Nakhodki kizil-kobinskoi keramiki s gorodishcha “Chaika”. *Materialy issledovaniy gorodishcha “Chaika” v Severo-Zapadnom Krymu. Sbornik nauchnykh trudov. Moscow, 2007, pp. 131–154.*
2. Kats V. I. *Keramicheskie kleima Khersonesa Tavricheskogo. Katalog-opredelitel’.* Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1994, 170 p.
3. Kutaisov V. A., Smekalova T. N. Vtoroi god arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesskoi usad’by Ortl. *Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma, 2014, vol. XIV, pp. 165–230.*
4. Monakhov S. Iu. Zametki po lokalizatsii keramicheskoi tary. III. Amfory i amfornye kleima maloaziiskikh Erifr. *Vestnik drevnei istorii, 2013, No. 3, pp. 28–51.*
5. Monakhov S. Iu., Kuznetsova E. V., Churekova N. B. *Amfory V–II vv. do n.e. iz sobraniia gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeia-zapovednika “Khersones Tavricheskii”:* Katalog. Saratov, “Novyi proekt” Publ., 2017, 208 p.
6. Carlson D., Lawall M. Towards a Typology of Erythraian Amphoras. *Skyllis, 2005/2006, Jg. 7, Heft 1–2, pp. 32–39.*
7. Jöhrens G. Kerameikos: Griechische Amphorenstempel spätklassischer und hellenistischer Zeit. *Athenische Mitteilungen, 1999, Bd. 114, S. 157–170.*
8. Stoyanov T. The Parmeniskos Amphora Group – New Data and Reflections on Production Centres and Chronology. *ArchBulg, 2003, vol. 7.1, pp. 35–43.*

М. И. Тюрин, Н. Ф. Федосеев

Новое клеймо на эрифрской амфоре из раскопок укрепления Масляная гора
Резюме

Работа посвящена находке нового керамического клейма на укреплении Масляная гора в округе Херсонеса в 2018 г. Фрагменты амфоры с клеймом обнаружены в хозяйственных ямах в восточной части комплекса. Заполнения ям относится к середине III в. до н.э. Клеймо содержит надпись Π[α]ρμε(---). Возможно несколько вариантов восстановления личного имени (Парменид, Пармениск, Парменион и т. д.). Аналогии формы позволяют отнести сосуд к произ-

водству ионийских Эрифр. Ранее подобные клейма на эрифрских амфорах были неизвестны. Если верна наша атрибуция, то находка из укрепления Масляная гора дополняет базу эрифрских клейм и уточняет время бытования амфор этого центра.

Ключевые слова: керамические клейма, амфоры, Эрифры, Масляная гора, Херсонес, Синопа, кизил-кобинская культура.

Maxim Tiurin, Nikolai Fedoseev

The New Stamp on the Erythrian Amphora from the Maslianaya Gora Fort
Summary

The work is devoted to the new ceramic stamp unearthed on the Maslianaya gora fort in the vicinity of Chersonesos in 2018. Two fragments of the amphora with a stamp were found in the pits in the eastern part of the fortified complex. The filling of the pits should be dated to the middle of the 3rd century BC. The stamp contains the inscription Π[α]ρμε(---). Several versions for the restoration of a personal name are possible (Parmenides, Parmeniskos, Parmenion etc.). Analogies

of the form allow to classify the vessel as the production of Erythrae in Ionia. Such stamps on the Erythrian amphorae were unknown before. If our attribution is correct, the find from Maslianaya gora fort complements the base of the Erythrian stamps and specifies the date of this center amphorae production.

Keywords: ceramic stamps, amphorae, Erythrae, Maslianaya gora, Chersonesos, Sinope, Kizil-Koban culture.

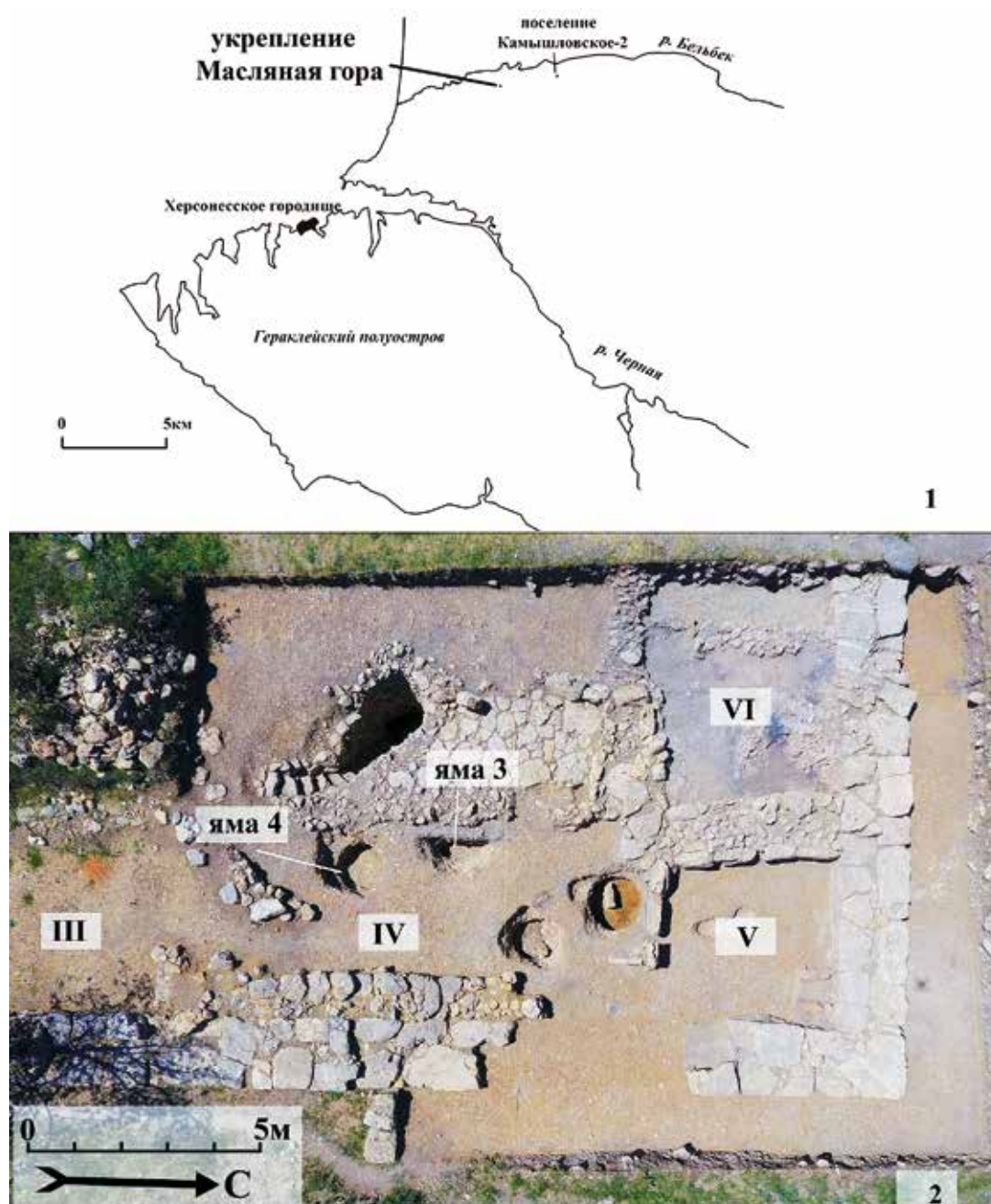

Рис. 1. Античное укрепление Масляная гора:
1 – местоположение объекта на карте Юго-Западного Крыма;
2 – аэрофотосъемка (выполнена И. И. Шкрибляк) с указанием хозяйственных ям.

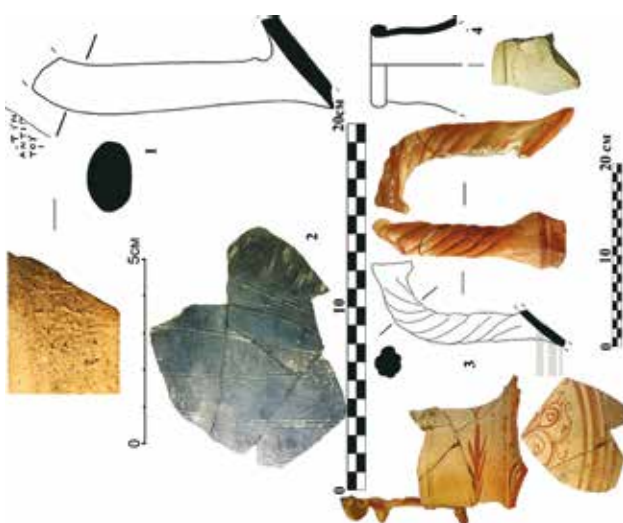

Рис. 4. Хозяйственная яма 3 на укреплении Масляная гора. Материалы из слоя 2.

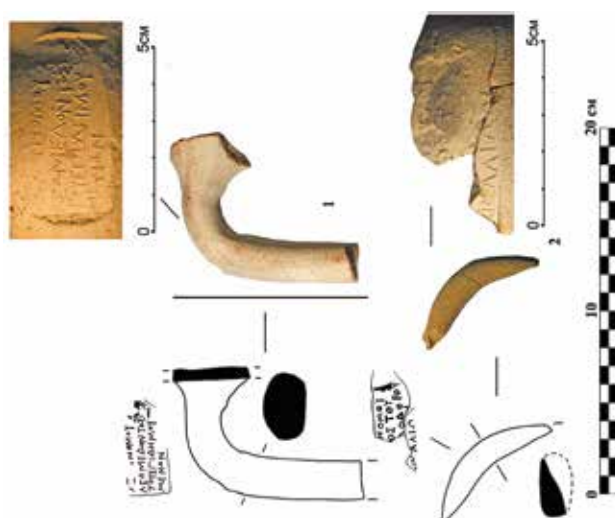

Рис. 3. Клейма на ручках синопских амфор из верхней части насыпи хозяйственных ям 3 и 4.

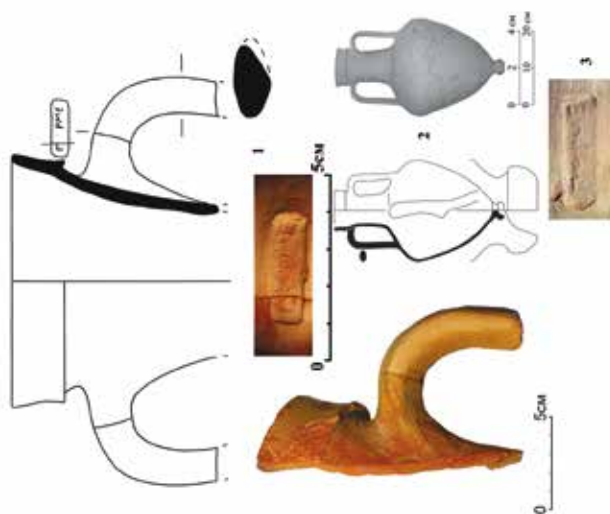

Рис. 2. Предполагаемые амфоры производства Эрифры:

1 – верхняя часть амфоры из укрепления Масляная гора; 2 – амфора из Херсонеса; 3 – клеймо на амфорной ручке из Керченского музея.

С. В. УШАКОВ

КРАСНОЛАКОВАЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ РАСКОПОК БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» (ПОМ. I)

После долгих перипетий заканчивается исследование одного из знаковых памятников Херсонеса, с раскопок которого началась херсонесская археология – Базилики «Крузе» (Рис. 1). Летом 2012 г. в ходе работ нашей экспедиции мы открыли пристроенное с северо-востока и востока к апсиде храма помещение. Оно располагалось под двумя верхними перекрывающими слоями рыхлого суглинка (общей возрастающей мощностью от 0,25 м до 1,85 м по направлению к востоку); в плане почти квадратное (размеры – 5,6×6,8 м) (Рис. 2). Его стены хотя и сохранились только на высоту 2–3 рядов кладки, но, сложенные в единой технике с основным зданием и с использованием известкового раствора белого цвета, позволили заключить, что это был один комплекс. Напротив его северо-западной стены обнаружено сооружение из каменных блоков, которое можно трактовать как основание алтарного стола. В углах помещения с внутренней стороны располагались массивные каменные блоки, выступающие внутрь помещения, которые, возможно, служили опорами арочных конструкций.

Оставляя пока в стороне особенности ее строительной истории и планировочной схемы, хотелось бы получить ответ о времени его строительства. Такой ответ можно получить, анализируя находки из-под пола помещения. Там выделялось два слоя засыпи. Основной из них (№ 3 по общему счету) содержал, прежде всего, фрагменты амфор и краснолаковой керамики. Прежде чем говорить о второй группе находок, несколько слов об амфорах. Амфорный комплекс представлен следующими типами сосудов: «мирмекийские», светлоглиняные узкогорлые, «Делакеу» (тип 100 по И. Б. Зеест) [6, с. 120, табл. XXXIX, 100] и «саротте», «Газа»,

коричневоглиняные, с тестом, насыщенным слюдой (тип LIV по Кизэй) [19, р. 286–289, fig. 124]. В целом, набор амфор типичен для Херсонеса позднеантичного-ранневизантийского времени [ср.: 7, рис. 114] и других памятников Крыма, в том числе и сельских поселений [см.: 14, с. 7–15, рис. 12–19], и аналогичен набору находок из-под пола центрального нефа Базилики «Крузе» и заполнения цистерн [ср.: 11, рис. 8].

Довольно представительным был набор кружалной кухонной посуды. Кроме того, в засыпи встречены единичные фрагменты светильников, изделий из кости и стекла.

Керамика с краснолаковым покрытием относится к двум основным хроно-типологическим группам: раннего (римского) и позднего (позднеантичного-ранневизантийского) времени. Первая из них представлена сосудами восточной сигилляты В, восточной сигилляты С (керамика типа Чандарли), Понтийской сигилляты (определение В. В. Дорошко).

Рассмотрим далее более подробно краснолаковую ранневизантийскую керамику [18], ибо она (наряду с амфорами) *terminus post quem* пола помещения и, очевидно, близка времени строительства помещения и, вероятно, строительства всего здания. Эта керамика была широко распространена – и не только в Херсонесе, но и во всем Северном Причерноморье. Применительно к Боспору на нее впервые более подробно обратили внимание Т. М. Арсеньева [1; 2] и А. Г. Атавин [3], к Херсонесу – С. А. Беляев [4; 5]. В комплексе находок из пом. I присутствовали три типологические группы этой категории вещей.

Во-первых, это блюда и миски понтийского производства, первоначально в Херсонесе

се определенные как «Поздний римский С» [9, с. 10–14, рис. 1–4]. К. Домжалский отнес такие сосуды к группе Понтийской поздне-римской (Pontic Red Slip Ware). Из засыпи под полом присутствовали находки блюд следующих форм (по К. Домжалскому): 1, 1А, 2, 3, 4, 7 (Рис. 3), укладываемые в общие хронологические рамки середины IV – середины VI в. [16; 8, с. 79]. Среди этих находок выделяется фрагмент толстостенной миски с желобчатой внешней поверхностью и отогнутым наружу вверх краем (Рис. 3,7). Точных аналогий найти не удалось. Можно лишь отметить, что она несколько напоминает миску из раскопок Птолемаиды (Киренаика), возможно, аттического происхождения [17, pl. 5,3b; 11,2]. Сюда же возможно отнести до конца недифференцированную группу сосудов также понтийского производства (представленную фрагментами кувшинов, кубков, мисок, канфаров).

Во-вторых, это блюда типа «Поздний римский С» или «фокейская сигиллята» формы 3 (LRC form 3,C,D,E) второй половины V – начала VI в. [18, p. 330, 334, fig. 66, 68, 69; 16, S. 428–433] (Рис. 4). В трех случаях имеются штампы в виде крестов (мотивы 67, 71 III группы по Дж. Хейсу) конца V – середины VI в. [18, p. 346–347] (определение О. П. Дорошко) (Рис. 5). Есть среди находок также другие, довольно редкие для Херсонеса формы краснолаковой керамики.

В-третьих, это сосуды херсонесской сигилляты [13]: миски I типа, чашки II типа (Рис. 5,4) второй половины III–IV вв. [10, рис. 1,1; 3–7; 13, с. 59–60, рис. 14,1–3; 16; цв. вставка 5,1,2], миски с двучастным бортиком, отогнутым краем, блюда с горизонтально отогнутым краем, миски с подтреугольным бортиком, плоскодонные кубочки и кувшины.

По материалам краснолаковой керамики (как и амфор) можно заключить, что верхняя хронологическая граница комплекса совпадает с датировкой засыпи под полом центрального и южного нефов [12, рис. 6, 8] самой базилики (пол северного нефа был устроен на подтесанной материковой скале), а также засыпи цистерн под полом центрального нефа и перед самим храмом (Рис. 1Б) и относится к концу V – началу/середине VI в. [12, с. 195].

Все это еще раз подтверждает одновременность возведения комплекса базилики в Юстиниановское время. Можно было бы полагать, что второе подобное помещение, симметрично расположенное, должно находиться и за правым «плечом» базилики. Однако до сих пор его обнаружить не удалось. Кстати, наружные, симметрично расположенные помещения, подобные как у Базилики «Крузе», наблюдаются, например, у некоторых раннехристианских храмов Балканского полуострова, например в Истрии [15, fig. 10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньева Т. М. Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 77–84.
2. Арсеньева Т. М. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V в. н.э. // КСИА. 1986. Вып. 168. С. 43–47.
3. Атавин А. Г. Краснолаковая керамика IV–VII вв. н.э. из Фанагории // Боспорский сборник. 1993. Вып. 2. С. 149–171.
4. Беляев С. А. Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968. С. 31–38.
5. Беляев С. А. К вопросу о североафриканской краснолаковой керамике из Херсонеса и Керчи // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 122–125.
6. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 136 с.
7. Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г. Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: Материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994–1998 гг. М.; Севастополь, 2013. 520 с.
8. Крапивина В. В., Домжалский К. Позднеантичная Оливья в свете находок краснолаковой керамики // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху: материалы юбилейного международного круглого стола, посвященного 10-летию конференции «Боспорский феномен» / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-история, 2008. С. 73–81.

9. Романчук А. И., Сазанов А. В. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Часть 1: Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск: Уральский госуниверситет, 1991. 56 с.
10. Ушаков С. В. Херсонесская краснолаковая керамика // БИ. 2005. Вып. VIII. С. 61–74.
11. Ушаков С. В. Время собирать камни... Основные итоги работ по исследованию участка базилики «Крузе» (2005–2012 гг.) // ХСБ. 2014. Вып. XVIII. С. 201–238.
12. Ушаков С. В. О времени строительства базилики «Крузе» в Херсонесе: археологические данные // Археологические вести. 2017. Вып. 23. С. 176–197.
13. Ушаков С. В., Дорошко В. В., Дорошко О. П. Херсонесская сигиллята: основные типы и хронология (по материалам раскопок городища Херсонеса и могильника «Совхоз-10») // История и археология Крыма. Вып. VI. Симферополь: ИП Бровко А.А., 2017. С. 54–93, 157–163.
14. Храпунов И. Н., Власов В. П., Смокотина А. В. Поселение в Барабановской балке (по результатам раскопок 2004–2006 гг.). Симферополь: Издательство «Доля», 2007. 56 с.
15. Achim I. A. Paysage urbain tardo-antique à Histria: les églises paléochrétiennes entre le cadre architectural et la liturgie // DACIA. Revue d'archéologie et d'histoire ancienne nouvelle Série. 2012. LVI. P. 125–168.
16. Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. 2002. Band 8. S. 415–492.
17. Domzalski K. At the crossroads of trade routes: terra sigillata, red slip wares and relates fine pottery from the Polish excavations in Ptolemais (2002–2009) // Żelazowski J. (Ed.). PTOLEMAIS IN CYRENAICA. Studies in memory of Tomasz Mikocki. Warsaw, 2012. PTOLEMAIS I. P. 319–345.
18. Hayes J. W. Late Roman Pottery. London: British School at Rome, 1972. 477 p.
19. Keay S. J. Late Roman amphorae in the western Mediterranean: A typology and economic study. The Catalan evidence. Part (ii). Oxford, 1984. 738 p. (BAR International Series, 196 (ii)).

REFERENCES

1. Arsen'eva T. M. Dve gruppy krasnolakovykh sosudov iz Tanaisa. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1985, vol. 182, pp. 77–84.
2. Arsen'eva T. M. Krasnolakovaia keramika iz Tanaisa kontsa IV – nachala V v. n.e. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1986, vol. 168, pp. 43–47.
3. Atavin A. G. Krasnolakovaia keramika IV–VII vv. n.e. iz Fanagorii. *Bosporskii sbornik*, 1993, vol. 2, pp. 149–171.
4. Beliaev S. A. Krasnolakovaia keramika Khersonesa IV–VI vv. *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia*. Leningrad, Nauka Publ., 1968, pp. 31–38.
5. Beliaev S. A. K voprosu o severoafrikanskoi krasnolakovoi keramike iz Khersonesa i Kerchi. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*, 1972, vol. 130, pp. 122–125.
6. Zeest I. B. Keramicheskaia tara Bospora. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1960, vol. 83, 136 p.
7. Zolotarev M. I., Korobkov D. Iu., Ushakov C. V., Maklennan R., Overman A., Oliv'e Dzh., Edwards D., Linstrom G. *Drevniia sinagoga v Khersonese Tavricheskom. Materialy i issledovaniia Prichernomorskogo Proekta 1994–1998 gg.* Moscow; Sevastopol', 2013, 520 p.
8. Krapivina V. V., Domzhal'skii K. Pozdneantichnaia Ol'viiia v svete nakhodok krasnolakovoi keramiki. *Zuev V. Iu. (Ed.). Materialy iubileinogo mezhdunarodnogo kruglogo stola "Bospor i Severnoe Prichernomor'e v antichnuu epokhu"*. St. Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2008, pp. 73–81.
9. Romanchuk A. I., Sazanov A. V. *Srednevekovyi Kherson. Istoriia, stratigrafiia, nakhodki. Chast' I: Krasnolakovaia keramika rannevizantiiskogo Khersona*. Sverdlovsk, Ural'skij gosuniversitet Publ., 1991, 56 p.
10. Ushakov S. V. Khersonesskaia krasnolakovaia keramika. *Bosporskie issledovaniia*, 2005, vol. VIII, pp. 61–74.
11. Ushakov S. V. Vremia sobirat' kamni... Osnovnye itogi rabot po issledovaniuu uchastka baziliki "Kruze" (2005–2012 gg.). *Khersonesskii sbornik*, 2014, vol. XVIII, pp. 201–238.
12. Ushakov S. V. O vremeni stroitel'stva baziliki "Kruze" v Khersonese: arkheologicheskie dannye. *Arkheologicheskie vesti*, 2017, vol. 23, pp. 176–197.

13. Ushakov S. V., Doroshko V. V., Doroshko O. P. Khersonessaika sigillata: osnovnye tipy i khronologiiia (po materialam raskopok gorodishcha Khersonesa i mogil'nika "Sovkhoz-10"). *Istoriia i arkheologiiia Kryma. Vol. VI*. Simferopol', IP Brovko A. A. Publ., 2017, pp. 54–93, 157–163.
14. Khrapunov I. N., Vlasov V. P., Smokotina A. V. *Poselenie v Barabanovskoi balke (po rezul'tatam raskopok 2004–2006 gg.)*. Simferopol', Dolia Publ., 2007, 56 p.
15. Achim I. A. Paysage urbain tardo-antique à Histria: les églises paléochrétiennes entre le cadre architectural et la liturgie. *DACIA. Revued' archéologieet' histoire ancienne nouvelle Série*, 2012, LVI, pp. 125–168.
16. Arsen'eva T. M., Domzalski K. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Arhäologie Eurasiens*, 2002, Band 8, S. 415–492.
17. Domzalski K. At the crossroads of trade routes: terra sigillata, red slip wares and relates fine pottery from the Polish excavations in Ptolemais (2002–2009). *Żelazowski J. (Ed.). PTOLEMAIS IN CYRENAICA. Studies in memory of Tomasz Mikocki*. Warsaw, 2012, PTOLEMAIS I, pp. 319–345.
18. Hayes J. W. *Late Roman Pottery*. London, British School at Rome, 1972, 477 p.
19. Keay S. J. *Late Roman amphorae in the western Mediterranean. A typology and economic study. The Catalan evidence. Part (ii)*. Oxford, 1984, 738 p. (*BAR International Series*, 196 (ii)).

С. В. Ушаков

**Краснолаковая ранневизантийская керамика из раскопок
Базилики «Крузе» (пом. I)**

Резюме

В статье рассмотрены три группы ранневизантийской краснолаковой керамики из раскопок под полом пом. I комплекса Базилики «Крузе»: 1) понтийская позднеримская группа (PRS); 2) «поздняя римская С» («фокейская сигиллята») формы 3 (LRC form 3,C,D,E), в том числе три штампа в виде крестов (мотивы 67, 71 III группы по Дж. Хейсу); 3) херсонесской сигилляты (миски I типа, чашки II типа и др.). Верхняя хронологическая граница комплекса (по ма-

териалам краснолаковой керамики и амфор) совпадает с датировкой засыпи под полом центрального и южного нефов, цистерн под полом центрального нефа и перед самим храмом и относится к концу V – началу/середине VI в. Все это подтверждает дату возведения комплекса базилики в Юстиниановское время.

Ключевые слова: Херсонес, Базилика «Крузе», краснолаковая керамика, хронология.

Sergei Ushakov

**Early Byzantine Red-Slip Ware from the Excavations
of "Kruze's" Basilica (Room I)**

Summary

Considered in the article are three groups of Early Byzantine red-slip ware from the excavation under the floor in the room I in the complex at "Kruze's" Basilica. These groups are: 1) Pontic Red Slip Ware (PRS); 2) "Late-Roman C" (Phocean sigillata) of the form no. 3 (LRS form 3,C,D,E), which includes three cross-shaped (motives nos. 67, 71 by J. Hays); 3) Chersonesian sigillata (the bowls of 1st type and the cups of 2nd type, and others). The top chronological limit of the

assemblage (by the materials of red-slip ware and amphorae) coincides with the dating of both infill under the nave's and southern aisle's floor and the cisterns which are under the nave's floor and right in front of the Basilica. It conformities that the Basilica's assemblage was built in the reign of Justinian I.

Keywords: Chersonesos, "Kruze's" Basilica, red-slip ware, chronology.

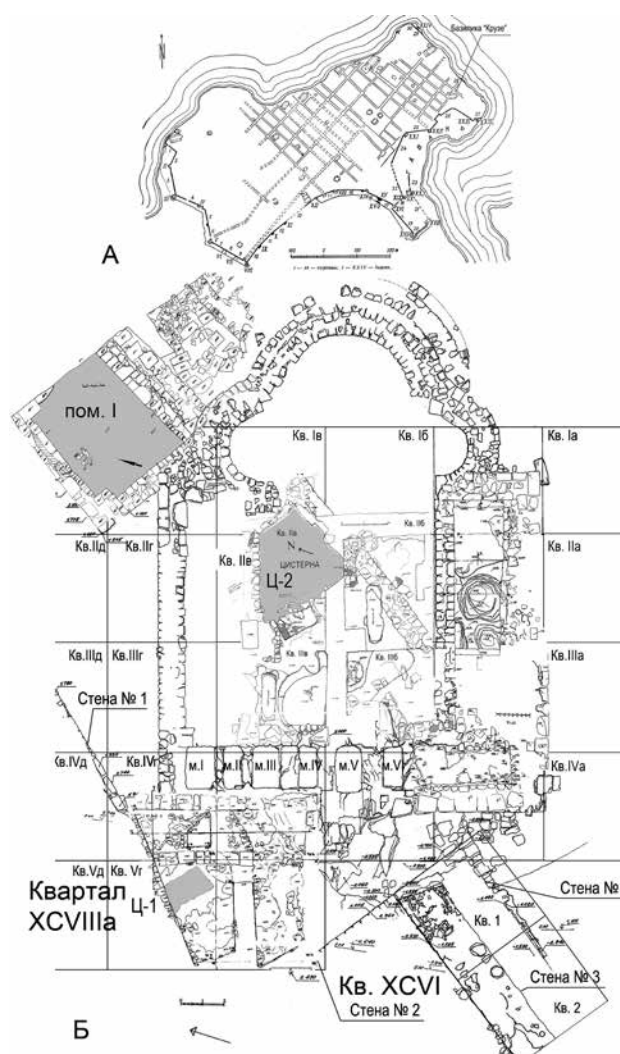

Рис. 1. А – Схематический план Херсонеса.
Б – базилика «Крузе». Генеральный план раскопок.

Рис. 2. Пом. I по окончании раскопок, снято с севера.

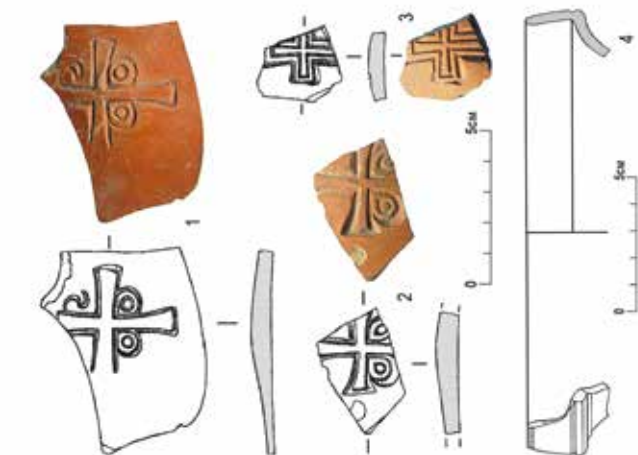

Рис. 5. Клейма на доньях блюд Фокейской сигилляты (1–3) и венчик миски типа II Херсонесской сигилляты (4).

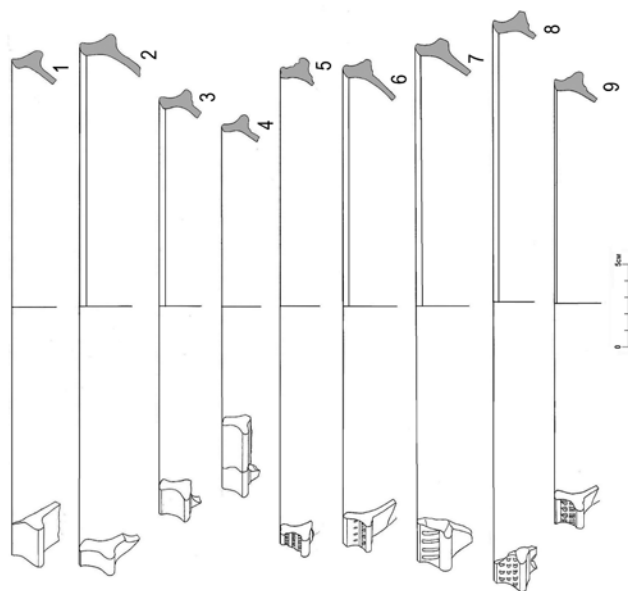

Рис. 4. Краснолаковая керамика Фокейской сигилляты из раскопок пом. I.

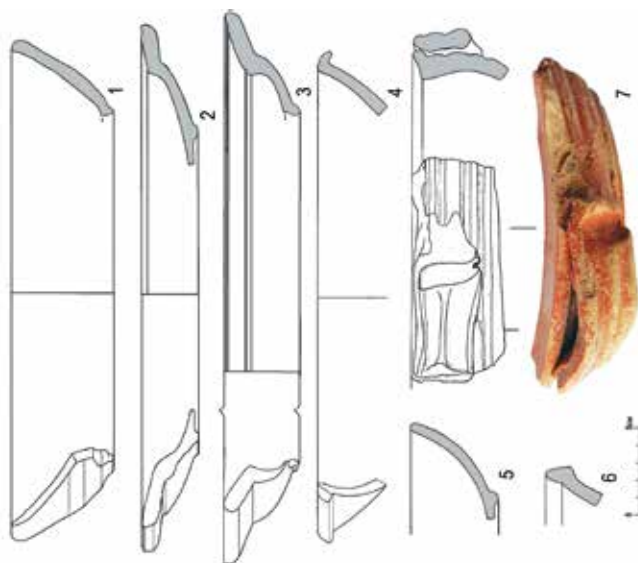

Рис. 3. Краснолаковая керамика Понтийской позднеримской группы (PRS) из раскопок пом. I.

Л. Г. ХРУШКОВА

НИКОДИМ ПАВЛОВИЧ КОНДАКОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кончина Никодима Павловича Кондакова (1844–1925) случилась вскоре после празднования его восьмидесятилетнего юбилея. По слову поэта, «где стол был яств, там гроб стоит». Приветственные публикации [90; 143; 210; 214; 12¹; 43] едва ли не смешались во времени с некрологами. В европейских изданиях их появилось несколько, прежде всего в Праге [208; 77], в немецком византиноведческом журнале [110], в издании французской Академии надписей и изящной словесности, в которой Кондаков был иностранным членом-корреспондентом [130]. Его прижизненное европейское признание было бесспорным, это было очевидно хотя бы из того, как его приветствовали на Первом международном конгрессе византистов в Бухаресте в 1924 г. Кондакову был посвящен первый номер вышедшего в том же году бельгийского журнала «Byzantion», который был задуман как франкофонная альтернатива мюнхенскому «Byzantinische Zeitschrift». Разумеется, имя Кондакова было широко известно в западном научном мире. Но насколько были известны его труды, его идеи?

Переводы и зарубежные отклики на книги Кондакова.

В 1928 г. вышел очередной том фундаментальной Энциклопедии христианской археологии и литургии (1903–1953)² – издания, которое обращалось к широкому кругу читателей, связанных с христианской археологией. Эта старая европейская сфера знания, которая развива-

лась на протяжении столетий, очерчивала свои границы несравненно более широко, нежели рамки современной академической дисциплины «археология» [67, с. 569–571]. Один из ее основателей и главных авторов Энциклопедии христианской археологии, знаменитый эрудит Анри Леклерк, поместил в нем статью о Кондакове [133]. Леклерк пишет, что научный вклад Кондакова «достоин признания», но, к сожалению, его труды в большинстве своем опубликованы по-русски и являются «мертвыми письменами» для тех, кому они были бы полезны. В статье Леклерка приведен список основных работ Кондакова, который включает почти 30 названий. Более всего на Западе был известен французский перевод докторской диссертации Кондакова о миниатюрах византийских рукописей [17; 123]³. Такое положение сохранялось до конца XX в. Австрийский византист Отто Мацаль в своем «Руководстве по византистике» называет этот труд главным в научном наследии Кондакова [139] – это было мнение многих западных исследователей, потому что другие труды русского ученого были малодоступны не русскоязычному читателю.

Но Анри Леклерку не были известны другие публикации Кондакова на западных языках. Это ранняя статья о деревянных воротах церкви V в. Св. Сабины в Риме (1875) [122]⁴ – плод его первых ученых путешествий в Рим в 70-х годах XIX в.; французский перевод первых трех томов «Русских древностей», посвященных памятникам античности на Юге России, изданный благодаря инициативе известного истори-

¹ Франц. пер.: Vernadsky G. L'importance de l'activité scientifique de N. P. Kondakov, à l'occasion du 80 anniversaire de sa naissance (1844–1924). Prague, 1924.

² Об Энциклопедии и личности Анри Леклерка [см.: 65, с. 495–496].

³ Перепечатка: New-York, 1970.

⁴ Русский оригинал был более пространным, чем французский текст [см.: 32].

ка, археолога, популяризатора Саломона Рейнака, который, кстати, стал и соавтором [23]⁵; капитальный труд о византийских эмалях из коллекции Звенигородского – это необычайно роскошное издание, получившее специальную премию Франкфуртской книжной ярмарки, вышло малым тиражом на русском, французском и немецком языках, на каждом языке по 200 экземпляров [25]⁶. К этому небольшому списку добавим Синайский альбом, изданный на французском языке, однако всего лишь в 15 экземплярах [211], и статью о деталях конского убора в сборнике, посвященном Густаву Шломберже (1844–1929), президенту Общества антикваров Франции, члену Французской академии надписей и изящной словесности [125]. Последняя прижизненная публикация Кондакова – статья о восточных костюмах византийских придворных [124], написанная по просьбе редактора «Byzantion» Анри Грегуара (1881–1964) [105], им же и переведенная на французский язык. Последние публикации Кондакова отражали новый строй мыслей ученого – он был захвачен идеями о роли не греческого и не христианского Востока в судьбах византийской и всей европейской цивилизации. Части этой незавершенной работы, скомпонованные редакторами, составили посмертную книгу ученого [31].

Таким образом, при жизни Кондакова на западных языках было опубликовано лишь семь работ, и все они вышли до конца XIX в. Конечно, эти переводы не отражали ни всего разнообразия его научных интересов, ни его вклада в византиноведение. Крупные работы, созданные в последний период жизни ученого, оставались почти неизвестными западному читателю до конца 20-х – начала 30-х годов XX в. Вскоре после кончины ученого вышел важный труд о русской иконе – результат многолет-

ней работы, об издании которого он так много и, увы, безуспешно хлопотал в конце жизни. Краткая версия книги об иконе была опубликована в английском переводе Эллиса Миннза [126], полная четырехтомная – на русском языке, а также в переводах на французский язык (печатание закончилось в 1933 г.) и в сокращении – на немецкий [30]⁷. Упомянем также более позднюю статью Кондакова о знаменитом кладе из Наги-Сент-Миклоша в Венгрии, которую опубликовал Андре Грабар [127].

Читатель, не владеющий русским языком, мог составить представление о работах Кондакова благодаря рецензиям и аннотациям в европейской научной печати. Здесь картина очень неравномерна: на некоторые книги появилось несколько рецензий, другие же, не менее важные, не получили никакого отклика. Единственная рецензия на диссертацию о миниатюрах принадлежит немецкому историку искусства Жан-Полю Рихтеру (1847–1937) [198]. Это быстрый отклик на русское издание, опубликованный в старейшем в Европе журнале по истории искусства – «*Repertorium für Kunstwissenschaft*» (в 1868–1876 гг. издавался под названием «*Jahrbücher für Kunstwissenschaft*») [185]. Рихтер – уроженец Дрездена, изучал протестантское богословие в Лейпциге (не там ли он выучил русский язык?), истории искусства учился в Риме у Джованни Морелли, специализировался в Риме по истории искусства и христианской археологии, благодаря стипендии Немецкого археологического института в Риме. Научные интересы Рихтера близки к интересам Кондакова, а позже – и его учеников. В 1875 г., когда Кондаков впервые приехал в Рим, он вместе с Рихтером получил доступ в Апостолическую библиотеку (Ватикана). Оба вступают в только что организованное Общество почитателей христианской археологии, которое организовали археолог, историк искусства и эпиграфист о. Луиджи Бруцца (1813–1883) [172] и Джованни Баттиста де Росси (1822–1894), еще при жизни признанный «отцом христианской археологии». Рихтер переписывается и обменивается

⁵ Франц. пер: Kondakoff N.P., Reinach S., Tolstoï I. I. *Antiquités de la Russie méridionale: édition française des "Russkia Drevnosti"*. Т. 1–2. Paris, 1891–1893. Французское издание было организовано выдающимся ученым-энциклопедистом Саломоном Рейнаком (1852–1932), который занимался преимущественно античностью, но чьи научные интересы простирались очень широко, не случайно один из посвященных Рейнаку некрологов написал византинист Шарль Диль [84].

⁶ Франц. пер.: *Émaux byzantins. Collection A.V. Zvenigorodskoi. Histoire et monuments des émaux byzantins. Frankfurt a. Main, 1892*; немец. пер.: *Byzantinische Zellen-Email-Sammlung A. W. Zvenigorodskoi. Geschichte und Denkmäler des byzantinischen Emails. Frankfurt a. Main, 1892*.

⁷ Перепечатка: М., 2005; франц. пер.: Kondakoff N. *L'icône russe. 1–4. Prague, 1928–1933*; немец. пер.: *Die russische Ikone. 1–2. Prag, 1928–1929*.

книгами с учителем Кондакова Федором Ивановичем Буслаевым (1818–1898) [34, с. 163–164; 54], которому посвятил свою первую книгу о мозаиках Равенны [183]. Позже на эту же тему напишет диссертацию ученик Кондакова Егор Кузьмич Редин (1863–1908) [47]. Рихтер издал свод извлечений из источников по истории византийского искусства, в основном о памятниках Константинополя [188]. За десять лет раньше Кондаков опубликовал книгу о византийской столице, где также широко опирался на письменные источники [22]⁸. Позже, в 1904 г., Рихтер совместно с Алисией Тейлор издал исследование о раннехристианской живописи Рима, в котором речь шла в основном о мозаиках первой половины V в. церкви Санта Мариа Маджоре [189]. На ту же тему Дмитрий Власевич Айналов (1862–1939) значительно раньше, в 1895 г., издал свою диссертацию о римских мозаиках, которую написал под руководством Кондакова [1].

В 1880 г. в том же журнале «*Repertorium für Kunstwissenschaft*» Рихтер публикует рецензию на первую книгу Шарля Байе о византийском искусстве, вышедшую в 1879 г. [188]. Европейский читатель мог сопоставить книги двух ведущих византинистов, Байе и Кондакова, и отметить сходство их взглядов на природу византийского искусства. Существовал еще один момент близости Рихтера и русской школы. Рихтер написал очень критичную рецензию на двухтомную Энциклопедию христианской археологии Франца Ксавера Крауса (1840–1901) [187], крупного представителя католической христианской археологии, которого называли «немецким де Росси» [81]. Негативные оценки протестанта Рихтера составляли часть той научной «войны», которую долгое время вели между собою протестанты и католики, в том числе в сфере археологии и истории искусства [65, с. 464–482]. Русские исследователи тоже не раз, и справедливо, отмечали тенденциозность католических авторов, имея в виду, прежде всего, римских, ватиканского круга, отличая от них французских католиков с их независимо-критичным подходом, как, например, у Луи Дюшена. Так, Айналов противопоставлял римскому католическому направ-

лению «полную объективность изложения» «всегда свободной» французской научной школы, отсутствие в ней «каких-либо научно-партийных тенденций, которые отравляют чтение даже таких солидных немецких изданий, как покойного Крауса, Вильперта, Альбр. Куна» [2, с. 291–293]⁹. По мнению Николая Васильевича Покровского (1848–1917), в труде Рафаэлле Гаруччи о раннехристианском искусстве, религиозная тенденциозность пересилила чувство критика [46, с. 6]. Николай Фомич Красносельцев (1845–1898) тоже отмечал «крайний конфессионализм» католических авторов [33, с. 12].

С Н. П. Кондаковым на сцену европейской византистики выступила новая сила – русские ученые, но представление об этом утвердилось не сразу. Вот, например, Шарль Байе в своем очерке о византийском искусстве (1883) перечисляет предшественников: это французы Адольф Наполеон Дидрон (1806–1867), Шарль Жюль Лабарт (1797–1880), Шарль-Жан-Мельхиор де Вогюе (1829–1916) и немцы Карл Шнаазе (1798–1875), Фридрих Вильгельм Унгер (1810–1876), Фридрих Людвиг Вильгельм Зальценберг (1803–1887) [3, с. 8]. Русских имен нет, хотя рецензия Рихтера на книгу Кондакова о миниатюрах появилась в 1879 г., но Байе не читал саму книгу, он не знал русского языка. По-настоящему имя Кондакова стало известно только после выхода в свет французского перевода монографии о миниатюре. Обстоятельную рецензию на ее первый том опубликовал французский историк искусства Эжен Мюнц (1845–1902) [134] в 1887 г. во французском журнале «*Bulletin Critique*» [161], а Шарль Байе написал рецензию уже на оба тома книги Кондакова в «*Byzantinische Zeitschrift*» [75]. Но эта последняя появилась только в 1896 г., почти через 10 лет после рецензии Мюнца на первый том, и лишь через 20 лет после выхода в свет русского оригинала. Перерывы очень большие для молодой дисциплины, византистики, которая быстро развивалась. Как видим, известность Кондакова в Европе распространялась постепенно, главным образом, по причине малой доступности русского языка.

⁸ Перепечатка: М., 2006.

⁹ «Мне приходилось уже не раз отмечать»: ВВ. Т. 8,1; 11,1,2.

Все названные рецензии написаны французскими авторами, которых Кондаков знал лично. Они познакомились в Риме в 1875 г., когда Кондаков впервые приехал в Вечный город, и у них на многие годы сложились хорошие личные отношения. С Мюнцем у Кондакова были общие интересы: мозаики Рима и Италии, искусство Ренессанса. Шарля Байе [105] хорошо знали в России – его книга о византийском искусстве будет трижды издана в русском переводе.

Заслуживает интереса еще один аспект. Эжен Мюнц опубликовал свою рецензию на книгу Кондакова о миниатюрах не в искусствоведческом издании, а в историко-церковном – французском «Bulletin Critique», многолетним редактором которого был историк церкви и археолог Луи Оливье Дюшен (1843–1922) [212; 14]. Мюнц, Байе и Дюшен – почти ровесники и единомышленники, все они стояли у истоков создания крупного французского исследовательского центра в Риме – Французской Школы в Риме, которая была основана в 1873 г., сначала как филиал Французской школы в Афинах. Пройдут годы, и Дюшен займет пост директора римской Французской школы, после того как его книгу по истории ранней церкви Ватикан включил в Список запрещенных книг (*Index Librorum Prohibitorum*) и преподавание в парижском Католическом институте для него стало невозможным. Дюшен тесно связан с де Росси, сначала как ученик, а потом – как единомышленник и друг. Но, в отличие от представителей римской школы, Дюшен серьезно занимается археологией и эпиграфикой Греции и Малой Азии. Вместе со своим другом Байе он совершил плодотворное путешествие на Афон [86]. И, наконец, еще один частный момент устанавливает связь Дюшена с византисткой: среди его учеников – Габриель Мийе. Дюшен высокого мнения о способностях этого застенчивого юноши, которого он готовил для Французской школы в Афинах, и он просит де Росси опекать Мийе в Риме¹⁰.

В 1889 г. вышел первый выпуск «Русских древностей», который Кондаков издал в соавторстве с И. И. Толстым. Он посвящен па-

мятникам классической эпохи. Отклик на это издание появился очень быстро, в год выхода книги, он был опубликован в журнале французских антиковедов «Revue Archéologique» [135]. К этому времени античность на Юге России, в особенности в Крыму, уже хорошо известна ученому миру Европы. Немало работ российских авторов публикуется на французском и немецком языках, кроме того, знаменитый французский антиковед Дезире Рауль-Рошетт (1790–1854) [92]¹¹ издал книгу о Боспоре Киммерийском [178]¹². Видная фигура Рауль-Рошетта интересна для нашей темы тем, что он первым рассмотрел римские катакомбы с позиций светского археолога-антиковеда. Не удивительно, что он легко рассмотрел естественную связь раннехристианской культуры поздней античности с языческой античностью [179; 180; 181]. Для римской христианской археологии тогда, в первые десятилетия XIX в., это было очень ново, непривычно, ведь катакомбы изучались преимущественно, главным образом, учеными, тесно связанными с Ватиканом. В России близкую мысль о живописи катакомб позже высказывал Буслаев: «Всякая древнехристианская живопись последовательно развивалась из античной» [10, с. 158]. Но в католическом Риме судили иначе, настаивая на том, что раннехристианская культура представляет собою особый, самостоятельный феномен, и стремясь во всех языческих изображениях катакомб отыскать христианские аллюзии и символы. Эта тенденция нашла наиболее последовательное отражение в многочисленных трудах крупного представителя римской школы Йозефа Вильперта (1857–1944) [62; 117]. Переход от изучения античности к христианским и византийским сюжетам станет характерным явлением для русских ученых в последние десятилетия XIX в., в том числе и для Кондакова.

В течение 80-х годов вышло несколько книг Кондакова, все они были основаны на личных обследованиях памятников: это мозаики столбного монастыря Хора (мечети Карие-Джами), Синайский монастырь, Константинополь, монастыри Западной Грузии [20; 21; 22; 24].

¹⁰ Дюшен с его пристрастием к острым метафорам, пишет де Росси о Мийе: «Этот тоже вышел из моего чрева» [190]. О реписке [см.: 56].

¹¹ Полную библиографию [см.: 91].

¹² Рецензию [см.: 135].

Ни одна из этих работ не нашла отклика на Западе. Причина проста: византинистов в те годы еще немного, и из них немногие читают по-русски. Книга Кондакова о Константинополе стала первым историко-археологическим и топографическим исследованием о византийской столице. До него можно назвать только архитектурный обзор «раннехристианских памятников» Константинополя В. Зальценберга (1853) [191]. В 1878 г. сводку письменных источников по истории византийского искусства, в основном по памятникам столицы, издал гёттингенский профессор истории искусства Фридрих Вильгельм Унгер (1810–1876) [199]; позже аналогичную работу проделал Рихтер – его книга названа выше. Книги Унгера и Рихтера принадлежали к распространенному тогда жанру «филологической археологии», когда полевой археологии византийской столицы еще не существовало. В этой же линии развития лежат исследования Д. Ф. Беляева о топографии и плановой композиции Большого константинопольского дворца, которые были реконструированы на основании трактата Константина Багрянородного «О Церемониях» [5]. К сожалению, это детальное и тщательно выполненное исследование осталось практически неизвестным западным авторам многочисленных работ на ту же тему. Книга Кондакова о Константинополе появилась более чем на 20 лет раньше, чем работы на ту же тему Жана Эберсолта [87; 88; 89]. Можно сожалеть о том, что эта пионерская книга Кондакова, в которой ему удалось создать, по его же выражению, «живую историческую картину» византийской столицы [22], не была тогда и не стала впоследствии известной западному читателю. Также незамеченной в странах Западной Европы прошла и книга о сокровищах ризниц монастырей Западной Грузии. В них Кондаков, в сотрудничестве с Д. З. Бакрадзе, открыл и описал множество ценных рукописей и произведений прикладного искусства [24].

Больше всего откликов вызвала книга Кондакова об искусстве византийской эмали, изданная на трех языках. Самой обстоятельной была рецензия Шарля Диля (1859–1944) [40; 197]. Французскому византинисту был близок исторический подход Кондакова, который соединял специальный анализ изделий из эмали с

историко-археологическими экскурсами, разъясняющими читателю природу интереса византийцев к знаменитой «восточной роскоши» [83]. Рецензию на «Эмали» написал также Саломон Рейнак [182], который в эти годы активно интересовался русской темой в связи с переводом на французский язык первых выпусков «Русских древностей». Рецензия Пауля Вебера, появившаяся в немецком искусствоведческом журнале, содержала несколько довольно резких замечаний, но она была исключением [213]¹³. На книгу Кондакова о его экспедиции в Сирию появятся две рецензии, оба автора владеют русским языком: одна – Антонио Муньоса [151], другая – Габриеля Мийе [27; 141]. Перерыв между рецензиями на «Византийские эмали» и на «Сирию» составлял почти десять лет – очень большой срок.

Вероятно, начинающий итальянский историк искусства Антонио Муньос больше других сделал для того, чтобы труды и идеи Кондакова стали шире известны в Западной Европе. В первое десятилетие XX в. Муньос пишет несколько рецензий на книги русского ученого. Он помещает в итальянском журнале историков искусства «L'Arte» рецензию на «Памятники христианского искусства на Афоне» [145], а затем, в 1906 г., в одном и том же номере журнала «Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana» Муньос публикует аннотации на три работы Кондакова: об экспедиции в Сирию (1904), об иконографии Христа (1905) и о киевской фреске с изображением княжеской семьи (1906) [150; 149]. Этот журнал является продолжением «Bulletino di Archeologia Cristiana», который основал де Росси. «Nuovo Bulletino» издает его ближайший ученик Орацио Марукки, сменивший де Росси на посту секретаря Папской Комиссии по священной археологии, старейшего научного учреждения Ватикана. Византийская тема не очень близка римской христианской археологии, тем более важна информация о книгах русского ученого.

На главные работы Кондакова позднего периода откликов очень мало. Только на раннюю версию «Иконографии Богоматери» (1911) написал краткую рецензию Йозеф Стриговский,

¹³ Неясно, какой вклад внес Пауль Вебер в византинистику, мне не удалось найти это имя в известных энциклопедиях.

постоянный и неутомимый рецензент мюнхенского «Byzantinische Zeitschrift» [29; 195]. И уже после смерти Кондакова в английском журнале появились краткие аннотации С. Поповича о двух посмертных книгах Кондакова: «Воспоминания и думы» и «Русская икона», в английском переводе Э. Миннза [177; 176].

О личных связях Кондакова с западными учеными.

Кажется, Кондаков не принадлежал к числу очень общительных и открытых людей, он предпочитал все свое время посвящать работе, некоторые авторы даже пишут о его тяжелом характере. Это касается и переписки: Кондаков писал своим зарубежным коллегам не слишком часто: от Шарля Диля он получил 9 писем за 1902–1904 гг., от Стриговского – 8 писем за 27 лет, от Фердинанда Пипера – только одно письмо (1885), и тоже одно – от Йозефа Вильперта в 1913 г. Это очень немного. Когда Ростовцев пишет, что он со своими немецкими друзьями проводит время в каком-нибудь римском кабачке, иногда с ним вместе его друг Яков Иванович Смирнов, который «жарит по-немецки, и не без успеха», и понравился немцам [52, с. 389], мы понимаем, что представить себе Кондакова в подобной ситуации немислимо. У нас мало сведений о частных связях Кондакова в Риме, его обстоятельные римские письма Буслаеву посвящены, разумеется, работе. Добавим, что Кондаков не был и активным участником различных международных конгрессов. Единственный раз, уже в эмиграции, в 1924 г. он принял участие в Первом международном конгрессе византинистов. Он был приглашен на Первый международный конгресс по христианской археологии в 1894 г., проходивший в Сплите, председатель конгресса Луи Дюшен даже хотел включить его в оргкомитет, но Кондаков в Сплит не поехал. Не участвовал он и в Первом международном конгрессе археологов в Афинах, в марте 1905 г. От России в работе секции византийской археологии приняли участие Ф. И. Успенский (сопредседатель) и С. И. Жебелев [50]. Не было Кондакова и на 14-ом международном конгрессе ориенталистов, который состоялся в апреле 1905 г. в Алжире. В нем участвовал византинист А. А. Васильев, кроме того, Франц Кюмон зачитал сообщение

Ф. И. Успенского о найденной им в Серальской библиотеке Стамбула рукописи октавевха [11].

Во второй половине XIX в., когда византийская археология и история искусства делали свои первые шаги, самой влиятельной школой была римская христианская археология во главе с Джованни Баттиста де Росси [108; 61; 65, с. 464–469]. В России быстро оценили критический метод, как называл его сам де Росси. Этот метод ставил целью изучать историю раннехристианской жизни на основе строгого источниковедческого анализа всех известных свидетельств: письменных, археологических, эпиграфических, иконографических. Буслаев отмечал, что это «новое направление» больше десяти лет оставалось в России почти не замеченным. Он ставил в заслугу Петру Ивановичу Севастьянову (1811–1867) «водворение в нашем отечестве твердых оснований науки о христианских древностях и христианском искусстве в применении к православному направлению» [7]. Буслаев дает такую характеристику личности де Росси: «Одно из тех счастливых дарований, в которых италийская натура соединяет немецкое глубокомыслие и солидность с легкостью и остроумием французов» [9, с. 55–129, 82]. Н. В. Покровский называл де Росси «главным двигателем», за которым следует «целая толпа ученых» [46, с. 2].

Став в 1875 г. членом Общества любителей христианской археологии, Кондаков прочел там свой доклад о рельефах врат церкви Св. Сабины [19, с. 4]. Его одобрил де Росси, потому что он и сам придерживался ранней датировки этого памятника [112; 58]. Но был ли Кондаков тесно связан с этим Обществом, с кругом де Росси, с ним самим лично? Мы замечаем, что Кондаков опубликовал свой доклад о вратах Св. Сабины в журнале французских антиковедов «Revue Archéologique», а не в журнале де Росси «Bulletino di Archeologia Cristiana». У Кондакова и де Росси не было тесного личного общения. В фонде Кондакова в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии Наук хранится только два письма де Росси, оба относятся к 1882 г., когда Кондаков работал в Ватиканской библиотеке. В это время де Росси занимал целый ряд постов: скриптор (хранитель рукописей) этой библиотеки, префект и хранитель

Museo Cristiano той же библиотеки, директор Латеранского музея (Museo Pio Cristiano при кафедрале Сан Джованни ин Латерано, сейчас часть музеев Ватикана), секретарь Комиссии по священной археологии, председатель Папской академии римской археологии. Кондаков и другие русские ученые общались с де Росси, скорее, не как с главой римской школы христианской археологии, а как с должностным лицом, от которого зависел доступ в катакомбы, к материалам Ватиканской библиотеки и специализированных музеев, изготовление копий и пр. О книге де Росси о римских мозаиках Кондаков отзывается критически: «Мюнц судит о мозаиках гораздо глубже, чем, например, де Росси, который, очевидно, не хочет знать существования собственной истории искусства, а знает лишь историю мучеников» [34, с. 162–163]¹⁴. Среди дружного международного хора неизменных похвал в адрес де Росси, это независимое высказывание было, вероятно, очень резким.

В фонде де Росси в Ватиканской библиотеке хранится лишь семь небольших документов, касающихся русских ученых¹⁵. Среди них – визитная карточка графа Григория Строганова (1871) [200] и сопроводительное письмо И. В. Помяловского от 8/20 июля 1880 г. при посылке почтой его брошюры о военных римских дипломах [201]. В письме, посланном из Петербурга от 24 мая/5 июня 1881 г., А. Бычков благодарит за статью, присланную римским ученым, и сообщает, что рукопись, которую запросил де Росси, уже передана в Министерство иностранных дел [202]. Граф Уваров в письме от 12/24 ноября 1881 г. пишет, что муляжи группы христианских мраморов и надписей из Латеранского музея, а также статуи Ипполита, которые Уваров заказал для Императорского музея в Москве, уже изготовлены по указанию де Росси, и спрашивает, как можно их получить [203]. И, наконец, всего лишь две недатированные визитные карточки Кондакова, помещенные под 1882 г. На одной из них Кондаков при-

писал карандашом, что приходил поздравить с Новым годом «знаменитого господина де Росси», чего раньше не мог сделать по болезни [204]¹⁶. Печатный циркуляр комитета 6-го Всероссийского археологического съезда, который относится к августу 1883 г., приглашает де Росси на съезд в Одессу, первое заседание которого намечалось провести 15/27 августа 1884 г. Председателями комитета были граф А. Уваров, Ф. Леонтович и Н. Кондаков [206]¹⁷. Но де Росси в Одессу не приехал, да едва ли он и знал о деятельности Одесского общества истории и древностей. Как видим, переписка русских ученых с де Росси очень скудна и носит поверхностно-официальный характер. Назовем еще один важный источник: двадцатилетняя переписка де Росси с Луи Дюшеном включает сотни писем, в них упомянуты многие десятки имен ученых из разных стран Европы, но русского имени нет ни одного [56].

Во время своего первого длительного пребывания в Риме в 1875 г. Кондаков слушает лекции второго секретаря Немецкого археологического института Вольфганга Гельбига об античном Риме, осматривает раскопки Римского форума, которые ведет Пьетро Роза. Его интересуют обширные археологические работы на вилле Адриана и в Остии, которыми руководит известный археолог и архитектор Родольфо Ланчани (1845–1929) [174], ученик и сотрудник де Росси, заместитель директора Кирхерианского музея, коллекции которого знали многие русские ученые, начиная с А. С. Уварова. Кондаков интересуется и занимается античными памятниками Рима. Заметим, что в письмах из Рима Кондаков даже не упоминает о катакомбах, а именно они – главная сфера христианской археологии. Уже одно это говорит о том, что у Кондакова не было близости с кругом де Росси. Вот, например, Кондаков пишет Буслану о создании Общества любителей христианской археологии. Он называет ее Академией христианской археологии, но такого названия не существовало. Среди членов Общества Кондаков упоминает «одного англичанина», но вряд ли он знаком с этим «англичанином»

¹⁴ Письмо Буслаева от 8/20 12. 1875.

¹⁵ Монс. Патрик Сен-Рок (тогда – ректор Папского института христианской археологии) в мае 1996 г. по моей просьбе выявил в Ватиканской Библиотеке переписку де Росси с русскими учеными и любезно передал мне копии документов. О П. Сен-Роке [см.: 59].

¹⁶ На карточке Кондакова дописано: г-н проф. Пирогов [205].

¹⁷ И последняя седьмая карточка принадлежит Рукавишникову (?) [207].

лично. Это Энрико Стевенсон (1854–1898), итальянский археолог из семьи английского происхождения, уроженец Генуи, выпускник иезуитского *Collegio Romano* и римского университета *La Sapienza*, ученик и сотрудник де Росси, автор трудов о катакомбах, написанных на итальянском языке. Его отец, Энрико Стевенсон старший, был греческим скриптором в Ватиканской библиотеке, в 1894 г. сын сменил его на этом посту. В этом качестве Стевенсонов могли знать и русские исследователи [109], потому что в этой библиотеке их интересует, прежде всего, самое крупное в мире собрание византийских рукописей. Так, в 1882 г. Кондакову покровительствовал кардинал бенедиктинец Жан-Батист Питра (1812–1889), специалист по византийскому церковному праву и греческой гимнографии, который в 70–80-х годах XIX в. занимал пост префекта (директора) Ватиканской библиотеки [192].

В 1894 г. в Спалато (Сплите) созывается Первый международный конгресс по христианской археологии, подготовленный де Росси. Это важное событие в становлении дисциплины имело целью объединить европейские ученые силы. За почти 20 лет, прошедшие со времени первой поездки Кондакова в Рим, контакты русских ученых с римской школой не укрепились, скорее, напротив. Ни одно из русских научных учреждений или университетов не откликнулось на приглашение организаторов конгресса – об этом с удивлением напишет Я. И. Смирнов, приехавший в Сплит из Вены, где он был на стажировке частным образом, без доклада. На Втором конгрессе по христианской археологии в Риме в 1900 г. Ф. И. Успенский представлял Русский археологический институт в Константинополе. Однако из Петербурга или Москвы на римский конгресс не приехал никто. А до следующего конгресса, в котором русские археологи примут личное участие, пройдет чуть ли не столетие. Это был 11-ый конгресс по христианской археологии, состоявшийся в Бонне в сентябре 1991 г. [111].

Ученики Кондакова бывают в Риме постоянно и живут в нем подолгу, но прочных связей с римской христианской археологией не возникает. М. И. Ростовцев, который, как многие русские, любил Рим («все дороги ведут в Рим, а мои – особенно») – так писал Ростовцев в одном

из своих писем), только один раз сделал доклад о крымской античной живописи в Папской академии римской археологии. В письме к И. В. Помяловскому Ростовцев специально отмечает, что говорил на итальянском языке, а не на немецком, привычном ему в Риме из-за его тесных связей с археологами Немецкого археологического института. Айналов, изучая мозаики церкви Санта Мария Маджоре, пользуясь помощью монсеньера Пьетро Кростароза, ошибочно называет его кардиналом [62]. А между тем разница между этими двумя ступенями ватиканской иерархии огромна, и удивительно, что Айналов, живя в Риме месяцами и даже годами, этого не знал. Айналова очень интересовал вопрос о влиянии некоторых мозаичных композиций Санта Мария Маджоре на росписи Рафаэля. На Первом конгрессе по христианской археологии в Сплите доклад на эту тему сделал венский искусствовед Франц Викхов, но Айналов, видимо, об этом не узнал. Позже он будет обсуждать этот вопрос с Эженом Мюнцем.

Современный историк искусства Марио Марченаро в обстоятельном очерке об итальянском путешествии Айналова в 1891–1893 гг. приводит любопытный эпизод. Дон Козимо Сторнайоло (Сторнайуоло), греческий скриптор Ватиканской библиотеки, помощник де Росси [106], пригласил Айналова на заседание Папской академии римской археологии. Тема доклада – Древнерусские памятники Киева – редчайшая, если не уникальная, в стенах этой Академии да и во всем Риме, имя докладчика нам неизвестно. Председатель Академии де Росси, который вел заседание, заметит после доклада, что он не услышал ничего нового. Удивительно, что Айналов, который со студенческой скамьи отлично знал Киев, автор работ на эту тему, на заседании не выступил, а де Росси даже не знал, что в зале присутствует русский искусствовед, знаток проблемы. Де Росси и Айналов познакомятся только после заседания [138, р. 207]¹⁸.

В то время римские археологи мало интересовались византийской темой, это и было при-

¹⁸ В этой статье Марченаро впервые публикует десять рисунков Айналова из его фонда в Санкт-Петербургском филиале архива РАН.

чиной слабых связей Кондакова и его учеников с римской школой¹⁹. Из петербургских ученых больше контактов с де Росси было у профессора Петербургской духовной академии Николая Васильевича Покровского (1848–1917) [116; 114, S. 203–205]. В 1877 г. он слушает доклад де Росси в катакомбе св. Калликста. Они вместе осматривают некоторые галереи этой катакомбы, о чем Покровский пишет с воодушевлением. Покровский даже хотел издать сокращенный русский перевод труда де Росси, «Подземный Рим», но дело не удалось. В тех же катакомбах св. Калликста 20 апреля 1892 г. проходит торжественное празднование 70-летнего юбилея де Росси; в одной из часовен комплекса установлен его бюст, здесь же он будет похоронен два года спустя – честь исключительная для археолога и светского лица. Делегация московских ученых во главе с Иваном Владимировичем Цветаевым (1847–1913) вручает приветственный адрес, де Росси получает от русского правительства юбилейный подарок – орден св. Анны. Об этом хлопотал Цветаев в благодарность за то, что де Росси широко содействовал ему в деле изготовления копий и слепков для будущего московского Музея изящных искусств [62, с. 562–563]. Любопытная деталь: перед юбилеем Цветаев случайно встречает на улице Айналова, который в это время в Риме, но, видимо, не очень интересуется этим событием.

Отношение русских ученых к римской школе на протяжении 30 лет заметно изменилось, как изменилась за это время и сама русская школа, ставшая самостоятельной. В начале XX в. Д. В. Айналов, заявляя о своем приоритете в исследовании византийского искусства христианского Востока, считает римскую школу отжившей, «уже принесшей свой плод» [62, с. 546–557]. Примерно в то же время Кондаков, который не имел склонности участвовать в шумных и острых дискуссиях, проницательно отметит, что односторонний романо-центричный взгляд римской школы на проблему «Восток или Рим» плохо скажется на развитии самой римской школы. Десятилетиями позже римские исследователи и сами придут к тому же выводу. В другой работе тех же лет Кондаков, гово-

ря о римской школе, употребляет необычные для него резкие выражения: «Вопросы и ответы на них, некогда болезненно раздражавшие всех главарей римской христианской археологии», стали популярными в науке той Италии, «которая серьезно стремится к обновлению» [28]. В то время «главарем» римской католической школы был монсеньор Йозеф Вильперт [62, с. 559–566]. Упоминание о «просвещенных стремлениях молодой Италии» – это политический намек, необычный для строго академического стиля работ Кондакова. В данном случае речь шла об объединенной, независимой, «молодой» Италии, которую римские ученые круга Ватикана отнюдь не приветствовали. В их числе был и де Росси, который окончил свои земные дни в папской загородной резиденции Кастельгандольфо.

В Риме активным пропагандистом трудов Кондакова на Западе стал молодой историк искусства, не принадлежавший к кругу де Росси, Антонио Муньос (1884–1960) [103]. Его перу принадлежат четыре рецензии на книги Кондакова. Едва ли Кондакова и Муньоса можно назвать друзьями – слишком велика была разница в возрасте. Но именно Муньос сыграл важную роль в последний период жизни Кондакова. Это он организовал приобретение третьего тома «Иконографии Богоматери» Ватиканом, что перед самой кончиной Кондакова очень порадовало его. Выходец из римской семьи кастильского происхождения Муньос получил образование в университете *Ла Сапиенца*, учился истории искусства у Адольфо Вентури (1856–1941), основоположника истории искусства в Италии [71]. Среди римских историков искусства Муньос был исключением: он интересовался Византией и Россией, и он знал русский язык. Муньос совершил несколько путешествий в Константинополь и Турцию, Ливию, Австрию и Россию. У истоков этого интереса стоит сотрудничество с известным коллекционером графом Григорием Сергеевичем Строгановым (1829–1910), это в его доме юноша Муньос подпал под обаяние атмосферы русского Рима и русской культуры, самой личности Строганова [96]. Собрание Строганова, в котором были и византийские памятники, было широко известно в Европе [144]. После смерти Строганова Муньос опубликует описание его

¹⁹ О переписке де Росси и Дюшена [см.: 56].

коллекции [157]. Свою первую научную работу о письменных источниках о византийском искусстве Муньос напечатал в возрасте 18 лет.

Свой главный вклад в византистику Муньос сделал тоже очень рано. В возрасте 20 лет он организовал итало-византийскую выставку в греко-католическом аббатстве Гроттаферрата, посвященную 900-летию монастыря. Его основатель, св. Нил Россанский (Нил Младший, 910 – 26 сент. 1004), уроженец Калабрии, грек по происхождению, почитается и католиками, и православными [51]. На выставке, которая открылась 15 марта 1905 г., были представлены коллекция Museo Cristiano Ватикана, предметы из Болонского музея и из нескольких частных коллекций, в том числе из коллекции посла России в Италии А. И. Нелидова (1835–1910). Среди нескольких публикаций Муньоса, посвященных выставке [147; 148; 146], самой важной был Каталог, изданный на французском языке [152]. Выставкой очень интересовались в России. Незадолго до ее открытия в «Византийском Временнике» вышла статья ассумпциониста о. Аурелио Пальмьери, посвященная юбилею Гротта-Феррата [173]. Посетивший выставку Кондаков написал о ней рецензию очень дружелюбным тоном, отметив, что молодой ученый «открыто выступает в Италии на поприще новой европейской дисциплины». Действительно, первая в истории выставка византийского искусства стала европейским событием [132]. На выставке среди многочисленных поздних икон из собрания Ватикана была истинная жемчужина – Россанский кодекс VI в., именно здесь Кондаков увидел его впервые. Несколько позже Муньос опубликует статью об этом кодексе с учетом Синопского фрагмента [155]. Можно не сомневаться в том, что юноша Муньос сам показывал выставку именитому русскому гостю. Возможно, они были знакомы раньше – годом ранее появилась рецензия Муньоса на книгу Кондакова о путешествии на Афон. Их научные интересы близки. Кондакову была интересна статья Муньоса об иконографии Мадонны на Востоке и Западе, эта тема предвосхищает его позднейшие крупные труды [154]. Хорошие личные отношения двух византинистов, всеми признанного и начинающего, получают дальнейшее развитие десятилетия спустя, когда ситуация разительно

изменится. Кондаков, потеряв все, кроме своего научного авторитета, станет изгнанником, а Муньос тем временем займет прочное положение в ученом мире и приобретет связи в самых высоких кругах Рима и Ватикана.

Муньос навсегда остался «молодым византинистом», как назвал его Кондаков. Он занимался Византией лишь немногим более десятилетия, став в Италии первой «византийской ласточкой», но ласточкой, которая не делает погоды. До 1927 г. Муньос опубликовал несколько работ на византийскую тему [156], в частности, он написал две статьи для первого тома бельгийского *Byzantion* [160; 159]. Широкие византийские исследования развернутся в Италии только после Второй Мировой войны. Сейчас и в самой Италии, кажется, не все помнят яркий и многообещающий дебют Муньоса в Гротта-Феррата. Так, в популярном очерке Энрико Дзанини «Введение в византийскую археологию» (1994), первом итальянском издании такого рода, имя Муньоса отсутствует, как, впрочем, и имя Кондакова [215; 60]. Большую часть своей жизни Муньос посвятил охране памятников Рима и его окрестностей. Начиная с 1914 г., он занимал различные важные посты в главном ведомстве охраны памятников Рима (*Soprintendenza*). В течение почти 30 лет, с 1923 по 1952 г., Муньос был главой *Soprintendenza* средневекового и современного искусства Рима, пережив все драматические перипетии правления Муссолини и послевоенного периода. Муньос много занимался реставрацией древних церквей, в том числе Св. Сабины, где он вел работы в течение почти 20 лет с перерывами. Тогда и было установлено, что деревянные ворота, о которых когда-то написал статью Кондаков, являются первоначальными, и что они находятся *in situ* [158]. Благодаря своей деятельности, которая всегда привлекала внимание власти и общества, Муньос был вхож в кабинеты самых высоких персон, включая понтифика. В 1925 г. на заседании Общества почитателей христианской археологии Муньос предложил почтить память Кондакова, который стал членом этого Общества в момент его основания, полвека назад [58, с. 225]. Некролог Кондакова был едва ли не последней публикацией Муньоса на византийскую тему. В нем слышится какая-то личная нота: он называет

Кондакова не византинистом, а «великим русским византийцем» [153].

Лучшим другом Кондакова среди западных византинистов считается Габриель Мийе (1866–1953) [107]. От него Кондаков получил больше писем, чем от других зарубежных корреспондентов – 16 писем за почти 20 лет (1897–1916) [36], впрочем, и в этом случае мы не можем сказать, что переписка была очень оживленной. Мийе прожил долгую жизнь, но оба его главных труда – об иконографии Евангелия и о греческой школе византийской архитектуры – вышли в 1916 г. После этого он много времени отдает организационной работе, пропаганде византистики в европейском академическом мире, изданиям и переводам. Среди самых заметных его инициатив – публикация четырехтомного сборника, посвященного Ф. И. Успенскому (1845–1928) [142], и издание французского перевода книги Стриговского «Раннехристианское искусство Сирии», написанной в 1928 г. [196]. К этой книге Мийе написал обширное введение, почти 50 страниц, он следил за точностью перевода и даже составил сравнительную таблицу немецких и французских терминов, чтобы сделать понятным французскому читателю своеобразный и индивидуальный язык Стриговского. Книга вышла только в 1936 г. Идея Стриговского об огромной роли маздеизма в происхождении христианского искусства основана на двух памятниках: скульптурном декоре Мшатта и чаше из Антиохии. В этой книге автор энергично настаивает на решающей роли Севера, а не Востока, как раньше, когда он, по его выражению, «был пленником своего классического и христианского образования» [196, р. 5–14, 93, 117, 133, 149, 171]. Но книга, очевидно, запоздала. Пока ее переводили, в Дура Европос, в далеком месопотамском захолустье Римской империи, были сделаны открытия капитальной важности, среди них христианский дом с крещальной. К тому времени в научной среде уже утвердилось мнение, что ранние даты чаши и Мшатты неверны, последняя относится к омейядской эпохе. Резко изменился политический климат Европы, в Германии к власти пришел Гитлер, и многословная риторика Стриговского об арийском Севере и его превосходстве над средиземноморским греко-римским Югом со-

всем некстати совпала с нацистскими идеями о превосходстве нордического человека.

Мийе высоко оценивает возможности компаративного метода, пропагандистом которого был Стриговский [196, р. XVII, XXXV, XLV–XLI] (и не только он один, но и русские ученые). Тем не менее, один раз мелькнет истинное мнение Мийе о книге Стриговского: Сирия «отражается в книге, как в разбитом зеркале» [196, р. II]. В обзорной картине раннехристианского искусства Сирии, которую дает Мийе, вероятно, было бы уместно упомянуть Кондакова и других представителей русской школы [62], но этого нет, словно Стриговский работал один. Заметим для сравнения, что Грабар, по естественной филиации мыслей, в некрологе, посвященном Мийе, называет русские имена, в том числе Кондакова [100]. Том «Сирии» дополнен главой, которая содержит полемику Стриговского с Вильпертом по поводу антиохийской чаши. На этот раз оба неправы: Вильперт настаивает на том, что чаша является подделкой (в действительности же предмет подлинный), а Стриговский неверно датирует эту чашу слишком ранним временем. К 30-м годам XX в. читателям уже наскучил грубый тон полемики этих авторов, их дискуссии длятся уже четверть века, сохраняя непримиримость, накал и, увы, явные признаки личной неприязни, в особенности со стороны Стриговского, который не давал себе труда воздерживаться от выпадов в адрес Вильперта, а этот последний, будучи духовным лицом, стремился сохранять спокойствие²⁰. Можно задать вопрос: в чем же заключается смысл огромной работы Мийе по изданию перевода «Сирии», если это «разбитое зеркало»? И не является ли самой ценной частью «Сирии» очерк самого Мийе?

Мийе, действительно, очень много сделал для расширения информационного поля европейского византиноведения. Однако вряд ли это можно специально отнести к русской научной школе. В частности, он не содействовал изданиям переводов их книг; что же касается Кондакова, Мийе написал лишь одну рецензию на книгу Кондакова об экспедиции в Сирию. В 20–40-е годы XX в. развитие византийской

²⁰ Например, Вильперт «кажется способным обучаться менее, чем кто бы то ни было» [196, р. 192].

и христианской археологии в Европе шло своим чередом, но уже практически без участия советских ученых. Если на Первом конгрессе по христианской археологии в 1894 г. в Сплите византийская тема почти отсутствовала, то на Четвертом конгрессе, состоявшемся в октябре 1938 г. в Риме, в почетном комитете были все ведущие византилисты: Шарль Диль, Габриель Мийе, Георгиос Сотириу, Йозеф Стриговский, Антонио Муньос, палестиновед о. Юг Венсан [73], а из русских – только М. И. Ростовцев, представлявший США (Нью-Хейвен), где он работал.

В октябре 1939 г. в Алжире должен был состояться Шестой международный конгресс византистов, но этому помешало начало Второй Мировой войны. В 1940 г. председатель конгресса Мийе успел издать сборник резюме докладов. В предисловии он называет имена нескольких отсутствующих ученых, в том числе русских, до которых, как он деликатно выразился, «не дошли приглашения на конгресс» [193, р. I]. В их числе Й. Стриговский и О. Дальтон – оба они живы. Но не дошло приглашение и до Д. В. Айналова, который скончался 12 декабря 1939 г., не дошло оно и до В. Н. Бенешевича, расстрелянного 27 января 1938 г. Шестой конгресс византистов состоится 9 лет спустя, летом 1948 г. Председательствует вновь Мийе, на открытии он вспоминает ушедших, среди них Айналова и Бенешевича [68, р. 12]. И вновь Мийе, глава европейских византистов, член-корреспондент Российской Академии Наук с 1924 г., общепризнанный друг русских византистов, ни словом не обмолвился о трагической судьбе русских коллег в 20–30-х годах.

О методе Кондакова.

Судьба наследия Кондакова в мире была так или иначе связана с состоянием византийских исследований на родине. Вскоре после смерти ученого молодой историк искусства Виктор Никитич Лазарев (1897–1976) публикует брошюру, в которой дает оценку деятельности ученого и излагает собственную концептуальную программу изучения византийского искусства [37]. Намерение издать эту работу по-немецки осталось неосуществленным [131]. В этой мемориальной публикации, посвящен-

ной Кондакову, были высказаны оценки, которые нередко цитируются в последнее время. Кондаков «любил искусство, но далеко не всегда понимал его»; его отличала «беспомощность» и «крайняя некомпетентность» в теоретических вопросах [37, с. 21–22, 28]. Главная идея Лазарева заключается в том, что историю византийского искусства необходимо построить как единую линию органического развития на основе формального анализа, т. е. применить к византийскому материалу уже хорошо разработанные методы венской школы. Эту идею Лазарев осуществит позже, в своем капитальном труде о византийской живописи [38]. Лазарев дал определение метода Кондакова как метода иконографического [37, с. 24; 13, с. 220–246], выдвинув при этом собственное оригинальное теоретическое положение: «иконография является вне всякого сомнения, одним из атрибутов формы... Поэтому развитие иконографии есть ни что иное, как отражение развитие стиля» [37, с. 26]. Здесь Лазарев, как кажется, увлекся в отрицании самостоятельного значения иконографии и ее связи с идеей, текстом, литургией. Если иконография – лишь один из атрибутов формы, то как объяснить устойчивость иконографических типов при изменчивости формы? Кондаков же, который видел «главнейший интерес византийского искусства в его иконографии», рассматривал иконографию как часть «археологии искусства» [18, с. 3–4]. Этот термин XIX в., идущий из немецкого языка (*Kunstarchäologie*), отделяет рассмотрение историко-археологических аспектов произведения от исследования его художественной формы.

Дальнейшее изучение наследия Кондакова в СССР шло «под знаком Лазарева». Это касается и термина «иконографический метод». Ни Буслаев, ни сам Кондаков, ни его ученики этого термина не знали, в их эпоху употреблялось понятие «сравнительный метод». Так, Буслаев видит у Виолле ле Дюка отсутствие «здорового сравнительного метода» [8]. Егор Кузьмич Редин (1863–1908) называл Буслаева «отцом науки русской археологии», который заложил «основу для будущей науки истории русского искусства». Редин считал, что сравнительный метод развивал идею о самобытности народных основ [48]. Айналов отмечает, что Бусла-

ев изучал русское искусство методами сравнительного исторического исследования [72, S. V]. Кондаков в своей первой печатной работе 1870 г. говорит о науке «сравнительного изучения древностей античных и восточных» [15]. В наше время о сравнительном методе Кондакова и его школы писал Кирилл (Сайрил) Манго [137, р. XI].

Последовательным сторонником и энергичным пропагандистом сравнительного метода был Стриговский, применив его не только к иконографии, но также к архитектуре и орнаментике. Луи Брейе в своей рецензии на книгу Стриговского о Сирии оценивает компаративный метод как «действительно плодотворный», отмечая при этом, что он отличается «от метода истории искусства собственно говоря». Брейе очень точно подметил главную слабость сравнительного метода в его чистом виде: он позволяет установить генеалогию художественных типов, однако бессилён датировать памятник без помощи объективных исторических свидетельств [79]. Именно поэтому некоторые глобальные построения Стриговского, основанные на неверных датах, приводили к эффекту «разбитого зеркала», как в его книге о Сирии.

К 1929 г. русская школа византиноведения была едва ли не полностью уничтожена бесчисленными и всевозможными притеснениями со стороны властей. Разгром завершился открытыми репрессиями второй половины 30-х годов. Ту же судьбу разделили исследователи древнерусского искусства [35; 41, с. 192–214; 114, S. 254–287]. В последние годы своей жизни в Праге Кондаков ищет возможности издать свой труд об иконах и не находит ее. В 1925 г., в тот же год, когда вышел в свет очерк Лазарева о Кондакове, на французском и итальянском языках была опубликована книга Павла Муратова «Древнерусская живопись»; затем – «Русская икона», тоже на двух языках; позже, в 1928 г. – «Тридцать пять русских примитивов», а также каталог выставки икон и других предметов религиозного искусства с предисловием Муратова [162; 163; 164; 165]²¹. Взгляд Муратова на древнерусскую живопись глубоко отличен от подхода Кондакова: для Муратова икона, пре-

жде всего, эстетический феномен, эту концепцию позже воспримет Лазарев. Начало этих дискуссий восходят к первому десятилетию XX века, когда после раскрытия «Троицы» Рублева в 1904 г. в русском обществе необычайно возрос интерес к иконам. Интерес к древнерусскому искусству совпал с эпохой религиозных исканий интеллигенции. С появлением тысяч эмигрантов из России в Западной Европе русской культурой заинтересовалась и западная публика, тогда и произошло настоящее знакомство с русской иконой. В 20-х годах в Париже началась деятельность Общества «Икона». Книги Муратова имели у публики успех, они были написаны легко и увлекательно, они хорошо объясняли «русский специалитет», словом, они отвечали интересам западной интеллигенции к России. А капитальный четырехтомный труд Кондакова об иконе был издан позже, в 1928–1932 гг.

В ту же эпоху, в 20-е годы, на Западе интересовались феноменом русской православной религиозности. В 1930 г. вышла книга о Булгакове, посвященная богословию иконы [80]. Эта тема будет широко развита в послевоенные годы, на разных языках будут изданы труды русских авторов-эмигрантов. Среди них – Леонид Александрович Успенский (1902–1987) [85], художник, богослов, член парижского общества «Икона» и Свято-Фотиевского братства, которое придерживалось экуменических принципов. Главный труд Успенского – «Богословие иконы». Книгу «Смысл иконы» Успенский издал совместно с богословом Владимиром Николаевичем Лосским. Успенский развивает тезис о неизобразимости Божества, из этого следует интерпретация иконы как художественно-религиозного символа [168; 171²²; 169; 170²³]. Отвлекаясь от сущности взглядов Успенского с точки зрения богословия Второго Никейского

²² Англ. пер.: *The Meaning of Icons*. Bern-Olton, 1952; Boston, 1969; Crestwood, 1982; 1983; 1989.

²³ Англ. пер.: *Theology of the Icon*. Crestwood, 1978; 1992; польский пер.: *Teologia icony*, Poznań, 1993; румын. пер.: *Teologia icoanei*, Bucarest, 1994; итал. пер.: *La Teologia dell' icona*, Milan, 1995; русская версия: *Богословие иконы Православной Церкви*. Париж, 1989; Коломна, 1994; Переславль, 1997; Москва, 2001; 2008. Вопрос несколько спорный с точки зрения определений 2-го Никейского собора о догматической сущности иконы. Были изданы также переводы работы 1918 г. о Павла Флоренского [93]; итал. пер.: *Iconostasis. Saggio sull'icona*. Milano, 2008.

²¹ Итальянское издание: Muratoff P. *La pittura antica russa*. Praha-Roma, 1925; *L'icona russa*. Praha-Roma, 1925.

собора, важно отметить, что интерес западного читателя к русской иконе как воплощению русской идентичности был удовлетворен.

А тем временем труды Кондакова постепенно забывались. Например, на международном конгрессе византистов в Париже в 1948 г. голландский историк искусства Л. Грондис читает доклад «Образы святых согласно византийской теологии VIII в.». Грондис отмечает, что некоторые историки искусства, среди которых сам Кондаков, характеризовали иконопись как «искусство гибридное и окаменевшее, а знаменитых русских иконописцев как художников немощных», тогда как в действительности «в течение пяти веков русские художники смогли сопротивляться всем попыткам натуралистов, чтобы остаться верными их миссии: изображать сверхприродное» [101]. Здесь голландский историк искусства, как кажется, перепутал Кондакова с кем-то из европейских авторов XIX в., возможно с Даженкуром или Дидроном? Мнение Кондакова вовсе другое. Я приведу одну лишь цитату. Кондаков считал, что иконография – только одна сторона вопроса. «Остается еще другая сторона иконописи, ее письмо, ее художественное исполнение и формы. Даже поверхностное знакомство с этой стороной русской иконописи указывает всю ее оригинальность» [28].

Десятый византийский конгресс, прошедший в Стамбуле в 1955 г., для советских византистов был первым после смерти Сталина. В нем приняли участие трое ученых из СССР. Зинаида Владимировна Удальцова в докладе «Фундаментальные проблемы византистики и советская историческая наука» подчеркнула, что главное отличие советской византистики от дореволюционной – ее теоретическая и идеологическая база, марксизм-ленинизм [69, р. 238–242]. Доклад В. Н. Лазарева был посвящен новым открытиям в Св. Софии Киевской, по материалам недавних реставрационных работ [69, р. 100–103]; доклад Д. В. Сарабьянова – связям между византийским и древнерусским искусством [69, р. 158–161].

Понятие «иконографический метод» в идеологической атмосфере советской эпохи приобретало специальный смысл, смысл негативный. Изучение письменных источников иконографии неизбежно связывалось

с «клерикальным» подходом, и такое понимание оказалось очень устойчивым. В СССР даже в либеральные 60-е годы Д. В. Айналов, а не Кондаков, считался «основателем русской школы историков искусства вообще, и в частности византийского и древнерусского». Оценка трудов Кондакова, по инерции сталинской эпохи, была, скорее, отрицательной: «Наука об истории византийского искусства с трудом порывала с традиционным иконографическим методом исследования. Многие работы носили клерикальный характер, большинство было лишено подлинного историзма. Весьма характерным для того времени был двухтомный труд Н. П. Кондакова «Иконография Богоматери», вышедший в свет в 1914–1915 гг.» [4, с. 8–9; 74, р. 8–9].

В 20-е годы в Советской России метод Кондакова казался отсталым, идущим из XIX в., тогда актуальной была задача утверждать метод формального анализа в византийских исследованиях. Времена меняются. В наше время, когда стремление к многостороннему «плюри-дисциплинарному» подходу стало господствующим, метод Кондакова можно расценить как интуитивное предвосхищение современных поисков. Кондаков, изучая Константинополь и сравнивая его с Римом, называет Рим счастливым, потому что его изучают «широким научным методом». Этот метод, «соединявший в себе филологическую критику и художественно-исторический анализ памятника, или совмещение археологии и истории искусства, может быть выставлен ныне руководящим принципом в общей науке древностей»; благодаря этому подходу и было выработано в Риме «научное основание христианской археологии», «в той же науке римских катакомб» [22, с. 12–13]. Уже в книге о Константинополе (1886) Кондаков сформулирует свой принцип: наука, «не ограничиваясь эстетическим анализом, осветит эти памятники изнутри их самих, и извне данными быта, культуры и политической жизни» и со временем «начертает нам живую картину древнего Цареграда» [22, с. 228–229]. Цель книги о Константинополе: «свести данные исторические, топографические и художественные» и «основать на непосредственном наблюдении археологию древней Византии» [22, с. II].

Наконец, в посмертной работе Кондакова читаем слова, которые сейчас звучат как заповедь: «Уже на первый, общий, даже посторонний взгляд, такое разделение формы и содержания представляется не только бессмысленным, но и явно вредным для самого предмета. Современная литература истории искусства открыто направляется по такому одностороннему и ненормальному пути» [31, с. 1]. Примерно в то же время Иоганн (Джованни) Кирш, первый ректор Папского института христианской археологии, основанного в декабре 1925 г., произносит на открытии института речь, где высказывает идеи, определившие дальнейшее развитие римской христианской археологии. Его понимание близко к кондаковскому «совмещению археологии и истории искусства». Кирш считает, что «история искусства есть составная и существенная часть археологии. Историческое развитие двух дисциплин создало дивергенцию, которая сама по себе не должна существовать и не обоснована»; в истории искусства нужно искать духовный источник, который дает импульс внешней форме, а цель археологии: синтетическая реконструкция христианской жизни во всех ее проявлениях [118, р. 54–55]. Несколько десятилетий спустя об отношении истории искусства к археологии (о чем не раз писал Кондаков) скажет Д. Паллас на 11 Международном конгрессе по христианской археологии (1986): современная археология, «которая избирает иногда преувеличенный историзм, ученый или поверхностный, иногда феноменологию, внутреннюю методами *Kunstgeschichte*, тяготеет к междисциплинарному подходу» [70, р. LXVI]. Слово *Kunstgeschichte* в этом контексте подразумевает метод формального анализа, который поначалу культивировался преимущественно в немецкоязычном мире (Австрия, Германия). Кондаков «тяготел» к этому многостороннему подходу всегда, т. е. тогда, когда современных распространенных понятий «междисциплинарный», «мультидисциплинарный» не существовало²⁴.

Отметим еще один аспект. Понятие «иконографический метод» сужает проблематику работ Кондакова. Его нельзя применить к

историко-археологическим студиям по Константинополю, Сирии, Крыму, Кавказу, а также работам о восточных чертах в культуре Византии. Кроме того, в Крыму Кондаков работал и как археолог в узком смысле слова, как полевой археолог. Стратиграфическая археология в изучении византийских памятников еще только начинала формироваться и далеко не могла сравниться с успехами классической археологии. С 1876 по 1891 г. Кондаков был членом Императорской Археологической комиссии. В Северном Причерноморье он изучал классические древности. В Новороссийском университете он создал музей слепков по распространенному примеру западноевропейских коллекций такого типа. Кондаков вел раскопки в Керчи, Херсонесе, Тамани, Евпаторийском уезде Таврической губернии. В частности, он обследовал фундаменты керченского храма Иоанна Предтечи [6]. В течение двух полевых сезонов он возглавлял раскопки византийского Херсонеса [49, с. 12–59; 114, S. 232–240]. Конечно, включенность Кондакова в полевую археологию Херсонеса была, скорее, формальной, нет данных о его конкретном участии в процессе раскопок. Не случайно у него не было никаких публикаций на эту тему. Кондаков и сам не считал их главными для себя [34, с. 168–169, прим. 42], однако без них общая картина «трудов и дней» ученого была бы неполной.

Кондаков оказал влияние на формирование таких крупных антиковедов, как Б. В. Фармаковский и С. А. Жебелев. Ученики Кондакова говорят об одной особенности Кондакова: о точном «глазе», об умении видеть. Об этом писал Айналов. Ростовцев, которого, по его словам, Кондаков научил «смотреть и видеть», одну из лучших своих книг – об античной живописи на юге России – посвятил Кондакову. Его имя написано огромными буквами на титульном листе книги – так ученик выразил свою признательность учителю. Некоторые современные историки науки считают Кондакова одним из основателей классической археологии Северного Причерноморья; его идеи и методы определили развитие археологии, преимущественно античной и скифо-сарматской, в Петербурге в начале XX в. [45, с. 92]. Археологи признают Кондакова, «создателя ар-

²⁴ Более подробно [см.: 58, с. 227–231].

хеологической византистики», «несомненно, ведущим и самым серьезным теоретиком археологии в России конца XIX в.» [45, с. 88; 39, с. 243–247].

О кавказских штудиях Кондакова можно сказать то же самое, что и о крымских – почти все они находятся вне оптики «иконографического метода». В своих экспедициях Кондаков многое открывал, описывал, систематизировал, давал определения, т. е. впервые вводил в научный оборот. Одна из первых работ Кондакова, написанная по приглашению Московского археологического общества, стала и первой работой о средневековой архитектуре Грузии [16]. Изучая большой купольный храм в Пизунде начала X в., Кондаков с присущей ему зоркостью впервые обратил внимание на подкупольную арку с изломом, отметив исламское происхождение этой формы [16, с. 11; 113, р. 99]. Много лет спустя подобные арки были выявлены в дворцовом сооружении в резиденции владетельного князя в селе Лыхны, памятнике той же эпохи. Эти исламские элементы находят свое объяснение в контексте усвоения восточных форм византийской культурой [55, с. 75–78]. Кондаков описал крупную коллекцию константинопольского мрамора в с. Хоби в Западной Грузии, в то время эта тема была новой [23; 53, с. 9–25]. Во время поездки Кондакова и Д. З. Бакрадзе по ризницам монастырей Западной Грузии были выявлены и описаны многие памятники искусства, среди них знаменитое Моквское евангелие 1300 г. [24].

После советской эпохи.

В последние десятилетия XX в. в США появляется ретроспективный интерес к пионерам византистики. С. Манго, издавая английский перевод книги Айналова «Эллинистические основы», говорит о его учителе Кондакове и подчеркивает непрерывную преемственность русской школы византистики [137, р. XI]. В 1970 г. появляется перепечатка французского перевода книги Кондакова о миниатюре, и уже новое поколение читателей знакомится с мнением автора Введения Антона Шпрингера: «Мы долго ждали, чтобы человек, близко связанный с византийским миром, взял слово о византийском искусстве. Кондаков в большей части ответил нашим ожиданиям»

[123, р. 2–12]. Также в США издана обзорная книга по русской историографии, включающая основные публикации Кондакова [209, р. 453–466]. С начала 90-х годов интерес на Западе к истории русской науки усиливается и становится устойчивым. Можно назвать две причины, по крайней мере. Это характерное настроение «конца века», когда появляется потребность осмыслить проходящее столетие. И вторая причина: Россия вызывает всеобщий интерес в эпоху «перестройки» и в постсоветский период, когда стали открываться архивы и пересматриваться сложившиеся обязательные мнения.

В 1991 г. американский историк архитектуры В. Ю. Клейнбауер издает обширную аннотированную библиографию, которая намеренно повторяет название известного труда его учителя Рихарда Краутхаймера «Раннехристианская и византийская архитектура» [128]. Библиография сопровождается историографическими экскурсами, и один из них посвящен Кондакову [119, р. LXXXVI–LXXXIX]. Несколько лет спустя тот же автор опубликует специальный этюд о Кондакове [120]²⁵. Помимо основных фактов биографии ученого, Клейнбауер дает оценки иконографическому и стилистическому анализу Кондакова, приводит дискуссии вокруг тезиса Кондакова о том, что итальянское треченто оказало влияние на живопись Древней Руси. Клейнбауер связывает иконографический подход Кондакова с иконологической теорией немецких историков искусства Аби (Abraham Moritz) Варбурга (1866–1929) и Эрвина Панофски (1892–1968) [175; 44], отмечая, что их теория появилась на свет в том же десятилетии, когда Кондаков скончался. Это не единственный случай, когда современные авторы сопоставляют старый иконографический подход с иконологическим. Так, Фабрицио Бисконти называет подход Йозефа Вильперта «иконологической декодификацией», отмечая, что идеи Вильперта полностью сложились к 30-м годам XX в., когда получили распространение работы Панофского [78, р. 259]. Такое современное толкование штудий Кондакова и Вильперта объясняется тем, что широкий иконографический синтез обоих авторов, свя-

²⁵ О Вейцмане [см.: 82].

занный с контекстом изучаемой эпохи, далеко выходит за рамки собственно иконографии в ее первоначальном смысле, который придавали этому термину, начиная с эпохи А.-Н. Дидрона (1806–1867), который первым открыл на Афоне византийский «подлинник», «эрминию» [65, с. 503–505].

В последние годы вышло в свет несколько новых работ по истории Семинара и Института Кондакова в Праге [183; 194; 76]. Эпизодически появляются публикации, в которых освещаются разные аспекты жизни и деятельности Кондакова, например Кондаков в истории Одесского университета [102, S. 530–532]. Имя Кондакова неотделимо от имени учителя Буслаева [140] и ученика Айналова [138, р. 189–191]. Характерная черта постсоветского периода – умножение числа публикаций российских археологов на западных языках. На 13-ом конгрессе по христианской археологии (1994), который был посвящен 100-летию со дня смерти де Росси, был сделан доклад о Кондакове и де Росси [112; 58]. Статьи о Кондакове вышли в Оксфордской энциклопедии археологии и в Биографическом словаре христианской археологии [121; 115].

Во второй половине XX в. идеи Кондакова присутствовали в европейском научном пространстве, их жизнь продолжалась. Иконографические темы широко изучались Андреем Николаевичем (Андре) Грабаром. Мария Джованна Муци, отмечая, что Кондаков был одним из учителей Грабара, детально изучила различные аспекты его метода. Муци различает подход компаративный и иконографический, рассмотрение памятника в историко-культурном и религиозном контексте, в сочетании с конкретным анализом образа [167, р. 61–78, 530]. В использовании специальных терминов Грабар исходит из лингвистики. Грабар сам подчеркивал, что он работал как историк, его «Мартирий» – это «книга по истории» [98]. В наблюдениях Муци все кажется знакомым, все можно применить и к Кондакову, только лингвистика другая: в трудах Грабара лингвистика структурная, очень популярная во второй половине XX в., заимствованная из США, а не из Германии, как сравнительная лингвистика XIX века. Муци верно подметила, что вклад Грабара часто забывают, многие его идеи кажутся общеизвест-

ными, принадлежащими всем [167, р. 532]. Не то же ли самое можно отнести и к Кондакову? И еще одно совпадение: Муци детально говорит только о проблемах иконографии в трудах Грабара, т. е. о живописи, но в эту картину не вписываются труды по архитектуре и археологии, в частности монументальный «Мартириум» [57]. То же самое можно сказать и о Кондакове. И еще одно совпадение, случайное или нет: исследование Муци о Грабаре, дважды изданное по-итальянски и затем по-французски, было выполнено в Папском Восточном институте (Pontificio Istituto Orientale) – именно там, где была обнаружена рукопись французского перевода «Итальянской Мадонны» Кондакова.

В первом десятилетии XXI в. литература о Кондакове на русском языке уже очень обширна²⁶. Однако первая монография, которая объединила биографию ученого, характеристику его важных трудов, анализ метода, намерение создать интеллектуальный и духовный портрет Кондакова на фоне эпохи, появилась в Риме на итальянском языке [94]. Книга чешского историка искусства Ивана Фолетти, «От Византии к Святой Руси. Никодим Кондаков (1844–1925) и зарождение истории искусства в России», является диссертацией, защищенной в Лозаннском университете в 2010 г. Некоторые спорные суждения Фолетти, касающиеся мировоззрения Кондакова, вызвали возражения. Так, Фолетти представляет читателю Кондакова атеистом (а сам Кондаков, напротив, пишет в своем Дневнике, что является истинно религиозным человеком). В другой работе Фолетти читаем: Кондаков сожалел лишь об одном – о том, что родился в России. Но эти слова принадлежат Фолетти, Кондаков никогда их не произносил [114, S. 95–99; 117, р. 181, 187]. Анализ книги Фолетти был дан нами в рецензии на эту книгу и в другой, более развернутой работе. Свои основные выводы о деятельности и личности Кондакова Фолетти повторил в предисловии к изданию французского перевода третьего тома «Иконографии Богоматери». Эту рукопись Фолетти выявил в архиве Папского Восточного института [64; 63].

Помимо книги, Иван Фолетти постоянно публикует о Кондакове статьи. Некоторые из

²⁶ Список основных публикаций о Кондакове [см.: 42].

них производят двойственное впечатление. С одной стороны, эти публикации, несомненно, делают личность и деятельность Кондакова более известным западному читателю, не владеющему русским языком. С другой же стороны, Иван Фолетти чрезмерно политизирует предмет исследования, освещает некоторые вопросы тенденциозно, при этом не всегда обнаруживая достаточное знание биографии русского ученого и его трудов. Новая статья Фолетти посвящена Кавказу: «Русский взгляд на “периферийный” район» [95]. Она напечатана в Приложении к журналу *Convivium*, который издается с 2014 г. Университетом Лозанны (Швейцария), Университетом им. Масарика (Прага) и Академией наук Чешской республики. Иван Фолетти, главный редактор этого журнала, избрал для него в качестве подзаголовка *Seminarium Kondakovianum, Series Nova*. Бренд, связанный с именем Кондакова, несомненно, сделает новое издание узнаваемым в ученом мире. Англоязычный том Приложения, о котором пойдет речь, посвящен теме «Средневековый Южный Кавказ. Художественные культуры Албании, Армении и Грузии». В первой фразе своей статьи Фолетти сообщает читателю новость: Кондаков был «придворным историком искусства последних Романовых». Стремясь создать впечатление о тесных связях Кондакова с аристократическими кругами, Фолетти пишет, что граф Александр Алексеевич Бобринский (1852–1927), свыше тридцати лет возглавлявший Археологическую комиссию, был другом Кондакова. Мы знаем, что это не так – в 1891 г. Кондаков из-за конфликта с Бобринским вышел из Археологической комиссии.

Статья Фолетти посвящена экспедиции Кондакова в Западную Грузию для составления описи ценностей, которые хранились в ризницах известных монастырей; случаи расхищения драгоценных предметов побудили Александра III организовать эту экстренную экспедицию, в которой участвовал также знаток грузинской эпиграфики и палеографии Д. З. Бакрадзе. Но из статьи Фолетти читатель очень немного узнает о самой поездке и ее результатах. Статья Фолетти наполнена рассуждениями о колониальной политике царской администрации на Кавказе, о русификаторстве и даже неовизантийском архитектурном сти-

ле в России. Фолетти приписывает Кондакову проявления «имперского взгляда» на искусство Грузии и, хотя неявно, намеками представляет Кондакова проводником политики Александра III на Кавказе. Ход мысли Фолетти следующий. Если Кондаков считал, что некоторые эмалы с грузинскими надписями принадлежат к «византийскому стилю», это означает «абсолютное подчинение грузинского искусства Византии» и, следовательно, «представляет Грузию как периферийную зону византийского мира». А из этого, по мнению Фолетти, следует, что Кондаков смотрел на Грузию конца XIX в. как на периферийную территорию, подчиненную Российской империи. Таким образом, «придворный историк искусства» Кондаков был тесно связан с колониальной политикой Александра III на Кавказе. Фолетти приписывает Кондакову «византино-центричный взгляд» на Кавказ, что соответствует, по мнению Фолетти, представлениям самого Александра III. Конечно, в работах Кондакова подобных высказываний нет, но Фолетти, как он сам говорит, «читает между строк».

В действительности же ситуация была прямо противоположной. Кондаков был одним из немногих ученых своей эпохи, которые подчеркивали вклад многих народов в формирование византийской культуры. В частности, о Кавказе он писал: «Наш Кавказ представляет собою колоссальный некрополь древних народностей и разнообразных культур, склад изделий мастерских Малой Азии и Сирии и начала искусства и художественной промышленности средневековой Европы» [26, с. 46]. К концу жизни Кондаков приходит к таким выводам: «...варвары принесли с собой такую восточную закваску от Персии, Тибета и Средней Азии, что она переработала Византию целиком» [62, с. 555]. Можно ли здесь усмотреть «византино-центризм», мнение о руководящей роли Константинополя, которое, по мнению Фолетти, прямо вело Кондакова к идее о роли Российской империи?

Иван Фолетти касается вопросов истории грузинской архитектуры, но и здесь тоже не очень удачно. Он цитирует фразу Кондакова из 4-го тома «Русских древностей» (1891) о том, что грузинская архитектура, являясь одной из многочисленных ветвей византийского искус-

ства, в то же время имеет право на «самостоятельное место в истории искусства». И тут тоже Фолетти усматривает отражение политической позиции России на Кавказе. Но вот, для сравнения, известный компендиум Рихарда Краутхаймера (1897–1994) «Раннехристианская и византийская архитектура». Краутхаймер рассматривает архитектуру Грузии и Армении как части византийской традиции [129, р. 338–348]. Если использовать «анти-имперскую» оптику Ивана Фолетти, можно задаться вопросом: проводником какой имперской политики был дважды эмигрант Краутхаймер?

Иван Фолетти подчеркивает, что в 1889 г. в Грузию отправился русский ученый, не имевший опыта работы на Кавказе, и в этом тоже усматривая русификаторские намерения Александра III. К сожалению, Фолетти недостаточно знаком с трудами Кондакова. Ему осталась неизвестной одна из первых научных публикаций Кондакова – «Древняя архитектура Грузии» [16]. В ней молодой историк искусства впервые поставил вопрос об отношении местной архитектуры к византийской традиции. Уже тогда он выдвинул идею, которая в советскую эпоху будет широко развита как в грузинской, так и в армянской историографии. Кондаков подчеркнул, что задача исследователя – выявлять местные особенности архитектуры, что не следует преувеличивать внешние влияния.

Иван Фолетти ставит себе цель нарисовать «интеллектуальный портрет» русского ученого. К сожалению, этот портрет мало схож с ориги-

налом: Кондаков – придворный искусствовед, атеист, западник, проводник колониальной политики Александра III на Кавказе, конформист, готовый сотрудничать с советской властью. В публикациях Фолетти мы видим, скорее, стремление высказывать свои собственные политические взгляды, нежели анализировать взгляды Кондакова. Схема, которой следует Фолетти, проста и традиционна: Византийская империя – Российская империя – современная Россия (это последнее – не прямо, не явно, «между строк»).

Публикации Фолетти о Кондакове обращены к читателю, который, как правило, не владеет русским языком. Возможно, этим и объясняется такая свобода Фолетти в освещении личности и деятельности Кондакова – ведь западный читатель не может проверить сведения и выводы чешского историка искусства.

Таким образом, мы видим, что в наши дни имя Кондакова, его труды и идеи вписываются в самые разные современные контексты, и не только в области истории искусства, но и в сфере политики и, к сожалению, порою тенденциозно. К счастью, есть и другие примеры. Например, итальянский историк искусства Джованни Гасбарри в своей недавней книге «Открыть Византию. Изучение византийского искусства в Риме и в Италии между XIX и XX веком» [97] счастливо избежал субъективно-политизированных оценок, необоснованных суждений, односторонности [66].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д. В. Мозаики IV и V вв. Иконографические и стилистические исследования раннехристианского искусства. СПб., [б.и.], 1895. 199 с.
2. Айналов Д. В. Рецензия: *Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours*. Т. 1. Sous la dir. de André Michel. Paris, 1905 // ВВ. 1906. Т. 12. С. 291–297.
3. Байе Ш. Византийское искусство. СПб.: Типография В. И. Штейна, 1883. 328 с.
4. Банк А. В. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М.: Советский художник, 1966. 392 с.
5. Беляев Д. А. *Byzantina*. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. I–II. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1891–1893. 200+308 с.
6. Болгов Н. Н., Прокопенко С. Н. Н. П. Кондаков и классические древности Северного Причерноморья // Боспорские Чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2006. Вып. 7. С. 19–24.
7. Буслаев Ф. И. О заслугах покойного П. И. Севастьянова // Вестник Общества Древнерусского искусства при Московском Публичном музее. 1874. Вып. 5. С. 40–42.

8. Буслаев Ф. И. Русское искусство в оценке французского ученого // Критическое Обозрение. 1879. № 2. С. 2–20; № 5. С. 1–24.
9. Буслаев Ф. И. Мои досуги. Ч. 1. М.: Синодальная типография, 1886. 407 с.
10. Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства. Т. 1. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1908. 552 с.
11. Васильев А. А. XIV интернациональный конгресс ориенталистов в 1905 г. // ВВ. 1906. Т. 12. С. 573–576.
12. Вернадский Г. В. О значении научной деятельности Н. П. Кондакова: К восьмидесятилетию со дня рождения 1844–1.XI.1924. Речь, произнесенная на III съезде русских ученых в Праге 25 сентября 1924 г. Прага, 1924. 15 с.
13. Вздорнов Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
14. Задворный В. Л., Хрушкова Л. Г. Дюшен Л. // Католическая энциклопедия. М.: Издательство францисканцев, 2002. Т. 1. Стб. 1743–1744.
15. Кондаков Н. П. Древнехристианские храмы // Сборник, изданный обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. Отд. 2. 1866. С. 4–19.
16. Кондаков Н. П. Древняя архитектура Грузии. М.: Синодальная типография, 1876. 60 с.
17. Кондаков Н. П. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1876. 276 с.
18. Кондаков Н. П. Отчет доцента Н. Кондакова о его занятиях за границу с 1 марта по 1 сентября 1875 г. Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1876. 7 с.
19. Кондаков Н. П. Отчет доцента Н. Кондакова о его занятиях за границу с 1 сентября 1875 по 1 августа 1876 г. Одесса: Типография Ульриха и Шульце, 1877. 10 с.
20. Кондаков Н. П. Мозаики мечети Кахрие-Джамиси в Константинополе. Одесса: Типография Г. Ульриха, 1881. 39 с.
21. Кондаков Н. П. Путешествие на Синай в 1881 году. Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря. Текст и альбом. Одесса: Типография П. А. Зеленого, 1882. 160 с.
22. Кондаков Н. П. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса: Типография А. Шульце, 1886/1887. 229 с.
23. Кондаков Н. П., Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства. Т. 1–6. СПб., 1889–1899. Т. 1–6. 118+160+158+176+163+186 с.
24. Кондаков Н. П., Бакрадзе Д. З. Описание памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890. 179 с.
25. Кондаков Н. П. Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали. СПб.: Типография А. Стасюлевича, 1892. 394 с.
26. Кондаков Н. П. О научных задачах истории древнерусского искусства // Памятники древней письменности и искусства. 1899. Т. 132. С. 1–47.
27. Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1904. 308 с.
28. Кондаков Н. П. Византийское искусство на выставке в Гротта-Феррата. Рим, 1906 // ЖМНП. 1907. Ч. 7. С. 408–412.
29. Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Связи греческой и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1910. 216 с.
30. Кондаков Н. П. Русская икона. Т. 1–4. Прага: Seminarium Kondakovianum, 1928–1933. 65+136+192+220 с.
31. Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага: Типография Политика, 1929. 464 с.
32. Кондаков Н. П. Барельефы (5-6 стол. по Р. Хр.) деревянной двери базилики св. Сабины, что на Авентинском холме в Риме // Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки / под ред. И. Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. С. 115–132.
33. Красносельцев Н. Ф. О значении археологических открытий для обработки древней церковной истории. Одесса: Экономическая типография, 1889. 22 с.
34. Кызласова И. Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Издательство МГУ, 1985. 183 с.
35. Кызласова И. Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы. По материалам архивов. М.: Издательство Академии горных наук, 2000. 440 с.
36. Кызласова И. Л. Письма Габриеля Милле к Н. П. Кондакову // Мир русской византистики.

- Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 616–640.
37. Лазарев В. Н. Никодим Павлович Кондаков (1844–1925). М.: Издание автора, 1925. 47 с.
 38. Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. 1–2. М.: Искусство, 1947–1948. 455+38 с.
 39. Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 464 с.
 40. Левченко М. В. Шарль Диль и его значение в византиноведении // Вопросы истории. 1947. № 3. С. 100–109.
 41. Медведев И. П. Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб.: Алетейя, 2006. 334 с.
 42. Мир Кондакова. Публикации. Статьи. Каталог выставки / под ред. И. И. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. 392 с.
 43. Муньос А. Работы Н. П. Кондакова и Италия // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924. С. 19–21.
 44. Панофский Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве. СПб.: Азбука-классика, 2009. 439 с.
 45. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-история, 2010. 316 с.
 46. Покровский Н. В. Библиографическая заметка. История христианского искусства в первые восемь столетий (Рецензия: P. R. Garucci. *Storia dell'arte christiana nei primi secoli della Chiesa*. Prato, 1872–1881) // Христианское Чтение. 1883. № 1–2 (отдельный оттиск).
 47. Редин Е. К. Мозаики равеннских церквей. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1896. 231 с.
 48. Редин Е. К. Ф. И. Буслаев. Обзор трудов его по истории и археологии искусства. Речь, читанная на заседании Историко-филологического общества, посвященного памяти Буслаева 31 окт. 1897 г. Харьков, 1898. С. 1–39.
 49. Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 2. Византийский город. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 544 с.
 50. С. Ж. [Жебелев]. Секция византийской археологии на Первом Международном археологическом конгрессе в Афинах весной 1905 г. // ВВ. 1906. Т. 12. С. 571–573.
 51. Садыкова Е. Нил Россанский // Католическая энциклопедия. М.: Издательство францисканцев, 2007. Т. 3. Стб. 877–879.
 52. Скифский роман / под общей ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. 623 с.
 53. Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 126 с.
 54. Хрушкова Л. Г. Два римских письма Н. П. Кондакова // Церковная археология: материалы Второй Всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского (1848–1917). СПб., 1998. Вып. 4. С. 305–308.
 55. Хрушкова Л. Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.: Наука, 1998. 112 с.
 56. Хрушкова Л. Г. Рецензия: *Correspondence de G.V. de Rossi et de L. Duchesne, Rome, 1995* // РА. 1998. № 3. С. 223–227.
 57. Хрушкова Л. Г. Андрей Николаевич Грабар и европейская христианская археология // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию А. Н. Грабара / Отв. ред. Э. С. Смирнова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 97–106.
 58. Хрушкова Л. Г. Христианская археология в Западной Европе и русская школа византистики // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. 2000. Вып. 5. С. 217–245.
 59. Хрушкова Л. Г. Археология христианская, византийская, церковная: термины, предмет, современное состояние. // Точки (Puncta). 2001. № 3–4. С. 192–211.
 60. Хрушкова Л. Г. Рецензия: *Zanini E. Introduzione all'archeologia bizantina* // ВВ. 2002. Т. 61. С. 241–244.
 61. Хрушкова Л. Г. Джованни Баттиста де Росси // Католическая Энциклопедия. М.: Издательство францисканцев, 2011. Т. 4. Стб. 310–312.
 62. Хрушкова Л. Г. Йозеф Стриговский и Йозеф Вильперт в России: идеи, дискуссии, сотрудничество // Византия в контексте мировой культуры СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 544–585.
 63. Хрушкова Л. Г. Никодим Павлович Кондаков: новая монография // Византия в контексте мировой культуры. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015. С. 466–487.
 64. Хрушкова Л. Г. Рецензия: *Foletti I. Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia*. Roma, 2011 // ВВ. 2015. Т. 74. С. 371–374.

65. Хрушкова Л. Г. Христианская, церковная и византийская археология: историография XV – начала XXI в. // Введение в историю Церкви. Ч. 2. Обзор историографии по общей истории Церкви / под ред. В. В. Симонова. СПб.: Алетея, 2015. С. 447–686.
66. Хрушкова Л. Г. Рецензия: Gasbarri Giovanni. Riscoprire Bizanzio. Lo studio dell'arte bizantina a Roma e in Italia tra Ottocento e Novecento. Roma: Viella, 2015 // ВВ. 2017. Т. 101. С. 341–344.
67. Хрушкова Л. Г., Симонов В. В. Археологические и эпиграфические источники // Введение в общую историю Церкви. Часть 1. Обзор источников по общей истории Церкви / под ред. В. В. Симонова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. С. 569–683.
68. Actes du VIe Congrès International d'Études Byzantines. Paris, 27 juillet-2 août 1948. Paris: École des Hautes Etudes, à la Sorbonne, 1950–1951. Т. 1–2. 413+436 p.
69. Actes du X Congrès International d'Études byzantines (Istanbul, 15–21.IX. 1955). Istanbul, 1957. 334 p.
70. Actes du XIe Congrès International d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste, 21–28 septembre 1986. Rome: École française de Rome, 1989. Vol. 1–3. 2919 p.
71. Agosti G. La nascita della storia dell'arte in Italia. Adolfo Venturi dal museo all'università. 1880–1940. Venezia: Marsilio, 1996. 276 p.
72. Ainalov D. Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Bd. 1. Berlin-Leipzig: De Gruyter, 1932. 96 S.
73. Atti del IV Congresso internazionale di Archeologia Cristiana. 16–22 ottobre 1938. Città del Vaticano-Roma: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 1940. Vol. 1. 448 p.
74. Bank A. V. L'art byzantin dans les musées de l'Union Soviétique. Leningrad: Aurora, 1977. 340 p.
75. Bayet C. Рецензия: Kondakoff N. Histoire de l'art byzantin // Byzantinische Zeitschrift. 1896. Bd. 5. S. 191–195.
76. Beißwenger M. Das Seminarium Kondakovianum in Prag (1925–1952). Geschichte einer russischen wissenschaftlichen Institution, 2005. URL: www.nd.edu/~mbeisswe/Martin%20Beisswenger_Seminarium%20Kondakovianum.pdf (access: 21.09. 2018).
77. Beljaev N.M. Professor N. P. Kondakov // The Journal of the British Archaeological Association. N. S. 1926. Dec. P. 281–293.
78. Bisconti F. Giuseppe Wilpert: iconografo – iconologo – storico dell'art // Heid S. (Ed.). Giuseppe Wilpert: Archeologo Cristiano: Atti del Convegno (Roma, 16–19 maggio 2007). Città del Vaticano, Roma: Pontificio Istituto di Archeologia Christiana, 2009. P. 249–260.
79. Bréhier L. Рецензия: Strzygowski J. L'ancien art chrétien de Syrie // Journal des Savants, 1938. Premier article: sept.-oct. P. 193–202; deuxième et dernier article: nov.-dec. P. 241–248.
80. Bulgakov S. L'icône et sa vénération. Lausanne: L'age d'Homme, 1996. 126 p.
81. Dennert M. Franz Xaver Kraus // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis zum 21. Jahrhundert. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 758–761
82. Dennert M. Kurt Weitzmann // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis zum 21. Jahrhundert. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 1309–1310.
83. Diehl C. Les émaux byzantins de la collection Zwénigorodskoi // Gazette des Beaux-Arts. 1895. Per. 13. P. 287–298.
84. Diehl C. S. Reinach // Bulletin Archéologique du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques. 1932–1933. P. 222–223.
85. Doolan S. La Rédecouverte de l'icône. La vie et l'oeuvre de Léonide Ouspensky. Paris: Cerf, 2000. 94 p.
86. Duchesne L., Bayet Ch. Mission au Mont Athos // Archives des missions scientifiques et littéraires. 3e serie. 1876. Vol. III. P. 201–528.
87. Ebersolt J. Étude sur la topographie et les monuments de Constantinople // Extrait de la Revue Archéologique. 1909. T. 14. 4è Série. P. 1–41.
88. Ebersolt J. Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies. Paris: Leroux, 1910. 240 p.
89. Ebersolt J. Sainte-Sophie de Constantinople: Étude topographique d'après le Livre des Cérémonies. Paris: E. Leroux, 1910. 27 p.
90. Ebersolt J. Nikodim Pavlovich Kondakov // Byzantion. 1924. T. 1. P. 1–6.
91. Feraudi-Gruénais F. Bibliographie von Désiré Raoul-Rochette // Römische Quartalschrift. 2011. Bd. 106. S. 45–71.
92. Feraudi-Gruénais F. Désiré Raoul-Rochette // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis zum 21. Jahrhundert. Bd. 2.

- Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 1056–1058.
93. Florenskij P. *La perspective inverse. L'iconostase et autres oeuvres sur l'art*. Lausanne: L'âge d'Homme, 1992. 112 p.
94. Foletti I. *Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia*. Roma: Viella, 2011. 290 p.
95. Foletti I. *The Russian View of a 'Peripheral' Region. Nikodim Kondakov and the Southern Caucasus* // Foletti I. and Thonø E. *Convivium* (Eds.). *Supplementum: The Medieval South Caucasus. Artistic Cultures of Albania, Armenia and Georgia*. Brno: Masarykova univerzita, 2016. P. 21–34.
96. Gasbarri G. *Bridges between Russia and Italy: Studies in Byzantine Art at the Beginning of 20th Century*. URL: <http://www.actual-art.org/en/k2010-2/st2010/94-vh/194-studies-in-byzantine-art.html> (accessed: 20. 09. 2018).
97. Gasbarri G. *Riscoprire Bizanzio. Lo studio dell'arte bizantina a Roma e in Italia tra Ottocento e Novecento*. Roma: Viella, 2015. 312 p.
98. Grabar A. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique*. Vol. 1-2. Paris: Collège de France, 1943–1946. 1040 p.
99. Grabar A. *Kondakov and the Treasure Nagy-Szent-Miklós* // *The Bulletin of the Byzantine Institut*. 1946. Vol. 1. P. 3–5.
100. Grabar A. *Gabriel Millet. Nécrologie* // *Annales de l'École pratique des hautes études*. 1953. T. 62. P. 11–20.
101. Grondys L.-H. *Images de saints d'après la théologie byzantine du VIIIe siècle* // *Actes du VIe Congrès International d'Études Byzantines*. Paris, 27 juillet-2 août 1948. Paris: École des Hautes Etudes, à la Sorbonne, 1950–1951. T. 2. P. 146–170.
102. Hausmann G. *Universität und städtische Gesellschaft in Odessa. 1865–1917*. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1998. 699 S.
103. Heid S. *Antonio Muñoz* // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis zum 21. Jahrhundert*. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 944–945.
104. Heid S. *Charles-Marie-Adolphe-Louis Bayet* // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16. bis zum 21. Jahrhundert*. Bd. 1. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 142–143.
105. Heid S. *Clément-Gustave-Henri Grégoire* // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 1. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 606–607.
106. Heid S. *Cosimo Stornajolo/Stornaiuolo* // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 1197–1198.
107. Heid S. *Fortuné-Eugène-Gabriel Millet* // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 913–914.
108. Heid S. *Giovanni Battista de Rossi* // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 1. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 400–405.
109. Heid S. *Henry/Enrico Stevenson jun.* // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 1192–1193
110. Heisenberg A. *Nikodim Pavlovich Kondakov* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1925. Bd. 25. S. 271–272.
111. Khrouchkova L. *Une église octogonale à Sébastopolis en Abkhazie* // *Akten des 12 internationalen Kongresses für Christliche Archologie*. Bonn 22 bis 28 Sept. 1991. Bd. 2. Citta del Vaticano-Münster: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 1995. P. 914–921.
112. Khrouchkova L. *G.B. de Rossi et N.P. Kondakov: deux traditions scientifiques* // *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae*. Split-Poreč, sept. 1994. Citta del Vaticano-Split: Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 1998. T. 1. P. 373–380.
113. Khrouchkova L. *Les monuments chrétiens de la cote orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècles*. Turnhout: Brepols, 2006. 340 p.
114. Khrushkova L. G. *Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland (2 Folge)* // *Römische Quartalschrift*. 2012. Bd. 107. № 1–2. S. 95–99; (3 Folge). № 3–4. S. 203–240; (4 Folge) // *Römische Quartalschrift*. 2013. Bd. 108. № 3–4. S. 254–287.

115. Khrushkova L. G. Nikodim Pavlovič Kondakov // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 751–754.
116. Khrushkova L. G. Nikolaj Vasil'evič Pokrovskij // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 769–770
117. Khrushkova L. Josef Strzygowski, Joseph Wilpert and the Russian School of Byzantine Studies // Cahiers Archéologiques. 2015. T. 56. P. 173–189.
118. Kirsch G. P. L'archeologia cristiana. Suo carattere proprio e suo metodo scientifico. Prolusione per l'inaugurazione del Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana // Rivista di Archeologia Cristiana. 1927. T. 4. P. 49–57.
119. Kleinbauer W. E. Early Christian and Byzantine Architecture. An Annotated Bibliography and Historiography. Boston: G.K. Hall, 1992. 779 p.
120. Kleinbauer W. E. Nikodim Pavlovich Kondakov: The First Byzantine Art Historian in Russia // Moss Chr., Kiefer K. (Eds.). Byzantine East, Latin West: Art-Historical Studies in Honor of Kurt Weitzmann. Princeton University, 1995. P. 637–642.
121. Klejn L. N. P. Kondakov // Encyclopedia of Archaeology. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 165–174.
122. Kondakoff N. Les sculptures de la porte de Sainte-Sabine à Rome // Revue Archéologique. 1877. T. 33–34, № 2. P. 361–372.
123. Kondakoff N. P. Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. Vol. 1–2. Paris-London: Librairie de l'Art, 1886–1891; reprint by B. Franklin. New-York, 1970.
124. Kondakoff N. Les costumes orientaux à la cour byzantine // Byzantion. 1924. T. 1. P. 7–49.
125. Kondakoff N. Un détail des harnachements byzantins // Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger. Paris: P. Geutner, 1924. P. 399–407.
126. Kondakov N. P. The Russian Icon / Transl. E.H. Minns. Oxford: Clarendon Press, 1927. 226 p.
127. Kondakov N. P. The Treasure of Nagy-Szent-Miklós // The Bulletin of the Byzantine Institut. 1946. Vol. 1. P. 7–13.
128. Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth: Penguin books, 1965. 390 p.
129. Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture: Harmondsworth: Penguin Books Ltd, 1975. 583 p.
130. Langlois C.-V. Éloge funèbre de M. Nikodime Pavlovitch Kondakov, correspondant étranger de l'Académie // Comptes-rendus des séances de l'année 1925 – Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1925. T. 69/2. P. 69–70.
131. Lazarew V. N. Nikodim Pavlovich Kondakov // Behrens Dr. E. (Hrsg.). Kunst im Osten und Norden. Mitteilungen der Arbeitsgemeinschaft "Kunst im Osten und Norden". Bd. 5. Marburg; Lahn, 1950. S. 1–23.
132. Leardi G. Una mostra d'arte bizantina a Grottaferrata // Studi Romani. 2002. T. 50. № 1–2. P. 311–333.
133. Leclercq H. Kondakoff (Nikodème) // Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne et de Liturge. Paris, 1928. T. 8. Col. 818–819.
134. Leclercq H. Muntz Eugène // Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne et de Liturgie. Paris, 1935. T. 12. P. 515–528.
135. Leger L. I. Tolstoï et N. Kondakov. Les antiquités russes dans les monuments de l'art ("Russkia drevnosti v pamiatnikakh iskusstva"). Sankt-Petersburg, 1889 (premier fascicule) // Revue Archéologique. 1889. T. XIV/3. P. 166.
136. Letronne A. J. Raoul-Rochette D. Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien // Journal des Savants. 1822. Août. P. 489–498.
137. Mango C. Editors' Preface // Mango C. (Ed.). Ainalov D. The Hellenistic Origins of Byzantine Art / Trans. by E. and T.S. Sobolevitch. New Brunswick: Rutgers University Press, 1961. P. I–XV.
138. Marcenaro M. Dmitrij Vlas'evič Ajnalov: il "Viaggio in Italia" di uno storico dell'arte russa sul finire dell'Ottocento // Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. III Serie. 2003. No. 26. P. 189–210.
139. Mazal O. Handbuch der Byzantinistik. Graz, 1989. 279 S.
140. Medvedkova O. Fedor Buslaev (1818-1897) à l'origine de l'histoire de l'art médiéval en Russie // Cahiers du monde russe. 2012. T. 53. P. 385–404.
141. Millet G. M. Le prof. Kondakov en Syrie et en Palestine // Revue Archéologique. 1905. T. 4, 5. P. 421–423.
142. Millet G. M. (Ed.). Mélanges Théodore Ouspensky. Vol. 1–4. Paris, 1930.

143. Minns E. H. N. P. Kondakov: The Father of Russian Archaeology // *The Slavonic Review*. 1924. Vol. 3. No. 8. P. 435–437.
144. Moretti S. Il collezionismo d'arte bizantina tra Otto e Novecento: il caso Stroganoff // *Bisanzio, la Grecia e l'Italia. Atti della giornata di studi sulla civiltà artistica bizantina in onore di Mara Bonfioli*. Roma 22 novembre 2002. A cura di A. Iacobini. Roma: Università di Roma "La sapienza", 2003. P. 89–102.
145. Muños A. Рецензия: Н.П. Кондаков Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902 // *L'Arte*. 1904. T. 7. P. 414–415.
146. Muños A. Die italo-byzantinische Ausstellung in Grottaferrata // *Byzantinische Zeitschrift*. 1905. Bd. 14. S. 402.
147. Muños A. Esposizione italo-bizantina. Notizia intorno alla Badia e suoi monumenti. Grottaferrata: Tip. del Unione cooperativa, 1905. 56 p.
148. Muños A. L'arte bizantina all'esposizione di Grottaferrata // *L'Arte*. 1905. T. 8. No. 5-6. P. 161–170.
149. Muños A. Рецензия: N. Kondakov. La rappresentazione di una famiglia principesca russa in miniature dell'XI secolo. Pietroburgo, 1906 // *Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana*. 1906. T. 12. P. 190–191.
150. Muños A. Рецензия: N.P. Kondakov. Manuale iconografico illustrato. Tomo I. Iconografia del nostro Signore e Salvatore Gesù. Pietroburgo, 1905 // *Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana*. 1906. T. 12. P. 191–193.
151. Muños A. Рецензия: N.P. Kondakov. Viaggio archeologico in Siria e palestina. Pietroburgo, 1904 // *Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana*. 1906. T. 12. P. 188–189.
152. Muños A. L'art byzantin à l'exposition de Grottaferrata. Rome: Danesi, 1906. 193 p.
153. Muños A. In memoria di un grande bizantino russo, Nikodemo Kondakoff // *Il Marzocco*. 1927. T. 32. No. 22. P. 1–2.
154. Muñoz A. Iconografia della Madonna. Studio della rappresentazioni della Vergine nei monumenti artistiche d'Oriente et d'Occidente. Firenze: Alfani e venturi, 1905. 220 p.
155. Muñoz A. Il codice purpureo di Rossano e il frammento sinopense. Roma: Danesi editore, 1907. 32 p.
156. Muñoz A. Studi d'arte medioevale. Roma: Modes, 1909. 224 p.
157. Muñoz A. La collezione del conte Stroganoff in Roma // *Rassegna Contemporanea*. 1910. T. 3. P. 85–92.
158. Muñoz A. La basilica di S. Sabina in Roma. Milano: Alfieri et Lacroix, 1919. 45 p.
159. Muñoz A. Alcune osservazioni intorno al Rotulo di Ciosuè e agli Ottateuchi illustrate // *Byzantion*. 1924. T. 1. P. 475–483.
160. Muñoz A. Bulletin italien. Art byzantin (1918–1924) // *Byzantion*. 1924. T. 1. P. 671–677.
161. Muntz E. À propos de l'ouvrage de M. Kondakoff sur la miniature byzantine // *Bulletin critique*. 1887. T. VIII. P. 322–337.
162. Muratoff P. L'ancienne peinture russe. Prague-Rome: A. Stock, 1925. 183 p.
163. Muratoff P. Les icônes russes. Paris: Editions de la Pleiade, 1927. 263 p.
164. Muratoff P. (Introd.). Exposition d'icônes et d'objets d'art religieux russe. XVIe-XVIIe siècles (époque des Tsars). Paris: À la Vielle Russie, 1928. 24 p.
165. Muratoff P. Trente-cinq primitifs russes. Paris: À la Vielle Russie, 1931. 108 p.
166. Muratova X. Kondakov ou Kondakoff Nikodim Pavlovich // *Dictionnaire critique d'iconographie occidentale*. Rennes: Presses Universitaire, 2003. P. 487–489.
167. Muzj M.G. Visione e presenza. Iconografia e teofania nel pensiero di Andre Grabar. Milano: La casa di Matriona, 1995. 247 p.
168. Ouspensky L. L'Icône, Vision du Monde Spirituel. Paris: Setor, 1948. 31 p.
169. Ouspensky L. Essai sur la théologie de l'Icône dans l'Église orthodoxe. Paris: Édition de l'ecarchat patriarcal russe, 1960. 230 p.
170. Ouspensky L. Théologie de l'icône dans l'Église orthodoxe, Paris: Cerf, 1980. 493 p.
171. Ouspensky L., Lossky W. Der Sinn der Ikonen. Bern-Olton: Urs-Graf Verlag, 1952. 222 S.
172. Pagano S. Luigi Maria Bruzza // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 1. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 237–238.
173. Palmieri A. L'Abbaye de Grottaferrata et son IX centenaire // *BB*. 1904. T. 11, 1–2. P. 396–419.
174. Palombi D. Amedeo Rodolfo Giuseppe Filippo Lanciani // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 782–784.

175. Panofsky E. *Studies in Iconology: Humanist Themes in the Art of the Renaissance*. New York: Oxford University Press, 1939. 262 p.
176. Popovich S. Рецензия: Кондаков Н.П. Воспоминания и думы. Прага, 1927 // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 1927. Vol. 51. No. 296. P. 248.
177. Popovich S. *Russian Iconography: The Russian Icon by Nikodim Pavlovich Kondakov*, transl. by Ellis H.N. Minns // *The Burlington Magazine for Connoisseurs*. 1927. Vol. 51. No. 296. P. 248.
178. Raoul-Rochette D. *Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien*. Paris: Chez Firmin Didot, 1822. 235 p.
179. Raoul-Rochette D. *Discours sur l'origine, le développement et le caractère des types imitatifs qui constituent l'art du christianisme*. Paris: Adrien le Clere et Co, 1834. 71 p.
180. Raoul-Rochette D. *Tableau des catacombes de Rome, où on donne la description de ces cimetières sacrés, avec l'indication des principaux monuments d'antiquité chrétienne, en peinture et en sculpture, et celles des autres objets qu'on en a retirés*. Paris: Bibliotheque Universelle, 1837. 300 p.
181. Raoul-Rochette D. *Mémoire sur les antiquités chrétiennes des catacombes*. Paris: Mémoires de l'Institut national de France. Académie des inscriptions et belles-lettres, 1838.
182. Reinach S. *Les émaux byzantins de la collection de M.A. Zmienigorodskoi. Avec texte de N. Kondakoff* // *Revue Archéologique*. 1895. Ser. 3. Vol. 26. P. 143–144.
183. Rhineland L.H. *Exiled Russian Scholars in Prague. The Kondakov Seminar and Institute* // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 16. P. 333–351.
184. Richter J.-P. *Die Mosaiken von Ravenna. Beitrag zu einer kritischen Geschichte der altchristlichen Malerei*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1878. 162 S.
185. Richter J.-P. Рецензия: *Geschichte der byzantinischen Kunst und Ikonographie nach den Miniaturen der griechischen Manuskripte*. Odessa, 1877 // *Repertorium für Kunstwissenschaft*. 1879. Bd. 2. S. 385–387.
186. Richter J.-P. Рецензия: Bayet Ch. *Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétienne en Orient avant la querelle des Iconoclastes* // *Repertorium für Kunstwissenschaft*. 1880. Bd. 3. S. 79–81.
187. Richter J.-P. Рецензия: F.X. Kraus. *Real-Enzyklopädie der christlicher Alterthümer*. 1-2. Freiburg i. Br. 1882–1886 // *Repertorium für Kunstwissenschaft*. 1890. Bd. 3. S. 335–338.
188. Richter J.-P. *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel*. Wien: Verlag von Carl Graeser, 1897. 432 S.
189. Richter J.-P. and Taylor A. C. *The Golden Age of Classic Christian Art*. London: Duckworth and Co, 1904. 427 p.
190. Saint-Roch P. (Ed.). *Correspondence de G.B. de Rossi et de L. Duchesne*. Rome: École française du Rome, 1995. 731 p.
191. Salzenberg W. *Altchristliche Baudenkmäler von Konstantinopel von 5. Bis 12. Jahrhundert*. Berlin: Verlag von E. Korn, 1854. 40 S.
192. Séjourné P. Pitra Jean-Baptiste // *Dictionnaire de Théologie Catholique*. Paris: Letouzey et Ané, 1935. T. 12. Col. 2238–2245.
193. *Sixième Congrès International d'Études Byzantines*. Alger, 2–7 octobre 1939. *Résumés des rapports et communications*. Paris, 1940. 287 p.
194. Skálova Z. *Das Prager Seminarium Kondakovianum, später das Archäologische Kondakov-Institut und sein Archiv* // *Slavia Gadesia*. 1991. Vol. 18. S. 21–43.
195. Strzygowski J. Рецензия: N.P. Kondakov. *Ikonographie der Mutter Gottes. Die Beziehungen der griechischen und russischen Ikonenmalerei zur italienischen der Frührenaissance*. St-Petersburg 1911 // *Byzantinische Zeitschrift*. 1912. Bd. 21. S. 350–354.
196. Strzygowski J. *L'ancien art chrétien de Syrie: Son caractère et son évolution d'après les découvertes de Vogüé et de l'expédition de Princeton. La façade de Mschatta et le calice d'Antioche (Étude préliminaire de G. Millet)*. Paris: E. de Boccard, 1936. LII. 215 p.
197. Studer-Karlen M. Charles-Michel Diehl // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 1. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 414–416.
198. Tsamakda V. Jean-Paul Richter // Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). *Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert*. Bd. 2. Regensburg: Schnell & Steiner, 2012. S. 1077–1078.
199. Unger F. W. *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte*. Wien: Wilhelm Braumüller, 1878. 150 S.

200. Vat. Lat. 14250. No. 444. P. 648.
 201. Vat. Lat. 14263. No. 384. P. 487.
 202. Vat. Lat. 14265. No. 309. P. 360.
 203. Vat. Lat. 14266. No. 666. P. 206.
 204. Vat. Lat. 14268. No. 794. P. 382.
 205. Vat. Lat. 14 268. No. 801. P. 384.
 206. Vat. Lat. 14 269. No. 459. P. 581.
 207. Vat. Lat. 14274. No. 903. P. 1885.
 208. Vernadskij G. V. Nikodim Pavlovich Kondakov // Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov (Seminarium Kondakovianum). Prague, 1926. P. IX–XXX.
 209. Vernadskij G. V. Russian Historiography. A History / Transl. by N. Lupinin. Belmont, Mass.: Nordland Publishing Company, 1978. 575 p.
 210. Vernadsky G. Nikodim Pavlovich Kondakov // Revue Archéologique. 1924. Ser. 5. Vol. 20. P. 225–226.
 211. Vues et antiquités du Sinai par M. le Professeur Kondakoff et photographe J. X. Raoult. Odessa, 1881.
 212. Waché B. Monseigneur Louis Duchesne (1843–1922). Rome: Collection de l'École française de Rome, 1992. 760 p.
 213. Weber P. Рецензия: Geschichte und Denkmäler des byzantinischen Emails. N. Kondakov. Frankfurt a. Main, 1892 // Repertorium für Kunstwissenschaft. 1895. Bd. 18. S. 287–298.
 214. Wulff O. Begrüssung eines Achtzigjährigen N. P. Kondakov // Belvedere. 1924. No. 27. P. 73–76.
 215. Zanini E. Introduzione all'archeologia bizantina. Roma: La nuova italica scientifica, 1994. 274 p.

REFERENCES

1. Ainalov D. V. *Mozaiki IV i V v. Ikonograficheskie i stilisticheskie issledovaniia rannekhristsianskogo iskusstva*. St.-Peterburg, 1895, 199 p.
2. Ainalov D. V. Retsenziia: Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours. T. 1. Sous la dir. de André Michel. Paris, 1905. *Vizantiyskiy vremennik*, 1906, vol. 12, pp. 291–297.
3. Baie Sh. *Vizantiiskoe iskusstvo*. St.-Petersburg, V. I. Shtein Publ., 1883, 328 p.
4. Bank A. V. *Vizantiiskoe iskusstvo v sobraniakh Sovetskogo Soiuzu*. Leningrad; Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1966, 392 p.
5. Beliaev D. A. *Byzantina. Ocherki, materialy i zametki po vizantiiskim drevnostiam. Vol. I-II*. St.-Petersburg, Imperatorskoi akademii nauk Publ., 1891–1893, 200+308 p.
6. Bolgov N. N., Prokopenko S. N. N. P. Kondakov i klassicheskie drevnosti Severnogo Prichernomor'ia. *Bosporskie Chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia*, Kerch', 2006, vol. 7, pp. 19–24.
7. Buslaev F. I. O zaslugakh pokoinogo P. I. Sevast'ianova. *Vestnik Obshchestva Drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom Publichnom muzee*, 1874, vol. 5, pp. 40–42.
8. Buslaev F. I. Russkoe iskusstvo v otsenke frantsuzskogo uchenogo. *Kriticheskoe Obozrenie*, 1879, No. 2, pp. 2–20; No. 5, pp. 1–24.
9. Buslaev F. I. *Moi dosugi. Ch. 1*. Moscow, Sino-dal'naia Publ., 1886, 407 p.
10. Buslaev F. I. *Sochineniia po arkheologii i istorii iskusstva. T. 1*. St.-Petersburg, Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1908, 552 p.
11. Vasil'ev A. A. XIV internatsional'nyi kongress orientalistov v 1905 g. *Vizantiyskiy vremennik*, 1906, vol. 12, pp. 573–576.
12. Vernadskii G. *O znachenii nauchnoi deiatel'nosti N. P. Kondakova: K vos'midesiatiletiiu so dnia rozhdeniia 1844–I.XI.1924. Rech', proiznesennaia na III s"ezde russkikh uchenykh v Prage 25 sentiabria 1924 g.* Prague, 1924. 15 p.
13. Vzdornov G. I. *Istoriia otkrytiia i izucheniia russkoi srednevekovoi zhivopisi: XIX vek*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, 384 p.
14. Zadvoyni V. L., Khrushkova L. G. Diushen L. *Katolicheskaiia entsiklopediia*. Moscow, Frantsiskantsev Publ., 2002, vol. 1, col. 1743–1744.
15. Kondakov N. P. *Drevnekhristsianskie khramy. Sbornik, izdannyi obshchestvom drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom publichnom muzee*, 1866, vol. 2, pp. 4–19.

16. Kondakov N. P. *Drevniaia arkhitektura Gruzii*. Moscow, Sinodal'naia Publ., 1876, 60 p.
17. Kondakov N. P. *Istoriia vizantiiskogo iskusstva i ikonografii po miniatiuram grecheskikh rukopisei*. Odessa, Ul'rikh i Shul'tse Publ., 1876, 276 p.
18. Kondakov N. P. *Otchet dotsenta N. Kondakova o ego zaniatiiakh za granitseiu s 1 marta po 1 sentiabria 1875 g.* Odessa, Ul'rikh i Shul'tse Publ., 1876, 7 p.
19. Kondakov N. P. *Otchet dotsenta N. Kondakova o ego zaniatiiakh za granitseiu s 1 sentiabria 1875 po 1 avgusta 1876 g.* Odessa, Ul'rikh i Shul'tse Publ., 1877, 10 p.
20. Kondakov N. P. *Mozaiki mecheti Kakhrie-Dzhamisi v Konstantinopole*. Odessa, G. Ul'rikh Publ., 1881, 39 p.
21. Kondakov N. P. *Puteshestvie na Sinai v 1881 godu. Iz putevykh vpechatlenii. Drevnosti Sinaiskogo monastiria. Tekst i al'bom*. Odessa, P. A. Zelenyi Publ., 1882, 160 p.
22. Kondakov N. P. *Vizantiiskie tserkvi i pamiatniki Konstantinopolia*. Odessa, Tipografia A. Shul'tse Publ., 1886/1887, 229 p.
23. Kondakov N. P., Tolstoi I. I. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vol. 1–6*. St.-Petersburg, 1889–1899. 118+160+158+176+163+186 p.
24. Kondakov N. P., Bakradze D. Z. *Opis' pamiatnikov drevnosti v nekotorykh khramakh i monastiriakh Gruzii*. St.-Petersburg, 1890, 179 p.
25. Kondakov N. P. *Vizantiiskie emali. Sobranie A. V. Zvenigorodskogo. Istoriia i pamiatniki vizantiiskoi emali*. St.-Petersburg, A. Stasiulevich Publ., 1892, 394 p.
26. Kondakov N. P. O nauchnykh zadachakh istorii drevnerusskogo iskusstva. *Pamiatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva*, 1899, vol. 132, pp. 1–47.
27. Kondakov N. P. *Arkheologicheskoe puteshestvie po Sirii i Palestine*. St.-Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1904, 308 p.
28. Kondakov N. P. Vizantiiskoe iskusstvo na vystavke v Grotta-Ferrata. Rim, 1906. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 1907, vol. 7, pp. 408–412.
29. Kondakov N. P. *Ikonografiia Bogomateri. Sviazi grecheskoi i russkoi ikonopisi s ital'ianskoiu zhivopis'iu rannego Vozrozhdeniia*. St.-Petersburg, R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1910, 216 p.
30. Kondakov N. P. *Russkaia ikona. Vol. 1–4*. Prague, Seminarium Kondakovianum Publ., 1928–1933. 65+136+192+220 p.
31. Kondakov N. P. *Ocherki i zametki po istorii srednevekovogo iskusstva i kul'tury*. Prague, Politika Publ., 1929, 464 p.
32. Kondakov N. P. Barel'efy (5-6 stol. po R. Khr.) dereviannoi dveri baziliki sv. Sabiny, chto na Aventinskom kholme v Rime. *Kyzlasova I. L. (Ed.). Mir Kondakova. Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavki*. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, pp. 115–132.
33. Krasnosel'tsev N. F. *O znachenii arkheologicheskikh otkrytii dlia obrabotki drevnei tserkovnoi istorii*. Odessa, Ekonomicheskaiia Publ., 1889, 22 p.
34. Kyzlasova I. L. *Istoriia izuchenii vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva v Rossii (F. I. Buslaev, N. P. Kondakov: metody, idei, teorii)*. Moscow, MGU Publ., 1985, 183 p.
35. Kyzlasova I. L. *Istoriia otechestvennoi nauki ob iskusstve Vizantii i Drevnei Rusi. 1920–1930 gody. Po materialam arkhivov*. Moscow, Akademiia gornykh nauk Publ., 2000, 440 p.
36. Kyzlasova I. L. Pis'ma Gabrielia Mille k N. P. Kondakovu. *Mir russkoi vizantinistiki. Materialy arkhivov Sankt-Peterburga*. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, pp. 616–640.
37. Lazarev V. N. *Nikodim Pavlovich Kondakov (1844–1925)*. Moscow, Avtor Publ., 1925, 47 p.
38. Lazarev V. N. *Istoriia vizantiiskoi zhivopisi. Vol. 1–2*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1947–1948, 455+38 p.
39. Lebedev G. S. *Istoriia otechestvennoi arkheologii. 1700–1917*. St.-Petersburg, SpbGU Publ., 1992, 464 p.
40. Levchenko M. V. Sharl' Dil' i ego znachenie v vizantinovedenii. *Voprosy istorii*, 1947, No. 3, pp. 100–109.
41. Medvedev I. P. *Peterburgskoe vizantinovedenie. Stranitsy istorii*. St.-Petersburg, Aleteiia Publ., 2006, 334 p.
42. Kyzlasova I. L. (Ed.). *Mir Kondakova. Publikatsii. Stat'i. Katalog vystavki*. Moscow, Russkii put' Publ., 2004, 392 p.
43. Mun'os A., Raboty N. P. Kondakova i Italiia. *Nikodim Pavlovich Kondakov. 1844–1924. K vos'midesiatiletiiu so dnia rozhdeniia*. Prague, 1924, pp. 19–21.
44. Panofskii E. *Etiudy po ikonologii. Gumanisticheskie temy v iskusstve*. St.-Petersburg, Azbuka-klasika Publ., 2009, 439 p.

45. Platonova N. I. *Istoriia arkheologicheskoi mysli v Rossii. Vtoraia polovina XIX – pervaiia tret' XX veka*. St.-Petersburg, Nestor-istoriia Publ., 2010, 316 p.
46. Pokrovskii N. V. Bibliograficheskaia zametka. Istoriia khristianskogo iskusstva v pervye vosem' stoletii (Retsenziia: P. R. Garucci. Storia dell'arte christiana nei primi secoli della Chiesa. Prato, 1872–1881). *Khristianskoe Chtenie*, 1883, vol. 1–2.
47. Redin E. K. *Mozaiki ravenskikh tserkvei*. St.-Petersburg, I. N. Skorokhodov Publ., 1896, 231 p.
48. Redin E. K. *F. I. Buslaev. Obzor trudov ego po istorii i arkheologii iskusstva. Rech', chitannaia na zasedanii Istoriko-filologicheskogo obshchestva, posviashchennogo pamiati Buslaeva 31 okt. 1897 g.* Khar'kov, 1898, pp. 1–39.
49. Romanchuk A. I. *Issledovaniia Khersonesa-Khersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. Vol. 2. Vizantiiskii gorod*. Tiumen', Tiimenskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2008, 544 p.
50. S. Zh. [Zhebelev]. Sektsiia vizantiiskoi arkheologii na Pervom Mezhdunarodnom arkheologicheskom kongresse v Afinakh vesnoi 1905 g. *Vizantiyskii vremennik*, 1906, vol. 12, pp. 571–573.
51. Sadykova E. Nil Rossanskii. *Katolicheskaiia entsiklopediia*. Moscow, Frantsiskantsev Publ., 2007, vol. 3, col. 877–879.
52. Bongard-Levin G. M. *Skifskii roman*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 623 p.
53. Khrushkova L. G. *Skul'ptura rannesrednevekovoi Abkhazii*. Tbilisi, Metsniera Publ., 1980, 126 p.
54. Khrushkova L. G. Dva rimskikh pis'ma N. P. Kondakova. *Tserkovnaia arkheologiia: materialy Vtoroi Vserossiiskoi tserkovno-arkheologicheskoi konferentsii, posviashchennoi 150-letiiu sodnia rozhdeniia N.V. Pokrovskogo (1848-1917)*. St.-Petersburg, 1998, vol. 4, pp. 305–308.
55. Khrushkova L. G. *Lykhny. Srednevekovyi dvortsovyi kompleks v Abkhazii*. Moscow, Nauka Publ., 1998, 112 p.
56. Khrushkova L. G. Retsenziia: Correspondence de G. B. de Rossi et de L. Duchesne, Rome, 1995. *Rossiiskaia arkheologiia*, 1998, vol. 3, pp. 223–227.
57. Khrushkova L. G. Andrei Nikolaevich Grabar i evropeiskaia khristianskaia arkheologiia. *Smirnova E. S. (Ed.). Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiia i Drevniaia Rus'. K 100-letiiu A. N. Grabara*. St.-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1999, pp. 97–106.
58. Khrushkova L. G. Khristianskaia arkheologiia v Zapadnoi Evrope i russkaia shkola vizantinistiki. *Uchenye zapiski Rossiiskogo Pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova*, 2000, vol. 5, pp. 217–245.
59. Khrushkova L. G. Arkheologiia khristianskaia, vizantiiskaia, tserkovnaia: terminy, predmet, sovremennoe sostoianie. *Tochki (Puncta)*, 2001, No. 3–4, pp. 192–211.
60. Khrushkova L. G. Retsenziia: Zanini E. Introduzione all'archeologia bizantina. *Vizantiyskii vremennik*, 2002, vol. 61, pp. 241–244.
61. Khrushkova L. G. Dzhovanni Battista de Rossi. *Katolicheskaiia Entsiklopediia*. Moscow, Frantsiskantsev Publ., 2011, vol. 4, col. 310–312.
62. Khrushkova L. G. Iozef Strigovskii i Iozef Vil'pert v Rossii: idei, diskussii, sotrudnichestvo. *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury*. St.-Petersburg, Gos. Ermitazh Publ., 2013, pp. 544–585.
63. Khrushkova L. G. Nikodim Pavlovich Kondakov: novaia monografiia. *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury*. St.-Petersburg, Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 2015, pp. 466–487.
64. Khrushkova L. G. Retsenziia: Foletti I. Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia. Roma, 2011. *Vizantiyskii vremennik*, 2015, vol. 74, pp. 371–374.
65. Khrushkova L. G. Khristianskaia, tserkovnaia i vizantiiskaia arkheologiia: istoriografiia XV – nachala XXI v. *Simonov V. V. (Ed.). Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Vol. 2. Obzor istoriografii po obshchei istorii Tserkvi*. St.-Petersburg, Aleteiia Publ., 2015, pp. 447–686.
66. Khrushkova L. G. Retsenziia: Gasbarri Giovanni. Riscoprire Bizanzio. Lo studio dell'arte bizantina a Roma e in Italia tra Ottocento e Novecento. Roma: Viella, 2015. *Vizantiyskii vremennik*, 2017, vol. 101, pp. 341–344.
67. Khrushkova L. G., Simonov V. V. Arkheologicheskie i epigraficheskie istochniki. *Simonov V. V. (Ed.). Vvedenie v obshchuiu istoriiu Tserkvi. Vol. 1. Obzor istochnikov po obshchei istorii Tserkvi*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 2012, pp. 569–683.
68. *Actes du VIe Congrès International d'Études Byzantines. Paris, 27 juillet-2 août 1948*. Paris, École des Hautes Etudes, à la Sorbonne, 1950–1951, vol. 1–2, 413+436 p.

69. *Actes du X Congrès International d'Études byzantines (Istanbul, 15–21.IX. 1955)*. Istanbul, 1957, 334 p.
70. *Actes du XIe Congrès International d'archéologie chrétienne. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève, Aoste, 21–28 septembre 1986*. Rome, École française de Rome, 1989, vol. 1–3, 2919 p.
71. Agosti G. *La nascita della storia dell'arte in Italia. Adolfo Venturi dal museo all'università. 1880–1940*. Venezia, Marsilio, 1996, 276 p.
72. Ainalov D. *Geschichte der russischen Monumentalkunst der vormoskovitischen Zeit. Bd. 1*. Berlin-Leipzig, De Gruyter, 1932, 96 S.
73. *Atti del IV Congresso internazionale di Archeologia Cristiana. 16–22 ottobre 1938*. Città del Vaticano-Roma, Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 1940, vol. 1, 448 p.
74. Bank A. V. *L'art byzantin dans les musées de l'Union Soviétique*. Léningrad, Aurora Publ., 1977, 340 p.
75. Bayet C. Рецензия: Kondakoff N. Histoire de l'art byzantin. *Byzantinische Zeitschrift*, 1896, Bd. 5, S. 191–195.
76. Beißwenger M. *Das Seminarium Kondakovianum in Prag (1925–1952)*. Geschichte einer russischen wissenschaftlichen Institution, 2005. URL: www.nd.edu/~mbeisswe/Martin%20Beisswenger_Seminarium%20Kondakovianum.pdf (accessed: 21.09. 2018).
77. Beljaev N. M. Professor N. P. Kondakov. *The Journal of the British Archaeological Association, Nova Series*, 1926, dec., pp. 281–293.
78. Bisconti F. Giuseppe Wilpert: iconografo – iconologo – storico dell'art. *Heid S. (Ed.). Giuseppe Wilpert: Archeologo Cristiano: Atti del Convegno (Roma, 16–19 maggio 2007)*. Città del Vaticano, Roma, Pontificio Istituto di Archeologia Christiana, 2009, pp. 249–260.
79. Bréhier L. Review: Strzygowski J. L'ancien art chrétien de Syrie. *Journal des Savants*, 1938, premier article: sept.-oct., pp. 193–202; deuxième et dernier article: nov.-dec., pp. 241–248.
80. Bulgakov S. *L'icône et sa vénération*. Lausanne, L'age d'Homme, 1996, 126 p.
81. Dennert M. Franz Xaver Kraus. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 758–761.
82. Dennert M. Kurt Weitzmann. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 1309–1310.
83. Diehl C. Les émaux byzantins de la collection Zwénigorodskoi. *Gazette des Beaux-Arts*, 1895, per. 13, pp. 287–298.
84. Diehl C. S. Reinach. *Bulletin Archéologique du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques*, 1932–1933, pp. 222–223.
85. Doolan S. *La Rédecouverte de l'icône. La vie et l'oeuvre de Léonide Ouspensky*. Paris, Cerf, 2000, 94 p.
86. Duchesne L., Bayet Ch. Mission au Mont Athos. *Archives des missions scientifiques et littéraires, 3e série*, 1876, vol. III, pp. 201–528.
87. Ebersolt J. Étude sur la topographie et les monuments de Constantinople. *Extrait de la Revue Archéologique*, 1909, vol. 14, 4è série, pp. 1–41.
88. Ebersolt J. *Le Grand Palais de Constantinople et le Livre des Cérémonies*. Paris, Leroux, 1910, 240 p.
89. Ebersolt J. *Sainte-Sophie de Constantinople: Étude topographique d'après le Livre des Cérémonies*. Paris, E. Leroux, 1910, 27 p.
90. Ebersolt J. Nikodim Pavlovich Kondakov. *Byzantion*, 1924, vol. 1, pp. 1–6.
91. Feraudi-Gruénais F. Bibliographie von Désiré Raoul-Rochette. *Römische Quartalschrift*, 2011, Bd. 106, S. 45–71.
92. Feraudi-Gruénais F. Désiré Raoul-Rochette. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert, Bd. 2*, Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 1056–1058.
93. Florenskij P. *La perspective inverse. L'iconostase et autres oeuvres sur l'art*. Lausanne, L'age d'Homme, 1992, 112 p.
94. Foletti I. *Da Bisanzio alla Santa Russia. Nikodim Kondakov (1844–1925) e la nascita della storia dell'arte in Russia*. Roma, Viella, 2011, 290 p.
95. Foletti I. The Russian View of a 'Peripheral' Region. Nikodim Kondakov and the Southern Caucasus. *Foletti I. and Thonø E. Convivium (Eds.). Supplementum: The Medieval South Caucasus. Artistic Cultures of Albania, Armenia and Georgia*. Brno, Masarykova univerzita, 2016, pp. 21–34.
96. Gasbarri G. *Bridges between Russia and Italy: Studies in Byzantine Art at the Beginning of 20th*

- Century. URL: <http://www.actual-art.org/en/k2010-2/st2010/94-vh/194-studies-in-byzantine-art.html> (accessed: 20. 09. 2018).
97. Gasbarri G. *Riscoprire Bizanzio. Lo studio dell'arte bizantina a Roma e in Italia tra Ottocento e Novecento*. Roma, Viella, 2015, 312 p.
 98. Grabar A. *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chrétien antique. Vol. 1-2*. Paris, Collège de France, 1943–1946, 1040 p.
 99. Grabar A. Kondakov and the Treasure Nagy-Szent-Miklós. *The Bulletin of the Byzantine Institut*, 1946, vol. 1, pp. 3–5.
 100. Grabar A. Gabriel Millet. Nécrologie. *Annales de l'École pratique des hautes études*, 1953, vol. 62, pp. 11–20.
 101. Grondys L.-H. Images de saints d'après la théologie byzantine du VIIIe siècle. *Actes du VIe Congrès International d'Études Byzantines. Paris, 27 juillet-2 août 1948*. Paris, École des Hautes Etudes, à la Sorbonne, 1950-1951, vol. 2, pp. 146–170.
 102. Hausmann G. *Universität und städtische Gesellschaft in Odessa. 1865–1917*. Stuttgart, F. Steiner Verlag, 1998, 699 S.
 103. Heid S. Antonio Muñoz. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 944–945.
 104. Heid S. Charles-Marie-Adolphe-Louis Bayet. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 1*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 142–143.
 105. Heid S. Clément-Gustave-Henri Grégoire. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 1*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 606–607.
 106. Heid S. Cosimo Stornajolo/Stornaiuolo. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 1197–1198.
 107. Heid S. Fortuné-Eugène-Gabriel Millet. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 913–914.
 108. Heid S. Giovanni Battista de Rossi. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 1*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 400–405.
 109. Heid S. Henry/Enrico Stevenson jun. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012. S. 1192–1193.
 110. Heisenberg A. Nikodim Pavlovich Kondakov. *Byzantinische Zeitschrift*, 1925, Bd. 25, S. 271–272.
 111. Khrouchkova L. Une église octogonale à Sébastopolis en Abkhazie. *Akten des 12 internationalen Kongresses für Christliche Archäologie. Bonn 22 bis 28 Sept. 1991. Bd. 2*. Citta del Vaticano-Münster, Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 1995, pp. 914–921.
 112. Khrouchkova L. G. B. de Rossi et N. P. Kondakov: deux traditions scientifiques. *Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christianae. Split-Poreč, sept. 1994*. Citta del Vaticano-Split, Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana, 1998, vol. 1, pp. 373–380.
 113. Khrouchkova L. *Les monuments chrétiens de la cote orientale de la mer Noire. Abkhazie. IVe–XIVe siècles*. Turnhout, Brepols, 2006, 340 p.
 114. Khrushkova L. G. Geschichte der Christlichen Archäologie in Russland (2 Folge). *Römische Quartalschrift*, 2012, Bd. 107, Nr. 1–2, S. 95–99; (3 Folge), Nr. 3–4, S. 203–240; (4 Folge). *Römische Quartalschrift*, 2013, Bd. 108, Nr. 3–4, S. 254–287.
 115. Khrushkova L. G. Nikodim Pavlovič Kondakov. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 751–754.
 116. Khrushkova L. G. Nikolaj Vasil'evič Pokrovskij. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 769–770.
 117. Khrushkova L. Josef Strzygowski, Joseph Wilpert and the Russian School of Byzantine Studies. *Cahiers Archéologiques*, 2015, vol. 56, pp. 173–189.

118. Kirsch G. P. L'archeologia cristiana. Suo carattere proprio e suo metodo scientifico. Prolusione per l'inaugurazione del Pontificio Istituto di Archeologia Cristiana. *Rivista di Archeologia Cristiana*, 1927, vol. 4, pp. 49–57.
119. Kleinbauer W. E. *Early Christian and Byzantine Architecture. An Annotated Bibliography and Historiography*. Boston, G.K. Hall, 1992, 779 p.
120. Kleinbauer W. E. Nikodim Pavlovich Kondakov: The First Byzantine Art Historian in Russia. *Moss Chr., Kiefer K. (Eds.). Byzantine East, Latin West: Art-Historical Studies in Honor of Kurt Weitzmann*. Princeton University, 1995, pp. 637–642.
121. Klejn L. N. P. Kondakov. *Encyclopedia of Archaeology. Vol. 1*. Oxford, Oxford University Press, 1999, pp. 165–174.
122. Kondakoff N. Les sculptures de la porte de Sainte-Sabine à Rome. *Revue Archéologique*, 1877, vol. 33–34, No. 2, pp. 361–372.
123. Kondakoff N. P. *Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. Vol. 1–2*. Paris-London, Librairie de l'Art, 1886–1891; reprint by B. Franklin, New-York, 1970.
124. Kondakoff N. Les costumes orientaux à la cour byzantine. *Byzantion*, 1924, vol. 1, pp. 7–49.
125. Kondakoff N. Un détail des harnachements byzantins. *Mélanges offerts à M. Gustave Schlumberger*. Paris, P. Geutner, 1924, pp. 399–407.
126. Kondakov N. P. *Minns E. H. (Transl.). The Russian Icon*. Oxford, Clarendon Press, 1927, 226 p.
127. Kondakov N. P. The Treasure of Nagy-Szent-Miklós. *The Bulletin of the Byzantine Institut*, 1946, vol. 1, pp. 7–13.
128. Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. Harmondsworth, Penguin books, 1965, 390 p.
129. Krautheimer R. *Early Christian and Byzantine Architecture*. Harmondsworth, Penguin Books Ltd, 1975, 583 p.
130. Langlois C.-V. Éloge funèbre de M. Nikodime Pavlovitch Kondakov, correspondant étranger de l'Académie. *Comptes-rendus des séances de l'année 1925 – Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1925, vol. 69/2, pp. 69–70.
131. Lazarew V.N. Nikodim Pavlovich Kondakov. *Behrens Dr. E. (Hrsg.). Kunst im Osten und Norden. Mitteilungen der Arbeitsgemeinschaft "Kunst im Osten und Norden", Bd. 5*. Marburg; Lahn, 1950, S. 1–23.
132. Leardi G. Una mostra d'arte bizantina a Grottaferrata. *Studi Romani*, 2002, vol. 50, No. 1–2, pp. 311–333.
133. Leclercq H. Kondakoff (Nikodème). *Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne et de Liturgie*. Paris, 1928, vol. 8, col. 818–819.
134. Leclercq H. Muntz Eugène. *Dictionnaire d'Archéologie Chrétienne et de Liturgie*. Paris, 1935, vol. 12, pp. 515–528.
135. Leger L. I. Tolstoï et N. Kondakov. Les antiquités russes dans les monuments de l'art ("Russkia drevnosti v pamiatnikakh iskusstva"). Sankt-Petersburg, 1889 (premier fascicule). *Revue Archéologique*, 1889, vol. XIV/3, p. 166.
136. Letronne A. J. Raoul-Rochette D. Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien. *Journal des Savants*, 1822, août, pp. 489–498.
137. Mango C. Editors' Preface. *Mango C. (Ed.). Ainalov D. The Hellenistic Origins of Byzantine Art*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1961, pp. I–XV.
138. Marcenaro M. Dmitrij Vlas'evič Ajnalov: il "Viaggio in Italia" di uno storico dell'arte russa sul finire dell'Ottocento. *Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte. III Serie*, 2003, No. 26, pp. 189–210.
139. Mazal O. *Handbuch der Byzantinistik*. Graz, 1989, 279 S.
140. Medvedkova O. Fedor Buslaev (1818-1897) à l'origine de l'histoire de l'art médiéval en Russie. *Cahiers du monde russe*, 2012, vol. 53, pp. 385–404.
141. Millet G. M. Le prof. Kondakov en Syrie et en Palestine. *Revue Archéologique*, 1905, vol. 4, 5, pp. 421–423.
142. Millet G. M. (Ed.). *Mélanges Théodore Ouspensky. Vol. 1–4*. Paris, 1930.
143. Minns E. H. N. P. Kondakov: The Father of Russian Archaeology. *The Slavonic Review*, 1924, vol. 3, No. 8, pp. 435–437.
144. Moretti S. Il collezionismo d'arte bizantina tra Otto e Novecento: il caso Stroganoff. *Iacobini A. (Ed.). Bisanzio, la Grecia e l'Italia. Atti della giornata di studi sulla civiltà artistica bizantina in onore di Mara Bonfioli. Roma 22 novembre 2002*. Roma, Università di Roma "La sapienza", 2003, pp. 89–102.
145. Muñoz A. Review: N.P. Kondakov. Pamiatniki khristianskogo iskusstva na Afone. St.-Petersburg, 1902. *L'Arte*, 1904, vol. 7, pp. 414–415.

146. Muños A. Die italo-byzantinische Ausstellung in Grottaferrata. *Byzantinische Zeitschrift*, 1905, Bd. 14, S. 402.
147. Muños A. *Esposizione italo-bizantina. Notizia intorno alla Badia e suoi monumenti*. Grottaferrata, Tip. del Unione cooperativa, 1905, 56 p.
148. Muños A. L'arte bizantina all'esposizione di Grottaferrata. *L'Arte*, 1905, vol. 8, No. 5-6, pp. 161–170.
149. Muños A. Review: N. Kondakov. La rappresentazione di una famiglia principessa russa in miniature dell'XI secolo. Pietroburgo, 1906. *Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana*, 1906, vol. 12, pp. 190–191.
150. Muños A. Review: N. P. Kondakov. Manuale iconografico illustrato. Tomo I. Iconografia del nostro Signore e Salvatore Gesù. Pietroburgo, 1905. *Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana*, 1906, vol. 12, pp. 191–193.
151. Muños A. Review: N. P. Kondakov. Viaggio archeologico in Siria e palestina. Pietroburgo, 1904. *Nuovo Bulletino di Archeologia Cristiana*, 1906, vol. 12, pp. 188–189.
152. Muños A. *L'art byzantin à l'exposition de Grottaferrata*. Rome, Danesi, 1906, 193 p.
153. Muños A. In memoria di un grande bizantino russo, Nikodemo Kondakoff. *Il Marzocco*, 1927, vol. 32, No. 22, pp. 1–2.
154. Muñoz A. *Iconografia della Madonna. Studio della rappresentazioni della Vergine nei monumenti artistiche d'Oriente et d'Occidente*. Firenze, Alfani e venturi, 1905, 220 p.
155. Muñoz A. *Il codice purpureo di Rossano e il frammente sinopense*. Roma, Danesi editore, 1907, 32 p.
156. Muñoz A. *Studi d'arte medioevale*. Roma, Modes, 1909, 224 p.
157. Muñoz A. La collezione del conte Stroganoff in Roma. *Rassegna Contemporanea*, 1910, vol. 3, pp. 85–92.
158. Muñoz A. *La basilica di S. Sabina in Roma*. Milano, Alfieri et Lacroix, 1919, 45 p.
159. Muñoz A. Alcune osservazioni intorno al Rotulo di Ciosuè e agli Ottateuchi illustrate. *Byzantion*, 1924, vol. 1, pp. 475–483.
160. Muñoz A. Bulletin italien. Art byzantin (1918–1924). *Byzantion*, 1924, vol. 1, pp. 671–677.
161. Muntz E. À propos de l'ouvrage de M. Kondakoff sur la miniature byzantine. *Bulletin critique*, 1887, vol. VIII, pp. 322–337.
162. Muratoff P. *L'ancienne peinture russe*. Prague-Rome, A. Stock, 1925, 183 p.
163. Muratoff P. *Les icônes russes*. Paris, Editions de la Pleiade, 1927, 263 p.
164. Muratoff P. (Introd.). *Exposition d'icônes et d'objets d'art religieux russe. XVIe-XVIIe siècles (époque des Tsars)*. Paris, À la Vielle Russie, 1928, 24 p.
165. Muratoff P. *Trente-cinq primitifs russes*. Paris, À la Vielle Russie, 1931, 108 p.
166. Muratova X. Kondakov ou Kondakoff Nikodim Pavlovich. *Dictionnaire critique d'iconographie occidentale*. Rennes, Presses Universitaire, 2003, pp. 487–489.
167. Muj M.G. *Visione e presenza. Iconografia e teofania nel pensiero di Andre Grabar*. Milano, La casa di Matrona, 1995, 247 p.
168. Ouspensky L. *L'Icône, Vision du Monde Spirituel*. Paris, Setor, 1948, 31 p.
169. Ouspensky L. *Essai sur la théologie de l'Icône dans l'Église orthodoxe*. Paris, Édition de l'ecarchat patriarcal russe, 1960, 230 p.
170. Ouspensky L. *Théologie de l'icône dans l'Église orthodoxe*. Paris, Cerf, 1980, 493 p.
171. Ouspensky L., Lossky W. *Der Sinn der Ikonen*. Bern-Olton, Urs-Graf Verlag, 1952, 222 S.
172. Pagano S. Luigi Maria Bruzza. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 1*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 237–238.
173. Palmieri A. L'Abbaye de Grottaferrata et son IX centenaire. *Vizantiyskiy vremennik*, 1904, vol. 11, 1–2, pp. 396–419.
174. Palombi D. Amedeo Rodolfo Giuseppe Filippo Lanciani. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 782–784.
175. Panofsky E. *Studies in Iconology: Humanist Themes in the Art of the Renaissance*. New York, Oxford University Press, 1939, 262 p.
176. Popovich S. Review: Kondakov N. P. *Vospominania i dumy*. Prague, 1927. *The Burlington Magazine for Connoisseurs*, 1927, vol. 51, No. 296, p. 248.
177. Popovich S. *Russian Iconography: The Russian Icon by Nikodim Pavlovich Kondakov*, transl. by Ellis H.N. Minns. *The Burlington Magazine*

- for *Connoisseurs*, 1927, vol. 51, No. 296, p. 248.
178. Raoul-Rochette D. *Antiquités grecques du Bosphore Cimmérien*. Paris, Chez Firmin Didot, 1822, 235 p.
179. Raoul-Rochette D. *Discours sur l'origine, le développement et le caractère des types imitatifs qui constituent l'art du christianisme*. Paris, Adrien le Clere et Co, 1834, 71 p.
180. Raoul-Rochette D. *Tableau des catacombes de Rome, où on donne la description de ces cimetières sacrés, avec l'indication des principaux monuments d'antiquité chrétienne, en peinture et en sculpture, et celles des autres objets qu'on en a retirés*. Paris, Bibliothèque Universelle, 1837, 300 p.
181. Raoul-Rochette D. *Mémoire sur les antiquités chrétiennes des catacombes*. Paris, Mémoires de l'Institut national de France, Académie des inscriptions et belles-lettres, 1838.
182. Reinach S. Les émaux byzantins de la collection de M. A. Zmienigorodskoi. Avec texte de N. Kondakoff. *Revue Archéologique*, 1895, ser. 3, vol. 26, pp. 143–144.
183. Rhineland L. H. Exiled Russian Scholars in Prague. The Kondakov Seminar and Institute. *Canadian Slavonic Papers*, 1974, vol. 16, pp. 333–351.
184. Richter J.-P. *Die Mosaiken von Ravenna. Beitrag zu einer kritischen Geschichte der altchristlichen Malerei*. Wien, Wilhelm Braumüller, 1878, 162 S.
185. Richter J.-P. Review: Geschichte der byzantinischen Kunst und Ikonographie nach den Miniaturen der griechischen Manuskripte. Odessa, 1877. *Repertorium für Kunstwissenschaft*, 1879, Bd. 2, S. 385–387.
186. Richter J.-P. Review: Bayet Ch. Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétienne en Orient avant la querelle des Iconoclastes. *Repertorium für Kunstwissenschaft*, 1880, Bd. 3, S. 79–81.
187. Richter J.-P. Review: F.X. Kraus. Real-Enzyklopädie der christlicher Alterthümer. 1-2. Freiburg i. Br. 1882–1886. *Repertorium für Kunstwissenschaft*, 1890, Bd. 3, S. 335–338.
188. Richter J.-P. *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel*. Wien, Verlag von Carl Graeser, 1897, 432 S.
189. Richter J.-P. and Taylor A. C. *The Golden Age of Classic Christian Art*. London, Duckworth and Co, 1904, 427 p.
190. Saint-Roch P. (Ed.). *Correspondence de G.B. de Rossi et de L. Duchesne*. Rome, École française du Rome, 1995, 731 p.
191. Salzenberg W. *Altchristliche Baudenkmäler von Konstantinopel von 5. Bis 12. Jahrhundert*. Berlin, Verlag von E. Korn, 1854, 40 S.
192. Séjourné P. Pitra Jean-Baptiste. *Dictionnaire de Théologie Catholique*, Paris, Letouzey et Ané, 1935, vol. 12, col. 2238–2245.
193. *Sixième Congrès International d'Études Byzantines. Alger, 2–7 octobre 1939. Résumés des rapports et communications*. Paris, 1940, 287 p.
194. Skálova Z. Das Prager Seminarium Kondakovianum, später das Archäologische Kondakov-Institut und sein Archiv. *Slavia Gangesia*, 1991, vol. 18, S. 21–43.
195. Strzygowski J. Review: N. P. Kondakov. Ikonographie der Mutter Gottes. Die Beziehungen der griechischen und russischen Ikonenmalerei zur italienischen der Frührenaissance. St-Petersburg 1911. *Byzantinische Zeitschrift*, 1912, Bd. 21, S. 350–354.
196. Strzygowski J. *L'ancien art chrétien de Syrie: Son caractère et son évolution d'après les découvertes de Vogüé et de l'expédition de Princeton. La façade de Mschatta et le calice d'Antioche (Étude préliminaire de G. Millet)*. Paris, E. de Boccard, 1936, LII, 215 p.
197. Studer-Karlen M. Charles-Michel Diehl. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 1*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 414–416.
198. Tsamakda V. Jean-Paul Richter. *Heid S. und Dennert M. (Hrsg.). Personenlexikon zur Christlichen Archäologie. Forscher und Persönlichkeiten vom 16 bis zum 21 Jahrhundert. Bd. 2*. Regensburg, Schnell & Steiner, 2012, S. 1077–1078.
199. Unger F. W. *Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte*. Wien, Wilhelm Braumüller, 1878, 150 S.
200. Vat. Lat. 14250. No. 444. P. 648.
201. Vat. Lat. 14263. No. 384. P. 487.
202. Vat. Lat. 14265. No. 309. P. 360.
203. Vat. Lat. 14266. No. 666. P. 206.
204. Vat. Lat. 14268. No. 794. P. 382.
205. Vat. Lat. 14268. No. 801. P. 384.

206. Vat. Lat. 14269. No. 459. P. 581.
207. Vat. Lat. 14274. No. 903. P. 1885.
208. Vernadskij G. V. Nikodim Pavlovich Kondakov. *Recueil d'études, dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*. Prague, 1926, pp. IX–XXX.
209. Vernadskij G. V. *Russian Historiography. A History*. Belmont, Mass., Nordland Publishing Company, 1978, 575 p.
210. Vernadsky G. Nikodim Pavlovich Kondakov. *Revue Archéologique*, 1924, ser. 5, vol. 20, pp. 225–226.
211. *Vues et antiquités du Sinaï par M. le Professeur Kondakoff et photographe J. X. Raoult*. Odessa, 1881.
212. *Waché B. Monseigneur Louis Duchesne (1843–1922)*. Rome, Collection de l'École française de Rome, 1992, 760 p.
213. Weber P. Review: Geschichte und Denkmäler des byzantinischen Emails. N. Kondakov. Frankfurt a. Main, 1892. *Repertorium für Kunstwissenschaft*, 1895, Bd. 18, S. 287–298.
214. Wulff O. Begrüssung eines Achtzigjährigen N. P. Kondakov. *Belvedere*, 1924, No. 27, pp. 73–76.
215. Zanini E. *Introduzione all'archeologia bizantina*. Roma, La nuova italica scientifica, 1994, 274 p.

Л. Г. Хрушкова

Никодим Павлович Кондаков в зарубежной научной литературе

Резюме

В статье рассмотрен вопрос о том, какое отражение в западноевропейской научной литературе нашли идеи, деятельность и личность Н. П. Кондакова. Помимо переводов книг и статей Кондакова, западный читатель был осведомлен о русском ученом благодаря рецензиям и работам западных авторов, знающих русский язык (Г. Мийе, Й. Стриговский, А. Муньос и др.). 30–60-е годы XX в. были периодом временного забвения (хотя и неполного) идей и трудов Кондакова. Интерес к ним возродился в 70-е годы и возрастает в общем контексте подъема историографических исследований в России и Западной Европе. В последнее десятилетие на западных языках опубликован ряд работ, посвященных истории христианской и византийской археологии и истории византийского и древнерусского искусства в России. Особенно следует отметить серию публикаций о Кондакове чешского историка искусства Ивана Фолетти. Они знакомят с жизнью и деятельностью Кондакова западного читателя, который не владеет русским языком. Это с одной сто-

роны. С другой же стороны, некоторые суждения Фолетти противоречат источникам. Фолетти рисует образ Кондакова – придворного историка искусства, атеиста, либерала, конформиста, склонного к сотрудничеству с советской властью. Эти оценки не находят подтверждения в документах. В некоторых случаях мы отмечаем недостаточное знание Иваном Фолетти биографии и трудов Кондакова, особенно первого периода, в других случаях констатируем оценки субъективные, политизированные и ангажированные, а в некоторых случаях, к сожалению, в работах Фолетти встречается прямое искажение источников. Можно констатировать известный феномен «раздельного развития»: обширная литература о Кондакове на русском языке известна Ивану Фолетти лишь отчасти (это, главным образом, старые публикации), а многочисленные работы Фолетти мало известны в России.

Ключевые слова: византийские исследования, история искусства, Н. П. Кондаков, историография.

Ludmila Khrushkova
Nikodim Kondakov in Foreign Scientific Literature
Summary

The article considers the coverage of N. P. Kondakov's ideas, activity and personality in Western European scientific literature. In addition to the translations of books and articles by Kondakov, the Western reader was aware of the Russian scientist thanks to the reviews and works of Western authors who knew the Russian language (G. Millet, J. Strzygowski, A. Muñoz, etc.). In the 1930's–1960's Kondakov's ideas and works underwent a temporary oblivion (although not a complete one). There was a revival of interest in the 1970's. Since then the interest has continued to grow in the broader context of the rise of historiographic research both in Russia and in Western Europe. A number of works devoted to the history of Christian and Byzantine archeology and the history of Byzantine and Old Russian art in Russia have been published in Western languages in the last decade. Of special note are the publications about Kondakov by Czech art historian Ivan Foletti. They introduce the life and work of Kondakov to a Western reader who

does not speak Russian. This is one aspect of Foletti's work. At the same time, some of Foletti's judgments contradict the sources. Foletti depicts Kondakov as a court art historian, an atheist, a liberal and a conformist inclined to cooperate with the Soviet authorities. These assessments are not confirmed by the available evidence. In some cases, we note Ivan Foletti's insufficient knowledge of the biography and works of Kondakov, especially of the early period; in other cases, we see subjective, politicized and biased judgments; unfortunately there are also some cases of outright distortion of the sources. This is an instance of the well-known phenomenon of "separate development": the extensive literature on Kondakov in Russian is only partially known to Ivan Foletti (these are mainly the older publications), while Foletti's numerous works are little known in Russia.

Keywords: Byzantine research, N. P. Kondakov, history of art, historiography.

ФАНАГОРИЯ: ДОМА И ПЛАНИРОВКА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА

Расположение Фанагории на берегу Керченского пролива – одним из узловых пунктов оживленных торговых путей Восточной Европы – в средние века играло ключевую роль. Во многом благодаря географическому (островному) положению Фанагория не испытала серьезных внешних нашествий, на это указывает стратиграфия – между последней четвертью VI в. и второй половиной IX в. не наблюдается пожара и связанных с ними разрушений, что свидетельствует об устойчивой городской и усадебной планировке города [1, с. 22].

Вкратце история раннесредневековой Фанагории может быть представлена следующим образом. Во второй четверти VI в. позднеантичная Фанагория подвергается разгрому и разрушению, на что указывает мощная прослойка пожара, в том числе обнаруженные снаряды от метательных машин. Это подтверждается анализом красноглиняной керамики, ремешковой гарнитуры, фибул, находками костяных наконечников т. н. гуннских стрел. Эти свидетельства связаны с восстанием вассала Византии варварского князя Горда (Грода) и ответных действий византийских войск и флота в 528 или 534 г. Жизнь в городе на некоторое время затухает, но после этих событий город возвращается под власть Византии, здесь находится представитель императорской власти – *комит*.

Следующий слой пожара датируется последней четвертью VI в. и связан с событиями 576 г. – походом тюрок на Боспор, когда пострадала большая часть крепостей и малых городов Керченского и Таманского полуостровов [см.: 27, с. 36, табл. 7]. Однако уже в 588 г. Византия вновь восстановила власть над проливом.

В конце VI – третьей четверти VII в. византийская Фанагория соседствует с племенным

объединением протоболгар – «Великой Болгарией» в Восточном Приазовье. В конце VII в. город входит в орбиту влияния Хазарского каганата – с появлением хазар протоболгары, потесненные из Восточного Приазовья, появляются на островах кубанской дельты. Однако, несмотря на перемены в этническом составе населения, Фанагория оставалась важным торговым центром вплоть до конца IX в., когда город гибнет в огне пожара (нашествие венгров или печенегов?), затем восстанавливается на короткий промежуток времени и в начале X в. жизнь в городе затухает. Дезурбанизация была связана с депопуляцией острова, на котором находилась Фанагория – жители города переселились в Таматарху [18, с. 183; 33, с. 276–277].

К настоящему времени в ходе многолетних раскопок городища Фанагория на различных раскопах (Рис. 1) выявлены фундаменты 25 раннесредневековых домов [16, с. 393–411, рис. 1–27; 33, с. 123–124, табл. 2] (См. Табл. 1). Еще 7 строений из раскопок 2015–2016 гг. пока не опубликованы.

В 1995 г. на раскопе «Верхний город» были открыты остатки одного, пока неопубликованного строения [12, л. 12–15, рис. 46, 48, 77–85]. Объект 1-4, ориентированный по сторонам света, размерами 5,2×4,15 м, представлял собой западный, северный и восточный фундаменты дома с примыкающей с востока вымосткой (южная стена не выявлена).

Фундаменты еще одного строения «многокомнатного жилого дома» № 9 открыты в 2015 г. на раскопе «Нижний город» [14, с. 309–312, рис. 4–12]. Согласно публикации, это «один из самых больших домов» в Фанагории, размерами 20,03×6,3 м, состоящий из шести помещений и большого двора, примыкающего с юга.

Следует отметить, что фундаменты строения разорваны, интерпретация помещений (кухня, спальни, женская «половина») условна, а наличие «*большого двора с портиком-навесом*» археологически не подтверждается. Обращает на себя внимание форма строения, напоминающая параллелограмм с непрямыми углами и непараллельными стенами-перегородками. В тексте статьи не указаны глубины залегания подошв кладок и полов помещений дома 9. Эту информацию можно почерпнуть из отчетных данных: полы (или же поверхности, принимаемые за таковые), в целом, прослежены на одном уровне -273 от R_0 , однако, если судить по подножию северной стены, ее западная часть находится на уровне -276 от R_0 , а восточная – -236 от R_0 [13, л. 98–102, рис. 274, 352, 358], т. е. перепад достигает до 40 см. В таком случае представляется странным, что при постройке строения уровень почвы не был сnivelирован. Я склонен считать, что фундаменты дома 9 являются остатками двух строений.

Можно констатировать, что дома раннесредневековой Фанагории отличаются разнообразием. Если, к примеру, в Таматархе отмечены лишь небольшие однокомнатные и двухкомнатные («*пятистенки*») сооружения, то в Фанагории встречаются и трехкомнатные, причем достаточно обширные помещения. Выявлен и большой дом с четырьмя помещениями (раскоп «Северный город», 1948 г.). Дома были одноэтажными, но не исключено, что в ряде случаев наличествовал и второй этаж. Устойчивым строительным приемом в Фанагории является система кладки *opus spicatum* [30, с. 173–177; 33, с. 124–125; ср.: 32, с. 295–296].

По своему внешнему облику и функциональному назначению строения приближаются к домам провинциально-византийского типа, что является одним из характерных признаков византинизации региона. Жилищные постройки Фанагории полностью идентичны жилищам других раннесредневековых городов Северного Причерноморья, прежде всего памятников Таманского и Крымского полуостровов [3, с. 75–76, 97–99; 28, с. 405; 35, с. 132–134; и др.], это определялось как природно-климатическими условиями и социально-экономическими причинами, так и наличием тесных контактов между населением указанных территорий. Дома-пяти-

стенки в Северном Причерноморье неизвестны до VIII в., а в VIII–X вв. они уже повсеместно распространены на провинциальных византийских поселениях Южного Берега Крыма, Восточной Таврики и Таманского полуострова [31, с. 120; 32, с. 295; 33, с. 123]. Трехкомнатные дома характерны именно для Фанагории, некоторые из них, по сути, являются теми же «*пятистенками*», с той разницей, что между двумя помещениями находится маленькое среднее помещение, которое могло выполнять функцию «*прихожей*» или коридора. Вместе с тем не исключено, что наиболее массивные из трехкомнатных домов (а также дом из четырех помещений) использовались как административные здания. Так, в застройке позднеантичной Фанагории встречались монументальные здания, возведенные в традициях античной архитектуры: с колоннами, вымостками, колодцами – которые в обновленном виде могли существовать в VI–VII вв. [28, с. 401].

Раннесредневековая городская планировка Фанагории не нарушила позднеантичную: дома выстроены на основе стен IV–V вв. [2, с. 272; 3, с. 98; 27, с. 38–40; 30, с. 142; 34, с. 153]. Это наблюдение укладывается в концепцию непрерывности существования городов в Византии – континуитета жизнедеятельности позднеантичного и раннесредневекового города, хотя раннесредневековые города и теряли свой внешний облик, присущий античной цивилизации [20, с. 204–206; 23, с. 65; 29, с. 39, 44, 62; ср.: 11, с. 187]. Можно полагать, что не вся территория античной Фанагории была заселена в раннем средневековье, а центр наибольшей плотности населения мог переместиться.

Достаточно подробно городская планировка Фанагории исследована на раскопе «Центральный» (Рис. 2,1), где был выявлен целый квартал, состоящий из 6 домов и двух улиц с переулками [17, с. 15–16, рис. 6; 18, с. 181, табл. 71,2–3; 33, с. 81–109, 122–123, рис. 49–59]. Судя по сохранившимся домам, они соединялись в кварталы на всей территории раннесредневекового города. Подобная ситуация наблюдается на раскопе «Нижний город» (Рис. 2,2): 8–9 строений, разделенные улицами и переулками, наличие оград [14, с. 308–309, рис. 2–3; 15, с. 231–232, рис. 35].

На большинстве исследованных раскопов (Рис. 1) выявленные строительные остатки до-

статочны разрозненны, представляя собой не связанные друг с другом обрывки кладок. Насыщенность культурных слоев многочисленными пересекающимися кладками, скученность строений, выявленная на ряде раскопов, говорят о том, что город был достаточно густо заселен (хотя размеры его и количество населения сократились по сравнению с предшествующим периодом). Практически на всех участках раскопов открыты следы регулярной и периодической строительной деятельности. Дома ориентированы стенами по сторонам света с незначительными отклонениями. Встречены дома с внутренними двориками, огороженными заборами или оградами на маломощных каменных фундаментах. Такие дворники являлись хозяйственными помещениями без крыши. Зачастую во дворах находились ямы (некоторые использовались как зерновые) или были вкопаны пифосы, предназначенные для хозяйственных нужд. Это же относится и к жерновам, часто встречающимся в строениях и близ них. Мощные битой керамикой и костями животных узкие улочки и переулки раннесредневекового города имели ширину, не превышающую 2–2,5 м. При этом в городе существовали и широкие длинные улицы. Как показывают исследования раскопа «Центральный», посередине города с севера на юг проходила дорога, имеющая направление от центра к морю. На этом же раскопе выявлена широкая улица, имеющая регулярное мощение и просуществовавшая весь раннесредневековый период, начиная с позднеантичного времени [33, с. 123].

Можно констатировать, что протяженность средневековой Фанагории в длину превышала 800 м, в ширину насчитывала 700 м. Внутренняя площадь города достигала 50 га. Градостроительство Фанагории продолжалось на всем протяжении VI–IX вв., город постоянно пополнялся новыми сооружениями, перестраивался. По территории и, вероятно, по числу жителей Фанагория являлась относительно крупным городом, не намного уступая другим раннесредневековым городам Северного Причерноморья. И этот город был достаточно густо заселен. По аналогии с Таматархой, имевшей меньшие размеры, население Фанагории могло составлять более 6 тысяч жителей. В VI – конце IX в. – это потомки местного боспорского населения, отличавшегося большой

этнической пестротой, «гражданское» население каганата: болгары и хазары, а также аланы, греки (ромей). Кроме того, в городе проживали евреи. Таким образом, к концу VII в. здесь появляются новые поселенцы, пришедшие вместе с хазарскими властями. Безусловно, какая-то часть носителей салтово-маяцкой культуры присутствовала в раннесредневековом городе, однако они не оказали влияния ни на местную культуру, ни на градостроительство – местная культура практически во всех своих проявлениях имеет ярко выраженный византийский оттенок [30, с. 166–167; 33, с. 278].

Большая часть населения города придерживалась христианского вероисповедания. Фанагория являлась религиозным центром православия: во время существования здесь епископии в VI в. в городе находился епархиальный центр Азиатского Боспора. В Византии, где каноническое право было тесно связано с гражданским, роль епископских городов являлась значительной в области общественных отношений [29, с. 55]. Безусловно, в отсутствие данных историков можно только предполагать наличие городского самоуправления в раннесредневековой Фанагории, равно и то, что епископ мог выступать в качестве главы городской знати, подчеркивая тем самым роль города как идеологического центра [ср.: 29, с. 67].

Важно отметить и наличие близ Фанагории пригородных хозяйств («проастиев») – земель, которые традиционно в Византии использовались в качестве пастбищ, а также под виноградники и сады. Владели этими землями широкие массы городского населения. Вообще, можно говорить об аграризации раннесредневекового города [33, с. 279; ср.: 19, с. 4; 29, с. 47, 48].

Такие признаки городских структур, как большая заселенная территория, наличие, по меньшей мере, четырех видов жилых сооружений и планировка, присущая крупному населенному пункту, позволяют считать Фанагорию в полном смысле городом, расположенным на границе греческого и варварского миров и имевшим значение одного из крупных центров Северо-Восточного Причерноморья. Конечно, Фанагория не являлась *μεγαλόπολις*, каковым были Константинополь или Фессалоники; по многим параметрам, включая торговое значение, строительную традицию, а также планировку, Фана-

гория сопоставима с раннесредневековым Херсоном [7, с. 182–190, рис. 1,Б; 8, с. 364–370, рис. 2, 4–5; 21, с. 11–13; 22, с. 135–166, рис. 50–63; 23, с. 53–65, рис. 1; и др.].

Безусловно, доминирующее положение Фанагории, прежде всего, определялось ее значением в регулировании товарно-производственных отношений в регионе, при этом представляется, что не менее значима была ее роль и как военно-административного центра, а также транслятора культурной и конфессиональной политики Византийской империи [ср.: 29, с. 40]. При всем своеобразии города, Фанагория очень близка провинциальным городским центрам византийской ойкумены, известным в источниках под терминами πόλις – город или κάστρον – укрепленное поселение, крепость [29, с. 42]. И если последний термин к настоящему времени с полным правом может быть применим к Таматархе, где обнаружена крепостная стена [31, с. 295], то в случае с Фанагорией можно полагать, что это, прежде всего, центр внутренней и внешней торговли – город-эмпорий (приморский город-гавань на пути морской торговли). Остается надеяться, что укрепленные сооружения раннесредневековой Фанагории еще будут открыты (маловероятно, что Фанагория представляла собой ἀνίσχυροι – город без укреплений), так как в обстановке постоянной военной опасности город не мог существовать без укреплений [29, с. 40; ср.: 4, с. 35–37]. Сохранение регулярной планировки, многослойное мощение улиц, отсутствие целиком сырцовых, полужелтоземляных, а также юртообразных жилищ позволяют утверждать, что Фанагория (так же как и Таматарха), несмотря на политическое влияние Хазарского каганата, была включена в круг боспорской культуры, имеющей провинциально-византийские признаки [28, с. 405; 31, с. 140; 33, с. 126].

Византийская Фанагория вошла в раннее средневековье как город, сохранявший градостроительную и производственную традиции, устоявшиеся торговые связи (хотя источники и не дают о них достаточно полного представления), с господствующей идеологией империи – христианской религией. Как экономическая единица, так же как и города на остальной территории Византии, Фанагория развивалась на базе древнего античного города и его пригородных хозяйств [ср.: 29, с. 70].

В свете вышеизложенного представляется необоснованным употребление термина «хазарское время» применительно к материалам раскопок Фанагории в статьях исследователей, работающих на памятнике в настоящее время [6, с. 77; 9, с. 439; 10, с. 73; 14, с. 311; 16, с. 393]. В печати можно встретить и утверждения, что раннесредневековая Фанагория не принадлежала к византийскому миру, так как это «*объясняется ее ролью приморского торгового центра, поддерживавшего прямые или, скорее, опосредованные торговые контакты с Константинополем или с какими-то византийскими центрами, имевшими связи со столицей империи*» и далее: «*Мнение В. Чахидзе, который считает, что материальная культура раннесредневековой Фанагории осталась “по сути провинциальной византийской” и что “в Фанагории продолжает проявляться сохранение и сильное влияние Византии”, представляется недостаточно обоснованным; признаки принадлежности Фанагории к византийскому миру исследователем не оговорены, и в чем именно заключалось “сильное влияние Византии” остается неясным (см.: Чахидзе 2012)*» [5, с. 195, 201, сноска 38]. Однако разностороннее византийское влияние в раннесредневековой Фанагории обосновано именно в монографическом исследовании, сформированном на совокупности письменных и эпиграфических источников, а также материалов всех раскопок со средневековым слоем на памятнике [33]. Остается констатировать, что Л. А. Голофаст не объясняет того, к какому же миру принадлежала Фанагория, что такое «*хазарские кварталы*» и пр.

В свете вышеизложенного представляется, что исследование раннесредневековых городских памятников Таманского полуострова (Фанагория, Таматарха) должно быть продолжено в рамках научного направления византийской археологии [см.: 24, с. 180–183; 26, с. 6–10]. Первостепенной задачей здесь является изучение культурного слоя раннесредневекового времени [25], что возможно только при соблюдении немаловажного условия – отсутствия «*рвения археологов-античников достичь более важных для них нижних слоев, за счет уничтожения средневековых уровней*» [см.: 24, с. 178].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атавин А. Г. Средневековая Фанагория и ее место среди одновременных памятников Северного Причерноморья // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. М., 1988. С. 21–23.
2. Гадло А. В. Рецензия на: А. Л. Якобсон Ранне-средневековые сельские поселения юго-западной Таврики. – МИА, № 168, 1970 // ВВ. 1973. Т. 34. С. 268–276.
3. Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб: Издательство СПбГУ, 2004. 362 с.
4. Гоголев Д. А. Крепостное строительство в ранневизантийский период // Византия и Крым. Проблемы городской культуры: тезисы докладов VIII научных Сюзюмовских чтений. Екатеринбург: УрГУ, 1995. С. 36–37.
5. Голофаст Л. А. Поливная керамика из слоев хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2017. № 4 (58). С. 195–206.
6. Голофаст Л. А., Добровольская Е. В. Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 7. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2018. С. 77–90.
7. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала Х в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X. С. 182–260.
8. Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы VIII и IX) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 363–411.
9. Добровольская Е. В. Археозоологические исследования в Фанагории хазарского времени // ПИФК. 2010. № 1 (27). С. 439–444.
10. Добровольская Е. В., Свиркина Н. Г. Антропологические материалы хазарского времени из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 6. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2018. С. 73–87.
11. Каждан А. П. Византийские города в VII–XI вв. // СА. 1954. Т. XXI. С. 164–188.
12. Кузнецов В. Д. Отчет о работе Фанагорийского отряда Таманской экспедиции Института археологии РАН в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №№ 19643–19644.
13. Кузнецов В. Д. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2015 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной). М. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №№ 47481–47486.
14. Кузнецов В. Д. Раннесредневековый дом в Фанагории // ДБ. 2016. Вып. 20. С. 308–319.
15. Кузнецов В. Д., Ворошилов А. Н., Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Ольховский С. В., Шорунова Ю. Н. Открытия в Фанагории // АО. 2015 год. М., 2017. С. 230–233.
16. Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. 2010. № 1 (27). С. 393–429.
17. Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. 2. Прабългарската култура: Материалы от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София: Издателство на Българската АН, 1981. С. 9–19.
18. Плетнева С. А. Фанагория / Города Таманского полуострова в конце VIII–XII веках // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века / Археология. М.: Наука, 2003. С. 179–183, 238.
19. Поляковская М. А. Место города в исторической судьбе Византии // Античный и средневековый город: тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Екатеринбург; Севастополь: УрГУ, 1994. С. 3–7.
20. Романчук А. И. Ранневизантийский Херсон (Отражение в источниках основных функций города) // АДСВ. 1992. Вып. 26. С. 204–213.
21. Романчук А. И. Значение археологических исследований в Херсонесе для выявления особенностей развития византийского провинциального города // Античный и средневековый город: тезисы докладов VII Сюзюмовских чтений. Екатеринбург; Севастополь: УрГУ, 1994. С. 10–13.
22. Романчук А. И. Очерки истории и археологии Византийского Херсона. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 390 с.
23. Романчук А. И., Белова О. Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. 1987. Вып. 23. С. 52–68.
24. Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя в византийской археологии // ВВ. 1998. Т. 55 (80). Часть 2. С. 178–183.

25. Сазанов А. В. Культурный слой византийского города (проблемы образования) // Научные чтения, посвященные столетию со дня рождения профессора М. Я. Сюзюмова: тезисы докладов. Екатеринбург: УрГУ, 1993. С. 45–47.
26. Сазанов А. В. Византийская археология: проблемы и методы // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 5–12.
27. Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 43 с.
28. Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Ч. 1–2. Харьков: Майдан, 2007. 1648 с.
29. Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX вв.) // ВВ. 1967. Т. XXVII. С. 38–70.
30. Флеров В. С. «Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры/Гешарим, 2011. 264 с.
31. Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.
32. Чхаидзе В. Н. Таманское городище. Строительная техника и строительные материалы VII–X вв. // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2009. Вып. 13. С. 295–297.
33. Чхаидзе В. Н. Фанагория в VI–X веках. М.: «Триумф принт», 2012. 590 с.
34. Якобсон А. Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. 1954. Т. XXI. С. 148–163.
35. Якобсон А. Л. Культура и этнос раннесредневековых селищ Таврики // АДСВ. 1973. Вып. 10. С. 131–138.

REFERENCES

1. Atavin A. G. Srednevekovaia Fanagoriia i ee mesto sredi odnoremennykh pamiatnikov Severnogo Prichernomor'ia. *Slaviane i ikh sosedi. Mesto vzaimnykh vliianii v protsesse obshchestvennogo i kul'turnogo razvitiia. Epokha feodalizma*. Moscow, 1988, pp. 21–23.
2. Gadlo A. V. Retsenziia na: A. L. Iakobson Rannesrednekovyie sel'skie poseleniia iugozapadnoi Tavriki. – MIA, № 168, 1970. *Vizantiiskii vremennik*, 1973, vol. 34, pp. 268–276.
3. Gadlo A. V. *Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze*. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2004, 362 p.
4. Gogolev D. A. Krepostnoe stroitel'stvo v rannevizantiiskii period. *Tezisy dokladov VIII nauchnykh Siuziumovskikh chtenii "Vizantiia i Krym. Problemy gorodskoi kul'tury"*. Ekaterinburg, UrGU Publ., 1995, pp. 36–37.
5. Golofast L. A. Polivnaia keramika iz sloev khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2017, No. 4 (58), pp. 195–206.
6. Golofast L. A., Dobrovolskaia E. V. Izdeliia iz kosti iz raskopok sloev khazarskogo vremeni Fanagorii. *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovani. Tom 7. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vyp. 4*. Moscow, IA RAN Publ., 2018, pp. 77–90.
7. Golofast L. A., Ryzhov S. G. Raskopki kvartala X v severnom raione Khersonesa. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2003, vol. X, pp. 182–260.
8. Golofast L. A., Ryzhov S. G. Severnyi raion Khersonesa v rannevizantiiskoe vremia (kvartaly VIII i IX). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2011, vol. XVII, pp. 363–411.
9. Dobrovolskaia E. V. Arkheozoologicheskie issledovaniia v Fanagorii khazarskogo vremeni. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010, No. 1 (27), pp. 439–444.
10. Dobrovolskaia E. V., Svirkina N. G. Antropologicheskie materialy khazarskogo vremeni iz Fanagorii. *Fanagoriia. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovani. Tom 6. Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii. Vyp. 3*. Moscow, IA RAN Publ., 2018, pp. 73–87.
11. Kazhdan A. P. Vizantiiskie goroda v VII–XI vv. *Sovetskaia arkheologiia*, 1954, vol. XXI, pp. 164–188.
12. Kuznetsov V. D. Otchet o rabote Fanagoriiskogo otriada Tamanskoi ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v 1995 g. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. R-1. Nos. 19643–19644.

13. Kuznetsov V. D. Otchet o rabote Fanagoriiskoi ekspeditsii Instituta arkheologii RAN v Fanagorii v 2015 g. (Krasnodarskii krai, Temriukskii raion, pos. Sennoi). M. *Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk*. F. R-1. Nos. 47481–47486.
14. Kuznetsov V. D. Rannesrednevekovi dom v Fana gorii. *Drevnosti Bospora*, 2016, vol. 20, pp. 308–319.
15. Kuznetsov V. D., Voroshilov A. N., Garbuzov G. P., Zavoikin A. A., Ol'khovskii S. V., Shorunova Iu. N. Otkrytiia v Fanagorii. *Arkheologicheskie otkrytiia. 2015 god*. Moscow, 2017, pp. 230–233.
16. Kuznetsov V. D., Golofast L. A. Doma khazarskogo vremeni v Fanagorii. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010, No. 1 (27), pp. 393–429.
17. Pletneva S. A. Drevnie bolgary v basseine Dona i Priazov'ia. *Pliska-Preslav. 2. Prab"lgarskata kultura: Materialy ot b"lgaro-s"vetskata sreshcha, Shumen, 1976*. Sofiia, B"lgarskata AN Publ., 1981, pp. 9–19.
18. Pletneva S. A. Fanagoriia. Goroda Tamanskogo poluostrova v kontse VIII–XII vekakh. *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV–XIII veka (Arkheologiia)*. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 179–183, 238.
19. Poliakovskaia M. A. Mesto goroda v istoricheskoi sud'be Vizantii. *Tezisy dokladov VII Siuziumovskikh chtenii "Antichnyi i srednevekovi gorod"*. Ekaterinburg; Sevastopol', UrGU Publ., 1994, pp. 3–7.
20. Romanchuk A. I. Rannevizantiiskii Kherson (Otrazhenie v istochnikakh osnovnykh funktsii goroda). *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1992, vol. 26, pp. 204–213.
21. Romanchuk A. I. Znachenie arkheologicheskikh issledovani v Khersonese dlia vyivleniia osobennosti razvitiia vizantiiskogo provintsial'nogo goroda. *Tezisy dokladov VII Siuziumovskikh chtenii "Antichnyi i srednevekovi gorod"*. Ekaterinburg; Sevastopol', UrGU Publ., 1994, pp. 10–13.
22. Romanchuk A. I. *Ocherki istorii i arkheologii Vizantiiskogo Khersona*. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2000, 390 p.
23. Romanchuk A. I., Belova O. R. K probleme gorodskoi kul'tury rannesrednevekovogo Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1987, vol. 23, pp. 52–68.
24. Romanchuk A. I., Shcheglov A. N. Problema kul'turnogo sloia v vizantiiskoi arkheologii. *Vizantiiskii vremennik*, 1998, vol. 55 (80), part 2, pp. 178–183.
25. Sazanov A. V. Kul'turnyi sloi vizantiiskogo goroda (problemy obrazovaniia). *Tezisy dokladov "Nauchnye chteniia, posviashchennye stoletiiu so dnia rozhdeniia professora M. Ia. Siuziumova"*. Ekaterinburg, UrGU Publ., 1993, pp. 45–47.
26. Sazanov A. V. Vizantiiskaia arkheologiia: problemy i metody. *Khersonesskii sbornik*, 1996, vol. VII, pp. 5–12.
27. Sazanov A. V. *Goroda i poseleniia Severnogo Prichernomor'ia rannevizantiiskogo vremeni*. Abstract of kandidat. diss. Moscow, 1999, 43 p.
28. Sorochan S. B. *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.)*. *Ocherki istorii i kul'tury*. Khar'kov, Maidan Publ., 2005, 1648 p.
29. Siuziumov M. Ia. Vizantiiskii gorod (seredina VII – sredina IX vv.). *Vizantiiskii vremennik*, 1967, vol. XXVII, pp. 38–70.
30. Flerov V. S. "Goroda" i "zamki" Khazarskogo kaganata. *Arkheologicheskaia real'nost'*. Moscow, Mosty kul'tury/Gesharim Publ., 2011, 264 p.
31. Chkhaidze V. N. *Tamatar'kha. Rannesrednevekovi gorod na Tamanskom poluostrove*. Moscow, TAUS Publ., 2008, 328 p.
32. Chkhaidze V. N. Tamanskoe gorodishche. Stroitel'naia tekhnika i stroitel'nye materialy VII–X vv. *Arkheologicheskie pamiatniki Vostochnoi Evropy*. Voronezh, 2009, vol. 13, pp. 295–297.
33. Chkhaidze V. N. *Fanagoriia v VI–X vekakh*. Moscow, "Triumf print" Publ., 2012, 590 p.
34. Iakobson A. L. Vizantiia v istorii rannesrednevekovi Tavriki. *Sovetskaia arkheologiia*, 1954, vol. XXI, pp. 148–163.
35. Iakobson A. L. Kul'tura i etnos rannesrednevekovykh selishch Tavriki. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1973, vol. 10, pp. 131–138.

В. Н. Чхаидзе

Фанагория: дома и планировка провинциального византийского города

Резюме

К настоящему времени в ходе многолетних раскопок городища Фанагория на различных раскопах выявлены фундаменты 25 раннесредневековых домов, которые суммарно датируются началом VII – началом X в. В работе рассмотрено каждое строение, описана строительная техника, а также городская планировка раннесредневековой Фанагории. Аналогичные памятники известны в византийской Таврике. Констатируется, что византийская Фанагория вошла в раннее средневековье как город, сохранявший градостроительную и производственную традиции, устоявшиеся торговые связи, а также господствующую идеологию империи – христианскую религию.

Как экономическая единица, так же как городские центры и на остальной территории Византии, Фанагория развивалась на базе древнего города и его пригородных хозяйств. Несмотря на свидетельства письменных источников о политическом подчинении города Хазарскому каганату, облик материальной культуры, восстанавливаемый по археологическим материалам, характеризует Фанагорию как провинциально-византийский город.

Ключевые слова: история Византии, Тамань, Крым, Фанагория, город, городская планировка, жилища, раннее средневековье.

Viktor Chkhaidze

Phanagoria: Houses and Urban Layout of the Provincial Byzantine City

Summary

To date, during the years of excavations of the settlement of Phanagoria, at various excavations revealed the foundations of 25 early medieval houses, which together date back to the beginning of the 7th – beginning of 10th centuries. The paper discusses each structure described construction equipment, as well as the urban layout of early medieval Phanagoria. Similar monuments are known in the Byzantine Crimea. It is stated that the Byzantine Phanagoria entered the early middle ages as a city that had urban planning and production traditions, established trade relations, in the

presence of the dominant ideology of the Empire – the Christian religion. As an economic unit, as well as in the rest of Byzantium, Phanagoria developed on the basis of the ancient city and its suburban farms. Despite the political subordination to the Khazar Khaganate and the presence of “archaeological white spots”, it can be assumed that Phanagoria was a provincial Byzantine city.

Keywords: history of Byzantine Empire (Byzantium), Taman, Crimea, Phanagoria, city, city planning, houses, early Middle Ages.

Таблица 1.

Раскоп	№ дома	Ориентировка	Размеры в м (кол-во помещений)	Цоколь	Стены	Печь	Пол	Ямы	Дата	Публикация
«Северный город» 1939 г.	С	С-Ю/ З-В	5,75×4,8 (1)	+	-	-	-	-	нач. VII – сер. IX в.	33, рис. 35
«Северный город» 1948 г. г.	А	ЮВ- СЗ/ ЮЗ-СВ	7,7×? (2)	+	сырец	-	-	-	кон. IX – нач. X в.	33, рис. 37
«Северный город» 1949 г.	1	С-Ю/ З-В	9,75×? (3)	+	сырец	-	-	-	2 четв. VIII – сер. IX в.	33, рис. 38
«Северный город» 1954 г.	А	С-Ю/ З-В	1,9×2,0 (1)	+	-	-	-	-	2 четв. VIII – сер. IX в.	33, рис. 41,1–2
«Центральный» 1959–1960, 1968, 1970 гг.	1	С-Ю/ З-В	8,35×4,35 (1)	+	-	+	гли- нобит	-	2 четв. VIII – сер. IX в.	33, рис. 50
	2	С-Ю/ З-В	- (1?)	+	-	-	гли- нобит	-		33, рис. 50; 51
	3	СЗ-ЮВ	7,10×4,70 (1)	+	-	+	гли- нобит	-		33, рис. 50; 52
	4	СЗ-ЮВ СЗ-ЮВ	7,10×? (2?)	+	-	-	гли- нобит	-		33, рис. 53
	5	СЗ-ЮВ	- (1?)	+	-	+	гли- нобит	-		33, рис. 53; 57
	6	СЗ-ЮВ	4,65×? (1?)	+	-	-	-	-		33, рис. 59
	7	СЗ-ЮВ	- (1?)	+	-	+	чере- пич- ный	-	2 четв. – 3 четв. VI в.	33, рис. 59
«Город А» 1970 г.	1	С-Ю/ З-В	4,6×3,3 (1)	+	-	-	-	-	нач. VII – сер. IX в.	33, рис. 32
«Береговой А» 1971–1972 гг.	1	СВ-ЮЗ	4,2×ок.7,0 (1)	+	сырец	-	гли- нобит	+	нач. VII – нач. VIII в.	33, рис. 45

ФАНАГОРИЯ: ДОМА И ПЛАНИРОВКА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА

«Юго-Западный» 1973 г.	1	С-Ю/ 3-В	бол.9,4×3,6 (3)	+	-	-	гли- нобит	-	2 четв. VIII – сер. IX в.	33, рис. 63
«Береговой стратигра- фический» 1982–1985 гг.	1	С-Ю/ 3-В	3,6×2,4 (1)	+	-	+	-	-	кон. IX – нач. X в.	33, рис. 3
	2	С-Ю/ 3-В	4,25×2,0 (2)	+	сырец	+	гли- нобит	+	нач. VII – сер. IX в.	33, рис. 4; 6
	3	С-Ю/ 3-В	6,4×2,8 (2?)	+	-	-	-	-	3 четв. V – нач. VI в.	33, рис. 15
«Берег» 1989 г.	2	С-Ю/ 3-В	6,7×4,0 (3)	+	-	-	земля	-	1 пол. IX в.	33, рис. 22
	4	С-Ю/ 3-В	16,9×6,2 (4)	+	-	-	земля	-		
«Верхний город» 1995 г.	1-4	С-Ю/ 3-В	5,2×4,15 (1?)	+	-	-	-	-	VIII–IX вв.	12, рис. 46
«Верхний город» 1996 г.	15	С-Ю/ 3-В	9,2×5,7 (4?)	+	-	-	-	-	1 пол. VIII – сер. IX в.	15, рис. 24
«Верхний город» 2007–2008 гг.	502	С-Ю/ 3-В	11,15×5,9 (3)	+	-	+	-	-	1 пол. VIII – сер. IX в.	15, рис. 1
	503	С-Ю/ 3-В	5,3×3,8 (1)	+	-	-	-	-		
	504	С-Ю/ 3-В	6,52×3,9 (2?)	+	-	-	-	-		
«Нижний город» 2015 г.	9	С3-ЮВ	20,03×6,3 (6??)	+	-	-	-	-	2 пол. IX в. (?)	14, рис. 4

Рис. 1. Фанагория. Раскопы с выявленными раннесредневековыми слоями (План составлен Я. М. Паромовым) [33, рис. 1].

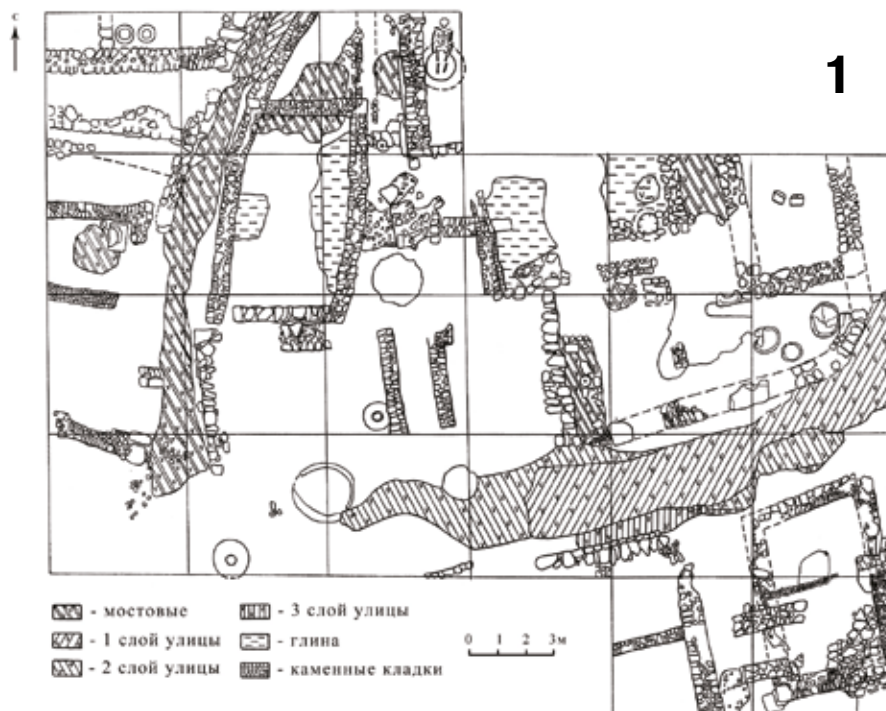

Рис. 2. Фанагория. Раскопы с раннесредневековой городской планировкой. 1 – «Центральный» (1959–1960, 1968, 1970 гг.) [33, рис. 49]. 2 – «Нижний город» (2015 г.) [16, рис. 35].

П. И. ШУЛЬГА, С. Г. КОЛТУХОВ

ДМИТРОВО-2. ПРЕДГОРНЫЙ КУРГАН С «КОЛЛЕКТИВНЫМ»¹ ПОГРЕБЕНИЕМ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Курган Дмитрово-2 (Рис. 1; 2,1) до начала раскопок представлял собой округлую в плане, слабо выраженную в рельефе, распаханную насыпь без четкого контура диаметром около 40–45 м, высотой 0,4–0,5 м. В центральной части на пашне фиксировалось значительное количество известняковых камней. Как позже выяснилось, они были вывернуты из кольцевидной выкладки и дромоса, располагавшихся в 25–35 см от современной поверхности. Кольцевая выкладка сохранилась фрагментарно лишь в западном и северо-западном секторах. На остальной площади кургана она, вероятно, полностью выбрана. В ходе работ установлено, что курган представлял собой погребально-поминальный комплекс второй половины IV – начала III в. до н. э., включавший каменный склеп с дромосом, кольцевидную выкладку из камней вокруг склепа (Рис. 2,2) и 4 отдельных захоронения лошадей (Рис. 2,1). В погребении № 1 под костяком лошади обнаружено захоронение «конюха». Более ранние и поздние погребения отсутствовали.

Последовательность сооружения кургана представляется следующей. Вначале выкапывалась яма под погребальную камеру склепа (Рис. 2,2), в которой были устроены стенки из плоских камней, а с юга оформлен вход. Незначительно углубленный в материк дромос, возможно, начали устраивать одновременно, но заканчивали позже оформления входа. На это указывают следы работ по расширению дромоса для состыковки с уже готовым входом. Слой гумусированной земли, мощностью

около 40–50 см в месте нахождения погребальной камеры и дромоса, очевидно, выносился куда-то в сторону и, возможно, потом использовался для сооружения насыпи. Материковый выброс из могилы, диаметром около 12 м, оставляли по краям ямы слоем мощностью 10–20 см. Бугристая поверхность его не выравнивалась, как если бы предполагалось вскоре засыпать ее землей или заложить дерном. По прошествии непродолжительного времени были совершены захоронения человека и лошадей в парных могилах: № 1 и № 2, № 4 и № 5 (Рис. 2,1). Несколько позже вокруг склепа сооружалась выкладка в виде несомкнутого кольца диаметром около 25 м (Рис. 2,2). Сохранились западная и северная части выкладки. В восточной части кургана камни, вероятно, были выбраны, скорее всего, в недавнем прошлом. Насыпь из гумусированной земли или дерновых блоков сооружалась позже.

Остатки кольцевидной выкладки (Рис. 2,2). Вскоре после того как яма склепа и дромос были выкопаны, к западу, северу и востоку от них в несколько этапов по дуге на уровень древней поверхности были уложены в один слой рваные известняковые камни, вероятно, в виде незамкнутого с юга кольца диаметром около 25 м, шириной 4–6 м. К западу от склепа (в юго-западном секторе) камни лежали плотно друг к другу, иногда в 2 слоя (если это были мелкие камни), и несколько перекрывали материковый выкид из могильной ямы. В остальных секторах камни укладывались в один слой с разрядкой.

Склеп, погребальная камера и дромос (Рис. 2,2; 3) были ориентированы по оси север-юг,

¹ Термин «коллективные» погребения вошел в крымскую археологию в 90-х гг. позапрошлого века, впервые был использован Ю. А. Кулаковским при описании Тавельских курганов [16, с. 37].

входом на юг². Камера была устроена в подквадратной яме, размерами около 4×4 м, ориентирована по сторонам света. Вход в камеру располагался в южной стенке. Яма оказалась глубиной 1,1 м от уровня древней поверхности, что немного в сравнении со значительными размерами и высотой дромоса, сложенного из крупных плит (Рис. 4,1). Отчасти это объясняется наклонным расположением дромоса, ведущего к поверхности кургана. Вдоль западной, северной и восточной стен ямы были выложены стены из рваных (необработанных) известняковых камней. Кладка характеризуется радиальным переходом от продольных стен к поперечным, а это нетипично для каменных гробниц скифского и позднескифского времени. В ходе раскопок выяснилось, что вся северная стенка и примыкавшие к ней части западной и восточной стен были разобраны и унесены через заложенную сверху траншеей-перекоп площадью по дну около 4×1,3 м. На этой площади были разрушены и выброшены почти все кости находившихся там умерших. Это хорошо видно на границе траншеи, маркируемой обрубленными и обломанными костями в 1,3 м к югу от северной стенки (Рис. 3). К югу от этой границы часть костяков лежит в определенном порядке в несколько слоев.

Высота уцелевших участков каменных стен примерно одинакова – около 90 см (Рис. 4,1).

² Такая осевая ориентация, с расположением входа с юга, характерна для небольшого количества подкурганых каменных склепов крымских предгорий. Впервые о ней сообщает Ю. А. Кулаковский, исследовавший в 1896 г. два склепа с позднескифским материалом в имении Тавель. В конце прошлого столетия А. Е. Пуздровский раскопал каменный склеп с южной ориентацией входа в кургане 1 на могильнике Капак-Таш у пгт. Зуя [17, с. 25–27]. Ориентацию юго-юго-восток имел небольшой каменный склеп, раскопанный в кургане IV/2 скифского некрополя на г. Беш-Оба в междуречье Биюк-Карасу и Кучук-Карасу [6, с. 66, рис. 2]. По этому правилу ориентирован склеп в кургане Мельники 2, раскопанный В. А. Колотухиным в самом начале этого столетия на границе степи и предгорий в долине р. Биюк-Карасу [5, с. 124, рис. 5]. Следующая особенность этой группы объектов – присутствие в них коллективных погребений или признаков коллективных погребений. Сходство в ориентации имеют варварские, а скорее, греко-варварские склепы, раскопанные В. А. Колотухиным на южном берегу оз. Донузлав в Северо-Западном Крыму, однако здесь входы в склепы часто расположены в секторе юго-юго-восток – юго-восток [9, рис. 32–38]. Интересно, что последовательные варварские погребения в склепах и протосклепах могильника Стоячий камень в Восточном Крыму в это же время традиционно ориентированы в широтном направлении [14]. Вопрос же о хронологической позиции памятников с южной ориентацией входа мы затронем ниже.

Важно подчеркнуть, что по верху западной и восточной стен местами сохранился слой глинистой обмазки, маркирующий их изначальную высоту. Не исключено, что каменная стена могла дополняться сырцовой кладкой до высоты 1,3 м. В этом случае она бы соответствовала по высоте каменной стене у дромоса (Рис. 4,1). Кладка однолицевая, двухслойная в вертикальном поперечном сечении, шириной в основании до 0,8 м, сложена из грубо обколотого бутового камня внизу и уложенного постелью плитчатого камня вверху. Лицевой слой кверху западает внутрь, а наклонный фасад выровнен и сглажен обмазкой из глины (Рис. 4,3). Пространство между этими камнями лицевого слоя и грунтовыми бортами ямы закладывалось камнями меньших размеров и различных форм. Поверхность стен промазывалась слоем основанного на глине раствора мощностью до 10 см. Этой же глиной забивались полости между камнями изнутри на глубину в 10–15 см. Пустоты между камнями у грунтовых стенок могилы зачастую ничем не засыпались и позднее заполнились просочившимся сверху гумусом, имеющим рыхлую структуру. В южной стенке погребальной камеры был устроен вход, околтуренный с востока и запада торцовыми кладками, сложенными из крупных камней. При этом западный торец был на 30 см выше восточного. Ширина входа на уровне пола дромоса составляла 1,6 м. Местами в заполнении и на дне камеры прослеживался древесный тлен от поперечного перекрытия, уложенного в продольные стенки в широтном направлении. В зависимости от того как мы реконструируем поверхность стен, высота камеры будет составлять от 0,9 до 1,3 м. Внутреннее пространство погребальной камеры имело по дну форму квадрата изначальными размерами 2,5×2,5 м (Рис. 3). На полу погребальной камеры прослежен слой перегноя, в том числе белесая прослойка. На дне могилы среди потревоженных костяков имелось несколько небольших камней, предположительно, использовавшихся как «подушки» или подставки.

Умершие погребались везде, за исключением предвходового участка шириной с юга на север около 70–80 см. В сравнительно потревоженном состоянии единичные костяки сохранились только в центральной части на площади

2,5×1,3 м. Сохранность костей очень плохая, за исключением зубов и фаланг пальцев. Костяки располагались в 3–4 слоя без грунтовых прослоек между ними. Под давлением вышележащих камней и земли они спрессовались в слой толщиной всего в 4–6 см. На многих участках, площадью до 40×30 см, кости полностью трансформировались в однородную массу (прах, тлен), в которой сохранились лишь отдельные зубы. Так или иначе, на указанном участке 2,5×1,3 м было захоронено более 15 человек, среди которых вычлняются кости 2–3 детей. Очевидно, что у первоначально существовавшей дальней от входа северной стенки, на участке 2,5×0,6 м, было погребено не менее 5 (по оставшимся фрагментам черепов) или 7–10 человек. На этом основании можно предположить, что общее количество погребенных в склепе составляло не менее 25 человек. В тех единичных случаях, когда костяки или их фрагменты удалось проследить, это были остатки захоронений, совершенных в вытянутом положении на спине головами на север, т. е. вдоль погребальной камеры, или на запад, поперек камеры³. В одном случае можно предположить размещение костяка поперек камеры головой на восток. В двух случаях ноги погребенных были перекрещены в голенях.

Вымощенный дромос (Рис. 3; 4,1), размерами в плане 2,8×1,8 м, высотой около 0,8 м, был сверху заложен небольшими уплощенными камнями, а ниже плотно забит камнями и плитами. Южная часть дромоса была несколько повреждена поздней траншеей. В северном направлении по дну дромос понижался и расширялся (Рис. 4,1). Следует отметить неоднородность материалов и строительных приемов при сооружении дромоса. Восточная стенка дромоса, общей длиной 1,8 м, была образована двумя мощными плитами № 1 и № 2 толщиной до 15 см (Рис. 4,1). С севера она была дополнена небольшими, вертикально поставленными плитками. Западная стенка составлена из самой крупной плиты № 3, длиной 125 см (толщина до 25 см), дополненной с севера вертикально поставленным стелообразным камнем

№ 4, а с юга – кладкой из небольших рваных камней. Дно дромоса выстлано довольно крупными уплощенными камнями (Рис. 4,2), промежутки между которыми аккуратно закрывались мелкими камнями. В целом, создается впечатление, что строители, прежде всего, исходили из доступных им материалов и комбинировали камни без обработки. Исключением является лишь последняя, уложенная у входа в камеру северная плита № 5 с желобом, по-видимому, предназначавшимся для крепления дверной рамы (Рис. 3). Желоб расположен вдоль плиты, т. е. поперек входа в погребальную камеру. Его ширина 5 см, глубина около 3 см. Это явно не подходит для запирающей каменной плиты заклада, но соответствует устройству рамы входной дверцы из деревянных брусков с надежным креплением внизу⁴. Первоначально дромос был свободен и использовался строителями подхоронений⁵, но затем был полностью забит крупными плитами и камнями. После сооружения склепа деревянное перекрытие дромоса, если оно существовало, укладывалось на одном уровне с камнями кольцевидной выкладки вокруг склепа. Очевидно, верх был несколько выше каменной выкладки, и до сооружения гипотетической земляной насыпи дромос немного возвышался над поверхностью.

Надмогильное сооружение состояло из округлого в плане, материкового выкида (мощность 10–20 см, диаметр около 10–12 м) вокруг ямы склепа и уложенной по несомкнутому кольцу каменной выкладки. Предположительно, все это сверху симметрично закрывалось слоем земли или дерновых блоков, в результате чего диаметр завершенной в древности насыпи должен был составлять до 25–30 м. Общая высота изначальной насыпи от уровня древней поверхности не устанавливается, но, вероятно, она была не менее 1 м.

По всем данным, склеп неоднократно посещался злоумышленниками с целью похищения ценных вещей, а возможно, и для совершения каких-либо действий, оскверняющих умерших. Не случайно все обнаруженные изделия были разбиты (чашечка и курильница) или разбросаны. Повреждено и большинство смещенных

³ Близкую картину описывал и Ю. А. Кулаковский, характеризую склепы, раскопанные в 1896 г. в курганах в имении Тавель у подножья Чатырдага [16, с. 37].

⁴ Деревянная дверь внутри деревянной коробки существовала в основном погребении кургана Беш-Оба IV [7, с. 249, 250, рис. 7,8].

⁵ Они же первые грабители склепа.

мелких изделий: наконечников стрел, бусин и нашивных бронзовых пластинок. На своем месте, возможно, остался лишь железный нож.

Важно отметить, что на дне дромоса были найдены фрагменты разбитой курильницы, большая часть которых находилась в погребальной камере (Рис. 3,1; 4,16). Они попали в дромос до того, как его забили камнями. Возможно, это было сделано для предотвращения свободного проникновения в склеп грабителей. Между тем близость перекрытия склепа к поверхности позволяла легко проникать в камеру сверху. Намного позже в гробнице была до основания разобрана северная стенка. При этом злоумышленников не интересовали останки умерших или их вещи. Они просто выбросили из ямы мешавшие им кости людей, находившиеся у разбираемой северной стенки, не затронув других, лежавших внутри костяков. К этому времени перекрытие склепа уже полностью разрушилось и опустилось на дно, иначе бы часть костей у северной стенки была бы сдвинута (отброшена) внутрь камеры.

Инвентарь. Количество обнаруженного в склепе инвентаря невелико, с учетом значительных размеров погребальной камеры и числа умерших, что характерно для коллективных погребений эллинистического времени [6; 1]. Почти все вещи были смещены со своих мест и находились на дне склепа у входа в камеру.

Из инвентаря найдено следующее: фрагменты керамической (лепной) курильницы (Рис. 3,1; 4,16); фрагменты чернолаковой солонки (Рис. 3,2; 4,15); два бронзовых втульчатых трехгранных наконечника стрел в привходовой части камеры (Рис. 3,3; 4,8,9); у входа лежал и роговой втульчатый наконечник стрелы (Рис. 3,4; 4,11), что позволяет рассматривать стрелы как остатки единого набора; железный нож (Рис. 3,5; 4,14); железный стерженек (Рис. 3,6); крупный фрагмент керамики под костями умершего у восточной стенки (Рис. 3,7); бусины, преимущественно в обломках, в щелях между камней у входа (Рис. 3,8; 4,12,13); бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы в северо-западном углу камеры, в месте разрушенной стенки (Рис. 3,9; 4,10); бронзовые нашивные пластинки, вероятно, детали наборного пояса, находились у северной стенки ямы, на месте разобранной

стенки (Рис. 3,10; 4,6); железный втульчатый наконечник стрелы (Рис. 3,11; 4,7); железный колчанный крючок (?) с утраченным выступом для крепления (Рис. 3,12; 4,5); железный кованый гвоздь из заполнения перекопа на месте разобранной стенки (Рис. 3,13; 4,4), возможно, не имеющий отношения к погребению.

Вопрос о датировке склепа и совершенных в нем погребений, в нашем случае, зависит от общей оценки погребального инвентаря. Бесспорно, самым ранним и единственным надежным хронологическим репером является аттическая чернолаковая солонка с диаметром края 7,5 см, высотой 4,1 см. Сосуд изношен, поверхность истерта, лак сохраняется пятнами, однако важно то, что он полностью покрывает поддон с внешней стороны (Рис. 4,15). Судя по аналогиям Афинской агоры [20, Cat. no. 947], сосуд можно отнести к середине IV в. до н.э. Вероятно, это и будет нижней границей для всего комплекса кургана. Однако корректировка на изношенность позволяет изменить дату, по меньшей мере, на вторую половину IV в. до н.э.

Фрагменты лепной курильницы горшковидной формы, высотой около 12 см, с плоским дном и невысоким венчиком, с вертикальными валиками-каннелюрами на подлощенной поверхности (Рис. 4,16). Сосуды с подобной функцией, близкой формой и декором на территории Северного Причерноморья распространены в IV–II вв. до н.э. Сосуд, наиболее близкий курильнице из Дмитрово, известен на Елизаветовском городище в Нижнем Подонье, где датируется концом IV – первой третью III в. до н.э. [19, с. 84, рис. 16,2,3]. Впрочем, как считают авторы, сосуды такой формы встречены там и с материалами второй половины IV в. до н.э. [19, с. 84].

Бронзовые наконечники стрел однотипны, относятся к типу III,7,7 по А. И. Мелюковой [15, рис. 1]. Аналогии им широко представлены в комплексах, отнесенных А. И. Мелюковой к IV–III вв. до н.э. [15, табл. 9]. Удлиненно-конические костяные наконечники соответствуют такой же дате. В Крыму они не получили широкого распространения, однако порой встречаются в комплексах IV – первых десятилетий III в. до н.э. или конца IV – начала III в. до н.э. [10, рис. 4,2; 4, рис. 4,3; 3, рис. 6,7; 8, рис. 19,9] преимущественно в восточной части Крымского полуострова.

Сохранность железного наконечника стрелы не позволяет охарактеризовать его полностью, ясно лишь то, что он был втульчатым, вероятно, трехлопастным (Рис. 4,7).

Железный нож, длиной 11,5 см, со следами деревянной рукояти (Рис. 4,14). Его можно отнести к типичным для скифского времени ножам с горбатой спинкой и деревянной рукоятью, однако заточка лезвия и оформление обушка своеобразны, возможно, этот предмет заслуживает дополнительного изучения.

Железный поясной или «колчаный» крюк-застежка (иногда пряжка), размером 4,6×1,4 см, с загнутым концом (Рис. 4,5) сохранился не полностью, утрачен Т-образный выступ для крепления на поясе. Крюк относится к типу изделий достаточно редких для крымских древностей скифского времени, восточнее фигурные предметы такого функционального назначения в это же время известны хорошо [18, с. 229 и сл.]⁶. Треугольный, с дуговидным верхним краем щиток прямых аналогий не имеет, однако некоторое сходство с ним имеет железный крюк-застежка, найденный в нижнем ярусе погребений в склепе кургана Беш-Оба IV/2 [6, с. 70, рис. 6,12]. С. Г. Колтухов на основе внешних аналогий отнес его к III–I вв. до н.э. Однако присутствие в этом же ярусе бронзовых и железных наконечников стрел и обломков чернолаковой миски и килика [6, с. 70] позволяет отнести ярус либо к IV, либо IV–III вв. до н.э. Соответственно, может понизиться и датировка крымских железных крюков-застежек с загнутым концом. Возможно, изделие является прототипом для железных пряжек с трапециевидными щитками, иногда с фигурными изображениями, нередко датированными III–II вв. до н.э. [2, с. 174].

Несомненный интерес представляют и плоские бронзовые пластинки с закругленными углами и отверстиями для крепления, найденные в количестве 17 штук в основном во фрагментах, край некоторых загнут. Длина целых экземпляров до 5 см, ширина 0,5–0,6 см, толщина 0,1 см. Длина в 5 см и загиб края некоторых из них позволяют высказать предположение о том, что они были деталями наборного «боевого» по-

яса. Близкие поясные пластины были найдены в начале прошлого столетия в кургане 3 у Мастогино [13, с. 33, рис. 9,6; 18, с. 227].

В целом, приведенные материалы позволяют широко датировать погребения в склепе второй половиной IV–III вв. до н.э. Вероятно, исходя из хронологии предметов и современных представлений о завершении скифского периода в Крыму, более узкой датой будет вторая половина/конец IV – первая треть/четверть III в. до н.э.

«Конские» могилы № 1 и № 2 (Рис. 5,1). По всем данным, со склепом соотносятся сильно разрушенные могила № 1 с погребением человека (Рис. 5,2), перекрытого костями жеребенка (Рис. 5,1), и параллельная ей могила № 2 (Рис. 5,1), расположенные в 11 м к ВСВ от центра погребальной камеры склепа (Рис. 2,1). Обе могилы были разрушены прошедшей между ними технологической траншеей, шириной на уровне материка 2,2–2,5 м. Наиболее значительно пострадало захоронение в могиле № 2, от которой остался только северо-западный угол. По сохранившимся непо потревоженным костям ног жеребенка в могиле № 2, он был уложен в мелкую яму (глубина от уровня материка около 20 см) с подогнутыми ногами, головой (?) на ЗЮЗ в сторону склепа (Рис. 5,1).

Могила № 1 находилась почти параллельно могиле № 2, примерно в 2 м к югу (Рис. 2,1). От нее сохранилась восточная половина, длиной по центральной оси около 1 м, т. е. изначальная длина могилы составляла около 2 м. Глубина ее около 20 см от уровня материка (60–70 см от уровня древней поверхности). На дне могилы расчищены кости ног человека в анатомическом порядке, поверх которых лежали прикрытые плоскими камнями кости задней половины жеребенка (Рис. 5,1,2). Человек и жеребенок изначально ориентировались головами (если они были) на запад в сторону склепа.

Могилы № 4 и № 5 (Рис. 5,3,4). Располагались также примерно в 11 м к ЗЮЗ от центра погребальной камеры склепа, параллельны друг другу, ориентированы в широтном направлении (почти точно по линии З-В) и устроены на расстоянии около 2 м друг от друга (Рис. 2,1). Могила № 4 на уровне материка имела в плане форму овала размерами 1,15×0,8 м (Рис. 5,3). Заглублена в материк на 25 см. Судя по наличию черепа жеребен-

⁶ Намного чаще предметы этого же назначения встречаются в варварских памятниках Предгорного и Западного Крыма в позднеэллинистическое время.

ка, расположенного выше и к востоку, изначально могила была длиной около 1,9–2 м. В материке было сделано углубление только для тела жеребенка, тогда как его обращенная на восток к склепу голова находилась на уступе. В районе затылочной части очень плохо сохранившегося черепа находилось корродированное небольшое пластинчатое железное изделие, типа обломка ножа.

Могила № 5 на уровне материка в плане имела форму овала размерами 1,4×0,85 м (Рис. 5,4). Заглублена в материк на 20 см. В ней были погребены останки жеребят. По-видимому, это были жертвенные части туш без шей и голов. На дно укладывались передняя и задние части жеребенка с подогнутыми ногами, как если бы он был обращен грудью (головой) на восток к склепу. Затем на круп был отдельно положен бок лошади (жеребенка?) с ребрами. Все эти части были присыпаны темной землей на 10–15 см. Последними сверху по центру положили кусок туши с четырьмя поясничными позвонками и заднюю ногу жеребенка (стегно) с метаподией, но без копыта и прилегающих путовой и венечной костей⁷.

Обе группы могил устроены среди камней кольцевой выкладки, в 11 м от центра склепа: могилы № 1 и № 2 – к ВСВ, а могилы № 4 и № 5 – к ЗЮЗ (Рис. 1,1). Лошади в них, а также человек ориентировались головами в сторону склепа, соответственно на ЗЮЗ и ВСВ. Несомненный интерес представляет и зафиксированный в могиле № 5 обряд последовательного (неоднократного?) (судя по грунтовой прослойке) помещения в яму больших частей тел, а также бока, задней ноги и куска с поясничными позвонками⁸.

⁷ Очевидно, что в кургане Дмитрово-2 зафиксирован своеобразный обычай совершения парных жертвенных (?) захоронений жеребят и человека в симметричной позиции по отношению к склепу.

⁸ Конские захоронения на краю кургана со склепом в центре хорошо известны в Степном и Предгорном Крыму в IV в. до н.э. В скифском кургане Чонграв, находившемся на границе Степного и Предгорного Крыма, захоронение трех конских голов находилось на западном краю кургана под каменной наброской [11, с. 298]. В Степном Крыму в кургане Черноземное 3, сооруженном еще в эпоху бронзы, на расстоянии 21–17 м к юго-западу от полностью разрушенного каменного склепа по дуге располагались захоронения 6 коней, совершенных на брюхе головами к центру кургана. Найденные среди костей лошадей обломки гераклейской, херсонесской и синопской амфор [3, с. 17] могут указывать на вторую половину IV – первые десятилетия III в. до н.э. На границе Центрально-Крымской степи и Тарханкутской

Подведем основные итоги исследования кургана Дмитрово-2. Курган относится к одной из известных в Предгорном Крыму группе погребально-поминальных сооружений второй половины IV–III вв. до н.э. Они характеризуются небольшими размерами насыпи, расположенной в центре кургана каменной гробницей, ориентированной с севера на юг, со входом с южной стороны. В некоторых из них обнаружены коллективные погребения позднеэллинистического времени или первых веков н.э., в других – существование таких захоронений можно предполагать. В данном случае, изначальная связь коллективных погребений со склепом сомнений не вызывает, а предполагаемая хронология памятника (вторая половина/конец IV – первая треть/четверть III в. до н.э.) позволяет считать гробницу одной из наиболее ранних среди известных на сегодняшний день⁹. Новостью стала связь курганов этой группы с конскими захоронениями, расположенными по периметру курганной насыпи, как правило, в юго-западном и северо-восточном секторах. Подобные конские могилы типичны для курганов с каменными склепами, расположенными в Степном Крыму и на границах степи и предгорий. В целом, представляется, что предположение о носителях традиции коллективных погребений как о местном субстрате крымской позднескифской археологической культуры [6, с. 61] или ее крымского варианта находит новые подтверждения.

возвышенности, в курганах Братское №№ 14–16 также встречены захоронения коней [9, с. 94–95]. В скифском кургане № 14 со склепом в центре два из них располагались в 10 м к юго-западу и юго-западу-западу от центра. Костяки лежали на правом и левом боках, черепами на юго-запад и северо-восток. Третий костяк находился с северо-восточной стороны, в 9 м от центра кургана, и был ориентирован черепом на юго-запад. В маленьком скифском кургане № 15 захоронение коня в отдельной могиле было совершено в 5 м к западу от склепа, в овальной могиле, на брюхе, головой на восток [9, с. 94–95]. В кургане № 16 три конских захоронения обнаружены за пределами каменной крепицы с западной стороны кургана. Кони были положены на левый бок, головой на восток. Во всех случаях курганы были датированы IV в. до н.э.

⁹ Предложенная Ю. П. Зайцевым датировка первых коллективных погребений в каменных склепах концом IV – рубежом IV–III вв. до н.э. [1, с. 125] достаточно привлекательна, но, как представляется С. Г. Колтухову, пока у нас нет никаких оснований сужать хронологические рамки, приведенные выше. О существовании коллективных погребений в каменных гробницах еще в первой половине IV в. до н.э. свидетельствует и исследование В. В. Кропотова [12].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г. Курган с коллективными погребениями III–I вв. до н.э. из некрополя Ак-Кая/Беш-Оба в Крыму // *Stratum plus*. 2016. № 3. С. 99–127.
2. Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // *Археологический альманах*. 2010. Вып. 22. С. 169–176.
3. Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века). Симферополь: Сонат, 2000. 120 с.
4. Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Скифские погребения в Крымском Приазовье // *ДБ*. 2007. Т. 11. С. 213–224.
5. Колотухин В. А., Колтухов С. Г. Несколько погребений I тыс. до н. э. из восточной части Горного Крыма // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки*. 2016. Т. 2 (68), № 1. С. 117–133.
6. Колтухов С. Г. О крымских курганах с коллективными погребениями // *Поздние скифы Крыма*. Труды ГИМ. 2001. Вып. 118. С. 59–70.
7. Колтухов С. Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // *ДБ*. 2006. Т. 9. С. 228–259.
8. Колтухов С. Г. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н.э. Погребальные памятники. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Симферополь: Феникс, 2012. 140 с. (Материалы к археологической карте Крыма. Вып. X).
9. Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012. 268 с. (Археологический альманах. № 27).
10. Колтухов С. Г., Колотухин В. А. Скифский могильник в глубинной части Керченского полуострова (курганы у с. Ильичево) // *БИ*. 2007. Вып. XVI. С. 328–353.
11. Колтухов С. Г. Копьева Т. А. Скифский курган IV в. до н.э. на границе Степного и Предгорного Крыма // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму*. Запоріжжя, 2017. Вип. XX. С. 294–303.
12. Кропотов В. В. Курган с коллективным погребением IV в. до н.э. в Предгорном Крыму // *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого*. Киев–Полтава, 2009. С. 200–221.
13. Манцевич А. П. Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Государственного Эрмитажа // *Археологический сборник*. Ленинград, 1973. Вып. 15. С. 12–46.
14. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI–I вв. до н.э.) // *Боспорский сборник*. М., 1995. Вып. 8. 124 с.
15. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // *САИ*. 1964. Вып. Д1–4. 91 с.
16. ОАК за 1897 год. СПб., 1900. 192 с.
17. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в.н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
18. Савченко Е. И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху*. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. М., 2004. С. 151–277.
19. Синика В. С., Меньшикова В. А., Тельнов Н. П. Лепные курильницы из памятников Северного Причерноморья IV–I вв. до н.э. // *Stratum plus*. 2014. № 3. С. 65–101.
20. Sparkes B., Talcott, L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC*. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472 p. (The Athenian Agora. Vol. XII).

REFERENCES

1. Zaitsev Iu. P., Koltukhov S. G. Kurgan s kollektivnymi pogrebeniiami III–I vv. do n.e. iz nekropolia Ak-Kaia/Besh-Oba v Krymu. *Stratum plus*, 2016, No. 3, pp. 99–127.
2. Zaitsev Iu. P., Mordvintseva V. I. Kurgan s “kollektivnymi” pogrebeniiami iz okrestnostei gorodishcha Ak-Kaia. *Arkheologicheskii al'manakh*, 2010, vol. 22, pp. 169–176.
3. Kolotukhin V. A. *Kimmeriitsy i skify Stepnogo Kryma (podkurgannye pogrebeniia Stepnogo Kryma nachala zheleznoogo veka)*. Simferopol', Sonat Publ., 2000, 120 p.
4. Kolotukhin V. A., Koltukhov S. G. Skifskie pogrebeniia v Krymskom Priazov'e. *Drevnosti Bospora*, 2007, vol. 11, pp. 213–224.
5. Kolotukhin V. A., Koltukhov S. G. Neskol'ko pogrebenii I tys. do n. e. iz vostochnoi chasti Gornogo Kryma. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki*. 2016, vol. 2 (68), No. 1, pp. 117–133.
6. Koltukhov S. G. O krymskikh kurganakh s kollektivnymi pogrebeniiami. *Pozdnie skify Kryma. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*. 2001, vol. 118, pp. 59–70.
7. Koltukhov S. G. Kurgan IV Akkaiskogo (Belogorskogo) kurgannogo mogil'nika. *Drevnosti Bospora*, 2006, vol. 9, pp. 228–259.
8. Koltukhov S. G. *Skify Krymskogo Prisivash'ia v VII–IV vv. do n.e. Pogrebal'nye pamiatniki. Landshaftno-istoricheskoe raionirovanie arkheologicheskikh pamiatnikov Kryma*. Simferopol', Feniks Publ., 2012, 140 p. (*Materialy k arkheologicheskoi karte Kryma*. Vol. X).
9. Koltukhov S. G. *Skify Severo-Zapadnogo Kryma v VII–IV vv. do n.e. (pogrebal'nye pamiatniki)*. Donetsk, Donbass Publ., 2012, 268 p. (*Arkheologicheskii al'manakh*. No. 27).
10. Koltukhov S. G., Kolotukhin V. A. Skifskii mogil'nik v glubinnoi chasti Kerchenskogo poluostrova (kurgany u s. Il'ichevo). *Bosporskie issledovaniia*, 2007, vol. XVI, pp. 328–353.
11. Koltukhov S. G. Kop'eva T. A. Skifskii kurgan IV v. do n.e. na granitse Stepnogo i Predgornogo Kryma. *Starozhitnosti Stepovogo Prichornomor'ia i Krimu. Zaporizhzhia*, 2017, vol. XX, pp. 294–303.
12. Kropotov V. V. Kurgan s kollektivnym pogrebeniem IV v. do n.e. v Predgornom Krymu. *Epokha rannego zheleza. Sbornik nauchnykh trudov k 60-letiiu S. A. Skorogo*. Kiev–Poltava, 2009, pp. 200–221.
13. Mantsevich A. P. Mastiuginskie kurgany. Po materialam iz sobraniia Gosudarstvennogo Ermitazha. *Arkheologicheskii sbornik*. Leningrad, 1973, vol. 15, pp. 12–46.
14. Maslennikov A. A. Kamennye iashchiki Vostochnogo Kryma (K istorii sel'skogo naseleniia Evropeiskogo Bospora v VI–I vv. do n.e.). *Bosporskii sbornik*. Moscow, 1995, vol. 8. 124 p.
15. Meliukova A. I. Vooruzhenie skifov. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, 1964, vol. D1–4. 91 p.
16. *Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii za 1897 god*. St. Petersburg, 1900, 192 p.
17. Puzdrovskii A. E. *Krymskaia Skifiia II v. do n.e. – III v.n.e. Pogrebal'nye pamiatniki*. Simferopol', Biznes-Infom Publ., 2007, 480 p.
18. Savchenko E. I. Vooruzhenie i predmety snariazheniia naseleniia skifskogo vremeni na Srednem Donu. *Arkheologiiia Srednego Dona v skifskuiu epokhu. Trudy Donskoi (Potudanskoi) arkheologicheskoi ekspeditsii IA RAN, 2001–2003 gg.* Moscow, 2004, pp. 151–277.
19. Sinika V. S., Men'shikova V. A., Tel'nov N. P. Lepnye kuril'nitsy iz pamiatnikov Severnogo Prichernomor'ia IV–I vv. do n.e. *Stratum plus*, 2014, No. 3, pp. 65–101.
20. Sparkes B., Talcott, L. *Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries BC*. Princeton, New Jersey, American School of Classical Studies at Athens, 1970, 472 p. (*The Athenian Agora*. Vol. XII).

П. И. Шульга, С. Г. Колтухов
Дмитрово-2. Предгорный курган
с «коллективным» погребением раннего железного века
Резюме

Статья является публикацией материалов раскопок кургана, исследованного в 2017 г. сотрудниками Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН и Института археологии Крыма РАН в ходе проведения археологических исследований по трассе «Таврида» в границах Симферопольского района Республики Крым у пгт. Зуя. Курган Дмитрово-2 располагался в 21 км к востоку от Симферополя, в 30–50 м к югу от существующей трассы Белогорск – Симферополь. Насыпь сильно распахана. Вследствие этого диаметр ее увеличился до 40–45 м, а высота уменьши-

лась до 0,4–0,5 м. В кургане Дмитрово-2 обнаружен каменный склеп скифского времени с коллективными погребениями и несколько конских захоронений этого же периода. Широкая датировка памятника – вторая половина IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: Предгорный Крым, скифы, позднескифская культура, курган, погребально-поминальный комплекс, ритуальные захоронения, коллективные погребения, погребальная камера, дромос, погребальный инвентарь.

Petr Shulga, Sergei Koltukhov
Dmitrovo-2. Foothill Barrow with «Collective» Burial of the Early Iron Age
Summary

Article is the publication of materials of excavation of the barrow investigated in 2017 by the staff of Institute of archeology and ethnography of the Siberian office RAS and Institute of archeology of the Crimea RAS during archaeological researches on the route "Taurida" in borders of the Simferopol district of the Republic of Crimea at Zuya. Kurgan Dmitrovo-2 was located in 21 km to the east from Simferopol, in 30–50 m to the south from the existing route Belogorsk – Simferopol. The embankment is strongly opened. Thereof diameter it in-

creased to 40–45 m, and height decreased up to 0,4–0,5 m. In a barrow of Dmitrovo-2 the stone crypt of Scythian time with collective burials and several horse burials of the same period is found. Broad dating of a monument – the second half of the 4th–3rd centuries BC.

Keywords: Foothill Crimea, Scythians, late Scythian culture, barrow, funeral and funeral complex, ritual burials, collective burials, funeral camera, dromos, funeral stock.

Рис. 1. План расположения кургана Дмитрово-2.

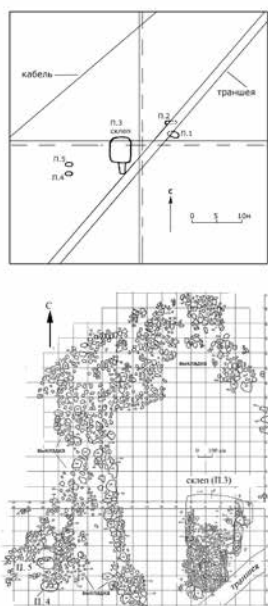

Рис. 2. Курган Дмитрово-2.

1 – План ОАН «Курган Дмитрово-2»; 2 – Расположение каменных сооружений в кургане Дмитрово-2.

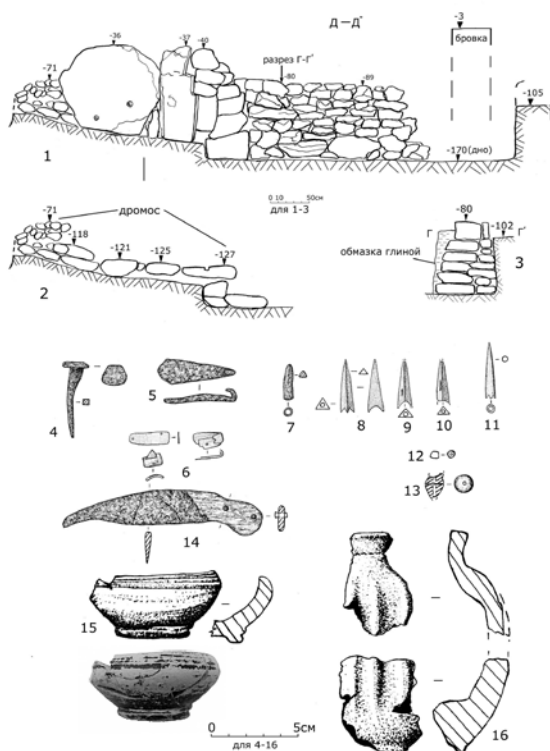

Рис. 4. Курган Дмитрово-2:

1 – разрез склепа по оси Д – Д (штрих); 2 – разрез Д – Д (штрих) по дну дромоса; 3 – разрез Г – Г (штрих) западной стенки погребальной камеры склепа; 4–16 – погребальный инвентарь.

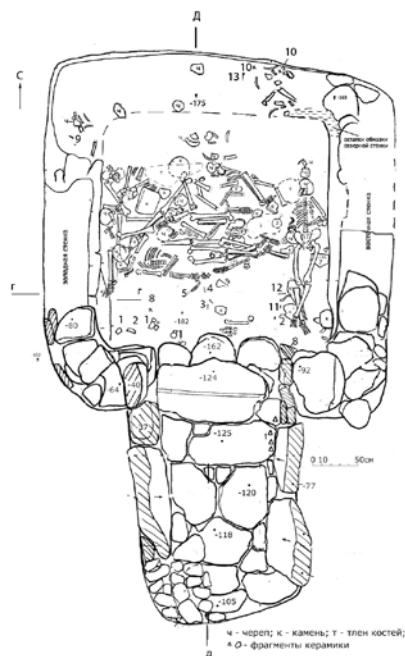

Рис. 3. План склепа кургана Дмитрово-2.

К – камень. Ч – черепа и их обломки.

1–13 – погребальный инвентарь: 1 – фрагменты лепной курильницы; 2 – фрагменты чернолаковой чашечки; 3 – бронзовые наконечники стрел; 4 – костяной наконечник стрелы; 5 – железный нож; 6 – железный стержень (проколка?); 7 – крупный фрагмент сосуда; 8 – бусины; 9 – бронзовый наконечник стрелы; 10 – бронзовые нашивные пластинки; 11 – железный втульчатый наконечник стрелы; 12 – железный крюк; 13 – железный гвоздь из перекопа.

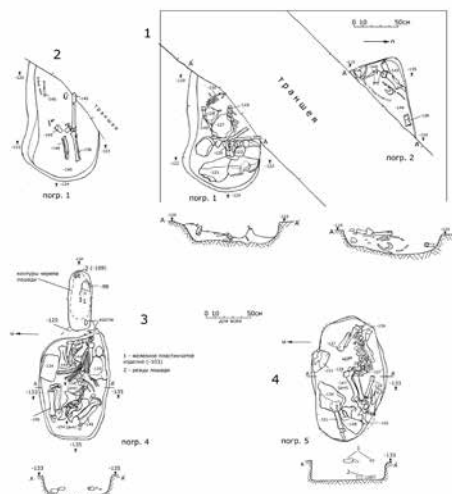

Рис. 5. Курган Дмитрово-2, конские захоронения:

1 – погребения № 1 и № 2; 2 – захоронение человека под костями лошади в могиле № 1; 3 – погребение № 4; 4 – погребение № 5.

«НАРОДНЫЙ УЧЕНЫЙ» – Н. И. РЕПНИКОВ И ХЕРСОНЕС

Херсонес – не просто древний город. Это феномен нашей культуры, цивилизационного выбора, отечественной научной мысли. Всякий, посетивший это место, оставляет в своем сердце частицу заряда света и тепла, пронизывающего эти величественные белокаменные руины. Это колыбель нашей археологии – науки, к которой приобщилась и служит уже многие годы прекрасная плеяда специалистов, истинных подвижников своего дела. Благодаря им древний город не заброшен, не мертв, его населяют не бестелесные тени прошлого, а активные и целеустремленные наши современники – АРХЕОЛОГИ. Одним из них был и остается Станислав Григорьевич Рыжов, юбилей которого мы отмечаем.

А девяносто лет тому назад Херсонес праздновал юбилей другого АРХЕОЛОГА – Николая Ивановича Репникова (1882–1940), коренного петербуржца, отдавшего львиную долю своей жизни изучению крымских древностей.

В конце позапрошлого столетия в имении «Суук-Су» в предместье Гурзуфа производилась ломка камня. За работами наблюдал А. Л. Бертье-Делагард¹. Природная интуиция редко подводила Александра Львовича, так было и на этот раз: рабочие обнаружили несколько предметов «готского типа», пополнивших коллекцию ученого. Сознывая перспективность дальнейших исследований и ту роль, которую могут сыграть данные находки в поисках материальных следов готской культуры Крыма [26, с. 139–182], он предполагал начать скорейшее изучение выявленного памятника древности и опубликовать собранную коллекцию артефактов. Но преклонный возраст и

другие обстоятельства (для полноценных работ нужны были немалые средства) не позволили реализовать задуманное. Безусловно, был нужен молодой и энергичный ученый, который сможет возглавить предприятие. Вскоре такой кандидат отыскан. Им стал еще малоизвестный в научных кругах студент Петербургского Археологического института Николай Репников (Рис. 1), незадолго до этого по ходатайству А. А. Спицына² зачисленный сверх штата в Императорскую археологическую комиссию (ИАК) [14, л. 3; 17, с. 870–872]. В 1902 г. начинающий исследователь прибыл в Крым. Вероятно, тогда и состоялось первое знакомство Н. И. Репникова с древностями Херсонеса.

Уже весной следующего года он получил от ИАК «Открытый лист» и 100 рублей на раскопки в Ялтинском уезде [13, л. 2, 2об.]. Первые же дни работ принесли свои плоды: были обнаружены прекрасно сохранившиеся захоронения с инвентарем, характерным для раннесредневековых готов. Но раскопки шли трудно, как всегда не хватало средств, да и опыта у двадцатилетнего ученого еще не доставало. По его просьбе ИАК прислала в помощь еще одного студента Археологического института – Н. Е. Макаренко³. Не остались в долгу и крымские коллеги. Директор Керченского музея древностей В. В. Шкорпил отправил опытного надсмотрщика Семена Петровича Петренко [11, с. 54] (Рис. 2).

Позднее Н. И. Репников так вспоминал о своих первых уроках, полученных у С. П. Петрен-

¹ Александр Львович Бертье-Делагард (1842–1920). Инженер, генерал-майор в отставке (с 1887 г.), вице-президент Одесского общества истории и древностей (ООИД). Жил в Ялте. Один из основоположников исторического крымоведения.

² Александр Андреевич Спицын (1858–1931). В эти годы – сотрудник ИАК. Преподавал в Археологическом институте.

³ Николай Емельянович Макаренко (1877–1938). В 1903 году после окончания училища технического рисования барона Штиглица поступил в Археологический институт. Впоследствии – археолог, искусствовед, один из первооткрывателей салтово-маяцкой культуры.

ко: «Рассказ его был прост, ясен и правдив. Для начинающего археолога это была увлекательная, красивая повесть, рисующая практическую сторону производства археологических раскопок, это были своеобразные лекции по технике их, но столь оригинально и широко поставленные, что их навряд ли будут где-либо читать специалистам...» [15, л. 2–3].

В том же году в составе экспедиции появился и другой сотрудник – выходец из крестьян Екатеринославской губернии, прежде работавший в садах и на виноградниках Южнобережья – Николай Зиновьевич Федоров (1869–1942) – личность легендарная для истории Херсонесского музея [16, л. 1–4].

Волевые, обладавшие жизненным опытом, умеющие рационально организовать работу С. П. Петренко и Н. З. Федоров стали неоценимым подспорьем в деятельности Н. И. Репникова. Дружбу с ними он пронес через всю жизнь. Во многом благодаря им молодой студент-петербуржец приобрел навыки общения с рабочими-раскопщиками, научился понимать и чувствовать не только памятники, но и людей, искренне проникаясь их проблемами и переживаниями.

Развивая свои успехи на поприще крымско-готской археологии, Николай Иванович уже в 1907 г. провел успешное исследование Партенитской базилики – «Храма Апостолов» Иоанна Готского [20], а также начал раскопки могильника Узень-Баш в Байдарской долине Крыма аналогичного некрополю Суук-Су [19].

В конце того же года в Севастополе скончался К. К. Косцюшко-Валюжинич⁴. Поначалу обязанности по руководству подведомственного ИАК «Складу местных древностей» добровольно принял на себя зять покойного – штабс-капитан Владимир Николаевич Рот [22, с. 156–158]. Но начались задержки с выплатой жалования зрителям и рабочим, трения с военным начальством, заинтересованным в проведении новых строительных работ на территории Херсонесского городища [17, с. 547]. Вскоре для инспекции состояния дел из Керчи прибыл В. В. Шкорпил⁵, но долго со-

вмещать обязанности руководителя керченским и херсонесским музеями конечно не смог.

Зимой 1908 года при строительстве артиллерийской батареи был обнаружен новый участок херсонесского некрополя, и ИАК отрядила для его раскопок молодого и энергичного Н. И. Репникова, на некоторое время ставшего фактически исполняющим обязанности заведующего раскопками и «Складом древностей» [21]. Перед молодым ученым стояла задача исследовать некрополь и участок древней городской стены перед «Башней Зенона». Памятуя успешный опыт прежних экспедиций, Н. И. Репников привлек к работам своих давних товарищей по полевой работе – Н. З. Федорова и С. П. Петренко [11, с. 55; 16, л. 1]. С. П. Петренко вновь проявил свои великолепные организаторские способности «...и тут вышел победителем, поставив все на свой лад, завоевав общую симпатию рабочих» [15, л. 8].

Хотя Николай Иванович признавал, что вряд ли его надолго оставят руководить Херсонесом, но ИАК неофициально рассматривала возможность оставить за ним должность второго заведующего. В период работ на могильнике Н. И. Репников тяжело заболел малярией и крупозным воспалением легких. По воспоминаниям ученого, С. П. Петренко тогда «как нянька» выносил его на руках и во время болезни занимался вместо него устройством нового проезда к «Складу древностей» [11, с. 54; 15, л. 8].

Вскоре ИАК прислала нового заведующего – Р. Х. Лепера⁶ (Рис. 3). Обремененный большой семьей, Р. Х. Лепер первоначально просил руководство оставить Н. И. Репникова в качестве своего заместителя, но в ИАК ответили категорическим отказом, сославшись на сокращение ассигнований [17, с. 548]. Если бы не эти обстоятельства, кто знает, как бы протекала дальнейшая научная деятельность Николая Ивановича. И хотя судьба распорядилась иначе, древний Херсонес навсегда остался в его сердце.

В распоряжение нового заведующего поступили Н. З. Федоров и С. П. Петренко [16, л. 2], получившие от Н. И. Репникова самые положи-

⁴ Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907). Член ООИД (1885), сотрудник ИАК (1892). Основатель и первый заведующий «Складом местных древностей» в Херсонесе, которым руководил 20 лет до своей смерти.

⁵ Владислав Вячеславович Шкорпил (1853–1918). Преподаватель древних языков Керченской гимназии (1886), заведую-

щий музеем Мелек-Чесменского кургана в Керчи (1894–1902), директор Керченского музея древностей (1901–1918).

⁶ Роман (Роберт) Христианович Лепер (1864–1918). В 1901–1908 гг. – ученый секретарь Русского Императорского археологического Института в Константинополе. Руководил музеем в Херсонесе до 1914 г.

тельные рекомендации. Привыкший к тщательности работ и порядку С. П. Петренко недолго смог работать под началом Р. Х. Лепера и вскоре подал прошение о переводе его обратно в Керчь [15, л. 9]. А вот Н. З. Федоров до конца своих дней остался верен Херсонесу [9, с. 53].

Р. Х. Лепер не только продолжил раскопки Херсонеса, но и в 1912–1914 гг. провел исследования на Мангупском городище. Однако, несмотря на масштабность работ, они велись на слабом методическом уровне. Последнее обстоятельство отмечали современники, в том числе Н. И. Репников и А. Л. Бертге-Делагард [3; 7]. Неудачные, с точки зрения Н. И. Репникова, раскопки сформировали у него скептическое отношение к Мангупу, что впоследствии стало прологом к поискам альтернативного варианта локализации готского Дороса на Эски-Кермене [26, с. 249–282].

После революционных событий Н. И. Репников фактически остался без работы, но постоянно предпринимал попытки вернуться к полноценной научной деятельности. Только в 1924 г. ему удалось устроиться на преподавательскую должность в Ленинградский фототехникум [15, л. 3]. В 1926 г. появилась возможность вновь посетить Крым. Со своими студентами он совершил археологическую экскурсию на Ай-Петринскую яйлу и в Байдарскую долину и, конечно же, побывал в Херсонесе. Музеем в это время руководил К. Э. Гриневиц⁷ (Рис. 4). Другим центром историко-археологических исследований был Севастопольский музей краеведения (СМК), созданный братьями П. П. и В. П. Бабенчиковыми⁸, привлечшими к краеведческой деятельности талантлиую молодежь города [1, с. 24–25; 5, с. 24]. Из числа «музейстов» вышли известные впоследствии археологи: Е. В. Веймарн⁹, С. Ф.

Стржелецкий¹⁰, А. Н. Бернштам¹¹. В эти годы и состоялось знакомство Н. И. Репникова с руководством и сотрудниками СМК, в лице которых он, оказавшийся не по своей воле за чертой «большой науки», нашел понимание, вылившееся в многолетнее сотрудничество и дружбу.

По ходатайству К. Э. Гриневица И. Э. Грабарь¹² задействовал Н. И. Репникова в работе Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ), что позволило ему получить «Открытый лист» и начать изучение Эски-Кермена, который, по версии Н. И. Репникова, и был первоначальной столицей крымских готов – Доросом раннесредневековых источников [26, с. 248]. Николай Иванович был включен в состав Объединенного семинария при Херсонесском музее, созданного в 1925 г. с целью интеграции учебной и научно-исследовательской деятельности [2, с. 118].

В 1927 г. К. Э. Гриневиц был назначен заведующим музейным отделом Наркомпроса РСФСР и, хотя некоторое время совмещал работу в Москве с руководством Херсонесским музеем, в полевой деятельности ему был необходим опытный помощник, которого он нашел в лице Н. И. Репникова. Летом 1928 г. Н. И. Репников вместе с К. Э. Гриневицем работал на Гераклеиском полуострове, принимая участие в исследованиях херсонесской усадьбы в балке Бермана (Рис. 5) [8; 12, с. 27].

После окончания экспедиции вечером 26 августа 1928 года в бывшем монастырском дворике за административным зданием Херсонесского музея по инициативе дирекции состоялось торжественное заседание. Поводом стал юбилей: исполнялось четверть века научной деятельности Н. И. Репникова. При этом изначально он планировался не как простая встреча коллег по археологическому цеху, а был обставлен как

⁷ Константин Эдуардович Гриневиц (1891–1970). Директор Херсонесского музея в 1924–1927 гг. С 1927 г. – заместитель заведующего музейным отделом Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР.

⁸ Павел Петрович Бабенчиков (1882–1947) – преподаватель истории. Владимир Петрович Бабенчиков (1885–1974) – преподаватель литературы. Создатели и первые руководители краеведческого кружка при Общеобразовательном техникуме им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе (1922), с 1923 г. – Севастопольского музея краеведения при Доме просвещения.

⁹ Евгений Владимирович Веймарн (1905–1990). Один из первых сотрудников СМК (1923). С 1925 г. по направлению Херсонесского музея обучался в Московском Государственном университете (МГУ) на этнологическом факультете. Являлся секретарем СМК. В 1928 г. окончил университет с аттестацией искусствоведа с археологическим уклоном и был распределен

на работу в ГИМ в Византийский отдел стажером.

¹⁰ Станислав Францевич Стржелецкий (1910–1969). В этот период сотрудник СМК.

¹¹ Александр Натанович Бернштам (1910–1956). В этот период – научный сотрудник СМО, заместитель председателя бюро туризма при райкоме ВЛКСМ. Летом 1928 г. поступил в МГУ, осенью переведен в Ленинградский Государственный университет (ЛГУ) на этнографическое отделение географического факультета.

¹² Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) – русский, советский художник и искусствовед, профессор МГУ. Создатель и до 1930 г. руководитель ЦГРМ.

официальное мероприятие с председательствующим, президиумом, выступающими, протоколами и т. п. атрибутикой. Председательствовал на собрании старейший крымоведа, председатель Таврического общества истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) А. И. Маркевич¹³, функции секретаря выполнял заместитель директора по научной работе Г. Д. Белов¹⁴. В состав Президиума вошли представители Союза работников просвещения, Севастопольского Отдела народного образования, Райкома ВЛКСМ, Секции научных работников, ТОИАЭ, СМК, делегаты от служащих, рабочих и экскурсоводов Херсонесского музея.

С приветственным словом выступил начальник Главнауки Ф. Н. Петров¹⁵. Обращаясь к присутствующим, он в частности сказал: «Сегодня мы чувствуем не только научного работника, но коллективного работника, сумевшего правильно психологически подойти к рабочим; нам необходима постановка исследования в массовом масштабе: от заслуженного профессора до неграмотного рабочего. Желаю юбиляру сил и здоровья для открытия новых путей и разрешения новых задач, стоящих перед советским государством» [4, л. 276].

Накануне в адрес юбиляра поступили поздравительные телеграммы от Главнауки, Президиума АН СССР, Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) Российской академии наук (МАЭ РАН), Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) и лично Н. Я. Марра¹⁶, ЦГРМ, ГИМа, Одесского археологического,

Керченского и Феодосийского музеев, Центрального бюро краеведения в Ленинграде, Крымского педагогического института, Новгородского музея древнего и нового искусства, Государственного центрального музея Народоведения, ТОИАЭ, от С. А. Жебелева¹⁷, А. А. Спицына, В. А. Гордцова¹⁸, Н. П. Лихачева¹⁹ и В. П. Бузескула²⁰, И. Э. Грабаря, О. А. Акчокраклы²¹, У. А. Боданинского²² и др. ученых, учреждений и организаций [4, л. 283–299]. Все они характеризуют круг научных контактов Н. И. Репникова, разносторонние аспекты его деятельности. Также были составлены тексты официальных поздравлений, прозвучавших на собрании.

В поздравлении от лица К. Э. Гриневича и Г. Д. Белова отмечалось: «Государственный Херсонесский музей и Площадь раскопок приветствуют дорогого юбиляра с двадцатипятилетним юбилеем научной деятельности, который совпадает с двадцатилетием Вашей работы в Херсонесе, поэтому Херсонесскому музею особенно приятно видеть у себя юбиляра и принимать участие в этом торжестве, так как именно на древней почве Херсонеса, в этой великолепной школе археологов Вы впервые 20 лет назад испробовали

возглавил Российскую Академию истории материальной культуры (РАИМК), основанную на базе ИАК, затем преобразованную в ГАИМК. Автор «нового учения о языке» (яфетическая теория), считавшегося близким к марксизму.

¹³ Арсений Иванович Маркевич (1855–1942). Один из основоположников крымоведения, в прошлом – учитель русской словесности в Симферопольской гимназии. Член ООИД. С 1887 г. – сотрудник, а с 1899 г. – председатель Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), а затем ТОИАЭ. Доцент Таврического университета (1918), профессор Крымского педагогического института. В 1927 г. избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

¹⁴ Георгий Дмитриевич Белов (1898–1979). После окончания Петроградского университета в 1925 г. начал работу в Херсонесском музее, где ранее проходил практику. Под руководством К. Э. Гриневича вел активную деятельность в организации музея на должности заместителя директора по научной работе. С 1931 по 1933 гг. исполнял обязанности директора музея.

¹⁵ Федор Николаевич Петров (1876–1973). Член РСДРП с 1903 г., активный участник Октябрьской революции. С 1923 г. – начальник Главного управления научных и учебных заведений Наркомата просвещения РСФСР. Председатель Московского отделения Российского общества по изучению Крыма, ответственный секретарь журнала «Крым».

¹⁶ Николай Яковлевич Марр (1864–1934). Академик. С 1919 г.

¹⁷ Сергей Александрович Жебелев (1867–1941). Профессор Санкт-Петербургского, затем Ленинградского университета. С 1927 г. – сотрудник, затем заместитель председателя ГАИМК. Академик (1927). В 1928 г. подвергся нападкам со стороны радикально настроенных историков-марксистов.

¹⁸ Василий Алексеевич Городцов (1860–1945). Бывший военный, после выхода в отставку посвятил себя научной деятельности в области археологии. Сотрудник Исторического музея в Москве (до 1929 г.). С 1918 г. – профессор Московского университета, позднее профессор Московского института философии, литературы и истории, руководил кафедрами археологии. В эти годы возглавлял Археологический отдел Главнауки.

¹⁹ Николай Петрович Лихачев (1862–1936). С 1892 г. преподавал в Петербургском Археологическом институте, затем в Петроградском университете (археологическое отделение). Академик АН СССР (1925). Директор музея палеографии АН СССР (1925–1930).

²⁰ Владислав Петрович Безускул (1858–1931). Профессор Харьковского университета. Академик АН СССР (1922) и АН УССР (1925).

²¹ Осман Нури Асанович Акчокраклы (1878–1938). Крымско-татарский деятель культуры, преподаватель крымско-татарского фольклора и этнографии Крымского педагогического института (с 1925 г.).

²² Усеин Абдрафиевич Боданинский (1877–1938). Художник, искусствовед. Первый директор Бахчисарайского дворца-музея, руководитель Бахчисарайского отдела ОХРИСа.

и с успехом свои силы. Ваши раскопки 1908 года, недавно изданные Херсонесским музеем, являются образцом правильно веденных раскопок древнего некрополя. В этом году Вы явились на помощь Херсонесскому музею в деле работ Гераклейской экспедиции музея, вписав новую страницу в историю нашего юга. Приветствую Вас с дорогим для нас юбилеем. Государственный Херсонесский музей просит Вас принять наилучшие пожелания в смысле продолжения столь же плодотворной и высоко-полевой работы Вашей на дорогом для нас поприще» [4, л. 297].

«Пути науки не из одних шоссейных дорог, подлинными исследовательскими тропинками укрыты в лесе нагроможденного материала. Четверть века настойчиво искать и освещения своей тропой большой подвиг. Поздравляя [с] пройденным путем, желаю успехов по широкому прочному пути», – телеграфировал Н. Я. Марр²³ [4, л. 283].

Поздравительный лист, пришедший от ТОИАЭ, наилучшим образом характеризует крымское направление исследований Н. И. Репникова: «С первых лет Вашей научно-исследовательской работы Вы вошли в близкие отношения с б. Таврической ученой архивной комиссией и в заседании ее 16 апреля 1904 г. был заслушан Ваш доклад «Гурзуф и его ближайшие окрестности в историко-археологическом отношении», а 18 октября того же года Вы были избраны в ее действительные члены. С этого времени целый ряд Ваших трудов был помещен в «Известиях ТУАК», а с преобразованием ее в Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии, Вы принимаете участие и в его трудах. Благодаря заботливому отношению к Вашей работе таких видных представителей русской археологии, как покойные Н. И. Веселовский²⁴, Б. В. Фармаковский²⁵, А. Л. Бертье-Делагард и здравствующий

А. А. Спицын, научные труды Ваши выросли и развились, выражаясь, с одной стороны, в произведенных Вами раскопках, а с другой – в научных исследованиях, как результатах раскопок. Вы остановили свое внимание на важнейших и не вполне еще выясненных категориях Крымской древности, каковы: дольмены Крыма или каменные погребальные ящики, готские древности, пещерные города Крыма и др. Тесно связаны Ваши труды и с обследованием Херсонеса, раскопками в котором Вы закругляете свою четверть-вековую научную работу...» [4, л. 294]²⁶.

Особенно трогательное послание пришло от А. Н. Деревницкого²⁷. Он писал: «Двадцать пять лет тому назад Вы, будучи еще юношей, отдали свои дарования той научной работе, в которую до сих пор продолжаете вносить юношеский энтузиазм, юношеский пыл, юношескую энергию, любовь и увлечение. Нам, Вашим почитателям и друзьям, радостно видеть и знать, что эта работа, имея за собой уже четверть века напряженного труда, плодотворной мысли и ценных достижений, далека еще от того естественного предела, который всякой работе полагают время и ограниченность человеческих сил, – что перед Вами еще открыто широкое поприще новых свершений, что Вы полны бодрости и душевного подъема. И я надеюсь и горячо желаю, чтобы археологическая наука вообще и Крымоведение в частности, долгие годы считали Вас в рядах своих работников, чтобы Ваша деятельность в новой обстановке, в которую вошла жизнь нашей страны, ширилась и развивалась, чтобы плоды ее достойно венчали собой Вашу неутомимость и чтобы тот успех, который до сих пор был Вашим спутником, не изменил Вам и впредь. Сердечный привет Вам и многие лета» [4, л. 284].

²³ Несмотря на столь теплые поздравления, поступившие от руководителя центрального археологического учреждения страны, у Н. И. Репникова по не вполне понятным причинам долгое время отношения с ГАИМК не складывались. Здесь подчеркнуто игнорировали и его лично и его идею «нового Дороса» [26, с. 251].

²⁴ Николай Иванович Веселовский (1848–1918). Один из первооткрывателей скифских памятников Причерноморья и древностей Средней Азии и Кавказа. Профессор Петербургского университета, член-корреспондент АН.

²⁵ Борис Владимирович Фармаковский (1870–1928). Член ООИД, ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1898–1900). Сотрудник ИАК (с 1901 г.).

Исследователь Ольвии. С 1919 г. – профессор Петроградского (Ленинградского) университета. Один из основателей РАИМК (ГАИМК), ученый секретарь (1921–1928).

²⁶ Лист был подписан председателем ТОИАЭ А. И. Маркевичем, а вот за секретаря поставил автограф член общества П. В. Никольский, а не Н. Л. Эрнст, как следовало бы по протоколу. Дело в том, что как раз в это время между Н. И. Репниковым и Н. Л. Эрнстом возникло противостояние за приоритет исследований пещерного города Эски-Кермен, явно не способствовавшее взаимопониманию между этими двумя учеными [18, с. 200–227; 26, с. 250–282].

²⁷ Алексей Николаевич Деревницкий (1859–1943). Специалист по античной филологии, профессор Крымского педагогического института.

Выступавшие на собрании отмечали личные качества юбиляра. Н. В. Малицкий²⁸ оценивал в Н. И. Репникове «тонкую наблюдательность, чутье памятника, необычайную остроту глаза в отношении художественных памятников». Л. А. Моисеев²⁹ подчеркнул, что в характере ученого воплотилась «ненасытная русская натура, от него мы ждем разрешения вопроса о готской культуре». А А. И. Маркевич говорил, что в нем воплотилась «...необыкновенная преданность науке, археологии, упорство и постоянность, близкое товарищеское отношение к младшим служащим и в то же время скромность, отсутствие рисовки...» [4, л. 275–277].

Коллективное поздравление пришло от студентов-практикантов МГУ (научно-исследовательского археологического кружка), ЛГУ, Государственного Института истории искусств и Государственного Ленинградского фото-кино-техникума. В нем, в частности, значилось: «В Вашем лице мы неизменно находим нашего лучшего советника и друга, всегда идущего к нам навстречу и передающего нам в процессе ли работы или частных бесед, тот опыт и знание, какими Вы обладаете. Зная Вас как прекрасного учителя, знатока и товарища, мы крайне сожалеем, что до сих пор наши ВУЗы не имеют и не имели Вас в числе своих работников и надеемся, что в будущем эта ошибка будет исправлена...» [4, л. 292].

Обращаясь к юбиляру, коллектив служащих Государственного Херсонесского музея отмечал: «...для исследования прошлого Крыма и в частности Херсонеса сделано Вами бесконечно много. Среди нас есть несколько человек, работавших с Вами 20 и более лет тому назад и вновь встретившихся с Вами в настоящем году. В настоящую минуту хочется сказать Вам, насколько Вы дороги и близки сердцу рабочего человека, как руководитель археологических раскопок. С Вами легко и радостно работать. Вы так вни-

мательно относитесь к рабочему, так охотно идете навстречу желанию рабочего научиться распознавать слои, уметь различать находки и т.д. Лучшие археологи-практики Херсонеса, братья Н. З. и С. З. Федоровы, вышли из Вашей школы и всецело обязаны Вам тем, что в настоящее время они являются надсмотрщиками раскопок в Херсонесе. Большое Вам спасибо за Ваше всегда теплое и доброе к нам отношение. Сердечно и искренне желаем Вам доброго здоровья на многие годы. Бодро и долго работайте на пользу археологии» [4, л. 296].

Н. З. Федоров, лично выступивший на юбилее, не скрывал, что всеми знаниями и умениями в области археологии он обязан именно Николаю Ивановичу, называя его «Великим сотрудником». А рабочий Гераклеийской экспедиции тов. Давидюк даже предлагал вручить виновнику торжества нагрудный знак «ученый археолог-крестьянин»³⁰. О том же говорил и представитель Союза работников просвещения тов. Хвесько, подчеркивая товарищеское отношение Н. И. Репникова к рабочим, которые именовали его не иначе как «народным ученым». С речью выступал и юный «музеист» С. Ф. Стржелецкий, обращая внимание, что Николай Иванович «работает в тесном содружестве с юными краеведами, взаимно обмениваясь результатами работ и помогая друг другу» [4, л. 275–277].

На торжества приехал и Б. Д. Греков³¹, выступивший с докладом «Херсонес Таврический и Новгород» [4, л. 275].

По случаю юбилея Тихвинский отдел Ленинградского общества краеведения и Севастопольский музей краеведения избрали Николая Ивановича своим почетным членом. «Прими в этот знаменательный день поздравление друга. Убежден, что следующее двадцатилетие будет еще более славным, чем Суук-Су, Партенит, Ладога. Пусть Эски-Кермен даст лучшие подарки юбиляру», – телеграмму такого содержания прислал еще малоизвестный тогда в археологических кругах В. И. Равдоникас³² [4, л. 286, 292].

²⁸ Николай Владимирович Малицкий (1881–1938). Специалист по русскому средневековому искусству. После политических событий 1917 г. работал в Петроградском университете, Государственном институте истории искусств, Русском музее, в ГАИМКе заведовал фотоархивом.

²⁹ Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946). Сотрудник ИАК, член Русского археологического общества и ТУАК. В 1914–1924 гг. – директор Херсонесского музея. Председатель Севастопольского комитета по делам музеев и охраны памятников. В 1928 г. представлял Севастопольскую организацию Крымской секции научных работников.

³⁰ Официально в анкетах Н. И. Репников числился сыном крестьянина-бурлака [26, с. 184].

³¹ Борис Дмитриевич Греков (1882–1953). Профессор Таврического университета (1918), Петроградского (Ленинградского) университета (с 1921 г.), сотрудник Центрального исторического архива и член Археографической комиссии.

³² Владислав Иосифович Равдоникас (1894–1976). В 1921 по

В ответ на столь лестные приветствия Николай Иванович поблагодарил присутствующих, выразив надежду, что «если в ближайшие 10 лет он сможет сделать то, что им сделано в течение 25 лет, то он будет считать себя удовлетворенным». Это заявление многочисленное собрание встретило громом аплодисментов, перешедшим в овацию [4, л. 277].

Пользуясь современной терминологией, чествование Н. И. Репникова в Херсонесе, устроенное К. Э. Гриневичем, можно было бы вполне охарактеризовать как PR-акцию (в лучшем понимании). Научная судьба Н. И. Репникова в эти годы была далеко не безоблачной [26, с. 243–261] и было важно показать общественности (прежде всего, чиновникам соответствующих ведомств), что он не забыт и его заслуги помнят, а деятельность поддерживают. Надо полагать, что руководство музея и лично К. Э. Гриневич строили относительно Н. И. Репникова далеко идущие планы и желали привлечь внимание к фигуре Николая Ивановича, долгое время оставшегося не при делах³³. Конечно же, и самому ученому с чисто человеческой точки зрения была важна и необходима поддержка друзей и коллег. Так или иначе, но до конца своих дней Н. И. Репников помнил об этом событии, протоколы выступле-

ний и поздравления были тщательно скопированы и в будущем они, по примеру «рекомендательных писем», использовались в трудные периоды, когда над Николаем Ивановичем вновь сгущались тучи.

Вскоре Н. И. Репникова ждала еще одна приятная новость. Главнаука поддержала предложенную ранее идею создания особого «Музея пещерных городов Крыма» на базе расформированного и реквизированного Инкерманского Свято-Климентовского монастыря. Штатный костяк музея должны были составлять сотрудники СМК, а научное руководство поручалось Николаю Ивановичу. Причем он мыслил его не просто как экспозиционный зал, а как целый научно-исследовательский институт, сфера которого распространится на все «пещерные города» Тавриды [5, с. 75; 12, с. 15; 23, с. 323]. Однако в связи с окончательным переездом К. Э. Гриневича в Москву идея осталась нереализованной.

Далее в жизни Николая Ивановича наступил новый, яркий, во многом неоднозначный период его работы в ГАИМК, связанный с поисками Дороса на Эски-Кермене³⁴ [25, с. 13, 105–106], сменами приоритетов в готской проблематике, пересмотром парадигм в археологической науке [26, с. 278–314]. Нет сомнений, что все последующие годы, находясь в Крыму, Н. И. Репников не обходил вниманием Херсонес, общался со своими севастопольскими знакомыми и коллегами.

Николай Иванович подчеркнуто сторонился политики и идеологии, сохраняя дореволюционные представления об археологической науке, считая себя, прежде всего, исследователем-практиком. Возможно, именно это обстоятельство помогло ему не попасть в число репрессированных по печально знаменитому «Академическому делу», хотя «эски-керменский эпизод» являлся в нем одним из краеугольных и стоил нескольких лет заключения руководителю СМК П. П. Бабенчикову и еще ряду историков [1, с. 75–77; 2, с. 173–177; 18, с. 229; 26, с. 285–287]. И в последующем Н. И. Репников, в отличие от своего друга и коллеги В. И. Равдоникаса, не участвовал в политических кампаниях в стенах ГАИМК, так и не усвоив ни марксизм, ни принципы марровской стадильности. Надо полагать, он никог-

1927 г. работал преподавателем общественных и экономических наук и заведующим учебной частью Педагогического техникума в г. Тихвине. Здесь же руководил музеем, состоял членом Череповецкого губернского бюро краеведения и уполномоченным Главнауки по Тихвинскому уезду, редактировал местную газету «Красное знамя». В 1928 г. переехал в Ленинград, где был принят внештатным сотрудником в Институт мозга, затем зачислен научным сотрудником МАЭ РАН и привлечен к работе в Комиссии по Ленинградской области в разряде палеонтологии ГАИМК.

³³ Несколько отступая от темы, стоит обратить внимание еще на одно интересное обстоятельство. Существуют различные версии происхождения Дня археолога, который отмечают по традиции либо 15 августа, либо во второе воскресенье последнего месяца лета. Вышеупомянутое чествование археолога Н. И. Репникова состоялось как раз в августе и в воскресный день. Одно из преданий связывает становление традиции праздника с экспедицией в Старой Ладого под руководством В. И. Равдоникаса [6]. Если учесть, что в 1927 и последующие годы В. И. Равдоникас состоял с Н. И. Репниковым в дружеских отношениях и именно благодаря последнему он вошел в «большую науку» [26, с. 271–290], то нельзя исключать, что рассматриваемое чествование в Херсонесе могло пусть и косвенно сказаться на появлении традиции праздника. Дополнительным аргументом служит и первоначальная форма поздравления в этот день коллег с помощью телеграмм, фигурирующая в воспоминаниях. Если принять это допущение (не исключая, конечно, иных вариантов), тогда благодаря Н. И. Репникову Херсонес может претендовать еще и на место рождения нашего профессионального праздника.

³⁴ Участниками экспедиции были Н. З. Федоров, братья Бабенчиковы и повзрослевшие «музейсты» из СМК (Рис. 8, 9).

да так и не ощутил себя в ГАИМК полностью «своим» (где его научную деятельность считали «вещеведением» и «знаточеством») и предпочитал ориентироваться на иные организации: поначалу на ЦГРМ, АН СССР, СМК, а затем на Севастопольское музейное объединение (СМО). Оно было образовано в 1928 г., объединив ряд музеев города, в том числе и СМК [2, с. 76–81]. В 1936–1937 гг. СМО оказывало финансовую поддержку экспедиции ГАИМК на Эски-Кермене [2, с. 129], неформальным лидером которой все эти годы оставался Н. И. Репников. Сотрудничество со СМО для Н. И. Репникова было особенно важно, поскольку вновь возродилась идея создания Музея пещерных городов (МППГ), к чему он и его ученик, бывший «музеист» Е. В. Веймарн, были непосредственно причастны [4, л. 15–19, 20, 60–62, 63, 71]. Замысел по созданию МППГ удалось реализовать в 1937 г. директору СМО Дмитрию Михайловичу Анкудинову³⁵ [2, с. 112–113].

Однако этот полный драматизма год отразился и на судьбе Николая Ивановича. При реорганизации ГАИМК Н. И. Репников был уволен «за невозможность использования в дальнейшем на работе в Институте» [4, л. 268]. Раскопки Эски-Кермена прекратились. В трудовом споре

с ГАИМК поддержку Н. И. Репникову оказали Д. М. Анкудинов и В. П. Бабенчиков [4, л. 269], пришлось кстати и материалы юбилейных чествований девятилетней давности. В следующем 1938 г. экспедиция ГАИМК, совместная со СМО, переключила свое внимание на Мангуп, но работы уже проходили без участия Н. И. Репникова. Еще более обострилась ситуация в 1939 г., когда СМО фактически отказалось сотрудничать с ГАИМК в изучении Мангупа. В итоге Н. И. Репникова все же вернули на работу в ИИМК [26, с. 323–235]. Но в связи с переводом Севастополя на режимное положение к концу 1939 г. СМО было расформировано, а штаб-квартирой МППГ стал Бахчисарай. Позиции Н. И. Репникова несколько укрепились, он назначается начальником Крымской экспедиции ИИМК, ему присвоена ученая степень кандидата исторических наук³⁶.

В последний год жизни Николай Иванович оставался верен Крыму и планировал масштабные исследования теперь уже совместно с МППГ [4, л. 195–203], готовил совместно с В. П. Бабенчиковым и П. П. Бабенчиковым «Гераклейский сборник», не оставлял идею возобновления исследования «пещерных городов», но здоровье его ухудшилось и в декабре 1940 г. он ушел из жизни в родном Ленинграде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939). Киев–Симферополь: Антиква, 2012. 120 с.
2. Акимченков В. В. «В борьбе за советский патриотизм»: Севастопольское музейное объединение (1928–1940). М.–Симферополь: Антиква, 2015. 244 с.
3. Бертъе-Делагард А. Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55. С. 37–38.
4. БИКАМЗ НА РО. Д. 49. Кн. 1.
5. Бойцова Е. Е., Онучина М. В. Музейное строительство в Севастополе в 1920-е годы. Севастополь: Рибэст, 2011. 116 с.
6. Верещагина С. День археолога [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.inmoment.ru/holidays/day-archaeologist.html> (дата обращения: 15.05.2018).
7. Герцен А. Г. Н. И. Репников о Мангупе // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 311–320.
8. Гриневиц К. Э. Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г. // Крым. 1928. № 2(8). С. 34–71.
9. Дианова Т. В. Выставка «Херсонесский музей в годы Великой Отечественной войны» (по архивным материалам) // Крымский архив. 2015. № 4 (19). С. 47–58.
10. Длужневская Г. В. Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива ИИМК РАН). СПб.: Лема, 2014. 218 с.

³⁵ Руководитель СМО в 1937–1940 гг.

³⁶ Этот факт обычно не фигурирует в официальных биографиях Н. И. Репникова. О нем можно судить, например, по автографу ученого из архива БИКАМЗ [4, л. 157, 157об.] (Рис. 10). Вероятно, степень была присвоена без защиты конкретной диссертации, что довольно часто практиковалось в гуманитарных науках с 1934 г. [24, с. 244–250].

11. Емельянова Н. С. Семен Петрович Петренко – учитель Николая Ивановича Репникова // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: материалы научной конференции, посвященной началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма / Ред.-сост. Ю. П. Зайцев, И. И. Шкрибляк. Симферополь, 2015. С. 54–55.
12. Зубарь В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса-Херсона и его окружи (1914–2005 гг.). Симферополь, 2009. 496 с. (МАИЭТ. Supplementum 6).
13. ИИМК РАН НА РО. Ф. 1. Д. 91.
14. ИИМК РАН НА РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 264.
15. ИИМК РАН НА РО. Ф. 10. Д. 25.
16. ИИМК РАН НА РО. Ф. 10. Д. 26.
17. Императорская археологическая комиссия (1859–1917) / Ред. Г. В. Длужневская, А. Е. Мусин, Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб.: Дмитрий Булавин, 2009. 1312 с.
18. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения. Киев: Сталос, 2012. 463 с.
19. Репников Н. И. Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г. // ИИАК. 1909. Вып. 30. С. 99–126.
20. Репников Н. И. Партенитская базилика // ИИАК. 1909. Вып. 32. С. 91–140.
21. Репников Н. И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 году // ХСб. 1927. Вып. 2. С. 147–186.
22. Романчук А. И. Возрождение античного города. Научно-популярный очерк истории изучения Херсонеса. Свердловск, 1991. 165 с.
23. Теркель Е. А. «Не закрываю глаз на сложность, трудность и ответственность предстоящей работы в области охраны и изучения памятников Крыма...». Письма Н. И. Репникова к И. Э. Грабарю // Историческое наследие Крыма. 2008. № 22–23. С. 320–327.
24. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М.: Знак, 2006. 341 с.
25. Харитонов С. В. Древний город Эски-Кермен. Археология, история, гипотезы. СПб., 2004. 158 с.
26. Юрочкин В. Ю. «Готский вопрос». Симферополь: Сонат, 2017. 497 с.

REFERENCES

1. Akimchenkov V. V. “Akademii v miniatiure”: Sevastopol’skii muzei kraevedeniia (1923–1939). Kiev–Simferopol’, Antikva Publ., 2012, 120 p.
2. Akimchenkov V. V. “V bor’be za sovetskii patriotizm”: Sevastopol’skoe muzeinoe ob’edinenie (1928–1940). Moscow–Simferopol’, Antikva Publ., 2015, 244 p.
3. Bert’e-Delagard A. L. Kalamita i Feodoro. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 1918, No. 55, pp. 37–38.
4. Bakhchisaraiskii istoriko-kul’turnyi i arkheologicheskii muzei-zapovednik. Nauchnyi arkhiv. Rukopisnyi otdel. D. 49. Kn. 1.
5. Boitsova E. E., Onuchina M. V. *Muzeinoe stroitel’stvo v Sevastopole v 1920-e gody*. Sevastopol’, Ribest Publ., 2011, 116 p.
6. Vereshchagina S. *Den’ arkheologa*. Available at: <https://www.inmoment.ru/holidays/day-archaeologist.html> (accessed: 15.05.2018).
7. Gertsen A. G. N. I. Repnikov o Mangupe. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2008, No. 22–23, pp. 311–320.
8. Grinevich K. E. Raskopki Gerakleiskoi ekspeditsii 1928 g. *Krym*, 1928, No. 2(8), pp. 34–71.
9. Dianova T. V. Vystavka “Khersonesskii muzei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny” (po arkhivnym materialam). *Krymskii arkhiv*, 2015, No. 4 (19), pp. 47–58.
10. Dluzhnevskaiia G. V. *Arkheologicheskie issledovaniia v Evropeiskoi chasti Rossii i na Kavkaze v 1859–1919 gg. (po dokumentam Nauchnogo arkhiva IIMK RAN)*. St. Petersburg, Lema Publ., 2014, 218 p.
11. Emel’ianova N. S. Semen Petrovich Petrenko – uchitel’ Nikolaia Ivanovicha Repnikova. *Zaitsev Iu. P., Shkribliak I. I. (Eds.). 70 let Tavro-Skifskoi ekspeditsii v Krymu: materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi nachalu raboty Tavro-Skifskoi ekspeditsii na Neapole Skifskom i drugikh pamiatnikakh Kryma*. Simferopol’, 2015, pp. 54–55.

12. Zubar' V. M. *Letopis' arkheologicheskikh issledovaniy Khersonesa-Khersona i ego okrugy (1914–2005 gg.)*. Simferopol', 2009, 496 p. (*Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*. Supplementum 6).
13. Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk Nauchnyi arkhiv. Rukopisnyi otdel. F. 1. D. 91.
14. Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk Nauchnyi arkhiv. Rukopisnyi otdel. F. 2. Op. 5. D. 264.
15. Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk Nauchnyi arkhiv. Rukopisnyi otdel. F. 10. D. 25.
16. Institut istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk Nauchnyi arkhiv. Rukopisnyi otdel. F. 10. D. 26.
17. Dluzhnevskaja G. V., Musin A. E., Nosov E. N., Tikhonov I. L. (Eds.). *Imperatorskaia arkheologicheskaja komissia (1859–1917)*. St. Petersburg, Dmitrii Bulavin Publ., 2009, 1312 p.
18. Nepomniashchii A. A. *Professor Nikolai Ernst: stranitsy istorii krymskogo kraevedeniia*. Kiev, Stilos Publ., 2012, 463 p.
19. Repnikov N. I. Razvedki i raskopki na Iuzhnom beregu Kryma i v Baidarskoi doline v 1907 g. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1909, vol. 30, pp. 99–126.
20. Repnikov N. I. Partenitskaia bazilika. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii*, 1909, vol. 32, pp. 91–140.
21. Repnikov N. I. Dnevnik raskopok Khersonesskogo nekropolia v 1908 godu. *Khersonesskii sbornik*, 1927, vol. 2, pp. 147–186.
22. Romanchuk A. I. *Vozrozhdenie antichnogo goroda. Nauchno-populiarnyi ocherk istorii izucheniia Khersonesa*. Sverdlovsk, 1991, 165 p.
23. Terkel' E. A. "Ne zakryvaiu glaz na slozhnost', trudnost' i otvetstvennost' predstoiashchei raboty v oblasti okhrany i izucheniia pamiatnikov Kryma...". Pis'ma N. I. Repnikova k I. E. Grabariu. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2008, No. 22–23, pp. 320–327.
24. Formozov A. A. *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki*. Moscow, Znack Publ., 2006, 341 p.
25. Kharitonov S. V. *Drevnii gorod Eski-Kermen. Arkheologiya, istoriya, gipotezy*. St. Petersburg, 2004, 158 p.
26. Iurochkin V. Iu. "Gotskii vopros". Simferopol', Sonat Publ., 2017, 497 p.

В. Ю. Юрочкин, Н. С. Емельянова

«Народный ученый» – Н. И. Репников и Херсонес

Резюме

В статье рассматриваются эпизоды научной деятельности Николая Ивановича Репникова (1882–1940), связанные с Херсонесским музеем и Севастополем. Особое внимание уделяется празднованию

25-летия археологической деятельности ученого в Херсонесе в 1928 г.

Ключевые слова: Н. И. Репников, С. П. Петренко, Н. З. Федоров, Херсонес, раскопки.

Vladislav Yurochkin, Natalia Emelianova

«Scientist from People» – N. I. Repnikov and Chersonesos

Summary

In the article is examined the episodes of the scientific work of Nikolai Ivanovich Repnikov (1882–1940), which are connected with the Chersonesos museum and Sevastopol. Particular attention is devoted to the

celebration of the 25th anniversary of the archaeological activities of the scientist in Chersonesos in 1928.

Keywords: N. I. Repnikov, S. P. Petrenko, N. Z. Fedorov, Chersonesos, excavations.

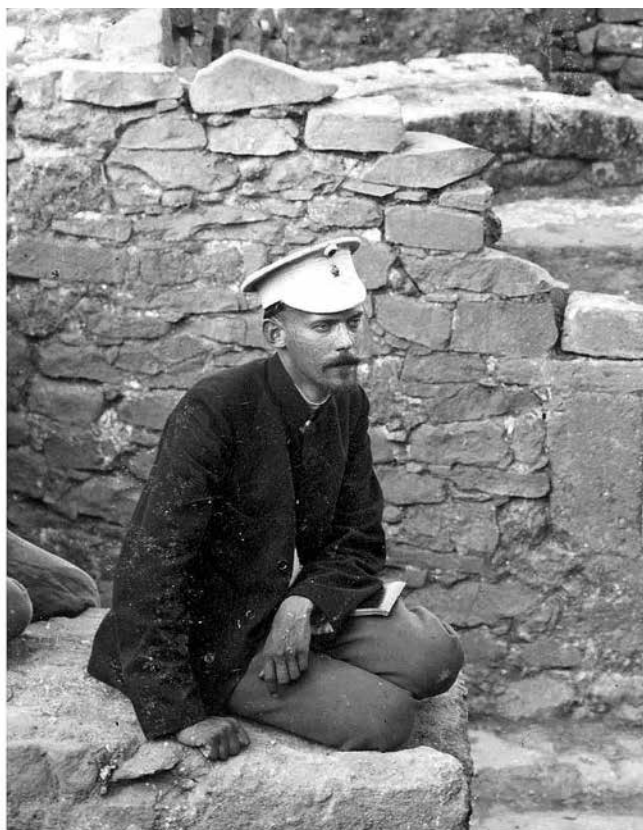

Рис. 1. Н. И. Репников. Партенит. 1907 г.
(Фото из архива ИИМК РАН).

Рис. 2. С. П. Петренко за работой. Ольвия
[по: 10, с. 125].

Рис. 3. Р. Х. Лепер (Фото из НА ГМЗХТ).

Рис. 4. К. Э. Гриневич (Фото из НА ГМЗХТ).

Рис. 5. Слева направо: К. Э. Гриневич, Н. И. Репников и Н. М. Янышев на бывшем хуторе Бермана. 1928 г. [по: 2, с. 122].

Рис. 6. Н. З. Федоров (слева) и Н. И. Репников (справа) в Херсонесе (Фото из НА ГМЗХТ).

Рис. 7. Н. И. Репников (в центре), Е. В. Веймарн (слева), Н. З. Федоров (справа) и рабочие Гераклейской экспедиции. 1928 г.

Рис. 8. Участники работ на Эски-Кермене. В верхнем ряду слева направо: третий – Н. И. Репников, четвертый – П. П. Бабенчиков, восьмой – Е. В. Веймарн, девятый – С. Ф. Стржелецкий [по: 1, с. 48].

Рис. 9. Эски-Кермен. Обед участников экспедиции. Сидят слева направо: С. Ф. Стржелецкий, Н. И. Репников, Н. З. Федоров, Е. В. Веймарн, Зилдинов (Фото из архива ИИМК РАН).

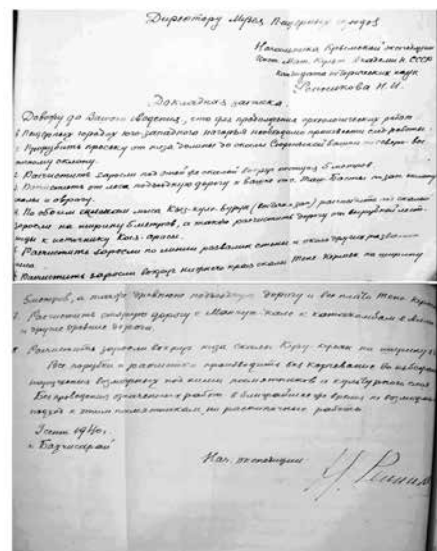

Рис. 10. Автограф Н. И. Репникова [4, л. 157, 157об.].

РАННЕХРИСТИАНСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ КОМПЛЕКС НА ЮГО-ВОСТОЧНОМ НЕКРОПОЛЕ ХЕРСОНЕСА

В 2006–2008 гг. археологическая экспедиция Херсонесского музея-заповедника под руководством Т. Ю. Яшаевой проводила раскопки на загородном юго-восточном некрополе Херсонеса, расположенном на западном берегу Карантинной бухты [32; 33; 34]. Исследовался раннехристианский пещерный комплекс, высеченный в восточном склоне Девичьей горы (Рис. 1), территориально входившей в «некрополь святых», широко известный в христианском мире в связи с погребением ссыльного римского папы Мартина I [8, с. 175].

В ходе раскопок памятника было выявлено несколько строительных периодов.

1-й строительный период связан с сооружением в позднеримское время двух склепов, ориентированных по оси запад-восток. Их первоначальные размеры и планировку установить сложно из-за позднейших перестроек, но судя по некоторым сохранившимся конструктивным элементам, это был распространенный в Херсонесе в позднеантичную эпоху тип погребально-го сооружения в виде четырехугольного в плане склепа с нишами-лежанками и небольшим прямоугольным входом из дромоса [19, с. 25]. Дромосы были высечены в северной стене склепов, их ширина – 0,6–0,75 м, сохранившаяся длина – до 1,8 м.

Во 2-м строительном периоде склепы объединяются и перестраиваются в миниатюрное культовое сооружение, размерами 5,5×2,8 м (Рис. 2; 4; 6)¹. Его стены по внутреннему периметру укрепляются обработанными известняковыми камнями на глинисто-мергелистом растворе. Некоторые блоки были вторичного использова-

ния, в т. ч. снятые с могил языческие надгробия первых веков н.э. На одном из таких надгробий второй половины II в. н.э. сохранился фрагмент стихотворной эпитафии [23, с. 118–119]. В результате переоборудования дромос западного склепа стал входом с пятью ступенями; восточный вход был приспособлен под окно, осколки стекла которого присутствуют в слое разрушения; размеры оконного проема, расположенного на высоте 1,1 м от уровня пола, 0,9×0,65 м; внутренняя поверхность – со следами штукатурки. Восточная часть нового пещерного сооружения представляла собой апсиду. Обращает на себя внимание ее неправильная подковообразная форма, асимметричность, отсутствие заплечий: апсида непосредственно переходит в продольные стены наоса. По форме она близка апсидам-экседрам, строившимся «в небольших погребальных сооружениях IV–V вв. в Средиземноморье в позднеримскую эпоху» [28, с. 71]. Стены апсиды сохранились на высоту от 0,25 до 1,9 м. Она была перекрыта конхой, основание которой зафиксировано на южной стене на высоте около 2 м от пола, ее реконструированная толщина – 0,4–0,5 м. Конха была сложена из крупных однотипных фрагментов лаконики и небольшого количества фрагментов керамид.

Использовавшаяся строительная керамика не являлась технологически единой, в ней выделяются два типа формовочной массы. К первому типу можно отнести тесто, из которого изготовлена лаконийская черепица (средние размеры: около 59,0×33,0 см), имеющее следующие характеристики: красноглиняное, плотное, с примесью извести железистых частиц, дресвы, слюды, песка; поверхность изделия покрыта светлым ангобом (Рис. 8). Из идентичного теста изготовлена плинфа, перекрывавшая отдель-

¹ Авторы выражают признательность Л. Г. Хрушковой за консультацию в интерпретации памятника.

ные участки пола часовни (средние размеры: 30,0×15,0–18,0 см) (Рис. 9,2–6). Для загрузки в сооружение конхи лаконика специально обрубалась, о чем свидетельствуют встреченные крупные фрагменты – «половинки», обрубленные практически на всю длину изделия (Рис. 8,2), и «четвертины» (Рис. 8,1,3). Ни одной черепицы, сохранившейся более чем на половину изделия в поперечном сечении, нет – т. е. строителям был необходим строительный материал, с помощью которого можно было бы соорудить полусферическую конструкцию. Вероятно, лаконика, разделенная на две части в продольном сечении, лучше всего подходила для этой цели. В строительство шли как левые (Рис. 8,3), так и правые (Рис. 8,1,2) части лаконик. При этом при обрубании приоритет отдавался краям без меток тремя пальцами по сырой глине в виде полукруга. Видимо, это можно объяснить тем, что метки пальцами оставлялись на верхнем крае черепицы. Тогда нижний край должен был бы иметь специальные подрезки с тыльной стороны нижних углов, которые могли бы мешать строителям. Тем не менее встречаются и исключения (Рис. 8,1,3).

Хронология лаконики обычно укладывается в рамки римского-позднеримского времени. Однако исследование лаконийской черепицы, в том числе клейменной 9-го Клавдиевого легиона из раскопок слоев разрушения первой половины III в. римской крепости Алма-Кермен², позволяет утверждать, что девичьегогорские экземпляры относятся к более позднему, позднеримскому, времени. Мы полагаем, что использование этого типа теста не выходит за пределы первой половины V в., т. к. в засыпи цистерны под центральным нефом «Базилики Крузе» второй половины V – рубежа V/VI вв. [27, с. 112] строительная керамика, изготовленная из него, уже представлена материалом, вышедшим из употребления [25, с. 165–166].

Вторым типом строительной керамики из конструкции конхи являются керамиды из светлоглиняного теста с примесью пироксена (группа I по классификации черепицы «Базилики Крузе» [25, с. 168–169]) (Рис. 9,1). Такая черепица, как правило, присутствует в слоях второй половины

V–VII вв. [25, с. 168–169; 13, с. 322–325, 328–330]. Однако, учитывая отсутствие в комплексе других групп формовочной массы, характерных для ранневизантийского времени, хронологию теста можно сдвинуть на более раннее время, нежели середина V в. На раннюю дату конхи также указывает толщина шва раствора между плинфами (2–4 см), которая равна или немного превышает толщину самой плинфы (2–3,5 см), что, по мнению исследователей, свидетельствует о доюстиниановском времени строительства [28, с. 128–129].

Конха и стены были оштукатурены и покрыты полихромной фреской (Рис. 14; 16). Штукатурка, толщиной 0,5–2 см, представляла собой известь с незначительным добавлением мелкого песка, угольков и рубленого самана. Затем шел тонкий слой чистой белой извести, около 1 мм (в отдельных случаях визуально различимы несколько слоев), на который был нанесен красочный слой. Близкую аналогию как по структуре штукатурки, так и по палитре цветов, использованных при ее росписи, представляют росписные штукатурки храма I «Базилики 1935 г.» [16, с. 219], датированные IV–V вв. н.э. [31, с. 103]. Судя по сохранившимся крупным фрагментам (50×25; 40×35 см), конха была декорирована геометрическим орнаментом. В росписи использовались красная, желтая, голубая, синяя, зеленая, красно-коричневая, черная краски. В ее центральной части, видимо, располагался крест (или хризма) желтого цвета на синем фоне в медальоне, что также находит свои аналогии в ряде раннехристианских памятников [21, с. 42–51]. В целом, фрески дошли до нас фрагментарно. По периметру апсиды и на северной стене наоса над полом сохранилась красная полоса шириной 13–18 см (Рис. 14). На других участках стен наоса выявлены только остатки красочного слоя фресок красного, черного, светло- и ярко-оранжевого, зеленого цветов, поэтому сюжет восстановить невозможно, за исключением расположенных крестообразно красных квадратов на южной стене на высоте 1 м от пола (Рис. 14; 16). На этой же стене, на высоте 1,0–1,7 м, зафиксированы граффити в виде линий, знаков, крестов, букв (Рис. 14; 15).

Пол представлял собой материковую скалу, на отдельных участках которой зафиксирована цемянковая обмазка и нивелировочная плин-

² Авторы выражают благодарность Ю. П. Зайцеву за возможность работать с неопубликованным материалом.

фовая вымостка, описанная выше; его уровень незначительно повышался к востоку (перепад 4–6 см). В восточной части пола были высечены углубления разных размеров, конфигураций и назначения. Материал их заполнения практически однороден и синхронен материалу из слоя разрушения: рыхлый грунт, фрагменты керамики и оконного стекла, кусочки мрамора, угольки.

Важную информацию дают углубления № 1 и № 4, расположенные по линии центральной продольной оси. Углубление № 1 – квадратное в плане (0,34×0,34 м; глубина 0,13 м), высеченное на расстоянии 60 см от восточной стены апсиды, являлось, вероятно, подпрестольным. На его дне было сделано второе углубление № 1а, круглое в плане, несколько смещенное от центра (диам. 11 см; глубина 5 см), видимо, предназначавшееся для закладки мощей; на дне и стенках сохранились следы бледно-розовой цемянковой обмазки; на дне находилась медная монета императора Феодосия I (379–395) (Прил. 1, № 12), предположительно указывающая на дату установки престола и переоборудования склепов в культовое сооружение (Рис. 2; 4; 6).

Углубление № 4 в плане неправильной овальной формы (размеры по центральным осям: 80×25 см; глубина 20–23 см), в южной части оно расширено подквадратным подтесом (44×38×12 см), придавшим ему форму глубокого отпечатка следа (Рис. 2). На дне зафиксирован мощный слой золы и угольков от сгоревшего дерева (возможно, от доски, перекрывавшей полость). На глубине 10–12 см от поверхности пола была найдена медная монета второй половины IV – первой половины V в. н.э. (Прил. 1, № 8). Характерная локализация в центре апсиды позволяет предположить, что углубления № 1а и № 4 использовались для положения мощей. Расположенные симметрично углубления № 7 и № 8 (диам. 14 и 18 см; глубина 6 см), вероятно, предназначались для установки столбиков алтарной преграды. По оси юг-север (от углубления № 4 до южной стены апсиды) вытянуты в линию семь мелких углублений (диам. 2–5 см; глубина 3–4 см) неясного назначения (Рис. 2).

Наибольший интерес для осмысления памятника представляет четырехугольное в плане углубление № 6, самое значительное по размерам: глубина (по центру) 0,7 м; устье (по

центральным осям) 1,54×1,27 м; основание 1,16×1,21 м; по всей длине западного борта высечен уступ шириной 0,15 м, на глубине 0,23 м от уровня пола помещения (Рис. 2; 4; 6). Углубление расположено практически в центре наоса, являясь не только композиционным, но и смысловым центром внутреннего пространства нового пещерного сооружения. Мы склонны интерпретировать его как крипту (отсутствие водонепроницаемой обмазки и удобного схода не позволяет видеть в нем купель). Уступ в западном борту, вероятно, предназначался для фиксации плиты, закрывавшей яму; аналогичные уступы, от которых в настоящее время сохранились лишь следы в виде неровностей скалы, были, вероятно, и на других бортах. Отметим также отсутствие органики, как и в углублениях № 1 и № 4. Вероятно, после обрушения свода часовни находившиеся в них чтимые костные останки, наряду с другими святынями и церковной утварью, были перенесены в другое, более безопасное место, а открытые пустые полости заполнил материал из слоя разрушения.

Наличие крипт-мошехранилищ, безусловно, указывает на его мемориальный характер. Об этом же, вероятно, свидетельствуют и фрагменты четырех литургических столов из белого проконнесского мрамора (визуальный осмотр), найденные в слое разрушения. Известны мензы разных форм и конструкций. Столешницы девичьегорских менз были в плане круглые или сигмовидные (сохранившиеся фрагменты не позволяют восстановить форму и полные размеры), плоскодонные, однотипной чашевидной формы, с горизонтально отогнутым профилированным бортиком; различаются шириной и толщиной бортика, а также способом обработки тыльной поверхности (Рис. 17; 18).

Менза 1. Сохранилась не только столешница, но и другие элементы, поэтому она дает наиболее полное представление об этом типе литургического стола. Размеры фрагментов столешницы: 26×35,5 и 11,5×8 см (инв. №№ 37530/4/1, 8/37508); диаметр (в реконструкции) ок. 70–90 см; ширина бортика 3,3 см; наибольшая толщина 2,4 см; толщина дна 1,5–1,7 см; расстояние от внутреннего края бортика до валика 3 см; расстояние от края столешницы до валика на тыльной стороне дна 13,5 см; тыльная сторона заглажена; высота мензы без столешницы

100 см, со столешницей – 103 см. Лицевая сторона столешницы отполирована, на тыльной – хорошо видны следы обработки инструментом, придававшие ей шероховатость (Рис. 17, 1а, 2а; 18а). Стол имел сложнопрофилированный, квадратный в плане постамент, который вместе с высокой, узкой, круглой в сечении ножкой представлял собой монолит (Рис. 19). Задняя сторона постамент и ножки заглажены (видимо, они были рассчитаны на трехсторонний обзор), на лицевой стороне – следы аккуратно сбитой скульптуры. Как известно, литургические столы иногда украшались различными христианскими символическими образами. Чье изображение было на девичьегорской мензе, мы однозначно сказать не можем, так как в слое разрушения скульптура или ее фрагменты отсутствовали, но, судя по параметрам сбитой части, можно предположить, что скульптура была представлена в рост. На верхней поверхности правой части постамент виден характерный скол в форме следа, возможно, от ступни статуи. Все это позволяет предположить, что скульптура изображала Доброго Пастыря, которого в качестве декора литургического стола часто изображали стоящим с овцой на плечах, опирающимся на одну ногу, вторая нога отставлена в сторону (Рис. 20)³. Отметим, что ранее в Херсонесе во время раскопок уже встречались крупные фрагменты от трех скульптур Доброго Пастыря и единичные скульптуры с другими символическими сюжетами: «Орфей», «Жертвоприношение Исаака», «Чудовище, пожирающее рыбу» [1; 20; 4, с. 176–178; 7].

Менза 2 (9×5,5 см; инв. № 4/37530): ширина бортика 2,7 см; наибольшая толщина 1,7 см; толщина дна 1,5 см; расстояние от внутреннего края бортика до валика 2,5 см; тыльная сторона бортика – со следами обработки инструментом (Рис. 17, 1б, 2б; 18б).

Менза 3 (2 ф-та: 9,5×5,3; 8,5×4,7 см; инв. № 8/37502): ширина бортика 3,3 см; наибольшая толщина 1,6 см; толщина дна 1,5 см; тыльная сторона бортика – со следами обработки инструментом (Рис. 17, 1в, 2в; 18в).

Менза 4 (7,5×7,5 см; инв. № 9/37502) представляет собой часть желоба, предназначавшегося для удобства очищения мензы [6, с. 15].

Исследователи датируют подобные мензы V–VI вв., подчеркивая, что круглые экземпляры более ранние [38; 40, р. 1; 28, с. 114; 6, с. 12–15]. Девичьегорские мензы находят близкие аналогии среди раннехристианских памятников Салоны V в. [40, р. 176–177, pl. LVIII, VII.h.1,5]. Находка фрагментов менз на полу в слое разрушения позволяет предположить, что все они использовались на момент гибели часовни и были задействованы в поминальных службах. Менза 1, столешница которой самая крупная по диаметру, вероятно, была основной и стояла в центре наоса на перекрытой плитой костнице. Как указывалось выше, плита, перекрывавшая костницу, была ниже уровня пола на 20–23 см, и, таким образом, высота стола получалась приблизительно 1 метр, что соответствовало некоторым традиционным размерам [6, с. 15]. Менза 1, как уже отмечалось, имела мраморную ножку, остальные мензы крепились, видимо, на деревянных конструкциях [6, с. 15] и могли быть установлены в помещениях 2 и 3 (Рис. 2; 5; 7), устроенных в южной стене наоса. К сожалению, полностью исследовать помещение 2 не удалось из-за аварийного состояния. В скальном полу помещения 3 (1,5×1,2 м, при высоте 2,2 м) была выявлена овальная в плане яма № 9 (1,4×0,9 м) (Рис. 23), которая во 2-м строительном периоде, возможно, использовалась для замеса известки при сооружении конхи, о чем свидетельствуют остатки раствора на дне и бортах, в котором находилась медная монета выпуска императора Аркадия, что является еще одним подтверждением устройства часовни в конце IV – начале V в. (Прил. 1, № 25). Позже яма могла служить для положения чтимых костных останков (для погребения она, как и другие углубления, короткая), а помещение было задействовано в поминальной службе. Рядом с ямой находился светлоглиняный светильник эфесского производства с изображением отпечатка ступни, датирующийся VI–VII вв. (Рис. 24), тип Broneer1930, XXIX, 281–282, Group 4 [37]⁴.

³ см., например: https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g189473-d243217-Reviews-Museum_of_Byzantine_Culture-Thessaloniki_Thessaloniki_Region_Central_Macedonia.html#photos;aggregationId=101&albumid=101&filter=7&ff=186946338

⁴ Авторы выражают благодарность Д. В. Журавлеву за атрибуцию светильника.

Возможно, в пещерной часовне совершалась также и литургия евхаристии, о чем могут свидетельствовать углубления в скальном полу апсиды для установки престола и столбиков алтарной преграды (Рис. 2; 6), но так как другими, более конкретными доказательствами мы не располагаем, этот вопрос пока остается открытым.

В ходе раскопок памятника было обнаружено 25 медных монет, 12 из которых находились в пределах апсиды (см. Прил. 1), причем некоторые из них были аккуратно уложены в углубления, высеченные в скальном полу, в т. ч. для алтарной преграды и установки престола (см. Прил. 1, №№ 8, 12, 13, 24, 25). У восточной стены были найдены две медные монеты второй половины IV – первой четверти V в. н.э., лежавшие стопкой одна на другой (Прил. 1, № 10, 11). Остальные монеты найдены среди строительного материала, в частности в слое разрушения конхи апсиды, что позволяет предположить, что монеты были заложены в углубления и, возможно, в раствор кладки апсиды строителями в качестве посвящения Богу в ходе работ по переустройству склепов в культовое сооружение. Очень похожая картина выявлена, например, при раскопках церкви в Торре де Палма, построенной в первой половине IV в., где было найдено 10 мелких монет, по-видимому, заложённых строителями в пол в районе алтаря [49, р. 222]. Большинство найденных монет укладывается в довольно узкий период времени – конец IV – первую половину V в., что в сочетании со строительной керамикой и некоторыми приемами строительной техники, по-видимому, и определяет время устройства часовни (см. Прил. 1).

3-й строительный период.

После обрушения мощного скального свода, завалившего внутреннее пространство пещерной часовни, ее функционирование прекращается. Так как действующий храм постоянно убирался, то логично предположить, что керамика и стекло, найденные на полу и на лестнице, а также в слое завала рухнувших свода и стен, находились в часовне в момент ее гибели и, таким образом, представляют *terminus ante quem* для его гибели. Однако набор керамики из слоя разрушения крайне беден и включает лишь несколько типов амфор с широким хронологическим диапазоном бытования при полном

отсутствии краснолаковой керамики, которая, как правило, позволяет говорить о более узких датах.

Самую многочисленную часть комплекса составляли круглодонные желобчатые амфоры типа Oraït B-Id [53, р. 28–29] (тип 5 по херсонесской классификации 1971 г. [5, с. 85]) (Рис. 25, 1–4), которые, судя по материалам из раскопок комплексов Дичина, появляются к концу V в. [61, р. 112]. В Херсонесе они наряду с амфорами типа LR1 преобладают в комплексах второй половины VI–VII вв. [15, с. 51].

В большом количестве также встречены фрагменты стенок амфор типа LRA3 (LRA10 по Райли 1979 [57, р. 229–230]), которые производились с середины I в. до н.э. в различных городах западного берега Малой Азии. При зачистке лестницы найден фрагмент горла двуручного варианта амфор данного типа (Рис. 25, 5), который относят к концу IV – VI/началу VII в. включительно [36, р. 204; 54].

Амфоры типа LR1 по Райли 1979 [57, р. 212–216] представлены единственным фрагментом ручки с тремя сдвинутыми в сторону ребрами на внешней поверхности, характерными для варианта Пьери 1B1 VI – середины VII в. [55, р. 76]. Крайне незначительное количество фрагментов этого типа амфор в рассматриваемом комплексе, по-видимому, можно объяснить особенностями «потребления» храма.

В помещении 2 при зачистке пола найдено два фрагмента стенок с так называемым глубоким и частым рифлением, принадлежавших довольно редко встречающимся в Херсонесе амфорам типа LRA2 [57, р. 217–218] (Hayes – type 9 [47, р. 66]). Дж. Хейс отмечает широкое их распространение в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти V до середины VII в. [47, р. 66].

В районе апсиды и в слое горения на полу 1 найдены два фрагмента рюмок с двойными стенками, которые появляются в средиземноморско-причерноморском регионе во второй половине V в., а скорее, в самом его конце [14, с. 115]. В храме они могли использоваться и как сосуды для питья, т. е. причастия [44, р. 167; 35, р. 91 и т. д.], и как лампы [50, р. 139]. Подобные сосуды относятся к числу наиболее часто встречающихся форм при раскопках базилик [46, р. 86; 42, р. 205].

Аналогичный материал содержался и в засыпке крипты № 6, включавшей преимущественно фрагменты амфор типа *Opait B-Id* (фрагменты горл, ручек, доньев и многочисленные фрагменты ангобированных желобчатых стенок со смолением на внутренней поверхности), фрагменты стенок амфор типа *LRA3*, а также фрагмент кухонного горшка, форма которого относится к числу наиболее распространенных форм кухонной посуды Херсонеса VI–VII вв. [15, рис. 49]. Присутствие в заполнении крипты № 6 верхней части амфоры типа *LR1B1* по Пьери VI – середины VII в. [55, р. 71], а также монета Анастасия I (491–518) (Прил. 1, № 24) позволяют отнести ее засыпку к VI – первой половине VII в. Отметим отсутствие в крипте № 6, как и в углублениях № 1 и № 4, органики.

После обрушения свода находившиеся в них чтимые костные останки, наряду с другими святынями и церковной утварью, были перенесены в другое, более безопасное место, а открытые пустые полости заполнил материал из слоя разрушения. Вероятно, вскоре после гибели пещерной часовни на плато Девичьей горы строится новый храм, теперь уже наземный, вокруг которого со временем формируется небольшой монастырский комплекс (ориентировочные хронологические рамки: VII–X вв.). Его обитатели расчистили в разрушенной пещерной часовне, расположенной ниже по склону, проход к помещению 3, в котором соорудили хлебопекарную печь, полностью вписав ее в контуры помещения, ограничив к ней подходы стеной 1 (Рис. 3; 21). В плане печь подковообразная, устье обращено на север, размеры по центральным осям: 2,7×1,8 м. Дно и бортики печи сложены из красноглиняной плинфы и керамид. Под печи выложен из девяти квадратных красноглиняных плинф, средние размеры: 26,4–27,6×25,25–27,0 см, при толщине 2,1–2,45 см (Рис. 10–13; 22). По способу изготовления плинфа относится к типу II по Д. Д. Ёлшину [17, с. 102–103, рис. 5]. На двух экземплярах прослеживаются следы обжига в печи в виде пятна красного цвета на месте перекрытия продухов плинфой (Рис. 12). На одной плинфе этот след особенно хорошо заметен, и даже можно определить диаметр продуха, равный около 9,0 см (Рис. 12,1). Плинфы изготовлены из керамического теста группы I по классификации «Базилики Крузе» [25, с. 168–169] и

относятся ко второй половине V–VII вв. Так как при раскопках печи не обнаружено каких-либо других фрагментов строительной керамики, уточняющих ее хронологию, эту плинфу можно датировать только широкими рамками: серединой VI–VII вв.

Ниже дна печи шел мощный нивелировочный слой, включавший в себя фрагменты керамики античного и ранневизантийского времени. Причем материал античного периода составил 25 % от общего числа профильных фрагментов амфор. Среди фрагментов керамики выявлено большое количество разновременных окатышей, принесенных, вероятно, из расположенного поблизости прибрежного участка.

Материал нивелировочной засыпки выбирался послойно, но судя по синхронности керамики, происходящей из разных слоев, засыпка была произведена единовременно. Мы рассматриваем только наиболее позднюю группу керамики, которая определяет время засыпки ямы.

Одну из самых многочисленных групп в комплексе составляют синопские амфоры типа *C Snp I-III* по Кассабу Тезгёр [52, р. 127–134] (*Opait E-I* [53, р. 29–30], Зеест 100 [18, с. 120, табл. XXXIX.100]) (Рис. 26,1–7). Д. Кассабу Тезгёр по комплексам Демерджи, где были открыты печи по производству данного типа амфор, датировала их IV–V/началом VI в. [52, р. 128–129]. К этому же времени относит их и А. Опайт [53, р. 29–30].

Одна из амфор принадлежала позднему варианту синопских амфор *D Snp I Д.* по Кассабу Тезгёр (Рис. 27,12), которые производились на протяжении VI–VII вв. [52, р. 137].

Амфоры с перехватом (Зеест 103 [18, табл. XL.103]), широко распространенные в Северном и Восточном Причерноморье, производились в нескольких центрах Колхиды [30; 62, р. 29–32], хотя не исключается возможность их производства и в Геракле [53, р. 32]. В рассматриваемом комплексе они представлены пятью фрагментами горл с треугольным в сечении венчиком и ребром на уровне верхнего прилепа уплощенных ручек (Рис. 26,8) разновидности *Kx IC2 – D1* по С. Ю. Внукову, датирующейся IV в. [12, с. 12, рис. 6], и 4-мя небольшими ножками с выпуклой нижней поверхностью (Рис. 26,9–11), которые можно отнести к поздним вариантам [12].

Амфоры типа LR1 по Райли 1979 [57, р. 212–216] (Hayes 5 [47, р. 63–64]) представлены как амфорами переходного от типа Пьери 1А к типу Пьери 1В варианта второй половины V – начала VI в. [55, р. 71–72], так и типа Пьери 1В VI – середины VII в. [55, р. 76] (Рис. 27,1–5). Найденные в засыпи 26 фрагментов ручек с тремя сдвинутыми в сторону ребрами на внешней поверхности и глубоким косым желобком под крайним из них (Рис. 27,6,7,11–13,15,16), а также два фрагмента округлых доньев с небольшим полусферическим выступом на нижней поверхности дна (Рис. 27,17,18) характерны для варианта Пьери 1А конца IV–V вв. [55, р. 71], а 4 фрагмента овальных в сечении ручек с тремя несколько сдвинутыми в сторону ребрами на внешней поверхности (Рис. 27,8,10,14) – для вариантов Пьери 1В1 и Пьери 1В2 VI – середины VII в. [55, р. 76]. На 8-ми фрагментах (5-ти фрагментах стенок (инв. № 2/37683; 4,5,7,9/37684) и 3-х фрагментах горл (инв. № 2,3,10/37684)) имеются дипинти, нанесенные красной краской.

Амфоры типа LR2 представлены двумя фрагментами стенок с глубоким и частым горизонтальным рифлением и фрагментом воронковидного горла из темно-красной, плотной, хорошо отмученной глины с немногочисленными мелкими белыми включениями. Производство амфор типа LRA2 [57, р. 217–218] (Hayes-type 9 [47, р. 66]) зафиксировано на Пелопоннесе, Хиосе, Книде, Самосе, Косе и на севере Арголиды [53, р. 11; 61, р. 109]. Перевозили в них вино или масло, хотя в последнее время исследователи более склоняются в сторону масла как основного содержимого амфор данного типа [51, р. 148–149; 60, р. 255]. Дж. Хейс отмечает широкое их распространение в районе Эгейского и Черного морей, начиная с третьей четверти V до середины VII в. [47, р. 66].

Один фрагмент принадлежал редкой амфоре со слегка отогнутым венчиком в виде широкого, вытянутого по вертикали валика, сильно расходящимся книзу коротким горлом и плосковыпуклыми в сечении ручками (Рис. 26,14). Амфора, несомненно, критского происхождения. Близкая аналогия происходит из раскопок слоя 475–490/500 гг. и конца V в. в Кноссе [41, р. 161, 202, fig. 4.44, 281; 48, р. 435, fig. 3,10]. Такая же была найдена в комплексе первой половины VI в., открытом в Бутринте и на вилле Агно-

ли в Маттинате на северном берегу Апулии [56, р. 229, fig. 13.146].

33 фрагмента принадлежали уже упоминавшимся круглодонным желобчатым амфорам типа Oraït B-Id [53, р. 28–29] (тип 5 по херсонесской классификации 1971 г. [5, с. 85]).

Особый интерес представляют пока не включенные ни в одну из имеющихся классификаций амфоры, выделяющиеся сильно обожженной, очень плотной глиной с серым закалом и как бы шершавой поверхностью, часто с толстым слоем светло-серовато-бежевого плотного ангоба на внешней поверхности. Для них характерна красная, с желтоватым оттенком, очень плотная, очень хорошо отмученная глина с пепельно-бежевым закалом и немногочисленными мельчайшими светлыми, красноватыми, цвета глины и темно-серыми включениями. Следует отметить, что они характерны для херсонесских комплексов V – начала VI в. (готовится публикация). В засыпи под печью такие амфоры представлены, главным образом, овальными в сечении ручками с двумя валиками между тремя широкими желобками, а также цилиндрическим горлом с небольшим подпрямоугольным в сечении венчиком (Рис. 26,13).

Посуда группы «Понтийской краснолаковой» представлена в комплексе формами 1, 3 и 7 по К. Домжальскому (Рис. 28,1–7). Она доминировала на черноморском рынке с конца IV до середины V в., но во второй половине V в., в связи с интенсивным притоком в регион посуды группы «Фокейской краснолаковой», ее количество постепенно уменьшается и в начале VI в. сходит на нет [39, р. 164].

Посуда группы «Фокейской краснолаковой», при определении которой использована классическая типология и хронология, разработанная Дж. Хейсом, представлена 8-ю фрагментами сосудов ранних типов формы 3, датирующимися в рамках второй половины V в. [45, р. 329–338, fig. 67, 68] (Рис. 28,9–12).

Таким образом, подавляющее большинство фрагментов из поздней группы материала из субструкции печи принадлежало сосудам, датирующимся V – началом/первой половиной VI в., остальные – сосудам, бытование которых относят к широкому хронологическому диапазону: VI–VII вв., что, с учетом даты плинфовой вымостки пода – вторая половина VI–VII вв.

[25, с. 168–169], позволяет отнести сооружение печи ко времени не ранее второй половины VI в. Таким образом, печь, устроенная в уже разрушенной часовне, дает *terminus ante quem* для ее гибели и позволяет сузить верхнюю дату последней до середины VI в. или, возможно, немного позже.

4-й строительный период.

Судя по материалу, в средневизантийский период использование печи прекращается, и она вместе с расчищенным проходом становится местом сброса бытового мусора из расположенного выше на плато монастырского комплекса. Дальнейшая история публикуемого памятника выходит за рамки настоящей статьи и станет предметом отдельного исследования.

В заключение отметим, что преобразование пещерного склепа в часовню или церковь – явление для Херсонеса неординарное. Единственный подобный факт, имевший место на херсонесском некрополе, некоторые исследователи видят в т. н. склепе на земле Тура, но и эту гипотезу разделяют далеко не все историки [26, с. 464–465; 24; 29, с. 123]. Несомненно одно – для подобной трансформации должны были существовать важные причины, связанные либо с особым духовным статусом погребенного, либо с сакральным характером самого места. В нашем случае мотивы, видимо, следует искать в раннехристианских агиографических источниках, отражавших процессы становления христианства в древнем Херсонесе [22; 11]. Уже из названия кладбища – «некрополь святых», частью которого являлись и погребения на Девичьей горе, следует, что здесь покоились останки не одного, а нескольких святых, почитаемых не только местными жителями, но и христианами других регионов, в первую очередь – это

уже упоминавшаяся гробница папы Мартина I. Согласно данным археологии, в IV в. в одном из склепов юго-восточного некрополя была погребена местночтимая мученица Анастасия, в склепе которой херсонесские христиане установили крестообразное надгробие с надписью «Памятник святой мученицы Анастасии» [10, с. 131]. Традиционно с херсонесским «некрополем святых» связывают имена епископов-мисионеров: Евгения, Елпидия, Агафадора, замученных язычниками в Херсонесе в IV в., тела которых, согласно агиографическим текстам, были «выброшены к востоку от города» [22, с. 70; 10, с. 40–49]. Вероятно, свою лепту в название и высокий духовный статус «некрополя святых» внес и уникальный раннехристианский пещерный комплекс на Девичьей горе. К сожалению, на сегодняшний день у нас недостаточно письменных и археологических данных, чтобы персонифицировать погребенных здесь подвижников и восстановить некогда происшедшие события, но даже те немногие сведения, которыми мы располагаем, позволяют выдвинуть гипотезу о том, что почитаемый склеп воспринимался местными христианами как место теофании и в конце IV – первой половине V в. был преобразован в маленький теофанический пещерный мартирий, возможно, приспособленный также и для евхаристического культа [43, р. 385–388; 9, с. 621–623]. Отношение к этому месту как к сакральному подтверждает и тот факт, что после невозможности восстановления обрушившейся пещерной часовни в непосредственной близости от нее сооружается другой храм, уже наземный, и формируется небольшой монастырский комплекс, к которому, видимо, перешли и ее мемориальные функции, сохранившиеся и в средневизантийскую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айналов Д. В. Мраморная группа жертвоприношения Исаака // *Seminarium Kondakovianum*. Прага, 1927. Вып. I. С. 187–190.
2. Алексеенко Н. А. К вопросу о деятельности Херсонесского монетного двора в XIII столетии // *ХСб*. 1996. Вып. VII. С. 187–192.
3. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). К.: Наукова думка, 1977. 74 с.
4. Античная скульптура Херсонеса / авт.-сост. А. П. Иванова, А. П. Чубова, Л. Г. Колесникова и др. Киев: Мистецтво, 1976. 343 с.
5. Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Кадеев В. И., Романчук А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // *АДСВ*. 1971. Вып. 7. С. 81–101.
6. Бернацкий А. Б. Алтарные части и их оснащение в базиликах Херсонеса Таврического // *Культу-*

- вые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. Севастополь, 2004. С. 8–33.
7. Биернацки А., Клена Е. Образът на Добрия Пастир в раннохристиянската скулптура в Херсонес // Проф. д-р Борис Д. Борисов. Ученици и приятели / гл. ред. Борис Д. Борисов (ВТУ «Св. Св. Кирилл и Методий» и Българската археология 2). Велико Търново: ИВИС, 2016. С. 371–384.
 8. Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма (статья, перевод, комментарий) // Причерноморье в средние века / под ред. С. П. Карпова. М.: Изд. МГУ, 1991. С. 171–188.
 9. Введение в историю Церкви. Часть 1: Обзор источников по общей истории Церкви: Учебное пособие / Под ред. В. В. Симонова. М.: Издательство Московского университета, 2012. 752 с.
 10. Виноградов А. Ю. Миновала уже зима языческого безумия... Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики. М.: Русский Фонд Содействия образованию и науке, 2010. 224 с.
 11. Виноградов А. Ю. Херсонес-Херсон: две истории одного города. Имена, места и даты в исторической памяти полиса // ВДИ. 2013. № 1 (284). С. 40–58.
 12. Внук С. Ю. Амфорное производство на территории Абхазии в эпоху эллинизма и римское время // РА. 2012. № 4. С. 5–15.
 13. Герцен А. Г. Манаев А. Ю. Демир-Капу (укрепление А.ХІХ) в системе оборонительных сооружений Мангупа // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 314–345.
 14. Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 96–260.
 15. Голофаст Л. А. Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса в ранневизантийское время (кварталы X, X-A и X-B) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 49–161.
 16. Домбровский О. И. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 года // ХСб. 1959. Вып. V. С. 207–228.
 17. Ёлшин Д. Д. Киевская плинфа X–XIII вв.: опыт типологии // Культурний шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Івакіна / відп. ред. О. П. Толочко. Київ: Лаурус, 2017. С. 98–128.
 18. Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. 181 с.
 19. Зубарь В. М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. / Отв. ред. А. С. Русяева. К.: Наукова думка, 1982. 144 с.
 20. Колесникова Л. Г. Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура / под ред. И. А. Антоновой и В. В. Борисовой. Киев: Наукова думка, 1974. С. 55–64.
 21. Лазарев В. Н. Византийская живопись. М.: Наука, 1971. 406 с.
 22. Латышев В. В. Жития св. епископов Херсонских. Исследования и тексты. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1906. 81 с.
 23. Макаров И. А. Две метрические эпитафии римского времени из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2009. № 3. С. 113–122.
 24. Могаричев Ю. М. Склеп на земле Н. И. Тура: погребальное сооружение или церковь? // БИАС. 2008. Вып. 3. С. 82–90.
 25. Моисеев Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» в Херсонесе // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 162–186.
 26. Сорочан С. Б. Меморий Воскресения и Мартирий св. муч. Василия в Византийском Херсоне // БИ. 2010. Вып. XXIII. С. 463–494.
 27. Ушаков С. В., Струкова Е. В. Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. 1. С. 110–131.
 28. Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. 500 с.
 29. Хрушкова Л. Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // ТГЭ. 2008. Т. XLII. С. 121–132.
 30. Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 1992. С. 90–109.
 31. Якобсон А. Л. К изучению фресок из южного нефа «Базилики 1935 г.» в Херсонесе // СА. 1978. № 2. С. 96–104.
 32. Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А., Смирнов Р. П. Отчет об исследовании подземного храма на Девичьей горе в 2006 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3902. 98 л.
 33. Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А., Смирнов Р. П. Отчет о раскопках подземного храма на восточном склоне Девичьей горы. 2007 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 4099. 99 л.
 34. Яшаева Т. Ю., Денисова Е. А., Смирнов Р. П. Отчет о раскопках подземного храма на Восточ-

- ном склоне Девичьей горы в 2008 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 3962. 78 л.
35. Abadie-Reynal A., Sodini J.-P. La céramique paléochrétienne de Thasos (Aliko, Delkos, fouilles anciennes). Paris, 1992. 100 p. (Études Thasiennes XIII).
 36. Bezeczky T. Late Roman Amphorae from the Tetragonos-Agora in Ephesus // Krinzinger F. (Ed.). Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesus (Archäologische Forschungen 13). 2005. P. 203–229.
 37. Broneer O. Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. IV. Terracotta Lamps. Cambridge: Harvard University Press, 1930. 340 p.
 38. Chalkia Eug. Le mense paleocristiane: Tipologia e funzioni delle mense secondarie nel culto paleocristiano. Città del Vaticano: Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 1991. 259 p.
 39. Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // *Rei Cretariae Romanae Fautorum*. 2000. Acta 36. P. 161–168.
 40. Duval N., Marin E., Metzger C. (Eds.). Salona I: Catalogue de la sculpture architecturale paléochrétienne de Salone. Rome/Split: École Française de Rome and Musée archéologique de Split, 1994. 335 p. (Collection de l'École française de Rome, 194).
 41. Forster G. Roman Knossos: the Pottery in Context. A Presentation of Ceramic Evidence Provided by the Knossos 2000 Project (1993-95). Institute of Archaeology and Antiquity, School of Historical Studies, The University of Birmingham, 2009. 272 p.
 42. Foy D. Le verre de la fin du Ier au VIIIe siècle en France Méditerranéenne (premier essai de typochronologie) // *Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge*. Val d'Oise, 1995. P. 187–242.
 43. Grabar A. *Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et art chrétien antique*. 2 vols. Paris, Collège de France, 1943–1946. 1040 p. (Repr. 1972).
 44. Harden D. B. Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29. Ann Arbor University of Michigan Press, 1936. x+200 p.
 45. Hayes J. W. Late Roman Pottery. London: British School at Rome, 1972. xxvii+477 p.
 46. Hayes J. W. Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum. Toronto, 1975. 134 p.
 47. Hayes J. W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2: The pottery. New Jersey: Princeton University Press, 1992. 455 p.
 48. Hayes J. W. Early Christian Pottery from Knossos: the 1978–1981 Finds from the Knossos Medical Faculty Site // *ABSA*. 2001. Vol. 96. P. 431–454.
 49. Huffstot J. S. Votive (?) use of coins in fourth-century Lusitania: the builders' deposit in the Torre de Palma basilica // *Revista portuguesa de Arqueologia*. 1998. Vol. 1. Número 1. P. 221–226.
 50. Isings C. Roman Glass from Dated Finds. Groningen, 1957. 185 p.
 51. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border? // Kingsley S., Decker M. (Eds.). Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity. Oxford, 2001. P. 129–166.
 52. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. // D. Kassab Tezgör (Ed.). Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Paris, 2010. P. 121–140.
 53. Opaıt A. Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD). Oxford, 2004. 180 p. (BAR Int. Series 1274).
 54. Panella C. Oriente ed Occidente: considerazioni su alcune anfore "egee" di età imperiale a Ostia // Empereur J. Y., Garlan Y. (Eds.). Recherches sur les amphores grecques (BCH Supplément 13). Athènes–Paris, 1986. P. 609–636.
 55. Pieri D. Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule. Beyrouth, Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient, 2005. 329 p.
 56. Reynolds P. The Roman Pottery from the Triconch Palace // Hodges R., Bowden W., Lako K. (Eds.). Byzantine Butrint: Excavations and Surveys 1994–99. Oxford, 2004. P. 224–269.
 57. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice // Lloyd J. A. (Ed.). Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice) (Lybia Antiqua Supplement V, 2). Tripoli, 1979. P. 91–467.
 58. Sear D. R. Byzantine coins and their values. London, 1987. 526 p.
 59. Sear D. R. Roman coins and their values. London, 1988. 388 p.
 60. Swan V. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context // *The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond* (Proceedings of the British Academy 141). 2007. P. 251–280.

61. Swan V. Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the Fifth and Sixth Centuries AD // Kassab Tezgör D., Inaishvili N. (Eds.). PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde Internationale de Batomi et Trabzon (Varia Anatolica XXI). Paris, 2009. P. 107–118.
62. Vnukov S.Yu. Problems of “Brown Clay” (Colchian) Amphora Studies. Typology, Chronology, Production Centers, Distribution // Kassab Tezgör D., Inaishvili N. (Eds.). PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde Internationale de Batomi et Trabzon (Varia Anatolica XXI). Paris, 2009. P. 29–32.

REFERENCES

1. Ainalov D. V. Mramornaia gruppa zhertvopri-nosheniia Isaaka. *Seminarium Kondakovianum*. Praga, 1927, vol. I, pp. 187–190.
2. Alekseenko N. A. K voprosu o deiatel'nosti Khersonesskogo monetnogo dvora v XIII stoletii. *Khersonesskii sbornik*, 1996, vol. VII, pp. 187–192.
3. Anokhin V. A. *Monetnoe delo Khersonesa (IV v. do n.e. – XII v. n.e.)*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1977, 74 p.
4. Ivanova A. P., Chubova A. P., Kolesnikova L. G. et all. *Antichnaia skul'ptura Khersonesa*. Kiev, Mistetstvo Publ., 1976, 343 p.
5. Antonova I. A., Danilenko V. N., Ivashuta L. P., Kadeev V. I., Romanchuk A. I. Srednevekovye amfory Khersonesa. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 1971, vol. 7, pp. 81–101.
6. Bernatskii A. B. Altarnye chasti i ikh osnashchenie v bazilikakh Khersonesa Tavricheskogo. *Kul'tovye pamiatniki v mirovoi kul'ture: arkhologicheskii, istoricheskii i filosofskii aspekty*. Sevastopol', 2004, pp. 8–33.
7. Biernatski A., Klenina E. Obraz'it na Dobriia Pastir v rannokhristianskata skulptura v Khersones. *Borisov Boris D. (Ed.). Prof. d-r Boris D. Borisov. Uchenitsi i priiateli (VTU “Sv. Sv. Kirill i Metodii” i B"lgarskata arkhologiiia 2)*. Veliko T"rnovo, IVIS Publ., 2016, pp. 371–384.
8. Borodin O. R. Rimskii papa Martin I i ego pis'ma iz Kryma (stat'ia, perevod, kommentarii). *Karpov S. P. (Ed.). Prichernomor'e v srednie veka*. Moscow, MGU Publ., 1991, pp. 171–188.
9. Simonov V. V. (Ed.). *Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Chast' I: Obzor istochnikov po obshchei istorii Tserkvi: Uchebnoe posobie*. Moscow, Moskovskii universitet Publ., 2012, 752 p.
10. Vinogradov A. Iu. *Minoval uzhe zima iazycheskogo bezumiia... Tserkov' i tserkvi Khersona v IV veke po dannym literaturnykh istochnikov i epigrafiki*. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia obrazovaniuu i nauke Publ., 2010, 224 p.
11. Vinogradov A. Iu. Khersones-Kherson: dve istorii odnogo goroda. Imena, mesta i daty v istoricheskoi pamiati polisa. *Vestnik drevnei istorii*, 2013, No. 1 (284), pp. 40–58.
12. Vnukov S. Iu. Amfornoe proizvodstvo na territorii Abkhazii v epokhu ellinizma i rimskoe vremia. *Rossiiskaia arkhologiiia*, 2012, No. 4, pp. 5–15.
13. Gertsen A. G. Manaev A. Iu. Demir-Kapu (ukreplenie A.XIX) v sisteme oboronitel'nykh sooruzhenii Mangupa. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2005, vol. XI, pp. 314–345.
14. Golofast L. A. Steklo rannevizantiiskogo Khersonesa. *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2001, vol. VIII, pp. 96–260.
15. Golofast L. A. Ryzhov S. G. Severnyi raion Khersonesa v rannevizantiiskoe vremia (kvartaly X, X-A i X-B). *Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2013, vol. XVIII, pp. 49–161.
16. Dombrovskii O. I. Freski iuzhnogo nefa Khersonesskoi baziliki 1935 goda. *Khersonesskii sbornik*, 1959, vol. V, pp. 207–228.
17. Elshin D. D. Kievskaiia plinfa X–XIII vv.: opyt tipologii. *Tolochko O. P. (Ed.). Kul'turnii shar. Statti na poshanu Gliba Iuriovicha Ivakina*. Kiev, Laurus Publ., 2017, pp. 98–128.
18. Zeest I. B. Keramicheskaiia tara Bospora. *Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR*, 1960, No. 83, 181 p.
19. Zubar' V. M. *Nekropol' Khersonesa Tavricheskogo I–IV vv.* Kiev, Naukova dumka Publ., 1982, 144 p.
20. Kolesnikova L. G. Rannekhristianskaia skul'ptura Khersonesa. *Antonova I. A., Borisova V. V. (Eds.). Khersones Tavricheskii. Remeslo i kul'tura*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1974, pp. 55–64.
21. Lazarev V. N. *Vizantiiskaia zhivopis'*. Moscow, Nauka Publ., 1971, 406 p.
22. Latyshev V. V. *Zhitiia sv. episkopov Khersonskikh. Issledovaniia i teksty*. St. Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk Publ., 1906, 81 p.

23. Makarov I. A. Dve metricheskie epitafii rimskogo vremeni iz Khersonesa Tavricheskogo. *Vestnik drevnei istorii*, 2009, No. 3, pp. 113–122.
24. Mogarichev Iu. M. Sklep na zemle N. I. Tura: pogrebal'noe sooruzhenie ili tserkov'? *Bakhchisaraiskii istoriko-arkheologicheskii sbornik*, 2008, vol. 3, pp. 82–90.
25. Moiseev D. A. Rannevizantiiskaia cherepitsa iz raskopok tsisterny v tsentral'nom nefebaziliki "Kruze" v Khersonese. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2013, vol. XVIII, pp. 162–186.
26. Sorochan S. B. Memorii Voskreseniia i Martirii sv. much. Vasileia v Vizantiiskom Khersonese. *Bosporskie issledovaniia*, 2010, vol. XXIII, pp. 463–494.
27. Ushakov S. V., Strukova E. V. Pozdneantichnyi Khersones: novye arkheologicheskie komplekxy. Osnovnye itogi issledovaniia. *Istoriia i arkheologiiia Kryma*. Simferopol', 2014, vol. 1, pp. 110–131.
28. Khrushkova L. G. *Rannekhristianskie pamiatniki Vostochnogo Prichernomor'ia (IV–VII veka)*. Moscow, Nauka Publ., 2002, 500 p.
29. Khrushkova L. G. O zhivopisi rannekhristsianskikh sklepov v Krymu: sto let posle Mikhaila Ivanovicha Rostovtseva. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2008, vol. XLII, pp. 121–132.
30. Tsetskhladze G. R. Proizvodstvo amfornoi tary v Kolkhide. *Grecheskie amfory. Problemy razvitiia remesla i trgovli v antichnom mire*. Saratov, 1992, pp. 90–109.
31. Iakobson A. L. K izucheniiu fresok iz iuzhnogo nefabaziliki 1935 g." v Khersonese. *Sovetskaia arkheologiiia*, 1978, No. 2, pp. 96–104.
32. Iashaeva T. Iu., Denisova E. A., Smirnov R. P. Otchet ob issledovanii podzemnogo khrama na Devich'ei gore v 2006 g. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 3902. 98 l.
33. Iashaeva T. Iu., Denisova E. A., Smirnov R. P. Otchet o raskopkakh podzemnogo khrama na vostochnom sklone Devich'ei gory. 2007 g. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 4099. 99 l.
34. Iashaeva T. Iu., Denisova E. A., Smirnov R. P. Otchet o raskopkakh podzemnogo khrama na Vostochnom sklone Devich'ei gory v 2008 g. *Nauchnyi arkhiv Gosudarstvennogo muzeia-zapovednika "Khersones Tavricheskii"*. F. 1. D. 3962. 78 l.
35. Abadie-Reynal A., Sodini J.-P. *La céramique paléochrétienne de Thasos (Alikí, Delkos, fouilles anciennes)*. Paris, 1992, 100 p. (*Études Thasiennes*, XIII).
36. Bezczycki T. Late Roman Amphorae from the Tetragonos-Agora in Ephesus. *Krinzinger F. (Ed.). Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesus (Archäologische Forschungen, 13)*. 2005, pp. 203–229.
37. Broneer O. *Corinth. Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens. Vol. IV. Terracotta Lamps*. Cambridge, Harvard University Press, 1930, 340 p.
38. Chalkia Eug. *Le mense paleocristiane: Tipologia e funzioni delle mense secondarie nel culto paleocristiano*. Città del Vaticano, Pontificio Istituto di archeologia cristiana, 1991, 259 p.
39. Domzalski K. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom. *Rei Cretariae Romanae Fautorum*, 2000, Acta 36, pp. 161–168.
40. Duval N., Marin E., Metzger C. (Eds.). *Salona I: Catalogue de la sculpture architecturale paléochrétienne de Salone*. Rome/Split, École Française de Rome and Musée archéologique de Split, 1994, 335 p. (*Collection de l'Ecole française de Rome*, 194).
41. Forster G. *Roman Knossos: the Pottery in Context. A Presentation of Ceramic Evidence Provided by the Knossos 2000 Project (1993-95)*. Institute of Archaeology and Antiquity, School of Historical Studies, The University of Birmingham, 2009, 272 p.
42. Foy D. Le verre de la fin du Ier au VIIIe siècle en France Méditerranéenne (premier essai de typochronologie). *Le verre de l'antiquité tardive et du haut moyen âge*. Val d'Oise, 1995, pp. 187–242.
43. Grabar A. *Martyrium: Recherches sur le culte des reliques et art chrétien antique. 2 vols*. Paris, Collège de France, 1943–1946, 1040 p. (Repr. 1972).
44. Harden D. B. *Roman Glass from Karanis Found by the University Michigan Archaeological Expedition in Egypt, 1924–29*. Ann Arbor University of Michigan Press, 1936, x+200 p.
45. Hayes J. W. *Late Roman Pottery*. London, British School at Rome, 1972, xxvii+477 p.
46. Hayes J. W. *Roman and Pre-Roman Glass in the Royal Ontario Museum*. Toronto, 1975, 134 p.
47. Hayes J. W. *Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2: The pottery*. New Jersey, Princeton University Press, 1992, 455 p.
48. Hayes J. W. Early Christian Pottery from Knossos: the 1978–1981 Finds from the Knossos Medical Faculty Site. *Annual of the British School of Athens*, 2001, vol. 96, pp. 431–454.

49. Huffstot J. S. Votive (?) use of coins in fourth-century Lusitania: the builders' deposit in the Torre de Palma basilica. *Revista portuguesa de Arqueologia*, 1998, vol. 1, Número 1, pp. 221–226.
50. Isings C. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen, 1957, 185 p.
51. Karagiorgou O. LR2: a Container for the Military Annona on the Danubian Border? *Kingsley S., Decker M. (Eds.). Economy and Exchange in the East Mediterranean during Late Antiquity*. Oxford, 2001, pp. 129–166.
52. Kassab Tezgör D. Typologie des amphores sinop é ennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. *D. Kassab Tezgör (Ed.). Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pr è s de Sinope*. Paris, 2010, pp. 121–140.
53. Opaït A. *Local and Imported Ceramics in the Roman Provinces of Scythia (4th–6th centuries AD)*. Oxford, 2004, 180 p. (*British Archaeological Reports Int. Series 1274*).
54. Panella C. Oriente ed Occidente: considerazioni su alcune anfore “egee” di età imperiale a Ostia. *Empereur J. Y., Garlan Y. (Eds.). Recherches sur les amphores grecques (Bulletin de Correspondance Hellénique Supplément 13)*. Athènes–Paris, 1986, pp. 609–636.
55. Pieri D. *Le commerce du vin oriental à l'époque Byzantine (Ve–VIIe siècles). Le témoignage des amphores en Gaule*. Beyrouth, Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient, 2005, 329 p.
56. Reynolds P. The Roman Pottery from the Triconch Palace. *Hodges R., Bowden W., Lako K. (Eds.). Byzantine Butrint: Excavations and Surveys 1994–99*. Oxford, 2004, pp. 224–269.
57. Riley J. A. The Coarse Pottery from Berenice. *Lloyd J. A. (Ed.). Excavations at Sidi Khrebish-Benghazi (Berenice) (Lybia Antiqua Supplement V, 2)*. Tripoli, 1979, pp. 91–467.
58. Sear D. R. *Byzantine coins and their values*. London, 1987, 526 p.
59. Sear D. R. *Roman coins and their values*. London, 1988, 388 p.
60. Swan V. Dichin (Bulgaria): Interpreting the Ceramic Evidence in its Wider Context. *The Transition to Late Antiquity on the Danube and beyond (Proceedings of the British Academy 141)*. 2007, pp. 251–280.
61. Swan V. Dichin (Bulgaria): the Destruction Deposits and the Dating of Black Sea Amphorae in the Fifth and Sixth Centuries A.D. *Kassab Tezgör D., Inaishvili N. (Eds.). PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde Internationale de Batumi et Trabzon (Varia Anatolica XXI)*. Paris, 2009, pp. 107–118.
62. Vnukov S.Yu. Problems of “Brown Clay” (Colchian) Amphora Studies. Typology, Chronology, Production Centers, Distribution. *Kassab Tezgör D., Inaishvili N. (Eds.). PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea: Actes de la Table Ronde Internationale de Batumi et Trabzon (Varia Anatolica XXI)*. Paris, 2009, pp. 29–32.

Т. Ю. Яшаева, Л. А. Голофаст, Е. А. Денисова, Д. А. Моисеев

Раннехристианский пещерный комплекс на юго-восточном некрополе Херсонеса

Резюме

В статье рассматривается раннехристианский пещерный комплекс, расположенный на склоне Девичьей горы на загородном юго-восточном некрополе Херсонеса. В конце IV – первой половине V в. почитаемый склеп перестраивается в миниатюрное культовое сооружение мемориального характера с апсидой-экседрой, перекрытой конхой. В скальном полу высекаются углубления разных размеров и назначения: для установки престола и алтарной преграды, крипты-мошехрамилица. В слое разрушения найдены фрагменты четырех мраморных столов – менз, имеющих круглые (или сигмовидные) в плане столешницы. Не ранее вто-

рой половины VI в. часовня прекращает свое существование из-за обрушения скального свода, завалившего ее внутреннее пространство. В помещении 3 устраивается хлебная печь, материал из субструкции которой дает terminus ante quem для гибели часовни и позволяет сузить верхнюю дату последней до середины VI в. В средневизантийский период использование печи прекращается, и западная часть часовни становится местом сброса бытового мусора из расположенного выше на плато монастырского комплекса.

Подчеркнем, что для преобразования склепа в мемориальную часовню должны были существовать

важные причины, связанные либо с особым духовным статусом погребенного, либо с сакральным характером самого места. В нашем случае мотивы, видимо, следует искать в раннехристианских агиографических источниках, отражающих процессы становления христианства в регионе. Отношение к этому месту как к сакральному подтверждает и тот факт, что после невозможности восстановления обрушившейся пещерной часовни в

непосредственной близости от нее сооружается другой храм, уже наземный, и формируется небольшой монастырский комплекс, к которому, видимо, перешли и ее мемориальные функции, сохранявшиеся и в средневизантийскую эпоху.

Ключевые слова: Херсонес, загородный юго-восточный некрополь, Девичья гора, склеп, пещерная часовня, менза.

Tatiana Yashaeva, Larisa Golofast, Elena Denisova, Dmitry Moiseev
Early Christian Cave Complex in South-Eastern Necropolis of Chersonesos
Summary

The article presents an early Christian cave complex located on the slope of Devich'ya Hill on the suburban southeastern necropolis of Chersonesos. In the late 4th – first half of the 5th c. the revered crypt was reconstructed into a miniature cult construction of a memorial character with an apse-exedra spanned by a concha. In the rock floor several deepening of various sizes were cut for the installation of the altar, altar rood screen and for crypt-repository. In the layer of destruction fragments of four marble round (or sigmoid) tables (mensae) were found. In the second half of 6th c. at the earliest the chapel ceased functioning due to the collapse of the rocky vault. In the room 3 a bread oven was arranged. Material from its substruction provides *terminus ante quem* for the destruction of the chapel and allows supposedly assigning it to the mid-6th century. In the Middle Byzantine period the oven stopped to be used

and the western part of the chapel became a place for dumping of the household garbage from the monastery complex located above on the plateau.

We consider that for the transformation of the crypt into the memorial chapel there were some imported reasons connected either with the special spiritual status of the buried or with the sacred character of the place itself. The motives should be sought in the early Christian hagiographic sources, reflecting the processes of the formation of Christianity in the region. The attitude to this place as to the sacred one is confirmed by the construction in its immediate vicinity of the overground church and appearance of a small monastery that continued to keep the memorial functions into the middle Byzantine era.

Keywords: Chersonesos, suburban south-eastern necropolis, Devich'ia Hill, crypt, cave chapel, mensa.

Приложение 1.

Опись монет из раскопок пещерной церкви на Девичьей горе в 2006–2008 гг.

(составлена Е. М. Кочетковой).

№ п/п	Паспорт	Описание монеты	Металл	Диаметр	Соотн. осей	Примечание
1.	2006 г. Апсиды. Зачистка пола	Л.С. Стерта. О.С. Стерта. Определению не подлежит. Возможно, чекан Византийской империи.	Медь	22 мм		Сохранность очень плохая. Монета фрагментирована. Стороны монеты полностью стерты. Край монеты неровный.
2.	2006 г. Мусорный слой.	Л.С. Монограмма «ро». О.С. Стерта. Херсоно-византийская. Литье. XIII в. [2, с. 190, рис. 2,4].	Медь	21 мм		Сохранность удовлетворительная. Стороны монеты значительно потерты. Край монеты неровный.

3.	2006 г. Мусорный слой.	Л.С. Монограмма имени Константина. О.С. Монограмма имени Романа. Херсоно-византийская. Литье. Константин VII (913–959), V выпуск (948–959) [3, с. 163, табл. XXVIII, № 430].	Медь	17 мм	12:6	Сохранность очень плохая. Монета фрагментирована. Стороны монеты потерты. Край неровный.
4.	2006 г. Апсида.	Л.С. DNLEOP-[ERP]ETA[VG]. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. SALVSR-[PV]RLICA. Император, стоящий вправо, левой ногой попирает пленника, держит в руках штандарт и сферу. В обрезе: [C]ON. Римская империя. Æ 2. Лев I (457–474) [59, p. 369, no. 4339].	Медь	20 мм	12:6	Сохранность удовлетворительная. На монете имеются глубокие трещины. Стороны монеты значительно потерты. Край монеты неровный.
5.	2006 г. Апсида. В растворе.	Л.С. Легенда не читается. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. Легенда не читается. Император, стоящий прямо, держит в руках штандарт и сферу. В обрезе: [...] Римская империя. Æ 2. Вторая половина IV – первая четверть V в. н.э.	Медь	21 мм	12:12	Сохранность очень плохая. Стороны монеты полностью стерты. Край монеты неровный.
6.	2006 г. Апсида. В растворе.	Л.С. Стерта. О.С. Стерта. Определению не подлежит. Æ 2. Вероятно, вторая половина IV – первая половина V в. н.э.	Медь	22 мм		Сохранность очень плохая. Стороны монеты полностью стерты. Край монеты неровный.
7.	2006 г. Апсида. На полу.	Л.С. [D]NLEOP-[E]RPETA[VG]. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. SAL[VSR-PVRLI]CA. Император, стоящий вправо, левой ногой попирает пленника, держит в руках штандарт и сферу. В обрезе: CON. Римская империя. Æ 2. Лев I (457–474) [59, p. 369, no. 4339].	Медь	20 мм	12:6	Сохранность удовлетворительная. На монете имеются глубокие трещины. Стороны монеты значительно потерты. Край монеты неровный.
8.	2006 г. Апсида. Углубление № 4.	Л.С. Легенда не читается. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. Вероятно, [VICTO]-R[IAAVGG]. Виктория, идущая влево. В обрезе: [...]. Римская империя. Æ 4. Вторая половина IV – первая половина V в. н.э.	Медь	16 мм	12:12	Сохранность очень плохая. Стороны монеты полностью стерты. Край монеты неровный.

9.	2006 г. Апсида. Слой завала у северной стены.	Л.С. Стерта. О.С. Стерта. Определению не подлежит.	Медь	12 мм		Сохранность очень плохая. Монета минерализована. Стороны монеты полностью стерты. Край монеты неровный.
10.	2006 г. Апсида. Зачистка пола у восточной стены.	Л.С. Легенда не читается. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. Легенда не читается. Император, стоящий прямо, держит в руках штандарт и сферу. В обрезе: [...]. Римская империя. Æ 2. Вторая половина IV – первая четверть V в. н.э.	Медь	20 мм		Сохранность очень плохая. Стороны монеты полностью стерты. Край монеты неровный.
11.	2006 г. Апсида. Зачистка пола у восточной стены.	Л.С. Вероятно, [DNARCADIVSPFAVG]. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо; над головой рука, держащая венки. О.С. GLORIAR[O]-MAN[OR]VM. Император, стоящий прямо, держит в правой руке штандарт, левой рукой опирается на щит; слева у его ног сидит пленник со связанными за спиной руками. В обрезе: * [...]. Римская империя. Æ 2. Вероятно, Аркадий (395–408) [59, p. 356, no. 4229].	Медь	23 мм	12:12	Сохранность очень плохая. Лицевая сторона монеты полностью стерта. Край монеты неровный.
12.	2006 г. Апсида. Квадратное углубление (№ 1) под престол.	Л.С. Вероятно, [DNTHEODO]-SIV[SPFAVG]. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. [GL]ORIA-[ROMANORVM]. Император, стоящий прямо, держит в руках штандарт и сферу. В обрезе: [...]. Римская империя. Æ 2. Вероятно, Феодосий I (379–395) [59, p. 352, no. 4181].	Медь	22 мм	12:12	Сохранность очень плохая. Стороны монеты сильно потерты. Край монеты неровный.
13.	2006 г. Апсида. Углубление (№ 5) в центре апсиды. Зачистка.	Л.С. Вероятно, [DNVALEN]-SPFAVG. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. [SECV]RIT[AS]-[RE]IPVBLICA[E]. Виктория, идущая влево. В обрезе: [...]. Римская империя. Æ 3. Вероятно, Валент (364–378) [59, p. 347, no. 4118].	Медь	18 мм	12:6	Сохранность очень плохая. Монета фрагментирована. Стороны монеты сильно потерты. Край монеты неровный.
14.	2006 г. Апсида. На полу у се- верной стены.	Л.С. DNARCADI-VSPFAVG. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. О.С. [VIRTVS]-EXERCITI. Император, стоящий прямо, венчается Викторией, стоящей позади него. В обрезе: [...]. Римская империя. Æ 3. Аркадий (395–408) [59, p. 356, no. 4233].	Медь	15 мм	12:6	Сохранность плохая. Стороны монеты сильно потерты. Край монеты неровный.

15.	2007 г. Квадрат 3, слой 5, шт. 5.	Л.С. Надпись по кругу: D.N. EOP-[ERPETA]VG]. Погрудное изображение Льва, обращенное вправо. О.С. Надпись по кругу: SAL[VSR-PVRLICA]. Император, стоящий вправо, держит в руках штандарт и сферу; левой ногой попирает пленника. В обрезе: [CON]. Римская империя. Лев I. (457–474) Æ 2 [59, p. 369, no. 4339].	Медь	21 мм	12:6	Сохранность удовлетворительная. Стороны монеты потерты. Край неровный.
16.	2007 г. Квадрат 3, слой 5, шт. 7.	Л.С. Надпись не читается. Вероятно, погрудное изображение императора, обращенное вправо. О.С. Легенда не читается. Вероятно, император, стоящий влево, держит в руках копье и сферу. В обрезе: [...]. Римская империя. Вероятно, Констанций II (337–361). Выпуски 354–361 гг. Æ 4.	Медь	15 мм		Сохранность плохая. Стороны монеты сильно потерты. Край неровный.
17.	2007 г. Северо-западный угол (вход?) северной стены.	Л.С. Надпись по кругу: DNLEOP-[ER]PETA[VG]. Погрудное изображение Льва, обращенное вправо. О.С. Надпись по кругу: SALV[SR]-PVRL[I]CA. Император, стоящий вправо, держит в руках штандарт и сферу; левой ногой попирает пленника. В обрезе: [CO]N. Римская империя. Лев I (457–474) Æ 2 [59, p. 369, no. 4339].	Медь	22 мм	12:12	Сохранность удовлетворительная. Стороны монеты потерты. Край неровный.
18.	2007 г. Дверной проем. Над ступенями. Мусорный слой.	Л.С. Стерта. О.С. Стерта. Определению не подлежит. Возможно, I выпуск Василия I (867–886).	Медь	9 мм		Сохранность очень плохая. Стороны монеты полностью стерты. Край неровный.
19.	2007 г. Дверной проем. Расчистка ступеней.	Л.С. Надпись по кругу: DNLEOP-[E]PETA[VG]. Погрудное изображение Льва, обращенное вправо. О.С. Надпись по кругу: SALVSR-PVRLICA. Император, стоящий вправо, держит в руках штандарт и сферу; левой ногой попирает пленника. В обрезе: CON. Римская империя. Лев I (457–474) Æ 2 [59, p. 369, no. 4339].	Медь	21 мм	12:6	Сохранность удовлетворительная. Край неровный.
20.	2007 г. Дверной проем. Расчистка ступеней.	Л. С. Надпись по кругу: [DNLEOP]-[ER]PETA[VG]. Погрудное изображение Льва, обращенное вправо. О.С. Надпись по кругу: [SA]LV[SR-PVRLICA]. Император, стоящий вправо, держит в руках штандарт и сферу; левой ногой	Медь	20 мм	12:12	Сохранность плохая. Стороны монеты сильно потерты. Край неровный.

		попирает пленника. В обрезе: CON. Римская империя. Лев I (457–474) № 2 [59, p. 369, no. 4339].				
21.	2007 г. Дверной проем. Расчистка ступеней.	Л.С. Надпись по кругу: [DNAR]CADIV[SPFAVG]. Погрудное изображение Льва, обращенное вправо. О.С. Надпись по кругу: SALVSRE[I-PVBLICAE]. Виктория, идущая влево, держит в правой руке трофей, левой рукой тащит за собой пленника. Слева – хризма. В обрезе: CONSA. Римская империя. Аркадий. (395–408). № 4 [59, p. 356, no. 4234].	Медь	14 мм	12:6	Сохранность плохая. Стороны монеты сильно потерты. Край неровный.
22.	2007 г. Завал между пом. 2 и пом. 3.	Л.С. Стерта. О.С. Стерта. Определению не подлежит. Возможно, пентануммий Анастасия I (491–518).	Медь	14 мм		Сохранность очень плохая. Стороны монеты стерты. Край неровный.
23.	2007 г. Мусорный слой.	Л.С. Буква В. О.С. Крест на трехступенчатой основе, по сторонам две точки. Херсоно-византийская. Литье. Василий I (867–886), II выпуск [3, с. 160, табл. XXV, № 365].	Медь	17 мм	12:12	Сохранность удовлетворительная. Край неровный.
24.	2007 г. Углубление № 6 (крипта). Слой бутового завала.	Л.С. Надпись не читается. Погрудное изображение Льва, обращенное вправо. О.С. Легенда не читается. Вероятно, буква I, по сторонам две бусины. Византийская империя. Вероятно, Анастасий I (491–518). Выпуски 498–518 гг. Декануммий [58, p. 39, no. 26].	Медь	16 мм	12:12 (?)	Сохранность плохая. Стороны монеты сильно потерты. Край неровный.
25.	2008 г. Пом. 3. Ниже субструкции печи. Яма № 9, известковый раствор.	Л.С. Надпись по кругу: [DNARCAD]-IV[SPFAVG]. Погрудное изображение Аркадия, обращенное вправо. Над головой императора десница Божия, держащая венки. О.С. Надпись по кругу: GLOR[IA RO]- [MANORVM]. Император, стоящий прямо, держит в правой руке штандарт, левой рукой опирается на щит; слева у ног императора – пленник. В обрезе: вероятно, CON. Римская империя. Аркадий (395–408). № 2 [59, p. 356, no. 4229].	Медь	22 мм	12:6	Сохранность плохая. Стороны монеты сильно потерты. Край неровный.

Рис. 1. Топоплан западного берега Карантинной бухты.
1. Раннехристианский пещерный комплекс на Девичьей горе.

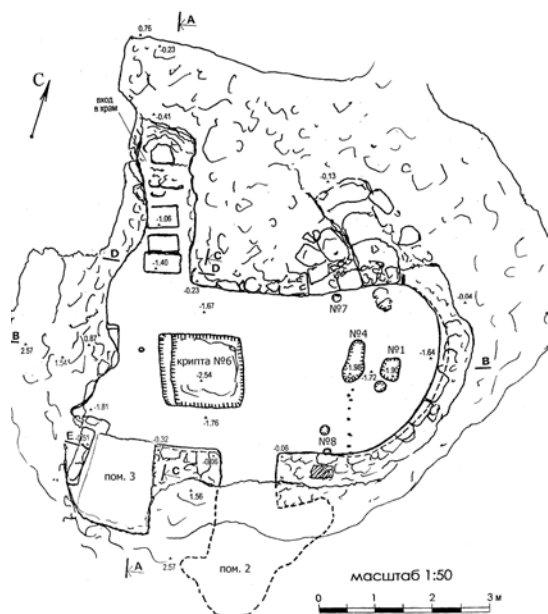

Рис. 2. План пещерного комплекса на Девичьей горе.
2-й строительный период. М 1:50
(составлен И. Б. Гусаковой).

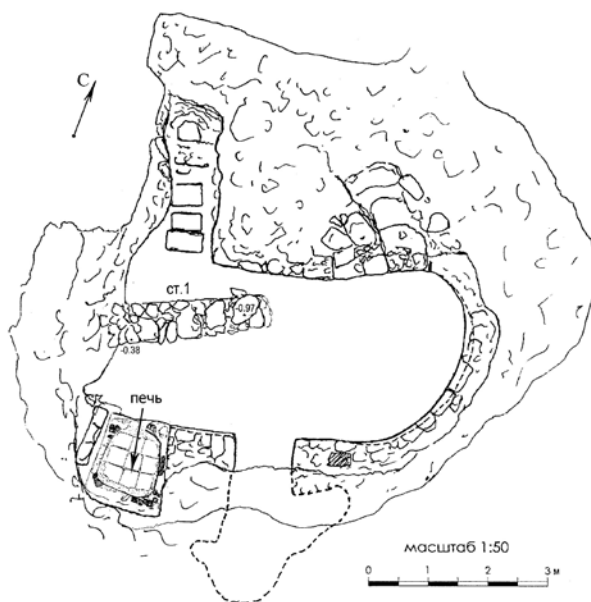

Рис. 3. План пещерного комплекса на Девичьей горе.
3-й строительный период. М 1:50
(составлен И. Б. Гусаковой).

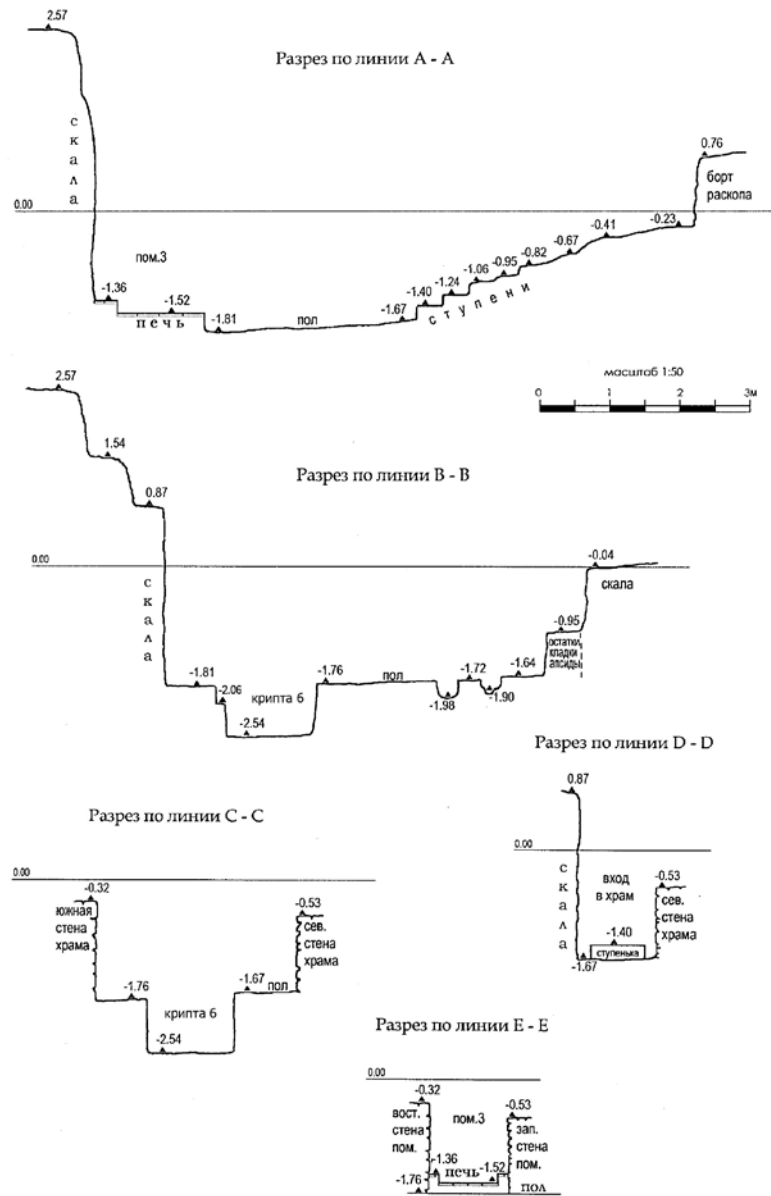

Рис. 4. Пещерный комплекс на Девичьей горе. Разрезы. М 1:50 (выполнены И. Б. Гусаковой).

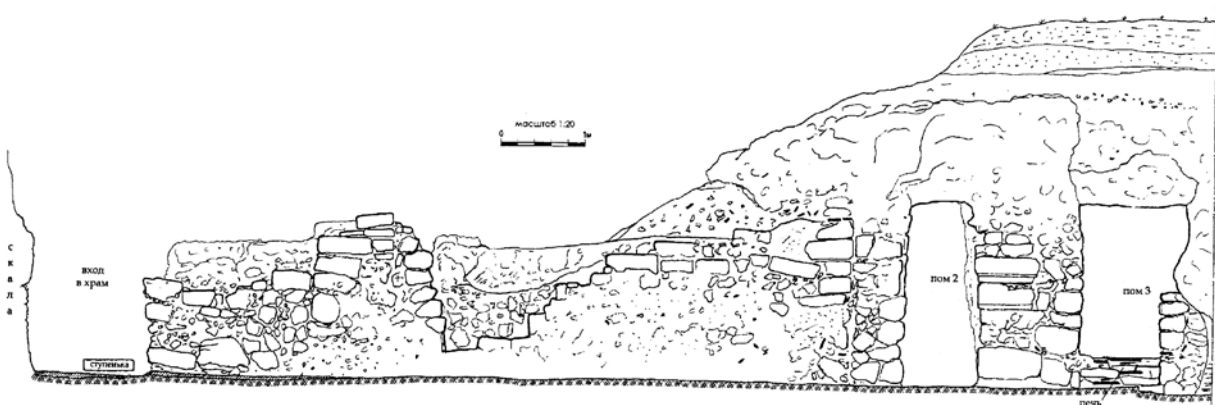

Рис. 5. Развернутый фас стен пещерной часовни. М 1:20 (выполнен И. Б. Гусаковой).

Рис. 6. Пещерная часовня с криптой.

Рис. 7. Вид на помещения 2 и 3 в южной стене часовни.

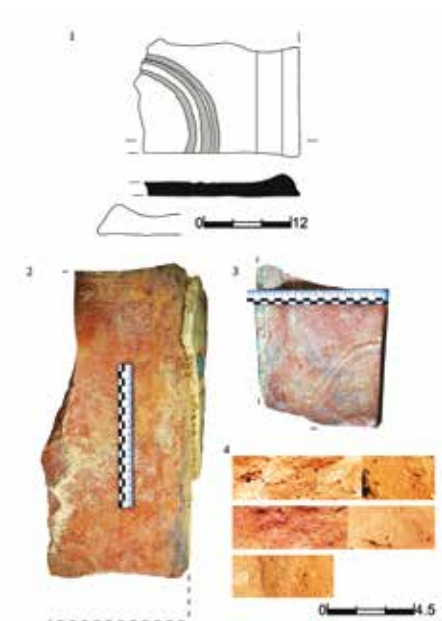

Рис. 8. Строительная керамика:
1–3 – лаконийская черепица из конхи апсиды;
4 – образцы сколов керамического теста
лаконики.

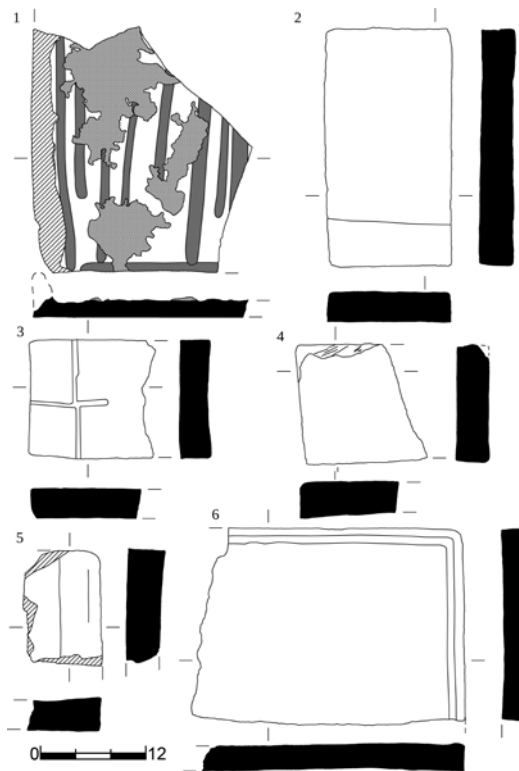

Рис. 9. Строительная керамика:
1 – фрагмент керамида из конхи
апсиды керамического теста;
2–6 – плинфы из вымостки пола храма.

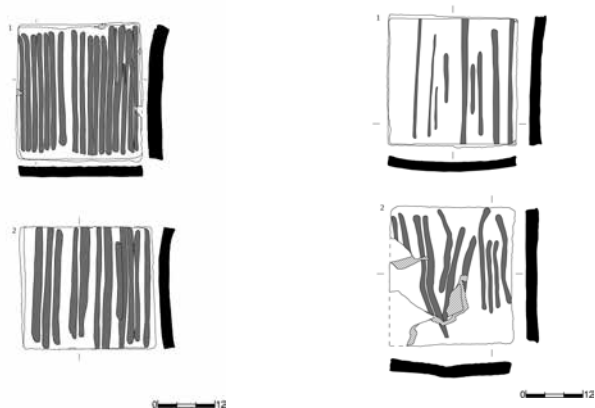

Рис. 10. Строительная керамика. Плинфы из пода печи.
Рис. 11. Строительная керамика. Плинфы из пода печи.

Рис. 12. Строительная керамика.
Плинфы из пода печи.

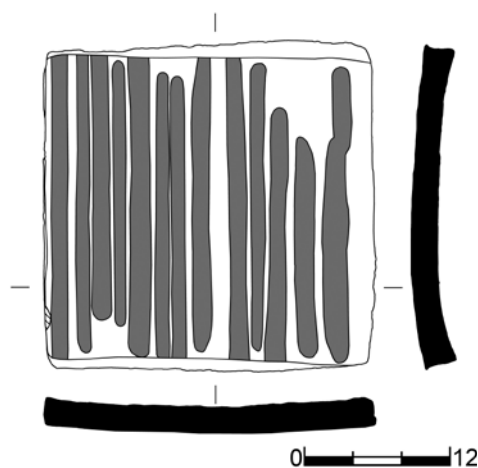

Рис. 13. Строительная керамика.
Плинфы из пода печи.

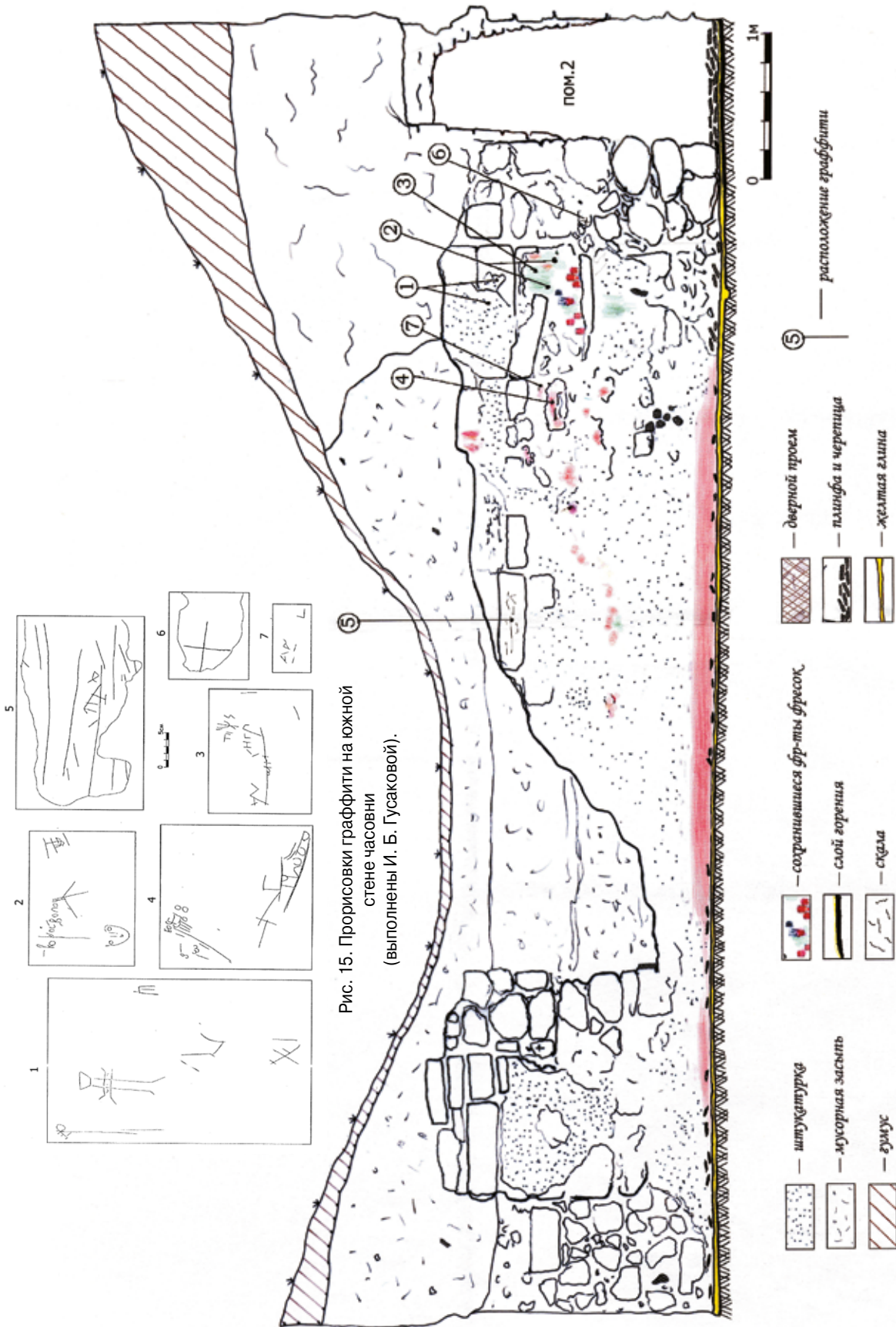

Рис. 15. Прорисовки граффити на южной стене часовни (выполнены И. Б. Гусаковой).

Рис. 14. Развернутый фас стен. М 1:50 (выполнен И. Б. Гусаковой).

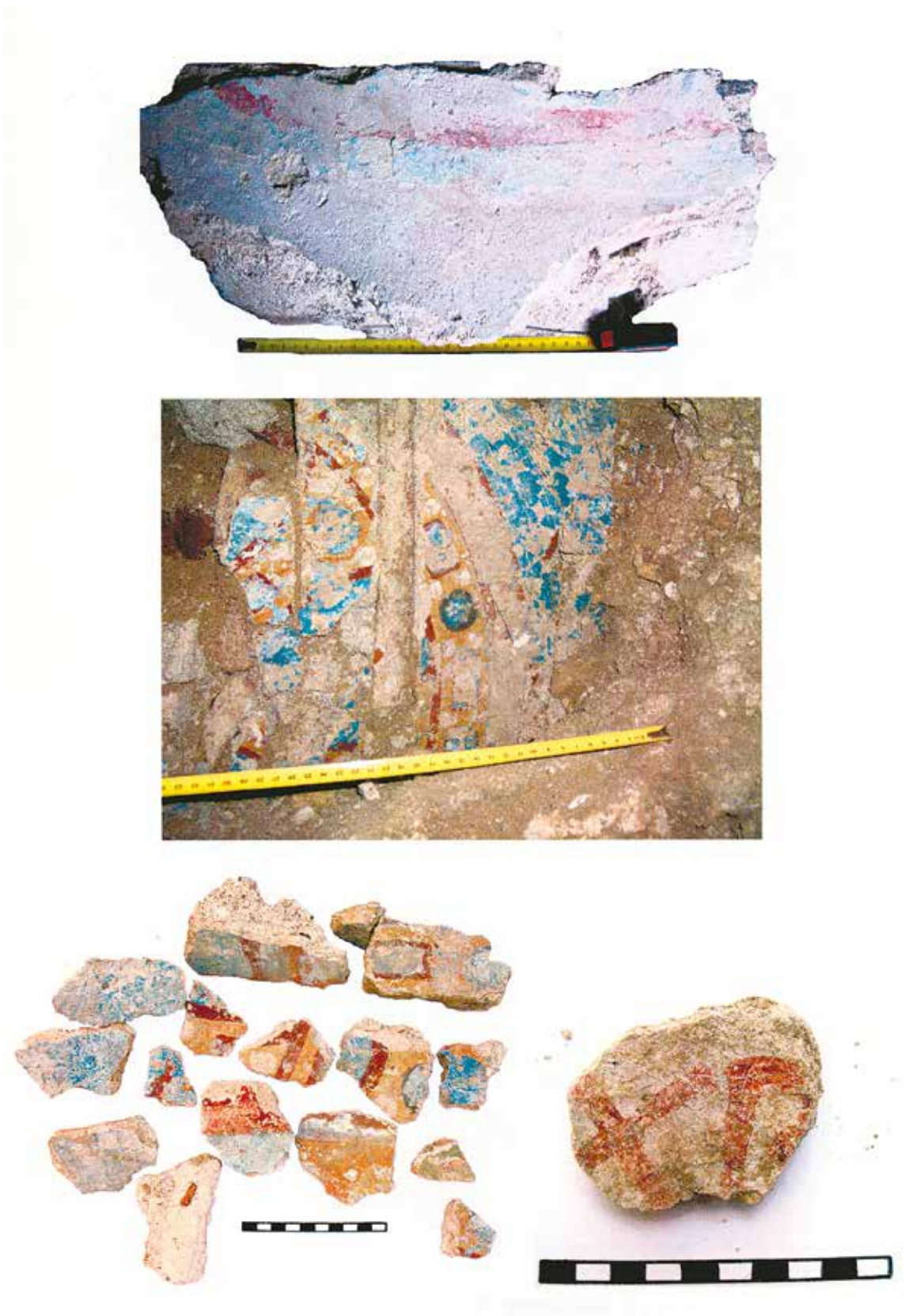

Рис. 16. Фрагменты полихромных фресок.

Рис. 17. Фрагменты бортиков столешниц мраморных менз:
1 – лицевые стороны; 2 – оборотные стороны.

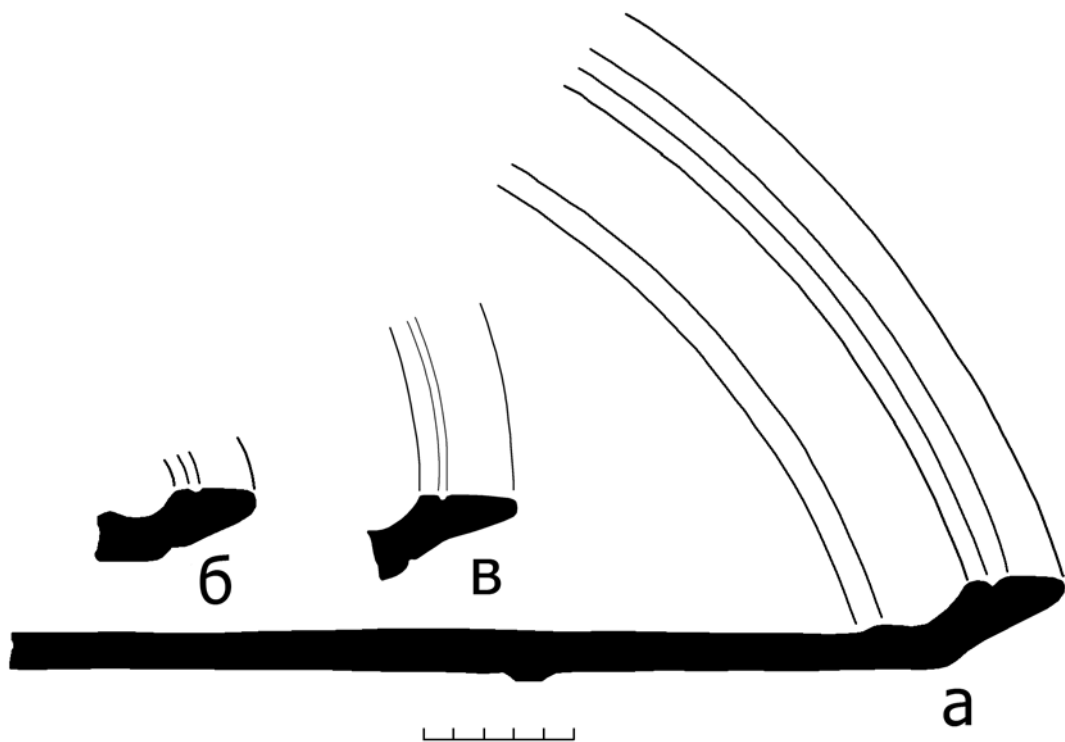

Рис. 18. Профили бортиков столешниц менз.

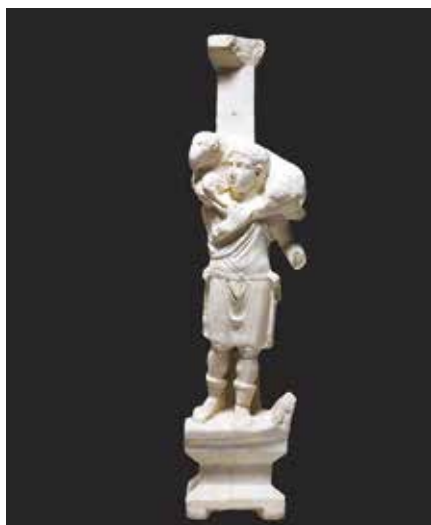

Рис. 20. Мраморная ножка стола на постаменте, декорированная скульптурой Доброго Пастыря. Салоники. Музей Византийской культуры. IV в.

Рис. 19. Мраморная ножка стола на постаменте со следами сбитой скульптуры.

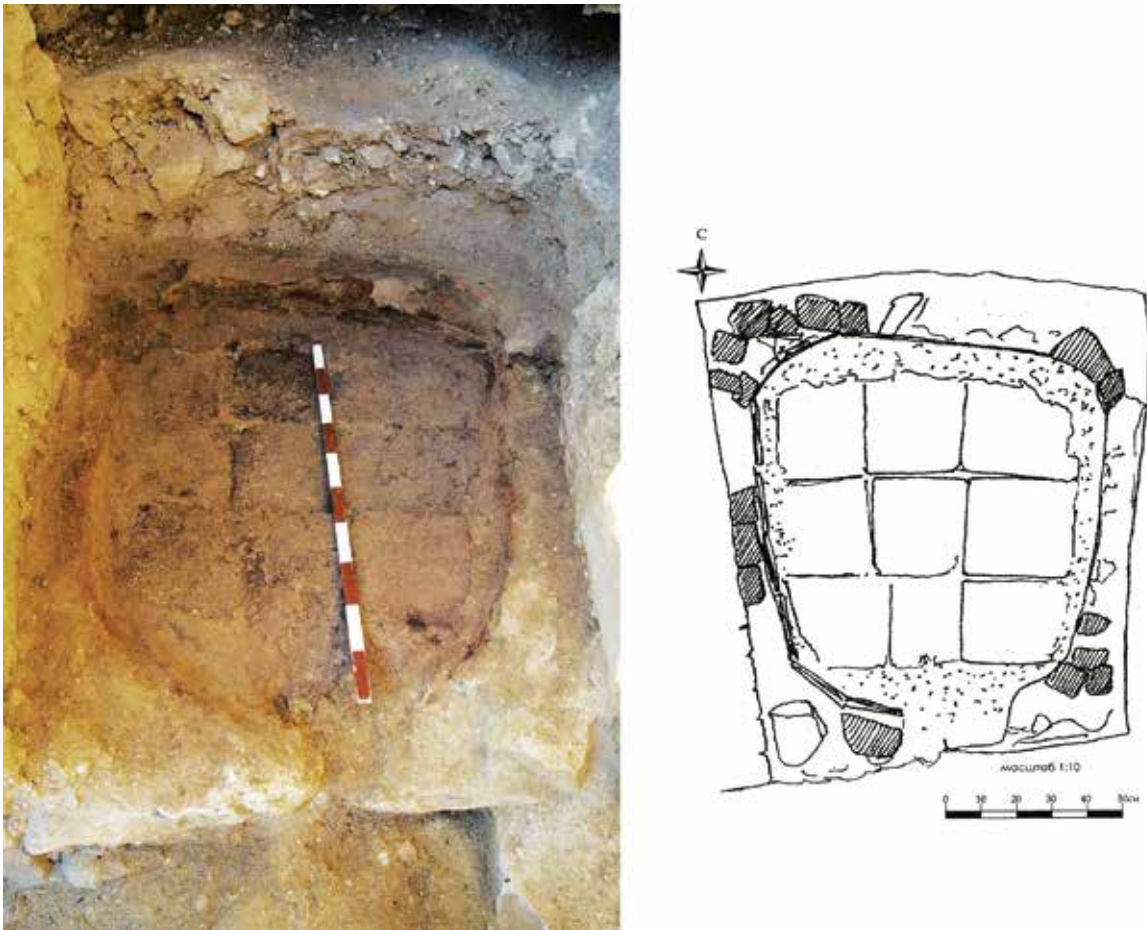

Рис. 21. Печь в помещении 3. 3-й строительный период.

Рис. 22. Плинфа пода печи.

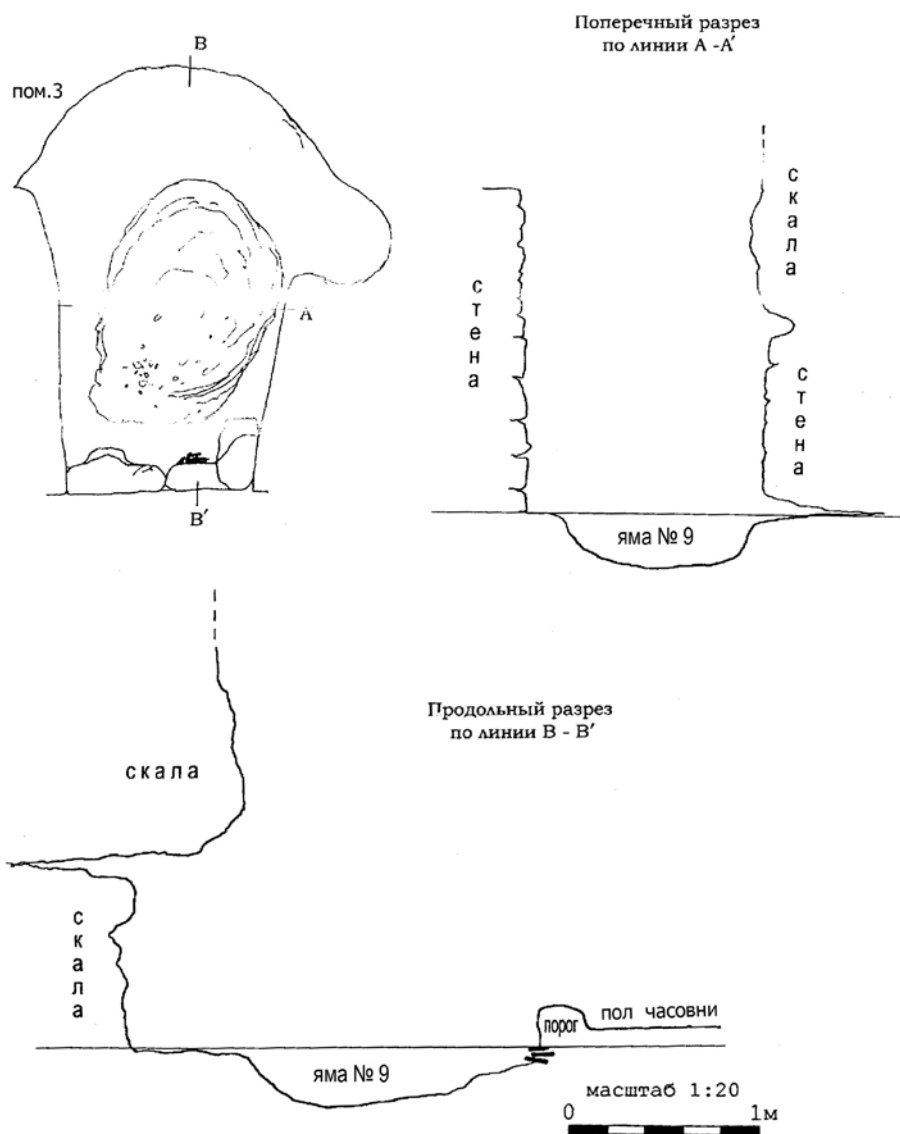

Рис. 23. Помещение 3. Яма №9 под субструкцией печи (Разрезы выполнены И. Б. Гусаковой).

Рис. 24. Светильник из помещения 3.

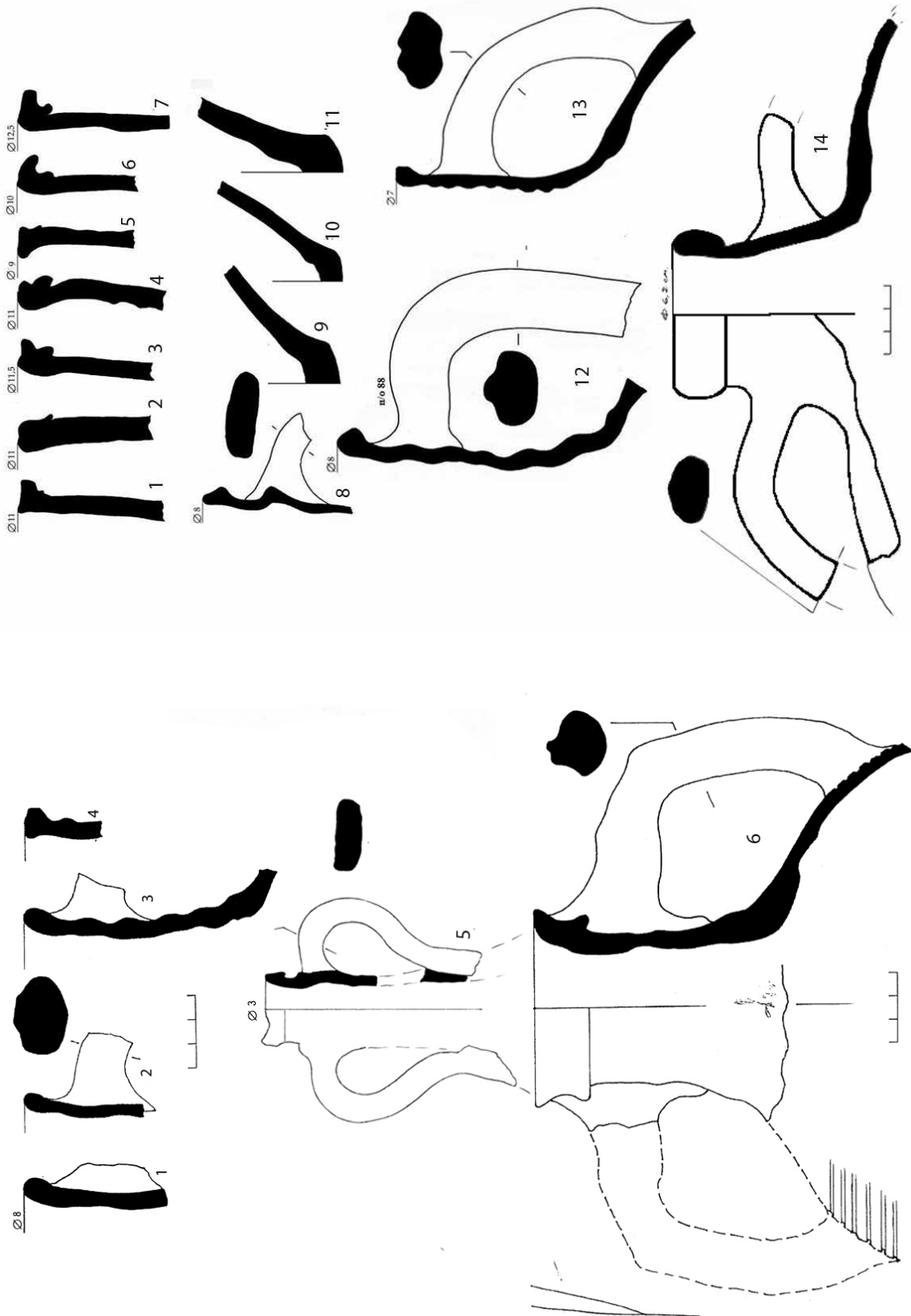

Рис. 25. Керамика из слоя разрушения часовни.

Рис. 26. Керамика из субструкции печи.

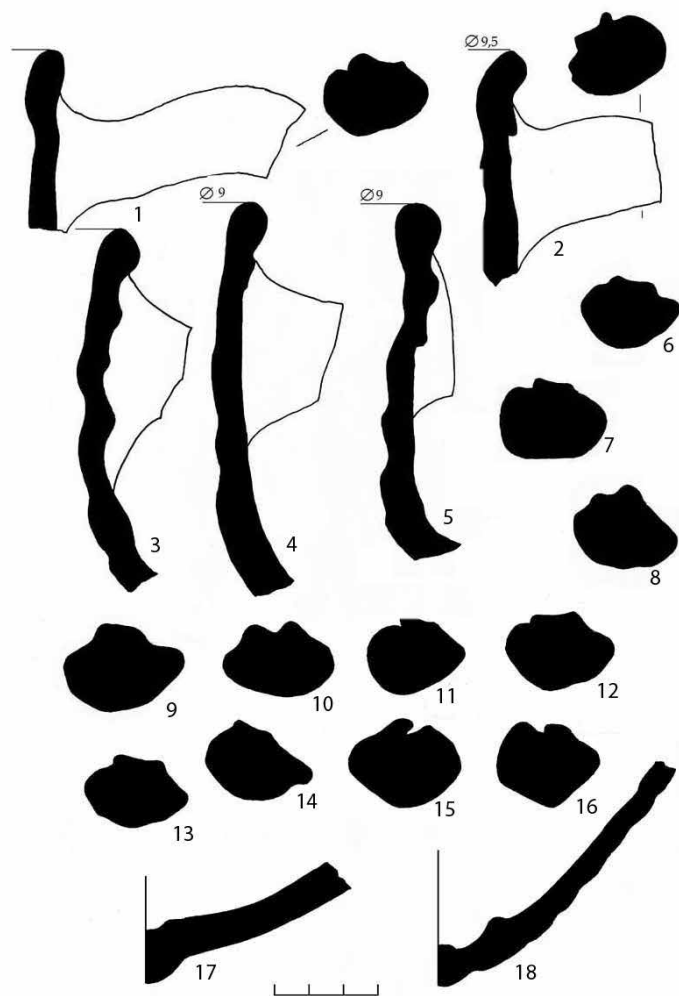

Рис. 27. Керамика из субструкции печи.

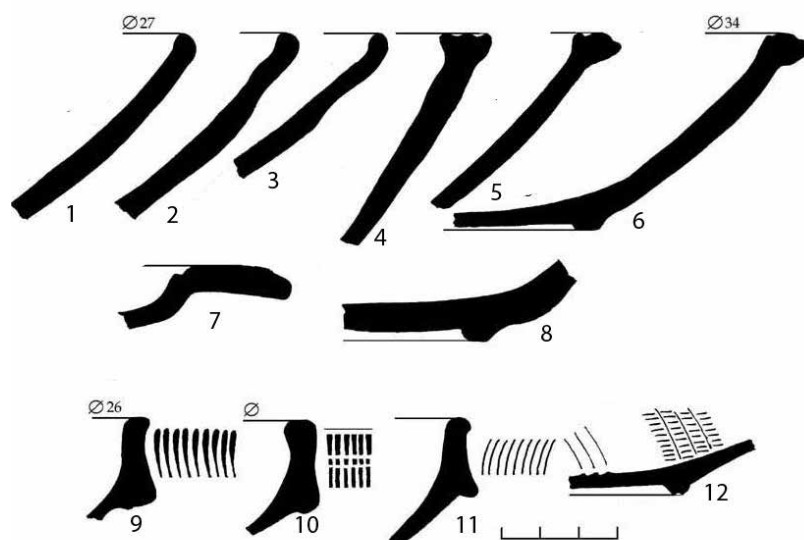

Рис. 28. Краснолаковая керамика:
1–7 – Посуда группы «Понтийской краснолаковой»; 9–12 – Посуда группы «Фокейской краснолаковой».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Герцен Александр Германович**, кандидат исторических наук, декан исторического факультета, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: gertsenag@yandex.ru
- Гиппиус Алексей Алексеевич**, доктор филологических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник, Институт славяноведения РАН (Москва, Россия), e-mail: agippius@mail.ru
- Голофаст Лариса Алексеевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: larisa_golofast@mail.ru
- Горянова Снежана Кръстанова**, научный сотрудник, Национальный археологический институт с музеем – Болгарская академия наук (София, Болгария), e-mail: sgoryanova@gmail.com
- Гриненко Людмила Олеговна**, независимый исследователь (Севастополь, Россия), e-mail: lucy.grinenko@gmail.com
- Денисова Елена Алексеевна**, старший научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: elden68@mail.ru
- Дорошко Валентин Валерьевич**, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: valentindor@mail.ru
- Емельянова Наталья Сергеевна**, заместитель директора, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: umelyanova_nata@mail.ru
- Жилина Наталья Викторовна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: nvzhilina@yandex.ru
- Колтухов Сергей Георгиевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: koltukhov@mail.ru
- Краснодубец Елизавета Михайловна**, хранитель музейных предметов I категории, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: yelyzavet@ya.ru
- Крлежа Палмира**, аспирант, Загребский университет (Загреб, Хорватия), e-mail: pkrleza@ffzg.hr
- Кузнецова Елена Владимировна**, кандидат исторических наук, хранитель фондов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: ev_kuznetsova@list.ru
- Кутайсов Вадим Александрович**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: kutaisov_vadim@mail.ru
- Лидов Алексей Михайлович**, Академик РАН, заведующий отделом Института мировой культуры Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, директор Научного Центра восточнохристианской культуры (Москва, Россия), e-mail: alidov@gmail.com
- Лимберис Наталья Юрьевна**, старший научный сотрудник, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: meot@mail.ru
- Майко Вадим Владиславович**, доктор исторических наук, директор, Институт археологии

- Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru
- Марченко Иван Иванович**, кандидат исторических наук, профессор, директор НИИ археологии, Кубанский государственный университет (Краснодар, Россия), e-mail: meot@mail.ru
- Моисеев Дмитрий Анатольевич**, заведующий Музеем археологии и пещерных городов, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник (Бахчисарай, Россия), e-mail: ohota_d@ukr.net
- Монахов Сергей Юрьевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира Института истории и международных отношений, руководитель Института археологии и культурного наследия, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия), e-mail: monachsjs@mail.ru
- Науменко Валерий Евгеньевич**, кандидат исторических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского (Симферополь, Россия), e-mail: byzance@ Rambler.ru
- Пономарев Леонид Юрьевич**, научный сотрудник, Археологический центр БФ «Деметра» (Керчь, Россия), e-mail: l_ponomarev@mail.ru
- Прохорова Татьяна Александровна**, кандидат исторических наук, заведующая научно-архивным отделом, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: grejpfirut@mail.ru
- Романчук Алла Ильинична**, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: alrom1@yandex.ru
- Роменский Александр Александрович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: pergamentomen@mail.ru
- Степаненко Валерий Павлович**, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru
- Турова Наталия Петровна**, младший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: turova.n@gmail.com
- Туровский Евгений Яковлевич**, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: turovs_1@mail.ru
- Тюрин Максим Игоревич**, научный сотрудник, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: tyurin.m.i@mail.ru
- Ушаков Сергей Владимирович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия); доцент, Филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе (Севастополь, Россия), e-mail: yshakovsv@list.ru
- Федосеев Николай Федорович** кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: bospor@bk.ru
- Хрушкова Людмила Георгиевна**, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия), e-mail: khrushkova@list.ru
- Чхаидзе Виктор Николаевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (Москва, Россия), e-mail: chkhaidze@yandex.ru
- Шульга Петр Иванович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: shulgapi55@yandex.ru
- Юрочкин Владислав Юрьевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (Симферополь, Россия), e-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru
- Яшаева Татьяна Юсуфовна**, заведующая отделом византийской истории, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» (Севастополь, Россия), e-mail: tatjus2@mail.ru

CONTRIBUTORS

- Chkhaidze Viktor**, CSc, Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: chkhaidze@yandex.ru
- Denisova Elena**, Senior Researcher, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: elden68@mail.ru
- Doroshko Valentin**, Researcher, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: valentindor@mail.ru
- Emelianova Natalia**, Deputy Director, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: ymelyanova_nata@mail.ru
- Fedoseev Nikolai** CSc, Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: bospor@bk.ru
- Gertsen Aleksandr**, CSc, Dean of Historical Faculty, V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: gertsenag@yandex.ru
- Gippius Aleksey**, DSc, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Principle Researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: agippius@mail.ru
- Golofast Larisa**, CSc, Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: larisa_golofast@mail.ru
- Goryanova Snezhana**, Researcher, National Archaeological Institute with Museum – Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria), e-mail: sgoryanova@gmail.com
- Grinenko Ludmila**, Independent Researcher (Sevastopol, Russia), e-mail: lucy.grinenko@gmail.com
- Khrushkova Ludmila**, DSc, Prof., M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), e-mail: khrushkoval@list.ru
- Koltukhov Sergei**, CSc, Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: koltukhov@mail.ru
- Krasnodubets Elizaveta**, Custodian of Museum Objects of 1st Category, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: yelyzavet@ya.ru
- Krleža Palmira**, Phd Student, University of Zagreb (Zagreb, Croatia), e-mail: pkrleza@ffzg.hr
- Kutaisov Vadim**, DSc, Leading Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: kutaisov_vadim@mail.ru
- Kuznetsova Elena**, CSc, Custodian of Funds, N. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University (Saratov, Russia), e-mail: ev_kuznetsova@list.ru
- Lidov Alexei**, Academician of the Russian Academy of Arts, Head of Department at the Institute for World Culture of the Moscow State University, Director of the Research Centre for Eastern Christian Culture (Moscow, Russia), e-mail: alidov@gmail.com
- Limberis Natalia**, Senior Researcher, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: meot@mail.ru
- Maiko Vadim**, DSc, Director, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: vadimmaiko1966@mail.ru
- Marchenko Ivan**, CSc, Prof., Director of Research Institute of Archaeology, Kuban State University (Krasnodar, Russia), e-mail: meot@mail.ru

- Moiseev Dmitry**, Head of the Museum of Archaeology and “Cave Towns”, Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Preserve (Bakhchisarai, Russia), e-mail: ohota_d@ukr.net
- Monakhov Sergei**, DSc, Prof., Head of the Department of Ancient History, Institute of Archaeology and Cultural Heritage, Saratov National Research State University (Saratov, Russia), e-mail: monachsj@mail.ru
- Naumenko Valeriy**, CSc, Ass. Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russia), e-mail: byzance@rambler.ru
- Ponomariov Leonid**, Researcher, Archaeological Center of Demeter Charitable Foundation (Kerch, Russia), e-mail: l_ponomarev@mail.ru
- Prokhorova Tatiana**, CSc, Head of Scientific and Archival Department, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: grejpfrut@mail.ru
- Romanchuk Alla**, DSc, Prof., The Ural Federal University Named After the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), e-mail: alrom1@yandex.ru
- Romensky Alexandr**, CSc, Researcher, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: pergamen-romen@mail.ru
- Shulga Petr**, CSc, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), e-mail: shulgapi55@yandex.ru
- Stepanenko Valeriy**, DSc, Prof., The Ural Federal University Named After the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia), e-mail: v.stepanenko49@mail.ru
- Tiurin Maxim**, Researcher, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: tyurin.m.i@mail.ru
- Turova Natalia**, Junior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: turova.n@gmail.com
- Turovskiy Evgeniy**, CSc, Principle Research Associate, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: turovs_1@mail.ru
- Ushakov Sergei**, CSc, Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia); Ass. Prof., Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University (Sevastopol, Russia), e-mail: yshakovsv@list.ru
- Yashaeva Tatiana**, Head of the Department of Byzantine History, The State Museum-Preserve “Tauric Chersonese” (Sevastopol, Russia), e-mail: tatjus2@mail.ru
- Yurochkin Vladislav**, CSc, Senior Researcher, Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences (Simferopol, Russia), e-mail: yuro4kin.vladislav@yandex.ru
- Zhylina Natalia**, DSc, Leading Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: nvzhilina@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и средние века
АО – Археологические открытия
БИ – Боспорские исследования
БИАС – Бахчисарайский историко-археологический сборник
БИКАМЗ НА РО – Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Научный архив. Рукописный отдел
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
ГИМ. ОПИ – Государственный исторический музей. Отдел письменных источников
ГМЗХТ – Государственный музей-заповедник «Херсонес Таврический»
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина
ДБ – Древности Боспора
ДРВМ – Древняя Русь: вопросы медиевистики
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗАН – Записки Императорской Академии наук
ЗИАН – Записки Императорской Академии наук
ЗООИД – Записки Одесского Общества Истории и Древностей
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИАК – Известия Императорской Археологической Комиссии
ИИМК РАН НА РО – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Научный архив. Рукописный отдел
ИМАО – Императорское Московское археологическое общество
ИОРЯС – Известия отделения русского языка и словесности
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАКК – Материалы к археологической карте Крыма
МАР – Материалы по археологии России
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НА ГМЗХТ – Научный архив Государственного музея-заповедника «Херсонес Таврический»
ОАК – Отчет Императорской Археологической Комиссии
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПХХ – Памятники христианского Херсонеса
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы
ХА – Хазарский альманах
ХСб – Херсонесский сборник
ABSA – Annual of the British School of Athens
BAR – British Archaeological Reports
BCH – Bulletin de Correspondance Hellénique
CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae
DOP – Dumbarton Oaks Papers
MGH SS rer. Germ. NS – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series
MPH NS – Monumenta Poloniae Historica. Nova series

СОДЕРЖАНИЕ

Слово директора	4
«...Рвенью весь моему Понтийский берег свидетель». К юбилею Станислава Григорьевича Рыжова	5
Библиография научных работ С. Г. Рыжова. Составители Т. А. Прохорова, Н. В. Рубаненко, Е. А. Денисова.....	6
Отчеты С. Г. Рыжова о раскопках, реставрации памятников городища и берего-укрепительных работах. Составители Т. А. Прохорова, Е. А. Денисова.....	8
Герцен А. Г., Науменко В. Е. Церковь Святого Георгия Мангупского городища. Общие итоги археологических исследований 2015–2016 гг.	12
Гиппиус А. А., Романчук А. И. Древнерусские паломнические граффити в Херсонесе	45
Горянова С. К. Владетельская базилика Великого Преслава и некоторые сакральные артефакты.....	57
Гриненко Л. О. Херсонес: рождение музея. Обзор идей и воплощений в XIX веке.....	66
Дорошко В. В. Керамический комплекс II в. из раскопок IX квартала Херсонеса Таврического	84
Жилина Н. В. Загадка вщижских арок: назначение, конструкция, стилистика орнаментации	91
Краснодубец Е. М. О двух находках из раскопок в IX квартале	105
Крлежа П. Между двумя Сплитскими конгрессами: I и XIII Международный конгресс по христианской археологии в Сплите и их влияние на развитие хорватской византистики	110
Кутайсов В. А. О времени строительства античного театра в Херсонесе.....	124
Лидов А. М. Археология и иеротопия византийского храма: «райские реки» Софии Константинопольской ...	130
Майко В. В. Пятигранные апсиды христианских храмов Крыма. К вопросу о происхождении и эволюции....	142

Моисеев Д. А. Керамиды из раскопок храма на м. Безымянный: аналогии и хронология	149
Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Редкие формы амфор из Прикубанского некрополя	163
Пономарев Л. Ю. Христианские храмы Керченского полуострова VIII–X вв. и XIV–XVIII вв.: археологические реалии	171
Прохорова Т. А. К вопросу о локализации некоторых сакральных участков в Херсонесе с позиции взглядов путешественников конца XVIII – первой половины XIX в.	184
Романчук А. И. К. К. Косцюшко-Валюжинич: биография и некоторые аспекты деятельности	205
Роменский А. А. Корсунский нарратив Начальной летописи и Житий князя Владимира в контексте топоархеологических реалий византийского Херсона: современное состояние дискуссии	217
Степаненко В. П. Еще раз о мангупской надписи Тцит	231
Турова Н. П. Средневековый храмовый комплекс на г. Кильсе-Бурун (Ай-Петринская яйла) (по результатам исследований 2016 г.).....	234
Туровский Е. Я. Херсонес в раннеэллинистическую эпоху (последняя четверть IV – первая треть III в. до н.э.)	241
Тюрин М. И., Федосеев Н. Ф. Новое клеймо на эрифрской амфоре из раскопок укрепления Масляная гора	248
Ушаков С. В. Краснолаковая ранневизантийская керамика из раскопок Базилики «Крузе» (пом. I)	254
Хрушкова Л. Г. Никодим Павлович Кондаков в зарубежной научной литературе	260
Чхаидзе В. Н. Фанагория: дома и планировка провинциального византийского города	296
Шульга П. И., Колтухов С. Г. Дмитрово-2. Предгорный курган с «коллективным» погребением раннего железного века	308
Юрочкин В. Ю., Емельянова Н. С. «Народный ученый» – Н. И. Репников и Херсонес	319
Яшаева Т. Ю., Голофаст Л. А., Денисова Е. А., Моисеев Д. А. Раннехристианский пещерный комплекс на юго-восточном некрополе Херсонеса	333
Сведения об авторах	363
Список сокращений	367

CONTENTS

Director's Word	4
“...All of Pontus Will Witness to My Devotion”. To Stanislav Grigoryevich Ryzhov's Anniversary	5
Bibliography of Scientific Works by S. Ryzhov. Compiled by T. Prokhorova, N. Rubanenko, E. Denisova	6
S. Ryzhov's Reports on Excavation, Restorations of Monuments of the Settlement and Coast Strengthening Works. Compiled by T. Prokhorova, E. Denisova.....	8
Gertsen A., Naumenko V. St. George's Church of Mangup Fortress. Common Results of Archeological Research in 2015–2016	12
Gippius A., Romanchuk A. Old Russian Pilgrim Graffiti from Chersonesos	45
Goryanova S. The Royal Basilica in Veliki Preslav and Some Ritual Artifacts	57
Grinenko L. Chersonesos: the Birth of the Museum. Ideas and Incarnations throughout the 19th Century	66
Doroshko V. Ceramic Complex of the Second Century from the Excavations of Ninth Block in Tauric Chersonesos	84
Zhilina N. The Secret of the Arches from Vshchizh: Purpose, Construction, Stylistics of Ornamentation.....	91
Krasnodubets E. About Two Finds from Excavations in the Block 9.....	105
Krleža P. Between the Two Congresses of Split: I and XIII International Congress of Christian Archaeology and Their Impact on the Development of Byzantine Studies in Croatia	110
Kutaisov V. About the Time of the Construction of the Ancient Theatre in Chersonesos	124
Lidov A. Archaeology and Hierotopy of the Byzantine Church: The “Rivers of Paradise” in Saint Sophia of Constantinople.....	130
Maiko V. Pentahedral ApSES of Christian Temples of the Crimea. To the Question of Origin and Evolution.....	142

Moiseiev D.	
Tegulaes from the Excavations of the Church on Bezymyannyi Cape: Analogy and Chronology	149
Monakhov S., Kuznetsova E., Limberis N., Marchenko I.	
Rare Amphora's Forms from the Prikubansky Necropolis	163
Ponomarev L.	
Christian Churches of the Kerch Peninsula 8th–10th Century and 14th–18th Century: Archaeological Realities	171
Prokhorova T.	
To the Question about Localization of Some Sacred Sites in Chersonesos and It's Area by the Travelers of the Late 18th – Early 19th Century	184
Romanchuk A.	
K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich: Biography and Some Aspects of His Activities	205
Romensky A.	
Korsun' Narrative of Primary Chronicle and Lives of Prince Vladimir in the Context of Topoarchaeological Realities of Byzantine Cherson: Current State of Debate	217
Stepanenko V.	
Once Again on the Mangup's Inscription of Tsit	231
Turova N.	
Medieval Temple Complex on Kilse-Burun (Ai-Petri Yaila) (According to the Results of Investigations in 2016)	234
Turovskiy E.	
Chersonesos in the Early Hellenistic Ages (Last Quarter of the 4th – First Third of the 3rd Centuries BC)	241
Tiurin M., Fedoseev N.	
The New Stamp on the Erythrian Amphora from the Maslianaya Gora Fort	248
Ushakov S.	
Early Byzantine Red-Slip Ware from the Excavations of "Kruze's" Basilica (Room I)	254
Khrushkova L. G.	
Nikodim Kondakov in Foreign Scientific Literature	260
Chkhaidze V.	
Phanagoria: Houses and Urban Layout of the Provincial Byzantine City	296
Shulga P., Koltukhov S.	
Dmitrovo-2. Foothill Barrow with "Collective" Burial of the Early Iron Age	308
Yurochkin V., Emelianova N.	
"Scientist from People" – N. I. Repnikov and Chersonesos	319
Yashaeva T., Golofast L., Denisova E., Moiseev D.	
Early Christian Cave Complex in South-Eastern Necropolis of Chersonesos	333
Contributors	363
Abbreviations	367

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА
Сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова

ARCHAEOLOGY OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL CITY
Essays presented in honor of Stanislav Ryzhov

Ответственные редакторы: *В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева*
Подготовка материалов к печати: *Е. А. Денисова*
Корректоры: *Е. А. Денисова, И. Б. Громова*
Верстка: *А. Н. Перминов*

Подписано в печать 26.10.2018. Формат 60x90/8. Гарнитура PragmaticaC,
Times New Roman. Печать офсетная. Бумага мелованная. Усл. п. л. 45. Тираж 300 экз.
Заказ № 18A0617

ООО «Издательский Дом «РОСТ-ДОАФК»
236004, Калининградская область, г. Калининград,
ул. Аллея Смелых, д. 31, литера «Л», оф. 208
www.rosdoafk.ru, т. 8 (4012) 33-69-22

ISBN 978-5-6040479-9-6

9 785604 047996